Г. СКОВОРОДА

СОЧИНЕНИЯ

Ф
Н

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

СОЧИНЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ

ТОМ 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
«МЫСЛЬ»
МОСКВА — 1973

1Ф
С44

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

Член-корреспондент АН УССР
В. И. ШИНКАРУК (председатель)
Доктор философских наук *В. Е. ЕВГРАФОВ*
Доктор философских наук *В. Е. ЕВДОКИМЕНКО*
Кандидат философских наук *И. В. ИВАНЬО*
Кандидат философских наук *И. А. ТАБАЧНИКОВ*

Составление, перевод и обработка
И. В. ИВАНЬО и *М. В. КАШУБЫ*

Вступительная статья
И. В. ИВАНЬО и *В. И. ШИНКАРУКА*

С $\frac{0151\text{-}073}{004(01)\text{-}73}$ П. И.

© Издательство «Мысль», 1973.

ФИЛОСОФСКОЕ НАСЛЕДИЕ ГРИГОРИЯ СКОВОРОДЫ

Григорий Сковорода — великий украинский философ-гуманист и просветитель, выдающийся поэт XVIII века, внесший огромный вклад в развитие философской мысли украинского и русского народов. Он олицетворяет в себе давнюю традицию философского мышления этих народов, ее единство с живой мудростью трудящихся масс, их надеждами и стремлениями. С высот современной исторической эпохи в жизни русского и украинского народов, когда они в единой братской семье народов Советского Союза прокладывают путь в коммунистическое будущее всего человечества, идейное и культурное наследие Сковороды приобрело новое освещение, в котором выразительнее, чем когда-либо раньше, выступают черты, соединяющие народную демократическую культуру прошлого с современными задачами революционного преобразования мира.

Григорий Саввич Сковорода родился 3 декабря 1722 года в селе Чернухи Лубенского полка на Полтавщине в семье малоземельного казака. Получив начальное образование в сельской школе в Чернухах, Сковорода поступил в Киево-Могилянскую академию. Прямых документов о времени обучения Сковороды нет. До недавних пор считалась единственно правильной хронологическая канва, опиравшаяся на исследования Н. И. Петрова [1]. Согласно его выводам, Сковорода поступил в академию в 1738 году, где обучался до 1750 года с перерывом в 1742—1744 го-

[1] См. *Н. И. Петров.* Первый малороссийский период жизни и научного философского развития Григория Саввича Сковороды.— «Труды Киевской духовной академии», 1902, т. 3; «Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Со введением и примечаниями Н. И. Петрова», т. 1. Киев, 1904.

дах (когда Сковорода пребывал в придворной капелле в Петербурге). Затем, в 1750—1753 годах, он находился в Венгрии, а после возвращения в 1753 году преподавал в Переяславской семинарии.

Л. Е. Махновец подверг критической проверке данные Н. Петрова, использовав также дополнительные архивные документы и новые публикации. В результате этого были уточнены даты жизни Сковороды с 1734 по 1755 год[1]. По данным Л. Махновца, Сковорода поступил в академию в 1734 году в возрасте 12 лет и первый раз учился там до декабря 1741 года, затем он отправился в Петербург. Возвратившись из придворной хоровой капеллы в 1744 году, Сковорода обучался в академии до августа 1745 года, когда вместе с миссией генерала Вишневского выехал в Венгрию, где находился до октября 1750 года[2]. По возвращении из-за границы Сковорода преподавал поэтику в Переяславской семинарии в 1750—1751 учебном году.

В 1751—1753 годах Сковорода вновь и в последний раз оказался в академии, обучаясь в классах богословия. Отсюда он как лучший студент был рекомендован митрополитом Т. Щербацким домашним учителем к одному из богатейших помещиков Переяславщины — С. Томаре. В имении Томары в селе Коврай Сковорода с перерывом в 1755 году находился до лета 1759 года. С 1759 года он работал в должности преподавателя Харьковского коллегиума, но из-за своего вольнодумства и недоброжелательства наставников коллегиума снова вынужден был оставить педагогическую деятельность. Последний раз Сковорода был приглашен на преподавательскую работу в 1768 году: он прочел курс лекций по этике в Дополнительных классах при Харьковском коллегиуме. Но поскольку просветительская концепция морали Сковороды не совпадала с официально-церковной, в 1769 году он был уволен с должности и лишен возможности заниматься педагогической деятельностью, для которой у него были и способности, и соответствующие знания. Григорий Сковорода все же нашел способ быть полезным своему на-

[1] См. *Л. Махновець.* Григорій Сковорода. Київ, 1972.

[2] См. Tardi Lajos A tokaji Orosz Borvásárló Bizottság története (1733—1798). Sárospabak, 1963, стр. 54; Várodi-Sternberg János. Kijevi diákok magyarországon, a XVIII. Utak és találkozások, Uzsharad, Kárpáti Könyvkiadó, 1971, стр. 43—56.

роду. Последние 25 лет своей жизни он странствовал по Украине, проповедуя среди народа свое философское учение. Как раз в 70—80-х годах Сковорода и создает основные философские диалоги, трактаты и притчи. Умер он 9 ноября 1794 года в селе Ивановка (ныне село Сковородиновка Золочевского района Харьковской области).

Нельзя ответить на вопрос, что представляет собой Сковорода как мыслитель и писатель, не осветив эпоху, в которую он жил и творил.

Жизнь и деятельность Сковороды протекают в XVIII веке и связаны с теми социально-экономическими и культурными процессами, которые характеризуют жизнь Восточной Украины и Российского государства этой поры. В середине XVIII века в России и на Украине, входившей в состав России, завершается развитие феодально-крепостнического хозяйственного уклада и интенсивно развиваются капиталистические отношения. Социально-экономическое развитие Украины XVIII века шло по пути возрастания товарно-денежных отношений, расширения внутренних и внешних рынков, что сопровождалось резким усилением эксплуатации крестьянства и малоземельного казачества, ухудшением материального положения городских ремесленников. На базе эксплуатации и постоянного закабаления трудящихся происходило дальнейшее обогащение светских и церковных феодалов, купцов, казацких старшин. Расцветало ростовщичество, в административных учреждениях — взяточничество и беззаконие. Законодательство стало выражением интересов новых господствующих классов, отстаивающих свои привилегии.

С середины XVIII века царизм особенно усиливает свою колонизаторскую политику социального и национального закабаления Украины. На Левобережной Украине Екатерина II в 1764 году заменила номинальную гетманскую власть так называемой Малороссийской коллегией, поставив во главе ее К. Разумовского. А через десять лет указом от 3 августа 1775 года Екатерина II ликвидировала Запорожскую Сечь, присоединив ее земли к Новороссийской губернии. Еще через несколько лет (в 1782 году) на Левобережье и Слободской Украине было окончательно введено крепостное право. Вместо традиционных полков были созданы наместничества — Киевское, Черниговское, Новгород-Северское, а позже Харьковское и Екатеринославское.

Во второй половине XVIII века особенно широкий размах приобретает антифеодальная борьба. В период формирования философских взглядов Сковороды, в 60-е годы, на Правобережной Украине достигло своей наивысшей силы гайдамацкое движение, явившееся выражением борьбы народа против феодально-крепостнического и национально-религиозного угнетения со стороны польской шляхты. Эхо гайдаматчины доносилось и до Левобережья, где жил Сковорода. В 1773—1774 годах произошло Пугачевское восстание, получившее отклик и на Украине. Все эти события совершались на глазах у Сковороды и оказали непосредственное влияние на формирование его идей. Отзвуки их отчетливо слышны в письмах Сковороды и сочинениях периода формирования его мировоззрения.

Обстоятельства жизни благоприятствовали студенту Киево-Могилянской академии в познании жизни. В течение двух лет он жил в Петербурге, где имел возможность ближе познакомиться с передовой русской культурой и вместе с тем познать растленные нравы царского двора, что явилось причиной ухода его из придворной капеллы.

Встретился Сковорода и с унижением со стороны переяславского помещика С. Томары, в имении которого работал учителем, и со стороны переяславского епископа-мракобеса Никодима Сребницкого во время преподавания в Переяславской семинарии. Но особенно колоритной фигурой, сполна представлявшей ненавистный Сковороде мир, был белгородский епископ П. Крайский, которому был подчинен Харьковский коллегиум. После смерти в 1768 году этого духовного пастыря, как свидетельствует посмертная опись его имущества, осталось «десять запометованных мешочков, находившихся в подголовке» золота и серебра, множество других ценностей и большое количество «питий и ядей разных» [1]. И в то же время он всячески оттягивал открытие дополнительных классов, ссылаясь на отсутствие средств. Не лучшим был и бывший одноклассник Сковороды по академии тщеславный карьерист епископ Самуил Миславский. Сковорода видел вокруг себя жестоких помещиков, проникнутых жаждой обогащения и стремлением к политическому господству.

---

[1] См. *А. С. Лебедев*. Белгородские архиереи и среда их архипастырской деятельности по архивным документам. Харьков, 1902, стр. 152—153.

Украинская старшина, противопоставляя себя рядовому казачеству, перестраивала свои имения, заводила новые наряды, ориентируясь на русских дворян. Не меньшее отвращение вызывали у Сковороды и «Федька-купец», который «при аршине все лжет», и ростовщик, который в процентах «загруз», и крючкотворец-юрист, который права и законы направляет «на свой тон», как ему заблагорассудится. Но особенно омерзительную картину представляла собой жизнь духовенства. Всякий раз убеждался Сковорода, что златожаждные, сластолюбивые и лицемерные пастыри часто превосходят в разврате и корыстолюбии свою паству. Жизнь этих общественных слоев, владеющих поместьями, должностями, политически и духовно угнетающих трудящихся, представляла собой мерзкий мир, принять который Сковорода не желал. Господствующая верхушка, успевшая утратить идеалы освободительной войны 1648—1654 гг., переживала процесс перерождения в новоиспеченных дворян. Если ее представители и сохраняли еще какую-то оппозиционность, то она была направлена прежде всего на завоевание для себя одинаковых прав с русским дворянством. В основном же это были тупые невежды, у которых высшие духовные интересы вытеснены жаждой обогащения, коллекционирования ценностей, произведений искусства и т. п. с целью политического самоутверждения. Имея в виду жизнь высших слоев украинского общества, И. Франко называет этот период периодом упадка, духовного кризиса.

Как мыслитель, осознавший свое отрицательное отношение к миру, погрязшему в корыстолюбии, Сковорода ставит перед собой вопрос о поисках способов борьбы с ним. Но в тех исторических условиях действительно не было реальных сил, которые могли бы установить справедливый государственный строй, воплощающий стремления народа и его моральный идеал. Осознание безысходности ситуации, наблюдения над разрастанием несправедливости и зла, упадком высоких духовных ценностей на фоне всеобщего обоготворения материальной наживы способствуют зарождению у Сковороды учения, в котором центр тяжести с критики политических отношений и борьбы за их коренное переустройство переносится в сферу морального просвещения.

Во времена Сковороды украинская культура уже имела значительные просветительские традиции, развитые

прогрессивными деятелями Киево-Могилянской академии, в которой учился и школу которой прошел выдающийся философ-просветитель. Но собственные взгляды Сковороды, его учение нельзя вывести из философских и просветительских идей его предшественников. Они явно отличаются как от классического буржуазного, так и от тогдашнего дворянского просветительства, имевших распространение в России и на Украине. Социальная почва для развития последнего на Украине была весьма скудной. Трансформация казацкой старшины в дворянство в то время еще не завершилась. Социально-экономической основой ее был, с одной стороны, процесс закрепощения до того времени свободных казацко-крестьянских масс, превращение казацких старшин в обычных крепостников, поглощенных борьбой за дворянские привилегии, а с другой стороны, — процесс первоначального капиталистического накопления, расслоение крестьянства, сосредоточение богатств в руках казацко-старшинской верхушки.

Своеобразие исторической ситуации на Левобережной Украине в то время состояло в том, что первоначальное капиталистическое накопление, интенсивно происходившее после освобождения от польско-шляхетского крепостнического гнета, вскоре вновь наткнулось на введение крепостного права, создавая вместе с тем экономические условия для превращения разбогатевшей казацко-старшинской верхушки в крепостников. В сознании трудящихся, казацко-крестьянских низов, оба этих процесса — и первоначальное накопление с порожденной им властью богатства, и дальнейшее закрепощение — воспринимались как всеобщее бедствие, как приход тяжелых времен в противовес славному прошлому. На Правобережье, на захваченных королевской Польшей землях, где крепостнический гнет дополнялся невыносимым национальным угнетением и где традиции освободительной борьбы были сильнее, это общее ухудшение условий жизни трудящихся вызвало гайдамацкое движение, колиивщину. На Левобережье, где с помощью царизма установила свое господство казацко-старшинская верхушка, социальный протест приобрел пока что пассивные формы, в основном в виде морального осуждения стяжательства, погони за богатством и привилегиями.

По классовой направленности своих взглядов Сковорода — крестьянский просветитель. В отличие от буржуаз-

ных просветителей он решительно осуждает не только феодальные оковы, но и социальный гнет буржуазных отношений. Ему органически чуждо воспевание собственнического интереса как движущей силы человеческих поступков, свойственное буржуазным просветителям, сведение человеческой «природы» к своекорыстию, к собственническим мотивам поведения. Сковорода восстает против социального отчуждения человека, и прежде всего против власти вещей, богатства, накопительства. Он выступает в защиту свободного влечения человека к соответствующему его склонностям «сродному» труду. Все, что разрушает эту жизнь, Сковорода воспринимает как враждебный, несообразный человеку и его истинной природе мир. В понятии этого враждебного мира он обобщает и феодально-крепостнические, и буржуазно-собственнические отношения, но в первую очередь последние. Мир, в котором господствуют буржуазно-собственнические отношения,— это мир морального растления, власти вещей, корыстолюбия, алчности, разврата, духовной опустошенности.

Григорий Сковорода, родившийся и воспитанный в трудовой казацко-крестьянской семье на Полтавщине и всегда тяготевший к этой социальной среде, о чем свидетельствует и его жизненный путь, и его социальное кредо («а мой жребий с голяками»), противоречиво отразил в своем творчестве протест крестьянских низов против социальных порождений первоначального капиталистического накопления и все возраставшего феодально-крепостнического гнета.

В сознании народа образ Сковороды связан с обычным для того времени портретом странствующего дьяка-философа, но презрение к сильным мира сего, протест против несправедливости и зла, осуждение богатства и наживы, духовная независимость создали Сковороде в народе славу великого философа. Его песни уже в XVIII веке вошли в репертуар кобзарей, где бытовали до начала XX века. Народным певцам был близок образ жизни и деятельности Сковороды. Ф. Лубяновский, встречавший Сковороду в последние годы, пишет: «Страсть его была жить в крестьянском кругу; любил он переходить из слободы в слободу, из села в село, из хутора в хутор; везде и всеми был встречаем и провожаем до обаченья с любовию, у всех был он свой... Хозяин дома, куда он входил,

прежде всего всматривался, не нужно ли было что-либо поправить, прочистить, переменить в его одеянии и обуви: все то немедленно и делалось. Жители тех особенно слобод и хуторов, где он чаще и долее оставался, любили его как родного. Он отдавал им все, что имел: не золото и серебро, а добрые советы, увещевания, наставления, дружеские попреки за несогласия, неправду, нетрезвость, недобросовестность...» [1]

Сковорода был желанным гостем у простых людей, у которых находил приют, еду и доброжелательное отношение. Скитания по Украине давали ему богатейший материал для критики социальной несправедливости. В его учении заметно отразились противоречия крестьянского движения того времени, переживания и настроения трудового народа, моральная чистота его идеалов и устремлений. Сковорода резко осуждал погоню за наживой, чинами, богатством, он осуждал эпоху, принесшую с собой оскудение духа, упадок высоких моральных ценностей.

У современников и потомков вызывала удивление и изумление необычность судьбы Сковороды на фоне социальной жизни Украины XVIII века. Бескомпромиссность в отстаивании своих идей, независимое жизненное поведение, вольнолюбивый казацкий нрав сочетались в нем с беспечным отношением к материальным ценностям, к богатству.

Поражает многосторонняя одаренность Григория Сковороды: глубокий ум, феноменальная память, поэтические способности, исключительный музыкальный слух и голос, развитые благодаря полученному образованию. Он пишет стихи и сочиняет музыку, искусно играет на нескольких музыкальных инструментах, проявляет способность к рисованию. Он выступает как оригинальный поэт и прозаик. И главное, создает свои философские произведения: четырнадцать диалогов, пять трактатов, переводы произведений Цицерона, Плутарха и др. Наследие Сковороды является огромным вкладом в сокровищницу не только украинской и русской, но и всемирной культуры.

Сковорода принадлежит к когорте мыслителей, образ жизни которых во многом гармонирует с их учением. Очевидно, именно эта черта Сковороды так нравилась

[1] *Ф. П. Лубяновский.* Воспоминания, т. I. Киев, 1872, стр. 106—107.

Льву Толстому, страдавшему из-за явной дисгармонии между собственным учением и бессилием порвать с жизнью, не соответствовавшей его идеалам.

В течение всей жизни Сковорода последовательно избегал всего, что могло бы поработить его дух, волю к постоянному самосовершенствованию. Он просил написать на его могиле: «Мир ловил меня, но не поймал». Григорий Сковорода не пожелал перейти на сторону господствующих классов, он остался с народом, к которому принадлежал по рождению, стремления которого выражал. Избрав свой жребий, он никогда не проявлял желания жить лучше, а воспитывал в себе стремление быть лучше, неприхотливость в удовлетворении материальных потребностей. Он жил стремлением к духовному самосовершенствованию, достижению вершин человеческого духа, доступных воспетому им «истинному человеку». Биография Сковороды — увлекательнейшая страница борьбы с авторитетами, пример мужественного служения народу. Его имя напоминает о бессмертных образах народных правдолюбцев.

В мировоззрении и творческой деятельности Сковороды следует выделить два периода: литературный (50—60-е годы) и собственно философский (70—80-е годы).

Остановимся вкратце на характеристике идейного содержания его художественного наследия. Оно объединяет около пятидесяти песен и стихотворений. Тридцать из них Сковорода включил в сборник под названием «Сад божественных песен». При этом ряд песен сопровождается философскими комментариями. Часть песен, сохранившаяся отдельно от названного сборника, написана на латинском языке. Кроме того, около тридцати латинских стихотворений, песен, эпиграмм содержится в письмах Сковороды к М. Ковалинскому.

Как писатель-прозаик Сковорода создал цикл басен, объединенных под общим названием «Басни Харьковские». Значительный литературный интерес представляют собой латинская эпистолярия и переводы античных мыслителей.

Уже в поэтическом творчестве обнаруживается тяга Сковороды к философской проблематике: он выступает как поэт, который идейно-эмоциональную оценку изображаемых явлений сопровождает морально-этической. В значительной части этих стихов-песен философские

размышления получают эмоционально-образное воплощение. Эстетически-художественное содержание неотделимо в них от философского и наоборот. Стихотворения свидетельствуют об огромном поэтическом таланте Сковороды.

Тематика и образы его песен, псалмов и эпиграмм связаны с традициями XVII—XVIII веков, но вместе с тем в них звучат новые, неизвестные раньше поэтические тенденции и мотивы.

Одной из наиболее важных тем поэзии Сковороды является тема свободы, звучащая прежде всего в песне «De libertate», посвященной Богдану Хмельницкому. Песня представляет значительный интерес как для историка литературы, так и для историка философской мысли.

Критика зла соединяется в его стихотворениях с антиурбанистическими мотивами, четко звучащими в ряде песен. Слова одной из них: «Не войду в город богатый — я буду на полях жить» — не поэтическая фигура, а действительный мотив, отразившийся в ряде стихов. Обо всем, что вносит город в жизнь человека, поэт пишет с неприязнью. С городом он связывает «печаль духа», постоянное беспокойство сердца, неугасимую жажду «ездить за море», стремление к богатству, тщеславие и властолюбие.

Жизни городов с их неусыпностью, кипением страстей и желаний он противопоставляет поэзию тихих полей, зеленых рощ, настроение беспечного путешественника, удовлетворенного собой и довольного тем, что у него есть. В противовес морали, основанной на богатстве, золоте и власти, Сковорода прославляет человека «малых желаний» и ограниченных материальных потребностей. Этим пафосом проникнута глубоко лирическая, близкая к фольклорным мотивам песня «Ой ты, птичко, желтобоко». В песне Сковорода провозглашает свой жизненный идеал: призыв к птичке — «не клади гнезда высоко» — это призыв Сковороды не искать счастья в богатстве и чинах. Идеал поэта не явор, стоящий на горе, которому «буйные ветры ломают руки», а верба, низко шумящая над водой. Связь этих песен с народно-песенной традицией содействовала тому, что они вскоре после смерти автора вошли в песенники наряду с народными.

Вершиной поэтического творчества Сковороды является знаменитая 10-я песня «Всякому городу нрав и права». Нигде у него не найти более точных и конкретных

образов и картин живой действительности, более острой постановки животрепещущих вопросов современной ему жизни. Сатирический пафос ее направлен против социальных порядков второй половины XVIII века.

Тот непрестанно стягает грунта,
Сей иностранны заводит скота.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак... [1]

Как ни конкретно звучат эти строки, за ними все же нетрудно заметить осуждение всеобщей материальной устремленности украинского панства, пренебрегшего высокими духовными порывами и поправшего истинные человеческие идеалы. В этом произведении можно легко узнать современников Сковороды из разных слоев общества.

Осуждение эксплуататорского общества, так сильно прозвучавшее в песне, соответствовало настроениям и чувствам народных масс. В этом следует искать одну из главных причин того, что песня была подхвачена народом. Близкая широким кругам читателей своим содержанием и формой, эта песня, синтезировавшая книжные и фольклорные художественные традиции, породила многочисленные подражания различного характера. Уже в 50—60-е годы в стихах и песнях Сковороды находят эстетическое выражение те морально-этические идеалы, которые впоследствии озарили не только его жизнь, но и всю его последующую деятельность. Свободная жизнь в согласии с природой — основная тема поэтических размышлений Сковороды, она связывает его песни с будущими философскими исканиями. Сковорода подчеркивает, что утрата воли, погоня за золотом и богатством не приносят счастья, а, наоборот, являются причиной подлинного несчастья.

Лирическим пафосом проникнуты произведения, в которых поэт воспевает так называемые вечные темы: жизнь и смерть, счастье и судьбу. Эти темы, как известно, составляют основу народных песен и дум. Идея разумной жизни и моральной чистоты определяет мотивы очень многих произведений Сковороды. Представление об «истинной жизни» связывается поэтом с «чистой совестью».

[1] Стр. 57 наст. изд., т. 1.

«Чистая совесть», «чистое сердце» — идеал для человека типа Сковороды: человек с чистой совестью не знает страха смерти. По мнению поэта, ценность человеческой жизни подобно песне измеряется не долготой, а честностью. Ибо ведь «лучше час честно жить, чем скверно целый день». Счастье у Сковороды не связано со своекорыстными страстями, волновавшими современных ему панов; капиталы, земли, дома, состояния, честолюбие — все это не имело для него ни смысла, ни цели.

Определенное звено между поэзией и повествовательной прозой составляют философские оды и сюжетные фабулы — басни, написанные частично на античные сюжеты, например басня о Фалесе и старухе, о Тантале, «Разговор о премудрости».

В некоторых латинских стихотворениях, написанных в 50—60-е годы, Сковорода делает попытку развить идею «двух натур», которую он впоследствии развернул в философских диалогах 70-х годов. Таковы стихотворения «О призрачном удовольствии» («De umbratica voluptate») и «О святой вечере, или вечности» («De sacra caena seu aeternitate»).

В своих стихотворениях Сковорода развил и обогатил традиционные поэтические мотивы XVII — XVIII веков, усилив в них благодаря привнесению индивидуально-личностного начала лирическую струю. Некоторые мотивы, выраженные им, как бы предваряют настроения поэтов-романтиков, что дает повод исследователям видеть в Сковороде-поэте одного из представителей предромантизма.

Велики заслуги Сковороды и в развитии украинской художественной прозы. Он создал сборник «Басни Харьковские», состоящий из тридцати произведений, в которых, с одной стороны, продолжает традиционную тематику своих предшественников, с другой — выступает как новатор, расширяющий идейно-тематические горизонты данного жанра и выводящий его на путь самостоятельного развития.

В баснях Сковороды восхваляются дружба, любовь, разум и другие положительные человеческие черты. Сковорода показывает, что настоящая ценность человека определяется не одеждой, не внешней красотой, богатством, происхождением, титулами, чинами, должностями, то есть не внешними, а внутренними качествами. Эти ка-

чества — разум, знание, трудолюбие, честность, справедливость, проявляющиеся в делах человека.

Идейное содержание «Басен Харьковских» определяется постановкой актуальных социально-этических проблем и решением их с позиций гуманизма. Здесь Сковорода излагает основные философские положения еще до того, как они нашли обоснование в философских диалогах и трактатах. В частности, тематика басен во многом предваряет диалоги о душевном спокойствии и счастье. Остановимся на тематике лишь тех басен, содержание которых непосредственно связано с философской проблематикой. Прежде всего, в ряде басен Сковорода стремится ответить на вопрос: в чем состоит истинная сущность человека?

Знаменательно, что именно в баснях впервые громко прозвучала тема «сродного труда» — труда, основанного на познании человеком своих природных склонностей и способностей и развитии их с целью достижения в труде общественной пользы и личного счастья каждым человеком. Сковорода высоко ценит стремление человека к «сродному труду». Только такой труд, по его мнению, способствует достижению единства частных интересов отдельного человека с интересами общества. Соответственно «несродный труд» является источником несправедливости и угнетения сильными слабых. Сковорода резко критикует стремление господствующих классов к получению прибыльных мест, чинов, вскрывает несоответствие господствующих порядков «закону сродности». Господство «несродного труда» и является, согласно Сковороде, одним из источников страдания и несчастья людей. Баснописец-философ убедительно показывает, что труд приносит наслаждение человеку не только своими результатами, но и самим процессом. В этом отношении он ставит вопрос о труде как источнике земного счастья человека, его «духовного веселья». «Должность наша есть источник увеселения»,— пишет Сковорода. Эти идеи составляют лейтмотив всего сборника басен, и в особенности таких, как «Оселка и нож», «Колеса часовые», «Жаворонки», «Собака и Кобыла». Много внимания уделяет Сковорода характеристике деятельности, значению обучения, практики, опыта, привычки для реализации природных наклонностей.

Наконец, концепция «сродного труда», переосмысленная с точки зрения критики стремления господствующих классов к богатству, роскоши и паразитической жизни, в баснях выражается в утверждении принципа «равного неравенства» («Муравей и Свинья», «Крот и Линкс»). Суть этого принципа состоит в признании законными и естественными только тех потребностей и стремлений, которые соответствуют природному различию людей, а не социальному.

Наибольший интерес представляют басни, в которых обличаются социальное зло и моральные пороки современников. Баснописец разоблачает тлетворность, таящуюся в честолюбии, «сластолюбии» и стремлении к богатству, раскрывает бессмысленность и ненадежность богатства, напоминает, что «самые беднейшие рабы рождаются из предков, жительствовавших в луже великих доходов» и что «многое множество богачей всякий день преобразуется в нищих» [1]. Особенно интересна с этой точки зрения басня «Жабы». Она показывает, что стремление к богатству связано с опасностями и тяготами, не приносящими счастья, приводящими к утрате человеком внутренней свободы. Среди басен Сковороды есть несколько ярко сатирических, направленных против ненасытности обжорливого панства, его погони за славой и чинами. Наиболее выразительно эта критика звучит в басне «Оленица и Кабан». Здесь, продолжая мысль о том, что достоинство человека определяется не внешними, а внутренними качествами, Сковорода высказывает свое отрицательное отношение к стремлениям казацко-старшинской верхушки. Он утверждает, что не родом, не титулами, не чинами и не поместьями определяется достоинство человека, а его делами.

Таким образом, идейно-эстетическое содержание «Басен Харьковских» позволяет охарактеризовать не только эстетическую, но и философско-этическую позицию Сковороды, его гуманистическую концепцию. Имея огромное самостоятельное художественное значение, басни вместе с тем являются важным этапом на пути философского развития мыслителя. Своим идейным содержанием, постановкой и решением философско-этических проблем они органически примыкают к его философскому творчеству.

[1] Стр. 88 наст. изд., т. 1.

В особенности это заметно во второй половине Харьковского цикла, где эмоционально-эстетические задачи явно уступают место рационально-логическому осмыслению, вследствие чего возрастает «мораль» («сила»), часто в несколько раз превышающая сюжетную фабулу басни.

Сам факт создания первого на Украине сборника басен, утверждения самостоятельности этого жанра является знаменательным явлением. Этот факт отражал новые тенденции в развитии эстетического сознания, новые потребности в развитии литературных жанров как способа дальнейшего эстетического освоения действительности.

Как ни значительно литературное творчество Сковороды, но в историю отечественной культуры он вошел прежде всего как выдающийся мыслитель, завершивший длительный исторический период в развитии профессиональной философии на Украине. Эта философия развивалась не на голом месте, а была результатом творческого использования достижений мировой философской мысли.

Сковорода глубоко изучал произведения близких ему философов, брал на вооружение те или другие философские и морально-этические идеи, превращая их в исходные пункты разработки собственного учения. Поэтому не удивительно, что идеи, вокруг которых сосредоточены его поиски, встречаются в произведениях философов античности, средневековья, Возрождения и его предшественников из Киево-Могилянской академии.

В произведениях Сковороды мы находим ссылки на изречения многих греческих и римских философов. Чаще всего Сковорода апеллирует к высказываниям по морально-этическим вопросам представителей таких философских школ, как пифагорейцы, киники, киренаики, стоики, скептики. В решении морально-этических проблем для него авторитетами выступают Пифагор, Диоген, Сократ, Эпикур, Плутарх, Сенека. При разработке гносеологических основ своего морально-этического учения Сковорода часто обращался к Аристотелю и Платону.

Исключительные познания Сковороды в области античной философии и критическое использование ее положений при создании собственного учения свидетельствуют, что это учение возникло не в стороне от развития мировой истории философии. Из позднейших философских сочинений Сковорода, очевидно, хорошо знал «Ареопагитики». У нас нет прямых доказательств знакомства

Сковороды с произведениями Джордано Бруно, Николая Кузанского, но связь учения мыслителя с основными идеями этих философов достаточно очевидна. Сказанное в определенной мере касается и связи взглядов Сковороды с пантеизмом Спинозы, идеями Хр. Вольфа и некоторых других философов, изучение которых входило в философский курс академии. На формирование пантеистических представлений Сковороды оказала влияние многовековая борьба между опошленным теологами и схоластизированным аристотелизмом и платонизмом. Причем платонизм у Сковороды нередко сочетался с пантеизмом. Известно, что, с тех пор как фальсифицированный Аристотель был превращен в знамя христианской ортодоксии, оппозиционные учения все чаще обращались к неоплатонизму. Это нашло отражение и во взглядах Сковороды.

Когда в историко-философской литературе идет речь о «символическом мире» и его месте в системе взглядов Сковороды, обычно пишут только о Библии, поскольку о ней чаще всего напоминает сам философ. Но произведения его показывают, что в этом «символическом мире» он отводит значительное место и «библии» языческой — мифологии.

Мифология так же интересует Сковороду, как способ распознавания человеком внутреннего закона, господствующего над каждым бытием. Это уравнение Библии с мифологией, рассмотрение их как своеобразных притч, обобщающих накопленный человечеством познавательный и моральный опыт, — весьма характерная черта мировосприятия и миропонимания Сковороды.

Мировоззрение мыслителя тесно связано с народной мудростью. В частности, поговорки, пословицы, песенные и сказочные мотивы оказали большое влияние на его формирование. Тот факт, что Сковорода почти в каждом из своих произведений ссылается на мудрость украинских, русских, латинских пословиц, свидетельствует не только о его хорошем знании фольклора, но и о том, что свое философское учение он стремится укрепить «здравым смыслом» народа, его громаднейшим духовно-практическим опытом.

Говоря о формировании мировоззрения Сковороды, необходимо сказать и о естествознании как одном из его теоретических источников. Как раз в этом вопросе еще

сохранилось немало спорных, недостаточно аргументированных и даже ошибочных утверждений. Философ, прошедший курс наук в Киево-Могилянской академии, имел возможность усвоить все основные научные идеи, преподававшиеся в лекционных курсах. Кроме этого Сковорода самостоятельно продолжал свое образование. Именно последнее позволило ему занять совершенно четкую позицию в отношении учения Н. Коперника, ясно увидеть огромнейшие успехи человечества в науке и технике, в познании Вселенной. В трактате «Икона Алкивиадская» Сковорода, опровергая библейскую легенду о сотворении мира, присоединяется к мнению современной ему науки о множестве миров. Он замечает при этом, что «каждого мира машина имеет свое, с плывущими в нем планетами небо» [1]. В его произведениях находим мы немало подтверждений признания и восхищения успехами науки и техники.

Мировоззрение и содержание философии Сковороды имеет тесную связь с традициями украинской и русской культуры и философии XVII — первой половины XVIII века. Прежде всего, нельзя не обратить внимания на созвучие основных морально-этических идей Сковороды с идейным содержанием украинской литературы предшествующего периода. Это такие идеи, как самопознание, призыв к добродетели, осуждение порочности материальных стремлений и тленной роскоши жизни, проповедь полуаскетического идеала, составлявших лейтмотив виршевой поэзии, церковных проповедей и философско-богословских трактатов таких деятелей, как К. Транквиллион-Ставровецкий, П. Могила, И. Гизель, С. Полоцкий, И. Галятовский, А. Радивиловский. Кроме собственно идейного содержания Сковороду привлекали общие тенденции в их стиле. Этико-гуманистическая традиция, наиболее крупным представителем которой и является Г. Сковорода, сложилась постепенно на стыке творческого взаимодействия художественной литературы и философского знания. Помимо названных здесь следует упомянуть воспитанника Киево-Могилянской академии Д. Туптало (Ростовского), некоторые идеи которого предваряют учение Сковороды.

---

[1] Стр. 19 наст. изд., т. 2.

В своих симпатиях Сковорода отдает предпочтение традициям второй половины XVII века. В XVIII веке философская мысль в академии развивается под заметным влиянием идей, выдвинутых Ф. Прокоповичем. Политическое учение Ф. Прокоповича, направленное на укрепление самодержавной власти, было неприемлемым для Сковороды, тогда как в области этики он во многом опирается на взгляды Прокоповича. Однако есть основания утверждать, что здесь он значительно больше обязан своим современникам и учителям — В. Лащевскому, Г. Конисскому и М. Козачинскому. Свое отношение к Прокоповичу и Лащевскому Сковорода высказывает, используя мотивы их литературных произведений. Этические идеи Конисского и Козачинского, очевидно, оказали, непосредственное влияние на формирование концепции Сковороды. Эта близость обнаруживается в двух очень существенных моментах, а именно: в положительном отношении к этическому учению Эпикура и в утверждении возможности достичь счастливой жизни на земле. Но известно, что этика как философская дисциплина не занимала существенного места в преподавании в академии, и перенесение центра внимания на разработку морально-этической проблематики следует отнести к инициативе Сковороды, философия которого отражает стремление отыскать путь к счастью для социально угнетенных слоев трудящихся.

В своем философском развитии Сковорода проходит определенную эволюцию, связанную как с внутренними психологическими причинами, так и с преодолением трудностей теоретического характера. От морализаторских идей он движется в направлении обоснования цельного этического учения, в центре которого находятся идеи счастья и единства человека и природы. Параллельно с этим он ищет онтологическое и гносеологическое обоснование своего философско-этического учения. Философской основой его учения является концепция «двух натур», которая развивается им в диалогах 70-х годов и находит точную и четкую формулировку в трактате «Икона Алкивиадская». Поскольку, по убеждению Сковороды, все философские проблемы наиболее ярко проявляются в человеке, то на его примере он и решает их, считая, что самопознание дает ключ ко всем онтологическим, гносеологическим и морально-этическим задачам. Все существующее, по мнению мыслителя, обладает двумя «натура-

ми»: видимой, доступной ощущениям, и невидимой, внутренней, доступной интеллектуальному созерцанию. Сковорода уделяет много внимания характеристике «видимой натуры», или материи, ее разнообразнейших проявлений и свойств, но постоянство и определенность последних обусловливаются у него «натурой» невидимой. Это означает, что материи (внешней «натуре») противостоит форма («натура» невидимая). Подобная мысль в известной мере выражена, например, у Спинозы в положении о «натуре творящей» и «натуре сотворенной».

Форма, или идея, согласно Сковороде, не предшествует материи во времени, но, являясь первоосновой материи, она определяет ее развитие: рождение, становление, расцвет, отмирание, переход из одного состояния в другое. Вечная по своей сущности духовная форма обусловливает вечность и неуничтожимость материи. Это положение о вечности материи во времени (materia aeterna) занимает важное место в философской концепции Сковороды, так же как и утверждение о беспредельности ее в пространстве. Философ четко проводит мысль о том, что «одной вещи гибель рождает тварь другую», что «всемирный мир сей» вечный, что «мир в мире есть то вечность в тлени, жизнь в смерти, восстание во сне, свет во тьме, во лжи истина, в плаче радость, в отчаянии надежда» [1]. То же он говорит и о беспредельности мира в пространстве: «Если ж мне скажешь, что внешний мир сей в каких-то местах и временах кончится, имея положенный себе предел, и я скажу, что кончится, сиречь начинается», ибо «одного места граница есть она же и дверь, открывающая поле новых пространностей, и тогда же зачинается цыпленок, когда портится яйцо» [2].

Не раз возвращаясь к обоснованию идеи двух натур, Сковорода наиболее четко и однозначно формулирует ее в своем последнем произведении «Потоп Змиин», указывая при этом, с какими именно положениями философской мысли прошлого он ее связывает. Учение о двух натурах восходит к античной философии, где оно выражалось в понятиях «материя» и «форма», в частности у Платона и Аристотеля. Сковорода пишет: «Все три мира состоят из двух едино составляющих естеств, называемых

[1] Стр. 16 наст. изд., т. 2.
[2] Стр. 16—17 наст. изд., т. 2.

материя и форма. Сии формы у Платона называются *идеи,* сиречь *видения, виды, образы.* Они суть первородные миры нерукотворенные, тайные веревки, переходящую сень, или материю, содержащие» [1]. «Видимая натура называется тварь, а невидимая — бог» [2]. Бог, по утверждению Сковороды, и является тем началом, которое составляет первооснову всего существующего, его внутреннюю необходимость, закономерную причину, постоянство и определенность природы вещей.

Такое понимание бога приводит Сковороду на позиции пантеистического объяснения природы. Бог как начало и первооснова сущего («высшая всех причин причина и резон») олицетворяет единство всех возможных миров. И поэтому Сковорода категорически отрицает мысль как о возможности каких-то двух или больше «начал» мира, двух богов, так и мысль о признании богом самой материи.

«Бог», «начало», «истина» составляют внутреннюю пружину развертывания мира в разнообразную картину развития живого и неживого. Поэтому очень часто Сковорода называет бога истинной натурой, являющейся носителем существенных характеристик того или иного явления. Это означает, что философ снимает вопрос о боге как о каком-то сверхъестественном существе, руководящем миром на основе безграничного своеволия. Принципиальным свойством бога как субстанции и субстрата природы является соответствие законам развития, проявляющимся в определенности развития материи. Отсюда Сковорода приходит к полному отрицанию чудес, играющих, как известно, важную роль в христианском учении. Этим самым Сковорода поставил себя в оппозицию по отношению к церкви. Он подверг критике религиозную ортодоксию, что вызвало враждебное отношение к нему церковников. Сковорода осознавал свое положение, понимали это и церковники, враждебно относившиеся к нему. С указанных выше позиций Сковорода подходил и к вопросу о возникновении мира, выразив при этом категорическое неприятие библейской легенды о сотворении мира богом в течение шести дней. Философ утверждал, что разговор о сотворении мира не имеет отношения к Вселенной,

[1] Стр. 151 наст. изд., т. 2.
[2] Стр. 113. наст. изд., т. 1.

а касается источников прозрения духовного начала в вещах.

Вопрос о боге как начале является одним из основных пунктов философствования Сковороды. Если «вся тварь родится и исчезает», значит «нечто прежде нее было и после нее остается»; начало же есть то, что «прежде себя ничего не имело», ибо оно вечно и «все в неограниченных своих недрах вмещает» [1]. Именно начало определяет развитие конечных вещей, которые рождаются и исчезают. В тварях, то есть в материи, находится вечное начало, детерминируя их развитие, внося в них порядок и закономерность перехода из одного состояния в другое. В понимании этих взаимопереходов вещей в свою противоположность у Сковороды мы можем заметить наличие элементов диалектического мышления, во всяком случае в истолковании процесса отмирания старого и рождения нового в живой природе. Это вечное «начало», по выражению Сковороды, «почти чувствуется», но оно неуловимо и не всем понятно, так как, присутствуя во всем, не является ни частью, ни целым, не имеет меры, временно́й и пространственной характеристики. Все это и усложняет познание начала, и в первую очередь его проявления в той части творимой материи, которая сама обладает способностью разума.

Философская позиция Сковороды в вопросе о взаимодействии невидимой и видимой «натур» характеризуется противоречием, неизбежным для представителя идеалистического пантеизма. Мыслитель употребляет понятия «сопряженность», «сопричастность», прибегает к образно-аналогическим объяснениям типа «дерево и тень», «рисунок и краски», но во всех этих случаях не в состоянии окончательно и до конца решить вопрос о вечности существования и субстанциальности материи. Противоречивость Сковороды в данном вопросе заключается в том, что и невидимая натура у него не во всем первична или первична не во времени, а только по значению. Только она в своем существовании определяется сама собой, видимая же «натура» в своем существовании не определяется сама собой, а «натурой» невидимой как тень последней. Бог и материя существуют наряду. Однако невидимая натура всегда первична в гносеологическом, этическом и

[1] Стр. 14 наст. изд., т. 2.

эстетическом отношениях. Противопоставление двух натур у Сковороды в этическом аспекте своеобразно: невидимая натура — благая натура, и познание ее является источником добродетели, в видимой же «натуре» философ усматривает источник зла и несчастий. В этом плане можно говорить об элементах дуализма Сковороды.

Философия Сковороды отражает историческую тенденцию перехода от объективного идеализма к материалистическому пантеизму и к независимой от религии философии.

В историко-философской литературе были попытки доказать, что и в вопросе толкования субстанции Сковорода противоречив и стоит на позиции дуализма. Такой взгляд не опирается на внимательный анализ произведений философа: Сковорода не рассматривает субстанцию как что-то материальное даже и в тех случаях, когда говорит об определенности в развитии материи. И здесь субстратом развития является идеальная основа. Сковорода считает субстанцией бога, идеальное начало, атрибутами которого являются вечность и невидимость, а признание того, что это начало проявляется в видимых вещах, ничего не меняет. При этом данная субстанция является основой как неживых вещей, так и человека и даже символического мира Библии, поскольку все вещи характеризуются единством этих двух сторон — материальной и идеальной.

Исходя из пантеистического понимания мира и бога как безначального начала, находящегося не вне природы, а «сопряженного» с ней и составляющего ее основу, Сковорода склоняется к телеологическому взгляду на живую природу. В его представлении мир, природа, человек вследствие внутренних законов детерминированы в своем развитии и целенаправлены, поскольку любое развитие является осуществлением содержащейся в вещи цели. Целесообразность живых организмов, животного и растительного миров является для Сковороды доказательством того, что во всем существующем заложены определенные возможности саморазвития, ограниченные «блаженной» натурой, или богом. И поэтому он не исключает человека, человеческую самодеятельность, творчество, направленные на преобразование природы, из общего детерминированного процесса «природного» развития. Он исходит из того, что задачи и цели, которые сознательно ставят перед

собой разумные существа — люди, также не зависят от самих людей, а от рождения определены их физической и духовной природой. Далекий от понимания социальной обусловленности человеческих целей и потребностей, Сковорода не может понять и того, что осуществление их определяется объективной исторической закономерностью. Физическое бытие, историческая действительность, материальная жизнь общества интересуют его лишь постольку, поскольку они являются формой существования невидимой «натуры» — этой самодвижущейся причины всего сущего.

В философии Сковороды получила обоснование идея «трех миров». Поскольку наиболее четко эта идея развернута в диалоге «Потоп Змиин», обратимся к этому произведению. Первый и главнейший мир у Сковороды — макрокосм. Это «всеобщий и мир обительный, где все рожденное обитает», он «составлен из бесчисленных мир-миров и есть великий мир». Макрокосму как всеобщему миру Сковорода противопоставляет два частных мира — микрокосм, или малый мир (человек), и символический мир (Библия).

Подчеркивая, что в макрокосме пребывает все рожденное, Сковорода имеет в виду то, что сам макрокосм является не рожденным, а вечным и безграничным. Он утверждает, что лишь в неразумной голове могла родиться мысль о том, будто великого «обительного» мира когда-то не было и что он якобы сотворен богом и, следовательно, конечен. Веру в это он называет бессмыслицей. Понятие «макрокосм» Сковорода полностью связывает с космологическими представлениями, и прежде всего с системой Коперника и признанием существования множества миров, вечных во времени и беспредельных в пространстве. Цель познания он видит не в описании и объяснении многообразия внешних проявлений жизни, а в постижении тайных пружин развития Вселенной, в постижении под покровом внешних образов и доступных наблюдению явлений сущности внутреннего смысла вещей как источника их количественной и качественной определенности, в частности закономерностей их становления и развития, меры, ритма, симметрии, пропорции и т. п. Отсюда его постоянный интерес к системе Н. Коперника, в которой он видит подтверждение мудрости и совершенства строения природы, познание которой необходимо для человека.

Своеобразие исходных принципов философии Сковороды обусловило и особенности его концепции познания. Познание физического мира не является для философа неразрешимой проблемой. Он стоит на точке зрения безусловного признания познаваемости мира, констатирует величественные и бесспорные успехи наук, отрицает агностицизм, верит в беспредельные возможности человеческого разума в познании истины. Из признания мудрости невидимой натуры вытекает, как было показано выше, отношение философа к чудесам и критика суеверий, возникающих на почве ложных знаний. Знание материи, по его мнению, есть необходимая ступень познания внутренней формы, сущности. Это чувственное познание плоти, внешнего является основой, опираясь на которую человек познает невидимое, главное.

Признавая результаты этой первой ступени познания совершенно достоверными, Сковорода не считает их достаточными. Он не раз обращается к осмыслению законов физики, математики, но не ради познания тайн физического мира. В законах Вселенной, например, в воспроизведенном Н. Коперником строении Солнечной системы он прежде всего видит присутствие мудрости невидимой натуры. Познание этой мудрости должно помочь человеку проникнуться верой в наличие такой же мудрой руководительницы и в нем самом. Познание тайных пружин Вселенной, разгадывание их под покровом различных образов, видов, видений должно убедить человека в том, что материальное существование не исчерпывает его бытия, что им движет духовная форма. Познание этой формы, а не материи, то есть не внешних проявлений физического разнообразия бытия, а внутреннего смысла, должно быть предметом истинного познания. То, что необходимо существует как универсальная основа бытия всего сущего, реализует себя через случайные проявления в существовании людей и предметов. И задача состоит в том, чтобы с помощью образов, рожденных игрой этой случайности, выявить действие законов «идеальной натуры».

Есть у Сковороды излюбленный аргумент, повторяющийся даже с некоторой навязчивостью в разных произведениях. Это рассуждение о том, что не краски являются основой картины, а рисунок, точнее, симметрия, пропорция, ритм. Вообще понятие меры, времени и пространства ассоциируется в его сознании с признаками невидимой на-

туры, ее количественной и качественной определенности. Он утверждает, что даже в скоротечных вещах наличие ритма, симметрии, закона есть признак этой натуры, изменяющейся в своих внешних проявлениях и постоянной, всегда равной самой себе в своей невидимой сущности.

Все «три мира», по мнению Сковороды, обладают двумя натурами — видимой и невидимой. При этом характер взаимодействия их различен в каждом из миров. В макрокосме внешнее, материальное, конечное выступает как проявление внутреннего, духовного, бесконечного. Здесь атрибуты духа переданы материи и крайности сходятся.

В остальных мирах видимое выступает только как тень невидимого, духовного, которое является источником блага и истины.

Сложность познания сущности с помощью средств рационального абстрактного мышления обусловлена тем, что, по мысли философа, при этом изменяется не только средство, но и сам объект, другими словами, с переходом от явления к сущности человеческая мысль познает уже не материальное, а идеальное, трансцендентальное. Познание последнего и является главной целью философской науки. Что же касается чувственного познания, то с его помощью познается лишь определенная «обличительная тень», а не сама тайна явления, ибо, по словам Сковороды, «в великом и в малом мире вещественный вид дает знать об утаенных под ним формах, или вечных образах» [1]. Как раз вечные «формы», которые он считает основой внешних, доступных ощущениям образов, и представляют собой объект познания в истинном смысле слова. Философ много раз напоминает в связи с этим, что сущность картины составляют не линии и цвета, а тот невидимый образ, который является субстратом не только изображенного на картине предмета, а и множества других, ему подобных. Поэтому-то и важно познать не столько множество проявлений конечных вещей, сколько их идеальные образы. Вот почему Сковорода с пренебрежением говорит об осязании, о чувственном, непосредственном восприятии вещей, отдавая преимущество философски содержательному созерцанию, которому, по его мнению,

[1] Стр. 151 наст. изд., т. 2.

доступны «виды» вещей, сродные с их феноменологической сущностью. Это созерцание вещей не является пассивным наблюдением их внешне ощутимых сторон, а теоретически рефлективным углублением в их скрытую для неопытного глаза сущность.

Веря в мудрую основу природы, философ считает совершенно закономерным, что человек познает ее своим разумом.

Сковорода твердо уверен в том, что возможности человека в познании «вечной материи» безграничны. Однако, по мнению философа, было бы грубой ошибкой видеть в этом познании условие постижения счастья. Значение научных открытий измеряется их способностью содействовать познанию человеком истинных духовных ценностей, собственной природы не для того, чтобы умножить количество желаний и потребностей, а для того, чтобы ограничиться удовлетворением самых необходимых потребностей. На первый план выдвигается собственно не практическое значение научных фактов, а их значение для познания человеком самого себя.

Исходя из концепции «трех миров» и «двух натур», Сковорода стремился создать особую философскую картину мира, в котором все происходящее связано беспрерывной цепью причин и следствий и законы которого явились бы законами морального поведения человека.

Человек в его взаимоотношениях с миром в учении Сковороды занимает центральное место. Это особенное положение человека определяется тем, что он наделен разумом и волей, способен познать свою природную сущность и в соответствии с последней самоусовершенствоваться, то есть приобретать атрибуты, свойственные невидимой «натуре». Одним из способов этого самоусовершенствования является духовное творчество, выражающее высокие духовные порывы человека. Недаром свои первые значительные философские диалоги Сковорода посвятил выяснению сущности «истинного» человека. Согласно его взглядам, происходящее в мире обретает значение постольку, поскольку находит свое завершение в человеке. «А что такое человек? — спрашивает он.— Что бы оно ни было: дело ли, действие ли, или слово — все то пустая пустошь, если оно не получило события своего в самом человеке», ибо все разнообразие материального мира, вся

«неизмеримая бесчисленность и видимость стекается в человеке»[1].

Объективный идеализм Сковороды, выявляющийся в его произведениях в своеобразной форме пантеизма, генетически связан с философским осмыслением морального мира человека и критикой аморальной социальной действительности: мира корыстолюбия и наживы, угнетения и порабощения, мук и страдания. Как раз об этом мире он писал: «Мир есть пир беснующихся, торжище шатающихся, море волнующихся, ад мучающихся» [2]. И в другом месте: «...мир же есть море потопляющихся, страна моровою язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плененных, торжище блудников, удка сластолюбная, печь, распаляющая похоти, пир беснующихся, лик и хоровод пьяно-сумасбродных, и не отрезвлятся, пока не устанут, кратко сказать, слепцы за слепцом в бездну грядущие» [3]. Для того чтобы устоять против сетей и соблазнов этого мира, человек должен найти моральную опору в самом себе, познать в себе «истинного» человека. Поэтому произведения Сковороды от первого до последнего пронизаны призывом: «познай себя», познай в себе настоящего, «истинного» человека и действуй как настоящий, истинный человек.

Наиболее прогрессивной линией философской мысли XVIII века была философия Просвещения, которая выражала прежде всего интересы растущей буржуазии. Буржуазные просветители сделали много для утверждения материализма и атеизма, подвергли резкой критике церковную идеологию.

Сковорода, как и его современники — французские материалисты XVIII века, главной задачей философии провозглашал познание природы человека, но в отличие от последних он не считал индивидуальные чувственные побуждения, в частности личный интерес, определяющими в этой природе. Наоборот, мир индивидуальных собственнических интересов, своекорыстия и наживы был для него олицетворением зла (в этом отношении он стоял ближе к Канту). Патриархально-крестьянская, антибуржуазная и антикрепостническая направленность взглядов Сковороды обусловила поиски им других, чем у французских

[1] Стр. 201 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 101 наст. изд., т. 2.
[3] Стр. 117 наст. изд., т. 2.

материалистов, оснований и факторов человеческого действия. По его утверждению, истинно моральные основы поведения человека определяются не его телесной организацией, а его духовным миром, господствующим над телом и определяющим человеческие действия и поступки. Поэтому для Сковороды человек — это не просто телесный индивид. Это отдельный мир, микрокосм, «маленький простой камушек, в котором ужасный пожар затаился» [1].

В самом человеке выделяется не познание плоти, а познание духа. Но «если нечто узнать хочешь в духе или во истине,— утверждает философ,— усмотри прежде во плоти, сиречь в наружности»[2]. Это значит, что Сковорода признает необходимым изучать и внешнюю плотскую натуру человека, в которой находит свое проявление невидимый дух, или разум. Уподобляя процесс познания двойному жванию парнокопытных, познание плоти он называет «первым жванием», за которым обязательно должно следовать «второе жвание» — познание духа. Поэтому познание человека означает не просто знание его телесной организации, а постижение его невидимой, внутренней, духовной природы. Познать истинного человека — значит познать «бога» в человеке. «Один труд в обоих сих — познать себя и уразуметь бога, познать и уразуметь точного человека, весь труд и обман его от его тени, на которой все останавливаемся. А ведь истинный человек и бог есть то же»[3].

Через отождествление духовных стимулов деятельности человека с богом, а последнего — с внутренней духовной природой человека Сковорода осуществляет экстраполяцию отношения духовного мира человека к его реальным телесным действиям на объяснение природы и Вселенной в целом, разрабатывает свою концепцию «двух натур» и «трех миров» как философскую основу своего учения о человеке, смысле его бытия и настоящем счастье. По своей философской сущности это учение идеалистично, да иным оно и быть не могло в период, когда в объяснении духовных факторов деятельности человека безраздельно господствовал идеализм (французские материалисты также придерживались взгляда, что «идеи пра-

[1] Стр. 116 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 301 наст. изд., т. 1.
[3] Стр. 140 наст. изд., т. 1.

вят миром», оставаясь идеалистами в своих этических воззрениях).

Сковороду не беспокоит будущее науки в том смысле, что он не сомневается в ее громадных потенциальных возможностях в раскрытии тайн природы и организма самого человека как части природы. Его только тревожит то, что познание так мало дает для понимания человека и не удовлетворяет стремления человека к счастью.

Науку о человеке и его счастье Сковорода считал главной и высшей из всех наук. С этих позиций он критиковал преувеличение роли и значения естествознания, наук о природе в обычном понимании. В одном из своих произведений он писал: «...мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса и обеспокоили брюхо земное ради металлов, размежевали планеты, доискались в Луне гор, рек и городов, нашли закомплетных миров неисчетное множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремления водные, что денно новые опыты и дикие изобретения... Но то горе, что при всем том кажется, что чего-то великого не достает. Нет того, чего и сказать не умеем: одно только знаем, что не достает чего-то, а что оно такое, не понимаем» [1]. Об этом и должна сказать наука о человеческом счастье — «верховная наука». «Я, — писал философ-гуманист, — наук не хулю и самое последнее ремесло хвалю, одно то хулы достойно, что, на них надеясь, пренебрегаем верховнейшую науку, до которой всякому веку, стране и стати, полу и возрасту для того отворена дверь, что счастие всем без выбора есть нужное, чего, кроме нее, ни о какой науке сказать не можно» [2].

Непосредственным субъективным проявлением человеческого счастья Сковорода считает «внутренний мир, сердечное веселие, душевную крепость». Достичь его можно, только следуя велению своей внутренней натуры. При более конкретном рассмотрении проблемы оказывается, что этой внутренней натурой является сродство с определенным видом труда. Как выразитель интересов и умонастроений крестьянства, Сковорода смысл человеческого бытия видит в труде («жизнь и дело есть то же»),

---

[1] Стр. 326—327 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 328 наст. изд., т. 1.

а истинное счастье — в свободном труде по призванию («душу веселит сродное делание»). В философии Сковороды мысль об определяющей роли «сродного труда» в обеспечении счастливой жизни впервые приобрела значение общего принципа в решении проблемы человеческого счастья и смысла человеческого бытия.

Благополучие общественной жизни людей основано на труде: «Откуда же уродится труд, если нет охоты и усердия? Где же возьмешь охоту без природы? Природа есть первоначальна всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты... Охота сильнее неволи, по пословице. Она стремится к труду и радуется им, как сыном своим. Труд есть живой и неусыпный всей машины ход дотоль, поколь породит совершенное дело, сплетающее творцу своему венец радости. Кратко сказать, *природа* запаляет к делу и укрепляет в труде, делая труд сладким» [1].

В этом контексте принцип «познай себя» имеет своим содержанием познание своих природных склонностей к определенному виду деятельности, свое действительное признание. Эта склонность имеет природную основу и усовершенствуется соответствующим воспитанием, «наукой и практикой». Сродность, призвание и есть истинный «бог» в человеке: «С природою жить и с богом быть есть то же; жизнь и дело есть то же» [2].

Сковорода различает процесс труда и его результат. Результатом труда является продукт потребления, и он имеет своим назначением простое поддержание жизни. Наслаждение процессом потребления не является истинным человеческим наслаждением. Истинное удовольствие в наслаждении самим процессом труда, его приносит только «сродный труд»: «Прибыль не есть увеселение, но исполнение нужности телесной, а если увеселение, то не внутреннее; родное же увеселение сердечное обитает в делании сродном. Тем оно слаще, чем сроднее. Если бы блаженство в изобилии жило, то мало ли изобильных?» [3] Таким образом, в своей философской концепции сродного труда как основы человеческого счастья Сковорода со всей остротой ставит проблему преодоления отчужденности труда, превращения труда в первейшую потребность и в высшее наслаждение. На почве философского

[1] Стр. 418—419 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 423 наст. изд., т. 1.
[3] Стр. 433 наст. изд., т. 1.

пантеизма он отстаивает взлелеянную в народе идею свободного труда по призванию, труда как внутренней потребности и высшего наслаждения.

В плане «сродного труда» рассматривает Сковорода и проблему равенства. Он признает лишь одно неизбежное неравенство — неравенство одаренности и призвания в одном и том же виде деятельности, неравенство не социального, а преимущественно природного происхождения. Отсюда его принцип «неравного равенства». «Бог,— писал он,— богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости. Над фонтаном надпись сия: «Неравное всем равенство... Меньший сосуд менее имеет, но в том равен есть большему, что равно есть полный» [1].

Как крестьянский просветитель и сын своего времени, Сковорода не мог подняться до понимания материально-практической обусловленности общественного разделения труда и его опосредованности отношениями собственности. Общественное разделение труда он стремится спроецировать на природные свойства человека. Отсюда критика социальных пороков направляется им не по линии требований революционных изменений существующей структуры разделения труда, а по линии их морального усовершенствования путем преодоления «несродного труда» во всех сферах общественной деятельности. «Несродный труд» — конечный источник всех общественных пороков. «Кто умерщвляет науки и художества? Несродность. Кто обеспечил чин священничий и монашеский? Несродность. Она каждому званию внутреннейший яд и убийца. «Учитель, иду по тебе». Иди лучше паши землю или носи оружие, отправляй купеческое дело или художество твое. Делай то, к чему рожден, будь справедливый и миролюбивый гражданин, и довлеет» [2].

Подобный подход содержит в себе вывод о вечности, неизбежности существующего общественного разделения труда. В этом историческая ограниченность взглядов Сковороды. Однако главный пафос его критики несродного труда направлен против паразитизма господствующих классов, против превращения человеческой деятельности

---

[1] Стр. 439 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 449 наст. изд., т. 1.

в средство наживы, своекорыстия и эгоистических материальных интересов. Сковорода — один из первых великих критиков буржуазно-мещанского потребительского образа жизни с его культом обладания вещами.

Участие в «сродном труде», по мнению Сковороды, определяет меру реализации человеком собственного призвания и общественной пользы, ибо «мертва совсем душа человеческая, не отрешенная к природному своему делу, подобна мутной и смердящей воде, в тесноте заключенной»[1]. Сковорода признает несоответствующими природе страсть к наживе, сребролюбие, моральную развращенность, воровство, властолюбие, угнетение слабых, человекоубийство, тщеславие и карьеризм. Все это является отклонениями от природы, нарушением главного ее требования — меры.

О том, что теория «сродного труда» явно направлена против социальных устремлений господствующих слоев, свидетельствует осуждение Сковородой домогательств панства: погони за наживой, прибылями, прибыльными должностями. «Если, по пословице, на должность мостишься, как коза на кровлю, для того, чтоб через нее вскочить на кучу изобильного тщеславия, видно, как в зеркале, что ты не к должности усерден, а посему и не рожден...» [2]. Поэтому Сковорода и защищает моральное преимущество таких видов труда, как землепашество, ремесло. Несоответствие природе философ считает огромнейшим злом, так как оно приводит к тому, что результаты труда превращаются в свою противоположность: «правление — в мучительство, судейство — в хищение, воинство — в грабление, а науки — в орудие злобы» [3].

Законы общества, регулирование личного и общественного интереса людей, по его мнению, имеют своим источником самую природу, а не человеческое творчество. Это глубокое убеждение в регулятивной функции природы, в природной детерминированности общественного развития лишает Сковороду возможности понять роль государства, классовых отношений. Он говорит о «гражданских законов заборах», напоминает о силе постановлений законов, но далек от понимания социальных факторов, обусловливающих необходимость их появления.

[1] Стр. 422 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 450 наст. изд., т. 1.
[3] Стр. 428 наст. изд., т. 1.

Счастье Сковорода связывает с чувствами благодарности, любви, дружбы, которые возникают вследствие сродности. Осознав свою зависимость от природы, определив свою меру счастья и смирившись с ней, человек получает самое большее наслаждение от удовлетворения наиболее необходимых потребностей. И наоборот, человек, потерявший чувство природной меры, не познает истинного наслаждения. Удовлетворяя свои даже самые изысканные капризы, он останется неудовлетворенным.

Любовь к добру, как и любовь вообще, рождается как следствие природного сходства людей. Поэтому Сковорода утверждает, что «подобное к подобному ведет сам бог», что симпатия есть признак одинаковости душ так же, как и дружба. Именно в дружбе он видит основу общежития в человеческом коллективе, в государстве, в общественных группах, ибо она «основание, союз и венец обществу». Нет сомнения, что такое понимание дружбы противостоит волчьим законам современного ему общества.

Характерным признаком счастья в понимании Сковороды является его органическая связь с внутренним миром личности, но это не значит, что оно антиобщественно, эгоистично по своей сути. Счастье общества, по утверждению Сковороды, есть результат индивидуального самочувствия каждого его члена, и поэтому истинное счастье не любит одиночества, ему свойственно желание иметь сообщников. «...Истинного же счастия такова есть природа, — пишет он, — что, чем множайших иметь в нем сопричастников, тем слаще и действительнее беззавистное сие добро становится и сим одним разнится от ложного мирского счастия, о коем подобное сказать никак невозможно...» [1]. Это важное положение Сковороды позволяет сделать вывод, что философ искал решения проблемы всеобщего и надежного счастья для всех людей.

Смыслом своей философии Сковорода считает то, что она учит истинному счастью. Такое счастье связано не с богатством, ибо «не по чину, не по стороне, не по изобилию счастливым есть» [2], а в первую очередь с внутренним миром, чтоб «узнать, найти самого себя» [3]. Соблюдение природной меры выступает условием самовоспитания

[1] Стр. 306 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 324 наст. изд., т. 1.
[3] Стр. 329 наст. изд., т. 1.

истинного вкуса к жизни и спокойного самочувствия. Отсюда чувства самоудовлетворения соединяются с чувствами благодарности природе (богу) за то, что она позаботилась о том, чтобы самое необходимое для человека было легкодоступным. Неудовлетворенность обладаемым благом, стремление к обладанию большим, чем это необходимо для поддержания жизни, превращение удовлетворения плотских потребностей в культ и цель жизни, по мнению Сковороды, и вовлекает человека в тот порочный круг, из которого нет счастливого выхода.

Человек может достичь счастья, оставаясь и бедным. Счастье как состояние духовного удовлетворения, радости души, не желающей ничего иного, кроме сохранения этого состояния, согласно Сковороде, является субъективным переживанием. И как таковое оно при наличии минимума внешних условий зависит от внутренней оценки отношения к действительности. Исходя из этого положения, Сковорода делает вывод, что при бедности имеется больше оснований достичь счастья, чем при богатстве, поскольку обладание последним увеличивает зависимость человека от внешних обстоятельств, не содействующих счастью. Тот, кто владеет собой, хотя и беден, на деле богаче царей, а тот, кто владеет миром, не владея собой, дрожит за свое богатство, не может чувствовать себя счастливым. Поэтому «не тот скуден, что убогий, а тот, что желает много», так как это ведет к внутреннему опустошению души.

Все сказанное не означает, что Сковорода отрицал значение материальных потребностей в жизни человека и призывал к всеобщему аскетизму. В одном из писем, отвечая на обвинения в том, будто бы он осуждает употребление мяса, вина и прочего, Сковорода замечал, что «подлинно всякий род пищи и пития полезен и добр есть, но рассуждать надобно время, место, меру и персону». В этом вопросе мыслитель следовал совету Сократа, который говорил, что есть нужно затем, чтобы жить, но не жить ради еды.

С учением о «сродном труде» Сковороды тесно связаны и его педагогические идеи. Работая преподавателем Переяславской семинарии, Харьковского коллегиума и домашним учителем, Сковорода приобрел значительный педагогический опыт, который он и стремился теоретически обобщить, опираясь на положения выработанного

им философского учения. Тем более, что теория «сродного труда» требовала для себя определенного выхода в практику. Так как Сковорода уделяет значительное внимание проблемам морали, то это заставляет его вырабатывать определенные педагогические принципы образования и воспитания. В этом отношении его взгляды привлекают внимание исследователей, раскрывающих существенные моменты его педагогической практики и теории, изложенные в его философских трудах, стихотворениях, баснях и письмах и органически вытекающие из его учения о «сродном труде» и счастье.

Сковорода критикует (в притчах и баснях) ту систему обучения и воспитания, которая была модной в его время среди значительной части господствующих слоев и которая предусматривала не только воспитание «истинного» человека, сколько приобретение внешних манер.

В своих педагогических идеях мыслитель опирается на принцип соответствия природе как основу воспитания счастливого и общественно полезного человека. Он утверждает, что воспитание «истекает от природы», что природа является высшим учителем, что она требует только не мешать ей проявить себя. Воспитатель и воспитанник должны идти ей навстречу. Такова доминанта педагогических рассуждений Сковороды. Значительное внимание в познании природы человека и определения им своего места в жизни философ отводит практике, упражнениям, функция которых и состоит в том, чтобы приводить в совершенство природные данные. В этом отношении он и различает науку и привычку, обучение и практику. Наука и привычка должны повести человека по пути «сродного» общественно полезного труда, являющегося сферой проявления сущности человека в его высоких духовных стремлениях. Вот почему он предостерегает против праздности, безделья, имея в виду безделье как физическое, так и духовное.

Целью воспитания Сковорода считает не только умение находить истину, познавать явления природы, а прежде всего приобретение благородных чувств, таких, как любовь, дружба, благодарность. Ведь, по мнению Сковороды, природу человека характеризует не столько его разум, сколько «благое сердце», «добрая воля», которые и определяют наклонность к осуществлению славных поступков. Преисполненный веры в безграничную мудрость

и гуманную «благость» природы, Сковорода придает важное значение роли педагогической науки, воспитателя и школы, утверждая, что тот, кто желает научить других мудрости жизни, должен долго учиться сам. При этом он подчеркивает необходимость морального авторитета учителя, единства его слова и дела. Сковорода считает, что наряду со школой воспитание детей является главной обязанностью родителей. Дав жизнь, они прежде всего должны обучить детей благу. «Родители,— пишет он,— суть наши лучшие учителя» [1].

Следует отметить, что, несмотря на историческую ограниченность педагогической концепции Сковороды, признание права на образование в зависимости от способностей, а не от социального положения, критика индивидуалистического воспитания свидетельствуют о гуманистическом и просветительском характере его учения.

Как известно, призыв познать самого себя прозвучал еще в древние времена. Он украшал вход в храм Аполлона в Дельфах. Осуществление этого призыва Сократ считал условием правильной жизни, этот призыв сохранил силу и в XVIII веке. В учении Сковороды он занимает важное место, конкретизируясь в понимании «сродного труда».

Эта связь самопознания и «сродного» общественно полезного труда и составляет важную часть того вклада, который внес в философию Сковорода. В этом труде, наиболее соответствующем природным наклонностям человека, он видит главный источник человеческого счастья. Именно в принципе соответствия природе философ видит критерий разумности общественных институтов и моральных поступков отдельных людей. Призыв познать самого себя приобрел у Сковороды гуманистическое звучание. Смысл этого абстрактного гуманизма состоит в утверждении права каждого человека на свое счастье путем познания своих природных способностей и свободного избрания труда по сродности. Это положение в корне противоречило утверждавшемуся при жизни Сковороды на Украине крепостному праву. Выдвигая его, философ тем самым осуждал социальный гнет, отчужденный труд, крепостничество, мешавшее проявлению природных дарований людей.

[1] Стр. 454 наст. изд., т. 1.

Однако уже во времена Сковороды призыв к самопознанию мог быть только выражением пассивного осуждения действительности и вызвал серьезную критику, ориентировавшую на более активное отношение к миру. Стало очевидным, что только деятельность, направленная на внешний мир, его идеальное и материальное преобразование согласно человеческим идеалам содействуют действительному утверждению человека в мире. Овладение окружающим миром обнаруживает и ранее неизвестное в самом человеке. Критерием истинности самопознания человека выступает деятельность, в результатах которой и проявляется действительная сущность человека. Как и большинство ранних просветителей, Сковорода рассматривает самосознание как субъект истории, возлагая все свои надежды в отношении будущего человечества не столько на материальную практику, сколько на активность духа.

С учением о человеке как микрокосме в философии Сковороды тесно связано учение о третьем — символическом — мире. Чаще всего он отождествляется Сковородой с Библией, но в этот «мир» им включаются также мифология и народная мудрость. Символичность Библии, по его мнению, состоит в том, что в ней собраны «небесных, земных и преисподних тварей фигуры, дабы они были монументами, ведущими мысль нашу в понятие вечной натуры, утаенной в тленной так, как рисунок в красках своих» [1]. Библия состоит из двух натур — внешней и внутренней, которые соотносятся между собой как знак и смысл. Сковорода отвергает истинность внешней стороны Библии, содержащей множество неправдоподобных и фантастических с точки зрения истины и здравого смысла историй и сказаний. С позиции разума и признания закономерностей природы Сковорода отрицает реальность библейских чудес и высмеивает людей, верящих в эти сказки, критикует суеверие церковников и пребывающих в духовной темноте людей, преклоняющихся перед ложными идеями, противоречащими здравому смыслу и научной истине. Он остроумно и искусно высмеивает этот «историальный вздор» в многочисленных афористических высказываниях; собранные вместе, эти высказывания могут быть квалифицированы как

[1] Стр. 148 наст. изд., т. 2.

свидетельство атеистической тенденции в его учении и использоваться в антирелигиозной пропаганде. Но вместе с тем Сковорода считает Библию средством познания сущности человека. Мыслитель посвящает специальные исследования («Икона Алкивиадская» и «Жена Лотова») вопросу о том, как следует вникать в таинственный смысл Библии, чтобы извлечь из ее рассказов и притч полезное и поучительное знание.

Место Библии в познавательном процессе Сковорода усматривал в том, что она будто бы помогает познать нравственные ценности человеческой жизни. Это познание якобы достигается аллегорично-символическим истолкованием вымышленных и реальных явлений. Это каждый раз ведет мыслителя от логически доказуемого знания в лучшем случае к художественно-образному видению, в худшем — к мистико-аллегорическим «гаданиям».

Характерным приемом осмысливания явлений у Сковороды является притча, то есть познание с помощью простого или сложного аллегорического образа и аналогии. Субъект, познающий человека, у него не случайно объединяет в одном лице одновременно и поэта, и философа, и пророка, ибо он в состоянии постигать скрытый за внешней оболочкой плоти природный смысл и придавать ему поучительное для человека значение.

Взгляды философа на религию и его отношение к церковным институтам и официальной церковной идеологии нельзя оценивать однозначно. Его позиция в отношении к господствующей церкви, отрицательное отношение к существующим формам религиозной жизни, осуждение пороков церковников и его личный, ярко подчеркнутый и сознательный отказ от церковных санов — все это уже само по себе много значит в оценке его прогрессивной деятельности. Есть в его деятельности и определенные моменты, которые вопреки его субъективным намерениям содействовали развитию атеистических представлений. Само понимание бога как разума, присутствующего в вещах, и отрицание бога как личности подрывали основы веры. Пантеизм приводил Сковороду на тот же путь, по которому шли и Джордано Бруно, и Спиноза, то есть на путь разрушения религии. Сковорода избранным им образом жизни и оценками религиозной жизни своих современников содействовал утверждению позиций антиклерикализма. Это чрезвычайно важная сторона мировоз-

зрения философа. Выше мы приводили бескомпромиссные высказывания Сковороды о монашестве. Сковорода не отвергает его целиком, но не раз подчеркивает, что монахом может стать только тот, кто от природы склонен к одиночеству и набожности. И он критикует монастырскую жизнь как гнездо затаенных порочных страстей, разоблачает пороки церковников, своим распутством часто превосходящих мирян. Он ясно понимает, что никто так не способствует распространению суеверия, как священнослужители. Типичным стала для служителей религии, по мнению Сковороды, подмена действительного благочестия и любви к истине церемониями и образами. На этой почве расцветают лицемерие и фарисейство духовников, для которых служение Христу превращается в средство удовлетворения желаний и стремлений, противоречащих правде, истине и настоящей красоте. С особой силой Сковорода бичует церковников за их карьеризм, властолюбие и жажду золота. Эта критика исполнена пристрастного разоблачительного пафоса, граничащего с воинствующим антиклерикализмом.

Следует признать, что определенную атеистическую функцию имеют те высказывания Сковороды, в которых развенчивается фантастичность и обман библейских легенд, противоречащих природе вещей и явлений. Сковорода беспощадно высмеивает тех богословов, которые верят сами и убеждают других в возможности описанных в Библии чудес, якобы совершенных пророками, Иисусом Христом и апостолами. При характеристике этих эпизодов Библии Сковорода употребляет такие слова, как «ложь», «небылицы», «буйство», «обман», «подлог». Философ отмечает, что Библия содействовала распространению суеверия в сознании людей. Такие утверждения часто независимо от контекста произведений Сковороды выполняли в целом разоблачительную функцию по отношению к религии и Библии.

Читателя глубоко поражает связанное с внутренним характером учения Сковороды своеобразие мировосприятия и стиля его произведений. Это делает весьма существенной проблему эстетики Сковороды. Его этико-гуманистическое по содержанию учение одновременно и эстетично. Эта эстетичность состоит не только в совпадении у него морально-этических и эстетических категорий, но

и в некоторой «эстетичности» его онтологических и гносеологических понятий.

Сковорода развивает идею, что только вечное, необходимое, постоянное — все то, что имеет источником невидимую «натуру», является истинным источником красоты, а не внешнее, случайное, привносимое в природу. Невидимая натура, а не ее тень, то есть тленный мир в бренности и быстротечности своих проявлений, является источником познания красоты, не противоречащей мудрости и добродетели. Наоборот, увлечение одними внешними проявлениями невидимой натуры, влюбленность в одну только ее тень неминуемо приводят человека на пагубный путь потери самого себя, рождают в его душе смятение и тревогу. Веря в мудрую основу природы, он считает совершенно закономерным, что человек познает ее путем интеллектуального созерцания. Философ неустанно повторяет мысль о первичности внутренней красоты предметов и явлений, связанной с их сущностью, и об обманчивости, призрачности, тленности внешней привлекательности и прелести. Как и добро, красота есть для него атрибут невидимой натуры, ее целесообразности и совершенства, тогда как внешняя красота конечных вещей — это только призрачная тень, сама по себе не дающая наслаждения. Именно поэтому он склонен признавать прежде всего красоту нерукотворной, девственной природы, с ее ритмами и пропорциями, и отвергать красоту преобразованной человеком (согласно его мере) природы. В человеческой жизни он также признает прекрасными поступки, соответствующие природным склонностям человека.

Смешными философ считает как раз проявления несродности, когда человек стремится делать что-то против природных склонностей. Поэтому Сковорода приходит к выводу, что, хотя одежда является необходимой для человека, люди зря стремятся приукрасить себя, чтобы дать наслаждение глазам. Достижение добра, блага является основой всех человеческих поступков и поэтому является действительно полезным для человека и желанным для него, а значит, и прекрасным. Польза с красотой и красота с пользой, утверждает он, нераздельны.

Сковорода признает настоящей красотой «сокровенную» красоту, в древние времена называвшуюся словом decorum, «то есть *благолепие, благоприличность,* всю

тварь и всякое дело осуществляющая, но никоим человеческим правилам не подлежащая, а единственно от царствия божиего зависящая» [1]. Эта красота органически связана с добротой. Отсюда, утверждает он, возникли высказывания, что «доброта живет в одной красоте», что «подобное к подобному ведет бог». Соответствие добру является свидетельством красоты вечного и нетленного, и, наоборот, тленная внешняя красота безразлична к добру или враждебна.

Основанное на таком понимании прекрасного искусство оценивается по тому же принципу, что и прочие явления. Истинная ценность художественных произведений, по мнению Сковороды, состоит в том же, в чем и ценность жизненных явлений: «Опера, книга, песня и жизнь не от долготы, но от благолепия и доброты цену свою получают» [2]. И к песне, и к жизни он подходит с единым критерием. Этим общим критерием оценки их достоинств является доброта:

> Не красна долготою, но красна добротою,
> Как песнь, так и жизнь [3].

Искусство состоит не столько в наслаждении внешностью, сколько в наслаждении от интеллектуального созерцания истины и добра, поэтому важным признаком настоящего искусства является чувство любви: «Искусство во всех священных инструментов тайнах не стоит полушки без любви» [4].

Понимание искусства у Сковороды закономерно вытекает из теории сродности. Ничто не требует такой внутренней свободы, как искусство, ибо несродность убивает художество. Те «безминервные служители муз», о которых с презрением говорит философ, и несчастны тем, что пренебрегли собственной природой и свойственными им природными склонностями. Для живописи и для музыки, как и для всякого другого искусства, нужно родиться. Что касается обучения и искусства, то они способны только совершенствовать природные способности. При отсутствии природной склонности никакое обучение не принесет желанных и ожидаемых результатов.

---

[1] Стр. 427 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 442 наст. изд., т. 1.
[3] Стр. 67 наст. изд., т. 1.
[4] Стр. 163 наст. изд., т. 1.

Искусство, которое достигается с помощью обучения, состоит не в отрицании природы, а в усовершенствовании природных способностей. Сковорода разделяет известное мнение о том, что искусство совершенствует природу. Искусство является категорией, характеризующей совершенство и законченность любой вещи и любого действия в соответствии с определенными природой границами. Именно природная склонность побуждает человека к частым упражнениям, к накоплению опыта, являющегося основой знания, привычки и искусства. Без этого, утверждает философ, не было бы ни науки, ни искусства, ни результативной практической деятельности. Поэтому необходимо познать прежде всего не то, что достигается мастерством, а то, что делает возможным само мастерство, например ритм и темп в музыке, рисунок, симметрию, пропорцию в живописи и т. п. «На искусной живописи картину,— пишет он,— смотреть всякому мило, но в пиктуре (картине, — *Авт.*) один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли свои в мысли ее, примечая пропорцию рисуя и подражая натуре» [1].

Определяя искусство с точки зрения «сродного труда», Сковорода делает вывод, что наслаждение настоящему художнику приносит не слава, а процесс самого труда над произведением, который слаще самой славы. А это значит, что условием наслаждения трудом является соответствие требованиям природы и что во всех науках как и в художествах, «плодом является правильная практика», основанная на самопознании природных наклонностей.

Главной функцией поэзии для Сковороды остается как раз морально-дидактическая, слишком низко ставит он функцию развлекательную. Вот почему он скептически высказывается по поводу того, возможно ли чтением стихов избежать скуки. Сковорода пишет: «Какое... безумие требовать этого от поэтов, минуя бога! Если бог повсюду, если он присутствует и в этом черепке (при этом я поднял черепок с земли), если он всегда есть.., то для чего ты ищешь ограды в других местах, а не в себе самом? Ведь ты являешься самым лучшим из всех творений» [2].

Искусство должно служить делу самопознания челове-

[1] Стр. 433 наст. изд., т. 1.
[2] Стр. 265 наст. изд., т. 2.

ка. Если же искусство теряет эту цель и превращается в самоцель, то оно теряет все. Пока египтяне в образе сфинкса, «будто бы во множестве зеркал», находили знание о себе, было хорошо, но потомки их отбросили это, и «остались одни художества с физическими волшебствами и суеверием. Монумент, напоенный всеполезнейшим для каждого советом, обратился в кумир, уста имущий и не говорящий, а только улицы украшающий, и будто источник в лужу отродился» [1].

Искусство всегда символично в том отношении, что между знаком и значением лежит художественный образ. Для Сковороды этот символизм приобретает универсальное значение.

И его философия становится в определенном отношении разработкой принципов моралистического толкования образов мира, данного в ощущениях, и мира, сотворенного фантазией.

Философское мышление Г. Сковороды синтетично в своей основе. Его специфика в значительной мере находится в зависимости не только от содержания идей, развиваемых философом, но и от формы и стиля, избранных им. Его философские произведения представляют интерес не только с точки зрения «чистого содержания», но и со стороны формы, в секретах которой немалая часть и секретов самого содержания его философии. Раскрытие этой диалектической связи между определенными идеями и формой, выявляющей их, представляет важное условие для познания философского творчества Сковороды. Форма его сочинений не была случайной, она органически связана со спецификой идейного содержания, не поддающегося полному познанию без учета этой формы. Характерной особенностью мировосприятия, а значит, и творчества Сковороды является соединение философского мышления с элементами эмоционально-образного восприятия мира.

Стиль философского мышления Сковороды нельзя понять, не принимая во внимание то, что в его произведениях важнейшую функцию играют эмблемы и символы, определяющие специфику его аллегоризма.

На пути формулирования того или иного философского понятия у Сковороды каждый раз возникает образ, стано-

[1] Стр. 413—414 наст. изд., т. 1.

вящийся отправной точкой развития мысли. Этот прием был разработан в старых риториках, придававших важное значение примерам. Сковорода отталкивается от конкретного: образа, рассказа, случая, примера, подвергая его рационалистической обработке, а отсюда делает важный шаг к жанру свободного публицистического размышления, вдохновляемого субъективным пафосом. Он не дает повествовательным элементам развиться в конкретно-чувственную картину, а подчиняет их своим абстрактно-философским идеям. Этот путь мог бы быть чрезвычайно плодотворным, если бы писатель-философ сумел полностью освободиться от религиозно-мистического мировосприятия.

Своими произведениями Сковорода словно стремится вернуть былую славу синкретической форме литературы, остававшейся долгое время единственной формой идеологии. Он отказался от форм изложения, господствовавших в хорошо известных ему лекционных курсах по философии, избрав форму свободного философствования, базирующегося на органическом соединении художественного миросозерцания и рационалистического мышления. Он прибегает к широкому приобщению материалов Библии, мифов, легенд, пересказов, сказок и т. п. не от недостатка знаний, а вследствие его принадлежности к типу сознания, способного только так воспринимать и отображать действительность.

Не раз заявляя, что у истины простая речь, Сковорода все же в своих сочинениях отказывается от простоты, отдавая преимущество «фигурным высказываниям», то есть таким, смысл которых отличен от значения слов, их составляющих. Фигуры он считает аллегорией и творчеством, делающими невидимое и вечное с помощью внешнего воплощения в слове, образе, притче ощутимым и видимым, а тем самым и поучительным средством, помогающим человеку распознавать и в самом себе вечное и надежное. Люди, обладающие даром создавать фигуры, символы, и являются, по его мнению, настоящими поэтами-творцами и пророками. Этот факт отождествления поэта с пророком, оповещающим о боге и божьих истинах, очень характерен для мировоззрения Сковороды.

Сковорода обрабатывает сравнительно незначительное количество идей, стремясь осмыслить их с помощью

одних и тех же образов. Философ, учение которого создавалось постепенно, с большой последовательностью развивает свои идеи, с каждым произведением детализируя их, обращая внимание на возможные оттенки. Он охотно обращается к стилистическим вариациям своих мыслей, любит каламбур и словесную игру. Это и обусловливает важную роль в его сочинениях своеобразных стилистических упражнений, выступающих как некий эвристический способ извлечения новых мыслей. Небезразличный к форме своих произведений, много раз возвращаясь к одним и тем же понятиям, Сковорода стремится выразить их с помощью различных словесных формул. Вследствие этого создается множество синонимических, близких по своему содержанию, но отличных по форме метафорических выражений, образующих целые цепи связанного между собой текста. Последний нередко организован не только семантически, но и фонетически; в нем немалую роль играют не только логика смысловых значений, но и ритмика.

Сковорода не пренебрегает выработанными риторическим искусством принципами извлечения словесных острот, которые должны не только вести читателя к истине, но и приносить ему определенное эстетическое наслаждение.

Философ далеко не безучастен к словесным формам даже в случаях, далеких от собственно филологических задач. И его философские поиски не раз проявляют тенденцию превратиться в своеобразные филологические комментарии.

Публицистическая страстность и эмоциональная насыщенность поражают сознание каждого, кто вчитался и включился в контекст его диалогов и монологов, независимо от того, разделяет он его пафос или нет. Конечно, это не означает игнорирование рационально-логического аспекта философского учения Сковороды. Он дорогой ценой отстаивал свои убеждения, которые во многом гармонировали с его образом жизни, что, естественно, не могло не наложить субъективный эмоциональный отпечаток на его произведения.

Как в своеобразии переосмысливания повествовательного материала, так и в индивидуализации языковых средств у Сковороды улавливается влияние личностного начала, выдвижение на первый план субъективного отно-

шения автора к миру и к самим средствам его отражения в сознании. Ведь в центре внимания философа стоит человек, его мировоззрение. Наряду с большинством ранних просветителей Сковорода рассматривает самосознание как субъект истории, возлагая все свои надежды в отношении будущего человечества не столько на материальную практику, сколько на активность духа. Его произведения убедительно показывают, что, формулируя свои идеи, обосновывая их истинность, он много внимания уделяет не только логической стороне дела, но и самой форме, способу преподнесения читателю своих мыслей. Это обусловлено основным свойством мировосприятия и творчества Сковороды, желающего не только логично подвести своего читателя к тому или иному выводу, но и стремящегося навеять их читателю иным способом. Для этого одна и та же мысль развивается им как бы с разных сторон и с помощью образных аналогий и примеров включается в новые связи. При этом он действует подобно композитору, развивающему одну и ту же тему при помощи многочисленных вариаций.

Философское наследие Сковороды, таким образом, представляет интерес и с точки зрения развития художественной литературы. Сковорода своими произведениями обогатил жанры трактата, диалога, притчи. Важной заслугой его является обращение к украинскому литературному языку XVIII столетия.

В лице Сковороды украинская и русская прогрессивная культура имеет оригинального мыслителя и писателя, страстная мысль которого не желала мириться с тиранией несправедливого, враждебного человеку мира. Как гуманист он отстаивает идею единства человека и природы и с этих позиций развивает идею равного права людей на счастье и «сродный труд» как условие его достижения.

Пример жизни Сковороды, его философское и художественное творчество влияли на сознание лучших сынов украинского и русского народов, вдохновляя их на борьбу за переустройство жизни во имя народного счастья.

Сложная и противоречивая личность Сковороды, его идейное наследие не раз оказывались в центре борьбы прогрессивных и реакционных направлений историко-общественной мысли. Эта борьба продолжается и поныне.

Реакционные идеологи из буржуазно-националистического лагеря восхваляют наиболее слабые стороны мировоззрения мыслителя, всячески стремясь поднять исторически ограниченные его идеи до уровня бесспорных истин. Подобные попытки всегда получали отпор со стороны прогрессивных деятелей культуры, которые немало сделали, чтобы раскрыть и показать то ценное, чем богато идейное наследие Сковороды, связанное со стремлениями и чаяниями украинского и русского народов.

Необычный образ жизни и философское учение Сковороды влияли уже на его современников, среди которых распространялись переписываемые от руки его произведения. И нельзя не согласиться с уже давно высказанной мыслью, что философская просветительская деятельность Сковороды на Слобожанщине подготовила почву для открытия Харьковского университета.

Сковорода еще при жизни вошел в легенду, которая крепко связывает его имя с высокими и чистыми духовными идеалами, с непокорностью власти золота и насилия, с верностью своему призванию, с гуманизмом и просветительством. И еще до того как наследие Сковороды стало предметом научного исследования, эта легенда оказывала заметное влияние на духовную жизнь украинского народа.

Лучшие представители украинской прогрессивной культуры проявляли интерес и были знакомы не только с биографией, но и с произведениями Сковороды и в определенной степени оказывались под влиянием его идей. В шеренге этих почитателей философа-писателя необходимо назвать И. Котляревского, Г. Квитку-Основяненко, В. Масловича, П. Белецкого-Носенко, И. Срезневского. Особенно интересовала личность Сковороды гениального Тараса Шевченко, который и в поэзии, и в повестях, и в письмах не раз пытался определить его место в истории украинской общественной мысли.

Большой интерес личность Сковороды вызывала у русских мыслителей. В 30—40-е годы XIX века совершается ряд публикаций произведений Г. Сковороды, и его идеи вызывают полемику на страницах русской прессы. Во второй половине XIX века благодаря новым публикациям интерес к Сковороде возрастает, следствием чего выступают не только новые исследования о мыслителе, но и усвоение и переосмысление его прогрессивных идей.

Сюда относятся яркое выступление в защиту Сковороды Н. Костомарова, статьи и высказывания о Сковороде А. Потебни, П. Житецкого, М. Коцюбинского, И. Франко и многих других украинских писателей. Больше всех пронизаны чувством историзма оценки И. Франко, по мнению которого Сковорода является наиболее выдающимся «духовным деятелем» XVIII века, совершенно «новым явлением» в украинской культуре с точки зрения образования, широты воззрений и глубины мыслей [1]. Философское учение Сковороды в конце XIX столетия привлекает внимание многих историков философской мысли Украины, которые в процессе изучения наследия выдающегося мыслителя ставят новые философские задачи. Это ученые Н. Сумцов, Ф. Зеленогорский, А. Ефименко, Д. Багалей и др. Говоря о последнем, мы должны подчеркнуть, что в его многогранной деятельности историка, продолжавшейся в советское время, Сковорода занимает важное место. Багалею принадлежит первая научная публикация значительной части наследия Сковороды, глубокая и всесторонняя ее оценка. Написанная им книга «Український мандрівний філософ Г. С. Сковорода» до сих пор остается самым полным исследованием его жизни и творчества.

Сохранился ряд свидетельств о влиянии учения Сковороды и на русских писателей и мыслителей. Лев Толстой признавал, что в мировоззрении Сковороды много «удивительно близкого» ему, и находил в украинском мыслителе органическое единство учения и избранного им образа жизни. Известны также высказывания о Сковороде Н. Лескова, М. Горького. Чрезвычайно характерным является интерес к наследию Сковороды профессионального революционера, соратника В. И. Ленина В. Д. Бонч-Бруевича, который в 1912 году издал с собственными комментариями том произведений украинского философа.

В послеоктябрьский период интерес к творчеству и мировоззрению Сковороды не только не исчез, но и значительно возрос. Нельзя не заметить влияния идей Сковороды на характер идейно-эстетического осмысления действительности П. Тычиной, в творчестве которого образ Сковороды занимает очень видное место. Писали

---

[1] См. *И. Франко.* Южнорусская литература. — «Энциклопедический словарь», изд. Брокгауз и Эфрон, 1904, пт. 81, стр. 307.

о Сковороде и М. Рыльский, А. Малышко, В. Симоненко, русские советские поэты Н. Заболоцкий, Е. Винокуров и многие другие. Тема Сковороды является одной из самых любимых и у мастеров украинской советской живописи и скульптуры, в частности у П. Ижакевича, К. Трохименко, В. Каспяна, Т. Яблонской, И. Кавалеридзе и др.

Частое обращение к философскому и художественно-эстетическому осмыслению биографии и идейного наследия Сковороды — свидетельство того, какое значительное место в нашем сознании занимает мыслитель, со дня рождения которого прошло вот уже 250 лет.

В Советской стране память Григория Сковороды увековечена еще на заре Советской власти. 30 июля 1918 года Совет Народных Комиссаров принял постановление, подписанное В. И. Лениным, о сооружении в Москве памятников выдающимся деятелям революции, науки и культуры. И среди других выдающихся имен зарубежных и отечественных деятелей стоит имя Григория Сковороды. В дни, когда готовится предлагаемое читателю издание сочинений Сковороды, советская общественность широко отмечает 250-летие со дня рождения Г. С. Сковороды.

Отмечая этот юбилей, мы должны помнить слова В. И. Ленина, сказанные В. Д. Бонч-Бруевичу после подписания постановления Совета Народных Комиссаров: «...и вот когда придет время ставить памятник Сковороде, вы должны выступить и пояснить народу, кто был Сковорода, какое значение он имел для жизни русского и украинского народов»[1]. Разработка философского наследия, в том числе и издание настоящего собрания сочинений выдающегося мыслителя и художника слова, несомненно, будет способствовать выполнению ленинского указания.

Идеи гуманизма, за которые боролся Сковорода, являются звеньями, объединяющими идейное наследие мыслителя с духовными поисками нашей эпохи. Защита высоких духовных ценностей от попрания их властью чистогана и корыстолюбия, проповедь моральной ответственности человека и общества за свои поступки, призыв к постоянному духовному усовершенствованию и возвеличению

[1] *В. Д. Бонч-Бруевич.* Про Г. С. Сковороду. — «Радянське літературознавство», 1958, № 3, стор. 91.

«сродного труда» как источника истинного наслаждения и настоящего счастья делают Сковороду близким нашему сознанию.

Многие из проблем, которым посвятил свое учение мыслитель, волнуют и сегодня. Философское наследие Сковороды в этом отношении представляет собой одну из ценнейших духовных сокровищниц народа.

ПЕСНИ. СТИХИ. БАСНИ

САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСЕН

Песнь 10-я [1]

Из сего зерна: *Блажен муж, который в премудрости умрет и который в разуме своем поучается святыне* (Сирах).

Всякому городу нрав и права;
Всяка имеет свой ум голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков, —
А мне одна только в свете думá,
А мне одно только нейдет с ума.

Петр для чинов углы панские трет,
Федька-купец при аршине все лжет.
Тот строит дом свой на новый манер,
Тот все в процентах, пожалуй, поверь! —
А мне одна только в свете думá,
А мне одно только нейдет с ума.

Тот непрестанно стягает грунтá,
Сей иностранны заводит скотá.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак, —
А мне одна только в свете думá,
А мне одно только нейдет с ума.

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова.
Тех беспокоит Венерин амур,
Всякому голову мучит свой дур, —
А мне одна только в свете думá,
Как умереть бы мне не без ума.

Смерть страшна, замашная коса!
Ты не щадишь и царских волосов.
Ты не глядишь, где мужик, а где царь, —

Все жерешь так, как солому пожар.
Кто ж на ее плюет острую сталь?
Тот, чья совесть, как чистый хрусталь...

Конец

Песнь 11-я [2]

В конце сего: *Бездна бездну призывает, сиречь: В законе господнем воля его. Дал бы тебе воду живу, воле — волю и бездне твоей бездну мою.*

Нельзя бездны океана горстью персти забросать,
Нельзя огненного стана скудной капле прохлаждать.
Возможет ли в темной яскине [3] гулять орел?
Так, как в поднебесный край вылетев он отсель?
Так не будет сыт плотским дух.

Бездна дух есть в человеке, вод всех ширший и небес.
Не насытишь тем вовеки, что пленяет зрак очес.
Отсюда-то скука внутри скрежет, тоска, печаль,
Отсюда несытость, из капли жар горший встал.
Знай: не будет сыт плотским дух.

О род плотский! Невежды! Доколе ты тяжкосерд?
Возведи сердечны вежды! Взглянь вверх на
небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется бог?
Чему не толчешь, чтоб увидеть его ты мог?
Бездна бездну удовлит вдруг.

Конец.

Песнь 12-я [4]

Из сего зерна: *Блаженны нищие духом,* т. е.: *Премудрость книжника во благовремении празднества и, умаляясь в одеяниях своих, упремудрится* (Сирах). *Упразднитесь и разумейте...*

1. Не пойду в город богатый. Я буду на полях жить,
Буду век мой коротати, где тихо время бежит.
О дуброва! О зелена! О мати моя родна!
В тебе жизнь увеселенна, в тебе покой, тишина!

2. Города славны, высоки на море печалей пхнут [5].
Ворота красны, широки в неволю горьку ведут.
О дуброва! О зелена! и прочее.

3. Не хочу ездить за море, не хочу красных одежд:
Под сими кроется горе, печали, страх и мятеж.
О дуброва! и прочее.

4. Не хочу за барабаном итти пленять городов,
Не хочу и штатским саном пугать мелочных чинов.
О дуброва! и прочее.

5. Не хочу и наук новых, кроме здравого ума,
Кроме умностей Христовых, в коих сладостна дума́.
О дуброва! и прочее.

6. Ничего я не желатель, кроме хлеба да воды,
Нищета мне есть приятель — давно мы с нею сваты.
О дуброва! и прочее.

7. Со всех имений телесных покой да воля свята.
Кроме вечностей небесных, одна се мне жизнь свята.
О дуброва! и прочее.

8. А если до сих угодий и грех еще победить,
То не знаю, сей выгоды возможет ли лучше быть.
О дуброва! и прочее.

9. Здравствуй, мой милый покой! Вовеки ты будешь мой.
Добро мне быть с тобою: ты мой век будь, а я твой.
О дуброва! О свобода! В тебе я начал мудреть,
До тебя моя природа, в тебе хочу и умереть.

Конец

Песнь 13-я[6]

Из сего: *Изойдите из среды их... Приди, брат мой, водворимся на селе. Там родила тебя мать твоя* («Песнь песней»).

Ах поля, поля зелены,
Поля цветами распещрены!
Ах долины, яры,
Круглы могилы, бугры!

Ах вы, вод потоки чисты!
Ах вы, берега трависты!
Ах ваши волоса,
Вы, кудрявые леса!

Жаворонок меж полями,
Соловейко меж садами;
Тот, выспрь летя, сверчит,
А сей на ветвях свистит.

А когда взошла денница,
Свищет в тот час всяка птица,
Музыкою воздух
Растворенный шумит вокруг.

Только солнце выникает,
Пастух овцы выгоняет
И на свою свирель
Выдает дрожливу трель.

Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я с хлеба куском
Умру на месте таком.

Конец.

Песнь 18-я[7]

Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Ой ты, птичко желтобоко,
Не клади гнезда высоко!
Клади на зеленой травке,
На молоденькой муравке.
Вот ястреб над головою
Висит, хочет ухватить,
Вашею живет он кровью,
Вот, вот когти он острит!

Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны ветры повевают,
Руки явору ломают.
А вербочки шумят низко,
Волокут меня до сна.
Тут течет поточек близко;
Видно воду аж до дна.

На что ж мне замышляти,
Что в селе родила мати?

Нехай у тех мозок [8] рвется,
Кто высоко в гору дмется [9],
А я буду себе тихо
Коротати милый век.
Так минет меня все лихо,
Счастлив буду человек.

Конец.

Песнь 21-я [10]

В конец сего: *Возвестил мне, его же возлюбила душа моя; где пасешь, где почиваешь в полудни?*

Счастие, где ты живешь? Горлицы, скажите!
В поле ли овцы пасешь? Голубы, взвестите!
О счастие, наш ясный свет,
О счастие, наш красный цвет!
Ты мать и дом, появися, покажися!

Счастие! Где ты живешь? Мудрые, скажите!
В небе ли ты пиво пьешь? Книжники, взвестите!
О счастие, наш ясный свет,
О счастие, наш красный цвет!
Ты мать и дом, появися, покажися!

Книжники се все молчат, птицы тож все немы,
Не говорят, где есть мать, мы же все не вемы [11].
О счастие,.. и прочее.

Счастия нет на земле, счастия нет в небе,
Не заключилось в угле, инде искать требе [12].
О счастие,.. и прочее.

Небо, земля и луна, звезды все — прощайте!
Все вы мне — гавань дурна, впредь не ожидайте.
О счастие,.. и прочее.

Все я минул небеса, пускай вдаль обряцу,
И преисподняя вся, пускай его срящу [13]
О счастие,.. и прочее.

Се мой любезный прескор [14], скачет младой олень,
Выше небес, выше гор; крын [15] мой — чист, нов, зелен.
О счастие, мой свет ясный!
О счастие, мой цвет красный!
Ты мать и дом, ныне вижу, ныне слышу!

Сладость его есть гортань, очи голубины,
Весь есть любовь и Харрань [16], руки кристаллины.
О счастие,.. и прочее.

Не прикасайся ко мне, тотчас меня срящешь,
Не обретай меня извне, тотчас обрящешь.
О счастие,.. и прочее.

Ах! Обрати мне твой взор: он меня воскрыляет,
Выше стихий, выше гор он меня оперяет.
О счастие,.. и прочее.

Сядем себе, брате мой, сядем для беседы.
Сладок твой глагол живой, чистит мне все беды.
О счастие, мой свет ясный!
О счастие, мой цвет красный!
Ты мать и дом, днесь тебя вижу, днесь тебя слышу.

В полдень ты спишь на горах, стадо пасешь в крынах,
Не в Гергесенских полях [17] и не в их долинах.
О счастие,.. и прочее.

Конец.

Песнь 22-я

Помни последнее твое, и не согрешишь (Спрах). *Есть путь, мнящийся быть прав, последнее же его — ад* (Притчи).

Распростри вдаль взор твой и разумны лучи,
И конец последний поминай [18].
Всех твоих дел в какую меть стрела улучит,
Наблюдая всех желаний край,
На каких вещах основал ты дом?
Если камень, то дом соблюдет,
Если ж на песке твоих стать хорóм,
От лица земли вихрь разметет.

Всяка плоть песок есть и мирска вся слава,
И его вся омерзеет сласть.
Возлюби путь узкий, бегай обща нрава;
Будь твоя, господь, с Давидом часть[a],

[a] «Часть моя ты, господи...» «Боже сердца моего и часть моя, боже, вовеки».

Если нужно вернуться в Сион [а] [19],
То зачем тебе в мир снисхождать?
Путь опасен есть во Иерихон [б] [20],
Живи в граде, он всех нас мать.

Если ж пустился ты в сию дорогу,
Бог скорее путь да преградит,
Ибо знаешь, что снийшовши в бездну многу,
То ум в бездне зол наш не радит.
О ты, кто все дух тот же есть
И число твоих не скудеет лет,
Ты, разбойничьи в нас духи смеси!
Пусть твоя сокрушит буря сеть!

Конец.

Песнь 23-я

Из сего: *Исчезли в суете дни... Покупая время... Упразднитесь и уразумейте.*

О дражайше жизни время,
Коль тебя мы не щадим!
Коль так, как излишне бремя,
Всюду мечем, не глядим!
Будто прожитый час возвратится назад,
Будто реки до своих повернутся ключей,
Будто в наших руках лет до прибавки взять,
Будто наш из бесчисленных составленный век дней.

Для чего ж мы жить желаем
Лет на свете восемьсот,
Ежели мы их теряем
На всяких безделиц род?
Лучше час честно жить, чем скверно целый день.

[а] *Сион* — слово еврейское. Значит то же, что по-эллински — πύργος σκοπία, рим. — specula. Так назывался Иерусалимский замок; по-славянски — зор, стража, горница.

[б] Иерихон — город, есть образ суетного мира сего и лестного. Он широкий, спречь роскошным путем водит юных в разбойники, то есть в челюсти змиины и гидрины, в смертные грехи. Quaenam maxima peccatoribus poena? Ipsum peccatum. — Ничто не есть злее греха и жала, ибо его ничто же ни в сем, ни в оном веке мучительнее. «Жало смерти — грех». «Грехопадение, кто разумеет? Блажен тот один, кто разумеет». «Блажен муж, который на пути грешных не стоит». «Открой очи мои...»

Лучше один день свят от безбожного года,
Лучше один год чист, чем десяток скверпен,
Лучше в пользе десять лет, чем весь век без плода.

Брось, любезный друг, безделья,
Пресечи толикий вред,
Сей момент примись за дело:
Вот, вот, время уплывет!
Не наше то уже, что прошло мимо нас,
Не наше то, что породит будуща пора,
Днешний день только наш, а не утренний час.
Не знаем, что принесет вечерняя заря.

Если ж пе умеешь жить,
Так учись фигуре сей!
Ах, не может всяк вместить
Разум хитрости тоей.
Знаю, что наша жизнь полна суетных врак,
Знаю, что преглупая тварь в свете человек,
Знаю, что чем живет, тем горший он дурак,
Знаю, что слеп тот, кто закладает себе век.

Конец.

Rogatus quidam philosophus: quid esset praetiosissimum? Respondit: tempus [21].

Песнь 24-я [22]

Римского пророка Горация, претолкована малороссийским диалектом в 1765 году. Она начинается так: *Otium divos rogat in patenti...* [23] и пр. Содержит же благое наставление к спокойной жизни.

О покой наш небесный! Где ты скрылся с наших глаз?
Ты нам обще всем любезный, в разный путь разбил ты нас.

За тобою-то ветрила простирают в кораблях,
Чтоб могли тебя те крылья во чужих сыскать странах.

За тобою маршируют, разоряют города,
Целый век бомбардируют, но достанут ли когда?

Кажется, живут печали во великих больш домах;
Больш спокоен домик малый, если в нужных сыт вещах.

Ах, ничем мы не довольны — се источник всех скорбей!
Разных ум затеев полный — вот источник мятежей!

Поудержмо дух несытый! Полно мучить краткий век!
Что ль нам даст край знаменитый? Будешь тоже человек.

Ведь печаль везде летает по земле и по воде,
Сей бес молний всех быстрее может нас сыскать везде.

Будем тем, что бог дал, рады, разобьем мы скорбь шутя,
Полно нас червям съедати, ведь есть чаша всем людям.

Славны, например, герои, но побиты на полях.
Долго кто живет в покое, страждет в старых тот летах.

Вас бог одарил грунтами, но вдруг может то пропасть,
А мой жребий с голяками, но бог мудрости дал часть.

Конец.

Nihil est ab omni parte beatum [24].

Песнь 28-я

О тайном внутри и вечном веселье боголюбивых сердец. Из сих зерн: *Веселье сердца — жизнь человеку, и радование мужа — долгоденствие. Кто же погубит душу свою меня ради, тот спасет ее. Что пользы человеку, если приобретает мир весь, лишится же души своей?*

Возлети на небеса, хоть в версальские леса [а],
Вздень одежду золотую,
Вздень и шапку хоть царскую;
Когда ты невесел, то все ты нищ и гол;

Завоюй земной весь шар, будь народам многим царь,
Что тебе то помогает,
Если внутрь душа рыдает?
Когда ты невесел, то все ты подл и гол.

Брось, пожалуй, думать мне, сколько жителей в луне!
Брось Коперниковски сферы [б 25]

[а] Версалия (Versailles) именуется французского царя Эдем [26], сиречь рай, или сладостный сад, неизреченных светских утех исполнен.

[б] Коперник есть новейший астроном. Ныне его систему, т. е. план, или типик, небесных кругов весь мир принял. Родился над Вислою, в польском городе Торуне. Систему свою издал в [1543 г.]. *Сфера* есть слово эллинское, по-славянски: круг, клуб, мяч, глобус, гиря, шар, круг луны, круг солнца.

Глянь в сердечные пещеры!
В душе твоей глагол, вот будешь с ним весел!

Бог есть лучший астроном, он наилучший эконом.
Мать блаженная натура [а]
Не творит ничто же сдура.
Нужнейшее тебе найдешь то сам в себе.

Глянь, пожалуй, внутрь тебя: сыщешь друга внутрь себя,
Сыщешь там вторую волю,
Сыщешь в злой блаженну долю:
В тюрьме твоей там свет, в грязи твоей там цвет.

Правду Августин певал [27]: ада нет и не бывал [б],
Воля — ад, твоя проклята,
Воля наша — печь нам ада.
Зарежь ту волю, друг, то ада нет, ни мук.

Воля! О несытый ад! Все тебе ядь, всем ты яд.
День, ночь челюстьми зеваешь,
Всех без взгляда поглощаешь;
Убей ту душу, брат, так упразднишь весь ад.

Боже! О живой глагол! Кто есть без тебя весел?
Ты един всем жизнь и радость,
Ты един всем рай и сладость!
Убий злу волю в нас, да твой владеет глас!

Дай пренужный дар нам сей; славим тя, царя царей.
Тя поет и вся Вселенна,
В сем законе сотворенна,
Что нужность не трудна, что трудность не нужна [28].

Конец.

Pro memoria, или припоминание.

Самое сущее Августиново слово есть сие: Tolle voluntatem propriam et tolletur infernus — истреби волю собственную, и истребится ад.

Как в зерне мамрийский дуб, так в горчичном его слове скрылась вся высота богословской пирамиды и как бездна жерлом своим пожрала весь Иордан богомудрия. Человеческая воля и божья суть двое ворот —

[а] Блаженная натура есть имя господа вседержителя.

[б] *Ад* слово эллинское значит темница, место преисподнее, лишенное света, веселья и дражайшего золота — свободы. Адский узник есть зерцало пленников мучительной своей воли, и сия лютая фурия непрерывно вечно их мучит.

адовы и небесные. Обретший среди моря своей воли божью волю обретет кифу, сиречь гавань оную: «На сем камне утвержу всю церковь мою». «Таится сие им, как небеса» и проч. «И земля (се оная обетованная! Смотри, человек) посреди воды...» Если кто преобразил волю в волю божию, воспевая сие: «Исчезнет сердце мое» и проч. Сему сам бог есть сердцем. Воля, сердце, любовь, бог, дух, рай, гавань, блаженство, вечность есть то же. Сей не обуревается, имея сердце оное: «Его же волею все управляются». Августиново слово дышит сим: «Раздерите сердца ваши». «Возьмите иго мое на себя». «Умертвите члены ваши». «Не того хотите... сие творите». «Не есть наше против крови и плоти». «Враги человеку домашние его». «На аспида и василиска наступишь». «Тот сотрет твою главу...» и проч.

Песнь 30-я [29]

Из сего древнего стиха:

Τῆρ ὥρας ἀπόλαυε ταχύ γὰρ πάντα γηράσκει·
Ἓν θέρος ἐξ ἐρίφου τραχὺν ἔθηκε τράγον.

Сиречь:

Наслаждайся дней твоих, все бо вмале стареет:
В одно лето из козленка стал косматый цап.

Осень нам проходит, а весна прошла,
Мать козленка родит, как весна пришла.
Едва лето запало, а козля цапом стало,
Цап бородатый.
Ах, отвергнем печали! Ах, век наш краткий, малый!
Будь сладкая жизнь!

Кто грусть во утробе носит завсегда,
Тот лежит во гробе, не жил никогда.
Ах, утеха и радость! О сердечная сладость!
Прямая ты жизнь.
Не красна долготою, но красна добротою,
Как песнь, так и жизнь.

Жив бог милосердый, я его люблю.
Он мне камень твердый; сладко грусть терплю.
Он жив, не умирая, живет же с ним живая
Моя и душа.
А кому он не служит, пускай тот бедный тужит
Прямой сирота.
Хочешь ли жить в сласти? Не завидь нигде.

Будь сыт малой части, не убойся везде.
Плюнь на гробные прахи и на детские страхи;
Покой — смерть, не вред.
Так живал афинейский, так живал и еврейский
Епикур — Христос [30].

Конец.

Сложена во время открытия Харьковского наместничества, когда я скитался в монастыре Сеннянском [31].

Григорий Варсава Сковорода.

СТИХОТВОРЕНИЯ

De libertate [1]

Что то за вольность? Добро в ней какое?
Ины говорят, будто золотое.
Ах, не златое, если сравнить злато,
Против вольности еще оно блато [2].
О, когда бы же мне в дурни не пошитись [3],
Дабы вольности не мог лишитись.
Будь славен вовек, о муже избранне,
Вольности отче, герою Богдане!

Fabula [4]

Как только солнце к вечеру запало
И везде небо темнозрачно стало,
На тверди звезды блеснули прекрасны,
Как дорогие каменья алмазны.
Фалес закричал: «Старуха драгая!»
«Чего ты кричишь, мудрость глупая?»
«Полно мне уже сидеть на сем месте;
Поведи меня смотреть на звезды».
Пошла перед ним старуха драгая,
А за нею вслед и мудрость глупая.
Пошли туда, где холм высокоместный,
Отколь способно смотреть на круг звездный.
«Ой, — мудрец крикнул, — пропал я, старуха!»
Упав бедный в яму, отбил себе ухо.
«Не упал бы ты в ров, бестолковый деду,
Зачем моего не держишься следу?
Как ты, не видя пред носом рова,
Можешь знать звезды, глава бестолкова?»
От сих спекуляций повела старуха
Назад до дому мудреца без уха.

Fabula de Tantalo[5]

Царь Тантал когда-то Иовиша[6] до дому
Цехмистра из богов звал к пиру царскому.
Иовиш, ведая политичны нравы,
Взаим[но] Тантала на небесны стравы[7]
Просил. Но куда, небесное зало
Совсем Тантала перещеголяло.
Иовиш своего любезного гостя
Не хотел пустить без дара так просто.
«Проси, — говорит, — что хоть при отходе!»
«Дай мне тут кушать во вечные роды», —
Отвечал Тантал. Иовиш оскорбился,
Тантал просить так не устыдился.
Но, помня важность шляхетского слова,
Сказал, что ему дорога готова.
Стал Тантал в небе пировать оттоле.
А что ж то нет при небеспом столе?
Тут вина разны, тут нектар солодкий,
Услаждающий божественны глотки.
Тут амброспя[8], вешних богов снеды,
Против ней — пустошь папские обеды.
Везде багреют розы пред глазами,
Чудные везде курят фимиамы,
Кричат по зале музы сладкогласны,
Все сам подносит Ганимед прекрасный[9];
Бахусов пестун[10] сам пляшет пресмешно,
Всякий род шутов шутят преутешно.
И хоть в том хоре не бывал Далольо[11],
Однак за таких сто мог сам Аполло[12].
Коротко сказать: все чувства телесны
Услаждали там сладости чудесны.
Тантал, сидячи, все смотрит умильно,
Все воздыхает, хоть всего обильно,
Все лицо морщит, страх трет его члены,
Трясевицею будто пораженный.
Что за причина? Сверху сквозь хоромы
Ниспущен висит камень преогромный
Над саменькою его головою,
Не дает ему сидеть в покою.
Боится, бедный, как себя порушит,
На власе висит, вот-вот в прах сокрушит.

Фабула [13]

Старичок некий Филарет в пустыпе
Проживал век свой в дубравной густыпе.
Молодец некий, Филидоном звался,
К бородатому старику пробрался,
Слыша от многих о нем предовольно,
Что пустынник свят и мудрости полный.
Как поздоровил честную седину,
«Здоров будь!», — сказал старик, — и ты, сыну».
«Не погневайся, отче милосердый,
Скажи мне, какой путь жизни свят и твердый?
Мать моя меня и отец оставил,
Давно я о них обеды отправил.
Ты мне вместо их будь уже родитель,
А будешь, если будешь, мне учитель».
«Я, сыну, и сам в мудрости есть скудный,
Знаю только, что путь сей жизни трудный».
«Сделай же милость, о седая главо.
Все буду помнить, я мех не дырявой».
«Опасно, сыну, с миром обходься,
С миром, пока жизнь, надобно бороться.
Старайся с чужих случаев меж людом,
А не с своих бед познать добро с худом;
Например, видишь, что побили вора,
Учись с него, что крадеж — беда скора;
Не братайся с тем, кто к добру не способный.
С преподобным, и будешь преподобный;
Паче ж делай не то, что ветрогоны,
Но то, что велят разума законы.
Кому нравится нрав сей сегосветный,
Не возможет тот в свете не быть бедный».
Филидон, видя, что се не на руку
Старый плещет, вдруг почувствовал скуку.
«Благодарствую тебе, старик седовласый!»
«С богом, мой сынку!» Пошел восвояси.
«Свята се мудрость, однак не манерна»,
Сам себе мыслит. После, сыскав верна
По перью друга, принял марш в учены
Стороны, чтоб ум добыть совершенный.
Взяли молодца силою до пруса,
Когда он имел войну на француза.
А как дюжина годов миновала,

Домой Уликса [14] судьбина припхала.
Принял марш прямо в лес до Филарета,
Вспомянул его мудрые декреты.
«Спасайся, отче!» «Ты что за персона?»
«Помнишь ли, отче святой, Филидона?»
«Ах, коль же ты стал манерна фигура!»
«Замучила меня мирская буря!»
«На правом оке что то за затула?»
«Се мне вышибла контузию пуля».
«А то откуда на лбу страшна яма?»
«Треснуло ружье». «А то что два шрама
На щеке?» «Эту рану взял на бойке».
«Во фронте?» «О нет, в трактире в напойке».
«Так как прилеплен тебе шматок носа
Прилечен?» «Он был отсечен от француза».
«И по всем лицу мушки?» «Се короста».
«Она, думаю, французска, не проста.
Ты теперь, сыпу, и ходишь отменно?»
«Упал с лошади, выкрутил колено.
И кроме того лекари лечили,
Когда та болезнь позмикала [15] жилы».
«Чего ж ты плакать стал? Плач не поможет
Теперь уже». «О боже мой, боже,
Ах, помоги мне, отче святейший!»
«Не могу теперь, сыну любезнейшпй!
Не слушал тогда моего совета,
Проси ж теперь помощи у света».

Похвала астрономии
(Ex Ovidii «Fastis») [16]

Счастливы, кои тщились еще в век старинный
Взвести ум выспрь и примечать звездных бегов чины.
Можно верить, что они, все земные здоры
Оставя, взошли сердцем в небесные горы.
Не отвлекло сердец их угодие плоти,
Ни воинские труды, ни штатские заботы,
Ни ветреная слава, ни праздные чести,
Ниже безмерных богатств приманчивы лести.
Придвинув пред очи нам, сделали известны
И подвергли под ум свой течения звездны.
Так-то должно восходить на круги перегорны.
Не так, как исполины когдась богоборны.

Quid est virtus? [17]

Трудно покорить гнев и прочие страсти,
Трудно не отдать себя в плотские сласти,
Трудно от всех и туне снести укоризну,
Трудно оставить свою за Христа отчизну,
Трудно взять от земли ум на горы небесны,
Трудно не потопиться в мира сего бездне.
Кто может победить всю сию злобу древню,
Се царь — властитель крепок чрез силу душевну.

Разговор о премудрости

Мудрость и человек

Человек. Любезная сестра иль как тебя назвать?
Доброты всякой ты и стройности ты мать.
Скажи мне имя ты, скажи свое сама;
Ведь всяка без тебя дурна у нас дума.

Мудрость. У греков звалась я София в древний век,
А мудростью зовет всяк русский человек,
Но римлянин меня Минервою назвал,
А христианин добр Христом мне имя дал [18].

Человек. Скажи, живешь ли ты и в хинских сторонах? [19]

Мудрость. Уже мне имя там в других стоит словах.

Человек. Так ты и в варварских ведь сторонах живешь?

Мудрость. Куда ты мне, друг мой, нелепую поешь?
Ведь без меня, друг мой, одной черте не быть?
И как же мне, скажи, меж хинцами не жить,
Где ночь и день живет, где лето и весна,
Я правлю это все с моим отцом одна.

Человек. Скажи ж, кто твой отец? Не гневайсь на глупца.

Мудрость. Познай вперед меня, познаешь и отца.

Человек. А с хинцами ты как обходишься, открой?

Мудрость. Так точно, как и здесь: смотрю, кто мой, тот мой.

Человек. Там только ведь одни погибшие живут?

Мудрость. Сестра вам это лжет так точно, как и тут.

Человек. А разве ж есть сестра твоя?

Мудрость. Да, у меня.
Сестра моя родна, точно ночь у дня.
Человек. И лжет она всегда, хотя одной родни?
Мудрость. Ведь одного отца, но дети не одни.
Человек. Зовут же как?
Мудрость. Ей сто имен. Она,
Однак, у россиян есть бестолковщина.
Человек. С рогами ли она?
Мудрость. Дурак!
Человек. Иль с бородой?
Иль в клобуке?
Мудрость. Ты врешь! Она войдет и в твой
Состав, если хотишь. Ах ты! Исчезни прочь!
Ведь я возле тебя, как возле света ночь.
[Человек]. Исчезни лучше ты! Беги с моих прочь глаз!
Ведь глупа ты сама, если в обман далась.
Чего здесь не слыхать нигде, ты все врешь
И, подлинно сказать, нелепую поешь.
Родился здесь народ и воспитан не так,
Чтоб диких мог твоих охотно слушать врак.
Чуть разве сыщется один или другой,
Чтоб мог понравиться сей дикий замысл твой.

О святой вечери, или о вечности [20]

Телом ты зришь хлеб и вино, но умом усматривается то,
Что скрывается под видом тела — сам бог.
Кто скрыт, тот остается; что является, то сон и тень.
Итак, то, что скрыто, есть вещь: то, что является, ничто.
Является эта великая машина мира, но она сновидение и тень.
Вещь и истинно сущее то, что скрыто под этим звуком.
Так, при закате солнца, когда дуб отбрасывает тень,
Тень хотя и велика, однако она не дерево.
Зачем же мы следуем плоти, говоря, что она видимость, но не сущность?
Почему мы бежим смерти? Смерть нас скроет.
А если скроет, то позволит по-настоящему существовать.
Именно вещь скрыта, одна лишь тень является.
Вставай скорее, о мой верный разум! Поднимись от теней!
Уже укрепленный, ты обрел силу; уже наполненный светом, ты видишь.

Иди вперед, мой свет! За тобой пусть этот спутник следует.
Это душа, которая посвящает тебе свою волю.
Ты солнечный луч, и тебя, скрытого, не подавляет тень.
Без тебя нет ни одной вещи, и ни одна тень не является.
Ты — вещь и тело теней; но вещам ты тень.
Через тебя любая вещь обладает своим бытием.
Итак, ты скрыта в прелестном облике, обнаруживаясь в тенях,
И в скрытом обнаруживаешь прелестный облик,
А там, где не обретаешь привлекательный облик,
Существо или вещь перестает быть тем, чем было.
Когда бежишь, ты не убегаешь; когда перестаешь, ты обретаешь бытие,
Ты снова открываешься как новая форма.
Зачем играешь с моим умом, святой изменчивый змей?
Убегая, ты остаешься и, оставаясь, убегаешь.
То скрываешься, то являешься тенью вещей, открываясь в них.
Когда убегаешь, без тебя, однако, ничего не может случиться.
Таково изображение в разных зеркалах, если сто зеркал расположить вокруг.
Принимая тебя, я тебя не беру, возвращая, удерживаю.
Разделяясь на части, остаешься, однако, при этом целым.
Все тебя берут, но ты никогда не расходуешься;
Тебя все принимают, но ты не можешь принадлежать никому.
Никому не принадлежа, для всех остаешься одним и тем же.
Чем больше меня насыщаешь, тем больше я чувствую голод.
Ты — пища; теперь нужно, чтоб ты, скрытый, был мне причастен,
Для детей же достаточно одной твоей тени.
О изменчивая змея! Скрываешься, как крючок в приманке,
Дабы неразумных детей вовлекать в свое царство!
Хвалю твои ухищрения, лобызаю твои эти козни,
И через твою святость святою также становится твоя тень.
Когда рыбка поймана, она уже не нуждается в приманке;
Так и мне, уже пойманному, не нужна твоя тень.
Сними маску. Удостой прийти без тени:
Я уже вкусил тебя; ты мне уже был лотосом.
Укрепленный этим, я смог убить порочные учения

Глупости, порождающие всякое беззаконие.
Наполненный этим, я смог и смогу победить жестокие
страсти,
Если только ты мне поможешь.
Дай мне твою тишину на все последующие времена моей
жизни;
Будь мне сладким медом, мой свет, моя жизнь!
Возраст уже скоро, скоро украсит мои виски сединой;
Уступи моим слезам и предоставь твои последние дары.
Я прошу, сделай меня дважды старым — душой и телом
вместе.
И ты это сделаешь, если наполнишь мне светом душу.
Если силы оставят тело, ты не оставляй
Сердце и ум мой. О свет мой! Жизнь моя!
Если удовольствия плоти исчезнут, ты будь мне
наслаждением.
И ты будешь им, если ум мне наполнишь светом.
Если не будет плотских богатств, будь мне персидским
сокровищем.
И ты будешь им, если наполнишь мне ум светом.
Если меня будет поносить чернь, ты распространи
на меня свою милость.
И ты ее распространишь, если наполнишь мне душу
светом.
Скорее поднимайся! Почему не уведешь меня от теней
вещей?
Но прежде наполни мне эту грудь светом.
Я — пепел, тень, ничто: но когда наполнишь меня светом,
Я стану сущим и вещью, а не пеплом, тенью, ничем.
Освободи меня от всего, от любви к бездейственной земле.
Так будет мир! И ты сделаешь это под сиянием твоего
света.
Дай мне побольше этого света, дай мне презирать смерть;
Дай мне желать смерти, дай мне любить смерть!

О призрачном удовольствии [21]

Если легкая тень тебя укрывает, стоит ей исчезнуть,
тебя опалит зной.
Если же дом тебя укрывает, найдешь в нем покой
и ночью, и днем.
Такова же телесная сладость. То чувствуешь сладость
меда,

Но скоро она, как тень, убегает, наполняя грудь горькой
желчью.
О! беги, беги, любезный богу человек, от приманки: в ней
скрыт крючок.
Приманка скрывается быстро, но в ней остается жадный
крючок.
Но не такова добродетель: она делает душу мужественной;
Сначала она тягостнее желчи, а затем нравится.
Так же бывает, когда ты неохотно принимаешь горькое
лекарство,
Однако после каждый род пищи тебе становится приятен.
И кто не хочет уступить лихорадке, располагающей
ко сну,
У того скоро возвращается радость здоровья.
Кто вынес зиму от начала до конца, у того придет
приятная весна.
У кого сначала дождь, у тех затем наступает туман.
Бог везде справедлив, умеряя все вещи.
Нет ничего чистого: бог все смешал.
Ибо горькое покрывается сверху сладким.
Что начинается сладким, будет иметь горький конец.
Напротив, сладость предполагает муравьиный труд.
Сладкое вкусит позднее тот, кто в силах поглотить
неприятное.
И слабые сердца в силах начать сладким,
Но только у превосходных людей сладким венчается труд.

БАСНИ ХАРЬКОВСКИЕ

Любезный приятель! [1]

В седьмом десятке нынешнего века, отстав от учительской должности и уединяясь в лежащих около Харькова лесах, полях, садах, селах, деревнях и пчельниках, обучал я себя добродетели и поучался в Библии; притом, благопристойными игрушками забавляясь, написал полтора десятка басен, не имея с тобою знакомства. А сего года в селе Бабаях [2] умножил оные до половины. Между тем, как писал прибавочные, казалось, будто ты всегда присутствуешь, одобряя мои мысли и вместе о них со мною причащаясь. Дарую ж тебе три десятка басен, тебе и подобным тебе.

Отеческое наказание заключает в горести своей сладость, а мудрая игрушка утаивает в себе силу.

Глупую важность встречают по виду, выпроваживают по смеху, а разумную шутку важный печатлеет конец. Нет смешнее, как умный вид с пустыми потрохами, и нет веселее, как смешное лицо с утаенною дельностью. Вспомните пословицу: «Красна хата не углами, но пирогами».

Я и сам не люблю превратной маски тех людей и дел, о которых можно сказать малороссийскую пословицу: «Стучит, шумит, гремит... А что там? Кобылья мертвая голова бежит» [3]. Говорят и великороссийцы: «Летала высоко, а села недалеко» — о тех, что богато и красно говорят, а нечего слушать. Не люба мне сия пустая надменность и пышная пустошь, а люблю то, что сверху ничто, но в середке чтось, снаружи ложь, но внутри истина. Такова речь, и человек назывался у эллинов σιληνός, картинка, сверху смешная, но внутри благолепная [4].

Друг мой! Не презирай баснословия! Басня и притча есть то же. Не по кошельку суди сокровище, праведен суд

суди. Басня тогда бывает скверная и бабья, когда в подлой и смешной своей шелухе не заключает зерно истины, похожа на орех пустой. От таких-то басен отводит Павел своего Тимофея[5] (I к Тимофею, гл. 4, ст. 7). И Петр не просто отвергает басни, но басни ухищренные, кроме украшенной наличности, силы Христовой не имущие. Иногда во вретище дражайший кроется камень. Пожалуй, разжуй сии Павловские слова: «Не внимая иудейским басням, ни заповедям людей, отвращающих от истины». Как обряд есть без силы божьей — пустошь, так и басня, но без истины. Если ж с истиною, кто дерзнет назвать лживою? «Все ибо чистое чистым, осквернённым же и неверным ничто же чисто, но осквернися их ум и совесть» (К Титу, I)[6]. Сим больным, лишенным страха божия, а с ним и доброго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, но осквернился их ум и совесть.

Сей забавный и фигурный род писаний был домашний самым лучшим древним любомудрцам. Лавр и зимою зелен. Так мудрые и в игрушках умны и во лжи истинны. Истина острому их взору не издали болванела так, как подлым умам, но ясно, как в зерцале, представлялась, а они, увидев живо живой ее образ, уподобили оную различным тленным фигурам.

Ни одни краски не изъясняют розу, лилию, нарцисс столь живо, сколь благолепно у них образуется невидимая божия истина, тень небесных и земных образов. Отсюда родились hieroglyphica, emblemata, symbola, таинства[7], притчи, басни, подобия, пословицы... И не дивно, что Сократ, когда ему внутренний ангел-предводитель во всех его делах велел писать стихи, тогда избрал Эзоповы басни[8]. И как самая хитрейшая картина неученым очам кажется враками, так и здесь делается.

Само солнце всех планет и царица Библия их тайнообразующих фигур, притчей и подобий богозданна. Вся она вылеплена из глинки и называется у Павла буйством. Но в сию глинку вдохнен дух жизни, а в сем буйстве кроется мудрое всего смертного. Изобразить, приточить, уподобить значит то же.

Прими ж, любезный приятель, дружеским сердцем сию небезвкусную от твоего друга мыслей его воду. Не мои сии мысли и не я оные вымыслил: истина безначальна. Но люблю — тем мои, люби — и будут твои. Знаю, что твой телесный болван далеко разнится от моего чучела, но

два разноличные сосуда одним да наполняются ликером, да будет едина душа и едино сердце. Сия-то есть истинная дружба, мыслей единство. Все не наше, все погибнет и сами болваны наши. Одни только мысли наши всегда с нами, одна только истина вечна, а мы в ней, как яблоня в своем зерне, скроемся.

Питаем же дружбу. Прими и кушай с Петром четвероногих зверей, гадов и птиц. Бог тебя да благословляет! С ним не вредит и самый яд языческий. Они не что суть, как образы, прикрывающие, как полотном, истину. Кушай, пока вкусишь с богом лучшее.

Любезный приятель! *Твой верный слуга, любитель священной Библии*
Григорий Сковорода.

1744 г., в селе Бабаях, накануне 50-тницы.

Басня 1

Собаки [9]

В селе у хозяина жили две собаки. Случилось мимо ворот проезжать незнакомцу. Одна из них, выскочив и полаяв, поколь он с виду ушел, воротилась на двор.

— Что тебе из сего прибыло? — спросила другая.

— По крайней мере не столь скучно,— отвечала она.

— Ведь не все ж,— сказала разумная,— проезжие таковы, чтоб их почитать за неприятелей нашего хозяина, а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то, что с прошедшей ночи нога моя волчьими зубами повреждена. Собакою быть дело не худое, но без причины лаять на всякого дурно.

Сила [10]. Разумный человек знает, что осуждать, а безумный болтает без разбору.

Басня 2

Ворона и Чиж

Неподалеку от озера, в котором видны были жабы, Чиж, сидя на ветке, пел. Ворона в близости тоже себе квакала, и, видя, что Чиж петь не перестает:

— Чего ты сюда же дмешься [11], жаба?

— А отчего ты меня жабою зовешь?— спросил Чиж Ворону.

— Оттого, что ты точно такой зеленый, как вон та жаба.

А Чиж сказал: — О, ежели я жаба, тогда ты точная лягушка по внутреннему твоему орудию, которым пение весьма им подобное отправляешь.

Сила. Сердце и нравы человеческие, кто он таков, свидетельствовать должны, а не внешние качества. Дерево из плодов познается.

Басня 3

Жаворонки

Еще в древние века, в самое то время, как у орлов черепахи летать учились, молодой Жаворонок сидел недалече того места, где одна из помянутых черепах, по сказке мудрого Эзопа[12], летанье свое благополучно на камне окончила с великим шумом и треском. Молодчик, испугавшись, пробрался с трепетом к своему отцу:

— Батюшка! Конечно, возле той горы сел орел, о котором ты мне когда-то говорил, что она птица всех страшнее и сильнее...

— А по чему ты догадываешься, сынок?— спросил старик.

— Батюшка! Как он садился, я такой быстроты, шуму и грому никогда не видывал.

— Мой любезнейший сынок! — сказал старик. — Твой молоденький умок... Знай, друг мой, и всегда себе сию песенку пой:

Не тот орел, что высоко летает,
Но тот, что легко седает...

Сила. Многие без природы изрядные дела зачинают, но худо кончат. Доброе намерение и конец всякому делу есть печать.

Басня 4

Голова и Туловище

Туловище, одетое в великолепное и обширное с дорогими уборами одеяние, величалося перед Головою и упрекало ее тем, что на нее и десятая доля не исходит в сравнении с его великолепием...

— Слушай, ты дурак! Если может поместиться ум в твоем брюхе, то рассуждай, что сие делается не по большему твоему достоинству, но потому, что нельзя тебе столь малым обойтись, как мне, — сказала Голова.

Фабулка сия для тех, которые честь свою на одном великолепии основали.

Басня 5

Чиж и Щегол

Чиж, вылетев на волю, слетелся с давним своим товарищем Щеглом, который его спросил:

— Как ты, друг мой, освободился?.. Расскажи мне!

— Чудным случаем, — отвечал пленник. — Богатый турок приехал с посланником в наш город и, прохаживаясь из любопытства по рынку, зашел в наш птичий ряд, в котором нас около четырехсот у одного хозяина висело в клетках. Турок долго на нас, как мы один перед другим пели, смотрел с сожалением, наконец:

— А сколько просишь денег за всех? — спросил нашего хозяина.

— 25 рублей, — отвечал он.

Турок, не говоря ни слова, выкинул деньги и велел себе подавать по одной клетке, из которых, каждого из нас на волю выпуская, утешался, смотря в разные стороны, куда мы разлетались.

— А что же тебя, — спросил товарищ, — заманило в неволю?

— Сладкая пища да красная клетка,— отвечал счастливец. — А теперь, пока умру, буду благодарить бога следующею песенкою:

Лучше мне сухарь с водою,
Нежели сахар с бедою.

Сила. Кто не любит хлопот, должен научиться просто и убого жить.

Басня 6

Колеса часов

Колесо часовой машины спросило у Другого:

— Скажи мне, для чего ты качаешься не по нашей склонности, но в противную сторону?

— Меня, — отвечало Другое, — так сделал мой мастер, и сим вам не только не мешаю, но еще вспомоществую тому, дабы наши часы ходили по рассуждению солнечного круга.

Сила. По разным природным склонностям и путь жития разный. Однако всем один конец — честность, мир и любовь.

Басня 7

Орел и Сорока

Сорока Орлу говорила:

— Скажи мне, как тебе не наскучит непрестанно вихрем крутиться на пространных высотах небесных и то в гору, то вниз, будто по винтовой лестнице шататься?..

— Я бы никогда на землю не опустился, — отвечал Орел, — если б телесная нужда к тому меня не приводила.

— А я никогда бы не отлетывала от города, — сказала Сорока, — если бы Орлом была.

— И я то же бы делал, — говорил Орел, — если бы был Сорокою.

Сила. Кто родился для того, чтоб вечностью забавляться, тому приятнее жить в полях, рощах и садах, нежели в городах.

Басня 8

Голова и Туловище [13]

— Чем бы ты жива была, — спросило Туловище Голову, — если бы от меня жизненных соков по частям в себя не вытягивала?

— Сие есть самая правда, — отвечала Голова, — но в награждение того мое око тебе светом, а я вспомоществую советом.

Сила. Народ должен обладателям своим служить и кормить.

Басня 9

Муравей и Свинья

Свинья с Муравьем спорили, кто из них двоих богаче. А Вол был свидетелем правости и побочным судьею.

— А много ли у тебя хлебного зерна? — спросила с гордою улыбкою Свинья. — Прошу объявить, почтенный господин...

— У меня полнехонька горсть самого чистого зерна.

Сказал как только Муравей, вдруг захохотали Свинья и Вол со всей мочи.

— Так вот же нам будет судьею господин Вол, — говорила Свинья. — Он 20 лет с лишком отправлял с великою славою судейскую должность, и можно сказать, что он между всею своею братиею искуснейший юрист и самый острый арифметик и алгебрик. Его благородие может нам спор легко решить. Да он же и в латынских диспутах весьма, кажется, зол.

Вол после сих слов, мудрым зверьком сказанных, тотчас скинул на счеты и при помощи арифметического умножения следующее сделал определение:

— Понеже бедный Муравей только одну горсть зерна имеет, как сам признался в том добровольно, да и, кроме зерна, ничего больше не употребляет, а, напротив того, у госпожи Свиньи имеется целая кадь, содержащая горстей 300 с третью, того ради по всем правам здравого рассуждения...

— Не то вы считали, господин Вол, — прервал его речь Муравей. — Наденьте очки да расход против приходу скиньте на счеты...

Дело зашло в спор и перенесено в высший суд.

Сила. Не малое то, что в обиходе довольное, а довольство и богатство есть то же.

Басня 10

Две Курицы

Случилось Дикой курице залететь к Домашней.

— Как ты, сестрица, в лесах живешь? — спросила Домовая.

— Так слово в слово, как и прочие птицы лесные, — отвечала Дикая. — Тот же бог и меня питает, который диких кормит голубей стадо...

— Так они же и летать могут хорошо, — промолвила хозяйка.

— Это правда, — сказала Дикая, — и я по тому ж воздуху летаю и довольна крыльями, от бога мне данными...

— Вот этому-то я, сестрица, не могу верить, — говорила Домоседка, — оттого, что я насилу могу перелететь вон к этому сараю.

— Не спорю, — говорит Дичина, — да притом же то

изволите, голубушка моя, рассуждать, что вы с малых лет, как только родились, изволите по двору навозы разгребать, а я мое летанье ежедневным опытом твердить принуждена.

Сила. Многие, что сами сделать не в силах, в том прочим верить не могут. Бесчисленные негою отучены путешествовать. Сие дает знать, что как практика без сродности есть бездельная, так сродность трудолюбием утверждается. Что пользы знать, каким образом делается дело, если ты к тому не привык? Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же. Она не в знании живет, но в делании. Ведение без дела есть мученье, а дело — без природы. Вот чем разнится scientia et doctrina (знание и наука).

Басня 11

Ветер и Философ[14]

— О, чтоб тебя черт взял, проклятый!..

— За что ты меня бранишь, господин Философ? — спросил Ветер.

— За то, — ответствует Мудрец, — что как только я отворил окно, чтобы выбросить вон чеснокову шелуху, ты как дунул проклятым твоим вихрем, так все назад по целому столу и по всей горнице разбросал, да еще притом остальную рюмку с вином, опрокинувши, расшиб, не вспоминая то, что, раздувши из бумажки табак, все блюдо с кушаньем, которое я после трудов собрался было покушать, совсем засорил...

— Да знаешь ли, — говорит Ветер, — кто я таков?

— Чтоб я тебя не разумел? — вскричал Физик. — Пускай о тебе мужички рассуждают. А я после небесных планет тебя моего внятия не удостаиваю. Ты одна пустая тень...

— А если я, — говорит Ветер, — тень, так есть при мне и тело. И правда, что я тень, а невидимая во мне божья сила есть точно тело. И как же мне не веять, если меня всеобщий наш создатель и невидимое все содержащее существо движет.

— Знаю, — сказал Философ, — что в тебе есть существо неповинное постольку, поскольку ты Ветер...

— И я знаю, — говорил Дух, — что в тебе столько есть разума, сколько в тех двух мужиках, из которых один,

нагнувшись, поздравил меня заднею бесчестною частью, задравши платье, за то, что я раздувал пшеницу, как он ее чистил, а другой такой же комплимент сделал в то время, как я ему не давал вывершить копну сена, и ты у них достоин быть головою.

Сила. Кто на погоды или на урожай сердится, тот против самого бога, всестроящего, гордится.

Басня 12

Оселка[15] и Нож

Нож беседовал с Оселкою.

— Конечно, ты нас, сестрица, не любишь, что не хочешь в стать нашу вступить и быть ножом...

— Ежели бы я острить не годилась, — сказала Оселка, — не отреклася бы вашему совету последовать и состоянию. А теперь тем-то самым вас люблю, что не хочу быть вами. И конечно, став ножом, никогда столько одна не перережу, сколько все те ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переострю; а в сие время на Оселки очень скудно.

Сила. Родятся и такие, что воинской службы и женитьбы не хотят, дабы других свободнее поощрять к разумной честности, без которой всяка стать недействительна.

Басня 13

Орел и Черепаха[16]

На склоненном над водой дубе сидел Орел, а в близости Черепаха своей братии проповедовала следующее:

— Пропадай оно летать... Покойная наша прабаба, дай бог ей царство небесное, навеки пропала, как видно из Историй, за то, что сей проклятой науке начала было у Орла обучаться. Сам сатана оную выдумал...

— Слушай, ты, дура! — прервал ее проповедь Орел.— Не через то погибла премудрая твоя прабаба, что летала, но через то, что принялась за оное не по природе. А летанье всегда не хуже ползанья.

Сила. Славолюбие да сластолюбие многих поволокло в стать, совсем природе их противную. Но тем им вреднее бывает, чем стать изряднее, и весьма немногих мать родила, например, к философии, к ангельскому житию.

Басня 14

Сова и Дрозд

Как только Сову усмотрели птицы, начали взапуски щипать.

— Не досадно ли вам, сударыня,— спросил Дроздик,— что без всякой вашей виновности нападают? И не дивно ли это?

— Нимало не дивно,— отвечала она.— Они и между собою то же самое всегда делают. А что касается досады, она мне сносна тем, что хотя меня Сороки с Воронами и Граками щиплют, однако Орел с Пугачом не трогают, притом и афинские граждане имеют меня в почтении [17].

Сила. Лучше у одного разумного и добродушного быть в любви и почтении, нежели у тысячи дураков.

Басня 15

Змея и Буфон

Как Змея весною скинула линовище, Буфон, ее усмотрев:

— Куда вы, сударыня,— сказал с удивлением,—отмолодели! Что сему причиною? Прошу сообщить.

— Я вам с охотою сообщу мой совет,— Змея говорит.— Ступайте за мною!

И повела Буфона к той тесной скважине, сквозь которую она, с великою трудностью продравшись, всю старинную ветошь из себя стащила.

— Вот, господин Буфон, извольте пролезать сквозь узкий сей проход. А как только пролезете, тот же час обновитесь, оставив всю негодность по другую сторону.

— Да разве ты меня тут хочешь задушить?— вскричал Буфон. — А хотя мне сюда удастся протащиться, тогда с меня последнюю кожу сдерет...

— Прошу ж не погневаться, — сказала Змея, — кроме сего пути нельзя вам туда дойти, где мне быть удалось.

Сила. Чем лучше добро, тем большим трудом окопалось, как рвом. Кто труда не перейдет, и к добру тот не прийдет [18].

Басня 16

Жабы

Как высохло озеро, так Жабы поскакали искать для себя новое жилище. Наконец все вскричали:

— Ах, сколь изобильно озеро! Оно будет нам вечным жилищем.

И вдруг плюхнули в оное.

— А я,— сказала из них одна,— жить намерила в одном из наполняющих ваше озеро источнике. Вижу издали приосененный холм, многие сюда поточки посылающий, там надеюсь найти для себя добрый источник.

— А для чего так, тетушка? — спросила молодка.

— А для того так, голубка моя, что поточки могут отвестись в иную сторону, а ваше озеро может по-прежнему высохнуть. Родник для меня всегда надежнее лужи.

Сила. Всякое изобилие оскудеть и высохнуть, как озеро, может, а честное ремесло есть неоскудевающий родник не изобильного, но безопасного пропитания. Сколь многое множество богачей всякий день преобразуется в нищих! В сем кораблекрушении единственною гаванью есть ремесло. Самые беднейшие рабы рождаются из предков, жительствовавших в луже великих доходов. И не напрасно Платон сказал: «Все короли из рабов, и все рабы отраживаются из королей». Сие бывает тогда, когда владыка всему — время — уничтожает изобилие. Да знаем же, что всех наук глава, око и душа есть — научиться жизнь жить порядочную, основанную на законе веры и страха божьего, как на главнейшем пункте. Сей пункт есть основание и родник, рождающий ручейки гражданских законов. Но есть глава угла для зиждущих благословенное жительство, и сего камня твердость содержит все должности и науки в пользе, а сие общество в благоденствии.

Басня 17

Два ценных камушка: Алмаз и Смарагд

Высоких качеств Смарагд, находясь при королевском дворе в славе, пишет к своему другу Адамантию следующее:

— Любезный друг!

Жалею, что не радишь о своей чести и погребен в пепле живешь. Твои дарования мне известны. Они достойны честного и видного места, а теперь ты подобен светящему свечнику, под спудом сокровенному. К чему наше сияние, если оно не приносит удивления и веселья народному взору? Сего тебе желая, пребуду — друг твой Смарагд.

— Дражайший друг! — ответствует Алмаз.— Наше с видного места сияние питает народную пустославу. Да взирают на блестящие небеса, не на нас. Мы слабый небес список. А цена наша, или честь, всегда при нас и внутри нас. Грановщики не дают нам, а открывают в нас оную. Она видным местом и людскою хвалою не умножается, а презрением, забвением и хулою не уменьшится. В сих мыслях пребуду— друг твой Адамантий.

Сила. Цена и честь есть то же. Сей, кто не имеет внутри себя, приемля лживое свидетельство снаружи, тот надевает вид ложного алмаза и воровской монеты. Превратно в народе говорят так: «Сделали Абрама честным человеком». А должно было говорить так: «Засвидетельствовано перед народом о чести Абрама». Просвещение или вера божия, милосердие, великодушие, справедливость, постоянность, целомудрие... Вот цена наша и честь! Старинная пословица: «Глупый ищет места, а разумного и в углу видно».

Басня 18

Собака и Кобыла

Кобыла, поноску носить научена, чрезмерно кичилась. Она смертно не любила Меркурия — так назывался выжель — и, желая его убить, при всяком случае грозила ему задними копытами.

— Чем я виноват, госпожа Диана? — говорил выжель Кобыле. — За что я вам столь противен?..

— Негодный!.. Как только стану при гостях носить поноску, ты пуще всех хохочешь. Разве моя наука тебе смех?..

— Простите, сударыня, меня, не таюся в сем моем природном пороке, что для меня смешным кажется и доброе дело, делаемое без природы.

— Сукин сын! Что ж ты хвастаешь природою? Ты неученая невежа! Разве не знаешь, что я обучалась в

Париже? И тебе ли смыслить то, что ученые говорят: Ars perficit naturam [19]. А ты где учился и у кого?

— Матушка! Если вас учил славный патер Пификс [a], то меня научил всеобщий наш отец небесный, дав мне к сему сродность, а сродность — охоту, охота — знание и привычку. Может быть, посему дело мое не смешное, но похвальное.

Диана, не терпя, стала было строить задний фронт, а выжель ушел.

Сила. Без природы, как без пути: чем далее успеваешь, тем беспутнее заблуждаешь. Природа есть вечный источник охоты. Сия воля, по пословице, есть пуще всякой неволи. Она побуждает к частому опыту. Опыт есть отец искусству, ведению и привычке. Отсюда родились все науки, и книги, и хитрости. Сия главная и единственная учительница верно выучивает птицу летать, а рыбу — плавать. Премудрая ходит в Малороссии пословица: «Без бога ни до порога, а с ним хоть за море».

Бог, природа и Минерва есть то же. Как пахнущая соль без вкуса, как цвет без природного своего духа, а око без зеницы, так несродное делание всегда чего-то тайного есть лишенное. Но сие тайное есть глава, а называется по-гречески τὸ πρέπον, сиречь благолепие, или красота, и не зависит от науки, но наука от него. Госпожа Диана, как чересчур обученное, но с недостатком благоразумия животное, изволит противоставить: Ars perficit naturam.

Но когда сродности нет, тогда скажи, пожалуй, что может привести в совершенство обучение? Словцо perficit значит точно то: приводит в совершенство или в окончание. Ведь конец, как в кольце, находится всегда при своем начале, зависящий от него, как плод от семени своего. Знать то, что горница без начала и основания крышею своею с венчиком не увенчается.

Басня 19

Нетопырь и два птенца — Горлицын и Голубицын

Великий преисподний зверь, живущий в земле так, как крот, кратко сказать, Великий Крот, писал самое сладкоречивейшее письмо к живущим на земле зверям и к воздушным птицам. Сила была такая:

[a] Слово эллинское, значит обезьяна рода и роста большого.

— Дивлюсь суеверию вашему: оно в мире нашло то, чего никогда нигде нет и не бывало: кто вам насеял сумасброд, будто в мире есть какое-то солнце? Оное в собраниях наших прославляется, начальствует в делах, печатлеет концы, услаждает жизнь, оживляет тварь, просвещает тьму, источает свет, обновляет время. Какое время? Одна есть только тьма в мире, так одно и время, а другому времени быть чепуха, вздор, небыль... Сия одна ваша дурость есть плодовитая мать и других дурачеств. Везде у нас врут: свет, день, век, луч, молния, радуга, истина. А смешнее всего — почитаете химеру, называемую око, будто оно зерцало мира, света приятелище, радости вместилище, дверь истины... Вот варварство! Любезные мои друзья! Не будьте подлы, скиньте ярем суеверия, не верьте ничему, пока не возьмете в кулак. Поверьте мне: не то жизнь, чтоб зреть, но то, чтоб щупать.

От 18 дня, апр. 1774 года. Из преисподнего мира.

Сие письмо понравилось многим зверям и птицам, например Сове, Дремлюге, Сычу, Удоду, Ястребу, Пугачу, кроме Орла и Сокола. А паче всех Нетопырь ловко шатался в сем высокородном догмате и, увидел Горлицына и Голубицына сынов, старался их сею высокопарною философиею осчастливить. Но Горлицын сказал:

— Родители наши суть лучшие тебе для нас учителя. Они нас родили во тьме, но для света.

А Голубчик отвечал:

— Не могу верить обманщику. Ты мне и прежде сказывал, что в мире солнца нет. Но я, родившись в мрачных днях, в днешний воскресный день увидел рано восход прекраснейшего всемирного ока. Да и смрад, от тебя и от Удода исходящий, свидетельствует, что живет внутри вас недобрый дух.

Сила. Свет и тьма, тленпе и вечпость, вера и нечестие — мир весь составляют и одно другому нужно. Кто тьма — будь тьмою, а сын света — да будет свет. От плодов их познаете их.

Басня 20

Верблюд и Олень

Африканский Олень часто питается змеями[20]. Сей, наглотавшись досыта оных и не терпя внутри палящей ядом жажды, быстрее птиц в полудни пустился на

источники водные и на горы высокие. Тут увидел Верблюда, пьющего в поточке мутную воду.

— Куда спешишь, господин Рогач? — отозвался Верблюд.— Напейся со мною в сем ручейке.

Олень отвечал, что он мутной пить в сладость не может.

— То-то ваши братья чрезмерно нежны и замысловаты, а я нарочно смущаю: для меня мутная слаще.

— Верю,— сказал Олень.— Но я родился пить самую прозрачнейшую из родника воду. Сей меня поточек доведет до самой своей головы. Оставайся, господин Горбач.

Сила[21]. Библия есть источник. Народная в ней история и плотские имена есть то грязь и мутный ил. Сей живой воды фонтан подобен киту, испускающему вверх из ноздрей сокровенную нетления воду, о которой писано: «Вода глубока — совет в сердце мужа, река же исскачущая — и источник жизни» (Притчи, 18 и 20) [22].

Кто Верблюд, тот возмущение потопных глаголов пьет, не достигая к той источничьей главе: «Маслом главы моей не помазал». А Олень к чистой воде востекает с Давидом: «Кто напоит меня водою из рва, который в Вифлееме при вратах?» (2-я Книга Царств, 23, стих 15). Слово, имя, знак, путь, след, нога, копыто, термин есть то тленные ворота, ведущие к нетления источнику. Кто не разделяет словесных знаков на плоть и дух, сей не может различить между водою и водою, красот небесных и росы. Взгляни на 33 гл. ст. 13 Второзакония: «И есть скот нечистый, не раздвояющий копыто». А каков есть сам, такова ему и Библия. О ней-то точно сказано: «С преподобным преподобен будешь...» Описатели зверей пишут, что верблюд, пить приступая, всегда возмущает воду. Но олень чистой любитель.

Сия басня писана в светлое воскресенье по полудни, 1774 в Бабаях.

Басня 21

Кукушка и Косик

Кукушка прилетела к черному Дроздику.

— Как тебе не скучно? — спрашивает его.— Что ты делаешь?

— Пою,— отвечает Дроздик,— видишь...

— Я и сама пою чаще тебя, да все, однако, скучно...

— Да ты ж, сударыня, только то одно и делаешь, что, подкинув в чужое гнездо свои яйца, с места на место перелетая, поешь, пьешь и ешь. А я сам кормлю, берегу и учу своих детей, а свои труды облегчаю пением [а].

Сила. Премножайшие, презрев сродную себе должность, одно поют, пьют и едят. В сей праздности несносную и большую терпят скуку, нежели работающие без ослабы. Петь, пить и есть не есть дело, но главного нашего сродного дела один только хвостик. А кто на то ест, пьет и поет, чтоб охотнее после отдыха взяться за должность, как за предлежащий путь свой, сему скуку прогнать не многого стоит: он каждый день и делен, и празден, и о нем-то пословица: «Доброму человеку всякий день праздник». Должность наша есть источник увеселения. А если кого своя должность не веселит, сей, конечно, не к ней сроден, ни друг ее верный, но нечто возле нее любит, и как не спокоен, так и не счастлив. Но ничто столь не сладко, как общая всем должность. Она есть искание царствия божиего и есть глава, свет и соль каждой частной должности. Самая изрядная должность не веселит и без страха божиего есть, как без главы, мертва, сколько бы она отправляющему ни была сродна. Страх господен возвеселит сердце. Оно, как только начнет возводить к нему мысли свои, вдруг оживляется, а бес скуки и уныния, как прах ветром возметаемый, отбегает. Все мы не ко всему, а к сему всяк добрый человек родился. Счастлив, кто сопряг сродную себе частную должность с общею. Сия есть истинная жизнь. И теперь можно разуметь следующее Сократово слово: «Иные на то живут, чтоб есть и пить, а я пью и ем на то, чтоб жить» [23].

Басня 22

Навоз и Алмаз

Тот-то самый Навоз, в котором древле Эзопов петух вырыл драгоценный камушек [24], дивился Алмазу и любопытно вопрошал:

— Скажи мне, пожалуйста, откуда вошла в тебя цена столь великая? И за что тебя люди столь почитают? Я удобряю нивы, сады, огороды, красы и пользы есть

[а] Самое доброе дело есть скучным без ослабы, а одно только безделье делать во сто раз скучнее.

я податель, а при всем том ни десятой доли не имею чести в сравнении с твоей.

— И сам не знаю,—отвечает Алмаз.— Я та же, что и ты, есть земля и гораздо хуже тебя. Она есть пережженный солнечным зноем пепел. Но только в сухих моих водах благолепно изображается блистание солнечного света, без которого силы все твои удобрения пустые, а произращения мертвы, по старинной пословице: «В поле пшеница годом родится, не нивою, не навозом».

Сила. Светские книги, бесспорно, всякой пользы и красы суть преисполнены. Если бы они спросили Библию: для чего сами пред нею ни десятой доли чести и цены не имеют, для чего ей создаются алтари и храмы? — И сама не знаю,— отвечала бы она.— Я состою с тех же слов и речей, что вы, да и гораздо с худших и варварских. Но в невкусных речи моей водах, как в зерцале, боголепно сияет невидимое, но пресветлейшее око божие, без которого вся ваша польза пуста, а краса мертва.

Конечно, сим-то древом жизни услаждается невкусных речей ее горесть, когда обычная вода ее претворяется в вино, веселящее сердце человеку. А точно о ней одной сказывает Соломон следующее: «Превознеслася ты над всеми. Ложного угождения и суетной доброты женской нет в тебе». Взгляни на конец притчей. Бог часто в Библии означается годом, погодою, благоденствием, например: «Лето господне приятно...» «Се ныне время благоприятно...» Прочти начало Соломонова проповедника о времени. «Время» — по-римски tempus, оно значит не только движение в небесных кругах, но и меру движения, называемую у древних греков ῥυθμός. Сие слово значит то же, что такт: и сие греческое же от слова (τάσσω — располагаю) происходит. Да и у нынешних музыкантов мера в движении пения именуется *темпо*. Итак, темпо в движении планет, часовых машин и музыкального пения есть то же, что в красках рисунок. Теперь видно, что значит ῥυθμός и tempus. И премудро пословица говорит: «В поле пшеница годом родится...» Премудро и у римлян говаривали: Annus producit, non ager [25]. Рисунок и темпо есть невидимость. Басня наша да заключится сими Аристотеля о музыке словами: ῥυθμῷ δὲ χαίρομεν διά το γνώριμον καὶ συντεταγμένον [26]. Кто сие разжует, тот знает, что значит рифм. Сие слово в России во многих устах, но не во многих умах.

Басня 23

Собака и Волк

У Титира, пастуха, жили Левкон и Фиридам, две собаки, в великой дружбе [27]. Они прославились у диких и домашних зверей. Волк, побужден их славою и сыскав случай, поручал себя в их дружбу.

— Прошу меня жаловать и любить, государи мои,— говорил с придворною ужимкою Волк.— Вы меня высоколепно осчастливить в состоянии, если соизволите удостоить меня места быть третьим вашим другом, чего лестно ожидаю.

Потом насказал им о славных и богатых предках своих, о модных науках, в которых воспитан тщанием отцовским.

— Если ж, — промолвил Волк, — фамилиею и науками хвалиться у разумных сердец почитается за дурость, то имею лучшие меры для приведения себя в вашу любовь. Я становитостью с обеими вами сходен, а голосом и волосом с господином Фиридамом. Самая древнейшая пословица: «Simile ducit deus ad simile» [28]. В одном только не таюсь, что у меня лисий хвост, а волчий взор.

Левкон отвечал, что Титир на них совсем не похож, однако есть третий для них друг, что он без Фиридама ничего делать не начинает. Тогда Фиридам сказал так:

— Голосом и волосом ты нам подобен, но сердце твое далече отстоит. Мы бережем овец, довольны шерстью и молоком, а вы кожу сдираете, съедая их вместо хлеба. Паче же не нравится нам зерцало твоей души лукавый взор твой, косо на близ тебя ходящего барашка поглядывающий.

Сила. И фамилия, и богатство, и чин, и родство, и телесные дарования, и науки не сильны утвердить дружбу. Но сердце, в мыслях согласное, и одинаковая честность человеколюбной души, в двоих или троих телах живущая, сия есть истинная любовь и единство, о котором взгляни 4 гл. стих 32 в «Деяниях» [29] и о котором Павел: «Не есть Иудей, не эллин...» «Все бо вы едино есть во Христе Иисусе» (Послание к галатам, гл. 3) [30].

Басня 24

Крот и Линкс[31]

По сказкам, зверь Линкс имеет столь острый взор, что в несколько аршин землю прозирает. Сей, в земле увидев Крота, начал смеяться слепоте его.

— Если бы ты, негодная тварюшка, имел моей прозорливости сотую долю, ты бы мог проникнуть сквозь самый центр земли. А теперь все щупаешь, слеп, как безлунная полночь...

— Пожалуйста, перестань хвастать, — отвечал Крот.— Взор у тебя острый, но ум весьма слеп. Если тебе дано, чего я лишен, и я ж имею, чего у тебя нет. Когда помышляешь об остром твоем взоре, тогда не забывай и острого моего слуха. Давно бы имел, если бы для меня нужны были очи. Вечная правда блаженной натуры никого не обижает. Она, равное во всем неравенство делая, в остроте моего слуха вместила чувство очей.

Сила. Глупость в изобилии гордится и ругается, а в скудости оседает и отчаивается. Она в обеих долях несчастна. Там бесится, как в сумасбродной горячке, а тут с ног валится, как стерво. Сия вся язва родится оттуда, что не научился царствию божию и правде его, а думают, что в мире все делается на удачу так, как в беззаконном владении. Но распростри, о бедная тварь, очи твои и увидишь, что все делается по самой точной правде и равенству, а сим успокоишься. Если в богатстве есть, чего в нищете нет, справься — и сыщешь в нищете, чего в богатстве нет. В которой земле менее родится плодов, там в награду здоровость воздуха. Где менее клюквы и черницы, там менее скорботной болезни; менее врачей — менее больных; менее золота — менее надобности; менее ремесел — менее мотов; менее наук — менее дураков; менее прав — менее беззаконников; менее оружия — менее войны; менее поваров — менее испорченного вкуса; менее чести — менее страха; менее сластей — менее грусти; менее славы — менее бесславия; менее друзей — менее врагов; менее здоровья — менее страстей. Век и век, страна и страна, народ и народ, город и село, юность и старость, болезнь и здоровье, смерть и жизнь, ночь и день, зима и лето,— каждая стать, пол и возраст и всякая тварь имеет собственные свои выгоды. Но слепая глупость и глупое неверие сего не разумеет, одно только худое во всем вп-

дит, подобна цирюльничьим пиявкам, негодную кровь высасывающим. Для сего век над веком возносит, народ выше народа, недовольна своею ни статью, ни страною, ни возрастом, ни сродностью, ни участью, ни болезнью, ни здоровьем, ни смертью, ни жизнью, ни старостью, ни юностью, ни летом, ни зимою, ни ночью, ни днем и при удаче то восходит до небес, то нисходит отчаянием до бездн, лишена как света и духа веры, так и сладчайшего мира с равнодушием и жжется собственным своих печалей пламенем, дабы исполнилось для нее: «А не верующий уже осужден есть». Все же есть благое кроме не видеть царствия божия и правды его, кроме болеть душою и мучиться из роптания неудовольствием; сие одно есть злое. Сие есть гордость сатанинская, воссесть на престоле вышнего покушающаяся. Сей есть точный центр ада и отец страстей. «И не дает Иов безумия богу». «Благословлю господа на всякое время». Сей есть свет истины и видения божиего. Посему и священники именуются сердца, в неверии сидящие, божиим светом озаряя. «Вы есть свет миру». «Столь прекрасны ноги благовествующих мир...» «Святи их в истину твою...»

Басня 25
Лев и Обезьяны

Лев спит навзничь, а спящий весьма схож с мертвым. Толпа разного рода Обезьян, почитая его мертвым, приблизившись к нему, начали прыгать и ругаться, забыв страх и почтение к царю своему. А как пришло время восстания от сна, подвигнулся Лев. Тогда Обезьяны, одним путем к нему пришедшие, седмицею путей рассыпалися. Старшая из них, придя в себя, сказала:

— Наши и предки ненавидели Льва, но Лев и ныне Лев и во веки веков.

Сила. Лев есть образ Библии, на которую восстают и ругают идолопоклонничьи мудрецы. Они думают, что она мертва и говорит о мертвости стихийной, не помышляя о том, что в тленных ее образах скрывается жизнь вечная и что все сие восстает и возносится к тому: «Бог наш на небесах и на земле...» И не разумея, что исходы ее суть исходы жизни, ругаются, слыша сие. «О горнем мудрствуйте...» «Нет здесь» [а].

[а] Сие Хамово племя смеется наготе отчей.

А как только блеснул свет восстания ее, тогда исполняется на них: «Расточатся враги его». Вот для чего Василий Великий [32] говорит о Евангелии, что оно есть воскресение мертвых.

Иуда, сын Иакова, вместо Льва образом невидимого царя и бога лежит, и посему то написано: «Возлег почил, как Лев. Кто воздвигнет его?» Лежит львица и царица наша, чистая дева, Библия, и о ней-то жизнь и воскресение наше Христос сказывает: «Не умерла девица, но спит...»

Блажен, не смежающий очей перед блистанием ее! Сей да поет с Давидом: «Сколь возлюбленны селения твои...» «Сколь красны дома твои, Иаков...»

Зверей описатели пишут, что Лев, родившись, лежит мертв, пока ужасным рыком возбудит его отец его, а сие делает в третий день. Возможно ль найти благолепнейший для божественной книги образ?

Басня 26

Щука и Рак

Щука, напав на сладкую еду, жадно проглотила. Но вдруг почувствовала сокровенную в сладости уду, увязшую во внутренностях своих. Рак сие издали приметил и, на утрешний день увидев Щуку, спросил:

— Отчего вы, сударыня, не веселы? Куда девался ваш кураж?

— Не знаю, брат, что-то грустно. Думается, для увеселения поплыть из Кременчука в Дунай. Днепр наскучил [33].

— А я знаю вашей грусти родник, — сказал Рак, — вы проглотили уду. Теперь вам не пособит ни быстрый Дунай, ни плодоносный Нил, ни веселовидный Меандр, ни золотые крыльца.

Сила. Рак точную правду сказывает. Без бога и за морем худо, а мудрому человеку весь мир есть отечество: везде ему и всегда добро. Он добро не собирает по местам, но внутри себя носит оное. Оно ему солнце во всех временах, а сокровище во всех сторонах. Не его место, но он посвящает место, не изгнанник, но странник и не отечество оставляет, а отечество переменяет; в которой земле пришелец, той земли и сын, имея внутри себя народное право, о котором Павел: «Закон духовный есть».

Страх господен — источник мудрости и веселья, и долгоденствия, а неверие есть сладчайшая еда, скрывающая горчайший яд. Трудно сей яд приметить. Трудно проникнуть беззаконие. «Грехопадение кто разумеет?» Тот, кто проникнул страх божий. Корень его горький, но плоды сладчайшие. А беззаконие есть уда, сладостью обвитая, уязвляющая душу.

Честолюбие ли тебя ведет ко греху? Оно есть сладость, обвившая уду. Плотская ли сласть пленила? Проглотил ты уду. За серебром ли погнался и впал в неправду? Пленен ты удою. Зависть ли, месть, гнев или отчаянность увязла в душе твоей? Проглотил ты уду, о которой Павел: «Жало же смерти — грех». Безбожие ли вселилося в сердце твоем? Проглотил ты уду, о которой Исаия: «Не радоваться нечестивым». «Говорит безумный в сердце своем: нет бога...» Вражда ли с богом воцарилась внутри тебя? Пожер ты уду, о которой Мойсей: «Проклят ты в городе, проклят ты на селе...» Мучит душу твою страх смерти плотской? Увязла в ней уда, о которой Исаия: «Беззаконные взволнуются и почить не смогут». Грех, значит, жить по закону плотских членов и страстей наших, воюющих против закона ума нашего. Таков где скроется? Какое место увеселит его? Какая прибыль раскуражит сердце его? В душе своей и в сердце своем везде и всегда носит несчастие. Взгляни и послушай несчастного раба! «Которое бо хотеть, принадлежит мне, а что делать не обретаю...»

Вот истинный плен! «Всяк согрешающий раб есть греха».

Басня 27

Пчела и Шершень

— Скажи мне, Пчела, отчего ты столь глупа? Знаешь, что трудов твоих плоды не столько для тебя самой, сколько для людей полезны, но тебе часто и вредят, принося вместо награждения смерть, однако не перестаете дурачиться в собирании меда. Много у вас голов, но безмозглые. Видно, что вы без толку влюбилися в мед.

— Ты высокий дурак, господин Советник,— отвечала Пчела.— Мед любит есть и Медведь, а Шершень тоже лукаво достает. И мы бы могли воровски добывать, как иногда наша братия и делает, если бы мы только есть любили.

Но нам несравненно бо́льшая забава собирать мед, нежели кушать. К сему мы рождены и не перестанем, пока умрем. А без сего жить и в изобилии меда есть для нас лютейшая смерть.

Сила. Шершень есть образ людей, живущих хищением чужого и рожденных на то одно, чтоб есть, пить и проч. А пчела есть герб мудрого человека, в сродном деле трудящегося. Многие шершни без толку говорят: для чего сей, например, студент научился, а ничего не имеет? На что-де учиться, если не иметь изобилия?.. Не рассуждая слов Спраха [34]: «Веселье сердца — жизнь человеку»,— и не разумея, что сродное дело есть для него сладчайшее пиршество. Взгляните на правление блаженной натуры и научитесь. Спросите вашу борзую собаку, когда она веселее? — Тогда,— отвечает вам,— когда гоню зайца. Когда вкуснее заяц? — Тогда,— отвечает охотник,— когда гоняю.

Взгляните на сидящего пред вами кота. Когда он куражнее? Тогда, когда целую ночь бродит или сидит возле норки, хотя, уловив, и не ест мышь. Запри в изобилии пчелу, не умрет ли с тоски в то время, когда можно ей летать по цветоносным лугам? Что горестнее, как плавать в изобилии и смертно мучиться без сродного дела? Нет мучительнее, как болеть мыслями, а болят мысли, лишаясь сродного дела. И нет радостнее, как жить по натуре. Сладок здесь труд телесный, терпение тела и самая смерть его тогда, когда душа, владычица его, сродным услаждается делом. Или так жить, или должно умереть. Старик Катон чем мудр и счастлив? Не изобилием, не чином — тем, что последует натуре, как видно в Цицероновой книжечке «О старости» [35]. Сия одна есть премилосердная мать и премудрая путеводительница. Сия преблагая домостроительница несытому дарует много, а мало дает довольному малым.

Но раскусить же должно, что значит жить по натуре. Не закон скотских членов и похотей наших, но значит блаженное оное естество, называемое у богословов трисолнечное, всякой твари свою для нее часть и сродность вечно предписывающее. О сем-то естестве сказал древний Епикур следующее: «Благодарение блаженной натуре за то, что нужное сделала нетрудным, а трудное ненужным» [36].

А поскольку в боге нет мужского пола, ни женского, но все в нем и он во всем, для того сказывает Павел: «Который есть всяческое во всем...»

Басня 28

Олениха и Кабан

В польских и венгерских горах [37] Олениха, увидев домашнего Кабана:

— Желаю здравствовать, господин Кабан,— стала приветствовать,— радуюся, что вас...

— Что ж ты, негодная подлость, столь не учтива! — вскричал, надувшись, Кабан.— Почему ты меня называешь Кабаном? Разве не знаешь, что я пожалован Бараном? В сем имею патент, и что род мой происходит от самых благородных Бобров, а вместо епанчи для характера ношу в публике содраную с овцы кожу.

— Прошу простить, ваше благородие,— сказала Олениха,— я не знала! Мы, простые, судим не по убору и словам, но по делам. Вы так же, как прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай бог вам быть и Конем!

Сила. Не можно довольно надивиться глупцам, пренебрегшим и поправшим премного честнейший и бесценный добродетели бисер на то одно, чтоб продраться в чин, совсем ему не сродный. Какой им змий в ухо нашептал, что имя и одежда преобразят их в бытии, а не жизнь честная, достойная чина? Вот точные граки Эзоповы, одевающиеся в чужие перья [38]. Из таковых сшитое жительство подобное судну, в котором ехали морем одетые почеловечески обезьяны, а ни одна править не умела. Если кто просвещенное око имеет, какое множество видит сих Ослов, одетых в львиную кожу! А на что одеты? На то, чтоб вполне могли жить по рабским своим прихотям, беспокоить людей и проламываться сквозь законов гражданских заборы. А никто из достойных чести на неучтивость скорее не сердится, как сии Обезьяны с Ослами и Кабанами. Древняя эллинская пословица: «Обезьяна обезьяною и в золотом характере».

Вспоминает и Соломон о свинье с золотым в ноздрях ее кольцом (Притчи, гл. II, стих 22). Знаю, что точно он сие говорит о тленных и бренных фигурах, в которых

погрязло и скрылося кольцо вечного царствия божия, а только говорю, что можно приточить и к тем, от которых оное взято для особливого образования в Библию. Добросердечные и прозорливые люди разными фигурами изображали дурную душу сих на одно только зло живых и движимых чучел. Есть и в Малороссии пословица: «Далеко свинья от коня».

Басня 29

Старуха и Горшечник

Старуха покупала горшки. Амуры молодых лет еще и тогда ей отрыгалися.

— А что за сей хорошенький?..

— За того возьму хоть 3 полушки,— отвечал Горшечник.

— А за того гнусного (вот он), конечно, полушка?..

— За того ниже двух копеек не возьму...

— Что за чудо?..

— У нас, бабка,— сказал мастер,— не глазами выбирают: мы испытываем, чисто ли звенит.

Баба, хотя была не подлого вкуса, однако не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сие знала, да вздумать не могла.

Сила. Конечно, сия премудрая Ева есть прабаба всем тем острякам, которые человека ценят по одежде, по телу, по деньгам, по углам, по имени, не по его жития плодам. Сии правнуки, имея тот же вкус, совершенно доказывают, что они суть плод от сей райской яблони. Чистое, и как римляне говорили, candidum — белое, и независтное сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, верующее в бога и уповающее на него во всем — вот чистый звон и честная души нашей цена! Воспоминает и сосуд избранный Павел о сосудах честных и бесчестных (2, «К Тимофею», гл. 2, стих 20, и «К римлянам», 9, стих 21) [39]. «Утроба буйно как сосуд сокрушен и всякого разума не удержит» (Сирах, гл. 21, ст. 17).

Известно, что в царских домах находятся фарфоровые, серебряные и золотые урыналы, которых, конечно, честнее глиняная и деревянная посуда, пищею наполняемая, так как ветхий сельский храм божий почтеннее господского бархатом украшенного афедрона. Изрядная велико-

российская пословица сия: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Довелось мне в Харькове между премудрыми эмблематами на стене залы видеть следующий: написан схожий на черепаху гад с долговатым хвостом, среди черепа сияет большая золотая звезда, украшая оный. Посему он у римлян назывался stellio, а звезда — stella, но под ним толк подписан следующий: «Sub luce lues», сиречь под сиянием язва. Сюда принадлежит пословица, находящаяся в Евангелии: «Гробы повапленные» [40].

Басня 30

Соловей, Жаворонок и Дрозд [41]

Среди высокой степи стоял сад — жилище Соловьев и Дроздов. Жаворонок, прилетев к Соловью:

— Здравствуй, господин певчий,— сказал ему.

— Здравствуй и ты, господин Соловей,— отвечал ему певчий.

— Для чего ты меня твоим именем называешь? — спросил Жаворонок.

— А ты для чего меня называешь певчим?..

Жаворонок. Я тебя не без причины назвал певчим: твое имя у древних эллинов было ἀηδών, сиречь певчий, а ᾠδὴ — песня.

Соловей. А твое имя у древних римлян было alauda, сиречь слава, а славлю — laudo.

Жаворонок. Если так, теперь начинаю тебя больше любить и прилетел просить твоей дружбы.

Соловей. О простак! Можно ли выпросить дружбу? Надобно родиться к ней [а]. Я часто пою сию мою песенку, научен от отца моего:

Ομοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει θεός [б].

Жаворонок. И мой батька сию песенку поет. Я ж тебе как в прочем, так и в сем подобен, что ты поешь Христа, всей твари господа, а я его ж славлю, и в сем вся наша забава.

Соловей. Хорошо, я совершенный твой друг, если в саду жить станешь.

[а] Один бог есть сеятель дружбы.

[б] Сиречь подобного к подобному ведет бог.

Жаворонок. А я искренний твой любитель, если в степи жить станешь.

Соловей. Ах, не волоки меня в степь: степь — мне смерть. Как ты в ней живешь?..

Жаворонок. Ах, не волоки ж меня в сад: сад — мне смерть, как ты в нем живешь?..

— Полно вам, братья, дурачиться,— молвил, недалече сидя, Дрозд.— Вижу, вы рождены к дружбе, но не смыслите любить. Не ищи то, что тебе нравно, но то, что другу полезно: тогда и я готов быть третьим вашим другом.

Потом, всяк своим пением пропев, утвердили в боге вечную дружбу.

Сила. Сими тремя птичками образуется добрая дружба. Дружбы нельзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать. Любим тех, кого любить родились так, как едим то, что по природе, а у бога для всякого дыхания всякая пища добра, но не всем. И как нельзя коня с медведем, а собаку с волком припрячь к коляске, так не можно, чтобы не оторвалось ветхое сукно, пришитое к свежему, а гнилая доска, приклеенная к новой. Равное же несогласие есть между двумя разных природ людьми, а самая вящая несродность между злым и добрым сердцем. Жаворонок с Дроздом и Соловьем дружить может, а с ястребом, нетопырем — не может. Если бог разделил, тогда кто совокупит? Премудрая и предревняя есть сия пословица: «Ὅμοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει θεός». «Подобного к подобному ведет бог». Одна только несносность жаворонку жить в саду так, как соловью в степи. Сие у эллинов именовалось ἀντιπάθεια [а]. А в прочем во всем между ими равная сносность συμπάθεια [б].

Не должно же друга нудить к тому, что тебя веселит, а его мучит. Многие помянутой пословице противоречат, должно-де и врагов любить. Бесспорно, но дружба так, как милостыня; многие степени окружают центр престола ее. Всем доброжелателем быть можешь, но не наперстником. Иначе благодетельствуем домашним и сродственникам, иначе прихожим и странным. Бог всем благодетель, но не для всех сие его слово: «Обрел Давида, мужа по сердцу моему», а только для тех, которые сердце свое в божественную совсем преобразив волю, о всем благода-

---

[а] Разностность, или противострастие.

[б] Равностность, или сострастие.

ряше веруют, надеются, любят его и слышат: «Вы друзья мои...» (от Иоанна, гл. 15).

Счастлив, кто хоть одну только тень доброй дружбы нажить удостоился. Нет ничего дороже, слаще и полезнее ее. Великая Русь просвещенно поговаривает: «В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится». ««Где был?» — У друга. «Что пил?» — Воду, лучше неприятельского меду»». Носится и в Малороссии пословица: «Не имей ста рублей, как одного друга». Но не достоин дружеской любви превозносящий что-либо выше дружбы и не положивший оную остатним краем и пристанищем всех своих дел и желаний. Соловей преславное свое имя уступает самовольно другу. Сладка вода с другом, славна с ним и безименность. Катон сказал: «Пропал тот день, что без пользы прошел» [42]. Но Траян [43] (чуть ли не Тит) [44] яснее сказал: «О друзья, погиб мой день — никому я не услужил».

Всякой власти, званию, чину, состряпию, ремеслу, наукам начало и конец — дружба, основание, союз и венец обществу. Она создала небо и землю, сохраняя мир миров в красоте, чине и мире. «Бог любви есть...»

А кто пленился ею, тот высший законов гражданских, самим управляется богом. «Всяк, кто в нем пребывает, не согрешает...» (I Иоанна, гл. 3, стих 7) [45]. «Праведнику закон не положен, но беззаконным» (I, К Тимофею, гл. 1, стих 9).

Не надобно приводить трубами воду туда, где отрыгает чистейшее питье сам источник — всех поточков отец и глава. «Своему господу стоит или падает» (К римлянам, гл. 14).

К сей главе нас возводить есть должность богословия, одной из трех главнейших наук, содержащих в благодействии жительство. Сих одних учителя именуются в Европе doctores.

Единственный их предмет есть человек. Медицина врачует тело; юриспруденция страхом приводит каждого к должности, а богословие из рабов делает сынами и друзьями божиими, вливая в сердце их охоту свободную к тому, к чему гражданские законы силою волокут. «Уже ты не раб, но сын...» (К галатам.., гл. 4). Чем множе таковых в жительстве, тем оно счастливее, и не напрасно есть пословица: «Доброе братство лучше богатства».

А что сказано о дружбе, то ж разумеется и о состоянии. Как в том, так и к сему вождь верный есть природа; счастлив же последующий ему. Впрочем, как помянутые птички образуют верного, избранного по природе, сиречь по богу, друга, так друг есть фигура и образ священной Библии. Взгляни на гл. 6, стих 14 Сираха. Читай их подалее и понимай, что Христос есть всех тех слов цель. Он есть премудрость божия, глаголящая к нам: «Вы друзья мои... Се мать моя и братья...» (Марка, гл. 3) [46].

А как творящие волю божию суть мать и братья Христовы, так взаимно им Библия. Взгляни на конец 14 гл. и на начало 15 Сираха. Точно о Библии речь: «Вырастит его, как мать...»

Скажи мне, что есть друг? Слуга и доброжелатель. Какая ж лучшая услуга, как привести к ведению божию? Все есть ложь, сиречь непостоянное и нетвердое, кроме бога. Но Библия учит о боге: «Я на сие родился... чтоб свидетельствовать истину» (От Иоанна, стих 37, гл. 18). «Слово твое истина есть» (гл. 17, От Иоанна) [47]. Вся наша жизнь в руке божией; сие значит врожденное нам предписание пищи, состояния, дружбы... Самое маленькое дело без его руководства есть неудачное. «Без меня не можете...» Кто знает бога, тот знает план и путь жития своего. Что есть житие? Есть всех дел и движений твоих сноп. Видишь, что познавший бога все свое разумеет. Вот для чего сказано: «Друг верен — покров крепок...»

Ничему нас Библия не учит, кроме богознания, но сим самим всего учит. И как имеющий очи все видит, так чувствующий бога все разумеет и все имеет —все, что для себя. А если черепаха крыльев не имеет, какая нужда? Они для птицы нужны. Не в том совершенная премудрость, чтоб весь мир перезнать. Кто может сие? А невозможное и ненужное есть то же. Но если все знаешь, что тебе надобно, сие значит совершенную мудрость. Пересмотрев все планеты и приобрев все миры, не имея и не зная то, что для тебя, и скуден, и не знаток, и не весел ты, так как, перевидав все дороги, но не увидав твою, ничего и не знаешь, и не имеешь, и не куражен. Да и как быть можешь куражен, лишен для тебя нужного? Как иметь станешь, не сыскав? А как сыщешь, не узнав? Как же узнаешь, лишен сладчайшего и всевожделеннейшего твоего руководителя— света божиего? Старинная пословица: «Охота пуще неволи». Злая охота побуждает злодея

к ужасным предприятиям. Но не менее сильна и святая охота. Охота, любовь, огонь, свет, пламень, разжжение есть то же, «Бог любви есть...»

Сия распалила и устремила апостольские, пророческие и мученические сердца на лютые страдания, а пустынников и постников к горчайшим подвигам разожгла и оживляла их. О сем просвещающем и распаляющем, но не опаляющем огне Соломон в Песне Песней [48]:

Крепка, как смерть, любовь,
Жестока, как ад, ревность,
Крылья ее — крылья огня;
Углие огненное — пламя ее (гл. 8).

Сей божественный кураж просвещал тьму их, согревал отчаяние, прохлаждал зной, услаждал горести, а без сего всякое счастье есть несчастное. Итак, Библия есть наш верховнейший друг и ближний, приводя нас к тому, что есть единое дражайшее и любезнейшее. Она есть для нас предками нашими оставленный завет, хранящий сокровище боговедения. Боговедение, вера, страх божий, премудрость есть то же. Сия одна есть истинная премудрость. Сей друзей божиих и пророков готовит (Премудрости Соломона, гл. 4) [49].

«Сию возлюбил и поискал из юности моей». «Сия благолепнее солнца». «Проницающая, как утро, добра, как луна, избрана, как солнце». «Труды ее суть добродетели: ибо целомудрию и разуму учит, правде и мужеству, их же потребнее ничто же есть в житии людям» (Песнь Песней и Премудрости Соломона, гл. 7 и гл. 8).

ТРАКТАТЫ. ДИАЛОГИ

НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ К ХРИСТИАНСКОМУ ДОБРОНРАВИЮ[1]

Написана в 1766 году для молодого шляхетства Харьковской губернии, а обновлена в 1780 году

Преддверие

Благодарение блаженному богу о том, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным[2].

Нет слаще для человека и нет нужнее, как счастье; нет же ничего и легче сего. Благодарение блаженному богу. Царствие божие внутри нас. Счастие в сердце, сердце в любви, любовь же в законе вечного.

Сие есть непрестающее ведро и незаходящее солнце, тьму сердечной бездны просвещающее. Благодарение блаженному богу.

Что было бы, если бы счастие, пренужнейшее и любезнейшее для всех, зависело от места, от времени, от плоти и крови? Скажу яснее: что было бы, если бы счастие заключил бог в Америке, или в Канарских островах, или в азиатском Иерусалиме, или в царских чертогах, или в соломоновом веке, или в богатствах, или в пустыне, или в чине, или в науках, или в здравии?.. Тогда бы и счастие наше и мы с ним были бедные. Кто б мог добраться к тем местам? Как можно родиться всем в одном коем-то времени? Как же и поместиться в одном чине и стати? Кое же то и счастие, утвержденное на песке плоти, на ограниченном месте и времени, на смертном человеке? Не сие ли есть трудное? Ей! Трудное и невозможное. Благодарение же блаженному богу, что трудное сделал ненужным.

Ныне же желаешь ли быть счастливым? Не ищи счастья за морем, не проси его у человека, не странствуй по планетам, не волочись по дворцам, не ползай по шару земному, не броди по Иерусалимам... Золотом можешь купить деревню, вещь трудную, как обходимую, а счастие как необходимая необходимость туне везде и всегда дарует ся.

Воздух и солнце всегда с тобою, везде и туне; все же то, что бежит от тебя прочь, знай, что оно чуждое и не почитай за твое, все то странное есть и лишнее. Что же тебе нужды? Тем-то оно и трудное. Никогда бы не разлучилось с тобою, если бы было необходимое. Благодарение блаженному богу.

Счастие ни от небес, ни от земли не зависит. Скажи с Давидом: «Что мне есть на небесе? И от тебя что восхотел на земле?»

Что же есть для тебя нужное? То, что самое легкое. А что же есть легкое? О друг мой, все трудное, и тяжелое, и горькое, и злое, и лживое есть. Однако что есть легкое? То, друг мой, что нужное. Что есть нужное? Нужное есть только одно: «Едино есть на потребу».

Одно только для тебя нужное, одно же только и благое и легкое, а прочее все труд и болезнь.

Что же есть оное едино? Бог. Вся тварь есть рухлядь, смесь, сволочь, сечь, лом, крушь, стечь, вздор, сплочь, и плоть, и плетки... А то, что любезное и потребное, есть едино везде и всегда. Но сие едино все горстию своею и прах плоти твоей содержит.

Благодарение ж блаженному богу за то, что все нас оставляет и все для нас трудное, кроме того, что потребное, любезное и единое.

Многие телесные необходимости ожидают тебя, и не там счастие, а для сердца твоего едино есть на потребу, и там бог и счастие, не далече оно. Близ есть. В сердце и в душе твоей.

В сей ковчег ведет и наша десятоглавая беседа, будто чрез десять дверей, а я желаю, дабы душа твоя, как Ноева голубица, не обретши нигде покоя, возвратилась к сердцу своему, к тому, кто почивает в сердце твоем, дабы сбылося оное Исаиино: «Будут основания твои вечные родом родов, и назовешься создателем оград, и пути твои посреди успокоишь».

Сего желает Григорий, сын Саввы Сковороды.

ТВЕРДЬ БЕСЕДЫ

«Истина господня пребывает вовеки».
«Вовек, господи, слово твое пребывает».
«Закон твой посреди чрева моего».
«Слово плотью было и вселилось в нас».
«Посреди вас стоит, его же не знаете».

Глава 1-я

О боге

Весь мир состоит из двух натур: одна— видимая, другая — невидимая.

Видимая натура называется тварь, а невидимая — бог [3].

Сия невидимая натура, или бог, всю тварь проницает и содержит; везде всегда был, есть и будет. Например, тело человеческое видно, но проницающий и содержащий оное ум не виден.

По сей причине у древних бог назывался *ум всемирный.* Ему ж у них были разные имена, например: *натура, бытие вещей, вечность, время, судьба, необходимость, фортуна* и проч.

А у христиан знатнейшие ему имена следующие: *дух, господь, царь, отец, ум, истина.* Последние два имени кажутся свойственнее прочих, потому что ум вовсе есть невещественен, а истина вечным своим пребыванием совсем противна непостоянному веществу. Да и теперь в некоторой земле называется бог *ишген* [4]. Что касается видимой натуры, то ей также не одно имя, например: *вещество,* или *материя, земля, плоть, тень* и проч.

Глава 2-я

О вере вселенской

Как теперь мало кто разумеет бога, так не удивительно, что и у древних часто публичною ошибкою почитали вещество за бога и затем все свое богопочитание отдали в посмеяние.

Однако же в то все века и народы всегда согласно верили, что есть тайная некая, по всему разлившаяся и всем владеющая сила.

По сей причине для чести и памяти его по всему шару земному общенародно были всегда посвящаемы дома, да и теперь везде все то же. И хотя, например, подданный может ошибкою почесть камердинера вместо господина, однако ж в том никогда не спорит, что есть над ним владелец, которого он, может статься, в лицо не видывал. Подданный его есть всякий народ, и равно каждый признает пред ним рабство свое.

Такова вера есть общая и простая.

Глава 3-я

О промысле общем

Сия-то блаженнейшая натура, или дух, весь мир, будто машинистова хитрость часовую на башне машину, в движении содержит и, по примеру попечительного отца, сам бытие есть всякому созданию. Сам одушевляет, кормит, распоряжает, починяет, защищает и по своей же воле, которая всеобщим законом, или уставом, зовется, опять в грубую материю, или грязь, обращает, а мы то называем смертию.

По сей причине разумная древность сравнила его с математиком или геометром, потому что непрестанно в пропорциях или размерах упражняется, вылепливая по разным фигурам, например: травы, деревья, зверей и все прочее; а еврейские мудрецы уподобили его горшечнику.

Сей промысл есть общий, потому что касается благосостояния всех тварей.

Глава 4-я

О промысле, особенном для человека

Сей чистейший, всемирный, всех веков и народов всеобщий ум излил нам, как источник, все мудрости и художества, к провождению жития нужные.

Но ничем ему так не одолжен всякий народ, как тем, что он дал нам самую высочайшую свою премудрость, которая природный его есть портрет и печать.

Она столь превосходит прочие разумные духи, или понятия, сколь наследник лучше служителей.

Она весьма похожа на искуснейшую архитектурную симметрию или модель, которая по всему материалу, нечувствительно простираясь, делает весь состав крепким и спокойным, все прочие приборы содержащим.

Так слово в слово и она, по всем членам политического корпуса, из людей, не из камней состоящего, тайно разлившись, делает его твердым, мирным и благополучным.

Если, например, какая-то фамилия, или город, или государство по сей модели основано и учреждено, в то время бывает оно раем, небом, домом божиим и прочее.

А если один какой-то человек созиждет по нему житие свое, в то время бывает в нем страх божий, святыня, благочестие и прочее. И как в теле человеческом один ум, однако разно по рассуждению разных частей действует, так и в помянутых сожительствах, сею премудростию связанных, бог чрез различные члены различные в пользу общую производит действа.

Она во всех наших всякого рода делах и речах душа, польза и краса, а без нее все мертво и гнусно. Родимся мы все без нее, однако для нее. Кто к ней природнее и охотнее, тот благороднее и острее, а чем большее кто с нею имеет участие, тем действительнейшее, но не понятое внутри чувствует блаженство или удовольствие. От нее одной зависит особенный в созидании рода человеческого промысл. Она-то есть прекраснейшее лицо божие, которым он со временем, напечатуясь на душе нашей, делает нас из диких и безобразных монстров, или уродов, человеками, то есть зверьками, к содружеству и к помянутым сожительствам годными, незлобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми.

А если уже она вселилась в сердечные человеческие склонности, в то время точно есть то же самое, что в движении часовой машины темпо (tempo), то есть правильность и верность. И тогда-то бывает в душе непорочность и чистосердечие, как бы райский некий дух и вкус, пленяющий к дружелюбию.

Она различит нас от зверей милосердием и справедливостью, а от скотов — воздержанием и разумом; и не иное что есть, как блаженнейшее лицо божие, тайно на сердце написанное, сила и правило всех наших движений и дел. В то время сердце наше делается чистым источником благодеяний, несказанно душу веселящих; и тогда-то мы бываем истинными по душе и по телу человеками, подобны годным для строения четвероугольным камням, с каковых живой божий дом составляется, в котором он особливою царствует милостию.

Трудно неоцененное сие сокровище проникнуть и приметить, а для одного сего любить и искать ее нелегко [5].

Но сколь она снаружи неказиста и презренна, столь внутри важна и великолепна, похожа на маленькое, например, смоквинное зерно, в котором целое дерево с плодами и листом закрылось, или на маленький простой

камушек, в котором ужасный пожар затаился. Для оказалости намечали ее всегда признаками, и она, будто какой-то принц, имела свои портреты, печати и узлы, разные в разных веках и народах. Ее то был узел, например, змий, повешенный на колу пред иудеями.

Ее герб— голубь с масличною во устах ветвию. Являлась она в образе льва и агнца, а царский жезл был ее ж предметом и прочее.

Таилась она и под священными у них обрядами, например под еденем пасхи, под обрезанием и прочее.

Закрывалась она, будто под разновидным маскарадом, и под гражданскими историями, например под повестью о Исаве и Иакове, о Сауле и Давиде[6] и проч., и одним тайным своим присутствием сделала те книги мудрыми. А в последовавшие уже времена показалась она в образе мужском, сделавшись богочеловеком.

Каковым же способом божия сия премудрость родилась от отца без матери и от девы без отца, как-то она воскресла и опять к своему отцу вознеслась и прочее,— пожалуй, не любопытствуй. Имеются и в сей так, как в прочих науках, праздные тонкости, в которых одних может себе занять место та недействительная вера, которую называют умозрительною. Поступай и здесь так, как на опере, и довольствуйся тем, что глазам твоим представляется, а за ширмы и за хребет театра не заглядывай. Сделана сия занавесь нарочно для худородных и склонных к любопытству сердец, потому что подлость, чем в ближайшее знакомство входит, тем пуще к великим делам и персонам учтивость свою теряет.

На что тебе спрашивать, например, о воскресении мертвых, если и самый дар воскрешать мочь ничего не пользует бездельной душе — ни воскрешающей, ни воскрешаемой? От таковых-то любопытников породились расколы, суеверия и прочие язвы, которыми вся Европа беспокоится. Важнейшее дело божие есть: одну беспутную душу оживотворить духом своих заповедей, нежели из небытия произвести новый земной шар, населенный беззаконниками.

Не тот верен государю, кто в тайности его вникнуть старается, но кто волю его усердно исполняет.

Вечная сия премудрость божия во всех веках и народах неумолкно продолжает речь свою, и она не иное что есть, как повсеместного естества божиего невидимое лицо

и живое слово, тайно ко всем нам внутрь гремящее. Но не хотим слушать советов ее, одни за лишением слуха, а самая большая часть — по несчастному упрямству, от худого зависящему воспитания.

Прислушивались к нетленному сему гласу премудрые люди, называемые у иудеев пророками, и со глубочайшим опасением повелеваемое исполняли.

Она начало и конец всех книг пророческих; от нее, чрез нее и для нее все в них написано. По сей причине разные себе имена получила. Она называется *образ божий, слава, свет, слово, совет, воскресение, живот, путь, правда, мир, судьба, оправдание, благодать, истина, сила божия, имя божие, воля божия, камень веры, царство божие* и проч. А самые первейшие христиане назвали ее Христом, то есть царем, потому что одна она направляет к вечному и временному счастию все государства, всякие сожительства и каждого порознь[7]. Да и, кроме того, у древних царственным называлось все, что верховным и главнейшим почиталось.

Провидел, было, Авраам блаженнейший свет ее и, на ней уверившись, сделался со всею фамилиею справедливым, а с подданными благополучным. Однако она и прежде Авраама всегда у своих любителей живала. А Мойсей, с невидимого сего образа божиего будто план сняв, начертил его просто и грубо самонужнейшими линиями и, по нему основав иудеевское общество, сделал оное благополучным же и победительным. Он по-тогдашему написал, было, его на каменных досках и так сделал, что невидимая премудрость божия, будто видимый и тленный человек, чувственным голосом ко всем речь свою имеет.

Сия речь, понеже от него разделена на десять рассуждений, или пунктов, потому названа десятословием.

Глава 5-я

О десятословии

I

«Я есть господь бог твой, да не будет тебе богов иных!..» и прочее.

Яснее сказать так: Я глава твоего благополучия и свет разума. Берегись, чтоб ты не основал житня твоего на

иных советах, искусствах и вымыслах, хотя б они из ангельских умов родились. Положись на меня слепо. Если ж, меня минув, заложишь век твой на иной премудрости, то она тебе будет и богом, но не истинным, а посему и счастие твое подобно будет воровской монете.

II

«Не сотвори себе кумира!..» и проч.

А как на подлых камнях, так еще больше не велю тебе строиться на видимостях. Всякая видимость есть плоть, а всякая плоть есть песок, хотя б она в поднебесной родилась; все то идол, что видимое.

III

«Не приемли имени!..» и проч.

Смотри ж, во-первых, не впади в ров безумия, будто в свете ничего нет, кроме видимостей, и будто имя сие (бог) пустое есть. В сей-то бездне живут клятвы ложные, лицемерия, обманы, лукавства, измены и все тайных и явных мерзостей страшилища. А вместо того напиши на сердце, что везде всегда присутствует тайный суд божий, готов на всяком месте невидимо жечь и сечь невидимую твою часть, не коснясь ни точки, за все дела, слова и мысли, в которых меня нет.

IV

«Помни день субботний!..» и проч.

Сие ты повсюду и внутри тебя кроющееся величество божие с верою и страхом в день воскресный прославлять не забывай, а поклоняйся не пустыми только церемониями, но самым делом, сердечно ему подражая. Его дело и вся забава в том, чтоб всеминутно промышлять о пользе всякой твари, и от тебя больше ничего не требует, кроме чистосердечного милосердия к ближним твоим.

А сие весьма легко. Верь только, что сам себя десятью используешь в самое то время, как используешь других, и напротив того.

V

«Чти отца твоего!..» и проч.

Прежде всех отца и мать почитай и служи им. Они суть видимые портреты того невидимого существа, которое тебе столько одолжает.

А вот кто отец твой и мать: будь, во-первых, верен и усерден государю, послушен градоначальнику, учтив к священнику, покорен родителям, благодарен учителям твоим и благодетелям. Вот истинный путь к твоему вечному и временному благоденствию и к утверждению твоей фамилии. Что же касается прочих общества частей, берегись следующего:

VI

«Не убий!»

VII

«Не прелюбодействуй!»

VIII

«Не воруй!»

IX

«Не свидетельствуй ложно, или не клевещи!»

Осуждаем винного, а клевещем невинного. Сия есть страшнейшая злоба, и клеветник по-эллински — дьявол.

X

«Не пожелай!..»

Но понеже злое намерение семя есть злых дел, которым числа нет, а сердце рабское неисчерпаемый есть источник худых намерений, для того по век твой нельзя быть тебе честным, если не попустишь, дабы вновь бог переродил сердце твое. Посвяти ж оное нелицемерной любви. В то время вдруг бездна в тебе беззаконий заключится... Бог, божие слово, к его слову любовь — все то одно.

Сим троеличным огнем разожженное сердце никогда не согрешает, потому что злых семян или намерений иметь не может.

Глава 6-я

Об истинной вере

Если б человек мог скоро понять неоценепную великого сего совета божиего цену, мог бы его вдруг принять и любить.

Но понеже телесное, грубое рассуждение сему препятствует, для того нужна ему вера. Она закрытое всем

советом блаженство, будто издали в зрительную просматривает трубку, с которою и представляется.

При ней необходимо должна быть надежда. Она слепо и насильно удерживает сердце человеческое при единородной сей истине, не позволяя волноваться подлыми посторонних мнений ветрами. По сей причине представляется в виде женщины, держащей якорь [8].

Сии добродетели сердце человеческое, будто надежный ветер корабль, приводит, наконец, в гавань любви и ей поручает.

В то время, по открытии глаз, тайно кричит в душе дух святой следующее: «Правда твоя, правда вовек, и закон твой — истина».

Глава 7-я

Благочестие и церемония — разнь [9]

Вся десятословия сила вмещается в одном сем имени — *любовь*. Она есть вечный союз между богом и человеком. Она огонь есть невидимый, которым сердце распаляется к божиему слову или воле, а посему и сама она есть бог.

Сия божественная любовь имеет на себе внешние виды, или значки; они-то называются *церемония, обряд,* или *образ благочестия*. Итак, церемония возле благочестия есть то, что возле плодов лист, что на зернах шелуха, что при доброжелательстве комплименты. Если же сия маска лишена своей силы, в то время остается одна лицемерная обманчивость, а человек — гробом раскрашенным. Все же то церемония, что может исправлять самый несчастный бездельник.

Глава 8-я

Закон божий и предание — разнь

Закон божий пребывает вовеки, а человеческие предания не везде и не всегда.

Закон божий есть райское древо, а предание — тень.

Закон божий есть плод жизни, а предание — листвие. Закон божий есть божие в человеке сердце, а предание есть смоковный лист, часто покрывающий ехидну. Дверь храма божия есть закон божий, а предание есть приделанный к храму притвор. Сколь преддверие от алтаря,

а хвост от головы, столь далече отстоит предание [от закона божия].

У нас почти везде несравненную сию разность сравнивают, забыв закон божий и смешав с грязью человеческою воедино, даже до того, что человеческие враки выше возносят; и, на оныя уповая, о любви не подумают, да исполнится сие: «Лицемеры! За предания ваши вы разорили закон». Все же то есть предание, что не божий закон.

Глава 9-я

О страстях, или грехах

Страсть есть моровой в душе воздух. Она есть беспутное желание видимостей, а называется нечистый или мучительный дух. Главнейшая всех есть зависть, мать прочих страстей и беззаконий. Она есть главный центр оной пропасти, где душа мучится. Ничто ее не красит и не пользует. Не мил ей свет, не люба благочинность, а вред столь сладок, что сама себя десятью съедает.

Жало адского сего дракона есть весь род грехов, а вот фамилия его: ненависть, памятозлобие, гордость, лесть, несытость, скука, раскаяние, тоска, кручина и прочий неусыпаемый в душе червь.

Глава 10-я

О любви, или чистосердечии

Противится сей бездне чистосердечие. Оно есть спокойное в душе дыхание и веяние святого духа.

Оно подобно прекрасному саду, тихих ветров, сладкодышущих цветов и утехи исполненному, в котором процветает древо нетленной жизни.

А вот плоды его: доброжелательство, незлобие, склонность, кротость, нелицемерие, благонадежность, безопасность, удовольствие, кураж и прочие неотъемлемые забавы.

Кто таковую душу имеет, мир на нем, и милость, и веселие вечное над головою сего истинного христианина!

НАРКИСС [1]

Разглагол о том: Узнай себя

ПРОЛОГ

Сей есть сын мой первородный. Рожден в седьмом десятке века сего. Наркисс нарицается некий цвет и некий юноша. Наркисс — юноша, в зерцале прозрачных вод при источнике взирающий сам на себя и влюбившийся смертно в самого себя, есть предревняя притча из обветшалого богословия, которое есть матерь еврейского [2]. Наркиссов образ благовестит сне: «Узнай себя!» Будто бы сказал: хочешь ли быть доволен собою и влюбиться в самого себя? Узнай же себя! Испытай себя крепко. Право! Как бы можно влюбиться в неведомое? Не горит сено, не касаясь огня. Не любит сердце, не видя красоты. Видно, что любовь есть Софнина дочь [3]. Где мудрость узрела, там любовь сгорела. Воистину блаженна есть самолюбность, если есть свята́; ей свята, если истинная; ей, говорю, истинная, если обрела и узрела единую оную красоту и истину: «Посреди вас стоит, его же не знаете».

Блажен муж, который обретет в доме своем источник утешения и не гонит ветры со Исавом, ловительствуя по пустым околицам [4]. Дочь Саулова Мелхола [5], из отчего дома сквозь окно рассыпающая по улицам взоры свои, есть мать и царица всех шатающихся по окольным пустыням во след беспутного того волокиты, кого, как буйную скотину, встретив, загонит в дом пастырь наш. Куда тебя бес гонит? «Возвратись в дом твой!»

Сии суть Наркиссы буйные. А мой мудрый Наркисс амурится дома, по Соломоновой притче: «Разума праведник, себе друг будет».

Кто-де прозрел в водах своей тлени красоту свою, тот не во внешность какую-либо, не во тления своего воду, но в самого себя и в самую свою точку влюбится. «Пути твои посреди тебя успокоишь».

Наркисс мой, правда, что жжется, разжигаясь углием любви, ревнуя, рвется, мечется и мучится, ласкосердствует, печется и молвит всеми молвами, а не о многом же, ни о пустом чем-либо, но о себе, про себя и в себе. Печется о едином себе. Едино есть ему на потребу. Наконец, весь как лед, истаяв от самолюбного пламени, преображается в источник. Право! Право! Во что кто влюбился, в то преобразился. Всяк есть то, чье сердце в нем. Всяк есть там, где сердцем сам.

О милая моя милость, Наркисс! Ныне из ползущего червища восстал пернатым мотыльком. Ныне се воскрес! Почему не преобразился в ручей или поток? Почто не в реку или море? Скажи мне! Отвечает Наркисс: «Не вредите мне, ибо доброе дело сотворил я. Море из рек, реки из потоков, потоки из ручьев, ручьи из пара, а пар всегда при источнике сущая сила и чад его, дух его и сердце. Се что люблю! Люблю источник и главу, родник и начало, вечные струи, источающие из пара сердца своего. Море есть гной. Реки проходят. Потоки высыхают. Ручьи исчезают. Источник вечно паром дышит, оживляющим и прохлаждающим. Источник единый люблю и исчезаю. Прочее все для меня стечь, сечь, подножие, сень, хвост...» О сердце морское! Чистая бездна! Источник святой! Тебя единого люблю. Исчезаю в тебе и преображаюся... Слышите ли? Се что воспевает орлий птенец, орлиной матери фивандской премудрости [6]!

Лицемеры и суеверы, слыша сие, соблазняются и хулят. Во источник преобразиться? Как могут сии быть? Не ропщите! Вельми легко верующему, яснее скажу, узнавшему в себе красоту оную: «Пар есть сила божия и излияние вседержителя славы чистое».

Лучше-де было ему преобразиться во злато, или во драгоценный камень, или... Постойте! Он самое лучшее нашел. Он преобразуется во владыку всех тварей, в солнце. Ба! Разве солнце и источник есть то же! Ей! Солнце есть источник света. Источник водный источает струи вод, наповая, прохлаждая, омывая грязь. Огненный же источник источает лучи света, просвещая, согревая, омывая мрак. Источник водный водному морю начало. Солнце есть глава огненному морю. Но как-де могут сии быть, дабы человек преобразился в солнце? Если сие невозможно, как ибо гласит истина: «Вы есть свет миру, то есть солнце».

О лицемеры! Не по лицу судите, но по сердцу. Ей! Солнце есть источник. Как же не и человек божий солнцем? Солнце не по лицу, но по источничьей силе есть источник. Так и человек божий, источающий животворящие струи и лучи божества испущающий, есть солнце не по солнечному лицу, но по сердцу. Всяк есть то, чье сердце в нем: волчье сердце есть истинный волк, хотя лицо человечье; сердце боброво есть бобр, хотя вид волчий; сердце вепрево есть вепрь, хотя вид бобров. Всяк есть то, чье сердце в нем. Но лицемеры бодают рогами упорно. Да будет-де сие так здраво! Однако-де человеку преобразиться в лицо солнцево отнюдь невозможно. Лицо-де и сердце разнь... Право, право судите! И я сужу: отнюдь невозможно. Да и какая польза? Вид бобров не творит волка бобром. О глухие лицелюбцы! Внемлите грому сему: «Плоть ничто же, дух животворит».

И сего ли не знаете, что вид, лицо, плоть, идол есть то же и ничто же? Не знаете ли, что мир сей есть идол поля Дейрского[7]? Солнце же истукану сему есть лицо его и златая глава его, и се суета сует! Даниил не кланяется, а Наркисс не любит его. Мир есть улица Мелхолина, блудница вавилонская, бесноватое море, а Даниил и Наркисс в горящих сих адских водах узрели любезную свою милость. Какую? Росоносный источник и истое солнце, как написано: «Пока светит день», то есть солнце. «Где почиваешь? Яви мне вид твой». «О благая мудрость есть человеку, паче же видящим солнце».

Благодарение ибо блаженному богу. Сия есть непзреченная его милость и власть, сотворившая бесполезное невозможным, возможное полезным. Ныне мой Наркисс преобразится в истое, не в пустое солнце. Вопрос лицемеров: «Что се? Так ли в солнце едином два будут солнца?» Ответ: «А где же ваши уши тогда, когда громчайшею трубою небеса проповедуют: «В солнце положил селение свое»?»

Видите, что во златой главе кумира вашего, мира сего, и в Вавилонской сей печи обитает и субботствует свет наш незаходимый и не ваше мрачное, но наше солнце прославляется следующею трубною песнею: «Источник исходит и напоит всех».

Но оставим, да лицемеры мучаются во огненном своем озере. Сами же с Израилем да прейдем на ту сторону моря, по совету Варухову: «Кто перейдет на ту сторону

моря и обретет премудрость? Там рай». Там амурятся все узнавшие себя Наркиссы. Се первый встречает нас возлюбленный Давид, воспевая песнь свою: «В тебе источник живóта. Во свете твоем узрим свет».

Оставайтесь, лицемеры, с наличным вашим солнцем. Мы в дурном вашем солнце обретем новое и прекрасное оное: «Да будет свет!» «Да встанет солнце! И утвердилось солнце».

Се за стеною и за пределами вашими встречает нас, одевшийся светом вашим, как ризою! Се возглашает к нам: «Радуйтесь!» «Дерзайте! Мир вам! Не бойтесь! Я есть свет! Я свет солнцеву кумиру и его миру». «Жаждущий, да грядет ко мне и да пьет!»

Чудо, явленное в водах Наркиссу

Скажи мне, прекрасный Наркисс, в водах твоих узрел ты что? Кто явился тебе в них?

О т в е т. На водах моих всплыло елисейское железо [8]. Узрел я на полотне протекающей моей плоти нерукотворенный образ, «который есть сияние славы отчей». «Положи меня как печать на мышце твоей». «Отражается на нас свет». Вижу Петра вашего гавань: «Землю посреди воды, словом божиим составленную». Я вижу моего друга, друга Исаиина сего: «Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалека». Волшебница — плоть моя явила мне моего Самуила. Сего единого люблю, таю, исчезаю и преображаюсь. Впрочем, от египетского взглянем на еврейских Наркиссов. Вот первый нас встречает: «Ревнуя, поревновал во господе боге...» Вот второй: «Душа моя изойдет в слово твое», то есть преобразуется. Вот еще тебе Наркиссы: «Се все оставили и вослед тебе идем». А Давид не истинный ли есть Наркисс? [9] «Исчезнет сердце мое и плоть моя». «Исчезли очи мои во спасение твое». «Когда приду и явлюсь лицу твоему?» А се не точный ли Наркисс? «Мир мне сораспялся, и я миру». «Не живу я, но живет во мне Христос». «Пока преобразит тело смирения нашего...» «Желаю разрешиться». «Мне бо жить — Христос, а умереть — приобретение».

Как во источнике лицо человечье, так в Исаиных словах, будто дуга во облаке, виден сей Наркиссов амур. «Будет бог твой с тобою присно, и насытишься, как же

желает душа твоя, и кости твои утучнеют и будут, как виноград напоенный и как источник, в котором же не оскудеет вода, и кости твои прозябнут, как трава, и разботеют, и наследят роды родов. И созиждутся пустыни твои вечными, и будут основания твои вечные родам родов, и прозовешься создателем оград, и пути твои посреди тебя успокоишь».

Разговор о том: Знай себя

Лица: Лука, его Друг и Сосед

Лука. Вчера обедали мы оба у моего брата, я и сосед мой, нарочно для воскресного дня, чтоб поговорить о чем-либо из божиего слова. Стол был в саду. Случай к разговору подали слова, написанные в беседке, следующие: «Тот сотрет твою главу, которого ты соблюдать будешь пяту».

Случились при обеде два ученые: Навал и Сомнас [10]. Они много те слова толковали по прошению брата моего. Я непоколебимо верю, что Священное писание есть райская пища и врачевство моих мыслей. Для того охаивал сам себя за то, что не мог никакого вкуса чувствовать в тех сладчайших словах.

Друг. Как же называешь сладчайшими слова, не чувствуя в них никакого вкуса?

Лука. Так, как тот, кто издали смотрит на райские цветы, не слышит их духа, а только верит, что дивным каким-то дышут благовонием.

Друг. Слушай, брат. Хотя бы они под самый наш нос дышали, нельзя нам вкуса чувствовать.

Лука. Для чего? Разве у нас головы и ноздрей нет?

Друг. Головы и ноздрей? Знай, что мы целого человека лишены и должны сказать: «Господи, человека не имеем...»

Лука. Разве же не имеем и не видим у нас людей?

Друг. Что же пользы: иметь и не разуметь? Вкушать и вкуса не слышать?.. А если хочешь знать, то знай, что так видим людей, как если бы кто показывал тебе одну человеческую ногу или пяту, закрыв прочее тело и голову; без оной же никак узнать человека невозможно. Ты и сам себя видишь, но не разумеешь и не понимаешь сам себя. А не разуметь себя самого, слово в слово, одно

и то же, как и потерять себя самого. Если в твоем доме сокровище зарыто, а ты про то не знаешь, слово в слово, как бы его не бывало. Итак, познать себя самого, и сыскать себя самого, и найти человека—все сие одно значит. Но ты себя не знаешь и человека не имеешь, в котором находятся очи и ноздри, слух и прочие чувства; как же можешь твоего друга разуметь и узнать: «Если не узнаешь сам себя, о добрая в женах, изойди в пятах паств и паси козлища твои у шалашей пастушеских».

Лука. Как же? Ведь вижу руки, ноги и все мое тело.

Друг. Ничего не видишь и вовсе не знаешь о себе.

Лука. Жесток твой сей замысел и очень шиповат. Не можно мне его никак проглотить.

Друг. Я ведь тебе говорил, что не можешь вкуса слышать.

Лука. Так что же вижу в себе? Скажи, пожалуйста.

Друг. Видишь в себе то, что ничто, и ничего не видишь.

Лука. Замучил ты меня. Как же не вижу в себе ничего?

Друг. Видишь в себе одну землю. Но сим самым ничего не видишь, потому что земля и ничто — одно и то же. Иное видеть тень дуба, а иное — самое дерево точное. Видишь тень свою, просто сказать, пустошь свою и ничто. А самого себя отродясь не видывал.

Лука. Боже мой! Откуда такие странные мысли?.. Ты наговоришь, что у меня ни ушей, ни очей нет.

Друг. И да, я уже давно сказал, что тебя всего нет.

Лука. Как же? Разве очи мои не очи и уши не уши?

Друг. Спрошу ж и я тебя. Скажи: пята твоя и тело твое — все ли то одно?

Лука. Пята моя есть последняя часть в *теле*, а голова — *начало*.

Друг. Так я ж тебе твоим же ответом отвечаю, что сие твое око есть пята или хвост в твоем оке.

Лука. А самое ж точное око, главное и начальное око, где?

Друг. Я ведь говорил, что хвост только свой видишь, а головы не знаешь. Так можно ли узнать *человека* из одной его пяты? А как ока твоего не видишь, кроме последней его части, так ни уха, ни твоего языка, ни рук, ни ног твоих никогда ты не видал, ни всех твоих прочих частей, целого твоего тела, кроме последней его части,

называемой *пята, хвост* или *тень*... Так можешь ли сказать, что ты себя узнал? Ты сам себя потерял. Нет у тебя ни ушей, ни ноздрей, ни очей, ни всего тебя, кроме одной твоей тени.

Л у к а. Для чего ж меня тенью называешь?

Д р у г. Для того, что ты существа твоего потерял *исту*, а во всем твоем теле наблюдаешь пяту или хвост, минуя твою точность, и потерял *главность*.

Л у к а. Да почему же мои члены хвостом зовешь?

Д р у г. Потому что хвост есть последняя часть, она последует голове, а сама собою ничего не начинает.

Л у к а. Мучишь меня, друг любезный. Может быть, оно и так, как сказуешь. Но ты, уничтожив мои мнения, своих мыслей не даешь.

Д р у г. Послушай, душа моя! Я и сам признаюсь, что точно не знаю. А если тебе понравятся мои мысли, так поговорим откровеннее. Ты ведь без сомнения знаешь, что называемое нами око, ухо, язык, руки, ноги и все наше внешнее тело само собою ничего не действует и ни в чем. Но все оно порабощённо мыслям нашим. Мысль, владычица его, находится в непрерывном волнении день и ночь. Она то рассуждает, советует, определение делает, понуждает. А крайняя наша плоть, как обузданный скот или хвост, поневоле ей последует. Так вот видишь, что мысль есть главная наша точка и средняя [а]. А посему-то она часто и сердцем называется. Итак, не внешняя наша *плоть*, но наша *мысль* — то главный наш *человек*. В нем-то мы состоим. А она есть мы.

Л у к а. Вот! Я сему верю. Я приметил, что когда я (отселе стану себя *мыслию* называть) на сторону устремился, тогда без меня мое око ничего и самого в близости видеть не может. Что ж оно за такое *око*, если видеть не может? Ты его хорошо назвал не оком, а тенью точного ока или хвостом [6]. Благодарствую, что ты мне меня нашел. Слава богу! Я теперь очи, уши, язык, руки, ноги и все имею. Потерял я старое, а нашел *новое*. Прощай,

---

[а] Mens cujusque, is est quisque... (Cicero) — «Ум каждого — есть каждый» (Цицерон). Отсюда у тевтонов человек нарицается *менш*, спречь mens, то есть мысль, ум; у эллинов же нарицается муж — *фос*, спречь свет, то есть ум.

[6] Coesi sunt oculi, ubi mens aliud agit (Proverbium) — «Слепы суть очи, когда ум иное делает, то есть если в другом витает» (древняя притча).

моя тень! Здравствуй, вожделенная *истина!* Ты будь мне обетованная земля! Полно мне быть работником. Да я ж о сем никогда и не думал. Куда! Я люблю сие мнение. Пожалуй, подтверди мне оное. Хочу, чтоб оно было непоколебимо.

Друг. Пожалуй, не спеши! Кто скоро прилепляется к новому мнению, тот скоро и отпадает. Не будь ветрен. Испытуй опасно всякое слово. В то время давай место ему в сердце твоем. Я и сам сие мнение несказанно люблю. И желаю, чтоб оно твоим навеки было, дабы в нас сердце и мысль одна была. И сего слаще быть ничто не может. Но пожалуй же, разжуй первее хорошенько. Потом в радости и в простоте сердца принимай. Будь прост. Но будь при том и обережлив. Если мое мнение тебе нравится, то знай, что оно не мой вымысел есть. Взглянь на Иеремию в главе 17-й, в стихе 9-м.

Лука. Боже мой! Самого точного увижу Иеремию, если мысль его увижу. Но пожалуй, точные его слова...

Друг. Вот тебе: «Глубоко сердце человеку, паче всех, и человек есть, и кто познает его?» [11] Если теперь очи и уши имеешь, примечай! А чувствуешь ли?

Лука. Чувствую, друг мой. Пророк называет человеком сердце.

Друг. А что же, кроме сего, примечаешь?

Лука. То, что утаенная мыслей наших бездна и глубокое сердце—все одно. Но удивительно! Как то возможно, что человеком есть не внешняя, или крайняя его плоть, как народ рассуждает, но глубокое сердце или мысль его: она-то самый точный есть человек и глава. А внешняя его наружность есть не что иное, как тень, пята и хвост.

Друг. Вот видишь? Уже начинаешь отпадать. Легко ты сначала поверил. Для того стала скоро оскудевать вера твоя. Что вдруг зажигается, то вдруг и угасает. Но твердое дело с косностию укрепляется, потому что совет не бывает без медленности. Ах, земля прилипчива есть. Не вдруг можно вырвать ногу из клейких, плотских мнений. Они-то, в нас укоренившись, называются поверьем. Плотского нашего жития плотская мысль начало и источник есть, по земле ползет, плоти желает, грязную нашу пяту наблюдает и бережет око сердца нашего, совет наш... Но кто нам сотрет главу змиину? Кто выколет ворону око, вперившееся в ночь? Кто уничтожит нашу

плоть? Где Финеес, пронзающий блудницу? Где ты, меч Иеремиин, опустошающий землю?..[12] Но сыскал бог мудрого противу мудрого, змия на змия, семя против семени, землю вместо земли, рай вместо ада. Вместо мертвого живое, вместо лжи правду свою... Се! Спаситель твой грядет, имея с собою воздаяние.

Лука. Говори, пожалуй, пояснее. Ничего не понимаю.

Друг. Но кто вкус может слышать, не имея веры? Вера, свет во тьме видящая, страх божий, плоть пробождающий, крепка, как смерть, любовь божия — вот единственная дверь к райскому вкусу. Можешь ли верить, что чистейший дух весь пепел плоти твоей содержит?

Лука. Верую. Но сам чувствую слабость веры моей... Пособи, если можешь, выдраться из грязи неверия. Признаюсь, что сие слово *вера* в грязных моих устах мечтается за один только обычай, а вкус в ней ничего не слышу.

Друг. По крайней мере знаешь, куда смотрит вера?

Лука. Знаю, что должно веровать в бога. А о прочем ничего тебе не скажу.

Друг. О бедный и бесплодный человек! Знай же, что вера смотрит на то, чего пустое твое око видеть не может.

Лука. Что за пустое такое око?

Друг. Уже говорено, что вся плоть — пустошь.

Лука. И да! Я в целой поднебесной ничего другого не вижу, кроме видимости, или, по-твоему сказать, плотности, или плоти.

Друг. Так посему ты неверный язычник и идолопоклонник.

Лука. Как же идолопоклонник, если верую в единого бога?

Друг. Как же веруешь, если, кроме видимости, ничего не видишь? Ведь вера пустую видимость презирает, а опирается на то, что в пустоше голова, сила есть и основание, и никогда не погибает.

Лука. Так посему другое око надобно, чтоб еще увидеть и невидимость

Друг. Скажи лучше так, что надобно для тебя истинное око, дабы ты мог истину в пустоши усмотреть. А старое твое око никуда не годится. Пустое твое око смотрит во всем на пустошь. Но если бы ты имел истинного в себе человека, мог бы ты его оком во всем усмотреть истину.

Л у к а. Как же сего человека нажить?

Д р у г. Если его узнаешь, то и достанешь его.

Л у к а. А где ж он?.. Но прежде отвечай: отчего ты говорил о вере, а теперь об оке?

Д р у г. Истинное око и вера — все одно.

Л у к а. Как так?

Д р у г. Так, что истинный человек имеет истинное око, которое понеже, минуя видимость, усматривает под нею новость и на ней опочивает, для того называется верою. А веровать и положиться на что, как на твердое основание, все то одно.

Л у к а. Если находишь во мне два ока, то и два человека.

Д р у г. Конечно, так.

Л у к а. Так, довольно и одного. На что два?

Д р у г. Глянь на сие дерево. Если сего дуба не будет, может ли стоять тень?

Л у к а. Я ведь не тень. Я твердый корпус имею.

Д р у г. Ты-то тень, тьма и тлень! Ты сон истинного твоего человека. Ты риза, а он тело. Ты привидение, а он в тебе истина. Ты-то ничто, а он в тебе существо. Ты грязь, а он твоя красота, образ и план, не твой образ и не твоя красота, понеже не от тебя, да только в тебе и тебя содержит, о прах и ничто! А ты его до тех пор не узнаешь, поколь не признаешься со Авраамом в том, что ты земля и пепел. А теперь кушай землю, люби пяту свою, ползай по земле. О семя змиино и тень безбытная! Придет богообещанный тот день, в который благословенное чистой души слово лукавый совет твой уничтожит сей: «Тот сотрет твою главу».

Разговор 2-й о том же: Знай себя

Лица: К л е о п а, Л у к а и Д р у г

К л е о п а. Правду говоришь... Однак пан Сомнас сколько ни велеречив, я в нем вкуса не слышу. Пойдем опять к нашему Другу. Слова его едкие, но не знаю, как-то приятны.

Л у к а. А вот он и сам к нам...

Д р у г. Тень мертвая! Здравствуйте!

Л у к а. Здравствуй, Мысль! Дух! Сердце! Ведь се твой человек? Пересказали мы твои мысли нашим книгочиям.

Они говорили, что должен ты свое мнение в натуре показать.

Друг. Что се значит — в натуре показать?

Лука. Я сего не знаю.

Клеопа. Как сего не знать? Должно показать, что не только в одном человеке, но и в прочих тварях невидимость первенствует.

Лука. Так точно. За тем хотели к тебе идти.

Друг. А вы доселе сего не знаете?

Лука. Конечно, должен ты доказать.

Друг. Верите ли, что есть бог?

Лука. Его невидимая сила все исполняет и всем владеет.

Друг. Так чего ж ты еще требуешь? Ты уже сам доказал.

Лука. Как доказал?

Друг. Когда говоришь, что невидимая сила все исполняет и всем владеет, так не все ли одно сказать, что *невидимость* в тварях первенствует? Ты уже сам назвал невидимость головою, а видимость хвостом во всей Вселенной.

Лука. Так возьми что из всей Вселенной в пример для изъяснения.

Друг. Я тебе всю подсолнечную и все Коперниковы миры представляю. Возьми из них, что хочешь. А что говорите — показать в натуре, то должно было сказать: изъясни нам притчами или примерами и подобиями то, что человек состоит не во внешней своей плоти и крови, но мысль и сердце его — то истинный человек. Взгляни на стену сию. Что на ней видишь?

Лука. Вижу написанного *человека*. Он стоит на змие, раздавив ногою голову змиину.

Друг. Ведь живопись видишь?

[Лука]. Вижу.

Друг. Скажи же, что такое живописью почитаешь? Краски ли или закрытый в краске рисунок?

Лука. Краска не иное что, как порох и пустошь: рисунок или пропорция и расположение красок — то сила. А если ее нет, в то время краска — грязь и пустошь одна.

Друг. Что ж еще при сей живописи видишь?

Лука. Вижу приписанные из Библии слова. Слу-

шайте! Стану их читать: «Мудрого очи — во главе его. Очи же безумных — на концах земли».

Друг. Ну! Если кто краску на словах видит, а письмен прочесть не может, как тебе кажется? Видит ли такой письмена?

Лука. Он видит плотским оком одну последнюю пустошь или краску в словах, а самих в письме фигур не разумеет, одну пяту видит, не главу.

Друг. Право рассудил. Так посему, если видишь на старой в Ахтырке церкви кирпич и вапно [13], а плана ее не понимаешь, как думаешь — усмотрел ли и узнал ее?

Лука. Никак! Таким образом, одну только крайнюю и последнюю наружность вижу в ней, которую и скот видит, а симметрии ее, или пропорции и размера, который всему связь и голова материалу, понеже в ней не разумею, для того и ее не вижу, не видя ее головы.

Друг. Добрый твой суд. Скинь же теперь на счеты всю сумму.

Лука. Как?

Друг. А вот так! Что в красках рисунок, то же самое есть фигура в письменах, а в строении план. Но чувствуешь ли, что все сии головы, как рисунок, так фигура, и план, и симметрия, и размер не иное что есть, как мысли?

Лука. Кажется, что так.

Друг. Так для чего же не постигнешь, что и в прочих тварях невидимость первенствует не только в человеке? То ж разуметь можно о травах и деревьях и о всем прочем. Дух все-на-все вылепливает. Дух и содержит. Но наше око пяту блюдет и на последней наружности находится, минуя силу, начало и голову. Итак, хотя бы мы одним без души телом были, то и в самое то время еще не довольно себя понимаем.

Лука. Для чего?

Друг. Для того, что, почитая в теле нашем наружный прах, не поднимаемся мыслию во план, содержащий слабую сию персть. И никогда вкуса не чувствуем в словах сих божиих, ползущее по земле наше понятие к познанию истинного нашего тела возвышающих, а именно: «Не бойся, Иаков! Се на руках моих написал стены твои...» Но поступим повыше.

Клеопа. Мы выше поступать еще не хотим, а

сомнение имеем. И желаем хорошенько узнать то, что называешь истинным телом. Нам дивно, что...

Друг. Что такое дивно? Не бог ли все содержит? Не сам ли глава и все во всем? Не он ли истина в пустоше, истинное и главное основание в ничтожном прахе нашем? И как сомневаешься о точном, вечном и новом теле? Не думаешь ли сыскать что ни есть такое, в чем бы бог не правительствовал за главу и вместо начала? Но может ли что́ бытие свое, кроме его, иметь? Не он ли бытие всему? Он в дереве истинное дерево, в траве трава, в музыке музыка, в доме дом, в теле нашем перстном новое есть тело и точность или глава его. Он всячина есть во всем, потому что истина есть господня; господь же, дух и бог — все одно есть. Он един дивное во всем и новое во всем делает сам собою, и истина его во всем вовеки пребывает; прочая же вся крайняя наружность не иное что, токмо тень его, и пята его, и подножие его, и обветшающая риза... Но «мудрого очи — во главе его, очи же безумных — на концах земли».

Разговор 3-й о том же: Знай себя

Лица: Клеопа, Филон, Друг

Клеопа: Ах! Перестань, пожалуй. Не сомневайся. Он человек добрый и ничьею не гнушается дружбою. Мне твое доброе сердце известно, а он ничего, кроме сего, не ищет.

Филон. Я знаю многих ученых. Они горды. Не хотят и говорить с поселянином.

Клеопа. Пожалуй же, поверь.

Друг. О чем у вас спор?

Клеопа. Ба! А мы нарочно к тебе... Вот мой товарищ. Пожалуйста, не погневайся.

Друг. За что? «Человек зрит на лицо, а бог зрит на сердце». А Лука где?

Клеопа. Не может понять твоих речей. Он прилепился к Сомнасу при вчерашнем разговоре, а нам твои новинки милы.

Друг. О чем была речь?

Клеопа. Помнишь ли, Филон?

Филон. Помню. Была речь о бездне.

Клеопа. А-а! Вот слова: «И тьма вверху бездны».

Филон. Потом спор был о каких-то старых и новых мехах и о вине.

Клеопа. Один спорил, что бездною называется небо, на котором плавают планеты, а господин Навал кричал, что точная бездна есть океан великий; иной клялся, что через то значится жена; иной толковал учение и проч. и проч.

Друг. Если хотим измерить небо, землю и моря, должны, во-первых, измерить самих себя с Павлом собственною нашею мерою. А если нашей, внутри нас, меры не сыщем, то чем измерить можем? А не измерив себя прежде, что пользы знать меру в прочих тварях? Да и можно ли? Может ли слеп в доме своем быть прозорливым на рынке? Может ли сыскать меру, не уразумев, что то есть мера? Может ли мерить, не видя земли? Может ли видеть, не видя головы ее? Может ли усмотреть голову и силу ее, не сыскав и не уразумев своей в самом себе? Голова головою и сила понимается силою [14].

Клеопа. Не можно ли поговорить проще?

Друг. Измерить и узнать меру есть одно. Если бы ты долготу и широту церкви измерил саженем или веревкою, как тебе кажется, узнал ли бы ты меру ее?

Клеопа. Не думаю. Я бы узнал одно только пространство материалов ее, а точную ее меру, содержащую материалы, в то время узнаю, когда понимаю план ее.

Друг. Так посему, хотя бы ты все *Коперниканские миры* перемерил, не узнав плана их, который всю внешность содержит, то бы ничего из того не было.

Клеопа. Думаю, что как внешность есть пустота, так и мера ее.

Друг. Но кто может узнать план в земных и небесных пространных материалах, прилепившихся к вечной своей симметрии, если его прежде не мог усмотреть в ничтожной плоти своей? Сим планом все-на-все создано или слеплено, и ничто держаться не может без него. Он всему материалу цепь и веревка. Он-то есть рука десная, перст, содержащий всю персть, и пядь божия, всю тлень измерившая, и самый ничтожный наш состав. Слово божие, советы и *мысли* его — сей есть план, по всему материалу во Вселенной нечувствительно простершийся, все содержащий и исполняющий. Сия есть глубина богатства и премудрости его. И что может обширнее разлиться, как

мысли? О сердце, бездна всех вод и небес ширшая?.. Сколь ты глубока! Все объемлешь и содержишь, а тебя ничто не вмещает.

Клеопа. Правду сказать, помню слово Иереминно сие: «Глубоко сердце человека, паче всех, и человек есть...»

Друг. Вот сей же то человек содержит все! Он-то утверждает плотские твои руки и ноги. Он голова и сила очей твоих и ушей. А если ему верить можешь, «не отемнеют очи твои и не истлеют уста твои во веки веков».

Клеопа. Верую и понуждаю сердце мое в послушание веры. Но не можно ли хотя маленько меня подкрепить? Прошу не гневаться. Чем выше в понятие невидимости взойду, тем крепче будет вера моя.

Друг. Праведно требуешь, для того что бог от нас ни молитв, ни жертв принять не может, если мы его не узнали. Люби его и приближайся к нему всегда, сердцем и познанием приближайся, не внешними ногами и устами. Сердце твое есть голова внешностей твоих. А когда голова, то сам ты есть твое сердце. Но если не приблизишься и не сопряжешься с тем, кто есть твоей голове *головою,* то останешься мертвою тенью и трупом. Если есть тело над твоим телом, тогда есть и голова над *головою* и выше старого *новое сердце.* Ах, не стыдно ли нам и не жалко ли, что бог суда себе от нас просит, да и не получает?

Клеопа. Возможно ли? Как так?

Друг. Соперники его — идолы и кумиры. Сих-то, сидя на суде, оправдаем.

Клеопа. Ужасная обида! И ее не понимаю.

Друг. Не понимаешь? Вот сам сей же час будешь судиею против него.

Клеопа. Боюсь. Но пожалуй, подкрепи мне мое неверие о бессмертном теле. Любы мне твои слова сии: «Не отемнеют очи твои...»

Друг. Ну, скажи мне: если бы твое внешнее тело или скотское через 1000 лет невредимо было, любил бы ты плоть свою?

Клеопа. Сему статься нельзя. А если бы можно, нельзя не любить.

Друг. Знай же, что ты себя самого нимало еще не узнал.

Клеопа. По крайней мере знаю, что тело мое на

вечном плане основано. И верую сим обещаниям божиим: «Се на руках моих написал стены твои...»

Друг. Если бы ты в строении какого-то дома план узнал в силу стен его, довольно ли то к познанию совершенного оного дома?

Клеопа. Не думаю. Надобно, кажется, еще знать и то, для которых советов или дел тот дом построен — бесам ли в нем жертву приносят или невидимому богу, разбойническое ли жилище или ангельское селение?

Друг. И мне кажется, что не довольно понимаешь, например, сосуд глиняный, если разумеешь одну его фигуру, на грязи изображенную, а не знаешь, чистым ли или нечистым наполнен ликером или питием.

Клеопа. Теперь понимаю, что тело мое есть точно то, что стены храма, или то, что в сосуде череп. А сердце и мысли мои то, что во храме жертвоприношение, или то, что в сосуде вода. И как стены дешевле жертв, потому что они для жертв — не жертвы для стен и череп для воды — не вода для сосуда, так и душа моя, мысли и сердце есть лучшее моего тела.

Друг. Но скажи мне: если бы те стены прекрасные развалилися, погибли ли бы они? Пропал бы тот сосуд, если б его череп фигурный расшибся?

Клеопа. Тьфу! Сие и младенец разумеет. Конечно, он не целый, если...

Друг. Не радуйся ж, мой Израиль, и не веселися. Заблудил ты от господа бога твоего. Не слыхал ли ты от пророков никогда, что бог суд имеет со соперником своим — землею?

Клеопа. Да кто может его судить?

Друг. Уже ты дал суд твой на него, уничтожив сторону его.

Клеопа. Коим образом?

Друг. Кто неправедного оправдал, без сомнения, обидел невинного. А оправдать обоих никак нельзя. Таков-то судия был, каков ты, Ефрем, которого некто из пророков называет голубом безумным, лишенным сердца [15]. Да и не дивно, потому что по сказке того же пророка, наподобие печи, огнем разожженной, столь все судии страстью к видимости разгорелись, что все наставники с землею слеглись, и не было ни одного, который бы был приятель богу.

К л е о п а. Умилосердись. Скажи, какой я суд произнес против бога?

Д р у г. Так! Ты, влюбясь в землю, отдал ей судом твоим то, что единственно богу принадлежит.

К л е о п а. Не понимаю.

Д р у г. Слушай! Голубь темноокий! Не божия ли есть сила? И не господня ли крепость?

К л е о п а. Да кто ж о сем спорит?

Д р у г. Как же ты дерзнул сказать, что при разбитии черепа сосуд пропал? Смеешь ли сосуд утвердить на прахе, а не в боге? Какая твердость быть может в том, что всеминутно подвержено развалинам и переменам? Не божий ли невидимый перст содержит в стенах прах? Не он ли голова в стенах? Не стена ли вечна, если главное *начало* ее вечное? Как же ты посмел, уничтожив голову, возвеличить хвост, присудив тлению безвредность, праху — твердость, кумиру — божество, тьме — свет, смерти — жизнь? Вот нечестивый на бога суд и совет! Вот лукавое лукавого змия око, любящее пяту, а не главу Христа Иисуса! «Он есть всяческое во всем...» Не ты ли сказал, что нельзя не любить тленного тела, если б оно чрез тысячу лет невредимо было? И как можешь сказать, что ты по крайней мере узнал твое тело? Да и к чему хвалишься божиими сими милостивыми словами: «Се на руках моих написал стены твои, и предо мною всегда»? Может ли тлень стоять всегда, то есть вечно? Может ли недостойное честным быть, а тьма светом и зло добром? Не все ли одно — увериться праху ног твоих и положиться на серебряного кумира? Все то идол, что видимое. Все то бесчестное, что тленное. Все то тьма и смерть, что преходящее... Смотри на земляность плоти твоей. Веришь ли, что в сем твоем прахе зарыто сокровище, то есть таится в нем *невидимость* и перст божий, прах твой сей и всю твою персть сию содержащий?

К л е о п а. Верую.

Д р у г. Веруешь ли, что он есть голова и первоначальное основание и вечный *план* твоей плоти?

К л е о п а. Верую.

Д р у г. Ах! Когда бы ты верил, никогда бы ты не говорил, что тело твое пропадает при рассыпании праха твоего. Видишь одно скотское в тебе тело. Не видишь тела духовного. Не имеешь жезла и духа к двойному разделению. Не чувствуешь вкуса в тех божиих словах: «Ес-

ли выведешь честное от недостойного, как уста мои будешь...»

Клеопа. Непонятно мне то, каким образом присудил я кумиру божество, а жизнь тому, что мертвое. Слыхал я, что погибший есть тот, кто называет свет тьмою, а горькое сладким.

Друг. Не удивляйся, душа моя! Все мы любопрахи. Кто только влюбился в видимость плоти своей, не может не гоняться за видимостью во всем небесном и земном пространстве. Но для чего он ее любит? Не для того ли, что усматривает в ней светлость и приятность, жизнь, красу и силу?

Клеопа. Конечно, для того.

Друг. Так не все ж ли одно — почитать идола за живое и присудить ему жизнь, а ему умереть должно. Мне кажется то же: почитать горькое сладким и дать суд в том, что медовая сладость принадлежит желчи. Но можно ли желчи сладость присудить без обиды меду? Вот каким образом все собираемся на господа и на Христа его! Он кричит: «Моя крепость и сила! Во мне путь, истина и живот!» А мы судим, что все сие принадлежит внешней плоти и плотской внешности. И сей суд наш несменно подтверждаем таковым же житием нашим пред людьми.

Клеопа. Вижу теперь вину свою. И ужасно удивляюсь, что за тьма наши очи покрыла? Столько пророки вопиют: «Дух, дух! Бог, бог!» Всякая внешность есть трава, тень, ничто, а мы ропщем, тужим, когда плоть наша увядает, слабеет и прах переходит к праху. Можно ли сыскать упрямейшую и наижесточайшую несчастливость?

Друг. Сему и я часто дивлюся. Теперь, думаю, понимаешь, что то за суд, которого от нас столь ревностно и единственно требует бог через пророков. И как можем дать добрый суд меньшим нашим братьям, обидев первородного брата — Христа Иисуса? Он первый сирота, что все его оставили; он первый нищий, что все от него отняли. Все за тьмою, оставив свет, пошли, побежали.

Клеопа. Но откуда в нас проклятое сие семя рождается? Если земля проклята, тогда и любовь к ней.

Друг. Хорошо мысли называешь семенем. Семя есть начало плодов. А совет в сердце — голова наших дел. Но понеже сердце наше есть точный человек, то и видно, кого премудрость божия называет семенем и чадами

змииными. Сии люди любят землю, а она есть пята и подножие и тень. По сей-то причине ничем они не сыты. Блажен, если в чьем сердце проклятая сия голова раздавлена. Она-то нас выводит в горести, а нам во мнимые сладости. Но откуда сей змий в сердце зарождается? Ты ли спрашиваешь?

Клеопа. Хочу знать.

Друг. Откуда злое семя на грядках огородных? Полно везде всяких советов. Не убережешься, чтобы не родилось. Но что делать? Сын! Храни сердце твое! Стань на страже с Аввакумом [16]. Знай себя. Смотри себя. Будь в доме твоем. Береги себя. Слышь! Береги сердце.

Клеопа. Да как себя беречь?

Друг. Так, как ниву. Выпленяй или искореняй и вырывай всякий совет лукавый, все злое семя змиино.

Клеопа. Что есть совет лукавый и семя змиино?

Друг. Любить и оправдать во всяком деле пустую внешность или пяту.

Клеопа. Скажи проще.

Друг. Не верь, что рука твоя согниет, а верь, что она вечна в боге. Одна тень ее гибнет. Истинная же рука и истина есть вечна, потому что невидима, а невидима потому, что вечна.

Клеопа. Сии мысли чудные.

Друг. Конечно, новые. Если же содержание твоей руки присудишь плотской тлени, тогда будешь старым мехом, надутым бездною мыслей, непросвещенных потоль, поколь возможешь сказать: «Бог, повелевший из тьмы свету воссиять, воссиял в сердцах наших...» А сие сделается при сотворении нового неба и земли. «Се я новое творю!» — говорит господь (Исаия).

Разговор 4-й о том же: Знай себя

Лица: Лука, Клеопа, Филон, Друг

Лука. Посему весьма не малое дело: узнать себя.

Друг. Один труд в обоих сих — познать себя и уразуметь бога, познать и уразуметь точного человека, весь труд и обман его от его тени, на которой все останавливаемся. А ведь истинный человек и бог есть то же. И никогда еще не бывала видимость истиною, а истина видимостью; но всегда во всем тайная есть и невидимая исти-

на, потому что она есть господня. А господь и дух, плоти и костей не имущий, и бог — все то одно. Ведь ты слышал речи истинного человека. Если-де не узнаешь себя, о добрая жена, тогда паси козлы твои возле шалашей пастушеских. Я-де тебе не муж, не пастырь и не господин. Не видишь меня потому, что себя не знаешь. Пойди из моих очей и не являйся! Да и не можешь быть передо мною, поколь хорошо себя не уразумеешь. Кто себя не знает, тот один может запеть: «Господь пасет меня...»

Клеопа. А мы из последнего разговора имеем некоторые сомнения.

Друг. Когда речь идет о важном деле, то и не дивно. Но что за сомнения?

Клеопа. Первое: ты говорил, что человек, влюбившийся в видимую плоть, для того везде гонится за видимостью, понеже усматривает в ней светлость и приятность, жизнь, красу и силу.

Друг. А вы как думаете?

Клеопа. Нам кажется для того, что не может верить о пребывании невидимости и думает, что одно только то бытие свое имеет, что плотскими руками ощупать может и что в тленных его очах мечтается. Впрочем, он и сам понять может и совершенно знает, что все то преходит, что он любит. Посему-то он и плачет, когда оно его оставляет, рассуждая, что уже оно совсем пропало, подобно как младенец рыдает о разбитом орехе, не понимая, что орешная сущая иста состоит не в корке его, но в зерне, под коркою сокровенном, от которого и сама корка зависит.

Друг. Сия есть самая правда, что был бы весьма глуп земледел, если бы тужил о том, что на его ниве начало пшеничное стебло в месяце августе сохнуть и дряхлеть, не рассуждая, что в маленьком закрытом зерне скрылась и новая солома, весною наружу выходящая, а вечное и истинное свое пребывание в зерне невидимо закрывшая. Но не все же ли то одно— причитать соломе силу ее и существо, а не главе ее или зерну и не верить, ни же поминать о пребывании зерна? Для того-то, например, судия присудил двоюродному брату власть и силу в наследии, понеже уверен, что родного наследника в живых нет. И сей-то есть тот нечестивый суд, о котором в последнем разговоре и шла меж нами речь.

Клеопа. Другое сомнение. Я сказал ведь так: помню слово Иеремиино сие: «Глубоко сердце человека, паче всех, и оно-то истинный человек есть...» А ты к сим словам присовокупил следующее: «Вот сей же то человек и содержит все» и прочее.

Друг. Так в чем же сомневаешься?

Клеопа. Я без сомнения понимаю, что все внешние наши члены закрытое существо свое в сердце имеют так, как пшеничная солома содержится в своем зерне. Она, иссохши и издряхлевши, то закрывается при согнитии в зерне, то опять наружу в зелености выходит и не умирает, но обновляется и будто переменяет одеяние. Но понеже на всех без исключения людях видим внешние члены, которые свидетельствуют и о зерне своем, то есть, что всяк из них имеет и сердце, которое (как пророк божий учит) точный есть человек и истинный, а сие есть великое дело, так что се будет? Всем ли быть истинным человеком? И какая разница меж добрым мужем и злым?

Друг. Не так! Отведи мысли твои на время от человека и посмотри на прочую природу. Не всякий орех и не всякая солома с зерном.

Клеопа. Ужасное зрелище!

Друг. Не бойся! Знаю. Ты, осмотрясь на людей, ужаснулся. Но ведь видишь, что сие в природе не новое. Довольно сего водится в земляных плодах и в древесных. Но нигде больше не бывает, как в людях. Весьма тот редок, кто сохранил сердце свое или, как вообще говорят, спас душу свою. А так научил нас Иеремия, и ему верую, что истинный человек есть *сердце* в *человеке*, глубокое же сердце и одному только богу познаваемое не иное что есть, как мыслей наших неограниченная бездна, просто сказать, душа, то есть истое существо, и сущая пста, и самая эссенция (как говорят), и зерно наше, и сила, в которой единственно состоит [сродная] жизнь и живот наш, а без нее мертвая тень мы, то и видно, сколь несравненная тщета потерять себя самого, хотя бы кто завладел всеми Коперниковыми мирами. Но никогда бы сего не было, если бы старались люди уразуметь, что значит человек и быть человеком, то есть если бы самих себя узнали.

Клеопа. Ах! Не могу сего понять, потому что у каждого свои мысли и неограниченные стремления, как молния, в безмерные расстояния раскидаются, ни одним

пространством не вмещаемые и никаким временем не усыпаемые, одному только богу известные...

Друг. Перестань! Не так оно есть. Правда, что трудно изъяснить, что злые люди сердце свое, то есть самих себя потеряли. И хотя между нами в первом разговоре сказано, что кто себя не узнал, тот тем самым потерялся, однако ж для лучшей уверенности вот тебе голос божий: «Послушайте меня, погубившие сердце, сущие далече от правды».

Клеопа. Ах, мы сему веруем. Но как они потеряли? Ведь и у них мысли также плодятся и разливаются. Чего они себе не воображают? Чего не обнимают? Целый мир их вместить не может. Ничего им не хватает. Одно за другим пожирают, глотают и не насыщаются. Так не бездонная ли бездна сердце их? Ты сказал, что сердце, мысли и душа — все то одно. Как же они потерялись?

Друг. Чего достигнуть не можем, не испытываем. Понудить себя должно и дать место в сердце нашем помянутому божию слову. Если его благодать повеет на нас, тогда все нам простым и прямым покажется. Часто мелочей не разумеем самых мелких. А человек есть маленький *мирок*, и так трудно силу его узнать, как тяжело во всемирной машине *начало* сыскать; затверделое нечувствие и привыкший вкус причина есть нашей бедности. Раскладывай перед слепцом все, что хочешь и сколько хочешь, но все то для него пустое. Он ощупать может, а без прикосновения ничего не понимает. Сколько раз слышим о [воде и духе]?

Не по воздуху ли опираются птицы? Он твердее железа. Однак деревянную стену всяк скорее приметить может. А воздух почитают за пустошь. Отчего? Оттого, что не столько он приметен. Стену скорее ощупаешь. Скорее различные краски усмотришь. А воздух не столько казист, однак крепче камня и железа. А нужен столь, что вздохнуть без него нельзя. Вот в самых мелочах ошибаемся и слабейшее вещество за действительнейшее почитаем. Почему? Потому что стена грубее и нашим очам погуще болванеет, как уже сказано, а воздух сокровеннее, и кажется, будто в нем ничего силы нет, хотя корабли гонит и моря движет, деревья ломает, горы сокрушает, везде проницает и все съедает, сам цел пребывая. Видишь, что не такова природа есть, как ты рассуждаешь. В ней то сильнее, что непоказнее. А когда что-то уже столь закры-

лося, что никакими чувствами ощупать не можно, в том же то самая *сила.* Но если о воздухе почти увериться не можем и за ничто почитаем, будто бы его в природе не бывало, хотя он шумит, гремит, трещит и сим самым дает знать о пребывании своем, тогда как можем счесть то, что очищено от всякой вещественной грязи, утаено от всех наших чувств, освобождено от всех шумов, тресков и перемен, в вечном покое и в спокойной вечности блаженно пребывает? Испортив от самого начала око нашего ума, мы не можем никак проникнуть до того, что одно достойное есть нашего почтения и любви во веки веков. Пробудися ж теперь мыслию твоею! И если подул на твое сердце дух божий, тогда должен ты теперь усмотреть то, чего ты от рождения не видал. Ты видел по сие время одну только стену, болванеющие внешности. Теперь подними очи твои, если они озарены *духом истины,* и взгляни на *нее.* Ты видел одну только тьму. Теперь уже видишь свет. Всего ты теперь по двое видишь: две воды, две земли. И вся тварь теперь у тебя на две части разделена. Ее кто тебе разделил? Бог. Разделил он тебе все на двое, чтоб ты не смешивал тьмы со светом, лжи с правдою. Но понеже ты не видел, кроме одной лжи, будто стены, закрывающие *истину,* для того он теперь тебе сделал новое небо, новую землю. Один он творит дивную истину. Когда усмотрел ты новым оком и истинным бога, тогда уже ты все в нем, как в источнике, как в зерцале, увидел то, что всегда в нем было, а ты никогда не видел. И что самое есть древнейшее, то для тебя, нового зрителя, новое *есть,* потому что тебе на сердце не всходило. А теперь будто все вновь сделано, потому что оно прежде тобою никогда не видено, а только слышано. Итак, ты теперь видишь двоих — старое и новое, явное и тайное. Но осмотрись на самого себя. Как ты прежде видел себя?

Клеопа. Я видел (признаюсь) одну явную часть в себе, а о тайной никогда и не думал. А хотя б и напомянул кто, как то часто и бывало, о тайной, однако мне казалось чудно почитать то, чего нет, за бытие и за истину. Я, например, видел у меня руки, но мне и на ум не всходило, что в сих руках закрылись другие руки.

Друг. Так ты видел в себе одну землю и прах. И ты доселе был земля и пепел. Кратко сказать, тебя не было

на свете, потому что земля, прах, тень и ничтожная пустошь — все то одно.

Л у к а. Ведь же ты из Иеремии доказал, что человеком находится не наружный прах, но сердце его. Как же Клеопы не было на свете? Ведь Клеопино сердце всегда при нем было и теперь есть...

Д р у г. Постой, постой! Как ты так скоро позабыл — *двое, двое?* Есть тело земляное и есть тело духовное, тайное, сокровенное, вечное. Так для чего же не быть двоим сердцам? Видел ты и любил болвана и идола в твоем теле, а не истинное тело, во Христе сокровенное. Ты любил сам себя, то есть прах твой, а не сокровенную божию *истину* в тебе, которой ты никогда не видел, не почитал ее за бытие. И понеже не мог ощупать, тогда и не верил в нее. И когда телу твоему болеть опасно довелось, в тот час впадал в отчаяние. Так что се такое? Не старый ли ты Адам, то есть старый мех с ветхим сердцем? Одна ты тень, пустошь и ничто с твоим таковым же сердцем, каковое тело твое. Земля в землю устремилася, смерть к смерти, а пустошь люба пустоши. Душа тощая и голодная пепел, не хлеб истинный, поедающая и питие свое вне рая с плачем растворяющая. Слушай, что о таковых ко Исаию говорит бог: «О Исаия, знай, что пепел есть сердце их. И прельщаются, и ни один не может души своей избавить...» «Помяни сие, Иаков и Израиль, ибо раб мой есть ты...» «Се бо отнял, как облако, беззакония твои и как призрак, грехи твои. Обратися ко мне — и избавлю тебя...» Некий старинных веков живописец изобразил на стене какие-то ягоды столь живо, что голодные птички, от природы быстрый имеющие взор, однак и бились во стену, почитая за истинные ягоды. Вот почему таковые сердца глотают и насытиться не могут! Покажи мне хоть одного из таких любопрахов, какой имеет удовольствие в душе своей. Любовь к тени есть мать голода, а сего отца дочь есть смерть. Каковое же таковых сердец движение? На то одно движется, чтоб беспокоиться. Видал ли ты во великих садах большие, круглые, наподобие беседок, птичьи клети?

Л у к а. Довелось видеть в царских садах.

Д р у г. Они железными сетями обволочены. Множество птичек — чижей, щеглов — непрестанно внутри их колотятся, от одной стороны в другую бьются, но нигде

пролета не получают. Вот точное изображение сердец, о коих ты выше сказывал, что они в разные стороны, как молния, мечутся и мучатся, в стенах заключенные. Что есть столь узко и тесно, как видимость? По сей причине называется ров. Что фигуре кажется пролететь сквозь сеть на свободу духа? Но как же нам опять вылететь туда, чего за бытие не почитаем? Мы ведь давно из самого детства напоены сим лукавым духом, засеяны сим змииным семенем, заняты внедрившеюся в сердце ехидною, дабы одну только грубую видимость, последнюю пяту, внешнюю тьму любить, гониться, наслаждаться всегда и во всем? Так ли? Так! Всегда и во всем... Ах! Где ты, меч Иеремиин, опустошающий землю? Меч Павлов? Меч Финеэсов?.. [17] Заблудили мы в землю, обнялись с нею. Но кто нас избавит от нее? Вылетит ли, как птица, сердце наше из сетей ее? Ах, не вылетит, потому что сердцем ее сердце наше сделалось. А когда уже сердце наше, глава наша и мы в нее претворились, тогда какая надежда в пепле? Может ли прах, во гробе лежащий, восстать и стать и признать, что еще и невидимость есть, есть еще и дух? Не может... Для чего? Не может восстать и стать пред господом. Для чего же? Для того, что сей прах не может принять в себя сего *семени*. Коего? Чтоб верить, что есть сверх еще и то, чего не можем ощупать и аршином мерить... О семя благословенное! Начало спасения нашего! Можем тебя и принять, но будешь у нас бесплодно. Для чего? Для того, что любим внешность. Мы к ней привыкли. И не допустим до того, чтоб могла согнить на *зерне* вся внешняя видимость, а осталась бы сила в нем одна невидимая, которой увериться не можем. А без сего новый плод быть никак не может... Так нас заправили наши учителя. «Се накормлю их полынью и напою их желчию. От пророков ибо Иерусалимских изойдет осквернение на всю землю» (Иеремия, 23).

Разговор 5-й о том же: Знай себя

Лица: т е ж е

Ф и л о н. Отсюда-то, думаю, старинная пословица: «Столько глуп, что двоих насчитать не знает». Но и мы по сие время одно только во всем свете насчитали, затем что другого в нем ничего не видели.

Клеопа. Не лучше ли тебе сказать, что нам одна тень была видна. Ничего нам не было видно. Мы хватали на воде одну тень пустую. А теперь похожи на жителя глубокой Норвегии, который по шестимесячном зимнем мраке видит чуть-чуть открывающееся утро и всю тварь, начинающую несколько болванеть.

Друг. Если не будете сжимать и отворачивать очей, тогда увидите всю тварь просвещенную. Не будьте подобны кроту, в землю влюбившемуся. А как только невзначай прорылся на воздух,— ах! — сколь он ему противен! Приподнимайте очи и приноравливайте оные смотреть на того, который сказывает: «Я есть свет мира».

Все, что мы доселе видели, что такое есть? Земля, плоть, песок, полынь, желчь, смерть, тьма, злость, ад... Теперь начинает светать утро воскресения. Перестаем видеть то, что видели, почитая всю видимость за ничто, а устремив очи на то, что от нас было закрыто, а посему и пренебреженно. Мы доселе бесплотной невидимости не удостаивали поставить в число существа и думали, что она мечта и пустошь. Но теперь у нас, напротив того, видимость есть трава, лесть, мечта и исчезающий цвет, а вечная невидимость находится ей головою, силою, камнем основания и счастием нашим. Послушаем, что говорит нам новый и истинный *человек* и что обещает. «Дам тебе,— говорит,— сокровища темные, сокровенные, невидимые открою тебе, и увидишь, как я, господь бог твой, прозывая имя твое, бог Израилев». Теперь рассуждайте: нравится ли вам переход, или будьте по-прежнему во видимой земле вашей, или очищайте сердце ваше для принятия нового духа. Кто старое сердце отбросил, тот сделался новым *человеком*. Горе сердцам затверделым...

Лука. Для того-то самого смягчить сердце и сокрушить трудно. Закоренелое мнение похоже на младенца, возросшего во исполина. Трудно, наконец, бороться.

Друг. Но что нам воспрещает в жизни о сем рассуждать и разговаривать, а употребить к сему хотя закомплетное время? Новый дух вдруг, как молния, осветить сердце может, 600 тысяч вызваны были в обетованную землю пеши, но для чего два только в нее вошли?

Лука. Два. Сын Навин и Халев [18].

Друг. А вот для чего! Тьфу! Как может то быть, чего видеть нельзя? Вот какая пустошь! «Зачем,— зароптали, — вводит нас господь в землю сию, чтоб пасть на

брани? Посему, если руки и ноги потерять, что в нас будет? Не хотим мы сего. Где сие водится, чтоб то было да еще сильное, то, чего не видишь?.. Дай нам вернуться в нашу старую землю. Не нравится нам тот, кто в пустошь выводит... Слышите ли вы мысли сих староверцев? Вот шестьсот тысяч дураков! Представьте себе ветхие кади, скверным занятые квасом. Можно ли этаким скотам что-либо внушить? По их мнению, нельзя бытия своего богу иметь, если он захочет чист быть от всякой видимости. Если того нет, чего не видят, так бога давно не стало. Вода пререкания! Семя змиино! Сердце неверное! Совет лукав! Не сие ли есть не исповедаться господу и не призывать имени его? Не таково было в сердце семя двоих тех благополучных наследников. «И дал господь Халеву крепость. И даже до старости пребывал у него, найти ему на высоту земли. И *семя* его одержал в наследие; ибо да видят все сыновья Израилевы, какое добро ходить вслед господа». «Все же разгневавшиеся не увидят ее,— говорит господь. — Раб же мой Халев, ибо был дух мой в нем, и следовал мне, введу его в землю, в которую ходил там, и семя его наследит ее».

Клеопа. Посему вся сила в боге, а не во внешней видимости.

Друг. А что ж есть идолопоклонство, если не в том, чтоб приписывать силу истуканам? Не хочешь рук невидимых. Видно, что видимости воздаешь силу и почтение твое. Но долго ли сия твоя видимость пребудет? На что ты положился? Что есть видимая плоть, если не смерть? И на ней-то ты основал сердце твое и любовь? Всякая внешность есть мимо протекающая река. Не на льду ли ты воткнул кущу твою и поставил шалаш твой? Пожалуйста, перенеси его на твердость; перенеси его во дворы господни; воткни на новой земле. А иначе что твоя за радость? Какой покой? Не всегда ли опасаешься, что когда-либо лед, однак, растает. Когда-либо смертное тело оставлять надобно. О беднейшие, почитающие тело свое тленное и не верующие новому! Таковые-то «возволнуются и почить не возмогут. Не радоваться нечестивым»,— говорит господь бог.

Филон. Что есть нечестивый?

Друг. Тление почитающий.

Филон. Как?

Друг. Так почитающий, что если отнять у него тле-

ние, тогда думает, что ему без него никак бытия своего иметь невозможно. Не великое ли сие почтение для праха?

Филон. Кажется, что весьма не малое, ибо таким образом боготворит он свой пепел, приписывая ему жизни своей действительность.

Друг. Так теперь, думаю, постигаешь сии *слова:* «Я господь бог! Спе мое (не чужое) есть имя. Славы моей иному не дам, не добродетелей моих истуканам». То, что мы назвали действительностью, называется тут добродетелью, то есть силою и крепостью, которую бог за свое преимущество от всей тленности так отнял и себе присвоил, что ужасно злится, если кто дерзнет ее хотя мало уделить твари или кумирам, с которыми он от начала века всегда ревностную тяжбу имеет. Мы все его в сем ужасно обижаем, всегда и везде.

Филон. Как?

Друг. А вот так! Весь мир состоит из двоих *натур:* одна видимая, другая невидимая. Видимая называется тварь, а невидимая — бог. Сия невидимая *натура,* или бог, всю тварь проницает и содержит, везде и всегда был, есть и будет. Как же ему не досадно, если мы, смотря на перемену тленной *натуры,* пугаемся? А сим самым приписываем ей важность в жертву, чего сделать нельзя, не отняв ее от бога, который всю важность, и силу, и бытие, и имя, и все-на-все исполнение себе только одному полно и без причастников приусвоил. Разжуй, если он бытие и всему исполнение, тогда как можешь что твое потерять? Что у тебя есть, он тебе все то есть. Ничто твое не пропадает потому, что бог порчи не знает. Одна для тебя остается школа веры, или, как Давид говорит, поучение вечности. Потерпи в нем немножко, поколь староверное твое пепельное сердце несколько от сегосветных очистится душков.

Разговор 6-й о том же: Знай себя

Лица: те же

Друг. Земля! Земля! Земля! Слушай слово господне!

Филон. Не слышу.

Друг. Для чего?

Лука. Кто может взойти на небо, разве сошедший с небес? Кто может слышать *слово божие,* если не будет

бог в нем? Свет видится тогда, когда свет в очах есть. Чрез стену пролазит тогда, когда бог вождем есть. Но когда сила в оке опорочена, лучше сказать, когда сила от ока отступила и селения своего во веществе его не имеет, в то время никоего око различия меж тьмою и светом не находит.

Клеопа. Но не может ли бог мертвого живым, а видимого невидимым сделать? Ей! Есть время и теперь воскреснуть. Может искра божия упасть на темную бездну сердца нашего и вдруг озарить. Уверуем только, что бог есть во плоти человеческой. Есть подлинно он во плоти видимой нашей не вещественно во вещественной, вечный в тленной, один в каждом из нас и цел во всяком, бог во плоти и плоть в боге, но не плоть богом, ни же бог плотию. Ах, зерно горчичное! Вера! Страх и любовь божия! Зерно правды и царствия его! Чувствую, что тайно падаешь на земное мое сердце, как дождь на руно. О дабы не поклевали тебя воздушные птицы!

Филон. Вспомним теперь с Давидом вечные лета и поучимся в них.

Клеопа. Кому или чему поучиться?

Филон. Вечности поучимся... Кому подобен истинный человек, господь наш, во плоти?

Друг. Подобен доброму и полному колосу пшеничному. Рассуди теперь: стебло ли с ветвями? Постой! Не то колос. Колос все заключает в себе. Ость ли на колосе, она ли есть колос? На колосе ость, правда, и в колосе ость, но не колосом ость, не она есть колос. Что ж есть колос? Колос есть самая сила, в которой стебло со своими ветвями и ость с половою заключается. Не в зерне ли все сие закрылось, и не весною ли выходит все сие, переменив зеленую вместо желтой и ветхой одежды? Не невидима ли сила зерна?

Так. Оно в то время действует, когда вся внешность уже на нем согнила, дабы не приписал кто нового плододействия мертвой и нечувственной земле, то есть гниющей внешности, но вся бы слава отдана была невидимому богу, тайною своею десницею все действующему, дабы он один во всем был глава, а вся внешность пятою и хвостом.

Филон. Теперь мне в колосе показывается то, что по сие время не было видно.

Клеопа. Лучше скажи, что ты в нем один хвост видел.

Друг. Пускай же сия в колосе новость называется рост. Господь бог прирастил его нам.

Лука. Но как мы с поля перешли в сад, взгляните, чем нас приветствует в беседке сей человек.

Филон. Сию икону написал мой друг живописец.

Клеопа. Куда мне нравится! Из-за черного облака луч касается головы его. Но что за слова в луче? Они вместе с лучом с высоты снисходят в облитую светом голову его. Прочитай, Лука! Ты из числа книгочиев...

Лука. Образ пророка Исаии. В луче написаны сии слова: «Возопий...»

Клеопа. Но что за слова из уст его исходят?

Лука. Знаю те слова: «Всяка плоть — сено, и всяка слава человека как цвет травный...»

Филон. А что ж написано на бумажке, которая в его руках?

Лука. Знаю: «Слово же бога нашего пребывает вовеки».

Друг. Видите ли исписанную бумажку?

Клеопа. Мы двое с Филоном столько уже лет около одного земледельства упражняемся, а колос недавно усмотрели. Что же касается бумажек, да еще пророчиих, спрашивай Луку — его то дело.

[Лука]. Ты видишь в руках пророчиих бумажку. Но знай, что видишь дело весьма малое и весьма великое. Сей блаженный старик легко держит в правой руке то дело, в коем всегда везде все содержится. Рассуди, что сам откровения светом озаренный старец в его состоит руке; носимым носится и держится у себя держимым. Смотрел ты на колос? Посмотри теперь на человека и узнай его. Видел ты в колосе зерно, а теперь взгляни на семя Авраамово да тут же и на твое. Видел ты в колосе солому с половою? Посмотри ж и на траву тленной твоей плоти с пустым доселе цветом пепельных твоих рассуждений. Усмотрел ты в колосе то, чего прежде не видывал? Теперь узнавай в *человеке* то, что для тебя видно не было. Видя колос, не видел его и не знал человека, зная его. Но что показалось тебе в колосе напоследок, то не было от плоти, но от бога.

Подними ж от земли мысли твои и уразумей *человека, в себе* от бога рожденного, а не сотворенного в последнее

жития время. Усмотрел ты в колосе новый рост столь сильный, что для всей соломы с половою сделался он головою и убежищем. Познай же в себе нового Иосифа (значит, приращение), нового пастыря, отца и кормителя нашего. В пшеничном зерне приметил ты легонькую внешность, в которой закрылась тайная действительность невидимого бога.

Взгляни же теперь на глагол божий, пророчею бумажкою, как легоньким облаком, прикрытый. Силу зерна умным ты оком увидел. Открой же око веры и увидишь в себе тоже силу божию, десницу божию, закон божий, глагол божий, слово божие, царство и власть божию, тайную, невидимую, а узнав сына, узнаешь и отца его. Дряхлая на колосе солома не боится гибели. Она как из зерна вышла, так опять в зерне закроется, которое хотя по внешней кожице согниет, но сила его вечна. Чего ж ты трепещешь, трава и плоть? Дерзай! Не бойся! Ты уже видишь в себе десницу божию, которая тебя так же бережет, как пшеничную солому. Или не веришь? Если так, тогда бойся. Нет надежды. Вся плоть гибнет. Где деваться? Беги ж с Давидом в дом господен или с Иеремиею в его ж дворы. Раскрой же сердце твое для принятия веры и для объятия того человека, который отцу своему вместо десницы и вместо силы его есть во веки веков. Слушай, что отец его через него ж самого и в нем и к нам говорит. Слушай же: «Положу слова мои в уста твои и под сенью руки моей покрою тебя...» А какою рукою? «Ею же поставил небо и основал землю». Слышишь ли? Сколь сильное зерно в тебе! Небо сие видимое и земля в нем закрывается. И тебе ли сие семя сберечь не сильно будет? Ах, пожалуй, будь уверен, что и самый нечувственный головы твоей волос, наличность одну свою потерявши, в нем без всякого вреда закроется, сохранится, ублажится. Скажи с Павлом: «Знаю человека». Нашел я человека. Обрел мессию, не плотского кумира, но истинного божиего во плоти моей человека. Наслу я нашел его, в траве и тени моей, в остаток дней моих. Семя благословенное! Спасение всей наличности моей! Свет откровения слепому языку! Доселе был я во тьме и в грязи я был, то есть сердце мое, ел и насыщался землею. А теперь от уз ее меня отпускаешь, убив семя ее во мне, пустую пяту наблюдающее. А вместо него вовеки ты во мне воцарился, открыв мне небо новое и тебя, сидящего

на месте десницы отца небесного. Будь же мне теперь мир в силе твоей и спокойствие! Будь мне теперь суббота благословенная! Вынесли меня крылья голубиные из земных бездн, и почию. Чего ж больше скорбеть тебе, душа моя? Зачем тебе теперь беспокоить меня? Познала ты уже в себе человека, и сила его бесконечна. Уповай же на него, если узнала его. И точно знаешь его. Он муж твой. Он глава твоя в тебе под видом твоей плоти и крови. Спасение лица всего твоего и бог твой.

Разговор 7-й. Об истинном человеке или о воскресении

Беседующие персоны: старец Памва, Антон, Квадрат, Друг и прочие

Друг. Слушай, Памва! Куда долго учишься!.. Уже ли ты научился Давидовому псалму?

Памва. Да, я только один псалом умею.

Друг. Один?

Памва. Одним-один...

Друг. Какой псалом?

Памва. А вот он: «Сказал сохраню пути мои!..» А больше мне не надобно. Я уж устам моим сыскал затвор и заложил.

Антон. Самая правда. Язык все тело обращает и всему голова есть.

Квадрат. Ах, Памва! Блажен ты, если не согрешаешь языком твоим. Сколь горячо сего от бога себе просят Давид и Сирахов сын.

Лука. А прежде о чем ты говорил, Памва? Ведь ты и прежде имел язык.

Памва. Я уже древнему моему языку наложил печать.

Антон. А кто тебе его запечатал?

Памва. Кто может запереть бездну, кроме бога?

Лука. Не худо называешь язык бездною, потому что и Давид языку льстивому дает имя потопных слов: потоп и бездна — все одно.

Квадрат. Я слыхал, что и разум премудрого потопом у Сирахова сына называется.

Друг. Речь какая-либо не иное что есть, как река, а язык есть источник ее. Но если уже тебя, Памва,

господь от языка непреподобного избавил, тогда видно, что вместо льстивого дарил тебе язык Давидов, весь день правде божией поучающийся, силу его всему роду грядущему возвещающий.

К в а д р а т. Самая правда. Кто может говорить о белости, чтобы ему не была знакома черность? Один вкус чувствует горькое и сладкое. Если кому открыл господь узнать язык льстивый, таков вдруг узнать может праведные уста, поучающиеся премудрости.

А н т о н. Что такое? Вы насказали чудное. Разве не разумеет и старого языка тот, кто не знает нового?

П а м в а. Без сомнения. В то время покажется старое, когда уразумеешь новое. Где ты видал, чтобы кто разумел тьму, не видав никогда света? Может ли крот, скажи, пожалуйста, сказать тебе, где день, а где ночь?

А н т о н. Если крот не может, тогда может сказать человек.

П а м в а. Может ли слепой усмотреть и тебе показать на портрете краску белую?

А н т о н. Не может.

П а м в а. Зачем?

А н т о н. Затем, что он не видел и не знает черной. А если бы он хоть одну из противных меж собою красок мог разуметь, в то же мгновение мог бы понять и другую.

П а м в а. Вот так же и тут. Тот понимает юность, кто разумеет старость.

А н т о н. Довольно надивиться не могу, если всяк человек так родится, что не может и сего понять, что такое есть старость и юность, если не будет другой раз свыше рожден.

П а м в а. Свет открывает все то, что нам во тьме несколько болванело. Так и бог один всю нам истину освещает. В то время усматриваем пустую мечту, усмотрев истину и уразумев юность, понимаем старость. Земляной человек думает про себя, что понимает будто. Но мало ли младенец видит в потемках, а того не бывало? Но воссиявший свет все привидение уничтожает. Не всякому ли знакомы сии слова: *время, жизнь, смерть, любовь, мысль, душа, страсть, совесть, благодать, вечность?* Нам кажется, что разумеем. Но если кого о изъяснении спросить, тогда всяк задумается. Кто может объяснить, что значит время, если не проникнет в божественную высоту? Время, жизнь и все прочее в боге содержится. Кто ж может разуметь

что-либо со всех видимых и невидимых тварей, не разумея того, кто всему глава и основание? Начало премудрости — разуметь господа. Если кто не знает господа, подобен узникам, поверженным в темницу. Таков что может понять во тьме? Главнейший и начальнейший премудрости пункт есть знание о боге. Не вижу его, но знаю и верую, что он есть. А если верую, тогда и боюсь; боюсь, чтоб не разгневать его; ищу, что такое благоугодно ему. Вот любовь! Знание божие, вера, страх и люблепие господа — одна-то есть цепь. Знание во вере, вера в страхе, страх в любви, любовь в исполнении заповедей, а соблюдение заповедей в любви к ближнему, любовь же не завидует и прочее.

Итак, если хочешь что-либо познать и уразуметь, должно прежде взойти на гору ведения божия. Там-то ты, просвещен тайными божества лучами, уразумеешь, что захочешь, не только юность орлюю, обветшающую старости ризу, но и ветхое из ветхих и небеса небес. Но кто нас выведет из преисподнего рова? Кто возведет на гору господню? Где ты, свет наш, Иисус Христос? Ты один говоришь истину в сердце твоем. Слово твое истина есть. Евангелие твое есть зажженный фонарь, а ты в нем сам свет. Вот единственное средство к избежанию обмана и тьмы незнания. Вот дом Давидов, в котором судейский престол всякую ложь решит и режет. О чем ты, Антон, знать хочешь? Ищи в сих возлюбленных селениях. Если не сыщешь входа в один чертог, постучи в другой, в десятый, в сотый, в тысячный, в десятитысячный... Сей божий дом снаружи кажется скотскою пещерою, но внутри дева родит того, которого ангелы поют непрестанно. В сравнении сей премудрости все мудрости света не иное что суть, как рабские ухищрения. В сей дом воровским образом не входи. Ищи дверей и стучи, поколь не отворят. Не достоин будешь входа, если что в свете предпочтешь божией сей горе. Не впускают здесь никого с одною половиною сердца. А если насильно продерешься, в горшую тьму выброшен будешь.

Сколь горел Давид любовью к сему дому! Желал и истаивал от желания дворов господних. Знал он, что никоим образом нельзя выбраться из началородной безумия человеческого тьмы, разве через сии ворота. Знал он, что все заблудились от самого материнского чрева. И хотя говорили: «Се дверь! Вот путь!» — однак все лгали. Знал

он, что никакая птица и никакая мудрость человеческая, сколь она быстра, не в силе вынести его из пропасти, кроме сей чистой голубицы. Для того из нетерпеливости кричит: «Кто даст мне крылья?» Да чтобы они таковы были, каковы имеет сия голубица, то есть посребрены, а между связью крыльев блистало бы золото. А если не так, то не надобно для меня никаких летаний, сколь они ни быстропарны. Сею-то нескверною голубкою он столь усладился, столь ею пленился, что, как Магдалина при гробе, всегда сидел у окошка своей возлюбленной. Просил и докучал, чтоб отворила для него дверь, чтоб окончила его страдания, чтоб разбила мглу и мятеж внутренний, называю *ее* всею своею утехою. «Встань, — говорит с плачем, — слава моя, встань ты, сладчайшая моя десятиструнная, псалтырь и гусли сладкозвонные! Если ты только встанешь, то я и сам тотчас встану, а встану рано, поднимуся на свет. Долго ли мне во тьме жить?[а]» Когда приду и явлюся лицу божию? Кто, кроме тебя, о краснейшая всех дочерей в мире дева, кто воведет меня во град утвержден? Твоими только дверьми и одним только своим следом привестися могут к царю небесному девы, если с тобою имеют дружество. Не без пользы же трудился Давид. С каким восторгом кричит:

«Отворите мне врата правды!», «Исповедую тебя, чтобы услышал меня ты!», «Сей день возрадуемся и возвеселимся». «Бог господь и явился нам». «Призвал я господа и услышал меня в пространстве».

Что теперь сотворит мне человек? Ничего не боюся. Широк вельми стал Давид. Вылетел из сетей и преисподних теснот на свободу духа. Исчезла вдруг вся тьма. Где ни шел, везде свет. «Куда пойду от духа твоего?» Окрылател Давид: боится, любит, удивляется: от места на место перелетает: все видит, все разумеет, видя того, в которого руке свет и тьма.

К в а д р а т. Правда, что верно и ревностно возлюбленный Давид свою любезнейшую любит. Ее-то он, думаю, называет матерью, Сионом, дочерью, царицею, в золото одетою и преукрашенною, колесницею божиею, царством живых людей, жилищем всех веселящихся и проч.

[а] Отсюда в письме моем изгоняются из числа букв сии: *ер* и *ерь*. Если же где твердость буквы смягчить нужно, достаточно свыше поставить знамение сие, например: яд — яд', пет — пет', брат — брат'.

Едино просит от господа, чтобы жить в доме сем божием на месте покрова сего предивного, где глас радующихся и шум празднующих.

А впрочем, ничего ни на небесах, ни на земле не желает, кроме сей чаши, наполненной благосчастием, кроме сей дочери царской, которой вся красота внутри ее сокрывается и сокрылася. И столь сии врата сионские и путь сей, ведущий его к знанию господа, люб ему был, что на нем так наслаждался, как во всяком роде богатства. Что-либо в нем говорится, все то называем чудным и преславным, от общенародного мнения вовсе отличным. Тутто его жертва, пение и покой душевный, пристанище хотения. Ах, покой душевный! Сколь ты редок, сколь дорог! Здесь-то он закрывается в тайне лица божия от мятежа человеческого и от пререкания языков, сие есть от всех световых мнений, противных божией премудрости, называемой от него благолепием дома господнего, камнем прибежища для перестраненных грешников, о коих пишется: «Бежит нечестивый, никем не гонимый».

Антон. Без сомнения ж в сии каменные возводит он же очи свои горы, надеясь от них помощи.

Квадрат. Известно, что грешник, как только почувствовал опасность своего пути, бежит, как гонимый заяц, к сим горам, находясь в замешательстве бедных своих рассуждений, которые ему прежде весьма казались правильными. Но когда из божиих гор блеснувший свет на лицо ему покажет его прельщение, в то время весь свой путь сам уничтожает так, как случилось Павлу, едущему в Дамаск [19]. И в сей-то силе говорит Давид: «Просвещаешь дивно от гор вечных». «Смутились все неразумные сердцем». Кому ж сей свет не был бы любезен, если б мы хоть мало его вкусили? О кнот света, святой славы отца небесного! Конечно, твое блистание — несносное очам нашим, ко тьме привыкшим, а то бы мы непременно сна очам нашим не дали, пока бы дверь открылась, дабы можно увидеть, где селение свое имеет бог Ияковлев, где царствие и правда его, где начало, глава и счастие наше, дабы можно и о нас сказать: «Им же отворилися очи и познали его, и тот не видим был им». Или сие: «Пришли же и увидели, где жил, и у него пребыли день тот».

Антон. Как же ты говорил прежде, что Священное

писание возводит на гору познания божия, а ныне опое называешь горою?

Квадрат. Оно у Давида называется *гора божия.* Так разве тебе удивительно то, что горою восходим на гору? Если путь ведет из рова на гору, то, конечно, первая его часть есть низкая, а последняя высокая столько, сколько гора, на которую конец дороги поднимается. То же видеть можно и на лестнице, к высокому месту приставленной. Она дольней своей частию дольних, или долинных, жителей принимает, а горней возносит на высоту; по сей же причине и крыльями называется, и дверьми, и пределом, или границею, пристанью, песком, или брегом, море ограничившим, и степою.

Антон. Для чего степою и пределом называется?

Квадрат. Разве мало сего водится, что стена грань делает, разделяя наше собственное от чуждого? А сия богосозданная стена как не может назваться пределом, когда она граничит между светом и между чужестранною тьмою? Сия стена имеет темную сторону, ту, которая смотрит ко тьме. Но сторона ее, к востоку обращенная, есть внутренняя и вся светом вышнего бога позлащенная, так что если темный житель приходит к ее дверям, изнаружи темным, не видит никоей красы и отходит назад, бродя во мраке; когда же уверится и, паче чаяния, откроются двери, в то время светом воскресения облиставшися, закричит с Давидом: «Исповедуюся тебе, ибо страшно ты удивился». «Не сие, но дом божий и сии врата небесные».

Антон. Посему она подобна луне, когда луна меж солнцем и землею. В то время один полукруг ее темный, а тот, что к солнцу, светлый.

Квадрат. Сия посредственница похожа и на мост, делающий сообщение между богом и смертными.

Антон. Если сей чудный мост переводит смертных в живот, то достойно и праведно называться может воскресением.

Квадрат. Ах! Сия-то голубица точное есть воскресение мертвых человеков. Она нас, спадших от горы долу, поставляет опять на той же горе.

Лука. И я сему согласен. Сие слово *(воскресение)* в греческом и римском языках значит, кажется, то, если падшего поставить опять на ноги. Кроме того, я слыхал, что *голубица* — по-еврейски *иона.* Да и бог явно говорит Иереми, что поставит его опять на ноги, если будет

ему послушен. И как в Священном писании весьма бедственное состояние значит сие слово *сидеть,* так, напротив того, стоять есть то быть в точном благополучии. А как несчастное дело есть сидеть и быть колодником в темнице, так еще хуже быть в компании тех, коих Павел пробуживает: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых...» Разбей сон глаз твоих, о несчастный мертвец! Поднимись на ноги! Авось уразумеешь, что-то такое есть Христос, свет мира?

Друг. Не могу больше молчать, услышав блаженнейшее и сладчайшее имя светлого воскресения. Я, правда, между прочими и сам сижу в холодном смертном мраке. Но чувствую во мне тайный луч, тайно согревающий сердце мое... Ах, Памва! Сохраним сию божественную искру в сердце нашем! Побережем ее, дабы прах и пепел гробов наших не затушил ее. В то время что ли мы останемся такое? Разве единый прах и смерть?.. Огня истребить не можем. Не спорю. Но что самим нам делать без огня? Какая польза нам в том, что имеем в себе плоть и кровь? Знай, что ей должно опуститься в истление. В то время погибать ли нам без конца? И мы не иное что, разве мечта, сон, смерть и суета? О премногобедственное ж наше состояние, если все-на́-все одно только есть тленное без вечности, если, кроме явного, ничего не имеется в нем тайного, в чем бы существо наше, как на твердом основании, держалось, если всяческая суть суета и всяк человек живущий.

Подлинно ж теперь, если так сильное твое царство, о горькая смерть, непобедимая твоя победа, о ад! Кто или что может противиться тленным вашим законам, все в прах без остатка обращающим? Ах, беда! Погибель! Болезнь! Горесть! Мятеж... Слышите ли? Понимаете ли? Какой сей есть язык?..

Памва. Господи! Избави душу мою от уст сих неправедных... от языка непреподобного, от человека неправедного... Язык их есть меч острый, гроб открытый.

Друг. Вот точный яд аспидов, жало греховное, язык змиин, низводящий Адама в труд и болезнь!.. Что ты нам нашептал, о древняя злоба и прелесть? Для чего ты очень высоко возносишь умирающую мертвость, и стареющуюся старость, и тлеющую тлень? Одна ли смерть царствует? И нету живота? Лесть одна без правды, и злоба без благости, и старость без юности, и тьма без света, и потоп

без суши?.. Да запретит же тебе господь, о потопный язык, реку вод лживых изблевающий, потопляющий матери Сиона младенцев, покрывающий мраком и облаком черным, низводящий в ад от господа, на которого клевещешь с гордостию, уничтожая его царство и правду, юность и вечность, новую землю и живой род!.. Слушай же, бес глухой, язык немой и пустой! Понеже не признаешь пребывания господня, исповедуя, что одна только смерть везде владеет, низводя все-на-все в ад истления, того ради знай, что новый и нетленный человек не только попрет тленные твои законы, но совсем вооружен местью до конца тебя разрушит, низвергнет с престола твоего, сделав тебя из головы ничтожным ошибом. Памва! Слушай, Памва! Зачем ты молчишь? Ведай, что ты уже познал путь твой. Не шепчет в твоем сердце, онемев, злой язык. Разве опять ожил? Разве опять болезнь грешного языка в утробе твоей обновилась? Опять колет меч душу твою? Видно, что для того молчишь, онемев и смирившись, не говоришь доброго, не вопрошаешь о мире Иерусалима.

Памва. Я давно уже тайно сей язык проклинаю в сердце моем.

Друг. Но для чего явно не поешь? Если действительно научился псалму Давидову, для чего со Исаиею возлюбленному твоему песни через весь день не простираешь? Если дал тебе господь новые уста, зачем с Иеремиею не говоришь: «И отверстые уста мои к тому не затворятся»? Если согрелося сердце твое в тебе, должен ты в поучении твоем раздувать венчающую воскресение искру, пока возгорится ярость блаженного сего пламени и поест всю себе сопротивную тлень, пока наполнится огненная река божия, потопляющая нечестивых. Согретое сердце есть огненный духа святого язык, новое на небеси и на земле поющий чудо воскресения. Не видишь ли, что во всех ветхое сердце, земной язык? Все боязливы, печальны, несыты, отчаянные, лишенные небесного параклитового утешения [20]. Сколь же, напротив того, мало тех, о коих сказано: «На стенах твоих, Иерусалим, приставил стражи день и ночь, которые не перестанут поминать господа». Мало сынов Амосовых для утешения людей божиих. Не много Аввакумов, стоящих на божественной страже. О всех можно сказать: мертв с мертвым твоим сердцем. Железо пройдет душу твою. Сидишь во тьме, лежишь в гробу... О божественная искра! Зерно горчично и пше-

нично! Семя Авраамово! Сын Давидов! Христос Иисус! Небесный и новый человек! Глава и сердце, и свет всей твари! Пункт Вселенной! Сила, закон и царство мира! Десница божия! Воскресение наше! Когда тебя уразумеем?.. Ты истинный человек из истинной плоти. Но мы не знаем такого человека, а которых знаем, те все умирают. Ах, истинный человек никогда не умирает. Так видно, что мы никогда истинного не видывали человека, а которых знаем, у тех руки, и ноги, и все тело в прах обращается. Но что свидетельствует камень Священного писания? «Не отемнеют, — говорит, — очи его, и не истлеют уста его». Но где такой человек? Мы его никогда не видели и не знаем. Не разумеем ни очей, ни ушей, ни языка. Все то, что только знаем, на сие не похоже. Тут говорится о бессмертном человеке и нетленном теле, а мы одну грязь посели и ничего такого не видим, что бы не было не порчено. Итак, сидя в грязи и на нее надеясь, подобными ей и сами сделались. Очи имеем те, которыми ничего не видим, и ноги, ходить не могущие, и таковые же руки, лишенные осязания, язык и уши такого ж сложения. Вот как хорошо разумеем, что такое то есть человек. Кто ж из воскресших не скажет, что мы тень мертвая, что мы не прах, ветром колеблемый? Может ли нечувственная земля признать невидимого?

П а м в а. Скажи лучше по-Давидовому: «Исповедается ли тебе персть?» Бренне и вода, мимо текущая, есть естеством своим всякая плоть, из стихий составленная, ров страданий и глубина тьмы. «Спаси меня,— вопиет Давид,— от бренния, пусть не утону и от вод многих и глубоких». «Не мертвые восхвалят тебя...»

Д р у г. От сего ж то бренния изводит нас помянутая царская дочь Давидова, чистейшая голубица и прекраснейшая дева, одев нас не бренными, но позлащенными в междурамии и посребренными духом божиим крыльями. Сими окрылатев, возлетаем с Давидом и почиваем. Бросив земного Адама с его хлебом, болезни, перелетаем сердцем к человеку Павлову, к невидимому, небесному, к нашему миру, не за моря и леса, не выше облаков, не в другие места и века — единый он есть вовеки,— но проницаем в самый центр сердца нашего и души нашей и, минув все бренные и потопные мысли со всею крайнею внешностию плоти нашей, оставив всю бурю и мрак под ногами его, восходим через помянутой лестницы высокий

восход и исход к животу и главе нашей, к истинному человеку, в нерукотворенную скинию и к его нетленной и пречистой плоти, которой земная наша храмина слабая тень и вид есть в рассуждении истинной, сопряженной во едину ипостась без слития естеств божнего и тленного. Сей-то есть истинный *человек,* предвечному своему отцу существом и силою равен, единый во всех нас и во всяком целый, его же царствию нет конца...

Сего-то *человека,* если кто уразумел, тот и возлюбил, и сам взаимно любезным сделался, и одно с ним есть, как прилепившийся брению, и сам есть землею и в землю возвращается. А познавший нетленного и истинного *человека* не умирает, и смерть им не обладает, но со своим господином верный слуга вечно царствует, раздевшись, как из обветшалой ризы, из земной плоти, надев новую, сообразную его плоти плоть, и не уснет, но изменяется, приняв вместо земных рук нетленные, вместо скотских ушей, очей, языка и прочих всех членов истинные, сокровенные в боге, как Исаия говорит: «Се спаситель твой придет, имея с собою мзду, или награждение, воздавая вместо железа серебро, вместо меди злато, полагая на основание твое камень сапфир, то есть небесную, нерукотворную храмину». Да будет бог всяческая во всем твоем, а не мертвая земля и брение. Кто ли охотник к сему истинному животу, к сим блаженным дням? Сейчас вдруг, как молния, дастся тебе. Удержи только язык твой от зла и уста твои... О злой язык! О глава змиина! Начало горестных дней! Всех из рая выводишь, всех в бездну потопляешь. Кто даст на сердце наше раны и на помышления наши наказания премудрости? А иначе нельзя нам долой не упасть. К тебе прибегаем, о гора божия, купина неопалимая, свечник златой, святая святых, ковчег завета, дева чистая и по рождестве твоем! Ты одна и рождаешь и девствуешь. Твое единое святейшее семя, един сын твой, умерший по внешности, а сим самым воскресший и воцарившийся, может стереть главу змиеву, язык, поносящий господа...

Антон. Если Священное писание есть сладкие гусли божие, не худо, если б кто нашу компанию повеселил, поиграв на сем инструменте хоть немножко.

Лука. Я в сем согласен с Антоном и сего ж прошу.

Квадрат. Не повредит и я вашего доброго согласия и о том же прошу.

Друг. Слышишь ли, Памва? Принимайся за гусли. Ты долго учился Давидовой песне. За десять лет можно приучиться хоть мало.

Памва. Ах! Что мне в жизни приятнее, как петь возлюбленному моему человеку? Не боюся, чтоб не поразнить голосов. Страшит меня сын Сирахов сими словами: «Скажи, старейшина, и не возбрани музыки».

Друг. Пой и воспой! Не бойся! Будь уверен, что сладкая ему будет беседа наша.

Памва. Но что ее приусладит, если я не искусен?

Друг. Что приусладит? То, что делает приятным отцу младолетнего сыночка неправильное болтание в речи или худое играние на арфе. Разве ты позабыл, что искусство во всех священных инструментов тайнах не стоит полушки без любви? Не слышишь ли Давида: «Возлюбите господа»? А потом что? «И исповедайте, хвалите и превозносите». Любление господа есть преславная глава премудрости. Какая ж нужда в прочем? Пой дерзновенно! Но как в светской музыке один тон без другого согласного не может показать фундамента, а приобщение третьего голоса совершенную делает музыку, которая состоит вся в троих голосах, меж собою согласных, так точно и в Давидовых гуслях одна струна сомнительна, если ее с другим стихом не согласить. А при троих же свидетелях совершенно всякое слово утверждается.

Воскликнем же, господеви, в гуслях! Вооружимся согласием против проклятого языка, врага божественному нашему человеку. Авось по крайней мере из нашей компании выгоним сего нечистого духа.

Симфония [21], спречь согласие священных слов со следующим стихом:
«Сказал: сохраню пути мои, чтобы не согрешать языком моим...»

Разговор: Памва, Антон, Лука и прочие

Лука. Продолжай же притчу твою, Памва...

Памва. Наконец, те два невольника пришли к великим горам. Они о своем освобождении благодарили богу. Но голод и скука по отечеству их мучила. Как утих ветер, услышали шум вод и подошли к источнику. Старейший из них, отдохнув несколько, осмотрел места около

богатого сего источника, проистекающего из ужасных азиатских гор. «Конечно,— говорит,— недалече тут люди где-то живут».— «Не знаю, кто бы мог поселиться в сих страшных пустынях,— сказал молодой,— по крайней мере виден бы был след какой-либо к источнику».— «Да, в близости его по камням не видать,— сказал старик,— но в дальней околичности приметил я след, весьма похожий на человеческий». Мало помедлив, поднялися узенькою тропою по кручам. Она привела их к каменной пещере с надписью сею: «Сокровище света, гроб жизни, дверь блаженства».

«Не знаю, какой дух влечет меня в темный сей вертеп,— говорит старик.— Или умру, или жив буду. Ступай за мною!» Последуя предводительству духа, пошли оба внутрь. Молодой, не терпя больше глубокой тьмы: «Ах, куда идем?» — «Потерпи! Кажется, слышу человеческий голос». И действительно, стал слышен шум веселящихся людей. Приблизившись к дверям, начали стучать. За шумом не скоро им отперли. Вошли в пространную залу, лампадами освещенную. Тут их приняли так, как родственников, сделав участниками пира. А живут здесь несколько земледельцев с семьями. Отдохнув несколько дней у сих человеколюбных простаков, праздновавших шесть дней рождение своего господина, спросили путники у Конона, который был меж ними главою, как далече живет их господин? «Он нас всем тем, что к веселости принадлежит, снабжает,— сказал Конон,— однак мы к нему в дом никогда не ходим и не видим, кроме наших пастухов, которые ему вернее прочих. Они от нас носят ему поклоны. Если желаете, можете к нему идти. Он не смотрит на лицо, но на сердце. Вам назад возвращаться нельзя. Вот двери! Вам не страшен темного вертепа путь при факеле? Господь с вами! Ступайте!

Седьмого дня по входе своем в пещеру 1771-го года с полночи вступили чужестранцы в путь господский. На рассвете услышали хор поющий: «Смертию смерть поправ...»

После пения вдруг отворились двери. Вошли в чертог, утренним светом озаренный...

Лука. Полно! Воскликните богу Иаковлеву ныне! Начинай петь псалом твой и веди хор, Памва! А мы за тобой, насколько можно.

Памва. «Сказал: сохраню пути мои...»

Лука. Кажется, со стихом сим согласен тот: «Сказал: сохрани закон твой...» Отсюда видно, что Давидовы пути, которые он намерен сохранять, и закон божий — все то одно. Итак, второй стих есть истолкователь первого.

Антон. Немножко есть сомнения в том, что Давид назвал своим то, что божие есть, а не его.

Квадрат. Для чего ж Давиду закона божия не назвать своим путем: он, путь нечестивых оставив, усвоил и усыновил себе путь божий.

Антон. Не спорю. Однако лучше, когда бы третий стих разрешил сомнение, дабы твердое было в троих тонах согласие.

Лука. Что ж сомневаться? Ведь Давид и бога своим называет. «Часть моя ты, господи. Ты мой, а закон твой есть мой же». «Сказал: сохраню пути мои...» — то же, что «Сказал: сохрани закон твой». Но для твоего удовольствия вот тебе третий: «Пути мои исповедал и ты услышал меня».

Антон. Я и сим недоволен. Сей стих изъясняется следующим: «Сказал: исповедую на меня беззаконие мое господеви». И так: «Пути мои исповедал», то есть беззаконие мое, а не закон божий. «И ты услышал меня», то есть: «И ты отпустил нечестие сердца моего». Сии два во всем с собою сходны. И как начало началом, так и конец концом второго открывается. Итак, несколько разпят два стиха сии: «Сохраню пути мои», «Сохрани закон твой...» Если бы сказал: «Сохраню пути твои», в то время совершенная была бы симфония с сим: «Сохрани закон твой».

Квадрат. Как же теперь быть? Слушай, Памва! Завел ты нас в непроходимость. Ты ж сам и выведи.

Памва. Знаю. Для вас сомнительно то, что Давид как закон божий называет путем своим, так и беззаконие называет своим же. Не удивляйтесь. Один наш для всех нас есть путь, ведущий в вечность, но две в себе части и две стороны, будто два пути, правый и левый, имеет. Часть господня ведет нас к себе, а левая его сторона в тление. Сею стороною Давид прежде шествовал и, усмотрев обман, говорит: «Пути мои исповедал и ты» и проч. Потом, избрав благую часть, сказывает: «Сохраню

пути мои», сиречь стану беречь сию благую часть, дабы меня мой язык не отвел от нее в истление. «Искуси меня, боже, и уведи сердце мое и, если есть путь беззакония во мне, тогда наставь меня на путь вечный».

Друг. Любезные друзья. Вы не худо на Давидовой арфе забренчали и, по моему мнению, не нарушили музыки. Но опустили самое нужное, а именно: «Сказал».

Антон. Сие, кажется, всяк разумеет.

Друг. А мне снится, будто нет труднее.

Антон. Конечно, ты шутишь.

Друг. Никак! Священное писание подобно реке или морю. Часто в том месте глубина и самим ангельским очам неудобозримая закрывается, где по наружности показывается плохо и просто. Примечайте, что Давид на многих местах говорит «сказал» и после сего весьма важное следует, например: «Сказал: ныне начал...» и прочее. «Сказал: потом рождается сохранение закона». «Говорит: безумен в сердце своем»; в то время следует растление всех начинаний; «Сказал: ты бог мой». ⟨Видите, что речь семенем и источником есть всему добру и злу, а вы сию голову опустили⟩. Сей-то доброй речи просит у бога он же. «Скажи душе моей: Я спасение твое». «Господи, уста мои откроешь...» А как послал *слово* свое и исцелил, в то время Давид всему строению своему положил основание... Как же ты, Антон, говоришь, что всяк разумеет? Разумеешь ли, что такое есть речь?

Антон. По крайней мере вижу человеческие уста.

Друг. Бог знает... «Приступит *человек* и сердце глубоко». Как же можешь видеть?

Антон. Сердце видеть не могу.

Друг. Так не видишь же ни уст его. Позабыл ты уже оное? «Глубоко сердце человеку и человек есть». Слушайте, любезные друзья! Запойте на Давидовых гуслях. Обличите его невежество. Изгоните беса. Памва, начинай!

СИМФОНИЯ

Памва. «Согрейся, сердце мое». «Сказал языком моим».

Лука. «Дал ты веселие в сердце моем».

Квадрат. «Отрыгну сердце мое, *слово* благо, язык мой — трость...»

Памва. «Возрадуется язык мой правде твоей».

Квадрат. «Слово господне разожжет его».

Лука. «Возвеселится в веселии языка твоего».

Памва. «Разожжется сердце мое и утроба моя».

Лука. «Возрадуются уста мои и душа моя».

Квадрат. «Тебе говорит сердце мое: господа найду».

Друг. Полно! Слышишь ли, Антон, симфонию? Понял ли ты, что язык со устами радуется, а сердце говорит? Признайся ж с Сираховым сыном, что «уста мудрых в сердце их». Но как сердца их не видишь, так ни уст их, ни языка, ни слова уст их, ни речи. Видишь, сколь трудное слово «сказал»!

Антон. А внешние уста и язык — что такое?

Друг. Онемей и молчи! Не слыхал ли ты, что на сих гуслях не должно петь для твоей земли, плоти и крови, но единому господу и его языку, о коем пишется: «Земля убоялася и умолчала тогда восстать на суд богу».

Антон. Новый подлинно язык.

Друг. Новый человек имеет и язык новый. Слушай, Памва! Запойте сему возлюбленному нашему человеку, сладости и желанию нашему. Но так пойте, чтоб сладка была ему ваша хвала. Воспойте умом, и не одним воздух поражающим голосом. Новому новую песнь.

СИМФОНИЯ

Памва. «Пою тебе в гуслях, святой Израиль».

Лука. «Красен добротою паче сынов человеческих».

Квадрат. «Возлюбленный, как сын единорожденный».

Памва. «Сего ради помазал тебя, боже, бог твой».

Лука. «Честно имя его пред ними и жив будет».

Квадрат. «Обновится, как о́рлина, юность твоя».

Памва. «Жезл силы пошлет тебе господь от Сиона».

Лука. «Что есть человек, как помнишь *его*».

Квадрат. «*Человек* и *человек* родился».

Памва. «Престол его, как солнце».

Лука. «Восстань, почему спишь, господи!»

Квадрат. «Десница твоя воспримет меня».

Памва. «Не дашь преподобному твоему видеть истления».

Лука. «Еще же и плоть моя вселится на уповании».

Квадрат. «И лета твои не оскудеют».

Друг. Знаешь ли, Антон, сего блаженного мужа? Он не умирает, а плоть его не истлевает.

Антон. Признаюсь, не знаю. А что знаю, те все умирают и тлеют.

Друг. Так слушай же, что те все у бога непочетные. «Не соберу,— говорит господь,— соборов их от кровей». Какая польза в крови их, когда они тлеют? Ищи, что то за человек, который в памятной записи у бога? Если сыщешь, в то время и сам записан будешь на небесах. Ведь ты читал, что «единою говорит бога», а там разумеется *двое* — человек и человек, язык и язык, «сказал» и «сказал», старое и новое, истинное и пустое, слово божие и смертное, глава и пята, путь и грех, то есть заблуждение... «Сказал». А потом что? «Сохраню пути мои». «Сказал беззаконнующим». А что такое? — «Не беззаконнуйте». «Сказал». Что ж то за речь? «Услышу, что говорит во мне господь?» «Мир! Яко говорит мир на людей своих». «Сказал: Вот же и речь». «Господи, уста мои откроешь». «Сказал: господь скажет слово благовествующим». «Сказал: послал слово свое и исцелил их». «Сказал: вначале было слово». «Сказал: бог, повелевший из тьмы свету воссиять». «Сказал: тот сотрет твою главу». «Сказал: говорит бог.— Да будет свет». «Сказал: просвещаешь тьму мою». «Сказал: сердце чистое созидай». «Сказал: господи, во чреве нашем зачатый». «Сказал: всякая плоть — трава». «Сказал: клялся и поставил судьбы...» «Сказал: живо есть слово божие». «Сказал: доколе сечешь, о меч божий? Говорящий истину в сердце моем, бог сердца моего, доколе сечешь? Я уже скрыл слова твои в сердце моем».

Антон. А я думал, что Давид обыкновенно сказал нашим языком — «сказал».

Друг. Нет, но тайным, новым, нетленным. Он не любил иначе говорить; слышь, что сказывает: «О господи, похвалю слово».

Антон. О, когда б бог дал и мне новый сей язык!

Друг. Если узнаешь старый, познаешь и новый.

Антон. Тьфу! Что за беда? Будто я уже и старого не знаю? Ты меня чучелом сделал.

Друг. Если б тебе трактирщик поставил один старого, другой стакан вина нового, а ты не знаток, то как можно сказать, будто знаешь? Ошибкою можешь почесть старое вместо нового.

Антон. Что же пользы видеть, не имея вкуса?

Друг. Самая правда. А я тебе говорю, что и о самом

старом языке не знаешь, где он, хотя б ты вкуса и не был лишен.

Антон. Что ты поешь? Ведь старый наш язык во рту.

Друг. А рот где?

Антон. Разве не видишь моего рта?

Друг. Полно врать, непросвещенная грязь! Преисподняя тьма! Послушай Давидовых гуслей и прогони духа лжи. Воспой, старик!

СИМФОНИЯ

Памва. «Нет в устах их истины. Сердце их суетно».

Лука. «Уста льстивые в сердце».

Квадрат. «Говорит безумен в сердце своем».

Памва. «Труд и болезнь под языком их».

Лука. «Доколе положу советы в душе моей?»

Квадрат. «Болезни в сердце моем...»

Друг. Вот видишь, что и самый старый твой язык в ветхом твоем сердце, а не в наружности.

Антон. Как же наружный мой язык не говорит, когда он говорит? Ведь голос его слышен.

Друг. Мысль движет грязь твоего языка, и она-то говорит им, но не грязь; так как молоток часы на башне бьет, выходит из нутра часовой машины побудительная сила, коею нечувственный движется молоток. И посему-то Давид поет: «Помыслили (так вот уже) и сказали». Старый, новый ли язык — оба закрылися в бездне сердец своих. «Помыслил,— говорит,— пути твои», то есть «Сказал: сохраню пути мои». А опять о злом языке вот что: «Неправду умыслил язык твой», то есть «Сердце его собрало беззаконие себе». А как в мертвость твоего наружного языка, так во все твоей тленности члены выходит побудительная сила из сердечной же машины. Посему видно, что все они в той же бездне, как яблоня в своем семени, утаиваются, а наружная грязь о них только свидетельствует. Певчие, поиграйте и сей песенки!

СИМФОНИЯ

Памва. «Нога моя стоит на правоте».

Лука. «Те же всегда заблуждают сердцем».

Квадрат. «Неправду руки ваши сплетают».

Памва. «В сердце беззаконие делаете».

Лука. «Язык его сплетает льщение».

Квадрат. «Возвел очи мои».

Памва. «К тебе взял душу мою».

Лука. «Глянь и приклони ухо твое».

Квадрат. «Преклонил сердце мое в откровения твои».

Друг. Разжуй силу сих слов и усмотришь, что нога гордыни и рука, и рога грешных, и зубы, уши, и око простое и лукавое — и все до последнего волоса спряталось в сердечной глубине. Отсюда-то исходят помышления, всю нашу крайнюю плоть и грязь движущие. Помышление, владеющее наружным твоим оком, есть главное твое око, а плотское так, как бы одежда, последующая своей внутренности. То же разумей и о прочих частях.

Антон. Да ты ж говорил, что уста мудрых только одних в сердце их, а теперь говоришь то о всяких устах.

Друг. Весьма ты приметлив на мои ошибки. Вот Сирахов стих: «Сердце безумных в устах их, уста же мудрых в сердце их». Пускай же и безумного уста будут в сердце. Но если ты сего не разумеешь, в то время мысль твоя будет в грязи наружных твоих уст. А о чем размышляешь, там твое пустое и сердце. Оно думает, что плотская грязь сильна и важна. В сем ложном мнении оно пребывая, делается и само пустошью, так как и язык его есть суетный. Таков помысел есть устами твоими бренными, а в них твое сердце дотоле будет, поколе не скажешь: «Сказал: сохраню пути мои». «Спаси меня от грязи, пусть не утону». Затем-то язык и головою называется, что за сим вождем все человеческое сердце идет. Желал бы я, чтобы тебе господь и всем нам дал новое и чистое сердце, стер главу языка змииного, а заговорил в сердце нашем тем языком, о коем сказано: «Языка его же не видя, услышал». «Послал слово свое и избавил их от растлений их».

Антон. Теперь, кажется, и я разумею сии слова: «Возрадуются кости смиренные».

Друг. Когда все-на-все, то и самая кость в душе и в сердце заключается. «Как только,— говорит,— умолчал, обветшали кости мои».

Памва. «Онемел и умолчал от благ в то время, когда восстать грешному языку предо мною».

Друг. Подлинно. А как сей злой вождь и глава змиина приводит все сердечное сокровище в смущение, так, напротив того, веселый божий мир благовествующий

язык приносит всему сердцу, всей бездне нашей радость и свет. «Слуху,— говорит,— моему дашь радость и веселие». Для того как все мое, так и кости мои, прежде всего смирившиеся во истление, теперь возрадуются. Сему мирному языку веровал, тем же и говорил. А что сказал? Вот что: «Всяк человек — ложь». «Всякая плоть — сено». «Плоть — ничто же». «Сказал: пмя господне призову». «Сказал: сохраню пути мои». Пойду вслед за новым моим языком, за нетленным человеком. Не пойду во истление за грешным языком. Закричу со Исаией: «Божий есмь».

П а м в а. Вошли мы несколько во внутренность плоти нашей, будто в недро земное. Нашли, чего не видели. Людей мы нашли новых, руки, ноги и все новое имеющих. Но еще не конец. Продолжим путь к совершенному миру нашему. Пренебреги, о душа моя, совершенно всю плоть видиму и невидиму! Отходи от нее и приближайся к господу. Верою отходи, а не виденпем. Вера роет и движет горы. Вот светильник путям твоим, язык новый!

СИМФОНІЯ, НАРЕЧЕННАЯ КНІГА АСХАНЬ[1], О ПОЗНАНІИ САМОГО СЕБЯ

Рожденная 1767-го лета

Любезный друже Михаил!

Десять верст от Харькова написал я сію книгу в лесах Земборских. Дух велел, пусть наречется «Асхань». Асхань есть дочь Халева, вошедшего в землю обетованную. Значит, красота. Он ее отдает братаничу своему в супруги за то, что достал город Арвон. Сей город, иначе называется Хеврон, спречь дружба и город письменный. Сия есть премудрость божия, сокровенная во глубинах Библии. Все, стяжавшие премудрость сію, невестою услаждаются, по слову Исаину: «Как же веселится жених о невесте, так возрадуется господь о тебе».

Сердце наше, узнавшее себя, есть ведь голубь. Сей голубь вызывает себе из Ноева ковчега, из Библии, чистый — чистую голубицу. Вот невеста! Вот всеприятнейшая и единая жертва богу! Вот пара голубов! Вот вонь благовония господу! Вот верх блаженства! Сия вонь кончит сію книгу. Что значит сломить голубю крылья его? То же, что сломить рога. «Все рога грешных сломлю». Рог, ноготь, волос, перья разнятся от тела, хотя все сие в теле. В теле и разнится от тела, что? Мысль! Мысль чистая есть волос главы негибнущий, рога и лучи на главе Мойсея[2]. Рог, Иеремиину ногтю адамантову равный, есть то чистая мысль. Крылья голубиные, легко парящие в вечности, вот они: «Помышления сердца его суть в род и род». Сломите крылья — разумей: раздерите сердца ваши. Тогда сломишь дурные крылья и голубице твоей — Библии. Вот пара! «Да отторгнет голову голубову». «Да отлучит-де гортань с перьем...» Сие есть то же: «Разлучи бог между водою и водою...» Что есть вода сия, если не река, речь, мысль, слово, гортань, сердце, перья? Всякая фигура, тем более солнце, есть мысль. Ибо нечто нам проповедует. Если же солнце есть то мысль ей! Оно — го-

лубь. Куда летит? В вечность. «Полечу и почию». Тут вечность именуется востоком. Что бы выше ее? «Восток имя ему». Сюда бросай! Бросай на восток гортань и перья. О горнем мудрствуй! Подними вверх. Пожертвуй перья богу. Метай выше пепла, в место пепла. Вместо плоти возверзи на господа печаль твою, тлень твою, плоть твою, ничто сие не твое. Да будут очи твои голубиные выше пепла на месте ином от пепла. Ибо все есть пепел, кроме вечности. Вот тогда-то исцедишь кровь от солнца. Узнав истину, преложится тебе солнце во кровь. Ибо что есть оно, если не плоть, кровь и пепел?.. А как кровавые крылья от сердца твоего отлучи, так и скотину твою раздели. Тело твое, пепельная твоя часть — вот то тебе! Дай же место на месте твоего пепла. Слушай! На всяком же месте дай место и богу твоему! В волосе — волосу его, в жилочке твоей — жилке его, в костях твоих — костям его. Поделися с ним до последней твоей часточки, как царь Содомский[3] с Авраамом. Вот тогда-то сбудется: «Жена твоя (премудрость), как лоза плодовита, во всех углах дома твоего». Вот тебе леторасли, дети твои! Новые жилы! Новая плоть и кость! А трапеза твоя вышнему — сердце твое.

Григорий Сковорода

ГЛАВИЗНА КНИГИ СЕЙ

«Земля была невидима... и тьма вверху бездны».

«Когда познаны будут во тьме чудеса твои и правда твоя в земле забвенной?»

«Помяните чудеса его, то есть судьбы уст его».

«Не утаится кость моя от тебя, ее же сотворил ты втайне». «Дух все испытывает и глубины божии».

Симфония

С сим стихом:

> «Если не познала саму тебя, о добрая жена,
> изойди в пятах паств и паси козлища твои
> у шалашей пастушеских»
>
> *«Песнь песней»*

Лица в разговоре:

Памва, Антон, Лука, Конон, Филон, Квадрат, Друг

Памва. Прекрасное утро, пресветлый сей воскресения день. Сей веселый сад, новый свой лист развивающий. Сия в нем горняя беседка, священнейшим Библии присутствием освященная и ее же картинами украшенная. Не все ли сие возбуждает тебя к беседе? Слушай, собравшийся здесь новый Израиль, любезные друзья! Оживило меня присутствие ваше. Находясь окружен столь честными и человеколюбными сердцами, могу сказать с возлюбленным Давидом, что согрелося во мне сердце мое.

Антон. А что это за картина? Слышь, Лука!

Лука. Дочь царская со служанками, вот видишь, нашла в коробочке плавающего младенца.

Антон. Да, да, да, человека божия Мойсея. А сих двоих картин не знаю.

Лука. Не знаю, какие-то два города на превысоких горах.

Памва. Вот город Хеврон.

Антон. Что за Хеврон?

Памва. Которым благословил Иисус Навин Халева, отдав ему в наследие. Он иначе называется ⟨Ардок, а сей другой есть⟩ Давир. Издавна назван: город учения, или город письменный.

Лука. А что ж это за два мужи вооруженные, а меж ними женщина?

Памва. Сей то есть божий муж Халев. Он отдает прекрасную Асхань, дочь свою, в жены братаничу своему за то, что он взял город Давир. Сия вся история видна из 14 и 15-й глав в «Иисусе Навине» [4].

Антон. О, прекрасные картины!

Памва. Ты видишь одну наружность их. Но если б ты увидел внутренние в них сокровенные мысли и был в числе божиих людей святых, образов событие зрящих, разумеющих самую в картинах силу, намерение, конец и предел, конечно, бы ты не удержался, чтоб не сказать с Давидом пред сенным ковчегом, и с тобою сделалось бы то ж самое, что с тою королевою, о которой в «Третьей Книге Царств» вот что: «И видит царица Савская весь смысл Соломона: и дом, который он создал, и снеди Соло-

моновы, и жилища отроков его, и предстояние служащих ему, и облачение его, и виночерпцев его, и всесожжения его, которые приносил в храме господнем, и вне себя была. И говорит Соломону: «Истинны слова, которые я слышала в земле моей о словах твоих и о смысле твоем, и не верила говорящим мне: — Пока пришла сюда и видели очи мои. И это даже не половина того, что мне поведали. Приложил ты премудрость больше всякого слуха...» [5]

Лука. Вот нам эта знакома! Это наша!

Антон. Какая?

Лука. Рождество Христово.

Памва. Почему она ваша?

Лука. Как же? Ведь мы христиане.

Памва. Если эта картина ваша, то и первая ваша, а иначе ни одна не ваша.

Лука. Нет! Там Мойсей, а тут Христос. Тот жидовский, а сей христианский вождь.

Памва. А Мойсей не христианский?

Лука. Никак!

Памва. Для чего ж христиане в собрании читают сие: «Открывши, видит отроча, плачущее в корзинке, и пощадила его дочь фараона, и говорит: «От детей еврейских сие...»

Лука. Для того читают, что Мойсей прообразовал Христа, сына божия...

Памва. Да разумеешь ли полно сам-то, что говоришь? Что это значит прообразовал?

Лука. Что это значит прообразовал?

Памва. Да.

Лука. А что ж оно значит?

Памва. Я не знаю.

Лука. Безделица! Как не знать этого? Он был образ и одна тень сына божия.

Памва. Как же тень? Ведь сам бог свидетельствует, что он человек божий. А божий и истинный — все то одно. Бог и истина — одно. Человек божий и сын божий— одно то. Посему-то и Павел так божиего человека называет созданным по богу: в правде и преподобии истины. И сего одного хвалит.

Лука. Однако ж Мойсей был тленный, как мы, человек, а божиим назван по благодати.

Памва. Вот тебе вылазка! Пожалуй, брось твое «однако ж»! Не представляй мне подлых школьных богословцев

квасник. Слушай, что такое о Мойсее говорит божие слово: «Не отемнеют очи его, ни истлеют уста его».

Л у к а. Однако ж Мойсей иное, а иное Христос.

П а м в а. Слушай, припутню! Сама евангельская премудрость вот что говорит: «Если бы вы веровали Мойсею, веровали бы без сомнения и мне». Видишь, что разуметь Мойсея есть разуметь Христа; и Мойсей закрылся в Евангелии так, как Евангелие поглощено Мойсеевыми книгами, которых оно есть леторасль.

Л у к а. Да там же вдруг следует и спе: «О мне тот писал», а ты замолчал.

П а м в а. Конечно, не писал бы, если б не видел его. А что ж есть живот вечный, если не то, чтоб знать бога? Сие-то есть быть живым, вечным и нетленным человеком и быть преображенным в бога, а бог, любовь и соединение — все то одно. Сверх того примечай, что и самые их сии образы меж собою во всем сходны. Тут лежит пеленами повитый израильский младенец. И там от еврейских детей. Сей положен матерью в яслях, а тот своею в коробочке. Сего наблюдает мать его, а того издалека сестра его. Тут пришли пастыри и волхвы, а там царева дочь с языческими служанками. А у древних пастырями цари назывались, например, «Пасущий Израиля, внимай», то есть пастырь и царь израильский. Впрочем, что израильский род не умирает, слушай пророка Иоиля: «Как утро, разольются по горам люди многие и крепкие. Подобных им не было от века, и по них не приложится до лет в род и род...» Если бы до их лет можно что-то другое приложить, имели б они конец. Но они, всему другому концом находясь, сами суть бесконечны. Израиль есть сам остаток умирающим всем земным языкам. А что Иоиль то сказывает о еврейском роде, слушай Мойсея: «Блажен ты, Израиль! Кто подобен тебе?»

Л у к а. Однако ж Мойсей иное, а иное Христос.

П а м в а. Как же иное, если за одно с ним говорит на Фаворе? [6] Ведь ты слыхал родословие Христово?

Л у к а. Слыхал. «Книга родства Иисуса Христа...» и прочее.

П а м в а. Как же думаешь? Что это за книга? Ведь эта книга не простая. Она есть книга божия. В сей книге ни один плотский не записывается. Слушай Давида: «Не соберу соборов их от кровей». А записываются одни те, кто «не от крови, не от похоти плотской, но от бога роди-

лись». А когда Мойсея само слово божие называет божиим человеком да и самому ему велит в «Книге чисел» [7] ставить прочих в сие счастливейшее число и запись, как посмеешь из сей книги его самого вычеркнуть? Учись! Не разумеешь? В сию книгу и ученики Христа записаны. «Радуйтесь,— говорит,— ибо имена ваши написаны». Да, о сем одном и радоваться велит. В сию книгу вся-на-вся родня Христова, не плотская (слышь?), но духовная, записывается. А вот она, родня: «Кто есть мать моя или братья мои? Кто сотворит волю божию, сей брат мой, и сестра моя, и мать моя есть...» Удивительно тебе показалось, что Мойсей и Христос одно. Но не слышишь ли, что такое о всей своей родне Христос говорит нетленному своему отцу? «Да будут едины, яко же и мы. Нет из вас ни иудея, ни эллина, ни раба, ни вольного». «Нет мужеского пола, ни женского, одно вы,— говорит Павел,— во Христе, и Христос в вас. Божий род как конца, так не имеет и разделения».

Л у к а. Как же может одно быть то, что не одно?

П а м в а. Спрошу ж и я тебя: как можно, чтоб было двенадцать оправленных по-разному и разно разными языками напечатанных книг евангельских и чтоб одна то была книга? Если кто одну из них знает, тот знает все. Если б ты узнал Мойсея, узнал бы и Христа, или если б Христа узнал, узнал бы Мойсея, Илию, Авраама, Давида, Исаию и прочих.

Л у к а. Я Христа знаю, а Мойсея не знаю.

П а м в а. Так ты знаешь Христа, как некоторый дурачок, о котором выслушай басенку. Богатый отец имел 8 сынов. Они были в худом и в добром разумны, но непокорные и великие отцу досадители. Между семью братьями был один и глух и глуп, но горячий воли отцовской почитатель. Умирая, отец велел их призвать к себе всех и, находясь от природы добрым, благословил их. Потому, оборотя взор к дурачку, [сказал]: «Я знаю, что тебя братья обидят в наследии. Вместо-де того усугубляю тебе мое благословение. Вот тебе сия моя трость свидетельством! Возьми ее и храни при себе. Почувствуешь блаженство твое тогда, когда покажутся тебе слова сии: «Покроет тебя божие начало». По смерти разорвали господа все имущество, один только маленький с садом домик оставив палочнику. Здесь он, простую жизнь провождая один, тосковал по отцу. В седьмой год весною, воскресным

утром, прохаживаясь по высшим своего райка местам, чуть было не наступил на змею. Расколотил ей тростью голову и так шибко ударил, что некая часть трости, как шелуха, отпала. Почувствовал он в ушах своих неслыханный пред сим звон и дивный голос таков: «Глупый! Чего ты плачешь? Кого ищешь? Я всегда с тобою». Обняла его несказанная радость. Открылся ему слух. И там-то он усмотрел, что его трость есть двойная. Снял он подлую поверхность. Открылась новая, золотая палка, драгоценнейшими каменьями насаженная от самого верха до самого конца. Ее голову составлял один самый большой голубой сапфир. На голове живой образ отца его вечными написан красками, а вокруг оного слова сии: «Покроет тебя божие начало». Вот так-то ты, слушай! Знаешь Христа, как сей, находясь глух и глуп, знал отцовскую палку. Невероятным тебе кажется сие слово, что, узнав Мойсея, узнаешь одним взором и Христа. Ты ж еще чудное услышишь слово. Не только когда доведется тебе узнать Адама, или Авеля, или Ноя, или Иисуса Навина, или Халева, или Иова, или Соломона, или Иеремию, или Павла, но когда хотя самого себя хорошенько узнаешь, изволь знать, что одним взором узнаешь и Христа. Один есть весь вышепомянутый род Авраамов, ни числа, ни начала, ни конца не имеющий, все четыре стороны наполняющий. «Если кто может,— говорит бог Аврааму,— исчесть песок земной, то и семя твое изочтет». Впрочем, не конец то, после чего еще нечто следует. Но после сего рода ничего уже следовать не может. Все погибает огнем божиим, и сами нечестивых останки, а потому уже и не останки, что не остаются. Не терпит ничто огненного лица божиего. Все, как хворостные, горят, кроме сего семени, о котором в Исаии: «Яко же небо новое и земля новая, которые я творю, пребывают предо мною, — говорит господь,— так станет семя ваше и имя ваше». То же и в Иеремии: «Возвеселитесь веселием. Воскликните на главу язычников. Слышно сотворите и похвалите». Скажете: «Спасет господь людей своих, останок Израилев». Сей-то род есть ищущих господа, ищущих лицо бога Иакова, перед которым никакой язык устоять не может: «Как огонь исходит от лица его». Из сего богоспасаемого рода, хоть одного узнав, всех узнаешь. Во всех их один новый человек, и они в нем, а он в отце своем. Но понеже ни одного из них узнать не можем, то по крайней мере узнать самих себя постараем-

ся. Сим образом можем узнать истинного человека, «созданного по богу в правде и преподобии истины». А се ж то самое есть и живот вечный. Узнав же его, во мгновение ока преобразимся в него, и все наше мертвенное поглощено будет животом его. Слушай, что такое сам он говорит своему любителю, который в его род отродится и с ним заодно быть желает: «Если не познала саму тебя, о добрая жена, изойди ты в пятах паств и паси козлища твои у шалашей пастушеских». Напишите же слова сии вечными красками на сердце вашем и на мыслях ваших. Передайте голос сей божий в наследие и потомкам вашим, да останки их будут благословенны, и вселятся на земле доброй, и насытятся пшеницы, вина и елея, и воспитаются на воде спокойной, и утучнеют хлебом слова божия, и так землю свою вторицею наследят, и веселие вечное над головою их. А если кто не узнает себя, сей не может слухом услышать голоса господа бога своего, чтоб отворил ему господь сокровище свое благое — небо. И не получит, не увидит, не уразумеет сладчайших сих божиих обещаний во Исаии: «Тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твои скоро воссияют, и предидет перед тобою правда твоя, и слава божия обнимет тебя. Тогда воззовешь, и бог услышит тебя, и еще говорящему тебе скажет: «Се пришел». И будет бог твой с тобою всегда и насытишься, как желает душа твоя. И кости твои утучнеют и будут, как сад напоенный и как источник, в котором не оскудеет вода. И кости твои прозябнут, как трава, и разботеют, и наследят роды родов».

«Смиренная и колеблемая, не имела ты утешения. Се я уготовляю тебе анфракс, камень твой, и на основание твое сапфир, и положу на забрала твои паспис и на врата твои камни кристалла, и ограждение твое, камни избранные. Се пришельцы придут к тебе мною, и вселятся в тебя, и к тебе прибегнут. Се я создал тебя, не как кузнец, раздувающий угли и износящий сосуд на дело. Я же создал тебя не на пагубу, чтобы истлеть». Что ж то за пришельцы? «Возведи вокруг очи твои и глянь: все силы собрались и пришли к тебе. Живу я,— говорит господь,— как всеми ими, что в красоту облачились и обложили себя ими, как утварью невеста».

Друг. Споришь, Лука, и хвалишься, будто знаешь Христа. Разумей, чем хвалишься! Опасайся Иеремииных слов сих: «Близ ты, господи, уст их, далеко ж от утроб

их». И Давидовых: «Положили на небеса уста свои и язык их прошел по земле», и Мойсеевых: «Не поминай имени господа бога твоего напрасно». И Христовых: «Плоть ничто же, дух животворит». Легко могли смотреть сыны Израилевы на поверхность покрывала Мойсеева. Но на богом прославленный вид лица его смотреть боялись. Видишь ли, что двойной Мойсей? В одном Мойсее тленный и славный. То ж самое делается и на Фаворе. Один Христос сносен очам Петровым, второй — страшен. Первого множайшие видели, второго никто, кроме учеников, в то время как дал и открыл им ум разуметь писание. Тленного и мертвого все видели, а о живом никто не терпел и слышать. В силу ученики уверились, и присмотрелись, и увидели. Первого смертного Христа не хочет знать и видеть его Павел, и сим гораздо разнится от прочих. Слушай, что он говорит: «Тем же и мы отныне ни единого не знаем по плоти. Если же и разумели по плоти Христа, но ныне к тому не разумеем». Скажи ж теперь, что такое разумеешь через сие имя Христос? Если разумеешь какую тлень, без сомнения, через имя Христово разумеешь пустошь. И се-то есть принимать имя его напрасно! А что ж есть суетность и ложь, если не то, что тлень? И сие-то есть не живот, но погибель свою видеть: «Да узрят очи его свое убиение!» Кричит Иов: «От господа же да не спасется!» Сие-то тление есть точное поле пагубы, а на нем все, что только застанет или от человеков или от его скотов, огонь господен с громом и градом то все-на-все во всей земле Египетской поражает пагубою, кроме одной земли, где находился род божий, сыны Израилевы. Так вот где ищи узнать Христа: в земле Гесемской![8] Эти все одного суть рода. «Род, спасаемый от господа».

А между тем поучись, что говорит Давид: «Восстаньте по сидении, едящие хлеб болезни». «Доколе належите на человека? Убиваете все вы». «Цену мою совещались отринуть, потекли в жажды». «Устами своими благословлял и сердцем своим проклинал». «Единою, — говорил бог, — двоих сих слышал». И внуши, пожалуй, что то опять Михей[9] поет: «И ты, столп паствы мглистый, дочь Сиона к тебе придет, и войдет власть первая, царство из Вавилона, дочери Иерусалима. И ныне зачем познала ты зло? Не было ли тебе царя? Или совет твой погибал? И обошли тебя болезни, как рождающую. Болезнуй, и мужайся,

и приближайся, дочь Сиона, как рождающая. Потому ныне изойдешь из града, и вселишься на поле, и дойдешь до Вавилона. Оттуда возьмет тебя и оттуда избавит тебя господь бог твой...» Не можешь, Лука, Христа видеть. Одну срамоту, лицо его покрывающую, и зад его видишь. И как Иоиль [10] говорит: «Землю сзади, поле пагубы и лежащего видишь». И бойся, чтоб не был на падение тебе. И засмотревшись на плечи его, не миновал бы ты того Христа, Павлом познанного, вчера, и днесь, и вовеки находящегося и Исаией виденного, говорящего тебе: «Я есть, я есть утешающий тебя». Разумей, кто есть *сущий*?

Убоялся ты человека смертного и сына человека, которые, как трава, иссохли, и забыл бога, создавшего тебя, сотворившего небо и основавшего землю. Сего божиего человека, если узнаешь, о сем похвались. В то время дерзновенно возопий со Исаией: «И сам я божий есть». Но вот тебе, знай, что вовеки не узнаешь ни одного от рода божественного, пока прежде не узнаешь самого себя. Вовеки не сделаешься пресельником с Авраамом. Вовеки не поставишь кущи твои со Иаковом. Вовеки не вселишься на месте злачном с Давидом. Вовеки не поставит тебя в число божиих людей Мойсей. Вовеки не дождешься обещаемых во Исаии царей, кормителей твоих. Сей род есть царское священие и язык святой: цари, священники и кормители и пророки, о коих всех вот что говорит бог: «Поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе». Если ж не узнаешь себя, будет царь твой Валак и кормители твои — посланники его, неприятели рода израильского, почивающие в ночи при Валааме [11]. Се-то те лживые кормители и пророки, о коих Михей воспевает: «Узрят язычники и устыдятся всей крепости своей. Руки возложат на уста свои, и уши их оглохнут, полижут землю, как змеи, ползущие по земле, смятутся в лежбище своем, о господе боге нашем ужаснутся и убоятся от тебя. Кто бог, как ты?» И о которых Захария: [12] «О пасущие суетных и оставившие овец! Меч на мышцу его и на око его правое! Мышца его, высыхая, высохнет, и око его правое, ослепая, ослепнет». И о которых Исаия: «Ныне же слышь сие, юная сидящая дочь Вавилона, уповающая в сердце своем: «Я есть говорящая и нет иной, не сяду вдовою и не познаю сиротства». Ныне же придут на тебя два сия внезапно в один день — бесчадие и вдовство внезапно на тебя придет в волшебстве твоем и в крепости

волхвов твоих. Се все, как хворост, огнем погорят и не изымут души своей из пламени».

Вот се-то те кущи пастырские, до коих отсылает тебя человек божий, если не можешь узнать самого себя. Сии кущи совсем противны той купине Моисеевой [13] и тем кущам, о которых написано в «Числах»: «Коль добрые дома твои, Иаков, и кущи твои, Израиль, как дубравы осеняющие, и как сады при реках, и как кущи, которые водрузил господь, и как кедры при водах».

Антон. Конечно ж, самонужнейшее есть слово сие, чтоб познать себя самого. Что нужнее, как увидеть бога? «Нет истины, ни милости, ни видения божия на земле»,— вопиет Осия [14]. «Клятва, и ложь, и убийство, и воровство, и любодеяние разлились по земле, и кровь с кровью смешивают. Как ты умение отверг, отвергну и я тебя. И не жречествовать тебе, и забыл ты закон бога своего, забуду и я детей твоих. И будет, как люди, так и жрец». И опять: «Соблуди, Ефрем, и осквернися, Израиль. Не оставили помышлений своих, чтобы возвратиться к богу своему, ибо дух блудодеяния есть в них, и господа не увидели». Но нельзя не соблудить, не узнав господа. Ах, дражайшее умение! Нет тебя на земле в пепельных сих сердцах. О высочайшая господственная сциэнция [15], умеетность, где ты ныне? Поразила тебя мечом языка своего блудница, сиречь земля, плоть и кровь. Умножились везде похотники ее. Но нельзя никак узнать господа, не узнав самого себя. Правда, что видим себя всяк из нас и знаем себя. Но как же знаем себя? И как видим? Не все ли то языческое? Не все ли то тленное, что мы познали в себе? Хребет один в нас видим, а не лицо в нас наше. Ложь нашей плоти одну видим — не истину в ней. И как нам сыскать утешение? «О лють! — вопиет Исаия. — Множеству языков многих. Как море волнующееся, так смятется и хребет языков многих, как вода восшумит, и вода многая, языки многие, как шум воды многой, нуждою носимый, и отбросит его, и далеко погонит его, как прах полевой, веющийся против ветра, и как прах колесный буря возносящая». Да разве ж довольно сего, когда в нас видим одну разливающуюся тления нашего воду? Для чего не проницаем в то, что ее держит? «О град лживый! — кричит Иеремия.— Что хвалишься в удолиях? Стечет удолие твое, дочь бесстыдная, уповающая на богатства свои, говоря: «Кто придет на меня?» «Се я наведу на тебя

страх»,— говорит господь-вседержитель. «О лютый град кровей,— гласит Иезекииль [16],— в нем же есть яд, и яд не изойдет из него».

Сего ради говорит Адонай-господь [17]: «Се я сужу тебя по кровям твоим и по помыслам твоим! Сужу тебя, нечистый, пресловутый и великий, на разгневание». Не довольно еще для нас видеть одну в нас нашу землю, но нужно еще подниматься и прозреть за нашею замлею и ту землю господню, о которой Исаия: «С веселием,— говорит, — изойдете и с радостью научитесь» — и о которой Иоиль: «Как рай сладости, земля перед лицом его, а которая сзади него, та поле пагубы, и спасающего не будет на нем». Не достаточно нам видеть одно тленности нашей лицо, но продираться сквозь тень нашу, чтоб увидеть там лицо человека от того божиего народа, о коих Иоиль же [говорит]: «И господь издаст голос свой перед лицом силы своей, ибо велик очень полк его и крепки дела слов его».

И описуя сей нетленный род, вот что поет: «Как вид конский, вид их, и как конники, так погонят. Как голос колесниц, на верхи гор востекут, и как голос пламени огненного, пепелящего тростник, и как люди многие и крепкие, ополчающиеся на брань. От лица их сокрушатся люди. Всякое лицо, как опаление горшка. Как борцы потекут и как мужи храбрые изойдут на ограды. И каждый в путь свой пойдет, и не совратят с путей своих, и каждый от брата своего не отступит. Отягощенные оружием своим пойдут и в стрелах своих падут, но не скончаются. Города возьмут, и на забрала востекут, и на храм влезут, и окошками войдут, как воры».

Вот еще какой род! Есть род и есть род: языческий и израильский; тот начинается — сей начинает; тот кончится — сей кончит; тот средина — сей начало и конец. Разделите! Не смешивайте людей избранных с отверженными. Не разливайте крови неповинной на землю. Есть кровь беззаконная, есть и праведная; есть плоть тленная, есть и нетленная; есть рука левая, есть и правая; есть кость иссохшая, есть и прозябающая и несокрушаемая; есть око темное, есть и светлое. «Не отемнели очи его, ни истлели уста его». Да для чего ж не бывать сему всему, когда есть и новая земля пред лицом его! Для чего ж не бывать новой земле, когда весь мир новый вначале созидается? Есть начало начинаемое, и то не начало, потому

что предваряется другим, прежде себя началом. И есть начало неначинаемое, о коем сказано: «Начало Сиону дам». «Со мною Сион есть»,— говорит господь. И сие-то есть истинное начало безначальное: «И без него ничто не было, что было». Начало бесконечное, и само всему конец, и всему гибнущему как начаток, так и остаток. Постигните господа, и встретит вас начало. Взыщите господа, и обретете остаток. Обретете остаток, если взыщете начаток. Господен есть начаток, господен и остаток. Отдайте ж господу начатки. Его суть все начатки. Посвятите от всего, что угодно сердцу нашему, что только лишь видите. Его есть небо и земля. Дай начаток сынов твоих и дочерей твоих от всего плода утробы твоей. Дай начатки жит твоих, и от скотов твоих, и от всего твоего, дай первые начатки и внеси в дом господа бога твоего. Обретение господа есть видение начатков; видение начатков есть знание самого себя в себе. Да уразумеются, которые в сердце твоем. Возьмите от себя самих участие господу. Возьмете, если узнаете себя самих.

Л у к а. Если столь нужное сие слово *узнать себя*, что без него и господа и ничего узнать не можно, то думаю, что не на одном месте в божественных книгах означено. Помню, что Моисей, очищая израильский народ для снисхождения божия в третий день на гору Синайскую и как можно лучше его приуготовляя на встречу, вот что говорит: «Внемлите себе не восходить на гору». Конечно бы, они, прикоснувшись к горе, умерли, если б не внушили себе. Главнейший пункт сей — «внемлите себе» — совсем кажется сходен с сим: «Узнай себя». Видно ж, что не коснулись горы, потому что там им дал суды и оправдания господь бог.

Впрочем, ходить с господом по заповедям его, иметь его вождем и пастырем своим — все то одно. Итак, «внемлите себе не восходить на гору» кажется совсем сходное с сими словами: «Если не познала саму себя, изойди в пятах паств». Если-де коснетесь горы, умрете, то есть не будете управляемы царствием повелений господних. Чего-то и Давид просит: «В пути твоем живи меня». Потому что не мертвые восхвалят его, для того предоберегая вначале: «Внемлите-де себе». И тут то же в сих словах: «Если не познали». «Если-де себя не узнаешь, то я твой не царь, — говорит господь. — Прочь изойди из мест моих злачных! Пасись при пятах у лживых пастырей». Безза-

конная пята, гора, плоть, ложь, земля — все одно. Словом сказать: «Смерть спасет их». И конечно, умерщвляющая сия гора есть то же, что ложь и плоть. А то как бы она могла умерщвлять? А как Мойсей не велит к ней касаться, так и Исаия изгонит из нее же книжника Сомнаса, вопия на него: «Что ты здесь? И что тебе здесь? Как истесал здесь гроб, и сотворил себе гроб, и написал себе на камне кущу? Се ныне господь низвергнет...» Куда высоко многие возносятся в мудрствовании божия писания! Возносятся по знанию историческому, географическому, математическому, да все плотскому. Скажем же со Исаией, что все сие высокий есть гроб. «Гордость сердца твоего, — вопиет Авдий [18], — воздвигла тебя, живущего в пещерах каменных; возвышающий храмину свою, говорящий в сердце своем: кто меня свергнет на землю?» «Если вознесешься, как орел, и если положишь гнездо твое среди звезд, и оттуда свергну тебя»,— говорит господь. Видно ж, что такова гора не Иакова есть лоза — или Вефиль, но Исавова — Сиир. «Злые!—кричит Амос [19] уничтожающим Сион и уповающим на гору Самарийскую.— Восприняли начала язычников и вошли (туда же) к ним в дом Израилев».

А что сия гора в высоком да плотском смысле разумеется, слушай Авдия. «В тот день,— говорит господь,— погублю премудрых от Идумеи и смысл от горы Исавовой, пусть отымется человек от горы Исавовой, и взойдут спасаемые от горы Сиона, чтобы отомстить гору Исавову, и будет царство господу». Сии горы господь палит, колеблет и смущает, вера прочь переносит, а несмышленые суетно возопиют: «Покройте нас...» «Письмо убивает, а дух животворит».

Квадрат. Помню и я во второй книге Мойсеевой вот что: «Се я пошлю ангела моего перед лицом твоим, пусть сохранит тебя на пути и пусть введет тебя в землю, которую я подготовил для тебя». А дабы не лишиться вождя сего в самом начале, как всенужнейшее говорит: «Внимай себе, и послушай его, и не ослушайся его, не подведет тебя, имя ибо мое есть на нем». Ничего, видно, нельзя сделать без «внимай себе», потом: «И послушай его». От познания себя самого рождается послушание богу, а послушность вот чем делает: «Будете мне люди избранные от всех язычников, ибо моя есть вся земля, вы же будете мне царское священие и язык святой. Блажен-

ны слышащие слово ангела сего». Сей ангел там же именуется страхом: «И страх пошлю, ведущий тебя, и устрашу все языки». Сей точно есть один страх с тем, который Иакова выводил на место Вефиль. Вот: «И воздвигся Израиль от Сикимов, и был страх божий на городах, которые вокруг них, и не гнали вслед сынов Израилевых». Да и не о нем ли Мойсей в книге 5-й [20] гремит? «Да не ходите вслед богов иных, богов языческих, которые вокруг вас, ибо бог ревнив; господь бог твой посреди тебя. И не сей ли стоит посреди вас, которого вы не не знаете, но знаете? Блажен, имеющий уши слышать и слышит». Помалу-малу изгоню-де язычников от тебя, пока возрастешь и наследишь землю. Но всему сему преддверие и дверь: «Внимай себе!»

П а м в а. Без сомнения, единственное сие преддверие не дает нам уклониться в сторону и прямо ведет к той двери, которая сама о себе вопиет: «Я есть дверь». «Внемли ты все,— говорит господь Мойсею,— когда я заповедаю тебе. Се я изжену пред лицом вашим Аморрея и прочих всех». А дабы Мойсей не помарал народа идолопоклонством, вот что: «Внимай себе, чтобы ты когда-нибудь завещал завет сидящим на земле, в которую войдешь...» Мойсей, узнав себя, все идольское сокрушил, посек, пожег. Потом снизошел с горы от бога, имея прославлен вид плоти лица своего. И если всяк человек — ложь и плоть, то его главнейшее идолочтение, как во всяком человеке, если не удостоился познать себя?

Д р у г. Мойсей в последней своей книге на нескольких местах как самонужнейшее повторяет сие слово: «Внемли себе». Вон послушай.

1

«И ныне, Израиль, послушай. Видите, показал вам оправдания и суды, и сохраните, и сотворите, ибо сия премудрость ваша и смышление пред всеми языками, и рекут: се люди премудрые и умелые! Язык великий сей». А дабы не позабыть оправданий, вот что: «Внемли себе и снабди душу твою крепко».

2

«Господь бог твой введет тебя в землю благую и многую, где же водотечи водные и источники бездны по полям и горам, в землю пшеницы и ячменя, в землю мас-

личного елея и меда, в землю, на ней же не с нищетою съешь хлеб твой, и ничего не востребуешь на ней». Но что далее? «Внемли-де себе». А для чего? «Да некогда вознесешься сердцем твоим и забудешь господа бога твоего, да не скажешь в сердце твоем: крепость и сила руки моей, сотвори мне силу великую сию».

3

«И даст дождь земле твоей во время, ранний и поздний, и соберешь жита твои, и вино твое, и елей твой, и даст пищу на селах скотам твоим». Но что далее? «И кто ел, насытился: внемли себе». А для чего? «Да не обманется сердце твое: и приступите, и послужите богам иным...»

4

«Да не сотворите там всех, когда вы творите здесь днесь, каждый угодное пред собою». Но где *там?* То-то и дивно, что не знаешь. «Сюда принесете все всесожжения ваши, и жертвы ваши, и десятины ваши, и начатки рук ваших». Так вот! «Внемли себе: да не принесешь всесожжений твоих на всяком месте». Боже мой! Ни бога слушать, ни жертвы ему приносить, ни где приносить? Ничего нельзя ни знать, ни делать, если не узнать себя самого.

5

О жертвах приказывает так: «Только крови да не съедите: на землю прольете, как воду». Если-де крови не станешь есть, то, конечно, съешь пред богом твоим. Он сам тебе изберет место. А кушай ты, и сын твой, и дочь твоя, и раб, и раба твоя. Не отгоняй же и левита [21]. Он части не имеет для себя. Его часть — господь. Прими и пришельца. Но что ж есть левит? То-то и дивно. «Внемли же себе», в то время не оставишь и левита и узнаешь, где-то *там?*

6

«И не съешь ее (кровь), пусть благо тебе будет и сынам твоим по тебе вовеки, если сотворишь ее, и добро и угодно есть пред господом богом твоим». Кто видел, чтоб блаженство состояло в неедении кровей? Однако кричит: «Внемли крепче, чтобы не есть крови». Затем что кровь есть душа животного. Пролей-де землю на землю.

Не приноси крови тому, что кровь потребляет. А дабы не сделался язычником через кровавую жертву, так вот: «Внемли себе, да не взыщешь последовать им», то есть язычникам — язычник приносит плоть и кровь богу.

7

«В седьмое лето да сотворишь отпущение. И вот заповедь отпущения: да оставишь весь долг твой, который должен ближний тебе, и от брата своего не истяжешь. Как назовется отпущение господу богу твоему... Если же брат от братии твоей будет недостаточен в едином от городов твоих, в земле, которую господь бог твой дает тебе, да не отвратишь сердца твоего, и не сожмешь руки твоей, отверзая, да откроешь руку твою ему, и взаимно да дашь ему, сколько просит и сколько ему не достанет». А дабы отпущение и одолжение можно сделать брату своему, прибавляет, наконец, сие: «Внемли себе. В то время не будет-де словом тайным в сердце твоем беззаконие и брат твой не возопиет на тебя к господу».

8

Сколь много заповедуется в третьей Мойсеевой книге о язвенной проказе! А если кто хочет во всем том исправен быть, так вот: «Внемли себе в язве проказы»,— говорит во «Второзаконии».

9

Наконец, Мойсей при подаянии заповедей господних перестал прибавлять сие слово, которое вместо ключа служит — «внемли себе». Сыскал он другое вместо того, а именно: «Погубите сами злое в вас самих». Где не сказал «внемли себе», там говорит: «Погубите сами злое в вас самих». Велит убить пророка, о земном мудрствующего и плотские чудеса дающего, и прибавляет: «Погубите сами злое в вас самих». Велит побить каменьем кланяющегося израильтянина солнцу или луне и прибавляет: «Изымите злое в вас самих». Велит убить человека, не послушного жрецу, который не по плоти, но по духу жрец: «И да изымешь-де злое от Израиля». Велит клевету, на невинного брата возведенную, обратить на клеветникову голову и прибавляет: «Изымите злое в вас самих». Велит убить непокорного родителю сына и: «И изымите злое в вас самих». Велит прелюбодействующую пару убить и то ж одно прибавляет, и прочее и прочее.

А мне кажется: совсем сие слово согласное с тем, что «внемли себе». И никто не может погубить внутри себя злость, если не узнает прежде, что такое в нем зло и что добро. А не узнав в себе, как может узнать и изгнать в других?

Антон. И старик, наставляя сына своего Товию, недовольно [вот] что говорит: «Все дни, сын, господа бога нашего помни и да не захочешь согрешать и преступать заповеди его». Вот еще, будто ключ к тому вручает: «Внемли себе, сын, от всякого блудодеяния. Да не возьмешь жены чужой, которая не из племени отца твоего, поскольку мы сыновья пророков: Ной, Авраам, Исаак, Иаков — отцы наши от века. Сии все жен взяли от братьев своих». И наконец, прилагает печать: «Внемли тебе, сын, во всех делах твоих». И так будешь наказан во всей жизни твоей. Конечно, не сыскать было Товии ни человека, ангела Рафаила, ни избежать смерти от Асмодея, лютого ангела в чертоге невестном [21а], ни веселиться с возлюбленною Саррою, если бы не послушал отца, а сделался бы досадителем и ругателем его и не постарался бы узнать прежде всего сам себя хорошенько, как Соломон сказывает: «Злой с досаждением творит злое; себя же знающие премудры». Он выпотрошил сам себя, как рыбу, о которой Аввакум: «Сотворив человеков, как рыб морских». Вынул из нутра своего сердце каменное, и печень похоти плотской, и желчь, о которой в пятой книге Мойсей: «Если кто есть в вас муж, или жена, или отечество, или племя, чье сердце уклонилось от господа бога вашего идти, чтобы служить богам язычников оных? Какой корень на горе прорастающий в желчи и горести?» И опять: «От виноградов содомских виноград их, и розга их от Гоморры, гроздь их — гроздь желчи, гроздь горести их». И о которой приточник [22]: «Мед каплет от уст жены-блудницы, которая на время наслаждает твою гортань, послед же горче желчи обретешь».

Сие все зло изъяв из себя самого и сжег огнем господним, безопасно вселился в любезной своей объятиях, о которой Соломон: «Сию возлюбил и искал в юности моей, и пожелал невесту привести себе, и любителем был красоты ее...»

Памва. Насколько по наружности разнятся, настолько по внутренности согласны сии слова: «Внемли себе» и «ищите прежде всего царствия божия и правды

его». Царство божие не так приходит, как гость до гостя, чтоб можно встретить приходящее из-за гор, из-за моря, из-за облаков. Оно недалеко от нас. Оно внутри нас есть. «Заповедь сия, которую я заповедаю тебе днесь,— говорит Мойсей,— не тяжелая есть, и не далеко от тебя, не на небесах, чтоб ты сказал: «Кто взойдет из нас на небо и возьмет ее нам, и, услышав ее, сотворит?» Очень близко тебе это слово, в устах твоих, и в сердце твоем, и с руки тебе творить его». Сие-то слово царствия прозирают пророки, сеет Христос, проповедует Павел. Кто себя узнал — нашел царство.

К в а д р а т. Теперь начинаю разуметь сие Соломоново: «Сердце премудрого уразумеет, что от своих ему уст, во устах же носит разум». Слово царствия божия внутри сердца нашего сокрылось, будто источник, в земле утаенный. Кто узнал себя, тот обрел желаемое сокровище божие. Источник и исполнение его обрел внутри себя, внутренне внимая себе, о котором Соломон: «Вода глубока — слово в сердце мужа, река же истекающая — и источник жизни, муж же премудр исчерпает ее». Кто сие видение почерпнул, тот имеет крылья, желаемые Давидом, и очи, похваляемые сыном его. «Очи его, как голубицы на исполнениях вод, омытые в молоке, сидящие в наполнениях вод». К таковому вот что говорит познанный брат его и друг: «Отврати очи твои, ибо тии воскрилили меня». Но сей, узнав себя, то есть узнав его, не спускает очей с него, и друг друга пасет, хвалясь: «Я брату моему и брат мой мне, пасущий меня в кустах».

Л у к а. Сие ж то исполнение уразуметь и Павел желает ефесянам[23]: «Да даст вам по богатству славы своей силою утвердиться духом его во внутреннем человеке, вселиться Христу верою в сердца ваши, в любви вкорененные и основанные, да возможете разуметь со всеми святыми, что широта, и долгота, и глубина, и высота? Разуметь же преуспевающую разум любовь Христову — да исполнитеся во всякое исполнение божие». То ж и колосянам[24]: «Соблюдите, чтобы никто из вас не прельщался философиею и тщетною лестью, по преданию человеческому, по стихиям мира сего, а не по Христу, как в нем живет всякое исполнение божества телесно». Всяк человек есть земля, поле и сад, но земля сия наполнена водою божиею. «И того дал главу выше всех церкви, которая есть тело его, исполнение исполняющего, всяческое во

всех». Поле произвести может кусты, а сад — семена, сие же пусто есть, пока, как Исаия говорит, «найдет на нас дух от вышнего, и будет пустыня в Хермель».

Друг. Человек божий Иисус, освободив от легиона бесов мужа Гадаринской земли, говорит ему наконец: «Возвратись в дом твой!» Отсылает в дом и расслабленного [25]. Отсылает и слепого, который наконец усмотрел, что все люди есть, как древо или хворост. А другого слепца после просвещения находит уже не на улицах, но в церкви. А что ж есть дом наш, если не тот, о котором Павел говорит: «Вы храм бога живого». И кто может живущего внутри нас узнать, не внушив себе и не узнав себя? Отсюда зависит все наше здравие и просвещение. К сему-то храму призывает и Навин Израиля: «Приступите, — говорит, — сюда и услышите слово господа бога вашего». Тут-то-де узнаете, что господь живет внутри вас. И посему обещает им, что пагубою погубится Хамово племя [26] и все их неприятелей семя. Сию-то храмину свою метет и премудрая жена, чтоб сыскать монету, употребляя вместо светильника божиего писания слово, говорящее: «Я есть свет миру». «Светильник ногам моим — закон твой». Клянется Давид, что не даст сна очам своим, поколь-де «обрящу место господу и сыщу, где то жилье свое имеет бог предка моего Иакова». Кричит: «Войдем в селения его!» Скачет: «Возвеселился о сказавших мне: в дом господен пойдем». «Молитвы-де мои воздам посреди тебя, Иерусалим, и в твоих дверях». Да где ж точно? «Посреди церкви воспою тебя». Да где ж ты воспеваешь господу твоему? Ответ: «В незлобии сердца моего посреди дома моего». Скажи пояснее, Давид! На вот: «Чтобы сотворить волю твою, бог мой восхотел, и закон твой не на небесах, не за морями, но посреди чрева моего». Сию я правду и царствие твое посреди меня сыскал, вырыл, как источник живой воды, в тленной земле моей, не скрыл и не смешал, как филистимы, с землею, вырыл сокровище на ниве моей сокровенное.

Я признаюся с Авраамом, что я прах и пепел, но посреди пределов моих сыскал я спасение, которое ты сделал посреди земли моей. Сию истину и спасение твое сказал я и другим и не закрыл от народа. Теперь скажу: «Бросьте, о друзья мои, народные вожделения! Возвратитесь в дома ваши, к отцу вашему. Разве не разумеете, что Христос изводит слепца вон из села, в то время открыва-

ет очи его. Разве не слышите, что бесноватый не живал прежде сего в храме, лишен одежды нетленной?» Да где же он живал? Гнала его нечистая сила по пустыням, а водворялся в гробах. Похотения наши суть то гробы наши. Гонимся за пустошами мира, ища в них вожделенного блаженства и удовольствия. Но послушай, что плененная невеста говорит: «Восстану и обойду в городе. Искала его и не нашла его». А для чего? Для того, что искала на торжищах и на улицах. Улицы сии не иное что, как путь или совет безбожников, которые, кроме тленных видимостей, ничего не понимают и на них укрепляются. А ищут всего вне себя земленных земленностей. Сии-то волнуются и почить не могут, как прах колесный, бурею возносимый, о которых сказано: «Как бренность путей, поглажу их». Вне дома божиего, на улицах ищут те, о которых Давид: «Не оскудеет от улиц его лихва и лесть». Да для чего ж ты обходишь город, как написано: «Вокруг нечестивые ходят?» Для чего внутрь не входишь? Чаешь ли насытиться околицею? Но не слышишь ли, что сие есть лихва, не сущность, прелесть, а не истина? Не слышишь, что такая мудрость есть меч в устах сердца твоего? Поверь, что взалчешь, сколь долго будешь околичничать. Из сего-то села, из сих улиц выводит слепца небесный учитель.

Возвратимся же и мы с ним в дом наш. Не в наш же еще дом, но в дом божий. Есть в теле нашем две храмины: одна перстная, вторая небесная, нерукотворная. Она погребена в храмине нашей земной. Не останавливаемся в нашей, проходим сквозь нашу к божией с Давидом: «Войду к дому божию, к богу, веселящему юность мою». Пока мы в нашей внешней сидим, дотоль глупо и грубо ищем с невестою. Она искала на ложе своем, да не нашла. Но вот Иеремия что кричит: «Почто мы сидим? Совокупитесь, и войдем во грады твердые, и повержемся там». Да где ж там? «Перед господом, сотворившим нас». Там, где Павел говорит: «Вышних ищите». Там, высоко! Там! По ту сторону Иордана. В новой нагорной земле. Там, где Христос, справа от бога. А на улицах еще и пуще не сыщем. Если тело наше — тьма, то околичность его гораздо крайнейшая и погуще тьма.

Тут-то мы стараемся сыскать. Но уже невеста искала в ночи, да не нашла. Что ж она делает? Не бойся! Она не остановилась на пути грешных, на которых путников

с ужасом вопиет приточник: «О оставившие пути правые, вы ходите в путях тьмы». И о коих Иеремия: «Упраздню от городов Иудиных и от путей иерусалимских голос радующихся и голос веселящихся, голос жениха и голос невесты». Затем-то и несчастная Магдалина плачет, по кривым околичностям бродит, между мертвецами во гробе ищет, да еще тогда и тьма была. Пожалуй, хоть тысячу лет или веков ищи, не сыщешь. Ведь разве по сию пору ушей не имеешь? И не слышишь, что такое молниевидный ангел вопиет: «Нет здесь!..» Да притом и путь ей очищает, камень отбрасывает, дает сигнал. А какой? «Там его увидите!» Как Исаия: «Идите вратами моими, и путь сотворите людям моим, и камни, которые на пути, разметайте; воздвигните знамение на язычников». А дабы Магдалина путем идолопоклонничным искать не пошла, поднимает ее в гору Галилею. Да где ж Галилея? «Пойду себе к горе Смирной и к холму Ливанскому». Да где ж Галилея? «Беги, брат мой, уподобясь серне или юнцу оленей, на горы Ароматов». Да скажи мне, где Галилея? Ошибешься, если начнешь вне себя ее искать. Слушай! Ангел Исаия не разделяет горы от дома. «Слово, бывшее от господа к Исаии, сыну Амосову. Будет в последние дни явлена гора господня и дом божий на вершине гор, и возвысится превыше холмов, и придут к ней все язычники». Знаешь, что и Авраам восходит, куда высоко восходит! Да он был там с Исааком. Где там? «Обретя тебя вне, целую тебя, и к тому не уничтожат меня». Где там? «Возьму тебя, введу тебя в дом матери моей и в ложе, зачавшее меня, там меня научишь, там дам тебе сосцы мои». Где там? «Под яблонею возбудил тебя, там родила тебя мать твоя, там поболела тобою, рождая тебя». Где там? «Положи меня, как печать на сердце твоем, как печать на мышце твоей. Потому что крепка, как смерть, любовь...» Постой! «Крылья ее — крылья огня». Постой! «Вода многая не может погасить любви». Пожалуй, постой, я не разумею, где там? «На месте злачном, там». «Под яблонею». «Обращающий море в сушу; в реке пройдут ногами: там возвеселимся в нем». «В церквах благословите господа». «Там Вениамин». «Там явился Иакову господь». «Там взошли поколения Израилевы». «Да не сотворите там все, поскольку вы творите здесь сегодня, каждый угодное перед собою». «Гора Сион сия, на которой вселился ты». Разумеешь ли гору? Не разумею.

«Правда твоя, как горы божии, судьбы твои — бездна великая». Хочешь ли постигнуть гору? Узнай правду. «Правда твоя, как горы божии». Хочешь ли постигнуть правду? Узнай царство божие. Хочешь ли постигнуть царство? Узнай себя самого. Есть в тебе гора твоя, есть там же и божия. Раздели себя всего, все твое скотское тело надвое. Раздели, если ты Израиль, если имеешь жезл. Раздели на хвост и на голову. Ударь по всему телу, бей по всем членам так, как велит некоему пророку: «Не щади ни волоса».

Вот как гневается бог на тех, что смешивают. «И было слово господне ко мне,— вопиет Иезекииль, говоря: — Сын человеческий. Се был мне дом Израилев, смешанные все с медью и железом, и с оловом чистым, и со свинцом. Сего ради скажи! Сие говорит Адонай-господь: понеже вы были все в смешении едином, сего ради се я приму вас, как приемлется серебро, и медь, и железо, и свинец, и олово чистое в средину печи, и дуну на вас в огне гнева моего, и слиянны будете среди него, и жрецы его отверглись закона моего, и осквернили святыни мои, между святым и оскверненным не различали, и между нечистым и чистым не разделяли, и от суббот моих покрывали очи свои, и оскверняли меня посреди себя...» После сего излияния называет князей иерусалимских хищниками, а помазующих пророков — волхвами, о суетной лжи глаголющими. Вот чего бог требует! А господь о сем и не мыслил никогда.

Так вот. Раздели же, друг мой, церковь божию надвое. Не имеешь ли жезла? Оставь же все. Все продай, да купи меч Иезекиилев: «Сие говорит Адонай господь: — Скажи! Меч! Меч! Изострись и разъярись, да иссечешь сечения. Изострись, и да будешь в блистании и готов на рассыпание. Секи, уничтожай, отвергни всякое дерево...» Разделить, рассечь и рассудить — все одно. И сего-то суда единственно ищет от тебя бог. А ищет, желая тебя блаженным сделать. «Ибо живо есть слово божие и острее всякого меча». Ищи, ступай в двери, мети хорошенько дом. Рой в нем. Перебирай все. Выведывай закоулки. Выщупывай все тайники, испытывай, прислушивайся — сие — то есть премудрейшее и вселюбезнейшее любопытство и сладчайшее. ⟨Сия-то наука глубочайшая и новейшая⟩, затем, что нигде ей не обучаются. А предревняя потому, что самонужнейшая. Где ты видел, или читал,

или слышал о счастливце каком, который бы не внутри себя носил свое сокровище?

Нельзя вне себя сыскать. Истинное счастие внутри нас есть. Непрестанно думай, чтоб узнать себя. И сие-то есть молитва, то есть разожжение мыслей твоих к сему. Сей вопль твой, вопль тайный, сей один входит в уши господа Саваофа и наподобие благовонного жертвенного дыма, происходящего в блаженной Аравии, восходит и услаждает обоняние божие. Ведь не до одного только Иеремии так речет господь: «Возопий ко мне и отвечаю тебе, и возвещу тебе великое и крепкое, которых ты не разумел».

А что ж нам пользы от сего? А вот послушай: «Се я наведу на них страшные язвы и исцеление, и уврачую их, и явлю им, если слушают, и исцелю их, и сотворю им мир и веру...» Сие все говорит господь о домах Израилевых. А ты разве не дом? Одна ты земля и тьма? И никакой свет не светится в тьме твоей? Один ли только Давид говорит: «Просвещаешь тьму мою»? А ты, кроме тьмы, ничего в твоем доме не проницаешь? Песок один видишь? Одну плоть и кровь? О град бедный! Что ж за мир тебе тут? И что за вера? Разве на песке уверишься с евангельским глупцом, храмину свою на нем основавшим? Спеши, пожалуйста, сыскать в доме твоем то, что обещает господь у Исаии: «Сокровенное, невидимое отворю тебе». Нашел сие Исаия и сказал: «В сокровищах спасение наше». А ты в твоей ночи разве не можешь сыскать утра? Но вот Аврааму было слово господне в видении ночью, говоря: «Не бойся, Авраам! Я защищаю тебя. Очень большая мзда будет твоя». Вот мир истинный! Его же мир не может дать. Вот вера! Есть на что положиться безопасно. Сыскал блаженный Авраам во тьме свет, а в песке камень, в тленном живое, в мертвенном нетленное, в сокрушении исцеление язвы. Не сыскал же еще, но только будто во сне несколько начал понимать. Издали несколько начинало трогать мысли его слово господне, что есть и находится еще другое нечто там же, где тьма. Через низость сей тьмы хочет его перевести господь и поселить его на другом месте, если Авраам послушает его. Обещает ему вместо старой новую землю в награду. И се-то значит: ‹«Мзда твоя будет очень большая»›; о коей Исаия: «Се бог ваш! Се господь! Господь с крепостию идет, и мышца его с властию. Се мзда его с ним! И дело его

пред ним». А чтоб лучше уразуметь, что сие он воздаяние точно разумеет о нерукотворенной храмине, в пепле тут же тленной скинии нашей сокровенной, до которой никто не может добраться, если сердце его, как олово, погрязло в собственном его домостроении, для того немножко выше сказал следующее: «Возопий!» И сказал: «Что возопию?» А вот что: «Всякая плоть — сено, и всякая слава человеческая — как цвет травный, слово же бога нашего пребывает вовеки». Сыскал Исаия внутри двое: наружность и внутренность. В сене своем слово божия царства нашел в средине своей. По сей причине вопиет и к нам: «Всякая плоть — сено». Велит бросать сено, а сверх сена искать того, кто в сене зарылся. «Положил во тьму тайну свою». Лежит на сене нашем и в темной тени нашей, в храмине нашей, но никто, кроме царей да пастырей, не кланяется ему. Для чего? Видно, что не видят его. Почему? Потому что не сыскали царя или царства. Что за причина? Не узнали себя. Вот вся тебе тут вина! Они искали, да вне себя, на торжищах и на улицах. А цари издалека пришли во град Давидов и ночью в вертепных тайностях сыскали его. Вон видно, кто сыскал! «И слово плотью было». Вон Давид: «Закон твой посреди чрева моего».

Царство без законов не бывает. «И говорит Авраам: понеже мне не дал ты семени, домочадец же мой наследник мой будет...» Еще ошибается Авраам. И тотчас глас господен был к нему глаголющий: «Не будет сей наследник твой, но кто изойдет из тебя, тот будет наследник тебе». Ищи, Авраам, другого наследника внутри себя. Изойдет в то время, как узнаешь его. Ты не что иное, как сухая и мертвая палка, но из средины ее может процвести цвет неувядаемый. Куда как не скоро возводим на небо косный взор наш, погруженный в пепле тела нашего! Не скоро Авраам сказал: «Я земля и пепел». А теперь говорит: «Владыко господи! По чем уразумею, что я должен наследить новую землю с новым наследником?» Что ж ему господь? Велит рассечь на две половины скотину. «И раздели ее на половины и положи ее противолично друг к другу».

Вот! Тогда-то уже по разделению начало застарелое его мнение земное под землю заходить, как солнце исчезает и скрывается. «И се страху темному велел напасть на них». Не ищи, пожалуйста, вне себя как царства, так и скотины. Слушай, что вопиет Малахия [27]: «Воссняет

вам, боящимся имени моего, солнце правды и исцеление в крыльях его, и изойдете, и взыграете, как тельцы, от уз разрешенные, и попрете беззаконников, и [они] будут пеплом под ногами вашими в день, в который я сотворю». Смотри же, как Павел разделяет человека. Как скотину надвое: «Есть тело душевное и есть тело духовное». А что он через душевное разумеет скотинную плоть и кровь, то видно из «Второзакония»: «Если-де заколешь от волов твоих и от овец твоих, внемли крепче, чтобы не есть крови». А для чего? «Ибо кровь есть душа. Да не съестся душа с мясом, да не съедите ее; на землю прольете ее, как воду». Удивительно, сколь строго запрещается сие! «Да не съешь-де ее, да благо тебе будет и сынам твоим по тебе, вовеки, если сотворишь то, что доброе и угодное есть перед господом богом твоим, разве святые твои, которые будут тебе...» Скажи мне, где тот, кто имеет духа разделения или меч духовный? Сей один может принести себя в жертву господу. Но можно ли освятить такую жертву? Можно, если узнать себя.

В то время человек кроме плоти и крови находит, минуя ее, святое и божественное среди себя. А засмотревшийся змииным оком на беззаконие пяты своей, на нечистоту плоти и крови своей, вовеки не наследит царствия божия, кроме Исмаила, не породит Исаака, и будут дети его погублены на земле не своей. Слушай, сколь страшно гремит на сих кровонаблюдателей Иеремия: «Проклят человек, который надеется на человека и утвердит плоть мышцы своей на нем, и от господа отступит сердце его, и будет, как дикая маслина в пустыне, в земле соленой и необитаемой». Не по земле ли чревом ползают сии змии? Не в воде ли играют сии киты? Но что Исаия на таковых змиев? «В тот день,— говорит,— наведет господь меч святой и великий и крепкий на дракона, змия, бегущего на дракона, змия лукавого, и убьет дракона, сущего в море». Скажи мне, зачем ты засмотрелся на кровь твою? Что пользы, что пасешь и бережешь ее? Чему вы, о киты, не ищете Ионы среди себя? «О пасущие,— вопиет на вас Захария,— суетное! И оставившие овец! Вот меч господен на мышцу вашу и на око ваше правое!»

Что есть плоть твоя, если не земля пустая, солоная и необитаемая? Здесь сидишь и, засмотревшись на нее, на хребет твоей плоти, совсем преобразился в столп соляной [28]. Что есть кровь твоя, если не ничтожная мимотекущая

вода? Погрузил ты весь ум твой, как слово, и плаваешь в ней, довольствуясь ею и уверившись на ней. Не о тебе ли пишется во Иове: «Светом тебе тьма будет, уснувшего же вода тебя покроет». Не о тебе ли и сие: «Река текущая — основание их». «Глаголющие: что сотворит нам господь?»

Вот на что ты засмотрелся! Послушай Иова самого: «Да узрят очи его свое убиение! От господа же да не спасется! Сей умирает в горести души, не вкусив ничто от блага, вкупе же на земле спят, гнилость их покроет, на день пагубы соблюдается нечестивый и в день гнева его отведен будет, и тот в гроб отнесен будет, и на гробищах побдеет, усладится ему дробное каменье потока, и вслед его всяк человек отойдет и пред ним бесчисленные». Восстань, несчастный мертвец! Возведи око твое и узнай себя! Не думаешь ли, что скверная гнилость составляет существо твое? Узнай же себя и уразумеешь, что лихва-то не самая истая; тень твоя — не крепость мамрийского дуба [29] и бесчестие, цену подлинную внутрь закрывающее. Ах, человек в чести сущий, но не разумеет себя. Почел себя за скота и сделался им. Земляной гроб его селением его стал. А для чего? «Нарекли имена свои на землях».

Кровь (говорят в сердце своем) и плоть моя — я то есть: и что ж еще есть, кроме сего? Что ты говоришь, безумный! Поэтому нет бога? Лучше скажи, что того-то нет, что у тебя за существо почитается? Так не бывать же тебе никогда написанным на небесах. Ты говоришь, что их нет, кроме земли твоей. Не бывать тебе Израилем. Разделить не смыслишь затем, что не понимаются тебе двое. Одно только запечатлелось твоим мыслям. Одна бренность начерталась на главе твоей, на пепельном сердце твоем, как Иеремия говорит: «Грех Иудин написан есть писалом железным на ногте адамантовом, начертан на скрижалях сердца их и на розах алтарей их». И немножко после вопиет на таковых: «О нагорный (житель), крепость твою и сокровища твои в расхищение дам и высоты твои, грехов ради твоих, которые во всех пределах твоих, и останешься один от наследия твоего, которое дал тебе, и служить тебя сотворю врагам твоим в земле, ее же навел: ибо огонь разжег ты в ярости моей, даже вовеки гореть будет».

Вот и Аввакум: «В злобе созидающему град кровью и уготовляющему град неправдами!» И опять: «Горе ли-

хоимствующим, лихоимство злое дому своему! И устроив на высоте гнездо свое, и исторгнув от руки злых. Умыслил ты стыдение дому своему, убил людей многих, и согрешила душа твоя». Если бы ты в себе самом мог различить честное от недостойного, никогда б не кричал на тебя Аввакум: «Сытость бесчестия от славы испей, и ты, сердце, поколебись и сотрясись». А для чего? «Минула-де тебя чаша десницы господней, и собралось бесчестие на славу твою». Ведь ты ж слыхал о чаше спасения и что спасение «в силах десницы его», а не в мерзости праха твоего. Так послушай же опять песенки аввакумовские: «В злобе глаголящему к древу, ободрися, восстань! И камень, возвысись! А то есть мечтание, и сие есть скование золота и серебра, и всякого духа нет в нем. Господь же во храме святом своем». Вот! Слышишь ли? Что и идолопоклонник тот, кто, одну только видимость в себе понимая, почитает. Так что ж делать? Собери расточенные по пустыням светским, по честолюбию, по сребролюбию, по сластолюбию мысли твои и войди внутрь себя. Минуй стены и завесу мертвой твоей храмины. Что пользы тебе волноваться по пустошам, забыв дом твой, храм господен? Послушай, пожалуй, Исаии, какая польза и мир из того: «Яйца аспидские разбили и ткань паучину ткут». А что ж из того? «И хотевший от яиц их есть, забив испорченное яйцо его, найдет в нем змия. Ткань их не будет на ризу и не оденутся от дел своих, ибо дела их — дела беззакония, ноги же их на зло текут, скоры пролить кровь; и мысли их — мысли об убийствах; сокрушение и бедность в путях их, и пути мирного не познали, и нет суда в путях их...» Можно ли живее изобразить пользу светских дел?

Теперь, думаю, хорошенько понимаешь, что такое значит бесноватый, о котором Лука пишет: «Он имел бесов от лет многих и в ризу не облачался, и в храме не жил, но в гробах». Мало пониже: «Гоним-де будучи бесом сквозь пустыни». Сего-то Христос отсылает в дом свой, чтоб в доме своем искал царствия божия, то есть благополучия своего и, узнав себя, увидел бы то, чего до сих пор никогда не разумел. Узнал себя Аввакум и вот что поет: «Господи, услышал слух твой и испугался. Господи, уразумел дела твои и ужаснулся». А какое ж лучшее сокровище, чем страх божий? «Страх господен,— говорит сын Сирахов,— возвеселит сердце и даст веселие, и радость,

и долгоденствие». «Сколь велик, — говорит он же, — кто обретет премудрость! Но нет больше боящегося господа».

Но должно ж знать, что все бы боялися господа, если б могли узнать себя. Коль долго Павел не знал себя? Наконец, немного вникнув в себя и услышав глас господен, сказал: «Господи, ты кто? Что мне велишь делать?» И сему говорит: «Восстань и войди во град». Будто Павлу не доводилось быть во граде, да все ж, однако ж, ничего. Но чуть ли се не тот град, о коем приточник: «Брат от брата помогаемый, как град тверд и высок, укрепляется же, как основанное царство». Кто ж не знает, что творящих волю божию называет Христос братами своими? Там-де, во граде, скажется тебе, как поступать? А что ж есть воля божия, если не закон? А закон что такое, если не власть и царство? И если Павел сказывает: «Вы есть храм бога живого», то для чего нельзя сказать: «Вы есть град бога живого»? Давид град божий и гору его за одно вместе ставит: «Во граде бога нашего, в горе святой его».

Но если бог говорит, что Сион со мною есть, то и град его с ним же, и дом, и храм его. «И наречешься, — говорит Исаия,— град господен, Сион святого Израилева». Удивительно было б, когда б бог любящих волю его и творящих не назвал градом своим, назвав их у Исаии новыми небесами и новой землею. Все то есть жилье божие.

А ты одно старайся: узнать себя. Как ты сделаешься местом богу, не слушая нетленного гласа его? Как можешь слышать, не узнав бога? Как узнаешь, не сыскав его? Как же сыщешь, не распознав себя самого? Правда, что хвалится Павел человеком каким-то, но он сыскал его внутри себя: «Не живу я, но живет во мне Христос». А каким образом себя познавать?

И говорено уже, и Аввакум там же вдруг учит: «Посреди двух животных познан будешь». Видишь, что то же говорит, что Аврааму бог: «Возьми мне юницу трехлетнюю...» Авраам догадался, растесал на половины ее. Многие подумали бы, что Авраам вздор и чепуху плетет. Никак! Авраам очень догадлив. Он слышит, чего себе хочет бог в посвящение: «Святи их во истине твоей, слово твое истина есть». Кто ж может сказать, чтоб в посвящение себе, то есть в познание истины своей, требовал господь от своего Авраама волов, овец, тельцов, козлов? Не чепуха ли се? Да и чем разнится от скотов и зверей человек,

не узнавший себя? Ведь слышим Давида, что человек, в чести бесспорно находясь, но не понимая находящегося в себе великолепного царствия божия, совсем тем скотом сделался, не разумея истины господней. Агнец, например, жареный и в собрании истину любящих, и союзом блаженной любви связанных приятелей едомый может церемонию делать, то есть тайно назнаменовать и в догадку разум наш приводить, что человек ради благополучия своего должен себя посвятить богу, то есть отдать на искание и жванпе точной истины.

Но се одна только церемония, то есть узел и тайный значок. Если ж мы этой шелухи, или корки, не проницаем догадкою, а, не разумея, следовательно, не исполняем, в то время уже церемония, как орех без зерна, пуста. А для чего? Для того, что не приводит мыслей к тому центру, для показания которого она и родилась. Если бы человек назывался козлом, а никто того не знает, в то время и именовать его козлом есть дело пустое, потому что мысль слушателя на козле остановится, не дошедши до человека — всех-во-всех странах и веках церемоний, всех узлов, всех тайных образов печатей и признаков центром или концом, тут-то все-на-все кончится. А что такое человек? Что бы оно ни было: дело ли, действие ли, или слово — все то пустая пустошь, если оно не получило события своего в самом человеке. Не всякое ли дыхание и не вся ли тварь изображена на картине священной Библии: небо, земля, море и все наполняющее их?

Но вся сия разновидная плоть, вся сия неизмеримая бесчисленность и видимость стекается в человеке и пожирается в человеке и как самое пространнейшее дерево, временностью обветшающее, и дряхлеющее, и исчезающее, в своем семени, как в мельчайшей точке, с ветвями, листом и плодами безопасно скрывается. Все, что там только именуется, даже до последней черты, до крошечной точки,— все нуждою обязано во исполнение прийти в самом человеке.

Но сему-то и Павел, поминая солнце, луну, звезды, ведет все сие в воскресение, то есть к человеку. Да и где ж быть в другом месте воскресению, когда сам тот живет в человеке человек, кой о себе говорит: «Я есть воскресение». И о котором Павел: «Второй человек господь с небес». Да и за что только Павел примется, все то обращает в самый центр себя самого, будто претвердую пищу,

крепчайшими зубами смолотую. Вот так же точно и Авраам. Он знал, что невеликая мудрость и никакая [не] святость убить барана, и что бог не охотник кушать мясо юницы и пить кровь козлову, и что на тех, которые не смыслят (а может быть, сверх того и не хотят), к чему ведет и какое дело тайно означает сия церемония, ужасно гремит бог: «Что, к чему мне множество жертв ваших? Милости хочу от вас». Слушай, Ефрем и Иуда! Сия церемония дает вам маленький след к тому, чтоб вам постараться узнать бога. Сыщите и дайте мне милость, а, посвящая мне ее, сами возьмете для себя ее. Ваш суд и понятие о мне, и теперешняя ваша милость никогда и никуда не годятся. Я люблю ведь церемонию, она мне не противна. Она (бывает) может надоумить добрую и разумную душу. Не спорю. Но знайте ж, что паче всего милость мне любезна — суд или видение божие. Вот конец всех ваших жертв и всех-на-всех тайн! А теперь, когда вы заблудили от предмета и от точки всех церемоний, так скажите, к чему они мне, а следовательно, и вам? Что с них? К чему вам иметь, если не хотите развязать загадку? Все то мне не полезно, что только вам вредно. Столько уже веков мудрствуете в церемониях, и каков плод, кроме одних расколов, суеверий и лицемерий. Бездельники прикрылись сим листом в наготе своей. Глупцы основали на тени сей блаженство свое. Неразумные ревнители породили раздоры раскольничьи, всенародное общество жителей Вселенной, храм мой несогласием за одни враки разоряющие, желая ввести то, чего я никогда не желал, то есть чтоб во всех концах земных на одну меру и форму сшиты были церемонии. Отсюда непримиримые соседних земель вражды, ненависти, а нередко и кровопролитие. Что ж это за такая превратность? Тот лабиринт, который должен был вас путеводничать к милости, отводит от нее. Так я ж вам говорю: бросьте их! Они теперь не что иное, как пустошь и мерзость предо мною. Примитесь прямо за суд, за милость и за истину. Спросите вы моего Давида, он вам скажет, что такое оно? А лучше спроси самого себя. Не один ты в себе, но и я среди тебя. Узнай и внемли себе, услышишь тайно, немолчно вопиющий глас мой. А слово мое, и истина, судьба, и милость, и имя мое — все то одно.

Понимал все сие высокого сердца муж Авраам. Ревность его разжигалась к увидению божию, а высокая ду-

ша его час от часу, как орел, поднимался. «Владыка, господи, почему я должен познать новую землю?» Слушай, Авраам! «Возьми мне юницу трехлетнюю, и козу трехлетнюю, барана трехлетнего, и голубя, и горлицу — в то время узнаешь». Начал Авраам всею душою и всею собранною своею мыслию без ослабления, не давая сна умному своему оку, рассуждать: «Какая бы то нужда богу была в скотине? Да сверх того, чтоб она была трех лет. Что это? На враки похоже...» «Ах, не враки!» — бог сказует. Конечно, тайна... Но кто наставит меня? Открой очи мои, вразуми меня! В то время научусь. Авраам со временем доказал самим делом то, что у приточника: «Ищущий господа обретет разум с правдою, право же ищущие его обретут мир». И то, что Соломон же говорит: «Все творение, во всем ему роде, паки свыше преобразовавшееся, служащее свойственным твоим повелениям, пусть отроки твои сохранятся неповрежденными. Облако, осеняющее полк их из прежде бывшей воды, открытие сухой земли явилось и из моря Чермного[30] путь не возбранен, и поле злачное от волнения зельного, им же весь язык пройдет, твоею рукою сокровенные видящие дивные чудеса. Ибо как кони насытились и как агнцы взыграли, восхваляя тебя, господь, избавившего их».

К сему пути имел уже Авраам безначальное начало, будто жезл в руках, а именно: «веровал Авраам богу». Он догадался, что дело идет не о скотине, а той теличке, о которой потомок духовный его, пророк Осия, говорит: «Ефрем, юница, наученная на то, чтобы любить прение, я же найду на доброту шеи ее, наступлю на Ефрема». И о которой его же семени Иеремия: «Слыша, слышал Ефрема плачущего, наказал меня ты, господь, и был наказан. Я, как телец, не научился». Сим именем значатся все языческого сердца люди, ничего в себе самих, кроме пепельной тленности, не разумеющие и в сей воде погрязшие, не проходя к суше.

Всех сих Иеремия, называя Египтом, называет и юницею. «Юница избрана и украшена — Египет, разорение от полуночи придет на нее, и наемники его, живущие посреди его, как тельцы тучные, питаемые в нем». Сии, уверившись на прах свой, как на надежное, что сим самым уничтожают сокровенную в прахе их божию правду, не разумея и не ища ее, упрямясь, как скот рогами своими тленными. Для того Иеремия: «Отсечен есть рог

Моава, и мышца его сокрушилася». И Давид: «Все рога грешных сломлю». Да и какая нужда богу, зовущему тебя в познание свое, требовать от тебя скотов и напоминать о них? Ты-то сам и телец, и козел, и баран, и олень, и все. А иначе какая нужда была Даниилу мудрствовать о козле, поразившем барана, или барана-скопца? «И поразил барапа, и сокрушил оба рога его, и не было силы у барана, чтобы стать против него, и поверг его на землю, и попрал его, и не было барана, избавляющегося от руки его». Какая нужда грозит богу чрез Захарию на пастырей? «Прогневалася ярость моя и агнцов посещу; и посетит господь бог-вседержитель стадо свое, дом Иудин, и учинит его, как коня благолепного в брани своей». Баран, в котором нет ятер, не посвящается богу, так как и прочие испорченные скоты. Не велит бог во «Второзаконии» евнуха и скопца в храм господен пускать. Но, друг мой, все сие прямо тебя, кто бы ты ни был, истины любитель, касается. Если бы ты узнал себя, в то время ты божиим, а бог твоим сделался бы: находился бы посреди дому его не скопцом или женою, каковых не велит в «Числах» и в небесный свой список ставить, но мужем, познавшим господа своего, как сам бог о своем Мойсее свидетельствует: «Раб мой Мойсей во всем доме моем верен есть. Уста к устам возглаголю ему явно и не гаданием, и славу господнюю видя, и почему не убоялись глаголать на раба моего Мойсея?»

Послушай! Вот как премудро несмысленных скотов и скопцов, не познавших истины, живописью описал Соломон! «Жена встречает его, вид имея прелюбодейный, что заставляет юных парить сердцами, окрыленная же есть и блудная, в доме же не почивают ноги ее». Вот тотчас тебе и молодчик! Се то те младенцы, не поставляемые в «Книге Чисел» в число мужей божиих, хотя б они и пожилые были. А где ж она их встречает? Конечно, на улицах? Ведь слышишь, что не почивают в доме ноги ее. Слушай же далее: «И прельстит его многою беседою, сетями же уст во блуд вовлечет его, он тотчас же последует за ней, обезумев, и как вол на заколение ведется, и как пес на узы или как олень, уязвленный стрелою в ятра, и спешит, как птица в сеть, не ведая, что на душу свою течет».

Вот тебе и скоты, и звери, и птицы! Справься ж теперь о всех скотах, не посвящаемых богу, и увидишь, что

вся та дрянь познания твоего касается. Например: «Слепое, или сокрушенное, или язык урезанный имущее и прочее — да не принесут тех господу».

Но вот слушай, что то же самое сказано выше о человеке: «Всяк человек: слеп, или хром, или курносый, или ухорезан, или сокрушение руки или ноги имеющий, или горбат и прочее — да не приступит принести жертв». Что ж се значит? Брось враки церемониальные, а выслушай, что говорит Осия. «Как ты умение отверг, отвергну и я тебя, чтобы ты не жречествовал мне. И забыл ты закон бога своего, забуду и я чада твои». Вот кого бог не хочет жрецом своим иметь! Умение сие он же выше толкует так: «Слышите слово господне, сыновья Израилевы, как суд господен к живущим на земле, ибо нет истины ни милости, ни видения божия на земле». А что ж есть слеп, или хром, или курнос? Слушай Давида: «Очи имеют и не узрят, уши имеют и не услышат, ноздри имеют и не обоняют» и прочее.

Что ж далее? «Подобны им да будут» и прочее. Чувствуешь ли, что всем срамотам сим родительница есть невидение божие? Она-то у Соломона именуется блудницею, как от дому своего мужа, так и от познания его отходящая и отводящая. О сих-то Исаия: «Осягнут, как слепые стену». И Давид: «Обветшали и охромели от путей своих». Се-то те аспиды, о которых Исаия: «Глухие, услышите, и, слепые, прозрите видеть. А кто слеп? Разве рабы мои. И кто глух? Разве владеющие ими. И ослепли рабы божие». Се-то те, потерявшие язык тот: «Язык мой поучится правде твоей». «Господь, господь дает мне язык научения». Се-то те горбатые, о коих написано: «Горб не исцелен». «Да помрачатся очи их, чтобы не видеть, и [ослабеет] хребет их, когда я выну слякоть». «И наполнилася земля мерзостей — дел рук их, и поклонилися тем, коих сотворили персты их, и преклонился человек, и смирился муж, и не потерплю им».

Но кто есть курнос? Тот, кто лишен носа сего. «И речет ему Исаак, отец его: — Приблизись ко мне и облобызай меня, чадо! — И приблизился, лобызает его, и обоняет запах риз его, и благословит его и речет: — Се запах сына моего, этого запаха нивы исполнены, которые благословил господь». Сей Исааков нос высокий, исполнен острейшего чувства. Он везде чувствует сладчайший дух и благовоннейший дым повсеместного присутствия божия.

Таков нос имел Иов: «Дух божий, сущий в ноздрях моих». Таков нос имели безвестные те девы, которые говорят: «Влеки меня вслед тебе». «В запах мира твоего течем». Сии-то девы следом выследили того, о коем слышим: «Я цвет полевой и крин удольный». Вот одна из них что говорит: «Нард мой дал благовоние свое, виноградЫ зреющие дали запах». А что же есть виноград? Слушай, Исаии: «Виноград господа Саваофа дом Израилев есть».

Видишь, что все приходит до тебя самого, до твоего дома. Ты и земля, и зверь, и скот, и дерево, и виноград, и дом. В сем-то доме нашла невеста брата своего. В сем-то винограде почувствовала сладчайшие ароматных дерев и зелий духи тем обонянием, которое в ней похваляет возлюбленный ее друг: «Кто она, нежащаяся, как утро? Очи твои, как озера в Есевоне, нос твой, как столп ливанский, смотрящий лицо Дамаска». А в какое же время получила она себе острый сей взор и обоняние? Тогда, как стала дружить с братом своим. «Брат мой мне и я ему, пасущий в крынах». Для чего ж она не отослана до кущей пастырских? Вот опять и гавань наша!

П а м в а. Ах, не могу больше терпеть! Вот вам еще одна дева! «Богу благодарение, всегда победителями нас творящему, о Христе Иисусе, и благовоние разума его являющий нам во всяком месте, как Христово благоухание, мы есть богу в спасаемых и в погибающих».

К в а д р а т. Для чего ж ты, Памва, замолчал? Там следует вот что: «Мы не так, как многие, нечисто проповедующие слово божие, но от чистоты, но от бога, пред богом во Христе глаголем». Примечайте, не совершенное ли согласие тут? Не чисто проповедующие и кущи пастырские? Видно ж, что таковые не узнали себя. А как таковые не познавшие себя и сами с собою раздружившиеся не чувствуют внутри себя благоухания божия, так и в священном доме Библии. Один дух дышит в обоих сих церквах. И как послушаешь и соблюдешь вне тебя на бумаге написанное, если пренебрегаешь внутри дома твоего гремящее? О сих-то двоих домах Павел говорит: «Кто знает из людей, что в человеке? Только дух, живущий в нем, также и божиего никто не знает, только дух божий». Не слушаешь внутри себя? Кто ж тебя пошлет к Силоаму священнейших и живых вод библейных? Не пойдешь самовольно? Послушай Исаии: «И будет вместо благовония смрад и вместо (пояса препояшешься вре-

тищем〉 и вместо украшения златого, которое на голове, плешь иметь будешь». Для чего? Дел твоих ради. Беззаконие твое пренебрегает тайный голос живущего в тебе духа божия. О сем голосе Павел сказывает: «Закон духовен есть». Сей-то закон загремел к нему: «Савел! Савел! [31]»

Потом послушного сего раба посылает к Библии. Так вот: «Приняв пищу, укрепись». Закон послал его к закону, брат к брату, друг к другу, родня к родне, Иаков к Иосифу, Товит к Рагуилу, царь к царю. И в сей-то силе приточник: «Брат, от брата помогаемый, как град тверд и высок, укрепляется же, как основанное царство». По сей-то причине Павел себя называет посланным не от человека, но от бога, а не из числа тех, о которых Иеремия: «Не посылал пророков, а они текли, не глаголал к ним, и те пророчествовали». «Если бы, — продолжает там же бог,— от моего парламента и совета посланы были, слышанны были бы слова мои. А каковые? Отвратили бы людей моих от пути их лукавого и от начинаний их лукавых. Но кто может сие?» «Только знающие душу свою и размышляющие в законе вышнего», как Иисус Сирах говорит: «Сей-то премудрости всех древних взыщет и в пророчествиях поучаться будет».

Антон. Вот же вам еще с носом, полным благоухания божия, одна дева, сладчайший запах дышущий Исаия! «Дух господен на мне». Ах, Исаия! И твой нард дал запах свой? Он, благовествуя нищим, кажется, со Сираховым сыном весьма согласно поет: «Послушайте меня, преподобные сыновья, и прозябните, как розы и как ливан, дадите благовоние, преподадите запах». А какой? «Воспойте песнь, благословите господа во всех делах его». Узнав брата своего, и других к нему ж ведут за собою. «Приведутся царю девы...» «Мы же не духа мира сего приняли, но духа, который от бога, да знаем, что от бога дарованное нам, что и скажем не в наученных человеческой премудрости словах, но в научениях духа святого, о духовном с духовными рассуждающем».

Лука. Куда далече нас завел слепой да хромой с курносым! Пожинай, Израпль, и внеси все в дом господа бога твоего. Пожинай с радостию, говоря с возлюбленною сестрою: «Да сойдет брат мой в сад свой и да ест плод овощей своих». Библия твоя твой-то есть виноград: да молчит тут всякая плоть человеческая! «Если твой сей виноград, то на что нам его осквернять плотскою жатвою?

Станем плоды собирать с тобою, через тебя и для тебя. Но все то не твое, что скверное,— все то скверное, что земля, плоть и кровь. Ты посеял на земле, ты и жнешь от земли, но не землю. Землю, но землю твою. Есть земля земленная и есть земля нагорняя, обетованная, небесная, господня, духовная. Ты насадил на земле рай твой, ты обирай и плоды его. Если ты ему был началом, будь ты ж и концом ему. Что ты нам, Павел, говоришь? «Сеющий,— говорит,— в плоть свою от плоти пожнет истление, а сеющий в дух от духа, пожнет живот вечный». По сие время на божественной сей ниве сеял я и разумел все по плоти. И что ж пожинал? Смертные снопы и один яд.

А теперь хорошо понимаю то, в чем наставляет меня Осия: «Сейте себе в правду, соберите плод живота, просветите себе свет видения. Пока время, взыщите господа, пока придут вам жита правды». Благословен ты, господь бог мой. Се начинаю чувствовать сладчайшее благоухание разлившегося без границ духа животворящего твоего, как сладковоннейшего фимпама, готов вслед его течь. Впиши меня в число и влеки вслед тебя с теми отроковицами, о которых Амос: «В тот день оскудеют девы добрые». А Захария, радуясь, кричит: «Пшеница — юношам и вино благоуханно — девам... жните, друзья, жните!»

П а м в а. Если слепота, хромота, курносость, сокрушение членов и прочие пороки не могут в храме господнем быть никоим образом, ни отнюдь приносить жертвы и таковые скоты, как нечистые и к познанию божию не годные, не посвящаются ему, так видно, что напротив того, чистые скоты и птицы не иное что значат, как людей, имеющих сердце, способное к увидению божию. Рассуди, пожалуй: бог велит себе посвящать тех зверей и скотов, кои имеют раздвоенное копыто. А сего еще не довольно. Он ищет, чтоб сверх того та животина отрыгала жвание, то есть по два раза бы жевала пищу, в желудок опускаемую. Таков есть вол, коза, олень.

Не смех ли таковая премудрость? А конечно ж, она премудрость божия, то есть истинная и всеблаженная, если разжевать ее два раза или хорошенько. Можно ли, чтоб через перебор в пище сделался человек счастливым? Ведь сей единственный есть конец божией премудрости. Какое несогласие! «Сын, дай мне сердце твое. Посвяти мне душу твою. Она для тебя ж и будет». А здесь бог будто бы позабылся: «Дай вола, козла, барана». Сии

все церемонии ежедневно, как в театре, представляемые, тайным мановением давали знать, чтоб человек вникнул во внутренности свои и со временем добрался бы до увидения божия, сими обрядами как бы дядькою путеводствуемый. Да всей же то силе точно и говорит Павел: «Закон учитель нам был во Христе».

Однако ж во всех веках и народах полно везде таковых, которые в сей законной тени, не сродными находясь к жванию, засели и поселились. И о сих-то Осия говорит: «С овцами и тельцы пойдут искать господа и не обретут его, ибо уклонился от них». А для чего? Для того, что они жертвенных тайн не почитали средством, ведущим к чему-то тайному, и, не могучи разжевать их, отчуждались от того конца, куда их церемония, как некая тропинка, привести имела. Вот вся причина!

«Как господа,— продолжает Осия,— оставили, ибо детей чуждых породили себе, ныне поест их ржа». Сих несмышленых скотин весьма ясно наставляет Михей. Вот: «В чем постигну господа? В чем найду господа моего вышнего? Найду ли его всесожжением? Тельцами единолетними? Примет ли господь в тысячах баранов и в тьмах козлищ тучных? Дам ли первенцев моих о нечестии моем — плод утробы моей, за грехи души моей? Возвестилося ли тебе, человек, что добро? Или чего господь ищет от тебя? Разве что творить суд, и любить милость, и готовым быть, чтобы ходить с господом богом твоим».

Вот тебе конец всех-на-всех обрядов и тайн — милость и суд. А что ж есть милость и суд? Слушай Давида: «По милости твоей, по судьбе твоей живи меня». «Милость и истина встретились». «Правда твоя — правда вовек, и закон твой — истина». «Мир многий любящим закон твой». «Правда и мир облобызалися». «Ищите прежде царствия божия и правды его». «Царствие божие внутри вас». В чем постигну господа? Первое жвание в том состоит, чтоб разобрать корку или шелуху историческую, церемониальную, приточническую, кратко сказать, плотскую. Но понеже плоть вся-на-вся и кровь не царствие то божие и не божия правда, но наша то правда нечиста, как одежда жены нечистой, для того проходить подале надобно, к другому жванию, и после бесполезной ореховой корки искать сокровенного вкуса наподобие зерна, внутри своей корки утаенного, как коринфянам написано: «Дух все испытывает, и глубины божие». Вот

тебе скотина со жванием! Слышь: «Вменяю всю тщетность быть за превосходящее разумение Христа Иисуса, господа моего. Ради него всех отчаявшихся и вменяю все умение быть, да Христа приобрету и обрету себя в нем, не имея моей правды, которая от закона, но и есть вера Иисуса Христова, сущая от бога правда в вере». Вот как пережевывает: «Чтоб разуметь его, и силу воскресения его, и сообщение страстей его, боже мой! Сообразуясь смерти его...» Авось достигну, может быть, в воскресение мертвых... Возможно ли избраннее скотину избрать богу? Все оставил — жует. А что жевал, то опять пережевывает. Смиряет себя, будто бы еще не постиг, чтоб тем самым иных заохотить. Будто льстец, но истинен. Вот вам еще один зверь со жванием, возлюбленный богу: «Тем же образом желает олень в источнике...» Ах! «Когда приду и явлюся лицу божию?» Вот зверина, достойна быть посвященною богу, угодна к исканию правды божией, коей ничто не может быть слаще. И о сих-то молится сын человеческий: «Святи их в истине твоей». Сии-то постигают гору правды божией. «Горы высокие оленям». «На гору высокую взойди, благовествуя Сиону».

Вон, посмотри! Скачет олень в «Деяниях» [32], Петром исцеленный. «Вскочив, встает и ходит: ходит, и скачет, и славит бога». О сих-то зверьках с великою важностью спрашивает бог Иова: «Уразумел ты время рождения коз, живущих на горах каменных? Усмотрел ли ты болезнь при рождении оленей?» Вот коза! «Тавифа, восстань!» Вот! Посмотри на оленя родящего, на Исаию: «Страха ради твоего, господи, во чреве принял, и поболел, и родил духа спасения твоего, его же сотворил на земле, не падемся, но падутся все живущие на земле». От сих-то скотин родилась и истина божия, и с человеками поживет. Они ее для себя разжевали, а родили на земле для благосчастия иных. Вот тебе еще чистая скотина с хорошими зубами! Выслушай, что такое говорит Иаков сыну своему Иуде, начальнику фамилии тех скотов и зверей, кои для жвания доброродными зубами одарены. «Иуда, тебя похвалят братья твои. Не оскудеет князь от Иуды и вождь от чресел его. Радостотворные очи его больше вина, и белые зубы его лучше молока». Поощряет Давид потомков Иудиных: «Вкусите и увидите, сколь благ господь».

Павел из молодых лет негодненькие имел зубы. «Ког-

да был младенец, мудрствовал, как младенец». И до приятелей своих, не взросших в меру возраста исполнения Христова: «Молоком,— говорит,— питал вас, а не мукой». Мукой называет пшеницу, которой снабжал братию свою Иосиф и о коей Захария: «Пшеница — юношам». Она есть зерно воскресения, семя слова и премудрости божией, погребенное в грязи плоти и крови, о коем сказуется: «Кто разумеет ум господен?» Сия пища пшеница есть для совершенных, у коих зубы Иудины, то есть повыше уже младенческого молока. Молоком называет верхнюю ореховую корку, заключающую зерно, которое младенческое жвание раскусить не может. Об одном только себе и о подобных себе говорит: «Мы ум Христов имеем». И удивительно, как-то он везде жует действительно! Не могут ли лучшие зубы быть от сих: «Ибо сей знает книги, не учившись». Мало читать, много жевать. Ах, сколь благородный вкус! Куда не сходны со вкусом своим те, к коим вопиет: «Не сего ли ради прельщаетесь, не зная писания, ни силы божией?»

О господи мой! Как же они не знают? Они с маленьких лет начали болтать Библию твою, на ней состарились, не оставили ни стишка, ни словца, не оспорив его; имя твое, крест твой всегда у них на грудях, на губах, на одеждах, на стенах, на блюдах, на церемониях... Но что пользы жевать и вкуса не чувствовать? По сей-то причине сих беззубых скотов отсылает: «Шедшие, научитесь». Что то такое значит — «милости хочу, а не жертвы»? Не любит сих неугодных господу зверей и избранный Павел. «Водимые похотями различными, всегда учащиеся и никогда же в разум истины прийти не могущие». Называет их врагами креста Христова, а Давид — мужами кровей и лести. А для чего? Засмотрелись на церемонии, засели на мясных пирах, не взяли в ум свой искать истины божией, к коей вела их церемония, а оставив свет ее, вернулись к тьме своей, к своей плоти и лжи, возвратясь на вечерю.

Итак, прельстясь тленными своими мясами, лишаются той пищи, о коей сын Спрахов: «Всякую муку́ ест чрево; есть же мука́ муки́ добрее». Но что то? «Блажен, кто съест обед в царствии божием!» Но что то за мука́? «Блаженны алчущие и жаждущие правды». Вот послушай: «Плоть моя истинная есть мука́». Что за плоть? «Есть тело душевное, и есть тело духовное». Что за тело? «Сей

есть хлеб, сходящий с небес...» Что за хлеб? «Дух есть, который оживляет, плоть не использует». О сей-то животворящей истине воспевает Давид: «Истина господня пребывает вовеки». «Живи меня по словам твоим». От нее-то они возвратились на свой плачевный вечер, не захотев с Павлом гнаться за истиной. «Братья, я себе не помышляю достигнуть, только ж минувшее забывая, в будущее простираясь, к намеченному теку...» Се-то те, Сирахова сына дураки, кои, услышав доброе слово, бросают за плечи свои, о коих в псалме: «Да возвратятся вспять и постыдятся...» И Исаия: «Увы, язык грешный! Сыновья беззаконные! Люди, исполненные грехов! Семя лукавое! Оставьте господа и разгневайте святого Израилева, отвратитеся вспять». Се-то то Хамово племя. «Проклят Ханаан отрок и ангелы, не соблюдшие своего начальства».

На коих столь ужасно гремит раб Христов Иуда, называя их, между прочим, звездами прелестными, для которых мрак тьмы вовеки блюдется, и плотью, духа не имущею. Сии хамы несмышленые совсем обнажили бога, отца своего, и все дела его, в вере и в духе находясь, уничтожив, сыскали на то место свои руки, свои ноги, свою плоть и дрянь и всей оной мудрствуют, чтоб постигло их страшное проклятие из «Второзакония»: «Понеже не послужил ты господу богу твоему с весельем и благим сердцем и послужил врагам твоим, и наведет господь язык на тебя издалека, от края земли, и сокрушит тебя во всех градах твоих, пока разорятся стены твои высокие и крепкие, на них же ты уповаешь, и съешь детей утробы твоей, плоть сынов и дочерей твоих, их же дал тебе господь бог твой...»

Вот какая погибель находит тех, кои худые зубы имеют! Послушаем об них еще Иова: «У них погибло скончание». Приметь тотчас, что они к намеченному с Павлом не достигают. А что же далее? «В скудости и голоде безводные». Для чего? «Они бежали в безводное вчерашнее стеснение и бедность». Не удивительно, что попали в скудость. Не надобно было бежать им в тесноту вчерашнюю, вечер всегда голодный. «Взалчут на вечерю».

Вон было чего искать должно! «Дух есть, который оживляет... Разве они не разумеют, что такое дух? В том-то и беда, что худо жуют. Для того-то далее Иов: «Они обходили, — говорит, — былие в дебрях, им же былие было мукóю, бесчестные же и похуленные, скудные всякого бла-

га, они и коренья деревьев жевали от голода великого». Можно ли сквернее сих зубов? Скажи, пожалуй? Сии уроды не родные ли потомки оказуются страшного того у Даниила зверя, кой все перевел и пережевал, но то беда, что останки ногами потоптал! Приметь, что останок топчут те же сами, о коих теперь же Иов: «У них погибло скончание» — сказал. Что за чудо? Все порвали, пожрали, поглотали зубами отца своего железными, да без останка. Где ж ваш останок? Ах! Потоптали вы останок! «Увы, язык грешный! Семя змииное! «Потоптали вы того, кто жалуется у Давида: «Попрали меня враги...» И того: «Я есть начало и конец».

Один Израиль гонится и постигает всеблаженнейшее *начало* свое — то, о котором Мойсей, благословляя их, говорит Аспру: «Покроет тебя божие начало». Один он постигает и останок. «Останок Израилю есть». Он один все съедает, сокрушает, топчет, лишь бы только добраться и сохранить себе то, о чем пишется: «Благословен ты во граде и благословен ты на селе, благословенны исчадия чрева твоего, и плоды земли твоей, и стада волов твоих, и паствы овец твоих; благословенны житницы твои и останцы твои!» Куда как не сходны зубы твои, род, спасаемый от господа! Как небо от земли, разнятся от проклятых тех железных.

Вот послушаем, до чего дожевался любезный Давид. «Начало». А что ж, скажи, начало? «Начало словес твоих — истина». Так, следовательно, знал ты, Давид, и кончину? Конечно, так. Начало и конец — все одно. Ах, хорошее твое кушанье тем, что останков не топчешь. Да и как тебе топтать, если сам просишь: «Скажи мне, господи, кончину мою». Она тебе меда и сота слаще. Я уже получил сие от господа: «Всякой кончины видел конец». А что ж то такое за конец? Ах, куда широка заповедь его! «Все, как риза, обветшают...» «Небо и земля мимо идут...» Подлинно, Давид, белые зубы твои, и радостворные очи, и красные ноги твои! Вкусил господа, увидел его, постиг истину, правду и царствие божие. Вот вам скотина и зверь, отрыгающий жвание!..

К о н о н. Подлинно сие животное чистое! Ни хромое, ни слепое, ни.., сказать, никакого порока не имеющее. Не напрасно оно любезно богу. Оно достойно господа, а господь его. Теперь, кажется, я и неграмотный начинаю разуметь то, что часто мы с Филоном слышим в собрании

читаемое: «Сыновья человеческие, зубы их — оружие и стрелы.., бог сокрушит зубы их».

Филон. «Ах, Конон! Нам бы молчать надобно и слушать. Но за тобою и я не умолчал. Нас, простаков, называют скотинами. Но дал бы бог, чтоб мы немного пороков имели! По крайней мере будем беззлобны. Мне любо, что будто нечто разжевать могу то, что вбилось в память. «Вменил себе, как овцы на заколение». «Благословен господь, который не дал нас в добычу зубам их...»

Квадрат. Памва! Сказанные тобою слова Иовлевы сии: «Коренья деревьев жевали от голода великого» — привели мне на память притчу о блудном сыне. Бедный свиной пастырь! Сам иссох от голода, а свиней пасет. Видно, что у пастыря и у паствы такие же зубы и тот же вкус. Вот что делает незнание себя! Оставил дом свой, дом отца своего, расточил по посторонним внешностям мысли свои, душу свою, выбросив ее от сокровища своего внутреннего, как гроздь от виноградной лозы отсеченную, вырвав, как вербу, при живых водах насажденную, а еще желает насытиться и иных накормить. Но стаду его никогда не бывать ни волами, ни козлами, ни овцами, ни оленями, пока не возвратятся к отцу своему в дом свой. Правда, что свинья имеет копыто раздвоенное, но не посвящается богу в жилище за неимением двойного жвания. Да и как можно богу в сем стаде жить, когда бесы к нему на жилье отсылаются? Кроме того, свинья грязь любит и не источники с оленями, но болотную и мутную воду. А сие не что иное значит, как душу с таковым вкусом и зубами, каковые описываются в «Книге Чисел», при ропоте жидовском. «Кто нас напитает мясом?» — с плачем вопиют. «Дай нам мяса поесть». Велит господь Мойсею очистить свиные толки и преобразить их в чистый и посвященный ему скот. Ах, сколь трудно узнать себя! Что есть одно и одинаковое жвание, если не одно только тленное вещество в себе самом разуметь? Одно египетское мясо в себе постигаем, не проницая зубами в наводнение исполнения божия, о коем Иов: «От запаха воды процветет, сотворит же жатву, ибо новопосаженное».

А как разумеем нас самих, так точно мудрствуем и в брате нашем, во Священном писании. Уже господь и перепелов дал им, новую пищу добыл из моря. Посушили себе на корм, вкусили духа, однак «мясо, — говорит, —

было им еще в зубах их прежде оскудения». Довольно еще господнего мяса, однак они свое мясо в зубах жуют.

Вот как трудно прогрызтись разуму нашему ко второму жванию! А тут-то все наше несчастие. «И господь разгневался очень на людей, и поразил господь людей язвою великою очень, и прозвалось имя месту тому — гробы похоти». Внемлите себе, несчастные толковники! Разжуйте себя покрепче! Не поминайте первых и ветхих не помышляйте! Скушайте ветхое ветхих! «Се я творю новое», — говорит господь. Будет ли, если ни есть для вас небо сшито, или век вам не восстать от сна гробов ваших? Жуем мясо, но наше собственное, и нашими ж зубами кушаем мертвечину нашу. Но для второго вкушения дайте мне зубы: «Зубы твои, как стада остриженных, которые вышли из купели, все двоеплодные, все близнецов рождающие». Дай, пожалуйста, мне Павловы зубы! «Имеем же алтарь, от него же не получат власти вкушать служащие сени». Дай зубы Давидовы: «Приготовил ты трапезу предо мною...» Не хочу зубов тех глупых скотов, которые говорят: «Жестоко есть слово сие, и кто может его послушать?»

Сих свиных зубы в одном квасе фарисейском вкус чувствуют, не в хлебе ангельском и животном, не в истинной плоти, в плоти господней, сошедшей с небес, к которой поощряет Давид: «Вкусите и увидите». «Дух есть, который оживляет». Разве думаете, что у вас одних только плоть есть, а у бога ее и не бывало? Кроме вашей, нет божией? Для чего ж разливаете на вашу землю кровь праведную, кровь истинную, кровь господню, кровь нетленную? Вот едящие хлеб болезни и скверну мертвечин своих! Вот Даниловы звери[33], попирающие останки господни!

Вот волки арапские, о которых Софония[34]: «Князья его в нем, как львы рыкающие. Судьи его, как волки арапские, не оставляющие на утро». Проклятая прожорливость? Ночью все-на-все пожирают, не оставляя для утра, для прекраснейшего утра, что у Исаии: «Положи меня утром, утро...» Убиваете вы внутреннего вашего небесного человека мечом мыслей ваших, не признающих его среди тьмы вашей, рассуждая, что одна тленная тьма составляет существа вашего исту. Знайте ж, волки арапские, что я вам пророк, и сбудется страшное сие на вас: «Воззрят на него его же прободавшие, и заплачут о нем

плаканием, как о возлюбленном, и поболят о нем болезнью, как о первенце». И сие: «Будет жизнь твоя вписть перед очами твоими, и убоишься в дни и в ночи, и не будешь верить житию твоему: утром говоришь, когда будет вечер, и вечером говоришь, когда будет утро? От страха сердца твоего, которым убоишься, и от видений очей твоих, которыми узришь...»

Но всему сему причину бедствию там же у Софония слышь: «О светлый и избавленный город голубиный! Не услышав голоса, ни приняв наказания, на господа не уповай и к богу своему не приближайся». Потом уже говорит: «Пророки его ветроносцы, мужи прозорливые, священники его сквернят святое и не чувствуют в законе...» Да где ж было им слышать голос божий? В том же то все и разорение, что не знали того, что там же следует: «Господь же праведен посреди его...» Вот куда след! Наговорил, друзья мои, и я несколько зверей и скотов, неугодных богу, ради худой жвачки их.

Антон. Как жвание, так раздвоенное копыто единственно касается к нашему наставлению. Павел, толкуя сии слова: «Да не заградишь уст волу молотящему». «Не думаете ли,— говорит,— что богу здесь речь о волах? Он тебя, друг мой, наставляет, тебя самого к познанию истины, оставив твоих волов для писателей экономических и физических. Что пользы тебе [быть] знатоком в волах, а слепым быть в познании себя самого? Двойное жвание вкушает истину господню, а раздвоенное копыто ей же последует». «Куда идем,— Петр отвечает,— и к кому? Слова жизни вечной имеешь». Раздвоить копыто есть то раздвоить ногу свою и путь свой с Давидом: «Стопы мои направь по слову твоему». Слушай Михея: «Возвестится тебе, человек, что добро?» Вот тебе истина! Уже вкушаешь ее. Чего ж, кроме сего, господь ищет от тебя? Вот: «Разве что творить суд, и любить милость, и готовым быть, и ходить с господом богом твоим». Начинаешь ли познавать истину? Люби же ее и поступай по ней. А без сего не годишься в ее посвящение. Доселе бродил ты твоим путем, ведущим в ров страстей, а теперь, узнав путь истины, признайся с Давидом: «Пути мои исповедал и услышал меня».

Для нового пути новые ноги пщи. Одна то нога твоя и та же будет в одном только ступании, будто в копыте, порознишь ее. Отличи шествие бога, твоего царя. Подни-

майся от подлых низкостей на горы правды и царствия его, поколь совершит ноги твои, как оленьи, пока скажешь: «Нога моя стоит на правоте». А не се ж ли то значит быть волом-молотником? Вол топчет снопы, трет солому, вытрушивает зерно.

Ты, идя путем господним, то же самое делаешь. Все тление человеческое что такое есть, если не солома и полова?.. «Всяка плоть — сено», «как прах половный»,— вопиет Исаия. В сем сене и половном прахе ищешь и находишь слово бога твоего, семя слова и царствия его бесконечного. Обойди все языческое. К тебе-то речь Михеина: «Не разумели помышления господнего и не домыслились совета его, когда собрал их как снопы гуменные. Восстань и измолоти их, дочь Сиона».

В то время ты и овцою делаешься, говоря с Давидом: «Незлобою моею ходил», «господь пасет меня...» Потому что уже твои ноги не на зло текут. И о таковых-то волах и овцах Исаия пророчит: «Не найдет там страх. Будет из кустов и из терния в паству овцам и в попрание волу». Бываешь и козою: «Беги, брат мой, и уподобись серне или юнцу оленей на горы Ароматов». Ах, сколь прекрасные ноги сии, на горах благовествующие мир! «Окрылатеют, как орлы, пойдут и не взалчут, потекут и не утрудятся, возрастут от силы в силу, пока сбудется над головою их следующее: «Познают люди мои имя мое в тот день, ибо я есть сам, говорящий: тут я есть». В тот день воспоют песнь сию в земле иудейской, говоря: се град крепок! И спасение нам положит стену и ограждение. Отверзите врата, да войдут люди, хранящие правду и хранящие истину, приемлющие истину и хранящие мир. И на тебя надеждой надеявшись, господь вовек, бог великий, вечный, который, смирив, низвел живущих в высоких, города крепкие разорив и обнизив их даже до земли, и попрут их ноги кротких и смиренных. Путь благочестивых прав был; и приготовлен путь благочестивых, ибо путь господен — суд». Вот и Амос: «В тот день восстановлю скинию Давидову падшую, постигнет жатва, собирание винограда, и созреют гроздья в сеятву, и искапают горы сладость... Возвращу плен людей моих Израиля...» «И насажу их на земле их, и не исторгнутся к тому от земли своей, которую дал им»,— говорит господь.

Теперь видишь или не видишь, что такое значит с двойным копытом нога? И куда должно ступать сие

чистое и посвящаемое богу животное? Догадайся ж, что то за быки, о которых Исаия: «Напасутся скоты твои в тот день на месте тучном и пространном, юнцы ваши и волы, возделывающие землю, наедятся половы, смешанной с ячменем извеянным...» Но послушай, друг мой, надеюсь, догадаешься, кого Исаия разумеет под животными, отрыгающими жвание и раздвоенным копытом одаренными. «Да отрыгнут веселие все вместе пустыни иерусалимские, ибо помиловал господь людей своих». Если ж по сие время стада скотские бродят в голове твоей, а не можешь разжевать, что все сие тебя касается, так выслушай последнего Давида: «Отрыгнуло сердце мое слово благое». «Отрыгнут уста мои пение...» А что до чистых ног принадлежит, вот Исаия: «Отступите, отступите, выйдите отсюда и к нечистоте не прикасайтесь». Сим-то зверькам умывает господь из умывальницы ноги какою водою? «Омоет господь скверны,— говорит Исаия,— сынов и дочерей сионских и кровь иерусалимскую очистит от них духом суда». И удивительно как-то сии зверьки из нечистых преобразуются в чистых.

Но возможно ли, чтоб ослабело слово божие? Оно-то им дает новый вкус и чистые ноги. Оно-то превращает Софониевых львов в тельцов и юниц, а его же волков, жвания не отрыгающих и через прожорство до утра не оставляющих, перерождает в агнцы, рысь — в козлище. Они те ж звери, что и были, но с бараньею уже отрыжкою и с оленьими ногами. Уже отрыгают веселье и скачут на горы Ароматов. Боже мой! Не се ли новое создание и новая тварь? Что за чудо? Рысь лютая — и козлище человеколюбное вместе; волк хищный — и незлобный агнец; лев, страшно рыкающий,— и теленок, рычущий к матери своей... О любезнейший Исаия! Ту самую правду поешь: «Пастись будут вместе волк с агнцем, и рысь почиет с козлищем, и телец, и юнец, и лев вместе пастися будут». Когда же се будет? Будет, не бойся! Дай бог только, чтоб процветала леторосль от кореня Иесеевого.

Л у к а. Священное писание есть фонарь, божиим светом блистающий для нас, путников. Верую, что так оно есть, а только удивляются, что речь его отличным течет образцом, не сходным с прочими писателями. Речь Библии подобна азиатской реке, именуемой Меандр. Сказывают, что река та по самым прекрасным местам протекает, но течение ее вьется, как змей, а запутывает ход

свой, как хоромы лабиринт. Пускай так будет хорошо, что человек, ищущий царствия божиего, различествует от прочих людей и подобен животному, жвание отрыгающему, а сие прочим зверям не сродно. Быть так! Пускай сие похоже на притчу! Пускай и раздвоенное копыто значит особенное шествие! Быть так! И конечно, из нового в путниковой голове понятия должна родиться другая дорога для него и отличное от первого шествие. Пускай будет так! Но только несколько чуднее, что нога значит склонность, любление и жадное желание.

Сие можно, кажется, видеть как из прочих, так из сих Аввакумовых слов: «Господь бог мой — сила моя, и учинит ноги мои на совершение и на высокое возводит меня, чтобы победить мне в песне его». Я понимаю, что многие могут разжевать и внушить благовоние духа, да и возвратиться в тех число, о которых сказано: «Многие из учеников его шли вспять и к тому не ходили с ним». И знаю, что весьма не без причины господь требует, дабы посвящаемый ему зверь сверх отрыжки в жвачке был бы с раздвоенным копытом, потому что не всегда то может нашему вкусу понравиться, что прикушиваем, а требуется к сему, чтоб были охотники с добрыми зубами. Но для чего аппетит обозначается ногою? Чудесный стиль...

Памва. Любезный друг! Приобучай вкус твой к пище библейной. Нет ее ни полезнее, ни слаще, хотя ее хоромы не красны углами. Но, во-первых, прошу тебя получшее взять мнение об угрюмой сей премудрости, создавшей себе дом семистолпный. Сколько она снаружи неказиста и презренна, столько внутри важна и великолепна. Она запмствует от тебя слова, подлую твою околичность значащие, например: ноги, руки, очи, уши, голову, одежду, хлеб, сосуды, дом, грунта́, скот, землю, воду, воздух, огонь. Но сама она никогда не бродит по окружности, а поражает в самую тончайшую и главнейшую всего окружения точку, до которой и привести тебя единственно намерилась. Она твоими только словами говорит, а не твое. На твою свирелку, да свою песенку поет: «Чтобы победить мне в песне его». То ж то самое есть, дабы возвести тебя от дольней твоей грязи и от околичной твоей наружности к самой, существо твое и исту твою составляющей, невещественной и нераздельной точке на ту высоту, о которой сама премудрость изволит сказывать: «Исходы мои — исходы жизни».

К сему возвышению и воскресению, то есть, чтоб восставить тебя во тьме в крайнейшей наружности твоей лежащего на новые ноги, употребляет плотские слова, вытягивая тебя, будто удкою рыбу, обвитую тем, за что хватаешься, зная, что ничего не можешь разжевать и ничто для тебя не вкусно, не съедобно, кроме верхней плоти. Слыхал ли ты о дереве, называемом финик? Или представь себе растущее в твоей природной земле. Взгляни на сию прекрасную перед окошком яблоню. Видишь, что она сучья свои, будто множество рук своих, листом украшенных, возвышает. Но скажи, чего ты в ней не видишь? Коренья ее закрыты пред тобою. Пока ты не услышал слова сего (коренья), не мыслил о тайности его. А теперь, не видя, видишь оное. Ветви пред тобою молчанием вопиют, свидетельствуя о корении своем, посылающем для них влагу и распространяющем их поверхность.

Ах ты, друг мой, точная яблоня! Вижу твои ветви, но не вижу корений сердца твоего, души твоей, мыслей твоих. Утаилось оно в земле поверхности твоей. Вижу верхнее твое око, будто рукавицу на руке, но не вижу самого ока. Оно закрылось там... где там? Ох, не спрашивай! Как сказать? Не знаю! Как я могу тебе сказать? Довольно для тебя того, что не здесь, а там. Разумеешь ли, что значит здесь? Не разумею... Чего ж спрашиваешь? На что тебе знать там? Да и можно ль? Уразумей здесь, уразумеешь и там. Узнай, что значит низко, узнаешь и высоты касающееся. Усмотри ночь, потом само тебе воссияет утро. Если ж утро почтешь ночью, а ночь назовешь утром, тогда окончишь тьмою. Кто может узнать матерой земли сушу, не узнав жидкие, земле противные стихии? Черное и белое один взор видит. Твердое с непостоянным один луч разума постигает. Отдери бельмо от ока, скинь рукавицу с руки, сними сапог твой с ноги твоей и увидишь в какой-то стороне *там*.

А теперь одно только тебе скажу: там, откуда произрастает поверхность вся твоя. Досадно тебе показалось, что Библия называет человеческое желание ногою. Но она ж человека называет и деревом, как фиником, так и смоковницею. И если раззуешь и разжуешь, то увидишь, что называемая тобою нога не что иное, как только голый верхний прах, будто деревной сук, из земли вылепленный, как болван глиняный, и будто сапог твоей ноги, свидетельствующий своею наружностью о пребывании ее

в кореньях сердца твоего сокровенных и весь прах, как сапог свой, надетый на ногу носящему. И в сию-то цель, думаю, попадал Иов, вот: «Положил ты ногу мою в запрещение, сохранил же дела мои все, в корени же ног моих пришел». О сем корне и Исаия: «Корень их как персть будет». А что он коренем сердца называет, так послушай его ж: «Посмотри, как пепел сердце их, и прельщаются». Приметь: там корень называется перстью, а тут сердце пеплом. Сердце есть корень. В нем-то живет самая твоя нога, а наружный прах есть башмак ее.

Так вот почему Библия называет сердечное желание ногою! Оно-то есть точная нога, хоть она чистая, хоть не чистая, как приточник учит: «Желания нечестивых злы, корения же благочестивых в твердостях...» И Давид сердце, гордостью тщеславия надменное, весьма прилично называет ногою: «Да не придет мне нога гордыни». Как только сердечная нога твоя надулась, тотчас и сапог на ней, голове последуя, в ту ж форму с нею сообразуется, как список с подлинником. А если то для тебя дивно, что нога твоя в сердце и она с ним одно и то же есть, то еще чуднее тебе покажется, если усмотришь, что не только нога, но и руки, и очи, и уши, и язык — и вся твоя окружность всех членов болванеющих есть не что иное, как одежда одна. А самые точные члены закрылися в сердце.

Вот тебе приточник все твое с сокровищем сердечных мыслей твоих вместе кладет! «Око досадителя, язык неправедный, руки, проливающие кровь праведного, и сердце, кующее мысли злые, и ноги, стремящиеся зло творить, истребятся. Приподнимай помалу слух твой и внушай, что то значит: «Имеющий уши слышать...» «Если око твое соблазняет тебя». «Умертвите члены ваши». Но можно ли выколоть око? Умертвить члены? Можно. Тьфу! Легко можно. Нет ничего легче, но тому, если кто хоть несколько узнал себя. А тогда же, когда не знаешь себя, как выколешь? Как отсечешь? Как полечишь себя и исправишь? Ведь не слышишь, где твои руки, ноги, очи. То, что почитаешь ногою твоею, не бывала она никогда. Ты слеп! Ты змий, ползающий чревом твоим, едящий во всем себе прах и землю свою... Но можно ли земляные члены отсечь? Ты ли спрашиваешь меня, друг мой? Не можно, никак не можно. Для чего? А вот я тебе скажу, для чего. Для того, что дурно. Как так? О бедный

человек! Сколь худого ты мнения о боге! Не довольно ли тебе в ответ, что не можно. На что ты разделяешь невозможность от вреда, а пользу от способности? Все то одно: невозможно и неполезно. Не думай худо о божией к тебе милости. Сие блаженное естество все в пользу твою делает. Давно б уже оно сделано возможным, если бы было полезным. Без духа нельзя тебе и вздохнуть: где ж его нет для тебя? А если б воздух был неполезным, конечно б, сыскать тебе трудно. И здесь-то должно было тебе ответом удовольствоваться. Сказано, что нельзя отсечь. Не спрашивай же далее знать то, что неполезно. Но знай, тебе хочется в тонкости знать, почему то неполезно? Знай же: потому что не можно. А не можно затем, что неполезно. Еще ли не понимаешь? В мнении о божией милости плох, а в понятии туп. Ведь ты уже слыхал, что нога твоя наружная — не нога, а только одна обувь твоей ноги? Так точно... Какой же вздор? Лечить ногу, а прикладывать эмпластр к сапогу? Вот видишь! Для чего невозможно? Для того, что неполезно. И напротив того, недействительно и неполезно, так стало и невозможно. Действие в пользе, а польза в действии. Действие, сила, возможность и полезность — все то одно. И напротив того, бессилие и бесполезность — одно. Какая польза тебе отсечь наружную твою ногу, если она тебя не ведет в ров, но ты сам ее несешь? И какая ж она нога, если ты ее носишь, не она тебя? Что тебе виновато верхнее твое око? Ты сам оное открываешь, устремляясь на погубление свое, сердечным твоим змеиным оком, а оно не иное что есть, как нечувственные очки ока твоего. Учись! Не осмыслишь! Разбери сам себя получше! И не будь нагл в осуждении библейного стиля! Она одним смиренным своим любовникам открывается. Пойди, зачав от ноги твоей, по всем твоих членов крайностям или хотя один с них рассуди поумнее, то, может статься, узнаешь, что вся крайняя тела твоего наружность не что иное, как маска твоя, каждый член твой прикрывающая, по роду его и по подобию, будто в семени, в сердце твоем сокровенный. А по справке с собою о себе уразумеешь сие Иеремиино: «Глубоко сердце человека, паче всех, и человек есть, и кто познает его?» И не удивишься, что Давидово сердце имеет у себя уста и говорит — язык его радуется, а нога веселится. Кто видал, что язык радуется? Тот, кто узнал себя. И конечно, что бедные нимало не вникнули внутрь себя, кото-

рые Христа с его друзьями называют меланхоликом. Отсюда родится и несмышленый тот запрос: смеялся ли когда Христос? Сей вопрос весьма схож с премудрым сим: бывает ли когда горячее солнце? Что ты говоришь? Христос есть сам Авраамов сын, Исаак, то есть смех, радость и веселье, сладость, мир и празднество... Сердце человеческое, премудрости закона божиего просвещенное, подобное кореню дерева, насажденного при источниках вод, а законопреступник есть проклятая смоковница. Какая польза лист снаружи зеленеющий, если корень жизненного напоения лишается? Скоро он отпадает. Какая веселость, если поверхний смех разводит челюсти, открывая зрителям зубы твои, а сердце твое сжимается тою тугою, о которой сказано: «Не радоваться нечестивым»? Распространи сердце твое, отвори внутренние уста с Давидом: «Уста мои отворил и привлек дух». В то время и без наружной улыбки всегда внутри смеяться будешь с Саррою: «Смех мне сотвори, господи». И с Давидом: «Дал ты веселие в сердце моем». Если сердце может тайно говорить, можно ему тайно и смеяться. В то время уподобишься зимнему дереву без листьев. Но они утаились в корене, сохраняемом тою жизненною водою, о коей приточник: «Вода глубокая — совет в сердце мужа». И Давид: «Помышления сердца его в род и род». А без сего не ты сам, но одна только мертвая уст твоих кожа улыбается. И такого смеха может ли что быть противнее, лицемернее и невкуснее? Вот родной смех! Послушай: «Возрадовался духом Иисус...» Вот Самуилова мать смеется по правде: «Расширились уста мои на врагов моих, возвеселилася о спасении твоем...» Вот точно смеется Павел: «Уста наши отворилися к вам, коринфяне. Сердце наше распространилось. Распространитесь и вы». Вот и Давидова улыбка: «В скорби распространил меня ты, расширил ты сердце мое». Но то дивно, что и самые его следы расширяются: «Расширил ты шаги мои». Будто и самые следы его расширяются и его ступни смеются с ним.

Но что сие за чудо? Ведь ты слышал от Иеремии, что сердце точный есть человек. В сердце все члены! Так для чего ж не смеяться всем его членам, когда сам говорит: «Возвеселилось сердце мое и возрадовался язык мой?» Исполненное веселия сердце исполняет все члены того блаженного наводнения: «На воде спокойной воспитал меня». И смеха, о котором Иов: «Господь не отвергнет

незлобивого, всякого ж дара от нечестивого не примет, истинным же уста исполнит смехом». А потерявших сие несказанное такового сердца сокровище, спасение или благосостояние души своей с великим сожалением призывает бог у Исаии: «Приступите ко мне, погубившие сердце, сущие далеко от правды...»

Л у к а. Библия подобна ужасной пещере, в которой жил пустынник, братом своим посещенный. «Скажи, братец, что тебя держит в сем угрюмом обиталище?» После сих слов отворил пустынник висящую на стене завесу... «Ах, боже мой!» — закричал гость, узрев великолепие, всякий ум человеческий превосходящее. «Вот, братец, что меня забавляет»,— отвечал уединенный. Потом брат с братом жить остался навеки... В подлых и угрюмых наружностях, как в ветхом тряпище, завита исходящая на сердце человеческое премудрость, какой вся и всякая драгоценность не достойна. Сею подлостью высокая сия божия лестница опустилася на простонародной улице, дабы вступивших возвести до самой крайней верхушки небесного понятия. И не то же ли внушает нам приточник: «На высоких краях есть, посреди же стезь стоит». Се-то то дурачество, Павлом у коринфян называемое. Открой покрывало и увидишь, что оно самое премудрейшее, а только прикрылось юродством. Но ах, любезные други! Теперь познаю, что не откроешь завесы, не узнав сам себя. Не узнав себя, как можно сыскать того: «Обрел желаемого». А без сего человека Павел кричит: «Не перестанет покрывать покрывало. Сей один открывает наши очи и переводит от земли к небесным».

К в а д р а т. Вся «Книга Исхода» сюда ведет, чтоб познать себя. Если исходы премудрости суть то исходы жизни, видно, что исходить из Египта — значит выходить от смерти в жизнь, от познания в познание, от силы в силу, пока явится бог богов в Сионе. Но где та жизнь? Слушай Павла: «В смерть предаемся Иисуса ради, да и жизнь Иисусом явится в мертвенной плоти нашей». Везде есть бог. К чему ж переходить с места на место, от одной внешности к другой? Да где ж его ближе искать для тебя, как в тебе самом? Удивительно, если б землемер в другом месте сыскать центр земли был в силах, а под самим бы собою не мог. А если сыщешь, тогда он тебе, а ты ему явишься.

А н т о н. А разве Исаия не ясно толкует, что то есть

исход? «С веселием изойдете». Что же далее? «И с радостью научитесь». Перенеси, о человек, мысли твои от одного понятия в иное. Видишь, чем Давид переходил? «Поток перейдет душа наша. Душа наша перейдет воду непостоянную». А так перейти есть то научиться. Учиться беспутно, исходить беспутно — все то одно, и нельзя не заблудить ноге твоей, если заблуждает сердце твое. Вот учит Павел ходить: «Свидетельствую о господе: к тому не ходить вам, как и прочие язычники ходят в суете ума их, помраченные смыслом, будучи отчуждены от жизни божией за невежество, сущее в них, за окаменение сердец их...»

Друг. Идет Израиль царственным путем, не уклоняясь ни направо, ни налево, минует все тленное. Переходит языческие пределы. Разрушает все препятствия. Не держат его ни реки, ни море. Все разделяет надвое. Везде путь божий находит. Кратко сказать, то ж делает, что и Авраам. Растесывает на половины. А что ж се значит, если не то: «Ищите и обретете». Узнать себя трудится Израиль. Вот смотри, как один старается: «Прошлое забывая, в будущее же простираясь, к намеренному теку, к почести вышнего звания божия о Христе Иисусе...» Раздели себя, чтоб узнать себя. Вот! Бог учит Иеремию, как разделять: «Если изведешь честное от недостойного, как уста мои будешь». Усмотри, что в тебе подлое, а что дорогое?

Памва. Идет Израиль между огустевшими морскими степями сушею к суше. А куда он идет? Туда, куда Давид: «Когда приду и явлюся лицу божию?» Иди ищи, не ошибайся, внемли себе.

Антон. Авраам на одном месте то же делает, что Израиль в походе своем. Там идет Израиль между двумя половинами вод, а здесь проходят между растесанными на половины телами свечи огненные. Вот что повидал Авраам! Чего от роду не видал. Узнай себя, пожалуй, увидишь никогда не виданное.

Квадрат. Если кто разуметь хочет огненные те свечи, пускай справится с Захариею. Те-то суть мужи у него дивозрители, о которых вот что поет: «В день тот положу тысячники Иудины, как головню огненную в дровах и как свечу огненную в стеблии, и поедят справа и слева всех людей окрест». Вот и Наум[35] второй: «Усмотри путь, укрепи чресла, возмужай крепостию. Ибо восстановит господь величие Иакова и величие Израиля». Что ж

далее, пониже? «Вид их — как свечи огненные и как молния протекающая. Подобных им не было от века». Припевает третий Иоиль: «Всякое-де лицо, как опаление горшка...» Вот что увидел Авраам в растесаннях тел. Увидел новый род людей, от бога рожденных. Тогда же господь завещал ему завет, а скоро потом родился ему и наследник, никаким пространством не ограниченный. Что ж думаешь? Я четвертый, что тебе запою? Подобные родятся от подобного, от молниевидного — молниевидный. Внемли себе! Тут сыщешь того, о котором сказано: «Бог наш огонь поедающий есть». Тут ищи и племени всего его. Увидел его Даниил в себе и вот что поет: «Воздвиг очи мои и видел; и се муж един! Облечен в ризну льняну, и чресла его препоясаны златом светлым, тело же его — как фарсис (камень), лицо же его — как зрение молнии, очи же его — как свечи огненные...» Такое ж то и племя. Но где ж ты его сыщешь, благословенный род сей? Послушай же, что такое отвечает господь Ревекке: «И говорит ей господь: — Два языка в утробе твоей есть, и двое людей от утробы твоей разлучатся, и люди людей превзойдут, и больший поработеет меньшему...» Посреди тебя, друг мой, ищи. Тут в тебе первенец, Исав твой. Тут и Иаков, придерживающийся пяты Исавовой, или, справедливее сказать, он держит пяту Исавову, говоря у Давида: «Беззаконие пяты (моего брата) обойдет меня...» «Эти пяту мою беречь станут...» Узнай себя, разлучив между мужем кровей и мужем божиим, и скажи: «Первый человек от земли тленный, второй...»

П а м в а. Конечно ж, о сих-то двоих человеках, неразрывным союзом сопряженных между собою, говорит бог Иову: «Кто откроет лицо обличения его? В сгибение же грудей его кто войдет? Двери лица его кто отворит? Окрест зубов его страх, утроба его — щиты медяные, союз же его как смарагд камень, один к другому прилипают, дух же не пройдет его, как муж брату своему прилепится, содержатся и не отторгнутся; в чиханиі его возблистает свет, очи же его — видение денницы, из уст его исходят, как свечи горящие, и размечутся, как искры огненные, из ноздрей его исходит дым печи, горящие огнем угли. Душа же его, как угли и как пламя, из уст его исходит, на шее же его водворяется сила...»

Д р у г. Теперь-то ты изъяснил, Памва, следующий стих: «Когда же было солнце на западе, пламя было, и се

печь дымящаяся и свечи огненные! Она прошла между растесаниями сими». Теперь видно, отчего-то столь сильно испугался Авраам: «Когда заходит солнце, ужас нападает на Авраама. И сей страх темный очень нападает на него». В разделении он увидел того: «Окрест зубов его страх...»Как не задрожать? Увидел его? Чихает молниею, смотрит денницею, дышит искрами и горящим углем...

Антон. Сего ж то страшного мужа не менее испугался и Исаия: «Видел господа, о окаянный я! Исполни дом славы его». Тогда-то он покушал и сладчайшего угля от алтаря господнего, очистились его уста, исчезло беззаконие, сделался апостолом. «Кого пошлю? Се я есть! Пошли меня...» Аврааму завет завещается, а сей посланником делается. Блажен сыскавший племя в Сионе.

Квадрат. Исаия будто пальцем указывает на не познающих себя: «Горе полагающим тьму светом и свет тьмою... Горе, ибо мудрые в себе самих и перед собою разумные». Только лишь не сказал: во плоти своей.

Памва. Точно на сих он кричит, видно из следующего: «И сгорит трость от угля огненного и сожжется от пламени разгоревшегося. Корень их, как плоть будет, и цвет их, как прах, взойдет, не восхотели бо закона господа Саваофа».

Друг. Да там же ниже говорится, что поднимет господь знамение для народов, заблудившихся от дому своего на конец земли, и отзовет свистом своим. Свистом отзываются отдаленные заблуждением в поле или в лесу, живо на голос возвращаясь: «Не взалчут, не утрудятся, не вздремлют, не поспят, не распояшут поясов своих от чресел своих и не расторгнутся ремни сапог их, их же стрелы острые суть, и луки их напряжены, копыта коней их, как твердый камень, вменилися; колеса колесниц их, как буря, злятся, как львы, и предстали, как львища». Видите, сей род уже не таков, потому что там же следует, что «воззрят на землю — и се тьма жестокая в недоумении их». Сего роду был и Авраам: «Ужас нападет на Авраама». Откуда ж возьмется недоумение и ужас? Из разделения между светом и тьмою: Израилю страх господен родится.

Антон. Пришел мне на ум Иаков. Сей также, пробудясь от сна, убоялся и говорит: «Как страшно место сие...» Пришел на ум и Павел, озаряемый светом небесным на пути: «Трепеща же и ужасаясь, говорит: «Господи!

Что мне хочешь творить?»» Но любезная невеста весьма отважно говорит: «Крепка, как смерть, любовь; жестока, как ад, ревность; крылья ее — крылья огня; угли огненные — пламя ее». Сия также, видно, родня есть Израилева. Разделила воды, нашла пламень с Авраамом и влюбилась в него: «Вода многая не может угасить любви». Не ужасается, но тает от любви.

К в а д р а т. Невеста давно уже обозналась, узнав себя, и не впервые то говорит так, как и Давид: «Отразился на нас свет лица твоего». А прежде кричал: «Страх и трепет придет на меня...»

П а м в а. Самая правда. Она давно уже прежде сказала: «Душа моя изойдет во слово его». Вышла и сыскала того, что «небо и земля мимо идут», да не слова его. Искала ночью — не нашла. Потом, рассекши и бросив в стороны всю ночь, напала на то сокровище свое: «И свет во тьме светится». А сим самым истолковала для нас, что то значит «Книга Исход».

Д р у г. «Книга Левитская» [36] вся согласна с нашим пением. А если она не по господу, правде и царствию его, тогда уже давно нет ее в числе духовных книг. «Дух есть бог», «господь дух есть». Воспойте господу! Но смотрите, чтоб была песнь новая. Принесите господу, но чтоб все то было чистое. Все то старое, что тленное, все то нечистое, что проходящее. Новому новое дай, чистому — чистое, невидимому — тайное. Представьте себе прекраснейший, благоуханный нагорный сад, непрестающей утехи исполненный. Сколь желательно гостям войти в него. Но продраться нельзя. Непроходимые чащи, непролазный терновник, струповатые места окружают рай сей. О дражайший рай! Сладчайшая истина господня! Когда продеремся к тебе? Не допускает нас терновник церемониальный. В нем-то мы увязли.

А ты по ту сторону сей жестокой стены чуть-чуть блистаешь, радость наша. Но кто сквозь сию пустыню проведет нас? Блажен, кто узнал себя! Сей один имеет пастыря и вождя своего. С сим вождем Давид пролазит стену, не боится посреди самой тени смертной. Слово его был жезл внутренний Давиду. С сим жезлом он взошел на самую гору царствия божия и правды его. Страх божий вводит во внутреннюю Библии завесу, а Библия, тебя ж самого, взяв за руку, вводит в свой же внутренний чертог, которого ты отроду не видывал, к тому другу,

о котором Соломон: «Великая вещь — человек и дорогая — муж, творящий милость. Мужа же верного великое дело обрести». И тогда-то бывает то приточниково ж: «Брат, от брата помогаемый, как город крепкий». Библия есть брат-то наш. Он родился для сохранения нас, братьев своих. К целой Библии, не к одному Иеремии, говорит господь: «Сын человеческий! Стражем дал тебя дому Израилевому». Разве не слышите, что невеста поет: «Положил меня стражем в виноградах». Бродишь неведомо где, по пустым околичностям, а она тебя старается ввести в спальню матери своей. Да и о Христе недурно написано: «Она же, возомнившая, что садовник есть». Конечно, схож на садовника. Все богословные пророки, будто хранители сада.

Мы ж уже слышали Исаию, что виноград господа Саваофа есть то дом Израилев. Мы тут же. Да мы ж то сами дом есть божий. Они-то берегут: дабы мы не сошли из дома господнего и от него самого с блудным сыном в страну далеко или в Иерихон с падшим в разбойники. Все сии стражи в одном человеке, я один во всех дух. Вот один! И первый сторож «возвратится в дом твой». Вот другой, Исаия: «Идите, люди мои, войдите в храмину вашу». Се-то те херувимы с пламенным оружием, хранящие внутри себя путь дерева жизненного, их же стрелы острые; вид их — как свечи огненные, лицо — как опаление горшка, род, спасаемый от господа, серафимы, носящие уголь божией премудрости. А как сами они колесницею и престолом живущего внутри их господа суть, так и нас, заблуждающих на концы земли, возвращают во внутренность нашу, к главе нашей, к тому дереву жизненному, будто к безопасному ковчегу, о котором приточник: «Дерево жизни есть всем держащимся ее и поклоняющимся ей, как сила господа». Мы ж, повинуясь им, вот что слышим: «Вы, друзья мои, и творите то, что я заповедаю вам». Отселе ничего не слушаю, если оно не ведет меня во внутреннейшую во мне скинию откровения. Там-то для меня рай сладости, а в нем плод дерева живого и воды такой же. Полно! Не говори больше мне никто ничего...

Памва. Принесите господу, сыну божиему. Сын божий Израиль приносит живому богу своему жертвы и дары. На что? «Да не пропадет душа их». Рассуди сие, «чтоб не пропала душа их...» Дай нам, господи, хоть

немножко откушать, что оно значит? «Да заколют тельца перед господом»,— говорится там... Не коли! Слышь, не коли! Знай себя! Слушай Исапю: «Что мне множество жертв ваших? — говорит господь.— Тука агнцев и крови юнцов и козлов не хочу. Кто взыскивает сего из рук ваших?..» Разве ты позабыл, что бог наш есть огонь? Какая ж глупость нести мясо перед очи, перед пламеннодышащие очи того, пред которым всякая плоть, как солома, горит и исчезает? «Принесите господу, — слушай Давида,— славу и честь». Если можешь вкус чувствовать в том, чего ты никогда не жевал, то можешь и любить то, чего не разумеешь. Знай же себя! Тут-то он.

Антон. Не разумели сего глупые жрецы. Думали, что дело в том состоит, чтоб заколоть тельца и сделать пир хорошенький. Описывает их дурость Исаия: «Те сотворили радость и веселье, закалывая тельцов и жрущие овец, как есть мясо и пить вино, говоря: — Едим и пьем, ибо утром умрем...» Сих утученных скотов называет Амос телицами васанских пажитей: «Жрецы, послушайте! Слышите слово сие, юницы васанитидские...» Послушай, какого тельца палит и сокрушает за любовь к господу тот же Мойсей во «Второзаконии»: «И грех ваш, его же вы сотворили, т.е. тельца, взял его и сжег его на огне, избил его и стер его очень, чтобы был дробен и был как прах...» Заколи грех в тебе, о человек! Убей в себе упрямость твою и гордость, досаждающую голосу закона вышнего. Сотри и сожги ее жаром любви твоей к богу. Послушай Мойсея и искорени зло из себя самого. Вот жертва! Вот запах благоуханный господу! Вот приношение спасительное душе твоей! Разумейте сие вы, забывающие бога. Слушайте, что говорит: «Жертва хвалы прославит меня, и там путь, им же явлю ему спасение мое».

Квадрат. О сих упрямых богу тельцах можно сказать со Сираховым сыном: «Не возноси себя советом души твоей, да не расхищена будет, как юнец, душа твоя...» Нельзя упрямого юнца посвятить богу.

Памва. Иеремия точно тельцами и волами их называет: «Веселитесь и велеречивайте, расхищая наследие мое. Прыгайте, как тельцы на траве, и бодайте, как волы». Конечно, сим-то тельцам бог в «Книге Левитской» с угрозою говорит: «Если не послушаете меня и не сотворите повелений моих сих, не покоритесь им и о судьбах моих вознегодует душа ваша, изжену-де вас из насле-

дня». А наследие божие — вот оно: «Наследовал откровения твои вовек».

Друг. Стефан в «Деяниях» на сих же упрямых волов кричит: «Жестоковыйные и не обрезанные сердцем...» Но вот же смиренный и обрезанный телец! «Сердце сокрушенное и смиренное бог не...» Когда такое кто сердце сыщет, вот тогда-то, боже, возложит на алтарь твой тельцов.

Антон. Ах! Изрядные юнцы! К сим-то тельцам говорится: «Возьмите иго мое на себя». О сладчайшее иго!» «Благо есть мужу, — плачет Иеремия, — когда возьмет ярмо в юности своей». «Благо мне, ибо ты смирил меня...» «В чем исправит юнейший (человек) путь свой?» Вот в чем: «Когда сохранит слова твои».

Брось, друг, тельцов да козлов. Примись за себя. Убей для бога в себе самом воловую упрямость. Останется в тебе другой бык. А вот он: «Иосифу Мойсей говорит: от благословения господнего земля его, от красот небесных и росы, как первородного юнца, красота его, рога единорога — рога его, ими языки избодает, вместе даже до края земли. Вот мужеский пол непорочен!»

Квадрат. Библия есть человек, и ты человек. Она есть телец, и ты тоже. Если узнаешь ее, один человек и один телец будешь с нею. Узнай же прежде себя. Она с дураком дурна, а с преподобным преподобна. Бездельниково падение, а доброму восстание. Узнай же себя. Раздели меж добром и злом, меж драгоценным и добрым, подлым и злым, узнаешь ее в ней, а без сего наешься яда. Без сомнения, се тот телец, что Авраам представляет всевожделеннейшему своему триликому гостю. К сему тельцу и премудрость: заколов свои жертвенные, зовет тебя. Сего представляет и отец блудному сыну, однако ж в то время, как он уже вернулся домой.

Сего-то тельца принеси богу. Сим одним умилостивишь его и очистишься от всех заблуждений твоих, а не тем, что в мясных рядах продается. Ему посвятишь, да и сам будешь есть с ним и для него, потому что и телец прекрасный сей его ж есть. Узнай же прежде себя. Не броди по планетам и по звездам. Воротись домой. Тут отец твой, и тельца того, он тебе сам представит его: бог — бога, правда — правду, истина — истину. Истина от земляной плоти тельцовой воссияет, а правда с небес отца твоего приникнет. Вот в то-то уже время правда и мир

встретятся и поприветствуют друг друга. Тогда скажешь: «Мир с богом имеем».

Антон. «Да возложит руку свою на голову тельца перед господом...» Сие делать должен жрец помазанный. А что ж есть, во-первых, помазанный? Вот слушай: «Дух господен на мне, его же ради помазал меня». Помазанный на помазанного возлагает руку, духовный на духовного тельца, потому что «душевный человек не приемлет» (видно ж, что и не возлагает руки), которые суть духа божия, юродство бо ему есть. Пожалуйста, узнай себя. Узнав в себе отца, возложить можешь руку на сына. Никто не может к сему тельцу прийти, если не отец к нему привлечет его. Послушай Павла: «Дух все испытывает, и глубины божие...» Павел, узнав себя, помазался духом: «Мы же не духа мира сего приняли, но духа, который от бога». Потом уже приступает к таинственному тельцу, говоря: «Да знаем, которая от бога дарованная нам». Святейшая Библия спасительный есть телец, от бога нам дарованный.

Квадрат. Вот тебе телец. Иезекииль: «Была на мне рука господня, и видел...» Кто себя не знает, тому Иезекииль есть слепцом. Узнай же себя, помажься духом, наложи руку на него, вдруг скажет: «И видел...» А что ж он видел? Между прочим, видел и лицо телячее. Ах, друг мой! Пророк для тебя и слеп и мертв, если приходишь к нему без духа божиего. Возможно ль, чтоб увидеть тебе в нем силу божию, руку божию, если не увидел ты в себе того, до которого Давид: «Руки твои сотворили меня». Узнай себя и возложить можешь на него руку, сущую в тебе, божию. Дух духа познает; брат брату помогает; рука руку знает. Как приступишь, плоть, лишенная духа, к духу? Если бы ты узнал себя, мог бы сказать с тем же пророком: «Была на мне рука господня, и изведет меня в духе господнем, и поставит меня среди поля, оно же было полно костей человеческих». Оживляет Иезекииль мертвые кости, наводит на них жилы, плоть, кожу — все новое и дух жизни. Чудо! Встает на ноги свой собор многочисленный. Кости сии есть дом библейный, и ты сам дом. Как пророчешь на сухие и бесплодные кости ее, не имея в себе духа? Одно говорю: все от тебя зависит — знай себя. Ты телец: на себя руку возложи, потом на брата, и будете как утвержденное царство.

Памва. А Лука богогласный разве не телец? Телец — Мойсей, телец — Исаия, телец — Павел. Сии все

есть от стада господнего, отрыгающие жвание и копыто раздвоившие. Видящие со Иезекиилем видение славы господней. «Видел славу его...» Со всеми сими была рука господня, и изошли, и взыграли, как тельцы, от уз разрешенные! Сии все суть в господе, а господь в них. Возьми из сих тельцов какого ни есть. Пожертвуй его, но пожертвуй господу. Господние тельцы суть. Вкушай их с господом и пред господом. Не примешивай ничего твоего. Вот Мойсей как учит есть: «И есть будете там, пред господом богом вашим, и возвеселитесь о всех, на них же возложите руки ваши вы и домашние ваши, как тебя благословил господь бог твой... Да не сотворите (слушай гораздо) там всех, кого вы творите здесь ныне, каждый угодное пред собою». Пожалуй, с рассуждением кушай. Внимай крепче, чтобы не есть крови. Что только там говорится, все то новое, чистое, все господнее. Не думай, что там очи, уши, ноги, руки твои. Не твое, но божие там все, до последнего сапожного ремня от питочки. Как могут о плоти говорить, которые не от плоти, не от похоти ее, но от бога родились? Вот же тебе полная Библия непорочных мужеского пола, божиего рода тельцов для очищения твоего. Твое только дело взять одного любимого на жертву, наложить руку на него. Но первее загляни внутрь себя. Рука твоя — не рука. Рассудись сам с собою и сыщи в себе руку крепкую и мышцу высокую. В то время ей последуя, насладишься высоким умом сей бессмертной трапезы. Если ж сам не можешь, принеси к помазанному духом божим толковнику: сей служитель божий послужит тебе. «Понеже уста Иереовы,— говорит Малахия,— сохранят разум и закона взыщут от уст его, ибо ангел господа-вседержителя есть». Но все сие тогда сделается, как начнешь узнавать себя, а без сего никоим образом законные жертвы принести нельзя.

Друг. «Утробу и ноги (тельцу) да измоют водою...» Вот тебе один с омываемою утробою телец: «Сердце чистое создай во мне, бог, и дух...»

Антон. Вот тебе и другой! Других омывает, сам омытый: «Измойтеся и чисты будете...»

Квадрат. На, вот вам и третий: «Говорит Иаков дому своему и всем, кто с ним: «Отвергните богов чужих, которые с вами, среди вас, и очиститесь, и измените ризы ваши, и, восстав, взойдем в Вефиль, и сотворим там жертвенник богу, послушавшему меня в день скорбения...»»

Памва. Вот вам еще прекрасный юнец! Брат невесты: «Умыл ноги мои, как оскверню их?»

Друг. А о нечистых молчите? Ах, когда б умножились сии! «Дам законы мои в мысли их, и на сердцах их напишу я, и буду им богом, и те будут мне людьми, и не научит каждый ближнего своего, говоря: «Познай господа, как все познают меня от мала до велика»». «Изолью от духа моего на всякую плоть, и пророкут сыновья ваши, и дочери ваши...» О сладчайшие пророки! Когда дождемся, чтоб и нам быть такими тельцами? Беда наша, что мы не узнали себя, а в себе того, о которого внутреннем присутствии повыше Иоиль говорит там же: «И увидите, что посреди Израиля есмь, и я господь бог ваш, и нет иного, кроме меня». Вот тогда-то уже следует: «Не посрамятся люди мои вовек». И тут-то рядом: «Изолью от духа моего на всякую плоть...»

Антон. Вот же вам и нечистого тельца выводит Аввакум: «В злобе говорящему к дереву: ободрися, встань! и к камню: возвысись!» А то есть мечтание, кование золота и серебра, лишенного всякого духа.

Квадрат. Сей телец весьма годится для идолов. Он не знает о себе и о своем доме, о котором там же непрерывно говорит чистый наш телец Аввакум: «Господь же во храме святом своем, да убоится лица его вся земля».

Памва. Сей телец родной урод есть. Он жвания не отрыгает, потому что не может есть израильского тельца, да у него ж и копыто не двойное.

Друг. Языческие тельцы очень разнятся от израильских. Жвачка у них одинаковая и копыта вместе слитые. Так их природа велит. Язычники все означаются сим именем (Вавилон), а сие значит смешение, или слияние. Одну они наружную плоть видят и ей везде удивляются, описывают, измеряют, а находящуюся во плоти духовную истину, не зная ее, смешивают с плотью и называют мечтою. Но наш дивнозритель, телец Аввакум, примечай, что, напротив того, всякое дерево, камень и серебро и всю внешнюю плоть мечтою зовет, провидя в ней нетленную божию истину и познав дома того, которого наружностелюбцы, проминув, несыто волочатся по облакам. И се-то есть быть пророком, то есть глазастым и прозорливым.

Антон. О сих не истине, но идолам посвященных тельцах вот Варух: «Отвори, господь, очи твои и посмот-

ри, как умершие, которые в аду, дух которых поднялся от утроб их, воздают тебе славу и оправдание господу, но душа, сетующая о величии зла, которая ходит слякотная и болящая, и очи исчезающие и душа алчущая воздадут тебе славу и правду, господь».

Квадрат. Варух говорит об обоем роде тельцов: чистых и нечистых. Вот тебе нечистые: «Которых поднялся дух от утроб их». Теперь скажи, чем умоются? Не нашли, потеряли в себе дух: «Поднялся дух от утроб их». Отнялось же от них и царствие божие и правда его. Отнялось затем, что не нашли. Не нашли же через то, что не узнали себя. Но душа алчущая не тех ли означает: «Блаженные алчущие?» Сии с Давидом сетуют, болезнуют, о злобе негодуют, ходят слякотные, исчезают очи их во спасение божие. «Когда утешишь меня?» «Да придет царствие твое!» Все сии по времени со Исаиею говорят: «Сего ради чрево мое на Моава, как гусли, возгласит, и внутренности мои, как стену, обновил ты».

Памва. Сие блаженное утроб тех обновление вот у Иезекииля: «Воскропят на вас воду чистую, и очиститесь от всех нечистот ваших, и от всех кумиров ваших, и дам вам сердце новое, и дух новый дам вам». А где тот счастливец, о котором можно сказать: «Омылся ты, оправдался ты»? Где те голубиные очи, сидящие на исполнении тех вод, о которых наперсник: «Аще кто жаждет, да придет ко мне и пьет. Реки от чрева его истекут воды живой». Сие же говорит о духе...

Друг. Сии-то чистые тельцы могут приносить в жертву святейшего тельца господу так, как Авраам Исаака. Но не омытые сею водою и, сказать, бессердечные сердца как могут возложить руку на голову тельца? Они в себе самих главу господа своего потеряли, и кто ж их приведет до тельцовой? Потеряв в себе, сыщут ли в другом? Вот разве как наложат руку: «Воспойте его, ибо на господа возвеличился. И поразит Моав руку свою о блевотину и будет в посмешище и сам...» Может ли сердце, смешением языческим обладаемое, разделить в сем тельце плоть и кровь от духа, а смерть от жизни, негодное от тука? Может ли содрать покрывало срамной кожи, не узнав того внутри себя, через что престает покрывало? Может ли возложить на алтарь огонь и дрова, не зная и не видя в доме своем нерукотворенном скинии откровения господнего? Вот кто дрова имеет: «И показал

ему господь дерево...» «Вот в невесте огонь!» «Крылья ее — крылья огня». Вон посмотри алтарь! Послушай: «Имеем же алтарь...» Вот отделяемый тук! «Да даст тебе бог от росы небесной и от тука земли...» Что то за тук? Послушай Мойсея: «Возвел я на силу земли, насытил их житами сельскими, сосали мед из камней и елей из твердых камней, масло коровье и молоко овечье с туком овечьим и бараньим, сынов юнчих и козлих, с туком пшеничным и кровь гроздьев или вино».

Библия есть обетованная земля. На ней стадо божие и чистое есть Израиль. Вот тебе юнца сын, прекрасный Иосиф, насыщающий братию свою во время голодное туком пшеничным. Вот тебе другой сын барана, агнец. «Плоть моя истинная есть мука́». Вот тук! «Плоть ничто же...» Разве не знаешь, какого агнца омывает креститель? Не хочешь ли взойти на благоту и на тук земли божией? Вот так: «Се я пошлю ангела моего перед лицом твоим, перед очами твоими, над лбом твоим, да сохранит тебя на пути и да введет тебя в землю, которую приготовил тебе. Внимай же себе и послушай его». Хочешь ли принести тельца в жертву богу твоему или агнца? «Внимай же себе крепче, чтобы не есть крови, да благо тебе будет и сынам твоим по тебе вовеки...» Не упивайся кровью плотского твоего вина. «Пей кровь праведную (плоть ничто же), кровь господнюю, кровь духовную». Не говори, что одна твоя только лишь есть кровь. Сим опровергаешь истинного духовного человека, созданного по богу в правде и преподобии истины, и умножаешь число тех безбожников у приточника: «Сын, да не прельстят тебя мужи нечестивые; иди с нами, приобщись крови, скроем же в землю мужа праведного неправедно, пожрем его, как ад, живого и возьмем память его от земли». Таковая жертва есть идольская мерзость, а не запах благоухания господу: бог божие любит.

А н т о н. О сих, оскорбляющих Израиля, вот что поет Исаия: «Оскорбившие тебя съедят плоть свою и выпьют, как вино новое, кровь свою, и упьются». И се-то те волки, до утра не оставляющие: «Да едим и пьем, ибо утром умрем».

К в а д р а т. Таковая-то была когда-то и дочь иерусалимская, которой вот что у Иезекииля бог говорил: «Корень твой и бытие твое от земли Хананейской: отец твой аморреянин, и мать твоя хеттеянка, и рождение твое:

в тот же день родилась ты, не отрезали тебе пупа и водою не омыли тебя на спасение, ни солью не осолили, ни пеленами не обвили. Но вот что дальше к ней говорится: «И простер крылья мои на тебя, и прикрыл стыд твой, и клялся тебе, и вошел в завет с тобою, — говорит Адонай-господь, — и была ты мне, и омыл тебя водою, и ополоскал кровь твою от тебя, и помазал тебя елеем». Дочери иерусалимские суть: Руфь, Юдифь, Есфирь, Сусанна, Мариам. Сии все блудничьим покрывалом покрытые так, как невеста Иудина Фамарь. Так тебя можно принести из сих юниц прекрасных и высокоскачущих коз в жертву господу. Узнай же прежде в себе того, кто говорит: «И покрыл стыд твой». А без сего будет тебе то, что старикам, влюбившимся в Сусанну. Или то, что пострадал первый сын Иудин, Ир: «Был зол перед господом, и убил его бог». То же случилось и меньшему его брату, Аукану. С сим та же прекрасная Фамарь женою жила. Но сей беспутный свое семя хотел восстановить, а не брату тому, о котором: «Брат мой мне, и я брату». И умертвил бог и сего. Для чего ж Иуде сия прекрасная в дочерях иерусалимских родила вселюбезнейшего Фареса? Вот для чего: «Уклонился же к ней путем». Каким? Оным: «Путь заповедей твоих тек». Видишь ли, с кем пришел к ней? Уже знал несколько себя, чувствовал внутри голос и, имея духа, дал ей в залог перстень. Что есть перстень? Есть циркуль, колесо, вечность. Слушай Иезекииля: «Дух жизни был в колесах». Слушай Давида: «Голос грома твоего в колесе». «Судьбы господни истинны, вожделенны паче золота...» А кои без сего перстня обручают себе невест сих, не родится у них первенец, богу посвящаемый, потому что нельзя о них сказать сего: «Иосиф муж ее, праведен сущий», но сие: «Соблудил Ефрем».

Памва. О сих, точно слепцах, крепко приказывается Моисею: «Да не приступит принести жертв богу твоему». И о таковых-то тупоких птичках говорит Осия: «Не возвратилися к господу богу своему, и не взыскали его во всех сих, и был Ефрем, как голубь безумный, не имущий сердца». А в начале «Левитской книги», после тельца, и агнца, и козла, говорится о птицах: «Принесет от горлиц или от голубей дар свой». Так вот безумные голуби! Знай себя!

Друг. Библия ничего не говорит, что бы не касалось человека. Бестолковым голубям говорит Иеремия вот

что: «Оставьте города и пребывайте на камне, жители Моава, и будете, как голуби, гнездящиеся в камнях, у входа пещеры...» Вот камни, от которых пропали старцы, влюбившиеся в Сусанну, и из коих безмозглую птицу Сомнаса, строителя дома, изгонит Исаия: «Что ты здесь и что тебе здесь? И вытесал ты себе здесь гроб, и там умрешь». Сии-то блудники силятся непорочную Сусанну растлить, Библию. Прилепляются блудице, плененные плотью своею, и, превратившись в нее, заходят в ад. К ним у Иеремии: «Был ни во что блуд ее, и осквернила землю, и соблудила с камнем и с деревом». О них приточник: «Души мужей, женам подобных, взалчут, всегда учась, но никогда не научаясь». Но они сами виною, не распознав в себе языка злого от доброго. Для того там же вместе выше у приточника: «Уста безумного приводят его на зло, уста же его дерзостные призывают смерть».

Антон. Но кто есть чистая голубица? Вот вам одна: «Кто даст мне крылья, как голубиные?» Выпустите, любезные друзья, пред очи мои легкопарных и быстрозрачных голубей. Докучили уже мне сии Исаины: «Осяжут, как слепые, стену и как сущие без очей умирающие восстанут, как медведь и как голубь, вместе пойдут».

Квадрат. Вот же тебе одна посланница летит из ковчега: «И возвратилася к нему голубица к вечеру, и имела ветку масличную с листьями в устах своих».

Памва. О блаженные очи твои! Усмотрели сушу, увидели землю, рождающую обилие травное, сеющее семя по роду и по подобию. Кто тебе отделил от воды сушу? Скажи, любезная! Отец мой, Ной мой, мир мой. Я знаю его. Я с ним в доме его. Я сидела в ковчеге, не летела без него в мир сей, потопляющий беззаконников и омывающий грехи. Он сам меня послал к морю сему, к потопу божиего разума и премудрости его, к водам Священного писания. Послала меня истина к милости, а мир к правде. Для того-то не сожрала меня, как прочих, морская глубина. Вот! Несу ветку масличную оттуда, откуда многие — гибель, желчь и смерть.

Милость и истина встретились, а по семи днях иссякнет вода из лица всей земли. «Господня земля и исполнение ее». В то время уже не стану укрываться в ковчеге, почивая в том, что есть всяческое во всем. «И полечу, и почию».

Друг. Трудно усмотреть сию землю. Двенадцать старшин посылаются от Мойсея для того, чтоб рассудить, чтоб усмотреть, чтоб заглянуть в нее, но из самих тех выборных соглядателей два только годились: Халев да Иисус, а прочие только развратили людей. Одна прозорливая голубица, дражайший Халев, вот что сказывает: «Земля, которую соглядал, очень добра. Если любит нас господь, введет нас в землю ту».

Антон. Чтоб сию блаженную землю провидеть, возводит бог Мойсея на высокую гору. Гора сия Аварим то же значит, что пасха. На сей горе и он почил с голубицею. «И полечу, и почию». Но не отемнели очи его.

Квадрат. Разделяется суша от воды, разделяется обетованная земля от языческой. Там почивает голубица, а в нагорней земле Израиль. О которой: «Перестала земля воюемая быть». «Почила земля от брани». Ах, дражайшая земля! Покой наш! Кто нам возвестит о тебе? Где голубица? Где соглядатель?

Памва. Где те крылья голубиные, посребренные? Где красные ноги на горах благовествующих мир, благовествующих благо? Кто нам по крайней мере скажет о той высокой и далекой земле, о которой: «Животные твои живут на ней, бог! Когда исходить тебе пред людьми твоими». Тогда разве за твоим предводительством земля сотрясется, разделится надвое, усмотрим сушу. Небеса росу дадут, а земля принесет плод свой.

Друг. Кто узнал себя, тому даст слово к благовествованию царь сил, тот, о котором приточник: «Царь праведен возвышает землю, муж же законопреступник раскапывает». Сию землю сколь трудно усмотреть, послушай Петра: «Таится сие от них, хотящих знать». А что такое? Вот что: «Небеса были сперва». А еще что? «И земля от воды и посреди воды составленная божиим словом». Один Израиль ее жаждет и видит. «Как душе жаждущей студеная вода благоприятна, так весть благая от земли издалека».

Памва. Кто ж нам жажду сию утолит? Где то око, о котором: «Видящее око доброе веселит сердце, слава же благая утучняет кости»?

Друг. Вот тебе летят благовестники! Слушай Исаии: «Господь Саваоф заповедал язычнику-оружеборцу прийти от земли издалека, от края основания небес, господь и оружеборцы его растлили всю Вселенную». О сих же

поминая, называет их птицею. «Все, что завещал, сотворю, призывая от востока птицу и от земли издалека...» Теперь вспомни и тех птиц, которые при Аврааме сели на разделенных пополам телах.

Антон. Смотри, Квадрат! Вот еще голубь, Езекия у Исаии! «Как ласточка, так воспою и, как голубь, так поучусь. Исчезли очи мои, чтобы взирать на высоту небесную к господу, который избавил меня». Весьма согласно с Давидом говорит: «Помянул лета вечные и научился». «Помяните первое от века, что я есмь бог, и нет еще, кроме меня, возвещающего первее последующее, прежде чем быть ему, и тотчас сбылось». Видишь, куда голубиное око смотрит? На надежную вечность. Сюда-то исчезло целое сердце Давидово, ничего тленного не мыслящее. «И сперва познал от откровений твоих, что вовек основал я». Вот тебе и кольцо Иудино, прелюбезной Фамари в залог данное, и золотая гривна, и жезл. Вот тебе и ветка масличная: «По милости твоей, по судьбе твоей живи меня».

Квадрат. Благодарю за сию пару, за Езекию с Давидом. На ж тебе за них одну голубку прелюбезную брату своему! Брат ее, лежавший до третьего дня не в брюхе китовом, но в каменном гробу, новый наш Иона, сиречь голубь, всемилостивейше изволит к ней говорить: «Ты, голубица моя, в покрове каменном близ предстения яви мне вид твой и сотвори слышимый мне голос твой, ибо голос твой сладок и образ твой прекрасен». Покров сей каменный, в котором она находится, не думай, что то пещера и ложе аспидское есть, поминаемое Исаией, но другая пещера, повыше аспидской. «Отрок молодой на пещеры аспидов и на ложе исчадий аспидских руку возложит». Приметь: «на пещеры», то есть над пещеры, повыше пещер тех. А то бы и ее Исаия из аспидских ложей выгонял так, как Сомнаса: «Что ты здесь?» Или другой бы, кроме Исаии, молниевидный ангел сказал бы ей: «Нет здесь! Восстал!»

Ищи повыше! На высоких краях есть. О горнем мудрствуй. Зачем ползаешь по тленной подлости со змием? Хитрая ты, как змий, да не имеешь чистого ока голубиного и непорочного, о котором Аввакум: «Чистое око, чтоб не видеть зла и не взирать на труды болезненные. Труд и болезнь в сердце их». «Доколе положу советы в душе моей...» Но сия добровзорная птичка в ту расселину влетела: «Положу тебя в расселине камня». Там-то сия пти-

ца обретет себе храмину. Сюда, кроме Мойсея, вводит бог и Иезекиля: «И ввел меня к предвратию двора, и видел, и се скважина единая в стене. И говорит ко мне: — Сын человеческий, раскопай стену.— И раскопал, и се дверь единая». Тут-то все его видение, пророчество и премудрость, как увидел скважину, как раскопал стену, которую и Давид пролазит, да однако ж, под руководством божиим. Так и не дивно, что не в стене, но близ предстения находится невеста. Близ предстения, но уже за стеною, но ту сторону, миновав ее, или с Давидом, или по-израильскому разделив с Авраамом: «И сядет близ них Авраам».

Антон. Ах! Сколько ты одолжил душу мою сею птицею! Достойна она такого брата, а брат такой же сестры. Заплачу ж тебе за нее целым стадом у Исаии: «Кто они, что, как облака, летят, и, как голуби, птенцами ко мне».

Квадрат. Мило мне сие стадо. Да и самому господу милы сии гости. Он будто вышел навстречу им и от радости спрашивает: «Какие суть?» И будто то же говорит к ним с простертыми к объятию руками, что к невесте: «Ты голубица моя!»; «Вы друзья мои!» Раб не знает, что творит господь его: ваши же очи блаженны. Светлый светлых, голубь голубей, отец сынов, дух духа встречает: «Возведи окрест очи твои и посмотри собранных детей твоих издалека».

Памва. Голубь — Иона, голубь — Исаия, и все прозорливцы — пророки. Принеси в жертву дары из сих голубей к богу твоему. Принеси ж (знай) пару. Другой голубь должен в тебе быть и есть, только узнай его. Узнай себя.

Друг. Омыв посвящаемого за грехи агнца, креститель увидел духа божия, сходящего, как голубя, и грядущего на него. Дух к духу, подобный к подобному идет. Но никогда б сего не было, если б прежде не узнал бы внутри голоса говорящего: «Сей есть сын мой...» Начало и конец тут: знай себя.

Антон. «Видит духа божия, сходящего, как голубя». Сие сходно с тем: «Слетели же птицы на тела растесанные их». Там гром голоса, а тут ужас на Авраама.

Квадрат. Голубь есть всяк человек. Но должен слушать Софонии: «О светлый и избавленный град, голубица!» Но то беда, что далее говорит: «Не услышал голоса,

не принял наказания, и к богу своему не приблизится». Для того ж то самого и не приблизится, что не слушает голоса грома: знай себя.

Памва. Принесет от горлиц или от голубей дар свой. Что за горлицы? На что богу горлицы? Пускай их охотники и птицеловы ловят! А ты знай себя. Все то тебе надлежит. Ты сам горлица! В тебе горлица! Узнай себя! Вот тебе горлица! «Сколь возлюбленны селения твои, господи сил!» Чувствуешь ли горячее желание сей горлицы? «Желает и скончается душа моя...» Не спит и вздыхает сия горлица на уединенных ветвях. «Если дам сон очам моим?» Сон есть всякая плоть. Но ее взор острый презирает все то: не удостаивает смотреть, отвращаю око от суеты. «Что бо мне есть на небеси...» Ах! «Все, удаляющиеся от тебя, погибнут». «Сердце мое и плоть моя возрадовались о боге живом». Вижу дворы твои и исчезаю в них. Они гнездо мое. «Там птицы возгнездятся!» На краю небес! Вот тебе горлица! Посвяти ее господу твоему. Узнай себя!.. Там господь твой! А в нем — все.

Друг. Смотри, Памва! До твоей горлицы летит и моя. «Что украшенные ланиты твои, как горлицы?» Ланиты — соседи очам. В голубиных невесты очах живет проницающая, как денница, прозорливость, а на ланитах, как на красных ягодах, чистота, верность, ревность и то желание: «Желания благочестивых наслаждают душу, дела ж нечестивых далеко от разума».

Антон. А Иаков разве не горлица? Он так же поставил кущу свою на горе, как горлица гнездо себе, и до него так же тесть Лаван вот что говорит: «Желанием возжелал ты отойти в дом отца твоего». «Желает и кончается душа моя в дворах господних».

Квадрат. Но что то за ланиты у горлицы? Ланиты — то ж само, что лицо, а о лице слушай приточника: «Лицо разумное мужа премудрого, очи же безумного на концах земли». Видите, что тут очи и лицо — все то одно. Так не дивно, что и богу в дар приносится хоть голубей, хоть горлиц пара. Голубица взором проницает, горлица того же жаждою желает. Как можно любить, не проникнув? Как же, не любя, и проникнуть? Спя-то сердечная пара богу любезная. Она-то прозирает божию землю, жаждет сыскать ветер милой любви и любезной милости. Голубица ищет: «Яви мне вид твой», а горлица жаждет: «Сделай слышимым мне голос твой». Голубица: «Как об-

раз твой прекрасен», горлица: «Как голос твой сладок». Та взор простирает, а сия — крылья вожделения и, в пару сопряжась, одну птицу составляют. Та находит ветвь на земле новой, на месте злачной, а сия там же на ветвях ворчит в красное весны время: «Се зима прошла! Дождь отошел, отошел себе. Собралася вода, которая под небесами, в собрания свои, и явилася суша, отошла себе зима, цветы явилися на земле, время обрезания винограда приспело, голос горлицы слышен в земле нашей...» Лицо разумное премудрой голубицы усмотрело сушу, а ревностная горлица тоже обрела надежнейшее для своих птенцов место. И как мудрое око той во главе ее, в начале ее, в господе ее, так и птенцы горлицы не на концах земли, не здесь, не внизу, но там — высоко во дворе господнем, перед господом. Там далеко, где города Хеврон и Давир, откуда прилетают птицы, откуда нисходят и восходят ангелы божии, где кроется Давид: «Покрыл меня в тайне лица своего...» А дабы кто не помыслил, что в сих господних птицах наружное лицо и взор восхваляется, пусть слышит Сираха: «Сердце человеческое изменяет лицо его на добро». Сердце чистое рождает голубиное око и горлицын голос. Уста безумных и очи в таком же их сердце живут, сердца же премудрых — корень и глава внешностей их.

П а м в а. Чудный образ, по которому велено приносить в жертву птиц. Велит оторвать голову и сцедить кровь долой. «Да отторгнет главу его (голубову) и исцедит кровь». Так же велит отлучить гортань с перьями и бросить против востока, там, где пепел: «Пусть отлучит гортань с перьем и бросит ее от алтаря на восток, на место пепла». Голубя не велит так, как скота, разделять, а только: «Да изломит его от крыльев и да не разделит». Такая-де жертва — запах благовония господу.

Вот вам пова́рня и дурачество божие!

БЕСЕДА, НАРЕЧЕННАЯ ДВОЕ, О ТОМ, ЧТО БЛАЖЕННЫМ БЫТЬ ЛЕГКО

Персоны: Михаил, Даниил, Израиль, Фарра, Наеман

Фарра. О Наеман! Утешь меня, друг мой...

Наеман. Кто тебя перепугал, брат Фарра? Дерзай! Мир тебе! Не бойся! Конечно, ты сидел в сонмище тех: «Гроб открыт — гортань их...»

Фарра. Те-то сирены наполнили мой слух и сердце жалостным смущенным пением[1].

Михаил. Для чего ж ты себе ушей не закупорил воском так, как древний Уликс[2]?

Фарра. Тайна сия мне неизвестна. А знаю, что они мне пропели много чудес, обескуражившних сердце мое. Не чудо ли сие? Есть-де в Европе некий пророк, святой Иеремей. Он нашел из трав сок, обновляющий ему и друзьям его молодость, как орлиную юность. Выслушайте второе чудо. Некий доктор медицины питался хлебом только и водою и жил без всяких болезней лет 300. На вот и третье! Некий калмык имеет столь быстрые очи, что яснее и далее видит, нежели какая-либо зрительная трубка. Вот чем меня пленили сладкогласные сирены! А мои очи день ото дня слабеют. Не чаю прожить и 20 лет. Кто же мне и какая страна обновит юность? Век мой оканчивается...

Михаил. О Фарра! Не тужи, друг мой. Мы замажем уши твои воском, медом и сотом: вечностью. С нами бог, разумейте, о невежи! И совет ваш и слово разорится, ибо с нами бог. Услышите господа сил, того освятите. «Тот будет тебе в освящение, если будешь уповать на него». А иначе вся ваша крепость, о язычники осязающие, язычники неверующие, будет вам камень претыкания, и камень падения, и падеж сокрушения. «И сокрушатся, и приблизятся, и взяты будут люди, в твердыне

своей находящиеся». О друг мой Израиль! Блаженны мы, ибо богу угодное нам понятно.

Израиль. Взгляни на меня, Фарра. Почто ты пленился лестным твоих сренов пением? Вот влеку тебя на камень претыкания и падения. Почто, забыв господа, святишь то, что не есть святое? «Тот будет тебе в освящение, если будешь уповать на него». Друзья Переминины состареют, опять безболезние докторово прервется, а очи калмыковы потемнеют. «Терпящие же господа обновят крепость, окрылатеют, как орлы, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут».

Даниил. Слушай, Фарра! Разумеешь ли, что значит освятить?

Фарра. Ей-ей, не разумею! Научи меня!

Даниил. *Освятить* — значит *основать* и утвердить. Святое же — значит незыблемое, неподвижное... Когда Исаия воппет: «Господа сил, того освятите», тогда значит, что он один есть свят, т. е. камень тверд, чтобы безопасно основать нам нашего счастия храмину, а не дерзали бы мы святить ни одной твари, как клятву и песок. «Всякая плоть — сено». Слово же божие, спречь основание, сила и дух, пребывает вовеки. Адамант сам собою тверд есть, а мы, только почитая его таковым, делаем твердым. И сие-то есть: «Будет тебе во освящение, если будешь уповать на него». Спречь освятит тебя и утвердит счастия твой домик вечно и неподвижно, если, минув дрянь, весь песок и сено, почтешь единого его святым и твердым.

Фарра. Ай, друг мой Даниил! Не худо ты судил.

Даниил. Плюнь же, голубчик мой, на Веремиеву юность, на докторово тристалетие и на калмыцкие глаза. Истинная дружба, правдивое счастие и прямая юность никогда не обветшают. Ах, все то не наше, что нас оставляет. Пускай будет при нас, пока оставит нас. Но да знаем, что все сие неверный нам друг. Один умирает в 30, а другой в 300 лет. Если умирать есть несчастье, так оба бедны. Не велика в том отрада тюремнику, что иных в три часа, а его в 30 дней вытащат на эшафот. Какое же то мне и здоровье, которому концом слабость? Какая то мне молодость, рождающая мне старость? Ах! Не называй сладостью, если рождает горесть. Не делай долготою ничего, что прекращается. Не именуй счастием ничего, что опровергается. От плодов и от конца его суди всякое дело.

Не люблю жизни, печатлеемой смертью, и сама она есть смерть. Конец делам, будь судьей!

Не то орел, что летает,
Но то, что легко седает.
Не то око, что яснеет,
Но то, что не отемнеет[3].

Вот тебе прямое око, как написано о друге божием: «Не отемнели очи его, ни пстлели уста его».

Фарра. О Наеман, Наеман! Утешь меня, друг мой!

Наеман. О любезная душа! Околдунил тебя голос сладкий, сиренский голос, влекущий лодку твою на камни. Ей! О сих-то камнях голос сей Исаии: «Приблизятся, и сокрушатся, и падут». «Наполнятся дома шумом, и почиют тут сирены». Но не бойся! Господь избавит тебя. Положит тебе в основание камень многоценен, краеугольн. «Тогда спасешься и уразумеешь, где ты был».

Фарра. Не удивляйся сему, что околдунен, а скажи мне, где не слышится голос пустынных сих птиц?

Сирен лестный океана!
Гласом его обаянна,
Бедная душа на пути
Всегда желает уснути,
Не доплывши брега.

Се исполнилось на мне, что я мальчиком певал.

Наеман. А я тебе взаимно из той же песни воспою:

Распространи бодр ветрила
И ума твоего крыла,
Плывущи на бурном море.
Возведи очеса горе,
Да потечешь путь прав.

Фарра. Потолкуй мне, Наеман, что значит сирен? Я слышал, что сирен значит пустынную птицу.

Наеман. Когда не разумеешь, что есть сирен, то не уразумеешь, что есть пустынная птица. Иное разуметь имя, а иное дело разуметь то, что именем означается. Разумеешь имя сие или скажу: звон сей — Христос. Но, дай бог, чтоб ты знал, что сие имя значит.

Фарра. Так потолкуй же мне не имя, но дело.

Наеман. Сирен есть сладкоречивый дурак, влеку-

щий тебя к тому, чтоб ты основал счастие твое на камне том, который не утверждает, но разбивает.

Фарра. Разжуй как можно проще и вкуснее...

Наеман. Столько у вас славных и почтенных любомудрцов! Все сии суть сирены. Они-то соблазняют в жизни сей плывущих стариков и молодцов. Взгляни сердечным оком на житейское море. Взгляни на претыкание и падение плывущих и на вопль их. Один возгнездиться хотел на капитале, как Ноева голубица на холме, и под старость сокрушился. Другой на плотоугодии думал создать дом свой и в кончину лет постыдился. Иной основался на камне милости исполинской и был ему претыканием. Ты думаешь, но и ревнуешь сесть на камень плотской юности, плотского безболезния и плотских очей твоих, и се ожидает тебя претыкание, падение и сокрушение.

Фарра. Брось людские бешенства, а скажи только, что значит пребывание сиренов на море? Зачем на воде?..

Наеман. Затем, что в суете. Не хотят они в гавань и в лоно Авраамово, на матерую и твердую землю со Израилем, но с фараоном. Вот вам благолепная фигура и преподобный образ *надежды* и *обманчивости!* Гаванью, или лоном, образуется упование, а морем и водою — лживость всякой плоти. Во Евангелии камень и песок есть то же. На этом мудрый, а на сем домик себе строит муж беспутный. Ковчег и потоп не то же ли? Вода и елисейское железо[4] не то же ли? Сорокалетняя пустыня и обетованная земля не то же ли? Что только преходит Израиль — все то море, вода, зыбкость — основание и упование юродивых мужей, как написано: «Река текущая — основание их»; «почнют тут сирены»; «возволнуются и почить не смогут; не радоваться нечестивым».

Фарра. Ты уже и много насказал и завел в любопытство. Так скажи же мне: для чего иные толкуют, что Исаины сирены[5] суть то пустынные птицы, а возгнездываются в пустом Вавилоне-граде?

Наеман. О младенец с бабьими твоими баснями! Разжуй только зубом мужским сей час по-Самсонову, найдешь в жестком нежное, а в пустом — пищу. Пустынные птицы — разве то не лжепророки, пустое поющие? Пустой Вавилон — разве то не спренский камень? Не все ли пустое, что суета? И не все ли то вода, что не твердое? Послушай, вот птица! «Ефрем, как голубь безумный, не

имеющий сердца». Учеников сих птиц называет Михей дочерьми сиренскими и, точно о Самарии, которая таких птиц довольно у себя имела, вопиет: «Сотворит плач, как змии, и рыдание, как дочерей сиренских». К сим-то безумным птицам следующий божий отзыв: «Приступите ко мне, послушайте меня, погубившие сердце, сущие далеко от правды». О сих же птицах нечистых Осиа поет вот что: «Как же птицы небесные, свергну я... Горе им, ибо отскочили от меня». Учеников же их называет детьми вод: «Как лев, возревет господь, и ужаснутся дети вод». Дети вод и дочери сиренские есть то же. У Исаии называются отнятыми парящих птиц птенцами. Сии ж сирены называются змиями и гадами. «Сотворит плач, как змии...» «Полижут прах, как змии...» «Пошлю, как гадов на землю».

Зачем туда? Затем, чтоб все дни жизни своей кушали грязь. Сии-то суть ангелы лютые, псы, злые делатели, облака бездождные, водные, земные, духа не имущие...

Фарра. Полно! Полно! Поговори еще мне о добрых птицах. Я уже и разумею, что, конечно, не худо поет оная птица: «Глас горлицы слышен в земле нашей».

Наеман. Несколько тебе благовествующих птиц выпущу из ковчега. Взгляни! «Кто они, которые, как облака, летят и, как голуби с птенцами, ко мне?» Как темна и тонка вода во облаках воздушных, так вода глубока — совет в сердце мужей сих и их птенцов. И как голубины очи выше волнования сиренских вод, так сердце их выше всей тлени поднялось. Взгляни еще на горний хор птиц прозорливых: «Поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе». «Где же труп, там соберутся орлы». Не орел ли то: «Ангел господен восхитит Филиппа»? Не орел ли то: «Не обретется Енох в живых»? Не орел ли то: «Взят был Илия вихрем»? Вот орел парит: «Знаю человека, прошедшего небеса». Вот орел: «Берет Аввакума ангел господен за верх его». Вот орел: «Вознесу тебя, господи, ибо поднял меня ты». Взгляни же на сего любезного орла: «Видел я славу его...» Куда-то они летят? Ах, превзошли они труп и тлень. Устремили взор на того: «Возьмется от земли жизнь его». «Взовьется великолепие его превыше небес». Ах! Взгляни сюда!.. Не се ли та благовестница с масличною веткою из Ноевого ковчега, мир нам приносящая, летит? И, летя, вот что, кажется, поет: — Дерзайте! Да не смущается сердце ваше потопом

вод сиренских! Я вижу холм незыблемый, верхи гор, из-под потопных воли выникающих, провижу весьма издалека землю и гавань. Веруйте в бога: там почием. «Кто даст мне крылья?» «Очи ваши узрят землю издалека». А мне любезная и горлица сия. Летит вверх, поюще: «Воспою ныне возлюбленному песнь». О Фарра! Фарра! Чувствуешь ли вкус в пророчих музах? А иначе беги и приложися к галатам.

Фарра. Веришь ли, что для меня приятнее пение сиренское?

Наеман. Ей, друже, верю, что больше елея имеет во умащении своем льстец, нежели в наказании своем отец, и что ложная позолотка есть блистательнее паче самого злата, и что Продова плясавица гораздо красивее, нежели Захарина Елисавет[6]. Но помни притчи: «Не славна изба углами, славна пирогами», «Не красна челобитна слогом, но законом». В самом сладчайшем яде внутренний вред уничтожает сладость. Предревняя есть притча сия: Ἁπλὸς ὁ μῦθος τῆς ἀληθείας — «У истины простая речь».

Инако поют в костеле, и инако на маскараде. Смешон, кто ищет красных слов в том, кого спрашивает о дороге, и кто лакирует чистое золото. На что пророчим песням блудословие? Пусть покрывается им сиренская ложь! А то, что они поют во фигурах, фигуры суть мешочки на золото и шелуха для зерна божиего. Сие-то есть иносказание и истинная она ποίησις, сиречь творение, положить в плотскую пустошь злато божие и сделать духом из плоти, авось либо-кто догадлив найдет в коробочке прекрасного отроча еврейского, взятого выше вод сиренских человека. «Творят ангелы свои духи (духами)». Вот истинные пииты, сиречь творцы и пророки, и сих-то писания любил читать возлюбленный Давид: «В творениях руку твою изучал».

Фарра. Однак мне приятны и ковчеговы птички. Мудренько поют. Выпусти еще хоть одну.

Михаил. Я тебе выпущу, обратись сюда, Фарра! Возведи очи. «Как ласточка, так возопию, и как голубь, так поучуся».

Фарра. Какой вздор? Громкие ласточки в каких странах родятся? А у нас они то же, что сверчки. Голубь глупее курицы, как может любомудрствовать? Видишь ли, сколь строптивые музы пророческие? Вот каких птиц насобрал в свой ковчег Ной! А мои сирены нежно, сладко,

ясно, громко и самыми преславными модными словечками воспевают. Самые морские волны, кажется, что от их пения поднимаются и пляшут, будто от Орфеевой псалтыри[7], и нет столь глупого скота и зверя, даже и самого нечувственного пня и холма, чтоб их не разумел, чтоб не скакал и с воскликновением не восплескал в ладони, и не дивно, что Вселенную влекут за собою.

Михаил. Не бойся, Фарра. Израиль видит двое. А сие-то есть жезло и власть ему сделать из яда еду, из смерти жизнь, из обуялости вкус, а из шероховатого гладкое и ничтоже его вредит. Он сеет камень, переходит море, поднимает змия и пьет мирру в сладость. Его желудок все варит в пользу, а зубы все стирают и все превращают во благое. Слушай, Израиль! Раскуси ему Езекиину мысль. Испей шероховатую сию речь так, как написано о тебе: «От потока на пути пьет...» О Израиль! Переходи поток, исходи на второе, то есть твое.

Израиль. «Господь дал мне язык...» Ласточка и голубь значат Израиля. Взгляни, Фарра, на стену и скажи, что видишь? Взгляни сюда!

Фарра. Вижу картинку, где написана птичка, поднявшаяся из морского берега и летящая на другой, невидный берег.

Израиль. Сия есть израильская картина, нареченная символ. Ласточка, убегая от зимы, летит через море от северного брега на южный и, летя, вопиет: «Нет мне мира здесь». В сей-то символ ударяет Езекиинного сердца луч сей: «Как ласточка, так возопию». Израиль везде видит двое. Ласточку осязает, а чрез нее, будто чрез примету, ведущую к цели, провидит чистое, светлое и божественное сердце, взлетающее выше непостоянных вод к матерой и теплой тверди. Сие-то есть стоять на страже с Аввакумом, возводить очи и быть обсерватором на Сионе. Необрезанный же сердцем видит одни приметы, без меты. Взгляни, Фарра, и на сей символ. Видишь окрылатевшую деву, простершую руки и крылья и хотящую лететь чрез пучину морскую к возникающим издалека холмам. А любезный ее над холмами из облака взаимно к ней летит уже, простирая к объятию руки свои. Здесь видишь плавающий ковчег. Сия есть чистая жена, о которой написано: «Даны были жене два крыла орла великого». Блаженной сей жены потопом блевотин своих не мог потопить змий семиглавый. Она-то вопиет: «Кто даст

мне крылья?..» Вот тебе, ласточка: «Как ласточка, так возопию...» «Не в силе великой, не в крепости голос ее, но в духе моем»,— говорит господь-вседержитель. «Радуйся очень, дочь Сиона, проповедуй, дочь Иерусалима!» Не ласточка ли Павел, проповедующий не в мудрости слова, и мирского витийства, и сиренского блудословия, но в научении и силе духа святого? А когда ласточка кричит, что для нее северный брег опасен и что узпала она надежный южный брег, так не двое ли она видит? И не то же ли нам благовестит: «Знаю человека», «О сем похвалюся». Не то же ли, что Давид: «И полечу, и почпю»? Не то же ли, что ангел: «Се благовествую вам радость большую»? «Нет здесь...» «Там его узрите...» «Нет мне мира здесь». Сам Езекия, сказав: «Как ласточка» и прочее, сплошь прибавляет сие: «Исчезли бо очи мои», сиречь перестал я то видеть, что прежде видел. Я видел одну воду, одну плоть и кровь, и одну пустошь и суету, и сие есть одно, и есть ничто, посему я и слеп был, видевший то, что ничто и одна только тень есть. Ныне же глупое око мое исчезло и преобразилося в око веры, видящей в телпшке моем обонпол непостоянной плоти и крови, твердь и высоту господа моего, духа божиего, содержащего своею горстью прах мой, и сие есть второе и надежное, второй человек — господь мой. «Он избавил меня и отнял болезнь души моей». Отсюда все воскресшие возблагословят тебя, и я, оживший, как ласточка, так возопию и как Павел, так поучуся. «Отныне бо детей сотворю, которые возвестят правду твою...» «Отныне ни единого не знаем по плоти. Если же и разумели мы по плоти Христа, но ныне к тому не разумеем».

Посмотри же, Фарра, и на другой символ, в центр коего ударяет сия ж Езекиина речь. Взгляни сюда!

Фарра. Вижу. На самом верху камня, в середине моря стоящего, стоит какая-то птичка. Камень схож на сиренский.

Израиль. Как ему быть сиренским, когда голос символов есть таков: In constantia quiesco, сиречь «На незыблемости почиваю».

Какая верность на сиренском, волнами покрываемом? Сей есть каменный холм вечного, возникший из-под вселенского потопа, на котором упокоился Ноев голубь, с таким благовестием: Inveni portum Jesum. Caro, munde, valete! Sat me jactastis. Nunc mihi certa quies[8], сиречь

«Прощай, стихийный потоп! Я почию на холмах вечного, обретя ветвь блаженства».

Вот тебе Ноев голубь! Послушай голоса его: «Лета вечные помянул и научился». «Поставь на камень ноги мои». «На камень вознес меня ты». «Господь — утверждение мое и камень мой».

Вот еще голубь: «С усердием гоню, к намеренному теку».

И как достигну воскресения мертвых? «Разумели мы по плоти Христа, но ныне к тому не разумеем». Пожалуй, посмотри мне и на сына Ионина, спречь голубиного. «Блажен ты, Симон, сын Ионин. Ибо плоть и кровь не явили тебя (меня), но отец мой, который на небесах... Ты камень (кифа), и на сем камне утвержу всю церковь мою...»

Слыхал ли ты о Даниловом камне? Се он есть. Слышал ли замок апокалиптичный? Се он есть. Слышал ли рай? Вот он тебе! Слыхал ли о земле дивной, что от воды и посреди воды? Вот же тебе обетованная земля! Вспомни евангельский маргарит [9]. Вспомни обретенную драхму [10]. Вспомни освобождение, исцеление, воскресение и проч. и проч. и проч. Все сие и все пророческие музы, как праволучные стрелы молниины, в сей святой и единый камень ударяя, путеводствуют. Видишь, Фарра, в какую гавань доплыла речь Езекиина! Не дерзай же хулить птиц Ноевых. Они поют тихо, но голос тонок их, остер и высок. А сирены, как лебеди, возносят громко крик, но, по пословице, «Высоко полетела, да недалеко села».

Ф а р р а. Право, я влюбился в ваши птички. Ковчег ваш подобен троянскому коню [11]. Выпустите мне еще хоть одну. Люблю, что поют двое: одно в уши, другое в разум, как написано: «Двое их слышал». Теперь вижу, что не пустая древняя та притча: «Глуп, кто двоих насчитать не умеет». Видеть кошелек — не знать, что в кошельке,— сие есть видя не видеть. Видно, нужно везде видеть двоих. Видеть болвана — не знать, что в болване, есть не знать себя. Сирены поют воду, а ваши птицы — воду и гавань. Вода есть кошелек, а гавань есть имперіал [12]. Тело есть вода и кожа, в которую одет истинный наш Адам.

Д а н и и л. О Фарра! Начал ты издавать благоухание. «Сот искапают уста твои, невеста». Вот сей-то сот закупорит тебе уши противу сирен.

Фарра. Выпусти, Даниил, еще хоть одну мне райскую птицу.

Даниил. Изволь! Еще ты такой не видал. Лови ее! «Ероднй на небесах познал время свое».

Фарра. Диичину ты выпустил. Я и имя ее впервые слышу. Скажи мне, какой сей род есть птицы ероднй?

Даниил. У древних славян она ероднй; у эллинов — пеларгос, у римлян — киконна, у поляков — боцян, у малороссиян — гайстер, похожа на журавля. Ероднй [a] — значит боголюбный, если слово эллинское. Но что в том нужды? Брось тень, спеши к истине. Оставь физические сказки беззубым младенцам. Все то бабье: и баснь, и пустошь,— что не ведет к гавани. Секи скорее всю плоть по-израильски. Сержусь, что медлишь на скорлупе. Сокрушай и выдирай зерно силы божией. Ероднй знаменует веру во Христа, а яснее сказать — израильское око, видящее двоих,— вот тебе гайстер. Будь здоров с ним! С небес перепел...

Фарра. Конечно ж, есть причина, для чего взят он в образ сей.

Даниил. Конечно, троякая вина сему есть: 1-я — что гнездится на кирхах; 2-я — что съедает змей; 3-я — что в старости родителей кормит, храпит и носит. Кирха — значит двор божнй. «Сколь возлюблены селения твои...» «Птица обретает себе храмину...» «Там птицы возгнездятся». «Ероднево жилище предводительствует». Ероднй всегда на высших местах — на шпилях и на куполах гнездится, будто предводитель прочим птицам. «Блаженны живущие в доме твоем». Вот тебе ероднй: «Едино просил от господа» и проч. Вот ероднй: «Обретает его Иисус в церкви». А сии тебе разве не предводительствующие суть ероднн? «Взошли на горницу, где были пребывая, Петр и Иаков, и Иоанн, и прочие единодушно вкупе. И был внезапно с небес шум.., и исполнилися все духа святого, и начали говорить иными языками...» Вот что в сей птице великое! «Познал время свое». Видно, что она познала двое — время и время. О, кто сей прекрасный ероднй есть! — послушай его: «Се зима прошла, дождь (потоп) отошел, отошел себе, цветы явилися на земле» и проч. Видишь ли, что знают и куда летят Ноевы птицы?

---

[a] Ἔρως значит желание, по-римски Купидон, Zeus, Juppiter, или Дий. Отсюда слово *Ероднй* то же, что *Филофей*.

К Авраамовому заливу и к гавани той: «Господь пасет меня...»

На, вот тебе стадо и бестолковых гайстров: «Лицо небесное умеете рассуждать». «Горе вам, смеющимся ныне!»

Фарра. А почему ты их назвал бестолковыми? Ведь их за прогностики Христос не осуждает.

Даниил. Они через солнце разумеют разумно непогоды, но не прозорливы узреть второе время, сиречь царствие божие. Надобно знать с Даниилом время одно и время второе. Из сих полувремен все составлено. «И был вечер, и было утро — день един». Одно время есть плакать, а второе время смеяться. Кто одно знает, а не двое, тот одну беду знает. Вот еще бедные гайстры! «Взалчут на вечер...» «Возволнуются и почить не смогут». О безумно возгнездившихся сих гайстрах можно сказать:

Их твердь — одна вода,
В средине их — беда.

Смеяться ныне и веселиться здесь — значит не видать ничего, кроме тьмы и стихийной сени. «Горе вам, смеющимся ныне». И когда Петр сказал: «Добро нам здесь быть», тогда вдруг обличен: «Не знающий, что говорит». Он разделял Моисея от Илии, Илию от Христа, не познав еще истинного человека, кроме человеческой плоти или стени. А когда проснулся, тогда сделался мудрым ерофеем и, познав двоих, познал истинного, сверх человеческой сени, человека, который есть един во всех и всегда. «Пробудившись, видели славу его». «Обрелся Иисус един». «Он есть всяческое во всем». Простой ерофей на одних небесах видит двойное время: стужу и теплоту, зиму и весну, покой и досаду, а тайный ерофей, сиречь Израиль, сверх стихий и сверх самого тонкого воздуха видит тончайшее второе естество, и там сей ерофей гнездится. «Что мне есть на небесах? И от тебя что захочу на земле?» Сие второе естество, что в стихиях или кроме стихий, бог знает. Однак Израиль познал оное.

Фарра. О Даниил! Ей, понравились мне твои гайстры. Выпусти еще хоть одного!

Даниил. Разве и тебе хочется быть гайстром?

Фарра. Вельми хочется, но да не бестолковым же.

Даниил. И мудрый часто претыкается. «Такое время с вами я, и не познал ты меня, Филипп?» «Не

можешь ныне по мне идти». «Отвержешься меня трижды». Дай бог, чтобы ты был в лике сих гайстров: «Сей есть живот вечный, да знают тебя, и его же послал ты...» Вот предводитель и царь их! Послушай его: «Дух господен на мне...» Наречи лето господнее приятное и день... Вот и сей не последний: «Се ныне время благоприятно! Се ныне день спасения! Вот сколь нужно слово сие! Γνῶθι καιρόν. Nosce tempus — «Познай время». «Еродий познал время свое — горлица и ласточка... О еродиево жилище! Блаженно ты! Не то ли оно? По земле ходящие, обращение имеем на небесах». «Праведных души в руке божией...» «Боже сердца моего! Душа моя в руке твоей». «Под сень его возжелал и сел...» «Авраам рад бы видеть день мой, и увидел, и возрадовался». «Им же отворилися очи, и познали его, и тот невидим был им». Да избавит же тебя господь от тех юродов.

«Еродий познал время свое: горлица и ласточка... Люди же мои сии не познали судеб господних». «Возлюбили паче славу человеческую, нежели славу божию». «Ослепи очи их, да не видят, ни разумеют!» — вопиет Исаия, увидев славу Христа господня. А они хвалятся: «Да едим и пьем, ибо утром умрем». Умирайте! Умирайте! Ибо нет вам разуметь двоих. Видите, о ночные вороны, один только днешний вечер, одну только воду с сиренами. Сия-то мрачная слава ослепила вам очи, да не видите утренней оной славы: «Восстань, слава моя! Восстану рано». Для чего вы, о звери дубравные, в ложах своих легли, не дождав блаженного оного второго дня: «В утро же видел Иоанн Иисуса. Сей агнец божий! Сей есть, о нем же я рек». Вы есть тьма миру и волки не из числа тех. «Вениамин— волк, хищник, рано есть еще...» Но вечером глотающие все без остатка наутро, да «остатки нечестивых употребятся».

Фарра. Я вовсе не разумею, что значит *остаток*...

Даниил. О, дряхлый и косный Клеопа! *Остаток* есть то же, что *барыш, рост, приложение,* прилагаемое прекрасным Иосифом в пустое вретище Вениаминово [13]. И сего не разумеешь? Не приложатся ж тебе лета жизни...

Фарра. О, ныне разумею, и приложатся мне, как Езекии.

Даниил. Останок есть лето господне приятное iubilaeus annus [14], день воздаяния, весна вечности,

таящиеся под нашим сокрушением, будто злато в сумах Вениаминовых [15], и воздающие Израилю вместо меди — злато, вместо железа — серебро, вместо дров — медь, вместо камня — железо, вместо песочного фундамента — адамант, сапфир и анфракс [16]. Читал ли ты в притчах: «Исцеление плотью и приложение костью»? Плоть бренная твоя есть то здешний мир, и днешний вечер, и песочный грунт, и море сиренское, и камни претыкания. Но там же, за твоею плотью, до твоей же плоти совокупилась гавань и лоно Авраамово: земля посреди воды, словом божиим держима, если ты не ночной, но излетевший из ковчега ворон, если ты ласточка или голубица, узнавшая себя, спречь видящая двоих: мир и мир, тело и тело, человека и человека, — двое в одном и одно в двоих, нераздельно и неслитно же. Будто яблоня и тень ее, дерево живое и дерево мертвое, лукавое и доброе, ложь и истина, грех и разрешение. Кратко сказать: все, что осязаешь в наружности твоей, если веруешь, все то имеешь во славе и в тайности истинное, твоею ж внешностью свидетельствуемое, душевным телом духовное. В сей-то центр ударяет луч сердца наперсникового. «Всяк дух, который исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедшего (плоти приложившегося), от бога есть». Знаем же, что когда явится, подобны ему будем, ибо узрим его, каков же есть. И всяк имеющий надежду сию на него очищает себя, ибо же он чист есть».

Вот тебе останок! Вот приложение костям твоим! Все тебя оставит, а сей останок никогда. «Все проходит, любовь же нет». «Господа сил, того освятите...» Ныне разумеешь ли надежду твою и ложь сиренскую? Вот тебе вместо тристалетней вечная память и юность. Будь здоров! «В память вечную пребудет праведник». От шума сиренских вод не убоится. Се есть жизнь вечная. Ныне «обновится, как орлиная, юность твоя». Но не тех орлов, что опять стареют и умирают, но тех, которые в познании самого себя весьма высоко вознеслись — выше всех стихий и выше самого здешнего солнца, ибо и оно есть суета и ветошь, к оному пресветлейшему моему солнышку. «Ты же тот же есть...» «Одевайся светом солнечным, как ризою». Говорящий к нам сие: «Поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе. И видел в трупе нашем славу его, во льве сем сот вечности его, во тьме сей свет невечерний его, в воде сей нашей твердь гавани его». Труп

есть всяк бренный человек, и Библия есть человек и труп. Найдя в нашем трупе свет и сот, находим после того сию ж пищу и в Библии, да исполнится сие: «Где же труп, там соберутся орлы». Высокую сей труп обещает трапезу, высоко и мы возлетели, где царствуют вечная сладость и вечная юность.

ВРАТА ГОСПОДНИЕ В НОВУЮ СТРАНУ, В ПРЕДЕЛЫ ВЕЧНОСТИ

Там испытаем: легко ли быть блаженным?

Фарра. Тьфу!.. Оправдалась притча: «На коне ездя, коня ищет». Я думал, что вельми трудно быть блаженным... По земле, по морю, по горним и преисподним шатался за счастием. А оно у меня за пазухою... Дома... Древняя притча: Ita fuqias, ut ne praeter casam — «От лиха убегай, да хаты не минай».

Наеман. О, Фарра! Не только дома, но в сердце твоем и в душе твоей царствие божие и слово его. Сей есть камень, а прочее все тлень, ложь, лужа... «Все проходит...»

Но кто тебе насеял лукавое семя сие, будто трудно быть блаженным? Не враги ли сирены? О глагол потопный и язык льстивый!

Фарра. Ей-ей, они! От их-то гортани голос сей: «Халепа та кала», τὸ κάλλος χαλεπόν ἐστι — «Трудна доброта...»

Наеман. О, да прилипнет язык их к гортани их! «Немы да будут уста льстивые!» Изблюй оного духа лжи вон. А положи в сердце сей многоценный во основание камень: «Халепа та кака» — «Трудно быть злобным». Что может обескуражить и потопить сладкотеплый огонь Параклитов [17], если не оная змиина, сиренская блевотина? Отсюда-то в душе мразь и скрежет, косность и уныние в обретении царствия божия. Отсюда ни теплый ты, ни холоден, я должен тебя изблевать... О, гряди, господи Иисусе! Ей, гряду скоро, аминь... Ныне, не сомневаясь, сказываю: — Се господь мой пришел! Се солнце воссияло и новая весна! Да расточатся и отойдут с блевотинами своими души нечестивых от пределов весны вечной! Не

входит туда неправда. Нам же даны ключи: «Халепа та кака». Не многим ли тем тяжелее олова беззаконие? Что же есть легче любви божией? «Крылья ее — крылья огня». Напиши красками на ногте адамантовом славу сию: «Сродное, нужное, латвое есть то же». Что же есть нужнее царствия божия? В запутанных думах и в затменных речах гнездится ложь и притвор, а в трудных делах водворяется обман и суета. Но латвость в нужности, а нужность в сродности, сродность же обитает в царствии божием. Что нужнее для душевного человека, как дыхание? И се везде туне воздух! Что потребнее для духовного, как бог! И се все исполняет. Если же что кому не удобное — напиши, что ненадобное. О глубина премудрой благости, сотворившая нужное нетрудным, а трудное ненужным. Так мой господь сказал мне: «Дух сладкий, дух мирный, дух пророческий, и не печатлею слов, да оправдается премудрость его от детей его».

Израиль. О Наеман, Наеман! Дышишь духом Параклитовым, с высоты силою его облеченный. И что есть дух-утешитель, если не чистое сердце, от мрака греховного воззванное? Как в солнце солнышко зеница его, во вкус и прозорливость сияющее, сей есть живой Сплоам и родная София[18], видящая двоих и говорящая странное.

Наеман. Тем же, о Израилю, идущие новым святого духа путем, ищите и обретете! Се все полезное есть возможно и возможное — полезно.

Фарра. Мне бы хотелось быть оным папою и сочетать в одной ипостаси первосвященство и царство.

Михаил. О славолюбный Зара![19] Куда тебя дух воскрыляет? Но притом приснопамятно будь сие: «Кто как бог?»

Фарра. Разве же бог не хочет, чтоб мы были богом?

Михаил. О Фарра! Что радостнее святому духу, как то, чтоб нам всем стать богом?

Фарра. О Михаил! Се ты странное воспел!

Михаил. Если оно святому духу приятное, тогда воистину странное и преславное. Он един есть любопытный оселок, показывающий чистое золото, нареченный поримски — index. И в сию-то цель ударяет сие Павлово слово: «Докимазете панта...» «Все испытайте, благое же приемлите». Если же гнушается оный голубь, тогда оно бывает мирское, модное и в таком смысле общее, в каком

разумеет Петр святой, говоря сие: «Господь никогда не ел скверно». Скверно — в римском же лежит — commune, по-эллински — койнон, разумей — coenum, сиречь болото, грязь, мерзкое, мирское.

Ф а р р а. Ведь же славы искать дух святой не запрещает?

М и х а и л. «Слава в стыде их...» Видишь, что постыдная слава запрещается. За добрую же славу лучше желает Павел умереть, нежели ее упразднить. Оная слава есть тень, а сия Финикс. Оную хватают псы на воде сиренской, сию же приемлют дети божии в Авраамовой гавани. Суетна слава, тщетная прибыль, сласть ядовита, се три суть, суть адские горячки и ехиднины дочери нечистивому сердцу в опаление. Но сущая слава, истинная прибыль, сласть не притворна — се сии суть духа святого невесты, в объятиях своих чистую душу услаждающие.

Ф а р р а. Угадал ли я, что по правилу израильскому пустая слава есть труднее истинной?

М и х а и л. Тьфу! Как же не труднее псу схватить тень, нежели истинный кус? Вот перед тобою яблоня. Схвати мне и подай тень. Но самое тело ее вдруг обнять можешь.

Ф а р р а. Не только, но и плод сорву. Се тебе с нее прекрасное яблоко! Благовонное! Дарую тебе. В нем обретешь столько яблочных садов, сколько во Всевселенной коперниканских миров. Вот тебе от меня награда за твое доброе слово!

М и х а и л. Если бы ты мне Всевселенную дарил по плоти, я бы отказался. И малой сторонки моей матери Малороссии, и одной ее горы не взял бы. Где мне ее девать? Телишко мое есть маленькая кучка, но и та мне скучна. Что есть плоть, если не гора? Что гора, если не горесть? «Кто как бог?» Что слаще и легче и вместнее, как дух? Сердце мое вкушает его без грусти, пьет без омерзения, вмещает без труда, носит без досады. Душа моя в дух, а дух в сердце мое преобразился. Боже сердца моего! О часть моя всесладчайшая! Ты един мне явил двоих. Тень и безвестную тайну. Ты тайна моя, вся же плоть есть тень и тайна твоя. Всякая плоть есть риза твоя, сено и пепел; ты же тело, зерно, фимиам, стакта и каспа, пречистый, нетленный, вечный. Все тебе подобно, и ты всему, но ничто не есть тобою, и ты ничем же, кроме тебя. Ничто же, как же ты. «Кто как бог?»

О Фарра! Что плачешь? Чего ищешь в папстве — духа или плоти? Дух сего Христа божия вдруг, как молнию, принять можешь. Но престолы, палаты, колесницы, серебро и золото...— все сие есть плоть, гора, труд и горесть. Не прикасайся к сему. Восходящее, высокое в нем и божественное — оное да будет твое. Сие-то есть истинное единство, и тождество, и легкость, и нужность быть причастником не плоти, но духа. Прочее же все есть тень, вода и беда... Хочешь ли быть Христом? К чему ж тебе свыше соткан его кафтан? К чему плоть его? Имеешь собственную. Возьми ты от странника сего то, что сам тебе подносит. Вот оно: «Дуну — примите дух святой». Сим образом будешь едино и то же с ним, как и они с отцом твоим. Неужели ты кафтан и плоть делаешь Христом? И, хватая на потоке тень, умножаешь число не сынов божиих, но оных псов: «Отнять хлеб у детей и повергнуть псам». Ах! Блюдись от сих псов, от злых делателей. Не делай благим зла, а плоти богом. Уклонися от зла и сотвори благо, и будешь в числе детей оных: «Сколько же приняли его, дал им область детьми божиими быть!» Хочешь ли быть царем? На что же тебе елей, венец, скипетр, гвардия? Сия есть тень и маска. Достань же себе свыше сердце царское. Сим образом будешь едино с царем твоим. Дух правды, он-то есть сердце царя. Правда утверждает престолы сильных и обладает народами. И что сильнее ее? Кто как правда? Сей есть истинный царь и господь — твердь и крепость, елей и милость. Сей дух да царствует в тебе! И милостию вышнего не колеблешься. На вот тебе царя без маски: «Царь уповает на господа». «Помазал нас бог духом». «Дух господен на мне». Хочешь ли быть Павлом Фивейским? Антонием Египетским или Саввою Освященным? Лицемеры! К чему же тебе финиковая епанча Павлова? К чему Антониева борода, а Саввин монастырь, капюшон Пахомиев? [20]... Сей есть один только монашеский маскарад. Какая ж польза сею маскою скрывать тебе мирское твое сердце? Да явишься человеком? Уклонись от зла. Оставь тень. Стяжи себе мужей оных сердце. В то время вдруг, как молния, преобразишься во всех их. Избегай молвы, объемли уединение, люби нищету, целуй целомудренность, дружись с терпеливостью, водворися со смирением, ревнуй по господу вседержителю. Вот тебе лучи божественного сердца их! Сие иго вельми благо и легко есть. А наживать стран-

ный и маскарадный габит [21], забродить в Нитрийские горы, жить между воющими волками и змеями — сие не бремя ли есть? Ей! Неудоборосимое тем, что глупое и ненужное. Скажу: «Халепа та кака».

Ф а р р а. А Елисей? Не просит ли епанчи от Илии? [22]

М и х а и л. Епанча оная не с мертвых, но живущих в пределах вечности. В ней все новое вместо ветоши. Читал ли ты у Исаии — одежду веселья? Вот она: «Под сенью руки моей покрою тебя». Не Елисей ли просит: «Да будет дух, который в тебе, сугубый во мне». Как же дал бы он просящему вместо хлеба камень? Сей есть дух веры, дух сугубый, дух, открывающий двоих, разделяющий Иорданские струи [23], дух, богоявляющий сверх сиренских вод плавающее и возникшее железо. Оно-то есть исподпотопный холм, обитель верной голубицы, гавань, лоно и кифа Авраамова, спасение от потопа. «Да возрадуется душа моя во господе. Облечет бо меня в ризу спасения». Вот от потопа епанча! Самый ковчег есть-то нерукотворенная скиния, златотканными ветрилами от дождевых туч покрывающая лучше, нежели плащ. На сию-то скинию тонко издалека взирает Ильина шинель, или бурка, отворившая Иорданскую сушу и спасшая Елисея от омочения [24]. Железо же тайно блистает на тверди, на твердую, матерую землю и сушу, а суша тихо возводит нас на аввакумовский оный Сион, сиречь обсерваториум [25] (терем). «На страже моей стану и взойду на камень». Вот тебе одежда и надежда! Носи здоров! Она есть дух сугубый, видящий двоих. А Ильину бурку где тебе взять? «Халепа та кака».

Ф а р р а. Весьма благодарю тебя за сию ризу. А без нее чем бы я был в бурке? Вот чем: лицемер, лже-Илия, пророчий идол. Что же? Ковчег преисполнен есть всякой животины. Хотелось бы мне быть хорошенькою в нем какою-то птицею. Как думаешь?

М и х а и л. Ковчег есть он церковь израильская. Люби ее и молись, если хорошо просишь, примет. Проси во имя Христово: все вдруг получишь. Не забывай никогда сего: «Халепа та кака».

И з р а и л ь. Слушай, Фарра! Не желаешь ли быть кабаном?

Ф а р р а. Пропадай он! Я и верблюдом быть не хочу. Оленем быть я бы хотел, а лучше птицею.

Чиста птица голубица таков дух имеет,
Будет место, где не чисто, тамо не почиет.
Разве травы и дубравы и сень есть от зноя,
Там приятно и прохладно место ей покоя [26].

Так и дух святой не почивает разве в чистом сердце, при воде тихой и прозрачной, живой и тайной? «Вода глубока — совет в сердце мужа...» О мир наш! Муж и лоно! Христос Иисус! Явись людям твоим, в водах сиренских обуреваемым. Но растолкуй мне, о Израиль, какое то есть сердце и дух, преображающий естество наше в вепрев?

И з р а и л ь. Пес хватает тень, а сердце, о дольнем мудрствующее, есть вепрь. Не мыслит о горнем, разве только о мукé и чреве, сердце хамское любомудрствует. Если имеешь израильское око — оглянись на пределы гергесенские [27]. Вот тебе великое стадо свиное! Провидишь ли, что, минуя берег, все утопились в водах? Что есть берег, если не господь мой? Сами просят, да перейдет прочий от пределов их. Болото и воду сиренскую возлюбили паче славы божией. Грязь любить — есть то быть вепрем. Гоняться за ней — есть то быть псом. Вкушать ее — есть то быть змием. Хвалить ее — есть то воспевать лестные сиренские песенки. Любомудрствовать о ней — есть то мучиться легионом бесов. Не земля ли рождает и зверей, и скотов, и гадов, и мух? Так-то и сердце земное преображает нас в разных нечистых зверей, скотов и птиц. Детьми же божиими творит чистое сердце, выше всей тлени возлетевшее. Сердце златожадное, любящее мудрствовать об одних кошельках, мешках и чемоданах, есть сущий верблюд, любящий пить мутную воду и за вьюками не могущий пролезть сквозь тесную дверь в пределы вечности. Сердце есть корень и существо. Всяк есть то, чье есть сердце в нем. Волчье сердце есть родной волк, хотя лицо и не волчье. Если перешла в нее сила, тогда сталь точным магнитом стала. Но рута рутой перестала быть, как только с нее спирт и силу вывести. Сие есть сердце и существо травы. Афедрон [28] со всяким своим лицом есть афедрон. Но храм божий всегда есть вместилищем святыни, хотя вид имеет блудных домов. Женская плоть не мешает быть мужем мужскому сердцу. Сердце, востекающее с Давидом на горнее, оставляющее верблюдам и сиренам с детьми их мутные и морские воды, жаж-

дущее давидовской, утолившей самарянке жажду, оной воды: «Кто меня напоит водою...» «Господи, дай мне сию воду...» Таково сердце не олень ли есть? Даром что рогов не имеет. Рога и кожа оленья есть плоть и тень. Надень кожу его с рогами без сердца его, и будешь чучелом его. Смешная пустошь — не только «халепа та кака». Сердце, трудолюбствующее с мужем Руфиным Воозом на гумне библейном, очищающее от половы вечное зерно святого духа на хлеб, сердце израильское укрепляющий, скажи, не вол ли есть молотящий? В любезной моей Унгарии [29] волами молотят. И что ж запрещает Луке быть волом? Не думай, будто плотских волов вздорная сия истина касается: «Волу молотящему да не заградил уст». Сердце, воцарившееся над зверскими бешенствами и над волею своею, растерзающее всякую власть и славу, восстающую на бога, дерзающее в нищите, в гонениях, болезнях, во смерти, — не сей ли есть сын львов Иуда из тех: «Злятся, как львы». «Бегает нечестивый, никем не гонимый, праведник же дерзает, как лев». Что же мешает Марку быть львом? К таким-то богосердечным львятам, как лев, так возревет господь: «Восстань и измолоти их, дочь Сиона, ибо рога твои положу (осную) железные, и ноги твои положу медяные, и истончишь людей...» Вот рев львиного щенка, от тридневного сна воскрешающий, как написано: «Возлег, почил, кто воздвигнет его? Сердце, вверху сверкающее, как молния, постигающее и низвергающее всякие пернатые мечты, замысловатые стихийные думы — не сокол ли есть?» Послушай соколиного визга: «Если вознесешься, как орел, и оттуда свергну тебя»,— говорит господь. Сердце, парящее на пространство высоты небесной, любящее свет и вперяющее зеницу очей в блеск полуденных лучей, в самое солнца солнышко оное: «В солнце положил селение свое». Не благородный ли есть орел с наперсником? Ей, не из рода он подлецов сих: «Не знаю орла, парящего по воздуху, глупца высокомудрствующего по стихиям». «Если вознесешься, как орел, и оттуда свергну тебя...»

А не горлица ли есть сердце, любящее господа, по нему единому ревнующее, святой надежды гнездо в нем обретшее? Послушай гласа ее: «Ревнуя, поревновал по господе боге». «Жив господь мой, жива и душа моя». А тот глас не ее ли есть? Истаяла меня ревность моя...» «Видел не разумевающие и истаял». На, вот тебе лик или

хор горлиц! «Се все оставил я, и вслед тебе иду». Знай, что Библия есть вдова, горлица, ревнующая и вздыхающая в пустыне о едином оном муже: «Бог любви есть...» У сей-то вдовицы не оскудевает сосуд елея, сиречь милости, любви и сладости, если посетит ее кто, духа пророческого дары имущий. Кто благ или кто мил, кроме бога? Сей един есть не оскудевающий... «Все проходит, любовь же нет». Взгляни мне, пожалуйста, на Магдалену. Библии сердце есть сердцем горлицы сей. При елейной лампаде не спит, тужит и вздыхает. О чем? Что бессмертного жениха умертвили, что в библейной его лампаде ничего милого и светлого не нашли ночные вороны сии, кроме трупа гнилого сего: «Воззрят на него, он же пропал, что, кроме риз его, не нашли в ризах его ни смирны, ни стакты, ни масла, сиречь одевающегося оными ризами». Плачет пустынолюбная горлица сия о буйных девах [30] с Иеремиею, воспевая жалостную песенку оную: «Очи мои излияют воду, чтобы оскудели добрые девы». Блаженны мы, о Фарра, ибо голос горлицы слышан в маленькой земельке нашей. Ах, сколько тогда горлиц было, когда говорил Павел: «Обручил вас с единым мужем, чистую деву» и прочее. О обуялые и бедные горлицы со сосудом своим оные! «Идите к продающим...» и проч. Без милости милого, а без твоего же преподобия нигде не обретешь оного преподобного мужа: «Удиви, господь, преподобного своего». Напоследок, не голубь ли тебе есть сердце, видящее двоих? Сердце, узревшее сверх непостоянности потопных вод исаиевскую твердь, берег и гавань оную: «Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалека». Сие чистое сердце, верх всей дряни возлетевшее, есть голубь чистый, есть дух святой, дух ведения, дух благочестия, дух премудрости, дух совета, дух нетленной славы, дух и камень веры. Вот почему Христос нерукосченою и адамантовою гаванью наряцает святого Петра! По сердцу его...

Ф а р р а. О сердце!.. Что ж ты стал? Ступай далее!

И з р а и л ь. Израиль далее сей гавани не ходит. Се ему дом, гнездо и кущи, водруженные не на песке, но на кифе. Конец потопу: радуга и мир есть кифа, на ней он воссел.

Inveni portum kepham. Caro, munde, valete! Sat me jactastis. Nunc mihi sancta quies [31]. «Прощай, стихийный

потоп! — вещает Ноева голубица. — Я почию на холмах святых, обретя оливные кущи».

Фарра. О сердце голубиное! И сердечный голубь! Сей есть истинный Иона, адом изблеван в третий день на берег гор Кавказских. Сей голубь есть истинный Americus Columbus [32], обретший новую землю. Не хочется и мне отсюда идти. О Наеман, Наеман! Дай, ну, станем и мы с Израилем в сей гавани. Оснуем себе кущи на сей кифе. А-а, любезный мой Аввакум! Се ныне разумею песенку твою: «На страже моей стану и взойду на камень». Сюда-то взирало твое пророчее око? Сию-то кифу издали наблюдала бодрая стража твоя? Сюда-то песня твоя и нас манила? Блаженно око твое, прозорливее труб звездозорных! Блаженны поющие нам уста твои! Блажен и Сион твой, или зоротерем, пирамида и столп твой, из которого высоты простирались лучи очей голубиных. Не отемнеют очи твои, не истлеют уста твои и не падет столп твой и во веки веков... Прощайте навеки, дурномудрые девы, сладкогласные сирены с вашими тленными очами, с вашею стареющеюся молодостью, с младенческим вашим долголетием и с вашею рыдания исполненною гаванью. Пойте ваши песни людям вашего рода. Не прикасается Израиль к гергесеям. Свои ему поют пророки. Сам господь ему, как лев, возревет и, как вихрь духа, воссвищет в крыльях своих, и ужаснутся дети вод... Радуйся, кефа моя, Петр мой, гавань моя! Гавань веры, любви и надежды! Знаю тебя как не плоть и кровь, но свыше рожден ты. Ты мне отворяешь врата в блаженное царство светлой страны. Пятнадесятое лето плаваю по морю сему [33] и се достиг к пристанищу тихому, в землю святую, которую мне открыл господь бог мой! Радуйся, градомать! Целую тебя, престол любезной страны, не имущей на путях своих бедности и сокрушения, печали и вздыхания. Се тебе приношу благой дар от твоих же садов — корзину гроздья [34], и смокв, и орехов с хлебом пасхи в свидетельство, как путем праотцов моих вошел в обетованную землю.

БЕСЕДА 1-Я

Нареченная Observatorium [1] (Сион) [a]

Лица: Афанасий, Лонгин, Яков, Ермолай, Григорий

Григорий. «Прийдите, взойдем на гору божию». О беседка! О сад! О время летнее! О други мои! Восхищаюсь веселием, видя вас, моих собеседников. «Прийдите, взойдем на гору господню».

Афанасий. Вчера нападала на меня ужаснейшая скука и, как пшеничную ниву вихрь, колебала. Едва довлел отбиться.

Григорий. Блажу тебе, друг мой, радуйся, воин Христов! Сия есть победа наша, побеждающая не плоть и кровь людскую, но бешеные мысли и мучительные духи. Они-то суть семя, полова и начало всякой человеческой злобы, а власть тьмы житейской, опаляющей душу мертвых человеков.

Афанасий. Я вчера не был мертвым, а тем-то самым и чувствовал, что сердце мое горестнейшим некиим огнем опалялось.

Григорий. Как? Ты вчера не был мертв?.. Не достойно ж я тебя назвал блаженным.

Афанасий. А мне твое слово непонятно.

Григорий. Был ли кто болен? Тот не болен. А кто был мертв, тот уже жив. Как прошла ночь смерти, так настал день жизни.

Афанасий. Вот тебе крючки по закоулкам. А закоулки по крючкам. Кто завертел закоулок, тот перешел крючок. Не погневайся, я не пророк и меня твой свиток внутри не услаждает.

Григорий. О любезный человек, сколь сладка сердцу моему простота твоя!

[a] Primo et novissimo amico meo Andrea Joanidi Kovalevskomu... Domino vice tribuno proprii fetus editionem dono affero senex Gregorius de Sabbe Skovoroda [2].

Афанасий. Но не сладки гортани моей слова твои. Помилуй, беседуй проще.

Григорий. Есть, что мнится правым, но сущностью криво. И есть, что мнится развращенным, но естеством правое. Если закоулок ведет к правоте, по концу своему прав есть. Но косоглазый тот прямик и крючковата есть простота, открывающая перспективу и архитектурный мост прямо в град лжи. Конец делу судья. Что-то показалось тебе крючком, что ли?..

Афанасий. Я вчера, слышь, не был мертвым, а днесь жив. Так не достоин ли я ублажения и твоего сорадования?

Григорий. Такового величанья достоин и буйвол: он тебя здоровее и вчера не был мертвым.

Афанасий. По мне изволь, блажи и его: буйволовское блаженство моего не упразднит. Неужели милость божия в одних только наших выгодах ограничилась! «Щедроты его на всех делах его». И я благодарю ему, что доселе жив.

Григорий. Чем ты уверен в жизни твоей?

Афанасий. Разве ты член секты Пирронской[3]? А мне в доказательство употребить трость сию?

Григорий. Разве тем, что шатко похаживаешь?

Афанасий. То-то видишь мое телишко, слава богу, катится, как тележка. Ай, дядя!..

Григорий. Дядя сестринцу своему не советовал ехать в глубокую осень возком, но верхом на свадьбу. Афонька решился ехать возком — сам себе господин и кучер. В поле, среди брода, лошак отпрягся, оставив колеснице гонителя в потопе вод многих...

Афанасий. Ну! Что стал? Веди далее.

Григорий. Не ведется. Афонька с нуждою пеший добрался до брачного дому, исполнив пословицу: «Спешил на обед, да ужина не застал». «Кто спешит — насмешит». Вот тебе твоя тележка!

Афанасий. Молодчик твой был ветрогон.

Григорий. Старик Афонька с женою своею построили себе хатку на льду. В седьмой день с полночи пришел, как вор, дождевой поток и стащил их с храминкою в потоп.

Афанасий. Вот разъехался с баснями! Все твое доказательство на пустых небылицах[4].

Григорий. Евангелие разве не притчами учит? Забыл ты храмину, дураком основанную на песке? Пусть учит без притчей тот, кто пишет без красок! Знаешь, что скоропись без красок, а живопись пишет красками. Но в обоих, как в мойсейской купине [5], действует тот же язык огненный, если только мы сами не лишены оного языка: «Начали говорить странными языками». Пускай, например, книжник, сиречь муж ученый, напишет сентенцию сию: «Бес скуки мучит душу».

Без сомнения, сердце его отрыгнуло, а трость его написала слово благое. Но чем лучше трость книжника-скорописца от кисти книжника-живописца, если он невидимое скучных мыслей волнование изобразил утопающим человеком? Он с Иеремиею через человека изобразил душу: «Глубоко сердце человеку и человек есть», а с Исаиею, через потоп, изъяснил мучительное сердце обуревания — «Взволнуются нечестивые». Таковая приточная [6] речь, ничем не хуже от оной, так сказать, бескрасочной речи, например: «Душа их в злом таяла». Однако и сия самая пахнет притчею тающего от воздушной теплоты льда. Так, как и сие книги Иовской слово: «Река текущая основание их» — дышет сказкою о построенной храминке на льду.

Афанасий. Как вьюн вьется, трудно схватить.

Григорий. Вот, например, бескрасочное слово — «Все погибнут». Но сколь красно сие ж самое выразил Исаия: «Всяка плоть — сено». Сноп травы есть то пригожий образ всей гибели. Сам Исаия, без фигуры, сказал следующее: «Дать плачущим веселие». Но сколь благообразно и краснописно то же он же: «Вскочит хромой, как олень». «Восстанут мертвые». Труп лежащий есть образ души, в унылую отчаянность поверженный. Тогда она, как стерво, лежит дол в плачевной стуже и скрежете, лишенная животворящего теплоты духа и жизненной проворности. Будто змий, лютым морозом одебелевший там, где Кавказская гора стеною своею застеняет ему спасительный солнечный свет. Сия одебелелость находит тогда, когда в яблоне корень и мозг, называемый сердечко, а во внутренних душевных тайностях тлеет и увядает то, от чего все прочее, как дверь, зависит от петли. Прозрел сию гнездящуюся язву прозревший Иеремия: «В тайне восплачется душа ваша». Сих движущихся мертвецов изобразил Осия змиями: «Полижут прах, как змии, пол-

зущие по земле». А Павел из праха возбуждает, как пьяных: «Восстань, спящий...»

Афанасий. Куда тебя занес дух бурен? Ты заехал в невеселую страну и в царство, где живут «как язвенные, спящие в гробах».

Григорий. А как душевная унылость (можно сказать: ной и гной) образуется поверженным стервом, так сего же болвана оживлением и восстанием на ноги живописится сердечное веселие: «Воскреснут мертвые». Взгляни на встающего перед Петром Енея![7] Он ходит и скачет, как олень и как товида, сиречь серна или сагайдак: «Встанут сущие во гробах». Знай же, что он сие говорит о веселии, и слушай: «Все земнородные возрадуются». Не забывай, Афанасий, сей сираховской песенки: «Веселие сердца — жизнь человеку».

Афанасий. Я се каждый день пою. Я веселие весьма очень люблю. Я тогда только и радостен, когда весел. Люблю пророков, если они одно веселие нам поют. Не их ли речи нареченные у древних музами [а]?

Григорий. Так точно. Их пение есть то вещание веселия. И сие-то значит по-эллински εὐαγγέλιον, а затыкающий от сих певцов уши свои нарецался Ἄμυθος [б], сиречь буйный, безвкусный дурень, по-еврейски Навал, по-римски Fatuus... Противный же сему — Σοφός [в], или Philosophus. А пророк — профитие, сиречь просвещатель, или звался ποιητής, сиречь творец.

Афанасий. Ба! Ба! Ты мне божиих пророков поделал пиитами.

Григорий. Я об орлах, а ты о совах. Не напоминай мне обезьян и не удивляйся, что сатана образ и имя светлого ангела на себя крадет. Самое имя (Novutus) что значит? Один только пророческий дух провидит.

Афанасий. Правда, что всяк художник творец, и видно, что сие имя закрытое. Одно только мне не мило в пророках: что их речи для меня суть неровные, развращенные, завитые, странные, прямее сказать — крутогористые, околесные, запутанные, необыкновенные, кратко сказать — бабья басня, хлопотный сумасброд, младенческая небыль. Кто может, например, разрешить сие: «И где труп, там соберутся орлы»? Если ж оно простое — кто

[а] Сиречь песнями.

[б] Ἄμωθος — беспесенный, вкуса не имеющий.

[в] Σοφός — вкус имущий. Σοφία — значит вкус.

премудрый не заткнет ноздрей от смрада стерва сего? Фивейская уродливая Сфинга[8] мучила древле египтян, а ныне вешает на страсть души наши иерусалимская красавица Мариам[9]. Вселенная, побуждаемая острием Нефтаевых пик[10], бесится от болезни и, ярясь, вопиет: «Доколь вознесешь души наши?»

Григорий. Нетопырь вопрошал птенцов: — Для чего вы не любите летать ночью? — А ты для чего не любишь днем? — спросили горлицын и голубев. — Мне мешает причина достаточная, — отвечает темная птица,— мое око не родилось терпеть света.— А наше око — тьмы, — улыбнувшись, сказали чистые птицы[11].

Афанасий. Замолк? Сказывай далее.

Григорий. Иностранцы вошли в дом Соломонов. Услаждались, взирая на бесчисленные образы бесценного богатства. Слепой из них, ощупывая фигуру золотого льва, уязвил острейшими его зубами сам свою руку. Гости, выйдя из дому, воскликнули: «Сколь возлюбленный дом и горницы твои, сын Давидов! Сам господь сотворил оные». «А я вышел из чертогов уязвленным»,— вскричал слепой. «Мы видели, как ты то жезлом, то руками щупал»,— сказали зрячие. Осязать и касаться есть язва и смерть, а взирать и понять есть сладость и неизреченное чудо.

Афанасий. Опять ты возвратился на свои балясы?

Григорий. Прости мне, друг мой, люблю притчи.

Афанасий. К чему ж ты приточил притчи твои? Ведь притча есть баляс, баснь, пустошь.

Григорий. Слышал ты пророческих речей фигуры? Фигура, образ, притча, баляс есть то же. Но сии балясы суть то же, что зеркало. Весь дом Соломонов, вся Библия наполнена ими.

Афанасий. Если так, напрасно защищаешь красавицу твою Библию, нечего на нее зевать.

Григорий. Для чего ж ты зеваешь в зеркало?

Афанасий. К чему же зевать на Библию, когда в ней голые балясы? А зеркало — дело иное.

Григорий. Как иное, если оно есть та же пустошь. Разве тебе не довелось быть в хрустальных фабриках? Оно есть пепел.

Афанасий. Пепел, но прозрачный. Он меня веселит. Я в нем вижу самого себя. А всяк сам себе милее всего.

Григорий. О плененный твоим болваном, Нарцисс! Мило тебе в источник и в прозрачный пепел зевать на гибельный твой кумир, а несносно смотреть в освященные библейные воды, дабы узреть в богосозданных сих пророческих зеркалах радость и веселие и услышать преславной сладости благовестие: «Днесь спасение дому сему было». Повернись направо, слепец, выгляни из беседки на небеса, скажи мне, что видишь?

Афанасий. Я ничего не вижу. Облака вижу, а облако есть то морской пар и ничто.

Григорий. О нетопырь, взгляни с приметою! Будь твое око орлиное и голубиное! Да выколет твое вечернее око ворон соломоновский!

Афанасий. А! А! Вот она красавица! В восточном облаке радуга! Вижу ее! «Сколь прекрасна сиянием своим»!

Григорий. Ныне ж скажи мне, что видишь? Конечно, в пустом не пустошь же видишь.

Афанасий. Радугу вижу, а чем она и что такое она есть — город или село, по пословице: не знаю, бог весть. Знаю, что сей лук благокруглый, облачный, испещренный называют дугою, раем, райком, радостною дугою и радугою.

Григорий. В индийских горах путешествовали европейцы [12]. Нашли кожаный мех с хлебами и такой же сосуд с вином. Потом, придя к пропасти, усмотрели по другую сторону что-то черное, лежащее на дороге. «Авось еще бог даст хлеб, — вскричал один, — я вижу мешище». «Провались такой мешище,— спорил другой,— я боюсь, то зверище». «Какой зверище? Клянусь вам, то обгорелый пнище!» Четвертый сказал: «То город». Пятый вопил: «То село»... Так-то и ты видишь, а что такое оно, не знаешь.

Афанасий. Который же из них отгадал?

Григорий. Решил гадание последний.

Афанасий. Ну, пошел, врешь!

Григорий. Точно село. Они все там посели.

Афанасий. И ни один не спасся?

Григорий. Один из семи одобрил древнюю пословицу: «Боязливого сына матери рыдать нечего».

Афанасий. Какая ж пагуба их погубила?

Григорий. Дурной взор и дурная прозорливость,

Как только взобрались на ту сторону бездны, так всех их в смерть перемучил индийский дракон.

А ф а н а с и й. Видно, что сии прозорливцы имели рабское Лиино око, а не Ревеккин пригожий взор [13] и не Лукина, товарища Клеопы. Фигурненький ты выточил балясик, право... Да к чему же ты его приточил?

Г р и г о р и й. К твоим очам на очки.

А ф а н а с и й. А мне на что твои очки? Я и без них вижу.

Г р и г о р и й. Видишь так, как по заходе солнца курица: чем больше зевает, тем менее видит. Должно зреть, узреть и прозреть, ощупать и придумать, повидать и догадаться. Красочная тень встречает твой взгляд, а мечтанье да блистает в твоем уме, наружность бьет в глаз, а из нее спирт да мечется в твой разум. Видишь след — подумай о зайце, болванеет предмет — умствуй, куда он ведет, смотришь на портрет — помяни царя, глядишь в зеркало — вспомни твой болван — он позади тебя, а видишь его тень. Перед очами твоими благокруглый радуги лук, а за спиною у тебя царь небесных кругов — солнце. На прекрасную его в облаке, как в чистом источнике, тень, гляди внешним взором, а на животворящее и спасительное его сияние взирай умным оком. Чистый ум есть то же солнце. Его праволучные стрелы прямо ударяют в лицо океана, а самое их жало, уклоняясь от лица морского, косвенно бодает. Иметь иную — сие-то значит блюсти и примечать. Видим и осязаем в наличности, а примечаем и обладаем в сердце. Таков человек есть точный обсерватор, а жизни его поле есть то обсерваторium. Вон где один тебе обсерватор! Взгляни — «На страже моей стану».

А ф а н а с и й. О, голубчик мой! О, мой кум Аввакум! [14] Воистину люблю его. Конечно, он что-то неподлое примечает на страже своей. Скажи мне, мой прозорливец, куда смотрит и что то видит пророческое око твое?

Г р и г о р и й. Не шали, Афанасий, не мешай ему смотреть, пускай себе забавляется.

А ф а н а с и й. Вот, а мы что? Пускай же и нам покажет то, что видит. Так ли, друг мой Лонгин? А Ермолай наш дремлет. Слышь, Ермолай! Встань, спящий! Дремя, как курица, пуще не усмотришь.

Л о н г и н. Пожалуй, не шуми, я не сплю, я все слышу.

Афанасий. Ермолай дремал, а ты глубоко задумался и то же, что спишь. Ведь я не тебя бужу. Однак и ты ободрись. Давай перейдем к пророку! Доколь нам быть печальными? «Перейдем в Вифлеем».

Яков. Постой, Афанасий, постой, не спеши!

Афанасий. Иду рыбу ловить.

Яков. Не забудь же торбы взять.

Афанасий. Ба! Друг мой, где ты взялся? Голос твой возвеселил меня.

Яков. Я вашу всю беседу до одной нитки слышал под яблонею, а твоим речам смеялся.

Афанасий. Люблю, что смеялся. Я плакать не люблю.

Яков. Куда ты поднимаешь крылья лететь?

Афанасий. О вон, где видишь на горе пророк!

Яков. Где тебе пророк? То пасет овец пастырь из Рибенсдорфа [15]. О простак! Или ты шут, или младенец.

Афанасий. О когда бы мне быть оным младенцем! «Открыл ты младенца».

Яков. Разве ты не слыхал мудрого оного слова: «Не место святит человека»?

Афанасий. Слыхал, да не вздумалось.

Яков. Поплыви в Иерусалим, войди в палаты Соломоновские, проберись в самый Давир — храм его, взберись хоть на Фавор, хоть на Галилею, хоть на Синай. Водворись в вертепе Вифлеемском, или при Силоаме, или над Иорданом, вселися здесь в пророческие келии, питайся с ними бобами, не пей вина и сикеры [16], ешь хлеб и воду в меру, надень Илиину мантию и сандалии, опоясшись Переминным чресленником. Размерь Иерусалимский храм с Иезекиилем, разочти с Даниилом крючки седмии [17] его, стань казначеем при Христе, оденься в кафтан его и спи в нем, и обедай, и вечеряй вместе. Наложи на себя Петровы и Павловы узы, раздели море, возврати реки, воскреси мертвых. Каждую неделю верши над собою седмину церковных церемоний. Если можешь, вознесись вверх к деннице, сядь на радуге судиею, займи для себя чертоги в Солнце и Луне. Оставь всю ветошь под солнцем, взлети к новостям с орлами, запрети небесным кругам течение с Навином, повели ветреным волнениям и проч. и проч. А я при всех сих знамениях и чудесах

твоих воспою в честь твою соломоновскую песенку: «Суета суетствий» или сию гамалеевскую:

Буря море раздымает,
Ветер волны... [18]

Если не процветет в душе твоей оное понятие, какое обитало в сердце Мойсея и Илии, и того единого мужа, с кем они ведут свою на Фаворе беседу, если для тебя не понятен и не приметен, а посему и не вкусен оный исход, сиречь центр и меть, куда бьет от чистого их сердца дух правды, как из облака праволучная стрела молниина. Ей, воспою тебе: «Всяческая суета».

А ф а н а с и й. Однак я иду до пророка. Нигде он от меня не скроется.

Я к о в. Вот тебе без соли и уксуса салат! Скажи мне, невкусный шут, что то есть пророк?

А ф а н а с и й. Пророк есть человек зрячий.

Я к о в. Ведь же ты ни человека, ни пророка не найдешь.

А ф а н а с и й. Будто велика фигура найти человека.

Я к о в. Очень велика фигура, и ты вместо зрячего попадешь на слепца, а вместо человека, на его скотину. Исполнишь пословицу: «Ехал в Казань, да заехал в Рязань».

А ф а н а с и й. Фу! На то будет у нас перебор.

Я к о в. Как может иметь перебор слепец, а омраченный найти просвещенного?

А ф а н а с и й. Врешь, Якуша, я с очами.

Я к о в. Да откуда же у тебя человеческое око? Ведь человеческим оком есть сам бог.

А ф а н а с и й. Так разве ж у меня два бога во лбу? Куда ты, брат, заехал? Бог с тобою!

Я к о в. А я молюсь, чтоб он и с тобою так был, как есть уже со мною.

А ф а н а с и й. Кошелек пустой, нечего дать на молитвы. Да ты же, брат, и не поп.

Я к о в. О друг мой! Не было бы мне от тебя сладчайшей мзды, как если бы я до того домолился, дабы исполнилось на тебе желание, сиречь молитва просвещенного и радостнотворными очами взирающего и вопиющего Исаии: «Светися, светися Иерусалим». «Се тьма покрывает землю». «На тебе же явится господь и слова его...»

Афанасий. Ну полно с пророчьими лоскутками! Много вас таких ветошников и лоскутосшивателей, а скажи мне только то, о чем пророки пишут?

Яков. То же, что евангелисты о едином человеке.

Афанасий. Так выплутайся же ты мне из сего узла: для чего мне нельзя найти человека?

Яков. Фу, для того что не знаешь, что то есть человек. Не узнав прежде, что значит адамант, ни с фонарем, ни с очками не найдешь, хоть он есть в гноище твоем [19]. Ну! Найди мне, если скажу, что в домике твоем есть *амбра*.

Афанасий. А бог ее знает *амбра* или умбра [20].

Яков. Э! Не умбра, но амбра.

Афанасий. Амбра твоя что значит, не знаю. Сии города мне совсем не знакомы, а человека знаю, перевидал я их один, другой 1 000 000.

Яков. Видал и зевал, но не увидел и не знаешь.

Афанасий. Я и тебя вижу и знаю.

Яков. От рождения ты не видал и не знаешь меня.

Афанасий. Или шутишь, или ты впал в обморок.

Яков. Что-то запахло тебе обмороком?

Афанасий. И мою голову поразил ты мраком твоим.

Яков. Я Яков, человек. А ты человека не знаешь, посему и не видишь. Где же тебе обморок?

Афанасий. О человек! Когда бы ты в голове моей не потушил остатков света молитвами твоими! Ты мне наскажешь, и до того уже доходит, что у меня ни очей, ни ушей, ни рук, ни ног не бывало.

Яков. Да только ли рук и ног? Ты весь ничто, ты умбра, ты тень не исповедующаяся: «Господи, человека нет?»

Афанасий. Почему же я не человек?

Яков. Может ли быть человеком то, что ничто?

Афанасий. Как же я ничто твое?

Яков. Скажи ж мне, почему есть ничтожество, дым, пар, тень?

Афанасий. Какая же причина лишила меня человечества?

Яков. Та, что ты не искал.

Афанасий. А не искал почему?

Яков. А почему не ищешь амбры?

Афанасий. Есть ли она и что то есть она, не знаю.

Яков. Не верующий о естестве человека не ищет его, не обретает и не знает его.

Афанасий. Как же прочие люди? Разве не разумеют? Всегда им человек в устах.

Яков. Все беседуют о всем, но не все знатоки. Бредут в след владеющей моды, как овцы. А человек разумеет путь свой.

Афанасий. И так они слабо знают и дурно видят?

Яков. Так, как ты, и тем же оком. Но что тебе до людей? «*Знай себя...*» Довольно про тебя. Тем мы не знаем себя, что всю жизнь любопытствуем в людях. Осудливое око наше дома слепотствует, а зевая на улицы, простирает луч свой во внутренность соседских стен, приникнув в самое их пищное блюдо и в самый горящий в спальне их ночной светильник. Отсюда критические беседы. Богатые столы во все колокола повсюду звонят осуждением. Какая польза любопытно зевать и ценить путь побочных путников, а презирать, без наблюдения ведущую нас стезю? Отсюда заблуждение, проступки, преткновение и падение. Что пособит знать, по скольку очей во лбу имеют жители лунные, и дозеваться через всепрехвальнейшее стеклянное око до чернеющих в луне пятен, если наша зеница дома не прозорлива? Кто дома слеп, тот и в гостях; и кто в своей горнице не порядочен, тот на рынке пуще не исправен. Если ж ты дома слеп, а в людях зрячий, знай притчу: «Врач, сам прежде исцелись!» Не твое то, но чужое око, что не тебе служит. Чучело тот, не мудрец, что не прежде учит сам себя. Лжемонета всегда по рынку бродит, дома пуще опасна. *Знай себя.* Тем-то не разумеем и Библии, что не знаем себя. Она-то есть вселенская лампада, огненная Фарийская вежа [21] для мореплавающей жизни нашей. Она-то есть: «Друг верный, кров крепкий». Обретший же его обрел сокровище. Но когда на домашней нашей стезе о бревно претыкаемся, тогда и на улицах друга нашего, нас, по лицу судящих лицемеров, самая мелочная соблазняет щепка; запутываемся, как кровожадная муха, в пагубную паутину плотских дум, подло ползущего сердца нашего; падаем в сеть и смятение нечистых уст наших; погрязаем, как олово, в потопе льстивого языка; погибаем вечно в священнейшем сем лабиринте [22], не достойны вкусить сладчайшей опой пасхи; «Единый я, пока перейду». Возвратись же в дом твой, о буйный человек! Выйди вон из тебя, дух

пытливый, а сам выйди из хора у Павла намеченных жен любопытных. Очисти свою прежде горницу, сыщи внутри себя свет, тогда найдешь и библейным сором погребенную драхму. Стань на собственной твоей страже с Аввакумом: «На страже моей стану». Слышь ушами! На страже моей, а не чужой: «*Знай себя,* довлеет для тебя».

Афанасий. Не без толку ты наврал. Но только то для моих зубов терпким и жестоким кажется, будто я даже и сам себя не знаю.

Яков. Не уповай на твое знание, а речи пророков почитай не пустыми. Не все то ложное, что тебе непонятное. Вздором тебе кажется тем, что не разумеешь. Не кичись твоею прозорливостью. Вспомни индийских путников: чем кто глупее, тем гордее и самолюбнее. Поверь, что не сдуру родилось Иеремиино слово: «Воззрел, и не было человека... и не видел мужа».

Афанасий. Разве ж около него людей не было?

Яков. А где ж сей твари нет? Но они были *умбра,* или тень, а не прямые люди.

Афанасий. Почему же они тень?

Яков. Потому что они тьма. Они не знали, так как и ты, человека, ухватившись, через слепоту свою, не за человека, но за обманчивую тень его, а сей-то человек — ложь, отвел их от истинного.

Афанасий. Изъясни мне, как ухватились за тень?

Яков. Ведь ты тень разумеешь. Если покупаешь сад, платишь деньги за яблоню, не за тень? Не безумен ли, кто яблоню меняет на тень? Ведь ты слыхал басню: пес, плывя хватал на воде тень от мяса, через то из уст прямой кус выпустил, а поток унес[23]. В сию то цель Диоген, в полдень с фонарем ища человека, когда отозвалась людская смесь: «А мы ж, де, разве не люди?» — отвечал: «Вы собаки...»[24]

Афанасий. Пожалуй, не примешивай к Предтече и к пророкам божиим Диогенишка. Иное дело — пророк, иное — философишка.

Яков. Имя есть то же — пророк и философ. Но не суди лица, суди слово его. Сам Христос сих, сидящих во тьме и сени смертной, называет псами. Не хорошо-де отнять хлеб у детей и бросить псам. А которые ухватились не за тень, но за прямого человека — «Дал им власть детьми божиими быть».

Афанасий. Ну! Быть так. Пускай сии песни люди хватаются за тень человеческую, как за лжемонету. Но сами же, однако, они суть человеки, люди почетные, а не мертвая тень.

Яков. Сень стени мила, а ночь тьме люба. Сродное к сродному склонно, а прилипчивость обоих сливает в ту же смесь. И сам ты таков, каково то, что любишь и объемлешь. Любящий тьму: сам ты тьма и сын тьмы.

Афанасий. А! А! чувствует нос мой кадильницу твою. Туда ты завеял, что и я тень? Нет, Якуша! Я тени не ловлю.

Яков. Я давича еще сказал, что ты одна из сих бесчисленных, земной шар обременяющих, мертвых теней, которым предтеча и весь пророческий хор точным сидельцам адским благовествуют истинного человека. Безумие есть в 1 000 крат тяжелее свинца. Самая тягчайшая глупость образуется сими сына Амосова словами: «Отяжелело сердце их, тяжко ушами слышать». Сие тяжкосердие, сиречь долой садящееся, прокислого и грубого сердца, мыслей его дрожжи, в самый центр земной погрязает, как олово, откуда тебя выдрать никак невозможно. Сердце твое, возлюбившее суетную ложь и лживую гибель тени человеческой, кто силен поднять из бездн земных, дабы выскочить могло на гору воскресения и узреть целомудренным взором блаженного оного, на седалище губителей не севшего Давидова мужа? «Удивил господь преподобного своего». Шатайся ж, гони ветры, люби суету или ложь, хватай тень, печись, мучься, жгись.

Афанасий. О мучишь меня, паче египетской гадательной оной Льво-Девы! [25] Низвергаешь в центр земли, садишь в преисподнюю ада, связываешь неразрешимыми узами гаданий, а я хоть не Самсон и не решительный оный предревний Эдип [26], однако доселе нахожусь перед тобою, Якуша, и волен, и не связан, по пословице «Мехом пугаешь».

Яков. Кто дурак, тот и в Иерусалиме глуп, а кто слеп, тому везде ночь. Если ты тень — везде для тебя ад.

Афанасий. Право ты, друг, забавен, люблю тебя. Можешь и о враках речь вести трагедиально. Вижу, что твой хранитель есть ангел витийства. Тебе-то дано, как притча есть: «Ex musca elephantem», «Ex cloaca aream» [27];

скажу напрямик: из кота — кита, а из нужника создать Спон.

Яков. Как хочешь ругайся и шпыняй, а я с Исаией: «Как ласточка, так возопию, и как голубь, так поучусь».

Афанасий. Вот нашел громогласную птицу! Разве она твоему пророку лебедем показалась? А твоего голубя курица никак не глупее.

Яков. О кожаный мех! «Да выклюет ворон ругающее отца око твое!»

Афанасий. Ты, как сам странными и крутыми дышешь мыслями, так и единомышленники твои, дикие думы, странным отрыгают языком. Сказать притчею: «По губам салат».

Яков. А не то же ли поет и твой пророк Горáций: «Porticibus non iudiciis utere vulgi» [28]? По мосту-мосточку с народом ходи, а по разуму его себя не веди.

Болен вкус твой, тем дурен и суд твой. Чувствуй же, что мудрых дум дичина состоит в том, что она отстоит от бродячих по улицам и торжищам дрожжей мирского поверия. И гораздо скорее встретишься на улицах с глинкою, чем с алмазом. Многие ли из людей могут похвалиться: «Знаю человека», когда сам человек жалеет о себе? «Смотрел и не узнавал меня?» Все устремили взор свой на мертвость и ложь. «Взглянут на него, его же прокололи». А на сердце им никогда не всходит оный: «Никто не сокрушится из него, род же его кто исповедает?»

Афанасий. Ну, добро, быть так! Но за что ты меня назвал кожаным мехом?

Яков. Ты не только мех, но чучело и идол поля Деирского, поругавшийся божию пророку.

Афанасий. Но прежде выправься, как я мех?

Яков. Видал ли ты деревенскую маску, что зовут кобыла [29]?

Афанасий. Знаю, в ней ловят тетеревов. Что же?

Яков. Ну! Если бы в таких масках 1 000 человек на смотр твой пришли и прошли, можно ли сказать, что ты был им инспектор или обсерватор?

Афанасий. Кто исправно носит кобылу, можно видеть, но, кто он внутри есть и какой человек, почем знать? Ври далее.

Яков. К чему же далее? Уже видишь, что ты не только мех, но чучело и болван.

Афанасий. Вот тебе на! За какой грех?

Яков. За тот, что ты, всех виденных тобою в жизни человеков, одну только на них кожу видел и плоть, а плоть есть идол, сиречь видимость; видимость же есть то мертвая крыша, закрывающая внутри истинного оного человека: «Положил во тьму тайну свою», «Се сей стоит за стеною нашею», «Посреди вас стоит, его же не знаете», «Слышь, Израиль! Господь бог твой посреди тебя». Видишь, что и человек твой, и ты с ним — кожаный, дряхлый, мертв, прах, тень... «Каков земной, таковы и...»

Афанасий. Вот он куда выехал!

Яков. Собери не только всех виденных, но всего земного, если можешь и лунного шара людей, свяжи в один сноп, закрой им, будто колосы, головы, смотри на подошвы их тысячу лет, надень очки, прибавь прозорливое стекло, зевай,— ничего не увидишь, кроме соломы оной: «Всякая плоть сено». А я, в похвалу твоей прозорливости, воспою: «Мудрого очи его в голове его, очи же безумных на концах земли».

Афанасий. Что ты, взбесился, что ли? Я людям никогда не заглядывал в подошвы, а око мое сидит в голове моей.

Яков. Что ты пень, что ли? Разве свиное око не в голове ее? Чувствуешь ли, что голова есть болван? Сей болван, как начальною частью есть своего болвана, так у пророков значит невидимую во всякой плоти, господствующую в ней, силу ее и начало. А хвост, подошва, пята есть фигура праха, половы, отрубей, дрожжей, и что только есть грубое, подлое и дебелое во всяком творении, как бурда, брага, сыр, грязь и проч. То же бы значило, когда бы Соломон сказал и так: «Очи безумных на хвостах земли». Когда слышишь сие: «Блюсти будешь его пяту», разумей так: будешь обсерватор наружный, из числа тех «Осягнут, как слепые стену», «Полижут прах, как змеи, ползущие по земле». Враги истинного человека — «Враги его прах полижут». «Смерть спасет их», поедающих плоды смертной плоти, горькую и гладкую тень гибельной смоковницы, минувших самое дерево райское. «Взалчут на вечер...»

Когда слышишь: «Изопьют все грешные земли дрожжи», разумей, что устранившиеся и бродящие по окольно-

ным околицам и наружным городским ругам [30], шатающиеся по концам и хвостам с евангельским бесным по пустым местам, по распутиям вне селений и гробовищам имущие скотское, и женское оное рассуждение: «Души мужей, женам подобных, взалчут». Все сии, ей, не вкусят сладчайшей оной сыпа царева вечери: «Не должен пить... Пока пью новое вино в царствии небесном». Все сии содомляне толпятся под вечер в дом Лотов к ангелам, но не входят, а только извне обходят по лужам, окружающим стены города: алчны и жадны, труждающиеся и обремененны. Главная причина сему есть подлая и прегрубая, тяжелее олова, а грубее сыра тяжесть сердца их. Погрязают сыновья сии тяжкосердые, как олово. «Голова окружения их, труд умен их». «Прокисло, как молоко, сердце их. О Исаия!» «Узнай, как пепел, сердце их, и прельщаются». «Зачем любите суету и ищите ложь?» «Вкусите и увидите», «Как удивил господь преподобного своего», «Возведите очи ваши...»

Что ж ты, друг мой, думаешь? Ты все, как слепой содомлянин, одно осязаешь. Всяка тлень есть то одно. Очувствуйся. Мертв ты. Привязался ты к твоему трупу, ни о чем сверх него не помышляя.

Одно, а не двое в себе видишь и, к сему прилепляясь, исполняешь пословицу: «Глуп, кто двоих насчитать не знает». Глядишь в зеркало, не думая про себя. Взираешь на тень, не помня яблони самой, смотришь на след, а не вздумаешь про льва, куда сей след ведет. Зеваешь на радугу, а не памятуешь о солнце, образуемом красками ее. Сие значит: одно пустое в себе видеть, а посему и не разуметь, и не знать себя, самого себя. Разуметь же — значит сверх видного предмета провидеть умом нечто невидное, обетованное видным: «Поклонитесь, и увидите...» Сие-то есть хранить, наблюдать, примечать, сиречь при известном понять безвестное, а с предстоящего, будто с высокой горы, умный луч, как праволучную стрелу в цель, метать в отдаленную тайность. Отсюда родилось слово *символ* [31]. Вот что значит взойти на Сион, на соломоновскую вооруженную башню, стоять на страже с Аввакумом и быть обсерватором. Так-то блистает, как солнце, и как праволучные стрелы молнии, ум праведных, имущих души свои в руке божией, и не прикоснется к ним мука. Они, как искры по стеблию, через всю углями их опустошаемую тлень текут, взлетают и возносятся

к вечному, как стрелы сильного изощренны, вооружившие столп Давидов, в колчане тела тленного сокровенные. Сии божественные сердца и души, воскрылившись посребренными оными, Ноевой голубицы, крыльями: «Крылья ее — крылья огня», и вверх в чертог вечности устремляясь орлим [32].

Афанасий. Ей!..

БЕСЕДА 2-Я

Нареченная Observatorium specula [1], по-еврейски — Сион

Что есть истинное блаженство? На чем оно твердо стоит? — Конечно, камень оный есть великий, дивный и единый.

Лица: Афанасий, Яков, Ермолай, Лонгин, Григорий

Афанасий. Скажи мне, Григорий, для чего эллины назвали блаженство εὐδαιμονία [2], сиречь благоразумие, а блаженного εὐδαίμων?

Григорий. Ты ж мне скажи, для чего евреи назвали оное ж светом? Оно не солнце. «Воссияет вам, боящимся имени моего, солнце правды...» Малахия.

Афанасий. Не для того ли, что умное око, как свет и фонарь во тьме, предводительствует нам, когда блаженства ищем? А всякое сомнение и невежество есть тьма.

Яков. Умное око есть нам вождь во всех делах. Неужели хорошая скрипица и табакерка наречется у тебя свет и благоразумие?

Григорий. Δαίμων или Даймон [3], или демон — значит дух видения. Каждый же человек состоит из двоих, противостоящих себе и борющихся, начал или естеств: из горнего и подлого, сиречь из вечности и тления. Посему в каждом живут два демона или ангела, сиречь вестники и посланники своих царей: ангел благой и злой, хранитель и губитель, мирный и мятежный, светлый и темный... Справьтесь, о други мои, с собою, загляните внутрь себя. Ей, сказываю вам, увидите тайную борьбу двоих мысленных воинств, наипаче при начинании важного дела. Вникните только и возникните на думное сердца вашего поле, всех океанов и всяких небес пространнейшее. В один час сколькие тысячи перелетают пернатых, и молнии быстрейших дум ваших во все концы Вселенной, и во всю подлебесную пресмыкающихся? Нет дела, ни самого мелочного действия, которому бы не были они

началом и семенем. Горнее духов ополчение немолчно вопиет: «Кто, как бог?», «Всякая плоть сено, и ничто». «Дух животворит слово божие». «Внял ли ты рабу моему Иову?» «Ты, Христос, сын бога живого...» А дольнее в бездне сердечной противоречит: «Нет бога». «Плоть и кровь все животворит». «Зря ли чтит Иов бога?» «Доходы то делают». «Христос обманывает народы...» Обе сии армии, как потоки от источников, зависят от таковых же, двоих своих начал: горнего и дольнего, от духа и плоти, от бога и сатаны[a], от Христа и антихриста. Великая и благая дума есть главный ангел, весть благая, совет правый, уста премудрые, язык ново-огненный, благовестие мира, слово жизни, семя благословенное, слово спасительное и напротив того. Теперь скажи, Афанасий, борются ли твои мысли?

А ф а н а с и й. Ей, отгадал ты! Одна мысль вопиет во мне, или скажу с пророком Захариею: «Ангел, говорящий во мне,— новое, не полезное возвещает Сковорода». А неприязненный ангел хитро противоречит и шепчет, как Еве, вот что: «Тонко чересчур прядет, не годится на рубаху паутина». Я же в Исаии недавно читал сие: «Полотно паутинное ткут», и не будет-де им во одеяние. Говорит о ветрогонах, поучающихся тщетному, презревших полезное. И подлинно — «Лета наши, как паутина».

Я к о в. Ябедник из тех же законов, как змий из тех же цветов, не мед, но яд высасывает; а диявол в той же Библии весь вкус из своего чрева, как паук паутину из собственного своего брюха тончайше и глаже шелка, ведет, а не от божиего духа, как министр Лже-Христа[4], а не законного царя, которого верховный благовестник вот чем хвалится: «Мы же ум Христов имеем».

Л о н г и н. И я чувствую моих духов борьбу.

Е р м о л а й. А во мне таков же спор тайно шумит.

Я к о в. Сие и дивно, и не дивно. Дивно, что мало кто усердствует заглядывать внутрь, испытывать и узнавать себя. А не дивно потому, что непрерывная сия брань в каждом до единого сердце не усыпает. Во мне самом сердечный избыток, или неисчерпаемый родник, от самого рождества моего не родил ни слова, ни дела, чтоб начинанию его преисподних духов с небесными силами брань не предыграла, так как на небе борющихся ветров шум

[a] От отца истины и от отца лжи.

предваряет грядущую весну. Сие мне приметно не было в юношеских летах. Буйные мои мысли презирали оную притчу: «Всяк Еремей про себя разумей». Странные редкости и ветреные новости отманивали их от вкуса, как оной, так и сей общенародной речи: «Хорош Дон, но что лучше, как свой дом?» Казалось, что в доме моем все для меня равно приятели. А мне и на ум не приходило оное евангельское: «Враги человеку домашние его». Наконец, усилившаяся, как пожар, в телесном домишке моем нестройность буйности, расточенных по беспутиям мыслей, будто южный ветер потоки, собрала воедино, а мне на память и во внимание привела сказанное оное к исцелевшему бесноватому слово Христово: «Возвратись в дом твой». От того начала, благоденствия моего весна воссияла. Итак, слово твое, Григорий, и дивно, и не дивно, и новое, и древнее, и редкое, и общее. Однак благая во мне дума, или скажу с патриархом Исааком: ангел мой похваляет слово твое, а клеветник нем.

Ермолай. Ангел твой, о друг ты мой Яков, «который тебя сохраняет от всякого зла», не прельщается, похваляя древнюю новость и новую древность. Все то не великое, что не заключает в себе купно древности и новости. Если во времена соломоновские не едали грибов, а ныне встал изобретатель оных, сие не великое, ибо не древнее, а не древнее потому, что без сего люди живали древле блаженно. Что древнее, как премудрость, истина, бог? Все дела не для всех, а сие — всем временам, странам и людям, столько для каждого нужное, сколько для корабля компас и кормило, а для путника Товии — наставник Рафаил. Премудрость чувствует вкус во всесладчайшей истине, а истина скрывалась в боге и бог в ней. Сей есть единый краеугольный камень для всех зиждущих храм блаженства, и премудрая симметрия[5] для строющих ковчег покоя. Сия есть единая, святых святейшая, древностей древность. Но где ты мне опять найдешь сердце, управляемое компасом и телескопом веры божией? Вот сия ж самая древность есть предивная редкость, новость, чудо! А хулящий ее есть пакостник плоти, ангел сатанин. Не люди сему виною, но сердцами их овладевший хульный дух.

Лонгин. Да, вспомнил и я, что Христов наперсник называет закон его новым: «Новую заповедь даю вам». Правда, что истинная есть Соломонова притча: «Брат от

брата помогаемый... и проч.». Есть такая же и русская: «Доброе братство лучше богатства».

Однак сей необоримый град все презирают, и дружней любви адамант блистает весьма в редких местах. Вот тебе новинка! Но опять, когда превечный сей совет есть древнейшая всех тварей симметрия и «крепка, как смерть, любовь», ревностным сострастием, всех миров системы связавшая и обращающая, тогда он же в послании своем нарицает его ветхим. Сам богочеловек, которого не подлый дух, по праху ползущий, как змий, но вышний оный архангел деве благовестит, нарицается новым Адамом и ветхим днями: «Бог любви есть». И так: «Немы да будут уста льстивые», слово твое, Григорий, хулящие.

А ф а н а с и й. А мне взошли на память гордые мудрецы пышной плоти, с ругательством вопрошающие: что есть сатана, где он, подай его, проклятого, сюда, мне в руки. Много ль у него рогов?.. Не правду ли сказывает апостол: «Хуля — не разумеют»? Судите — не они ли сами с рогами? И не забавны ли для сына Сирахова? «Нечестивый, проклинающий сатану, сам клянет свою душу». Умный в карточной игре лабет[6] быть может, а благой и злой дух есть для них небыль. Вот тебе преддверие в лабиринт безбожия! Уничтожив ангельские чины, легко сказать: «Нет бога». Так как затаскав по-филистимски живой воды потоки, сам собою становится источник неисследованным и невероятным.

Я к о в. Оставь филистимов и хамов: «Всяк Еремей про себя разумей». Не люди сему виною, но овладевший сердцами их дух клеветнический. Если в тебе человеческое сердце, сожалей, а если угодно, ревнуй и гневайся, но избегая вражды и злобной гордости с ядовитою насмешкою. Кто гонит человека за веру, есть самый главный божиему человеколюбию враг, равен озлобляющему нищего за то, что не захотел Христа ради в милостыню принять одежды. Берегись, друг мой, дабы не вкрался, под светлою маскою в недро твое хитрый змий, дабы ангельская любовь к богу не преобразила тебя в диявола для людей. Не забывай учительского оного пути: «Не знаете, какого вы духа». Ангельскими языками говори, а людей все люби. Истинная любовь не самолюбива.

Г р и г о р и й. А я радуюсь о единомыслии нашем. Довлеет мне вас четырех согласие. Горные мысли в тяжко-

сердных душах не водворяются! Самый чистейший спирт небесный, нареченный у эллинов[a] ἀὴρα, по-римски тоже aura, не живет разве только выше облаков. Возвратимся ж на путь течения речи нашей. По числу ангелов разделите весь род человеческий на два рода: на вышний и нижний, на правый и левый, на благословенный и отрыновенный. Теперь можно всякого вопросить: «Наш ли ты или от супостатов наших?» «Какого духа ты?» Нет здесь нейтральности по двойному роду людей, вспомните евангельское распутие: путь узкий и пространный, правый и левый. Жизнь наша есть путешествие. Левый, через триумфальные ворота, через увеселительные перспективы и цветоносные луга, низводит в преисподнюю, прямо сказать, в грусть не усыпающих в душе червей. Правый во входе жесток и стропотен, в прочем мало-помалу гладок, напоследок сладок, в исходе — сладчайший. Так как всякое благое дело в зачатии и в корне горькое, а в половах своих сладкое, и сеявшие со слезами жнут с радостию. Правым шествует род праведных, за руководством ангела мирного, верного наставника, хранителя душ и тел наших. И как сам вождь их светел, так и род оный есть благоумный, благодуховный, благоуханный, а жизнь их есть вот то-то: эвдемония, благовоние, благовеяние, какое дышит смирна, стакта и касия. Отсюда родилось у нас слово *благоговение,* отсюда у древних всякая благоспешная удача называлась диксиома[7]! Десничие, правой руки дело, а люди — сыны света и десницы, например: Вениамин — значит сын десницы. Шуйский[8] же род, или левый, во всем оному есть противен. Негодную подлость и у нас, в Малороссии, называют шуя. Без сомнения то же, что шуия и чуть ли не отсюда родилось слово сие — *ленив.* Будто левин сын, не десницын. Но я уже заврался. Вот вам для чего в эллинской древности блаженство наречено εὐδαιμονία.

А ф а н а с и й. Ныне мне открылись сии Павловы речи: «Примите меня, как ангела божьего». «Христово благовоние мы». И сам таков есть всяк, к каковому ангелу прилепляется. Сии суть добрые девы. «В благовоние мира твоего течем?» Но ах! Скудно их... Не пусто плачет, о Иеремия! «Оскудели добрые девы». Род лукавый и

[a] Называется также αἰθήρ — эфир, aether — эфир (лат.), Coelum, quod supra nubes [Небо, которое над облаками] (лат.). В Библии: «Дух холода тонкого». «Царств[о] духа есть бог».

прелюбодейный повсюду умножается. Все сии не войдут в брачный покой чертога женихового. «Не знаю вас!»

Ермолай. Мне непрестанно в очах мечтается искуситель учителя нашего в пустыне. О бесстыдный! На кого не дерзнет наступить, когда козненные свои наветы не устыдился воздвигнуть на главу всех божиих мужей и пророков? «Кинься вниз». Возможно ли, дабы повалился в дольнюю грязь и подлость смрадную, сказавший истину сию: «Я от вышних». Кто свыше и в горнем рожден, никак не вмещает духов, отсылаемых в стадо свиное: «Вы от нижних». Но опять, сколь приятен был ему ангел в саду, побуждающий его к высоте терпения, по благоволению и естеству горнего отца его.

Лонгин. Конечно, тебе сад сей, где беседуем, навел такие мысли. И мне сии, перед нами цветущие крыны сельные, дышущие в обоняние наше фимиамом своего благоухания, возвели на сердце сидящего на гробном камне Матфеева ангела, благовествующего мироносицам оного единого человека: «Род же его кто исповедает?» «Я цвет полевой и крын удольный». Для стерегущих гроб ангел мой ужасен, но для мироносиц сколь красен! Световиден, как молния и как крын, исполнивший воздух благоухания. Не оно ли моего тайно касается обоняния, услаждая горящее во мне, с Клеопою и Лукою, сердце мое?.. «Крылья ее, крылья огня». «Полечу и почию».

Афанасий. Нет, брат, постой! Высоко не долетишь. Дабы возмочь обонять благоуханне нетленного оного человека, нужно нажить оный нос: «Нос твой, как столп Ливанский». Сим-то носом обоняет Исаак ризы сына своего Иакова. Потеряли было сей нос и зато услышали вот что: «О несмышленные галаты!» «И косные сердцем...» Остервеневшую луну и земного человека каждое око видит. «Безумный, как луна изменяется». До небесного оного человека: «И поднимется от земли жизнь его, как первородное луны; не узрит, разве пребыстрое чувство». «Тебе подобает расти, мне же...» «Пребудет с солнцем и прежде луны». Все те были безносые, которых вопрошает Павел: «Приняли ли духа святого?» Мы-де и не знаем, есть ли и что он значит? Хотя царедворец, однак, без носа был тогда и евнух тот, что спрашивал Филиппа: «Скажи, о каком человеке столь великолепно говорит Исаия?» Не без толку у евреев не ставили в священники безносых и кратконосых. Лишенный чувства, обоняющего Христово

благовонне, и не могущий похвалиться: «Знаю человека», как может показаться другим невеждам: «Се ягненок божий». Соломоновская невеста кроме похваляемого братом носа имеет голубины очи. Сими благородными чувствами не дивно, что провидит не стареющегося оленя, высоко скачущего и перескакивающего по горам и холмам: «Чувство праведных благоспешно».

Я к о в. Носатых носатый хвалит. Ангел божий, схвативший вверх за волосы Аввакума и Филиппа, может и друга нашего Лонгина поднять в горнее. Неужели думаешь, что он лыс? Думаешь так, а оно не так. Дух веры не прозорливая ли есть премудрость? Не она ли есть блаженная седина и волосы оные: «Волос головы вашей не погибнет». Не он ли восхищает и хор мироносиц? Благоуханное миро божьей веры в сердце их, достаточный для благовестника повод, чтобы схватить и поднять их из ползания в горнее. Вера зрит неосязаемого человека, и он не смотрит на тлень, кроме веры: «Господи, очи твои зрят на веру». Сей благовестил сына и пречистой Марии, сей и Захарии, но при Фимиаме же веры, сей же обещает родителям израильского избавителя Самсона. Но и здесь действует не гибнущий волос веры: «Железо не взойдет на голову его». Сии же волосы и нетленные веры лучи украшали и озаряли и Моисееву голову, восхитили Еноха и всех оных с Павлом: «Поднял вас, как на крыльях орлиных, и привел вас к себе». Воплощенный ангел Павел хвалится, что и ему волосы головы помазал бог духом своим так, как и Исаии: «Помазавший нас бог...» «Дух господен на мне...» А как верует, так и благовестит ползущим: «Встань, спящий...» Так, как Исаия некоему горестному книжнику: «Что ты здесь, и что тебе здесь?..» То же, что евангельский ангел: «Что ищете, нет здесь...» «Там его узрите, о косные сердцем!» И восхищает их в горнее галилейское, где «видевшие его, поклонилися ему...» «И тот невидим был им». Тогда прямо увидели, когда стал невиден и не осязаем так, как когда исчез из глаз телесный друга моего болван, тогда осталось в моем сердце сердце его, как магнитный дух в стальном кольце: «Крепка, как смерть, любовь...» «Крылья ее — крылья огня». А когда плотская любовь столь сильно веет и гонит к смертностным вожделениям, то равно и дух божией любви жесток, как буря, шумен, как от вина, углием огненным и пламенем варит, как ад, жжет сердце,

воскрыляет и устремляет в горнее: «Жестока, как ад, ревность». И так мило мне, когда признался Лонгин, что рушит сердце жало ревности божией и утробу ему так, как Луке и Клеопе. Признаться ли вам, что и мою утробу трогает тот же пламень? Часто он угашается плотским жаром. Но кто прямо вкусил красоты горнего человека, сил любви ни вода многая угасить, ни реки потопить не могут: «Ни настоящая, ни грядущая...» «Ополчится ангел господен...» Простудит Вавилонскую печь и избавит их. «Исчезнет сердце мое и плоть моя...»

Григорий. Се уже слышали мы — о двоих началах, о двойном роде ангелов и людей, о двоеличии человеческой жизни. Впрочем, ныне сами доумевайте, что от сих же источников рождается двойной вкус в Библии: добрый и лукавый, спасительный и погибельный, ложный и истинный, мудрый и безумный...

Яков. Нет легче доуметь, как в сем. Змий из той же коровы сосет молоко и преображает в яд, а человек слушает притчи: «Взбивай молоко — и будет масло». Душевному человеку Лотово пьянство, Давидово и Соломоново женолюбие — смрад, яд и смерть, а духовному — благовоние, еда, пища и жизнь. Вера горняя возьмет змия и не язвится, в печи не опаляется, в море не погрязает, яд и смерть ест и пьет, и оттого здоровая, вот «знамения верующим!». Библия есть не только корова, но и ад, и змий, и лютый поглощающий лев. Но в жестокости сего льва находят с Самсоном сот сладости те: «Десница твоя примет меня...» Сей дракон для таких целительный, и дерево сладчайших райских плодов, но не тем «полижут прах, как змии, ползущие по земле». «Тот сотрет твою главу», чудо израильское! Где вера находит сладчайшую, паче меда и сота, пищу, там тяжкосердную душу кусают песии мухи и шершни: «Пошлю на них шершней...»

Афанасий. Берегись, Яков, ты уже сделал Библию древним чудовищем, мучившим древле египтян. Имя ее — Сфинкс, девичья голова, туловище львиное...

Яков. Не обынуясь, друг мой, сказываю, что она-то есть лев, обходящий Вселенную, рычащий и терзающий, напавший на бедного читателя с левой стороны. Пропал он в адских ее челюстях. Ты же, о Израиль, не бойся Ияков! «Встретит его, как мать», укроет его от зноя, успокоит в материнском лоне, ухлебит хлебом и напоит во-

дою. «Вода глубока — совет в сердце мужа». «Пьющий от воды сей, не вжаждется вовеки».

Афанасий. Так не она ж ли есть и блудница оная у Соломона, за которой следом волочатся буйные молодчики? Она горчайшая ада. Бегут-де, «как олень, стрелою уязвленный в ятра». «Не знающий, что на душу свою течет». Куда она заводит их? О лютый язык ее! «Зубы его, зубы львовы, убивающие душу...»

Яков. О друг мой! Отгадал ты. Се та блудница. «Слова потопные, язык льстив сей блудницы». Она наводит всемирный потоп. Но вера с Ноем из негниющего зиждет себе безопасную храмину. Она по-римски — arca, то же, что по-эллински — ἀρχή. Сие есть имя божие. «Покроет тебя божие начало». От сей блудницы спас ангел обручника: «Иосиф, не бойся». Немного не попал, мимо Рахиль, на прелоокую Лию [9].

Ермолай. Не отгадаю ли и я? Не Библия ли есть оные смертоносные источники, преображаемые Елисеем в спасительные, когда их осолил солью пророк? Засорили их филистины.

Яков. Ты в самый центр попал. Очищает их Исаак, осоляет Елисей, освящает, погружая в них Христа, Предтеча, а сам Христос претворяет безвкусную их воду в вино новое, которое «веселит сердце человека». А Мойсей горним жезлом разделяет и услаждает невкусную их горесть по-Павловому: «Слово ваше да будет солью растворенное». «О боге похвалю слово, о господе похвалю слово».

Лонгин. Дух гадания тронул и меня. Не она ли есть оный, что в Даниле, семиглавый змий, жен и младенцев погубляющий? «Змий сей, которого создал ты». Хоть он кит, хоть дракон, есть то Библия.

Яков. Не излился ли на вас, други мои, дух оный от вышнего? «Изолью от духа моего». «Старцы ваши сны узрят...» Кто силен сие разрешить, если не будет бог с ним? Дух веры все испытывает и все открывает. Сему змию в челюсти вместо соли ввергает Даниил гемолку, пилюлю или котишок. Тогда сего аспида малое отрочá повести может.

Ермолай. Любезный мой котишок, что значит сей шарик? Или вопрошу тебя по-еврейски: *манна* — что сие?

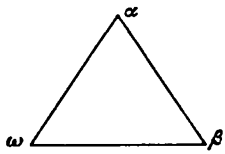
Яков. Он слеплен из смирны, из древесной шерсти и из тука. Пошел прямо в брюхо змиино.

Ермолай. Говори, друг мой, поскорее, не мучь меня. «Доколе возьмешь душу нашу?»

Яков. Фу! Разве не знаешь, кто был в чреве китовом?

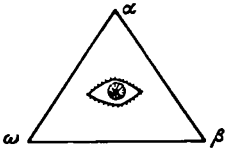
Ермолай. Ах! Ты теперь пуще омрачил меня.

Яков. Веровал, тем же заговорил. Сей шарик есть присносущный центр пресвятой вечности. В храмах божиих изображается так:

В центре треугольника око.

1. *Альфа* — всякую тварь предваряет.
2. ω — *мега,* после всей твари остается.
3. *Вита* есть рождающаяся и исчезающая середина, но по началу и концу вечная. Сия троица есть единица[a]: «Трисолнечное единство», «недремлющее око...»

Ермолай. Не знаю, что-то Афанасий все улыбается.

Афанасий. Треугольник твой, Якуша, пахнет Пифагором [10]. Опасно, чтоб ты не накадил и духом Платоновским [11], а мы ищем Христова духа.

Лонгин. И мне кажется, будто запахли платоновские идеи.

Яков. Пифагорствую или платонствую — нет нужды, только бы не идолопоклонствовал. И Павел и Аполлос суть ничто с Авраамом. «Ибо никто не благ...»

Григорий. Дайте покой! Пожалуйста, не трогайте его. Он слово благое извлек от верующего сердца. С верою грязь есть у бога дражайшая чистого золота. Не на

[a] Τριγήλιος Μονὰς καὶ Φύσις[12].

лица глядя судите. Вспомните вдовин пенязь [13]. Не заключайте боговедения в тесноте палестинской. Доходят к богу и волхвы, сиречь философы. Единый бог иудеев и язычников, единая и премудрость. Не весь Израиль мудр. Не все и язычники тьма. Познал господь сущих его. Собирает со всех четырех ветров. Всяк для него есть Авраамом, только бы сердцем обладал дух божией веры: без коей и Авраам не мог оправдаться, и никто иной. Единый дух веры оправдает и племя, и страну, и время, и пол, и чин, и возраст, и разум. Иноплеменник Наеман исцелился в Иордане, где тщетно омывался необрезанный сердцем Израиль. Куда глупое самолюбие! Кланяетесь в храмах треугольнику, изображенному не разумеющим оного живописцем, а сей же образ, у любомудрцев толком божества озаренный, ругаете. Не сие ли есть: «Кланяетесь тому, чего не знаете?» Не разжевав хлеба сего Христова, как можете претворить и пресуществовать в животворящий сок? Не сие ли есть суд себе желать и смерть, дабы исполнилось писание: «Идя, удавился?» Взгляните, слепцы, на божие хлебы, называемые просфора, сиречь приношение. Не видите ли, что на одном из семи, на верху его ложе треугольника, вырезанного копием священничьим, раздробляемого и влагаемого в уста причастникам? Священник не пророк ли есть? А пророк — не любомудрый ли, и прозорливый муж, ни министр ли и апостол божий из тех числа: «Безвестную и тайную премудрость твою явил мне ты». «Научу беззаконных путям твоим». Не хлеб сей есть, но *хлеб* преосуществленный, он есть дух божий, тайна троицы, и не вино стихийное, не вино физическое, но вино новое нетления, вино Христовой премудрости, веселящей сердца верных. Сего премудрости духа, в хлеб сей и в вино если не вдунуть, что осталось вкусить? Разве смерть: «Смерть спасет их». «Близко ты, господи, у стен их, далече же от сердец их». Сего же ради пророк Даниил влагает в челюсть змиину таинственный хлебец.

А ф а н а с и й. Какой вздор! Там хлебец в устах змииных, а у нас треугольник в хлебце. Не лепится что-то, не могу согласовать.

Г р и г о р и й. Куда ты, друг мой, остр и шаток в ругательствах! А в разуме пророческих тайн сердце твое коснее черепахи. Разжуй хорошенько, почувствуешь вкус.

Там хлебец в голове змииной, а здесь треугольник в хлебе. «Тот сотрет...»

Афанасий. Воля твоя, не лепится. Там в голове, будто в горшке, хлеб, а здесь, в хлебе, хлебик треугольный. Хлеб и горшок — разница.

Григорий. О косный галат, мой брат! Догадайся, что змиина голова и хлеб есть то же.

Афанасий. Боже мой! Сие невместимо для сердца моего.

Григорий. О любезное мне, простое твое, но неверное сердце!

Афанасий. Разжуй мне, тогда могу поверить.

Григорий. Библия не змий ли есть? Вход и дверь ее, не главизна ли книжная? Семь дней не семь ли глав? Семь солнц не семь ли хлебов? Не в сии ли хлебы вкидает Даниил хлебец оный? «В солнце положил селение свое». «Тот сотрет твою главу».

Солнце зашло... Прощайте!

ДИАЛОГ, ИЛИ РАЗГЛАГОЛ О ДРЕВНЕМ МИРЕ[1]

ЛЮБЕЗНОМУ ДРУГУ МИХАИЛУ ИОАННОВИЧУ КОВАЛИНСКОМУ

Писан 1772-го года, дан в дар 1788-го

Возлюбленный друг Михаил!

Прими от меня маленький сей подарок. Дарую тебе мою забавочку. Она божественная. Разглагол о древнем мире. Что есть наидревнейшее? Бог. Ты родился любиться с богом. Прими сию мою лепту. Читай. Мудрствуй. Прирасти ее и возрасти ее. От зерна изойдет благосеннолиственный дуб мамврийский. Сень его вместит хоть Всевселенную. Многие говорят, что ли делает в жизни Сковорода? Чем забавляется? Я же о господе радуюсь. Веселюсь о боге, спасе моем... *Забава,* по римски — oblectatio, по-эллински — диатриба, по славянски — глум, или глумление, есть корпфа[2] и верх, и цвет, и зерно человеческой жизни. Она есть центр каждой жизни. Все дела каждой жизни сюда текут, будто стебли, преобразуясь в зерно. Есть некие, без центра живущие, будто без гавани плывущие. А я о растленных не беседую. Своя каждому ведь забава мила. Я же поглумлюсь в заповедях вечного. Ты знаешь, как люблю его и как он возлюбил меня. Скажешь, как десять заповедей довлеют в долголетнюю забаву? Тьфу! Если бы и сугубый Мафусаилов век[3] и тогда довлеют. Ах, все омерзением и в омерзение исходит, кроме святыни. Ах, не зря Давид: «Дивные-де откровения твои». Все предваряют, все печатлеют. Всякой кончине суть концом и остатком без мерзости. Вечная мать святыня кормит мою старость. Я сосцы ее сосу без омерзения и алчу больше и больше. Я вовеки буду с нею, а она со мною. Все бо преходит, любезная же любовь нет. Кратко скажу: се есть диатриба и типик[4] моей жизни! «Блажен муж, который в премудрости ум-

рет и кто в разуме своем поучается святыне, размышляя о путях в сердце своем, и в сокровенных [тайнах] ее уразумится...» Любезный друже! Есть и пребуду твой Даниил Мейнгард [5].

ОСНОВАНИЕ ДИАЛОГА

«Помянул дни древние» (Псалом 142).

«Воззрите на древние роды» (Сирах).

«Погубите ветхое ветхих» (Моисей).

«Помянул судьбы твои отвека, господи, и утешился».

«Поведали мне законопреступницы глумления, но не как закон твой, господи» (Псалом 118).

Sola veritas est dulcis, viva, antiquissima, cetera omnia sunt foenum et heri natus fungus [6].

Разглагол о древнем мире

Лица: Афанасий, Иаков, Лонгин, Ермолай, Григорий

Григорий. Посмотрим же ныне на природных богопроповедников, заглянем в древние лета, если хотите.

Афанасий. О преславное зрелище! Но каким образом можно видеть древние лета? Можно ли на то взирать, что уже протекло? Если же протекло, тогда не видное. Как же взирать?

Лонгин. Если открывается театр самых древнейших времен, тогда можно видеть и людей. Вода без рыб, воздух без птиц, а время без людей быть не может.

Афанасий. Как же можно видеть прошедшие времена?

Иаков. Так можно видеть, как вчерашний жития твоего день, а вчерашний день так, как днешнее, прошедшее утро, а утро так, как полчаса сего, в котором находимся. Се ныне течет десятый час, тридцать четвертая минута, 1772-е лето от Христа, пятнадцатый день месяца мая, наконец, половину десятого часа сего прошедшую так видеть можно, как четыре минуты. Вот только что протекли они. А теперь пятая второй половины минута. Взгляните на часы!..

Афанасий. Что надлежит до вчерашнего жития моего дня, он мне во всей жизни есть сладчайшим зрелищем.

Лонгин. Как так?

А ф а н а с и й. Господи! Не мне, но имени твоему слава... Похвалюсь о господе перед друзьями. Вчера довелось в беседе спорить с некоторым моим соседом. Он разъярился, называл меня негодяем, жительству вредным, вором и прочее. Пришел я домой, по прошествии нескольких часов услышал женский и детский вой. Что за причина? Сказали мне, что до помянутого соседа приехал старинный его запмодавец с векселем, что не в силах оплатить 30-ти рублей по векселю, что никто на просьбу его, хотя обшастал 30 дворов, не помог ему и что напоследок берут его под стражу. Жалко мне стало. Схватив перо, написал ему следующее:

«Любезный друг! Благодарю вас, что подали мне случай к благодеянию. Посылаю вам 30 рублей. Употребите оные как собственные свои. Сим вечно меня одолжить можете.

Ваш усердный слуга Н. Н.»

Я послал деньги, а он освободился. На сие вчерашнее дело взирая, чувствую внутри богатство сладости, которой единой капли не отдал бы я за 1000 ефимков[7], а мне она вся стоила только 30 рублей.

Е р м о л а й. Дешевая купля твоя, а иной продает за 30 рублей и целого Христа.

Л о н г и н. Тем же оком, которым смотришь на вчерашнее время, можно взирать на самые авраамские времена. Павел все прошедшие лета заключает в сем слове (вчера), нынешние — в слове (днесь), а все будущее нарицает веком: «Иисус Христос вчера и днесь, тот же и вовеки».

Если бы сказал — вчера, и днесь, и завтра, сиречь во веки веков. Если кто видит днесь, тот видит и вчера, и откровением единого дня открывается 1000 лет. Она вмещается в одном дне, а день простирается в 1000 лет. Уразумей вечер седьмицы и узришь утро семи тысяч лет. «И был вечер, и было утро, но день один».

И а к о в. Может быть, и правда, что тысяча единообразных печатей заключается в одной такой же, а одна расходится в тысячу, и одна глиняная модель скрылась в десяти тысячах сосудов. «Все тем были...»

А ф а н а с и й. Каким же образом 1000 лет будет одним днем и вопреки?

Л о н г и н. Ох, не любопытствуй. Не все то ложное,

что младенческим умам не вместимое. Если не понимаешь, обуздай разум твой в послушание и веруй Петру святому... «Едино же сие да не утаится от вас, возлюбленные, как один день пред господом, как 1000 лет, и тысяча лет, как день один». Оглянись на псалом 89.

Афанасий. Верую, господи, что 1000 лет перед очами твоими, как день вчерашний...

Лонгин. Я бы мог тебе сказать и сие, что, если кто единого человека знает, тот всех знает. Один в тысяче, а тысяча, как человек один. Но сие не у нас, но перед господом.

Афанасий. Ах, перед господом! Скажи, где перед господом?

Лонгин. Там, на том мире, на другом свете.

Афанасий. Где же тот второй мир?

Лонгин. Там, где «второй человек — господь с небес».

Афанасий. А второй человек где?

Лонгин. Там, где второй мир.

Афанасий. А второй мир где?

Лонгин. Вот где! Послушай Петра святого: «Нового неба и новой земли хотим, по обетованию его, в них же правда живет». Видишь, что второй мир там, где новое небо и новая земля. Они его суть члены.

Афанасий. Где же новое небо и земля новая?

Лонгин. Там, где старое небо и земля

Афанасий. А старое небо где?

Иаков. Изрядный ты истец: еще нового не сыскал, а старый мир потерял. Старое небо под носом у тебя.

Афанасий. Ведь старое небо и старая земля везде?

Лонгин. Везде.

Афанасий. И нельзя сыскать места, ни на один центр пустого?

Лонгин. Нельзя.

Афанасий. Все наполнено старым небом и землею?

Лонгин. Все.

Афанасий. Где ж твой новый мир?

Лонгин. Везде.

Афанасий. Как же старый мир совместишь с новым?

Лонгин. Так, как тень с ее деревом. Взгляни на сию живую и благосеннолиственную яблоню.

Афанасий. Яблоня поднялась вверх, а тень протя-

нулась по долу. Тень на ином, а яблоня на ином месте. Тут дело иное.

Лонгин. Крайняя ведь часть тени лежит на земле, но начало и основание ее есть с яблонею вместе, и она никогда не бывает ни больше ни меньше яблони своей. Кратко сказать, тень яблоням меститься не мешает.

Афанасий. Вот так разве скажи: «Тень яблоням меститься не мешает».

Лонгин. Да я же так и сказываю.

Афанасий. Тень яблоне меститься не мешает.

Лонгин. Конечно.

Афанасий. Итак, ветхий мир есть тень нового?

Лонгин. Думаю и верую. А если совершенно уразумею, что так есть сие, тогда увижу его и, любя, возлюблю его в господе, а господа в мире его.

Афанасий. Ах! Бедненькие мы с нашим миром. Мир наш, век наш и человек наш есть то тень одна. Но почему мир наш есть тень?

Лонгин. Спрошу и я тебя. Почему тень есть тень?

Афанасий. Потому что проходит и не постоянствует.

Лонгин. Как же она проходит?

Афанасий. Когда солнце заходит, тогда тень исчезает, а тем скорее, чем больше простирается. Вчера была одна, днесь другая, завтра третья привидится. То рождается, то исчезает. А родившись, не стоит твердо, но от сего к тому месту уклоняется. Вопреки же яблоня лет сто стоит неподвижна.

Лонгин. Вот еще почему тень есть безделица! Она не есть дело, но некоею только иконою его является и придерживается его. Воззри же ныне тленным твоим оком на бездельную тень тленного твоего мира и воспой с Давидом: «Дни наши, как сень на земле, и нет постоянства». Он непрестанно переменяется. То рождается, то исчезает, то убывает, то уклоняется. Не многие ли тысячи теней ее в яблоне? Так тысяча наших лет в едином дне господнем сокрываются. Мир господен и день господен есть то древо жизни. А наш дряхлый, тенный и тленный мир есть то древо смерти. Оно глупомудрым сердцам видится добром, по естеству же своему есть лукавое. «И прикрыла их сень смертная».

Мир наш есть риза, а господен — тело. Небо наше

есть тень, а господнее — твердь. Земля наша — ад, смерть, а господняя — рай, воскресение. Век наш есть то ложь, мечта, суета, пар, ничто, а истина господня пребывает вовеки. Век наш есть то различие и разноформие тени, сечение песка, увядание цвета. Век же господен есть единство, тождество, адамант. День наш есть то же, что вечер, ночь, луна. День господен есть то вечное утро, свет неприступный, незаходимое солнце. «Господь близ». «Придет же день господен, как тать в ночи, в тот же день небеса с шумом мимо пройдут, стихии же сжигаемые, разорятся». А как мир наш и век зол, так и человек наш лукав. «Первый человек от земли тленный».

Афанасий. Таковых-то, думаю, 1000 в одном человеке, стоящем перед господом, а один божий человек в тысяче наших.

Лонгин. А я тебе сказываю, что не тысячи, но все наши, всех веков человеки, в едином господнем человеке так обретаются, как бессчетный всех наших миров хор скрывается в божием мире и в рае первородного оного мира, о котором Иов: «Кто меня устроит по месяцам прежних дней, в них же меня бог хранит». Сей-то есть день господен, как тать (смотри псалом 83-й, стих 11-й).

А как в боге разделения нет, но он есть простирающее по всем векам, местам и тварям единство. Итак, бог и мир его, и человек его есть то едино.

Афанасий. Чуден ты, господи! Чуден мир твой. Чуден человек твой.

Лонгин. Уразумей едино зерно яблочное, и достаточно тебе. Если же едино в нем дерево с коренем, с ветвями, с листьями и плодами скрылось, тогда можешь там же обрести бесчисленные садов миллионы, дерзаю сказать, и бесчисленные миры. Видишь ли в маленькой нашей крошке и в крошечном зерне ужасную бездну божией силы? Для чего же, вопреки, наша простирающаяся выше звезд обширность во едином божием пункте утаиться не могла бы? Если кто хоть мало нечто духом божиим вдохновлен, тот может скоро поверить, что в едином господнем человеке все наши земные вмещаются. Подлая наша природа, находясь тенью, находится обезьяною, подражающею во всем своей госпоже натуре. Сия рабыня внешностями своими, будто красками, наводит тень на все блаженной натуры дела, изображая тенью для тленных

и младенческих умов все сокровище, таящееся в неисчерпаемом недре господствующей природы, как невидимая есть присносущая истина. Итак, если нечто узнать хочешь в духе или в истине, усмотри прежде во плоти, спречь в наружности, и увидишь на ней печатлеемые следы божии, безвестные и тайные премудрости его обличающие, и будто тропинкою к ней ведущие.

Афанасий. Потише, господин мой! Не залетай с орлами во мрак облачный. Перестаю разуметь речь твою. Пряди погрубее ниточку для очей моих сельских.

Лонгин. Бывал ли ты когда в царских палатах? Стоял ли посреди чертога, имеющего все четыре стены и двери, покрытые, будто лаком, зеркалами?

Афанасий. Не довелось.

Лонгин. Стань же, если хочешь, на ровном месте и вели поставить вокруг себя сотню зеркал венцом. В то время увидишь, что один твой телесный болван владеет сотнею видов, от единого его зависящих. А как только отнять зеркала, вдруг все копии скрываются во своей исконности, или оригинале, будто ветви в зерне своем. Однако же телесный наш болван и сам есть единая только тень истинного *человека.* Сия тварь, будто обезьяна, образует лицевидным деянием невидимую и присносущую силу и божество того человека, которого все наши болваны суть, как бы зерцаловидные тени, то являющиеся, то исчезающие при том, как истина господня стоит неподвижна вовеки, утвердившая адамантово свое лицо, вмещающее бесчисленный песок наших теней, простираемых из вездесущего и неисчерпаемого недра ее бесконечно. «Сокроешь их в тайне лица твоего».

Сего-то человека видит блаженный Навин, как написано: «Воззрев очами своими, видит человека, стоящего пред ним». Разжуй всякое словцо, а во-первых, то: «воззрел» и то: «стоящего». А дни наши, как сень, и нет постоянства. Навину явилось то же, что Аврааму: «Воззрев очами своими, видит — и се три мужи». Авраам к чудному сему человеку говорит: «Я земля и пепел». А там пишется: «Стоящего против себя». Конечно ж, горний оный человек противного есть естества. А Навин — одна только тень и пепел. «Видит человека, стоящего против себя».

Ермолай. Господи! «Что есть *человек,* как помнишь его?» Мне видится, что Давид вопрошает бога

о том же чудном человеке, о котором прежде сказал: «Славою и честью венчал ты его».

Л о н г и н. Конечно, сему-то человеку дивится Давид, воззрев умными очами на великолепие его, поднявшееся превыше наших небес и стихий. Он видел, что из нашей братии человек всяк есть не то, что он, и разнится, как отстоит небо от земли. Будто бы сказал: «Ах, господи! Сколь чудный тот человек, которого сам ты почел человеком!» Он тебе, а ты ему друг. Он в тебе, а ты в нем. «Господи, что есть человек, как открылся ты ему».

Кто из нас, смертных, подобен ему? Ах, ни один! Наш род есть то земля, пепел, тень, вид, ничто... «Дни наши, как сень, проходят». Но твой человек есть вечно стоящий. «Поставил ты его... Все покорил ты под ноги его».

И а к о в. Нимало нет сомнения, чтобы Давидова речь не касалась чудного человека сего: «Что есть человек, как помнишь его?»

Рассудите слово сие: «помнишь его». Конечно же, он не земного нашего рода есть, если бог его помнит. Наш весь род исключен из его записи. Вот слушай: «Не соберу соборов их от крови и не помяну имен их устами моими». Мы-то плоть и кровь, и сено. Как может плоть и кровь устоять перед лицом господним? «Бог наш огонь поедающий есть».

Но о сем человеке пишется: «Посещаешь его». Видно, что чудный сей человек чужд есть плоти нашей и крови и все нашего мира стихии превосшедший. «Да вознесется великолепие твое превыше небес».

Г р и г о р и й. Если бы он был земной, тогда хотящим его видеть какая нужда была смотреть в гору? Ведь плотского человека скорее увидишь, в землю взор устремив, нежели зевая на небесный свод. Однак единогласно проповедуют: «Воззрел, воззрел». Вот, в ту же дудку дует и Даниил. Слушай: «Воздвиг очи мои и видел. И се муж един, облеченный в ризу льняную [а], и чресла его препоясаны златом светлым, тело же его, как фарсис [8]... Голос же слов его, как голос народа». В сих словах примечай то — «един», и то — «голос, как голос народа». Только что не сказал: един во всех, а все в нем. «И речет мне:

[а] Здесь разумеется лен, нарицаемый виссон, по эллински — βύσσος. Сей есть род каменного льна, неопаляемый в огне. Обозначает же нетление. Золото также имеет свои отребья. Огнем же очищенное и светится, и не сгорает, и есть бессмертия образ.

не бойся, муж желанный! Мир тебе!» Сего-то узрев, Давид удивился, поя с восторгом: «Господи, господь наш! Коль чудно имя твое!.. Да вознесется великолепие твое превыше небес».

Л о н г и н. Милый позор[9] сердечным моим очам открывается. Се вижу на пустом пути в поле вельможескую колесницу текущую, а сидящего в ней знаменитого господина. С кем же? С нищим, странником скитающимся. Они, сидя, беседуют, а перед ними лежит открытая книга. «Скажи, пожалуйста, разжуй мне хоть мало, — просит придворный пан, казначей царицы эфиопской. — Можешь ли знать, о друг ты мой Филипп, о каком человеке повествует Исаия следующее: «Как агнец на заколение ведется...» «Во смирении его суд его вознесется». «Род же его кто исповедает? Ибо поднимется от земли жизнь его».

Сделай милость! О себе ли, или об оном ком сия речь его?

Филипп. Какая польза читать пророков и не разуметь?

Евнух. Как же можно разуметь, если никто не наставит меня?

Филипп. О господин! Ей, воистину ты не невежда. Ибо не жаждет разума премудрости разве премудрый. Не думай же, пан милый, дабы Исаия сими столь великими словами величал тленного какого-либо человека. Пророк постоянен в речи своей. Не может похвалить то же, что недавно похулил. Разве вы позабыли? Вспомните вышереченное: «Всякая плоть — сено»,— недавно возопил[a]. Смотрите на Вселенную, наполненную такими, как мы, человеками, то рождающимися, то погибающими. Так возможно ли, чтоб пророк о себе или о другом дерзнул сказать: «Род же его кто исповедает?» Кто ж скажет, что наш род не земля, плоть, сено и тень? Но прозорливое Исаино око прозрело в плотской нашей тени особливого человека, который один только и есть, и о нем вопиет: «Поднимется от земли жизнь его...» А наше все родословие земное заключил в сем слове: «Всякая плоть — сено». И так Даниил сказал: «Голос слов его, как голос народа». Так и Исаия вопиет о том же муже: «Слово бога нашего

[a] Выше уже сказано сие: «Сын человеческий, возопий» (велел ему бог). «И что-де возопию» (вопрошает Исаия). А вот что (говорит ему бог): «Всякая плоть — сено» и прочее...

пребывает вовеки», будто бы на один тон пел с Даниилом: «Сила слова его, как сила в народе» [а].

Евнух. О Филипп! Чудеса ты насказал. Ты во мне смертное зажег желание видеть сего человека, я о нем от рождения слышу первый раз.

Филипп. Милостивый государь! «Крепка, как смерть, любовь...» Но когда великолепие оного человека превыше небес и выше всех наших стихий поднялось, тогда нельзя ползущим по земле и пресмыкающимся по стихиям взором видеть его. Сие значит — искать в мертвых живого и вести сего праведного и невинного агнца на заколение, стричь мертвенность волосов его, есть землю и мудрствовать о сене. Такова душа, как движущаяся по земле, не посвящается господу израпльскому и вне числа есть сего: «Святи их в истину твою: слово твое истина есть». Правда, что вся стихпйная подлость, будто риза, им носимая, его же самого она есть, и он в ней везде. Но не она им есть, ни он ею. И хотя в ней, но, кроме ее и выше ее, пребывает не местом, но святынею, и рассуждение о нем отнюдь не есть подлое, ибо «в смирении его суд о нем высок».

Сия стихийная его подлость и смирение его ж самого уничтожает перед нами. В ней-то мы, устремляя очи, погружаем и мысли наши и, засмотревшись на тень, не возводим сердечных очей в горнее истины рассуждение и в ведение истинного человека, как «поднимется от земли жизнь его» и «вознесется великолепие его превыше небес».

Итак, пан милый, если можешь возвести сердечное твое око от подлой натуры нашей в гору к оной господствующей святой красоте, в тот день можешь увидеть и единого оного божиего человека. Но никогда умный взор наш от смерти к жизни и от земли к небесным не восходит, разве в тот день: «В оный же стихии, сжигаемы, разорятся...» В день оный господен созидается сердце чистое в человеке, а в сердце вселяется слово сие, тайно вопиющее: «Плоть ничто же...»

Во время оное правда, с небес приникнувшая и одновременно воссиявшая из земли, истина палит и уничтожает все стихии, показывая, что они суть только одною

[а] Голос, слово, воля, веление, царствие, закон, сила, дух есть то же.

тенью истины. Утаенная же истина, как ризу, их носит. Видишь, государь, что единая только вера видит чудного оного человека, которого тенью все мы есть. Вера есть око прозорливое, сердце чистое, уста открытые. Она одна видит свет, во тьме стихийной светящийся. Видит, любит и благовестит его. Не видеть его есть то слепота; не слышать его есть то быть аспидом; не говорить о нем есть то быть немым. Вера всю сию мимотекущую сень, как воду непостоянную, преходит, вершит свой исход воскресением, очищенным чувством, взирая на человека, неприступным светом блистающего и «радуйтеся» говорящего.

Евнух. Сии мысли для меня особливо новые. Ах, я их давно жаждал. Теперь они долголетнейшую мою жажду утоляют. Ей! Священное писание есть то вода и купель. Се истинная вода. Вода и дух! Нищий Филипп духа к ней приложил. Ныне что возбраняет мне в ней креститься, умыться, очиститься сердцем от лукавствий и всех прежних моих началородных заблуждений и слепоты?..

Филипп. Воистину можно, если веруешь от всего сердца твоего в нетленного человека Христа Иисуса... Что касается и самого меня, «веровал, тем же возглаголал...»

Евнух. «Верую, что сын божий будет Иисус Христос»».

Ермолай. Конечно ж, в сию-то пресветлую страну приподнимает едящие землю сердца наши небесный наш человек и ползущих долу нас, спящих и мертвых, возбуждает следующим громом своим: «Восклонитеся и поднимите головы ваши, ибо приближается избавление ваше».

В сей-то стране живого человека узришь по сказке ангела: «Там его узрите...»

Иаков. Так же гонит и Павел почивающих на мертвых стихиях, возбуждая хамов, вверившихся мертвенности стихийной. «Как, возвращаетесь опять на немощные и худые стихии?» «Так же и мы, когда были молоды, под стихиями мира были порабощены».

И се мудрование мертвых сердец называет пустою философиею, которая бражничит по бурде стихийной, препятствующей философствовать по Христу, о котором к галатам [10]: «Послал бог духа, сына своего, в сердца ваши...» «Такое мудрование, поскольку вовсе райскому

нашему восходу в первородный мир мешает, оттаскивая долой око наше, для того будто в трубу трубит: «Если умрете с Христом от стихий мира, зачем как живущие в мире истязаетесь?» «Вышних ищите, где же есть Христос».

«О горнем мудрствуйте, а не о земном. Ибо умрете, и жизнь ваша сокровенна со Христом в боге».

«Мы не рабынины дети, но свободные».

«Вышний Иерусалим свободен есть».

Григорий. Труба Вселенной, Павел наш столько верным сердцем сладок, сколько аспидам противный. Ах, столько, как рождающая мать болит утробою, да вообразится в нас Христос! Сей молниевидный ангел неутомимо и чистосердечно очищает нам путь к переходу в гору Галилею, дабы нам обновиться духом ума и одеться в нового человека, созданного по богу в правде и преподобной истине. Он сам первый раз услышал животворящий голос блаженного сего человека возле Дамаска: «Саул! Саул! Что меня гонишь?»

О сем едином муже и хвалится: «Знаю человека...» И сим голосом нимало не разнится от данилловской музыки: «И се муж один, облаченный в ризу льняную».

А понеже сей есть живот вечный, дабы знать сего человека с отцом его, — истинного же счастия такова есть природа, что, чем множайших иметь в нем сопричастников, тем слаще и действительнее беззавистное сие добро становится и сим одним разнится от ложного мирского счастия, о котором подобное сказать никак невозможно, затем, что как сама наша природа есть тленная, так и счастия ее суть тесные пределы, участников не терпящие, разве с умалением своим, и, будто древесные тени, многих вместить не могущие. Того ради Павел, всего лишившись и собрав все усердие, гонится, течет, все пробегает, все минует, вперед простираясь, дабы коим-либо образом постигнуть и приобрести человека, которого все святостные виды (разумей: церковные церемонии) слабою некоею тенью быть видятся, затменным мановением к дражайшей истине и к крайнейшему концу приводящие, обещая блаженное во время свое явление сего прекраснейшего, паче всех сынов человеческих так, как обещает цветущая смоковница сладчайшие плоды. «Вменяю все тщетным быть, помимо превосходящего разумения Христа Иисуса, господа моего...» «Чтобы разуметь его

и силу воскресения его...» «И как достигну воскресения мертвых».

А как уже получил желанное, и исполнилось на нем сие его слово: «Не напрасно тек». «Знаю человека». «После всех, как некоему извергу, явился и мне в то время, дабы множеством соучастников премирное свое умножить счастие». К тому ж-де единому венцу славы не во тленных наших мирах, но в первородном божием и во дне господнем, вечно процветающему, поощряет и прочих всеми мерами к разумению, того же блаженного нетленного мужа возбуждая. «Восстань, спящий, и воскресни от мертвых — и осветит тебя Христос».

Долго ли тебе качаться по стихиям? О несчастный мертвец! Подними хоть мало погребенные твои мысли в гору, повыше стихийной тени, и узришь человека живого, неприступным светом блистающего. Тут мир твой, а не в твоем мятежном мире. Увидь со Авраамом и возрадуйся: «Авраам видел день мой и возрадовался».

Павел кричит в один тон с вопиющим Исаиею: «Восстань, восстань, Сион! Облекись в крепость твою! Истряси прах и восстань!..»

Сии ангелы божии высоким трубным гласом возбуждают спящих на земле и мертвых в сени стихийной, да воскреснут и узрят человека, выше облаков сидящего, и просветятся, как солнце.

А ф а н а с и й. Чудесная есть сия двоица трубачей.

Л о н г и н. Конечно, чудная. Они трубят не о земном каком-то человеке, но о том высоком муже, который отлучен от грешных и выше небес был: «И чудное имя его по всей земле».

Можно ли им во своей музыке разногласить? Их обоих труба есть согласна трубе святого Петра. «Во имя Иисуса Христа Назорея восстань и ходи! И беру его на правую руку, воздвигаю».

О, сколь прекрасное и согласное сих трубачей воскликновение: «И, вскочив, стал и ходил! И се исполнилась на нем трубача Захарии проповедь: «Се муж! Восток имя ему»». «А венец будет терпящим и удобным ему и разумевшим его».

И а к о в. Не Иезекииль ли воскрешает мертвецов на поле? «Поставил меня среди поля; оно же было полно костей». «Се я введу в вас дух живой!»

Что есть поле сие, если не мертвенность стихийная? В сию смерть погружены сердца наши. Сия есть земля Египетская и поле Танеос, спречь поле пагубы, и поле мертвецов, и поле жажды, о коем Иоиль: «Скоты полевые воззрели к тебе, как посохли источники водные, и огонь поел красные пустыни. Воззрели к тебе, дающему скотам пищу...» Не мы ли скоты полевые, опустившие очи наши на подошву поля? Для чего не возводим очей к тому: «Все покорил ты под ноги свои — овец и волов всех, еще же и скот полевой».

Для чего не взираем к тому: «Я цвет полей (полевой) и крын удольный»? Для чего не имеем ни очей, ни ушей и не слышим Исаии? «Провел их сквозь бездну, как и коня сквозь пустыню, и не утрудились, и как скоты по полю, и сошел дух от господа, и наставил их. Так провел ты людей твоих, да сотворив тебе единому имя славное».

Восстань, о ленивый дремлюк! Возведи очи твои, о сидящий в темнице! Минуй и проходи пустую бездну и стену твоих стихий. Воззри хоть мало, о тяжкосердая и ползущая душа, к тому: «Се сей стоит за стеною нашей, проглядающий».

Поднимися от поля и, если имеешь уши, слушай самого его. «Отвечает брат мой и глаголет мне: восстань, приди, ближнее мое, доброе мое!» Не думаешь ли, что брат сей внизу и в стихиях? Поверь же, пожалуйста, ангелам вопиющим: «Нет здесь! Восстал!» Поднимайся же и ты на гору Галилею. Не ползай по полю, как скот. Восклонись и подними голову твою с Давидом: «Возвел очи мои в гору...»

Знай, что вовеки не утолят жажды твоей подлые стихии и будешь вовеки в пламени сем: «О! О! Бегите от земли! В Сион спасайтесь!» Слышь! Что вопиет Захария? А Давида не слышит ли ухо твое? Где прибежище? Вот где! «Горы высокие оленям». Каким же образом желает олень на источники вод, так желает душа моя к тебе.

Но знаешь ли истинного сего оленя? Вот он тебе: «Вскочив, стал и ходит, и войдет с ними в церковь». Что есть церковь, если не гора его святая?

Е р м о л а й. Верно, что сии олени поднимаются к источникам, о которых Исаия: «Поищут воды, и не будет. Язык их от жажды иссохнет. Я господь бог, я услышу их, бог Израилев, и не оставлю их. Но отворю на горах реки и среди поля источники. Сотворю пустыню в лугах вод-

ных и жаждущую землю во водотечи. Да узрят и уразумеют, и помыслят, и узнают вместе, что рука господняя сотворила сие все».

А что Захария к уразумению того же божественного мужа сими словами — О! О! — возбуждает, видно из начала речи его, изреченной после откровения и видения его: «Воздвиг-де очи мои и видел. И се муж, и в руке его веревка землемерная».

Григорий. Захария то же самое трубит, что Иезекииль: «В тот день была на мне рука господня. И вела меня там. Во видении божием вела меня на землю Израилеву и поставила меня на горе очень высокой».

Когда говорит: «В тот день...» — проповедует всерадостный день, и век господен, и мпр первородный, все стихии превосходящий, о котором Даниил: «Тот переменяет времена и лета». Сие блаженное время есть наших времен окончание, а нового века начало по Даниилову слову: «Еще конец на (иное) время».

Сие пресветлое время и день господен нарицается у Иоиля: «День тьмы и бури, день облака и мглы».

В сих словах сопряжена есть истина и тень. День господен есть то свет, а наш — есть мгла, облако, буря и тьма. Сие есть то же, что «и был вечер, и было утро — день один». А когда говорит Иезекииль: «Вел меня там», тогда согласен ангелу, сидящему при гробе и глаголющему: «Там его узрите».

Когда же говорит: «Вел меня на землю Израилеву и поставил меня на горе высокой», тогда согласен с Иоилем: «Рай сладости— земля перед лицом его».

Сия земля есть новая, нагорняя, обетованная. Сюда введен и Давид: «Ввел меня в гору святую свою». «Тамде его узрите». Так вот же и послушаем! Тут же говорит Иезекииль: «И ввел меня там. И се муж! И вид его был, как видение меди блестящей. И в руке его была веревка плотницкая и трость землемерская».

Что ж ему говорит сей бессмертный муж? Вот что: «Смотри очами твоими и ушами твоими слушай. Того ради вошел ты сюда да покажу тебе и да покажешь ты все, что видишь, дому Израилеву».

Туда же за Иезекиилем грядут и дюжина апостолов: «Одиннадцать учеников шли в Галилею гору, когда же повелел им Иисус. И увидев его, поклонилися ему». Пришел Иисус и стал посреди них, и говорит им: «Мир вам!»

Но Даниил дружбу сего мужа прежде их получил. «Не бойся, муж желаний! Мир тебе!» «Идя научите всех язычников» есть то же, что «да покажешь дому Израилеву, Иезекииль, все, что видишь...»

А ф а н а с и й. Не можно довольно наудивляться, сколь согласная сих проповедников труба и музыка! Сия прекрасная святого духа музыка противится в лоб оной идола деирского музыке, какую поминают певцы в храмах так: «Согласная восшумела пищальская песнь — почитать златосотворенный, бездушный истукан» и прочее.

Подобало же петь так: «Разгласная восшумела...» Столь она мутна, раздорна и скверна, дышащая столпотворением. Сии же ангелы божии все поют, все вопиют, но о едином все проповедуют, о едином восклицают муже, в которого влюбился Исаия: «Воспою возлюбленному моему песнь».

Не сии ли те блаженные люди, о которых Давид: «Блаженные люди, ведущие воскликновение!» «Воскликните богу Иакова».

И а к о в. Без сомнения, они то суть. Все сии ангелы единогласно восклицают о том, который с плотью своею вознесся превыше небес, превзошел все мира стихии. И кто может очистить сердце свое от всей стихийной грязи да узрит очами сего человека: «Взойдет бог во воскликновении».

Держатся при земле очи наши, да его не познаем. Но сии все вестники божии видят лицо истинного человека не между мертвецами, в дольней нашей подлости рождающегося и исчезающего, как тень, но в горе святой его видят, с Навином человека стоящего и со Стефаном [11]. «Се вижу небеса открытые и сына человеческого, стоящего направо от бога».

Видят и насладиться в сытость не могут. Мы же не видим за стеною и мраком стихийным. «Положил во тьму тайну свою». О, сколь несмышленые и косные сердца наши!

Л о н г и н. Кто только удостоился видеть живого сего мужа, во мгновение делается проповедником его и слышит сие: «Вострубите в новомесячие». Мужеский ли пол или женский, как только явился ему воскресший человек, бежит и благовествует, с радостию великою возвещает о нем: — Воскрес, воскрес, воистину воскрес господь! Явился не только Симону [12], но и мне, малейшему, по-

знался. Тем самым познался мне, что невидимый для меня есть. Не вижу его в мертвых, но тем самым вижу его в живых. А видеть в стихиях — сие значит не видеть его и не знать его. Радуйтеся со мною! Погубленного обрел человека. Мы думали — мертв. Убили его негодные священники. «Попрали меня враги мои». Но я, маленькая тварь, есть свидетель его, что он воистину жив есть. Я искал его и обрел его. Растаяло сердце мое от витающего гласа его ко мне сего: «Дерзай! Радуйся! Мир тебе!»

Кто есть друг его, тот поверит благовестию. «Зима прошла, дождь отошел, отошел себе». «Се вижу небеса открытые!» «Знаю человека». «И се день третий, откуда же сие было».

Ах, день третий! День господен! Блаженны очи, видящие сушу твою с Ноевою голубицею! Ты прозябаешь зелье злака по роду своему. В твоем саду вижу мужа божиего, человека моего, жизнь мою. Он пасет меня и ничего меня не лишит.

Григорий. «Вострубите в новомесячие». Священная Библия есть то позлащенная духом труба и маленький мирок. В морских водах речи ее вся тварь и всякое дыхание, как зеркало, представляется. «Вострубите в новомесячие».

Но да не мните, что труба сия трубит о стихиях. Может ли о грязи вещать богу посвященная труба? Единого господа в ней всякое дыхание хвалит. Солнце, луна, звезды, земля, моря, воздух, огонь со своими исполнениями приосеняют и ведут к сему: «Положил во тьму тайну свою». «Се сей стоит за стеною нашею!»

Хотящие сею трубою проповедовать да поют единого господа с его миром и с человеком его. Да молчит тут всякая плоть человеческая! «Вострубите в новомесячие». Всякая плоть есть то сено, и вся слава человеческая есть то тлень, грязь, ветошь, ничто. «Вострубите в новомесячие». «Проповедуйте лето господне приятное, радостное, веселое!» «Престаньте от плача! Раздерите вретища!» Всяка стихия есть то сетование, плач, горесть. «Радуйся богу». «Примите псалом!» «Вострубите в новомесячие». «Как близок день господен». «Вострубите в благознаменитый день праздника вашего».

День господен есть праздник, мир, успокоение от всех трудов. Сия-то есть преблагословенная суббота, в коей господен человек почивает. Что ли есть почить, если не

вознестися выше всех мира нашего стихий? Что есть немощная стихия, всеминутно разоряемая, если не труд и болезнь? Долго ли мне ползать по земле? Долго ли есть хлеб болезни? Доколе положу советы в душе моей, болезни в сердце моем?.. Восстань, душа моя, не спи на стихиях! Нельзя почить на них. Они труд и болезнь. А если уверяешься им, тогда питаешь болезни в сердце твоем день и ночь. Вырви вперившееся во прах око твое. Подними в гору расслабленное твое тяжкосердие. Воззри вверх над небесну твердь. Не сливай в тождество ночи и дня. Видишь горькое, но есть еще тут же и сладкое. Чувствуешь труд, почувствуй и покой. При твоей ночи есть тут же и утро дня господнего. В одном оба места и в едином лице, но не в той же чести, не в той же природе. «И было утро, и был вечер».

Не полагай же болезней в сердце твоем. Полагаешь, если простираешь через день и через ночь. Простираешь, если не даешь места тут же и дню господню, не веруя, не взирая на высоту небесную. Что значит полагать болезни в сердце, если не мыслить и не советовать в душе своей, что всех тварей основанием есть огонь, воздух, вода, земля? Ах, несчастная душа моя! Для чего называешь ничтожное естество основательною твердию? Кто ослепил око твое? Ах, сия слепота от рождения твоего тебе. Не видишь истины, кроме тени ее. Не чувствуешь, что проходит мир сей. И не вчера начал: проходит всеминутно. Однако то же все в нем видим, все, что прежде было. Конечно ж, тут некая тайна. «Горе нарицающим свет тьмой!»

Блесни молниею, о преблаженное естество, и возгреми над бездною души моей сим громом: «Да будет свет!»

Во время это воззрю на мир твой, на день твой и на человека твоего. Во время это будет рука твоя на мне. В разумениях ее наставишь меня, проведя через стихии, как коня твоего, да исполнится: «И изойдете, и взыграете, как тельцы, от уз разрешенные».

РАЗГОВОР ПЯТИ ПУТНИКОВ ОБ ИСТИННОМ СЧАСТИИ В ЖИЗНИ

(Разговор дружеский о душевном мире)

А ф а н а с и й. Люди в жизни своей трудятся, мятутся, сокровиществуют, а для чего, то многие и сами не знают. Если рассудить, то всем человеческим затеям, сколько их там тысяч разных не бывает, выйдет один конец — радость сердца. Не для оной ли выбираем мы по вкусу нашему друзей, дабы от сообщения своих им мыслей иметь удовольствие; достаем высокие чины, дабы мнение наше от почтения других восхищалось; изобретаем разные напитки, кушанья, закуски для услаждения вкуса; изыскиваем разные музыки, сочиняем тьму концертов, менуэтов, танцев и контратанцев для увеселения слуха; созидаем хорошие дома, насаждаем сады, делаем златотканые парчи, материи, вышиваем их разными шелками и взору приятными цветами и обвешиваемся ими, дабы сим сделать приятное глазам и телу нежность доставить; составляем благовонные спирты, порошки, помады, духи и оными обоняние довольствуем. Словом, всеми способами, какие только вздумать можем, стараемся веселить дух наш. О, сколь великим весельем довольствуются знатные и достаток имеющие в свете персоны! В их-то домах радостью и удовольствием растворенный дух живет. О, сколь дорога ты, радость сердечная!

За тебя цари, князья и богатые несчетные тысячи платят; а мы, беднячье, достатков не имущие, как бы от крупиц, со столов их падающих, питаемся. Рассуди ж теперь, каким триумфом объяты все славные европейские города?

Я к о в. Подлинно великим. Однако я слыхал, что нигде нет больше забав и веселостей, как в Париже да в Венеции.

Афанасий. Верно, там их много, а пока их ты нам из Венеции перевезешь, то помрем здесь от скуки.

Григорий. Перестаньте врать, хорошие друзья, высокие чины, веселое место, различные игры и забавы и все ваши затеи не сильны обрадовать духа и тем выиграть овладевшую вами скуку.

Яков. А что ж сильно?

Григорий. Одно то, если узнать, в чем состоит истинное счастье, и приобрести оное.

Афанасий. Правда, мы родились к истинному счастию и путешествуем к нему, а жизнь наша есть путь, как река, текущий.

Яков. Я давно уже ищу счастия, да нигде я сыскать его не могу.

Григорий. Ежели вы подлинно сыскать его хотите, то разрешите мне сей вопрос: что для человека лучше всего?

Яков. Бог знает, и на что нас спрашиваешь о том, чего великие мудрецы усмотреть не могли и порознились в своих мнениях, как путники в дорогах. Ведь то, что лучше всего, то и выше всего, а что выше всего, то всему голова и конец. Сие главнейшее добро названо у древних философов окончанием всех добр и верховнейшим добром; кто же тебе может разрешить, что такое есть край и пристанище всех наших желаний?

Григорий. Потише, государь мой! Вы очень завысокосились. Так я вас проще спрошу: чего вы себе в жизни паче всего желаете?

Яков. Ты будто муравейник палкою покопал — так вдруг сим вопросом взволновал наши желания.

Афанасий. Я бы желал быть человеком высокочиновным, дабы мои подчиненные были крепки, как россияне, а добродетельны, как древние римляне; когда б у меня дом был, как в Венеции, а сад, как во Флоренции; чтоб быть мне и разумным, и ученым, и благородным, богатым, как бык на шерсть.

Григорий. Что ты врешь?

Афанасий. Дюжим, как лев, пригожим, как Венера...[1]

Яков. Взошла мне на память Венера, так называемая собачка.

Григорий. Извольте, государь мой, прибавить.

Яков. Хвостатым, как лев, головатым, как медведь, ухатым, как осел...

Григорий. Сомнительно, чтобы могли войти в уши божии столь бестолковые желания. Ты с твоими затеями похож на то дерево, которое желает быть в одно время и дубом, и кленом, и липою, и березою, и смоквою, и маслиною, и явором, и фиником, и розою, и рутою... солнцем и луною... хвостом и головою... Младенец, на руках матери сидящий, часто за нож, за огонь хватается, но премилосердная мать наша природа лучше знает о том, что нам полезно. Хотя плачем и рвемся, она сосцами своими всех нас по благопристойности питает и одевает, и сим добрый младенец доволен, а злородное семя беспокоится и других беспокоит. Сколько ж миллионов сих несчастных детей день и ночь вопят, ничем не довольны: одно дадут в руки, за новым чем плачут. Нельзя нам быть не несчастливыми.

Афанасий. Для чего?

Григорий. Не можем сыскать счастия.

Яков. Зачем?

Григорий. Затем, что не желаем и желать не можем.

Афанасий. Почему?

Григорий. Потому что не разумеем, в чем оно состоит. Голова делу то, чтоб узнать, откуда родится желание, от желания иск, потом получение; вот и благополучие, сиречь получение, что для тебя благо. Теперь понимай, что значит *премудрость*.

Яков. Я часто слышу слово сие — *премудрость*.

Григорий. Премудрости дело в том состоит, чтоб уразуметь то, в чем состоит счастие — вот правое крыло, а добродетель трудится сыскать. По сей причине она у эллинов и римлян мужеством и крепостию зовется — вот и левое. Без сих крыльев никоим образом нельзя выбраться и взлететь к благополучию. Премудрость — как остродальнозрительный орлиный глаз, а добродетель — как мужественные руки с легкими оленьими ногами. Сие божественное супружество живо изображено сею басенкою.

Яков. Ты из уст моих вырвал ее. Конечно, она о двух путниках — безногом и слепом [2].

Григорий. Ты, конечно, в мысль мою попал.

Афанасий. Расскажи же пообстоятельнее.

Григорий. Путник, обходя разные земли и государства, лишился ног. Тут пришло ему на мысль возвратиться в дом к отцу своему, куда он, опираясь руками, с превеликим трудом продолжал обратный путь свой. Наконец, доползши до горы, с которой виден уже был ему и дом отца его, лишился совсем и рук. Отсель живое око его взирало с веселою жадностью через реки, леса, стремнины, через пирамидных гор верхушки на блистающий издали замок, который был домом отца его и всей миролюбивой семьи, конец и венец всех подорожных трудов. Но то беда, что наш Обсерватор ни рук, ни ног действительных не имеет, а только мучится, как евангельский богач, смотря на Лазаря [3].

Между тем, осмотрясь назад, увидел нечаянно чудное и бедственное зрелище: бредет слепец, прислушивается, ощупывает посохом то вправо, то влево, и будто пьян, и с дороги отклоняется, подходит ближе, вздыхает: «Исчезли в суете дни наши...» «Пути твои, господи, укажи мне...» «Увы мне, как пришествие мое продолжится!..» И прочие таковы слова сам себе говорит, вздыхая, с частым преткновением и падением.

— Боюся, друг мой, чтоб не спугать тебя; кто ты такой? — спрашивал прозорливый.

— 34-й год путешествия моего, а ты мне на пути сем первый случился,— отвечал помраченный.— Странствование мое в разных краях света сослало меня в ссылку. Необыкновенный жар солнечных лучей в Аравии лишил меня очей, и я слеп уже возвращаюсь к отцу моему.

— А кто твой отец?

— Он живет в нагорном замке, называемом Миргород. Имя ему Ураний [4], а мое Практик.

— Боже мой, что ты мне говоришь? Я твой родной брат! — вскричал просвещенный,— я Обсерватор. Необыкновенная радость всегда печатлеется слезами. После изобильного слез излияния слепец с орошенными очами говорил брату своему следующее:

— Сладчайший брат! По слуху слыхал я о тебе, а теперь сердечное око мое видит тебя. Умилосердись, окончай мои бедствия, будь мне наставником. Скажу правду, что меня труд веселит, но всеминутное претыкание всю мою крепость уничтожает.

— Жаль мне,— говорил светлоокий,— что не могу тебе служить, любезная душа моя. Я путник, обошедший

уже одними ногами моими весь круг земли, они меня носили везде успешно, но каменистые в пути встречавшиеся горы лишили меня оных, и я, опираясь руками моими, продолжал путь мой, а на сем месте потерял и руки. Более уже ни ходить, ни ползать по земле не могу. Многие желали меня к сему употребить, но, неспособен ползать, не был им полезен...

— За сим дело не стало,— сказал слепой,— ты мне бремя легкое и любезное: возьму тебя, сокровище мое, на себя. Чистое око твое будь вечным тела моего обладателем и всех моих членов головою. Прекрати мучительство началородной тьмы, бесчеловечно меня гонящей по пустым пути его посторонностям; я твой конь: сядь на рамена мои и управляй мною, дражайший господин и брат!

— Сяду, брат мой, с охотою, дабы доказать нам истину написанного слова божия сего у притошника: «Брат от брата помогаемый есть, как град тверд и высок, укрепляется же, как основанное царство». Теперь взгляните на дивное дело божие: из двух человек составлен один, одно путничье лицо сделано из двоих сродностей без всякого смешения, но и без разделения взаимно служащих. Идет небывалый путник главнейшим путем, ни вправо, ни влево не уклоняясь, исправно переходит реки, леса, рвы и стремнины, проходит неровные горы, с веселием поднимается на высоту мирного города, обливает его светлый и благовонный воздух, выходит безмятежная толпа миром и любовью дышащих жителей, плещущих руками, ожидая на крыльце, и приемлет в недра блаженного объятия сам ветхий днями Ураний.

Яков. Так что ж тебе сказать?

Григорий. Объявите главное ваше желание.

Яков. Наше желание верховное в том, чтоб быть счастливыми.

Григорий. Где ж ты видал зверя или птицу без сих мыслей? Ты скажи, где и в чем искомое тобою счастие? А без сего, родной, ты слепец: он ищет отцовского замка, да не видит, где он. Знаю, что ищет счастия, но, не разумея, где оно, падает в несчастие... Премилосерднейшее естество всем без выбора душам открыло путь к счастию...

Афанасий. Постой! Сие слово, кажется, воняет ересью — всем без выбору!

Яков. Пожалуй, не мешай, господин православный суевер: все-на-все родилось на добрый конец. А добрый конец — разумей счастие. Так можно ли сказать, что не всякому дыханию открыла путь всеобщая мать наша натура к счастию?

Афанасий. И твоя натура пахнет идолопоклонством. Лучше сказать: бог открыл, не языческая твоя натура.

Яков. Здравствуй же, ольховый богослов! Если я, называя бога натурою, сделался язычником, то ты и сам давно уже преобразился в идолопоклонника.

Афанасий. Чего ради?

Яков. Того ради, что сие имя *бог* есть языческое название.

Афанасий. Пускай и так, но христиане уже сделали оное своим.

Яков. Для чего ж ты боишься бога назвать натурою, если первые христиане усвоили себе языческое название сие *бог*?

Афанасий. Много ты болтать научился.

Яков. Разве ты не слыхал никогда, что высочайшее существо свойственного себе имени не имеет?

Афанасий. Не имеет? А что ж за имя ему было у жидов? Какой-то Егова, разумеешь ли?

Яков. Не разумею.

Афанасий. Вот то-то оно, что не разумеешь.

Яков. Знаю только, что у Исаии на многих местах написано так: «Я есть, я есть, я есть сущий». Оставь, господин богослов, толкование слова для еврейских словотолковников, а сам внемли, что то за такое, что означается тем именем *сущий*. Не велика нужда знать, откуда сие слово родилось: хлеб — от хлеба или от хлопот, а в том только сила, чтоб узнать, что через то имя означается. В том-то жизнь состоит временная, если достать его.

Ермолай. Бог в помощь! Что у вас за спор? Я давно прислушиваюсь.

Афанасий. Здравствуй, друг!

Яков. Пожалуйста, будь судьею нашей ссоры.

Ермолай. Готов. А в чем дело?

Яков. Идолопоклонством почитает, если бога назвать натурою.

Ермолай. В Библии бог именуется: огнем, водою, ветром, железом, камнем и прочими бесчисленными име-

нами. Для чего ж его не назвать (натура) натурою? Что ж до моего мнения надлежит, нельзя сыскать важнее и богу приличнее имени, как сие. *Натура* есть римское слово, по-нашему *природа* или *естество*. Сим словом означается все-на-все, что только родится во всей мира сего машине, а что находится нерожденное, как огонь, и все родящееся вообще называется мир. Для чего...

А ф а н а с и й. Постой, все вещественное родилось, и рождается и сам господин огонь.

Е р м о л а й. Не спорю, друг мой, пускай, все вещественное родилось, так точно. Для чего же всю тварь заключающим именем, то есть натурою, не назвать того, в котором весь мир с рождениями своими, как прекрасное, цветущее дерево, закрывается в зерне своем и оттуда же является? Сверх того, слово сие *натура* не только всякое рождаемое и преходящее существо значит, но и тайную экономию той присносущной силы, которая везде имеет свой центр или среднюю главнейшую точку, а окольности своей нигде, так, как шар, которым оная сила живописью изображается: кто как бог? Она называется натурою потому, что все наружу происходящее, или рождаемое от тайных неограниченных ее недр, как от всеобщей матери чрева, временное свое имеет начало. А понеже сия мать, рождая, ни от кого не принимает, но сама собою рождает, называется и отцом, и началом, ни начала, ни конца не имущим, ни от места, ни от времени не зависящим. А изображают ее живописцы кольцом, перстнем или змием, в круг свитым, свой хвост своими же держащим зубами.

Сей повсеместной, всемогущей и премудрой силы действие называется тайным законом, правлением или царством, по всему материалу разлитым бесконечно и безвременно, сиречь нельзя о ней спросить, когда она началась — она всегда была, или пока она будет — она всегда будет, или до какого места простирается — она всегда везде есть. «На что ты, — говорит бог Мойсею, — спрашиваешь об имени моем, если можешь сквозь материальный мрак прозреть то, что всегда везде было, будет и есть — вот мое имя и естество». Имя в естестве, а оно в имени; одно другого не разнится; то ж одно и другое — оба вечны. Кто веры оком чрез мрак меня видит, тот и имя мое знает, а кто ищет о моем знать имени, тот, конечно, не знает меня и мое имя — все то одно; имя мое и я —

одно. Я тот, что есть. Я есмь сущий. Если кто знает бога, чем не есть, именует его сердце почитателя, все то действительно и доброе имя. Нет ничего, что один знает ἄρτος, а другой panus[5], только бы в разуме не порознились. Мойсей и Исаия именуют его сущий. Им подражая, Павел говорил: «Вчера и днесь тот же вовеки, а богослов другое имя дает: бог — любовь есть». Любовью называют то, что одинаково и несложное единство везде, всегда, во всем. Любовь и единство есть то же. Единство частей чуждое есть, посему разрешится ему есть дело лишнее, а погибнуть — совсем постороннее. Иеремия зовет мечом, а Павел словом именует живым, но оба то ж разумеют. Сей меч всю тлень разит, и все, как риза, обветшают, а слова закона и царствия его не мимо идут.

Григорий. Долго ли вам спорить? Возвратимся к нашему разговору.

Ермолай. О чем разговор?

Яков. О том, в чем состоит счастие.

Григорий. Премилосерднейшая мать наша натура и отец всякой утехи всякому без выбору дыханию открыл путь к счастию.

Яков. Доволен ли ты сим мнением?

Афанасий. Теперь доволен.

Григорий. Но то беда, что не ищем знать, в чем оно точно имеет свое поселение. Хватаемся и беремся за то, как за твердое наше основание, что одним только хорошим прикрылось видом. Источником несчастия есть нам наше бессоветие; оно-то нас пленяет, представляя горькое сладким, а сладкое горьким. Но сего б не было, если бы мы сами с собою посоветовались. Порассудимся, друзья мои, и справимся, к доброму делу приниматься никогда не поздно. Поищем, в чем твердость наша. Подумаем, таковая дума есть та самая сладчайшая богу молитва. Скажите мне, что такое для вас лучше всего? Если то сыщете, тогда и найдете и счастие точное; в то время до него и добраться можно.

Ермолай. Для меня кажется лучше все то, если быть во всем довольным.

Григорий. Скажи яснее!

Ермолай. На деньги, на землю, на здоровье, на людей и на все, что только ни есть на свете.

Яков. Чего ты засмеялся?

Афанасий. От радости, что случился дурачеству

моему товарищ. Сей так же быть желает: горбатым, как верблюд; брюхатым, как кит; носатым, как крокодил; пригожим, как хорт; аппетитным, как кабан, и прочее.

Григорий. Богословские уста, а не богословское сердце. Хорошо ты говоришь о боге, а желаешь нелепого. Не погневайся, друг мой, на мое чистосердечие. Представь себе бесчисленное число тех, которым никогда не видать изобилия: в образе больных и престарелых приведи на память всех нескладным телом рожденных. Неужель ты думаешь, что премилосердная и попечительная мать наша натура затворила им двери к счастию, сделавшись для них мачехою? Ах, пожалуй, не стесняй мне премудрого сего промысла в узкие пределы, не клевещи на всемогущее ее милосердие. Она для всякого дыхания добра, не для некоторых выборных из одного только человеческого рода; она рачительнейшим своим промыслом все то изготовила, без чего не может совершиться последнего червяка счастие, а если чего недостает, то, конечно, лишнего. Очей не имеет крот, но что ж ему? Птицы не знают корабельного строения — не надобно, а кому надобно — знает, лилия не знает фабрик, она и без них красна. Оставь же, друг мой, сие клеветливое на родную мать нашу прошение.

Ермолай. Я не клевещу и не подаю на нее челобитной.

Григорий. Ты клевещешь на ее милосердие.

Ермолай. Сохрани меня бог, я на бога не клевещу.

Григорий. Как не клевещешь? Сколько тысяч людей, лишенных того, чего ты желаешь?

Ермолай. Без числа, так что же?

Григорий. Удивительный человек! Так бог, по твоему определению, есть не милосердный?

Ермолай. Для чего?

Григорий. Для того, что затворил им путь к сему, чего ты желаешь так, как надежного твари счастия.

Ермолай. Так до чего ж мы теперь договорились?

Григорий. До того, что или ты с твоим желанием глуп, или господь не милосердный.

Ермолай. Не дай бог сего говорить.

Григорий. Почему знаешь, что получение твоего желания тебя осчастливит? Справься, сколько тысяч людей оное погубило? До коих пороков не приводит здравие с изобилием? Целые республики через оное пропали. Как

же ты изобилия желаешь, как счастия? Счастие несчастливыми не делает. Не видишь ли и теперь, сколь многих изобилие, как наводнение всемирного потопа, пожерло, а души их чрезмерными затеями, как мельничные камни, сами себя снедая, без зерна крутятся? Божие милосердие, конечно бы, осыпало тебя изобилием, если б оно было тебе надобное; а теперь выброси из души сие желание: оно совсем смердит родным мирским квасом...

Григорий. Да еще квасом прескверным, мирским, исполненным червей неусыпаемых, день и ночь умерщвляющих душу, и, как Соломон сказывает: вода глубока и чиста — совет в сердце мужа, так и я говорю, что квас прескверный, мирской — желание в сердце твоем. «Дал ты веселие в сердце моем», — Давид поет. А я скажу: «Взял ты смятение в сердце твоем».

Ермолай. Почему желание светское?

Григорий. Потому что общее.

Ермолай. Для чего же оно общее?

Григорий. Потому, что просмерделось и везде оно есть. Где ты мне сыщешь душу, не напоенную квасом сим? Кто не желает честей, сребра, волостей? Вот тебе источник ропота, жалоб, печалей, вражд, тяжеб, граблений, воровства, всех машин, крючков и хитростей. Из сего родника родятся измены, бунты, похищения, падения государств и всех несчастий бездна. «Господи, — говорит Петр святой в «Деяниях», — пусть ничто скверное не войдет в уста мои». На нашем языке скверное, а на эллинском лежит κοινόν, то есть общее — все то одно: общее, мирское, скверное. Мирское мнение не есть то в сердце мужа чистая вода, но болото — κοινόν, coenum — свиньям и бесам водворение. Кто им на сердце столь глубоко напечатлел сей кривой путь к счастию? Конечно, отец тьмы.

Сию тайную мрачного царства славу друг от друга приемля, заблуждают от славы света божиего, ведущего в истинное счастие, водимые засеянным мирских похотей духом, не вникнув в недра сладчайшей истины. А сие их заблуждение, сказать Иеремиины словами, написано на ногте адамантовом, на самом роге алтарей их. Откуда проистекают все речи и дело, так что сего началородного рукописания ни стереть, ни вырезать, ни разодрать невозможно, если не постарается сам о себе вседушно человек с богом, в Павле глаголющим: «Не наша брань...»

Препояши же, о человек, чресла твои истинные, вооружись против сего твоего злобного мнения. На что тебе засматриваться на манеры мирские? Ведь ты знаешь, что истина всегда в малолюдном числе просвещенных божиих человеков царствовала и царствует, а мир сей принять не может. Собери перед себя из всех живописцев и архитекторов и узнаешь, что живописная истина не во многих местах обитает, а самую большую их толпу посело невежество и неискусство.

Ермолай. Так сам ты скажи, в чем состоит истинное счастие?

Григорий. Первее узнай все то, в чем оно не состоит, а перешарив пустые закоулки, скорее доберешься туда, где оно обитает.

Яков. А без свечи по темным углам — как ему искать?

Григорий. Вот тебе свеча: премилосерднейший отец наш всем открыл путь к счастию. Сим каменем искушай золото и серебро, чистое ли?

Афанасий. А что ж, если кто испытывать не искусен?

Григорий. Вот так испытывай! Можно ли всем людям быть живописцами и архитекторами?

Афанасий. Никак нельзя, вздор нелепый.

Григорий. Так не тут же счастие. Видишь, что к сему не всякому путь открыт.

Афанасий. Как не может все тело быть оком, так сему не бывать никогда.

Григорий. Можно ли быть всем изобильными или чиновными, дюжими или пригожими, можно ли поместиться во Франции, можно ли в одном веке родиться? Нельзя никак! Видите, что родное счастие не в знатном чине, не в теле дарования, не в красной стране, не в славном веке, не в высоких науках, не в богатом изобилии.

Афанасий. Разве ж в знатном чине и в веселой стороне нельзя быть счастливым?

Григорий. Ты уже на другую сторону, как некий лях через кобылу, перескочил [6].

Афанасий. Как?

Григорий. Не мог сесть без подсаживания других, потом в двенадцатый раз, посилившись, перевалился

на другой бок: «Ну вас к черту! Передали перцу»,— сказал осердясь.

А ф а н а с и й. Да не о том спрашиваю я, о мне спрашиваю.

Г р и г о р и й. Ты недавно называл счастием высокий чин с изобилием, а теперь совсем отсюда выгоняешь оное. Я не говорю, что счастливый человек не может отправлять высокого звания, или жить в веселой стороне, или пользоваться изобилием, а только говорю, что не по чину, не по стороне, не по изобилию счастливым есть. Если в красном доме пировное изобилие пахнет, то причиною тому не углы красные; часто и не в славных пироги живут углах. Не красен дом углами, по пословице, красен пирогами. Можешь ли сказать, что все равнодушные жители и веселые во Франции?

А ф а н а с и й. Кто ж на этом подпишется?

Г р и г о р и й. Но если б сторона существом или эссенциею счастия была, непременно нельзя бы не быть всем счастливым. Во всякой статье есть счастлив ли и несчастлив ли. Не привязал бог счастия ни к временам Авраамовым, ни к предкам Соломоновым, ни к царствованию Давидову, ни к наукам, ни к статьям, ни к природным дарованиям, ни к изобилию: по сей причине не всем к нему путь открыл и праведен во всех делах своих.

А ф а н а с и й. Где ж счастия искать, если оно ни тут, ни там, нигде?

Г р и г о р и й. Я еще младенцем выучил, выслушай басенку[7]. Дед и баба сделали себе хату, да не прорубили ни одного окошка. Не весела хата. Что делать? По долгом размышлении определено в сенате идти за светом доставать. Взяли мех, разинули его в самый полдень перед солнцем, чтоб набрать, будто муки, внести в хатку.

Сделав несколь раз, есть ли свет? Смотрят — ничего нет. Догадалась баба, что свет, как вино, из меха вытекает. Надобно поскорее бежать с мехом. Бегучи, на дверях оба сенаторы — один ногою, другой головою — зашиблись. Зашумел между ними спор. «Конечно, ты выстарел ум».— «А ты и родилась без него». Хотели поход восприять на чужие горы и грунта за светом; помешал им странный монах. Он имел от роду лет только 50, но в сообщении света великий был хитрец. «За вашу хлеб и соль не должно секретной пользы утаить»,— сказал монах. По его совету старик взял топор, начал прорубывать стену

с таковыми словами: «Свет весельний, свет жизненный, свет повсеместный, свет присносущный, свет нелицеприятный, посети, и просвети, и освети храмину мою». Вдруг отворилась стена, наполнил храмину сладкий свет, и от того времени даже до сего дня начали в той стране созидать светлые горницы.

Афанасий. Целый свет не видал столько бестолковых, сколько твой дед да баба.

Григорий. Он мой и твой вместе, и всех...

Афанасий. Пропадай он! Как ему имя?

Григорий. Иш.

Афанасий. Иш, к черту его.

Григорий. Ты его избегаешь, а он с тобою всегда.

Афанасий. Как со мною?

Григорий. Если не хочешь быть с ним, то будешь самим им.

Афанасий. Вот навязался со своим дедом.

Григорий. Что ж нужды в имени, если ты делом точный Иш.

Афанасий. Поди себе прочь с ним.

Ермолай. А бабу как зовут?

Григорий. Мут.

Яков. Мут от Иша[8] не разлучится, сия опера сопряженная.

Григорий. Но не родные ли Иши все мы есть? Ищем счастия по сторонам, по векам, по статьям, а оное есть везде и всегда с нами, как рыба в воде, так мы в нем, а оно около нас ищет самих нас. Нет его нигде, затем что есть везде. Оно же преподобное солнечному сиянию: отвори только вход ему в душу твою. Оно всегда толкает в стену твою, ищет прохода и не сыскивает; а твое сердце темное и невеселое, тьма наверху бездны. Скажи, пожалуй, не вздор ли и не сумасбродство ли, что человек печется о драгоценнейшем венце? А на что? На то, будто в простой шапке нельзя наслаждаться тем счастливым и всемирным светом, к которому льется сия молитва: «Услышь, о блаженный, вечное имеющий и всевидящее око!» Безумный муж со злою женою выходит вон из дому своего, ищет счастия вне себя, бродит по разным званиям, достает блистающее имя, обвешивается светлым платьем, притягивает разновидную сволочь золотой монеты и серебряной посуды, находит друзей и безумья товарищей, чтоб занести в душу луч блаженного светила и светлого

блаженства... Есть ли свет? Смотрят — ничего нет... Взгляни теперь на волнующееся море, на многомятежную во всяком веке, стороне и статьи толпу людей, так называемую мир, или свет; чего он не делает? Воюет, тяжбы водит, коварничает, печется, затевает, строит, разоряет, кручинится, тенит. Не видится ль тебе, что Иш и Мут в хатку бегут? Есть ли свет? Смотрят — ничего нет.

Яков. Блаженный Иш и счастливая Мут; они в кончину дней своих домолилися, чтоб всевидящее, недремлющее, великое всего мира око, светило, храмину их просветило, а прочим вечная мука, мятеж и шатанье.

Лонгин. Дай бог радоваться!

Григорий. О, любезная душа! Какой дух научил тебя так витаться? Благодарим тебя за сие поздравление.

Яков. Так виталися всегда древние христиане.

Ермолай. Не дивно. Сей витальный образец свойственный Христу господу. Он рожден божиим миром. В мире принес нам, благовествуя, мир, всяк ум превосходящий. Снисходит к нам с миром. «Мир дому сему», мир вам, учит о мире: «Новую заповедь даю вам...» Отходя, мир же оставляет: «Мир мой даю вам, дерзайте! Не бойтеся! Радуйтесь!»

Афанасий. Знаешь ли, о чем между нами разговор?

Лонгин. Я все до точки слышал.

Афанасий. Он под тою яблонею сидел, конечно. Отгадал ли я?

Лонгин. Вы не могли видеть меня за ветвями.

Григорий. Скажи, любезный Лонгин, есть ли беднее тварь от того человека, который не дознался, что такое лучшее для него и желательнее всего?

Лонгин. Я и сам часто удивляюсь, что мы в посторонних околичностях чересчур любопытны, рачительны и проницательны: измерили море, землю, воздух и небеса и обеспокоили брюхо земное ради металлов, размежевали планеты, доискались в Луне гор, рек и городов, нашли закомплетных миров неисчетное множество, строим непонятные машины, засыпаем бездны, возвращаем и привлекаем стремления водные, что денно новые опыты и дикие изобретения.

Боже мой, чего не умеем, чего мы не можем! Но то горе, что при всем том кажется, что чего-то великого не-

достает. Нет того, чего п сказать не умеем: одно только знаем, что недостает чего-то, а что оно такое, не понимаем. Похожи на бессловесного младенца: он только плачет, не в силах знать, ни сказать, в чем ему нужда, одну только досаду чувствует. Сие явное души нашей неудовольствие не может ли нам дать догадаться, что все сии науки не могут мыслей наших насытить? Бездна душевная оными (видишь) наполняется. Пожрали мы бесчисленное множество обращающихся, как на английских колокольнях, часов с планетами, а планет с горами, морями и городами, да, однако ж, алчем; не умаляется, а рождается наша жажда.

Математика, медицина, физика, механика, музыка с своими буйными сестрами; чем изобильнее их вкушаем, тем пуще палит сердце наше голод и жажда, а грубая наша остолбенелость не может догадаться, что все они суть служанки при госпоже и хвост при своей голове, без которой все туловище недействительно. И что несытее, беспокойнее и вреднее, как человеческое сердце, сими рабынями без своей начальницы вооруженное? Чего ж оное не дерзает предпринять?

Дух несытости гонит народ, способствует, стремится за склонностью, как корабль и коляска без управителя, без совета, и предвидения, и удовольствия. Взалкав, как пес, с ропотом вечно глотая прах и пепел гибнущий, лихвы отчужденные еще от лона, заблудившие от чрева, минув существенную истину над душевною бездною внутри нас гремящего сие: «Я есть, я есть сущий». А понеже не справились, в чем для них самая нужнейшая надобность и что такое есть предел, черта и край все-на-всех желаний и намерений, дабы все свои дела приводить к сему главнейшему и надежнейшему пункту, затем пренебрегли и царицу всех служебных сих духов или наук от земли в землю возвращающихся, минуя милосердную дверь ее, открывающую исход и вводящую мысли наши от низовых подлостей тени к пресветлой и существенной исте не увядающего счастия.

Теперь подумайте, друзья мои, и скажите, в чем состоит самонужнейшая надобность? Что есть для вас лучше и саможелательнее всего? Что такое сделать вас может счастливыми? Рассуждайте заблаговременно, выйдите из числа беспутных путников, которые и сами не могут

сказать, куда идут и зачем! Житие наше есть путь, а исход к счастию не коротенький...

А ф а н а с и й. Я давно бы сказал мое желание, да не приходит мне в ум то, что для меня лучшее в свете.

Л о н г и н. Ах человек! Постыдись сего говорить! Если краснеет запад солнечный, пророчествуем, что завтрашний день восияет чистый, а если зарумянится восток,— стужа и непогода будет сего дня, все говорим — и бывает так. Скажи, пожалуйста, если бы житель из городов, населенных в Луне, к нам на шар наш земной пришел, не удивился бы нашей премудрости, видя, что небесные знаки столь искусно понимаем, и в то время вне себя стал бы наш лунатик, когда б узнал, что мы в экономии крошечного мира нашего, как в маленьких лондонских часах, слепые, несмелые и совершений трудных ничего не примечаем и не заботимся об удивительнейших всех систем системе нашего телишка. Скажи, пожалуйста, не заслужили бы мы у нашего гостя имени бестолкового математика, который твердо разумеет циркуль, окружением своим многие миллионы миль вмещающий, а в маленьком золотом кольце той же силы и вкуса чувствовать не может? Или безумного того книжника дал бы нам по самой справедливости титуляцию, кто слова и письмена в 15 аршин разуметь и читать может, а то же, альфа или омега на маленькой бумажке или на ногте написанное, совсем ему непонятно? Конечно, назвал бы нас тою ведьмою, которая знает, какое кушанье в чужих горшках кипит, а в своем доме и слепа, и нерадива, и голодна. И чуть ли таковой мудрец не из числа тех жен, своего дома не берегущих, которых великий Павел называет любознательными или волокитами. Я наук не хулю и самое последнее ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что, на них надеясь, пренебрегаем верховнейшую науку, до которой всякому веку, стране и состоянию, полу и возрасту для того отворена дверь, что счастие всем без выбора есть нужное, чего, кроме нее, ни о какой науке сказать не можно. И сим всевысочайший веками и системами вечно владеющий парламент довольно доказал, что он всегда праведен есть и правы суды его.

Я к о в. Конечно, не за то муж жену наказывает, что в гостях была и пиво пила, сие дело доброе, но за то, что дома не ночевала.

Лонгин. Еще нам не было слышно имя сие (математика), а наши предки давно уже имели построенные храмы Христовой школы. В ней обучается весь род человеческий сродного себе счастия, и сия-то есть католическая, то есть всеродная, наука. Языческие кумирницы или капища суть те же храмы Христового учения и школы. В них и на них написано было премудрейшее и всеблаженнейшее слово сие: γνῶθι σεαυτόν, nosce te ipsum — «узнай себя». Без прекословия то же точно у нас самих, вот: «Внемли себе, внимай себе» (Мойсей). «Царствие божие внутри вас есть» (Христос). «Вы есть храм бога живого» (Павел). «Себя знающие премудры» (Соломон). «Если не узнаешь самое тебя» (Соломон). «Закон твой посреди чрева моего» (Давид). «А не верующий уже осужден есть» (Христос).

Но языческие храмы за лицемерие неискусных пророков, то есть священников или учителей, совсем уже попорчены и сделалися мерзости запустением, в то время когда истина, будто живая источниковая вода, скотскими ногами затаскана и погребена. Сие случилось и самим иудеям, у которых часто через долгое время была зарыта истина за оскудение Исааковых отроков, прочищающих Авраамовы источники, а на умножение самсонов и филистимов, забрасывающих землею воду, скачущую в живот вечный. И так сии фонтаны глубоко были погребены, что, как видно из Библии, в силу великую могли найти в храме божием закон господен, то есть узнать себя и обрести силу царствия божиего и правды его внутри себя. Да мы и сами теперь гораздо отродились от древних христианских предков, перед которыми блаженными очами истина господня от земли возведена и сила светлого воскресения, от гроба воздвигнутая, в полном своем сияла блистании. Но не очень искусно и у нас теперь обучают; причина сему та, что никто не хочет от дел житейских упразднитьсяи очистить сердце свое, чтоб мог вникнуть в недра сокровенной в святейшем библейном храме сладчайшей истины, необходимо для всенародного счастия самонужнейшей. Не слыша Давида: «Упразднитесь и разумейте...», не слушая Христа: «Ищите...», все науки, все промыслы и все нам милее, чем то, что единственное нас потерянных находит и нам же самих нас возвращает.

Сие-то есть быть счастливым — узнать, найти самого себя. Лицемеры, говорится к нам, лицо небесное подлинно

хорошо вы разбирать научились, а для чего не примечаете знаков, чтоб вам, как по следу, добраться до имеющей счастливить вас истины? Все вы имеете, кроме что вас же самих вы найти не знаете, и умеете, и не хотите. И подлинно удивления достойно, что человек за 30 лет живет, а приметить не мог, что для него лучше всего и когда с ним наилучше делается. Видно, что он редко бывает дома и не заботится: «Ах Иерусалим! Если бы знал ты, кто в мире твоем, но ныне укрылся от очей твоих...»

Афанасий. Для меня, кажется, нет ничего лучшего, как получить мирное и спокойное сердце; в то время все приятно и сносно.

Яков. А я желал бы в душе моей иметь столь твердую крепость, дабы ничто ее поколебать и опрокинуть не могло.

Ермолай. А мне дай живую радость и радостную живность — сего сокровища ни за что не променяю.

Лонгин. Сии троих вас желания по существу своему есть одно. Может ли быть яблоня жива и весела, если корень нездоровый? А здоровый корень есть то крепкая душа и мирное сердце. Здоровый корень рассыпает по всем ветвям влагу и оживляет их, а сердце мирное, жизненною влагою наполненное, печатает следы свои по наружностям: «Идет, как дерево, насаженное при исходищах вод».

Григорий. Не утерпел ты, чтоб не приложить библейского алмаза; на ж и сие: «На воде спокойной воспитал меня».

Лонгин. Вот же вам верхушка и цветок всего жития вашего, внутренний мир, сердечное веселие, душевная крепость. Сюда направляйте всех ваших дел течение.

Вот край, гавань и конец. Отрезай все, что-либо сей пристани противное. Всякое слово, всякое дело к сему концу да способствует. Сей край да будет всем мыслям и всем твоим желаниям. Сколь многие по телу здоровы, сыты, одеты и спокойны, но я не сей мир хвалю — сей мир мирской, он всем знатен и всех обманывает. Вот мир! — в упокоении мыслей, обрадовании сердца, оживотворении души. Вот мир! Вот счастия недро! Сей-то мир отворяет мыслям твоим храм покоя, одевает душу твою одеждою веселия, насыщает пшеничной мукой и утверж-

дает сердце. «О мир! — воппет Григорий Богослов [9],— ты божий, а бог твой».

Афанасий. О нем-то, думаю, говорит Павел: «Мир божий да водворяется в сердцах ваших».

Лонгин. Да.

Афанасий. Его-то благовествуют красивые ноги апостольскпе и чистые ноги.

Лонгпн. Да.

Афанасий. Его-то, умирая, оставляет ученикам своим Хрпстос?

Лонгин. Да.

Афанасий. А как его оставил пм, так на земле совсем отделался?

Лонгпн. Совсем.

Афанасий. Да можно ль всем достать его?

Лонгин. Можно всем.

Афапасий. Где ж его можно достать?

Лопгпн. Везде.

Афанасий. Когда?

Лонгин. Всегда.

Афанасий. Для чего ж пе все имеют?

Лонгин. Для того, что иметь не желают!

Афанасий. Если можно всем его достать, почему же Павел называет всяк ум или понятие превосходящим?

Лонгин. Потому что никто не удостаивает принять его в рассуждение и подумать о нем. Без охоты все тяжело, и самое легкое. Если все сыновья отца оставили и, бросив дом, отдалися в математику, в навигацию, в физпку, можно справедливо сказать, что таковым головам и в мысль не приходит хлебопашество. Однак земледельство вдесятеро лучше тех крученых наук, потому что для всех пужнее. Сей мпр, будто неоцененное сокровище, в доме нашем внутрп нас самих зарыто. Можно сказать, что оное бродягам и бездомкам на ум не всходит, расточившим сердце свое по пустым посторонностям. Однак оное далеко сыскать легче, нежели гониться и собирать пустошь по околицам. Разве ты не слыхал, что сыновья века сего мудрее, нежели сыны ныне?

Афанасий. Так что ж?

Лонгин. Так то ж, что хотя они и дураки, да сыскивают свое.

Афанасий. Что ж далее?

Лонгин. То далее, что оно не трудно, когда добрые люди, хоть непроворны и ленивы, однако находят.

Афанасий. Для чего молодые люди не имеют мира, хотя они остры?

Лонгин. Для того, что не могут и подумать о нем, пока не обманутся.

Афанасий. Как?

Лонгин. Кого ж скорее можно отвести от дома, как молодых? Если целый город ложно закричит: «Вот неприятель, вот уже под городом!»— не бросится ли молодой детина в очерета, в луга, в пустыни? Видишь, в чем вся трудность? Ему не тяжело дома покоиться, да сводят с ума люди и загонят в беспокойство.

Афанасий. Как сии люди зовутся?

Лонгин. Мир, свет, манера. В то время послушает ли тот молокосос одного доброго человека?

Афанасий. Пускай целый день кричит, что ложь, — не поверит. А как сей добрый человек называется?

Лонгин. Тот, что не идет на совет нечестивых...

Афанасий. Как ему имя?

Лонгин. Христос, Евангелие, Библия. Сей один ходит без порока: не льстит языком своим ближним своим, а последователям и друзьям своим вот что дарует: «Мир мой оставляю вам...» «Мир мой даю вам...» «Не как мир дает...»

Яков. Не о сем ли мире Сирахов сын говорит сие: «Веселие сердца — жизнь человеку, и радование мужа — долгоденствие».

Лонгин. Все в Библии приятные имена, например: свет, радость, веселие, жизнь, воскресение, путь, обещание, рай, сладость и пр.— все те означают сей блаженный мир. Павел же его (слышь) чем именует: «И бог мира будет с вами». И опять: «Христос, который есть мир ваш...»

Яков. Он его и богом называет?

Лонгин. Конечно. Се-то та прекрасная дуга, умиротворившая дни Ноевы.

Яков. Чудеса говоришь. Для чего ж сей чудесный мир называется богом?

Лонгин. Для того, что он все кончит, сам бесконечный, а бесконечный конец, безначальное начало и бог — все одно.

Яков. Для чего называется светом?

Лонгин. Для того, что ни в одном сердце не бывает, разве в просвещенном. Он всегда вместе с незаходимым светом, будто сияние его. А где в душе света сего нет, там радости жизни, веселия и утехи нет, но тьма, страх, мятеж, горесть, смерть, геенна.

Яков. И странное, и сладкое, и страшное говоришь.

Лонгин. Так скажи ты, что лучше сего? Я тебя послушаю.

Афанасий. Слушай, брат!

Лонгин. А что?

Афанасий. Поэтому сии Павловы слова — «сила божия с нами» — сей же мир означают?

Лонгин. Думаю.

Афанасий. Так видно, что ошибся Григорий: он пред сим сказал, что добродетель трудится сыскать счастие, назвал ее по-эллинскому и римскому крепостью и мужеством, но когда крепость означает *мир,* то она сама и счастье есть. На что ж ее искать и чего? Ведь крепость и сила— все то одно?

Лонгин. Вот какое лукавство! Когда б ты был столь в сыскании мира хитр, сколь проворный в посмехе и в примечании чужих ошибок! Сим ты доказал, что сыновья века сего злого мудрее сынов божиего света. Не знаешь ли ты, что и самый счастия истинного иск есть то шествие путем божиим и путем мира, имеющим свои многие степени? И не начало ли сие есть истинного счастия, а чтобы находиться на пути мирном? Не вдруг восходим на всеблаженнейший верх горы, именуемой Фазга, где великий Мойсей умрет с сею надписью:«Не отемнели очи его, не истлели уста его». Незаходимый свет, темную мыслей наших бездну просвещающий на то, чтоб усмотреть нам, где высокий и твердый мир наш обитает, он же сам и побуждает сердце наше к восходу на гору мира. Для чего ж не зваться ему миром и мира имущею крепостью, если он показывает, где мир, и побуждает к нему, находясь сам всему благу началом и источником? Кто не ищет мира, видно, что не понимает бесценной цены его, а усмотреть и горячо искать сего оба сии суть лучи блаженного правды солнца, как два крыла святого духа.

Григорий. Перестаньте, друзья мои, спорить: мы здесь собрались не для хвастливых любопрений, но ради

соединения желаний наших сердечных, дабы через сопряжение исправнее устремлялись, как благоуханный дым, к наставляющему заблуждающих на путь мира. Поощряет к сему всех нас сам Павел, вот: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите». Велит всегда питать внутри мир и радость сердечную и будто в горящую лампаду елей подливать. И сие-то значит — непрестанно молитесь, то есть желайте его вседушно, ищите — и обретете. Я знаю, что клеветник всегда беспокоит душу вашу, дабы вам роптать и ничем от бога посылаемым не довольствоваться, но вы лукавого сего искусителя, то есть мучителя, отгоняйте, любя, ища и храня мир и радость. Сей день жизни и здоровья душ ваших: дотоль вы и живы, поколь его храните в сердцах своих. О всем зрелым разумом рассуждайте, не слушая шепотника дьявола, и уразумеете, что вся экономия божия во всей Вселенной исправна, добра и всем нам всеполезна есть. Его именем и властию все-на-все на небесах и на земле делается; говорите с разумом: «Да святится имя твое, да будет воля твоя...» И избавит вас от лукавого. А как только сделаетесь за все благодарны, то вдруг сбудутся на вас сии слова: «Веселье сердца — жизнь человеку».

А ф а н а с и й. Кажется, всегда был бы спокоен человек, если бы в свете все по его воле делалось.

Л о н г и н. Сохрани бог!

А ф а н а с и й. Для чего?

Г р и г о р и й. А что ж, если твой разум и воля подобны стариковой кошке?

А ф а н а с и й. Что сие значит?

Г р и г о р и й. Старик запалил печь, упрямая кошечка не вылезает с печи. Старик вытащил ее и плетью выхлестал.

А ф а н а с и й. Я бы старался, чтоб моя воля была согласна с самыми искуснейшими головами в свете.

Г р и г о р и й. А из которого — лондонского или парижского — выбрал бы ты тех людей парламента? Но знай, что хотя бы ты к сему взял судьею самого того короля, который осуждал премудрейшую мать нашу натуру за распоряжение небесных кругов, то бог и время и его мудрее [10]. На что ж тебе лучшего судьи искать? Положись на него и сделай его волю святую своею волею. Если ее принимаешь, то уже стала и твоя. Согласие воли есть то единая душа и едино сердце; и что ж лучше, как дружба с высо-

чайшим? В то время все по твоей да еще премудрой воле будет делаться. И сие-то есть быть во всем довольным. Сего-то желает и наш Ермолай, да не разумел, что значит быть во всем довольным. Видите, что Павлово слово — «о всем благодарите» — источником есть совершенного мира, и радости, и счастия. Что может потревожить мое сердце? Действительно, все делается по воле божией, но и я с ней согласен, и она уже моя воля. Зачем же тревожиться? Если что невозможное, то, конечно, и неполезное: все то одно. Чем что полезнее, тем доступнее. Друзья мои, вот премудрость: если исполняем, что говорим:«Да будет воля твоя...»

Ермолай. Вспомнились мне некоего мудреца хорошие слова: благодарение воссылаю блаженной натуре за то, что она все нужное легко добыточным сделала, а чего достать трудно, то ненужным и мало полезным [11].

Григорий. Благодарение отцу нашему небесному за то, что открыл очи наши. Теперь разумеем, в чем состоит наше истинное счастие. Оно живет во внутреннем сердца нашего мире, а мир в согласии с богом. Чем кто согласнее — и блаженнее. Телесное здравие не иное что есть, как равновесие и согласие огня, воды, воздуха и земли, а усмирение бунтующих ее мыслей есть здравие души и жизнь вечная. Если кто согласия с богом три золотника только имеет, тогда не больше в нем и мира, а когда кто 50 и 100, то столько же в сердце его и мира. Сколько уступила тень, столько наступил свет. Блаженны, которые день ото дня выше поднимаются на гору пресветлейшего сего *Мира-города.* Сии-то пойдут от силы в силу, пока явится бог богов в Сионе. Восход сей и исход Израиля не ногами, но мыслями совершается. Вот Давид:«Восхождение в сердце своем положи. Душа наша перейдет воду непостоянную». Вот и Исаия:«С веселием изойдите», то есть с радостью научитесь оставить ложные мнения, а перейти к таковым:«Помышлениям его в род и род». Се-то есть пасха или переход в Иерусалим, разумей: в город мира и в крепость его Сион. Соберитесь, друзья мои, взойдем на гору господню, в дом бога Иакова, да скажем там: «Сердце мое и плоть моя возрадовалися о боге живом».

Яков. А, гора божественная! Когда б мы знали, как на тебя восходить!

Лонгин. Слушай Исаию: «С веселием изойдите».

Афанасий. Но где мне взять веселия? И что есть оное?

Лонгин. «Страх господен возвеселит сердце». Вот тебе вождь. Вот ангел великого совета. Разве ты не слыхал, что бог Мойсею говорит?

Афанасий. А что?

Лонгин. «Пошлю страх, ведущий тебя... Се я пошлю ангела моего: внемли себе и послушай его, не удалится бо, ибо имя мое на нем есть».

Ермолай. Скажи, друг мой, яснее, как должно восходить?

Григорий. Прошу покорно выслушать следующую басню:

Пять путников за предводительством своего ангела-хранителя пришли в царство мира и любви. Царь сей земли Мелхиседек никакого сродства не имеет с посторонними царями. Ничего там тленного нет, но все вечное и любезное, даже до последнего волоса, а законы совсем противны тиранским. Дуга, прекрасная сиянием, была пределом и границею благословенной сей страны, с сею надписью: «Мир первородный»; к сему миру касается все то, что свидетельствует в Св. писании о земле обетованной. А около него как было, так и казалось все тьмою. Как только пришельцы приступили к сияющей дуге, вышли к ним навстречу великим множеством бессмертные жители. Скинули с них все ветхое — как платья, так и тело, будто одежду, а одели в новое тело и одежды, вышитые золотыми сими словами: «Внемли себе крепче».

Вдруг согласная зашумела музыка. Один хор пел: «Отворите ворота вечные...» Поднялися ворота; повели гостей к тем обителям, о которых Давид: «Сколь возлюбленны селения твои...» Там особливым согласием пели хоры следующие. «Сколь красны дома твои, Иаков, и кущи твои, Израиль, которые водрузил господь, а не человек». Сели странники у бессмертной трапезы; предложены ангельские хлебы, представлено вино новое, совершенный и единолетний ягненок, трехлетняя юница и коза и тот телец, которым Авраам потчевал всевожделенного своего троеличного гостя, голуби и горлицы, и манна — и все, касающееся обеда, о котором писано: «Блажен, кто съест обед...»

Однак во всех весельях гости были не веселы: тайная некая горесть сердца их угрызала. «Не бойтесь, любезные

наши гости,— говорили блаженные граждане,— сие случается сюда всем, вновь пришедшим. На них должно исполнить сие божественное писание: «Шестижды от бесов избавит тебя, в седьмом же не коснется тебя зло». Потом отведены были к самому царю. «Я прежде прошения вашего знаю ваши жалобы,— сказал царь мира,— в моих пределах нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания. Вы сами горесть сию занесли сюда из посторонних, языческих, враждебных моей земле, земель».

Потом велел их ангелам своим отвести во врачебный дом. Тут они, через целые шесть дней принимая рвотное, в седьмой день совершенно успокоились от всех болезней своих, а вместо горести на одном сердце написано было сие: «Да будет воля твоя»; на другом: «Праведен ты, господи, и правы суды твои»; на третьем: «Веровал Авраам богу...»; на четвертом: «Благословлю господа на всякое время...»; на пятом: «О всем благодарите...»

В то время вся Вселенная, с несказанным весельем и согласием плещущая руками, воскликнула сию Исаину песнь: «И будет бог твой с тобою присно, и насытишься, как желает душа твоя, и кости твои утучнеют и будут, как сад напоенный и как источник, ему же не оскудеет вода, и кости твои прозябнут, как трава, и разрастутся, и наследят роды родов». Сию песнь все до единого жители столь сладко и громко запели, что и в сем мире сердечное ухо мое слышит ее.

А ф а н а с и й. Знаю, куда говоришь. А какое рвотное лекарство принимали они?

Г р и г о р и й. Спирт.

А ф а н а с и й. Как сей спирт зовется?

Г р и г о р и й. Евхаристия.

А ф а н а с и й. Где же нам взять его?

Г р и г о р и й. Бедняк! Доселе не знаешь, что царский врачебный дом есть святейшая Библия. Там аптека, там больница горняя и ангелы, а внутри тебя сам арихиатор [12]. В сию-то больничную горницу иерихонского несчастливца привозит человеколюбивый самарянин. В сем одном доме можешь сыскать врачевство и для искоренения сердца твоего ядовитых и мучительных неприятелей, о которых написано: «Враги человеку домашние его». Враги твои суть собственные твои мнения, воцарившиеся в сердце твоем и всеминутно оное мучащие, шепотники, клеветники и противники божие, хулящие непрестанно владыч-

ное в мире управление и древнейшие законы обновить покушающиеся, сами себя во тьме и согласников своих вечно мучащие, видя, что правление природы во всем не по бесноватым их желаниям, ни по омраченным понятиям, но по высочайшим отца нашего советам вчера, и днесь, и вовеки свято продолжается. Сии-то неразумеюще хулят распоряжение кругов небесных, охуждают качество земель, порочат изваяние премудрой божией десницы в зверях, деревьях, горах, реках и травах: ничем не довольны; по их несчастному и смешному понятию, не надобно в мире ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болезней, а паче всего смерти. К чему она? Ах, бедное наше знаньице и понятьице. Думаю, не хуже бы мы управляли машиною мирскою, как беззаконно воспитанный сын отческим домом. Откуда сии бесы вселились в сердца наши? Не легион ли их в нас? Но мы сами занесли сию началородную тьму с собою, родившись с пею.

Афанасий. Почему ты мнения называешь бесами?

Григорий. А как же их назовешь?

Афанасий. Я не знаю.

Григорий. Так я знаю! Бес эллинским языком называется δαιμόνιον.

Афанасий. Так что ж?

Григорий. То, что δαιμόνιον — значит знаньице или разуменьице, а δαίμων — знающий или разумеющий. Так прошу простить, что маленьким бескам отдал я фамилию великого беса.

Лонгин. Неграмотный Марко,— выслушайте басенку,— добрался до рая. Вышел Петр святой с ключами и, отворяя ему райские двери, спрашивает: «Учился ли ты священных языков?» «Никак»,— отвечал простак. «Был ли в академиях?» — «Никогда, отче святой» — «Читал ли древних богословов книги?» — «Не читал: я аза в глаза не знаю» — «Кто ж тебя направил на путь мира?» — «Меня направили три регулки[13]» — «Какие три регулки?» — «А вот они. 1-я сия: «Все то доброе, что определено и святым людям», 2-я: «Все то невелико, что получают и беззаконники», 3-я: «Чего себе не хочешь, другому не желай». 1-я и 2-я — домашние, и я сам их надумал, а 3-я есть апостольский закон, для всех языков данный. 1-я родила во мне терпение Иова и благодарность; 2-я дарила

свободою всех мирских вожделений; 3-я примирила меня со внутренним моим господином».

Апостол, взглянув на него просвященным, как солнце, лицом, сказал: «О благословенная и благодарная душа! Войди в обитель отца твоего небесного и веселись вечно; мало ты кушал, а много сыт» [14].

Яков. Не разум от книг, но книги от разума родились. Кто чистыми размышлениями в истине очистил свой разум, тот подобен рачительному хозяину, источник чистой воды живой в доме своем вырывшему, как написано: «Вода глубока — совет в сердце мужа. Сын, пей воды из твоих сосудов». В то время, немножко с книг откушав, может много пользоваться, как написано об осененном с небес Павле: «И приняв пищу, укрепился». Таков-то есть и сей Марко; он из числа посвящаемых богу скотов, жвание отрыгающих. «Святи их во истине твоей...» Мало кушал, много жевал и из маленькой суммы или искры размножил пламень, Вселенную объемлющий. Не много ли мы его больше знаем? Сколько мы набросали в наш желудок священных слов? А какая польза? Только засорили. Ах, бедная ты жена кровоточивая со слабым желудком! Вот чего наделали вредные мокроты, змием апокалиптичным изблеванные, от которых Соломон сына своего отвлекает: «От чужих же источников да не пьешь».

Как же можно такому горьких вод исполненному сердцу вместить мир божий — здравие, радование, жизнь душевную? Сыщем прежде внутри нас искру истины божией, а она, осенив нашу тьму, пошлет нас к священным вод библейских Силоамам, до которых зовет пророк: «Умойтесь; отнимите лукавствие от душ ваших». Вот тебе рвотное! Не житие ли наше есть брань? Но со змииными ли мнениями нам нужно бороться? Не есть ли та Павлова благороднейшая баталия, о которой: «Не наша брань к плоти и крови...» Мнение и совет есть семя и начало. Сия глава гнездится в сердце. Что ж, если сия глава змиина? Если сие семя и царство злое? Какого мира надеяться в сердце от тирана: он, человекоубийца, искони наблюдает, стережет, любит и владеет тьмою.

И если таковое горькое мнений море наполнило сердце и пожерла злая глубина душу, то какого там надеяться света, где горя тьма? Какого веселья и сладости, где нет света? Какого мира, где нет жизни и веселья? Какая

жизнь и мир, если нет бога? Что за бог, если нет духа истины и духа владыки? Какой дух истины, если не мысли невещественные и сердце чистое? Что за чистое, если не вечное, как написано: «Помышления его в род и род»? Как же вечное, если на вещество засмотрелось? Как же не засмотрелось, если почитает оное? Как же не почитает, если надеется на оное? Как же не надеется, если тужит о разрешении праха? Не се ли есть иметь такое сердце: «Увидел: как пепел, сердце их, и прельщаются, и ни один не сможет избавить душу свою»? Не се ли есть грехопадение и заблуждение от бога в сторону праха идолочестия? Не се ли есть глава змиина, о которой писано: «Тот сотрет твою главу»? Слушай, Ермолай! Вот как должно восходить на гору мира: принимай рвотное, очищай сердце, выблюй застарелые мнения и не возвращайся на блевотину. Пей чистую воду, новых советов воду во все дни.

Се-то есть переходить от подлости на гору, от горести в сладость, от смерти в жизнь, от свиньих луж к горным источникам оленьим и сайгачным. Пей дотоль, пока реки от чрева твоего потекут воды живой, утоляющей несчастнейшую жажду, то есть несытость, неудовольствие — зависть, вожделение, скуку, ропот, тоску, страх, горесть, раскаяние и прочие бесовских голов жала, душу всю вместе умерщвляющие. Пей дотоль, пока запоешь: «Душа наша, как птица, избавится... перейдет воду непостоянную»; «благословен господь, который не дал нас в добычу зубам их»; пока утешишься с Аввакумом, поя: «Вложил ты в головы беззаконных смерть, я же о господе возрадуюсь, возвеселюсь о боге, спасе моем»; поя с Анною: «Утвердися, сердце мое, о господе...»; поя с Давидом: «Отразился на нас свет лица твоего».

Пресильный и прехитрый есть неприятель застарелое мнение. Трудно, по Евангелию, сего крепкого связать и расхитить сосуды его, когда раз он в сердце возродился. Но что слаще сего труда, возвращающего бесценный покой в сердце наше? Борися день от дня и выгоняй хотя по одному из нутра, поднимайся час от часу на гору храбро, величаясь с Давидом: «Не возвращусь, пока скончаются...» Се-то есть преславнейшая сечь содомо-гоморрская, от которой божественный победитель Авраам возвращается.

Г р и г о р и й. Живые проживаем, друзья мои, жизнь нашу, да протекают безумные дни наши и минуты.

О всем нужном для течения дней наших промышляем, но первейшее попечение наше пусть будет о мире душевном, сиречь о жизни, здравии и спасении ее. Что нам пользы приобрести целой Вселенной владение, а душу потерять? Что ты в мире сыщешь столь дорогое и полезное, что б заменять отважился за душу твою? Ах, опасно ступаем, чтоб попасть нам войти в покой божий в праздник господен, по крайнейшей мере в субботу, если не в преблагословенную суббот субботу и в праздников праздник.

Да получив шабаш, хотя от половины горестнейших трудов увольнить возможем если не осла нашего, то душу нашу и достигнем если не в лето господнее приятное в седьмижды седьмой или в пятидесятый с апостолами год, когда всеобщее людям и скотам увольнение бывает, то хотя несколько освободим бедную душу от тех трудов: «Доколе положу советы в душе моей, болезни в сердце моем». Глава в человеке всему — сердце человеческое. Оно-то есть самый точный в человеке человек, а прочее все околица, как учит Иеремия: «Глубоко сердце человеку (паче всех) и человек есть, и кто познает его?» Вникни, пожалуй, глубоко сердце — человек есть... А что ж есть сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная мыслей бездна? Что есть мысль, если не корень, семя и зерно всей нашей крайней плоти, крови, кожи и прочей наружности? Видишь, что человек, мир сердечный погубивший, погубил свою главу и свой корень.

И не точный ли он орех, съеденный по зерну своему червями, ничего силы, кроме околицы, не имеющей. До сих-то бедняков господь с таким сожалением у Исаии говорит: «Приступите ко мне, погубившие сердце, сущие далеко от правды...» Мысль есть тайная в телесной нашей машине пружина, глава и начало всего движения ее, а голове сей вся членов наружность, как обузданный скот, последует, а как пламень и река, так мысль никогда не почивает. Непрерывное стремление ее есть то желание. Огонь угасает, река останавливает, а невещественная и бесстихийная мысль, носящая на себе грубую бренпость, как ризу мертвую, движение свое прекратить (хотя она в теле, хоть вне тела) никак не сродна ни на одно мгновение и продолжает равномолнийное свое летанья стремленпе чрез неограниченные вечности, миллионы бесконечные.

Зачем же она стремится? Ищет своей сладости и покоя; покой же ее не в том, чтоб остановиться и протянуться, как мертвое тело — живой ее натуре или природе сие не сродно и чудно, но противное сему; она, будто в странствии находясь, ищет по мертвым стихиям своего сродства и, подлыми забавами не угасив, но пуще распалив свою жажду, тем стремительнее от растленной вещественной природы возносится к вышней господственной натуре, к родному своему и безначальному началу, дабы сиянием его и огнем тайного зрения очистившись, освободиться от телесной земли и земляного тела. И сие-то есть взойти в покой божий, очиститься от всякого тления, сделать совершенно вольное стремление и беспрепятственное движение, вылетев из тесных вещества границ на свободу духа, как писано: «Поставил на пространное ноги мои... Извел меня в пространство... И поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе». И сего-то Давид просит: «Кто мне даст крылья, как голубиные, и полечу, и почию...»

Ермолай. А где она находит сие безначальное начало и вышнее естество?

Григорий. Если прежде не сыщет внутри себя, без пользы искать будет в других местах. Но сие дело есть совершенных сердцем, а нам должно обучаться букварю сей преблагословенной субботы или покоя.

Ермолай. Победить апокалиптического змия и страшного того зубами зверя, который у пророка Даниила все-на-все пожирает, остаток ногами попирая, есть дело тех героев, которых бог в «Книге Чисел» велит Моисею вписать в нетленный свой список для войны, минуя жен и детей, не могущих умножить число святых божиих мужей, не от крови, не от похоти плотской, не от похоти мужской, но от бога рожденных, как написано: «Не соберу соборов их от кровей...» Те одни почивают с богом от всех дел своих, а для нас, немощных, и той благодати божией довольно, если можем дать баталию с маленькими бесиками: часто один крошечный душок демонский страшный бунт и горький мятеж, как пожар душу жгущий взбуряет в сердце [15].

Григорий. Надобно храбро стоять и не уступать места дьяволу: противитесь — и бежит от вас. Стыдно быть столь женою и младенцем, чтоб не устоять нам против одного бездельного наездника, а хотя и против ма-

ленькой партии. Боже мой! Какое в нас нерадение о снискании и о хранении драгоценнейшего небес и земли сердечного мира? О нем одном должен человек и мыслить в уединении, и разговаривать в обращениях, сидя в доме, идя путем, и ложась, и вставая. Но мы когда о нем думаем? Не все ли разговоры наши одни враки и бесовские ветры? Ах, если мы самих себя не узнали, забыв нерукотворенный дом наш и главу его — душу нашу и главу ее — богообразный рай мира! Имеем же за то изрядное награждение: трудно из тысячи найти одно сердце, чтоб оно не было занято гарнизоном нескольких эскадронов бесовских.

И поскольку не обучаемся с Аввакумом стоять на божественной сей страже и продолжать всеполезнейшую сию войну; затем сделалися в корень нерадивы, глухи, глупы, пугливы, неискусны, и вовсе борцы расслабленные на то, чтоб и сама великая к нам милость божия, но нами не понимаемая, так сердцем нашим колотила, как волк овцами. Один, например, беспокоится тем, что не в знатном доме, не с пригожим родился лицом и не нежно воспитан; другой тужит, что хотя идет путем невинного жития, однак многие, как знатные, так и подлые, ненавидят его и хулят, называя отчаянным, негодным, лицемером; третий кручинится, что не получил звания или места, которое б могло ему поставить стол, из десяти блюд состоящий, а теперь только что по шести блюд кушать изволит; четвертый мучится, каким бы образом не лишиться (правда, что мучительного), но притом и прибыльного звания, дабы в праздности не умереть от скуки, не рассуждая, что нет полезнее и важнее, как богомудро управлять внешнею, домашнею и внутреннею, душевною экономиею, то есть узнать себя и сделать порядок в сердце своем; пятый терзается, что, чувствуя в себе способность к услуге обществу, не может за множеством кандидатов продраться к принятию должности, будто одни чиновные имеют случай быть добродетельными и будто услуга разнится от доброго дела, а доброе дело от добродетели; шестой тревожится, что начала предъявляться в его волосах седина, что приближается час от часу с ужасною армиею немилосердная старость, что с другим корпусом за ним следует непобедимая смерть, что начинает ослабевать все тело, притупляются глаза и зубы, не в силах уже танцевать, не столько много и вкусно пить и есть и прочее...

Но можно ли счесть несчетные тьмы нечистых духов и черных воронов, или (с Павлом сказать) духов злобы поднебесных, по темной и неограниченной бездне, по душе нашей, будто по пространнейшем воздухе, шатающихся? Сии все еще не исполины, не самые бездельные, как собачки постельные, душки, однако действительно колеблют наше неискусное в битве и не вооруженное советами сердце: самый последний бесишка тревожит наш неукрепленный городок; что ж, если дело дойдет до львов? Открою вам, друзья мои, слабость мою. Случилось мне в неподлой компании не без удачи быть участником разговора. Радовался я тем, но радость моя вдруг исчезла: две персоны начали хитро ругать и осмеивать меня, вкидая в разговор такие алмазные слова, которые тайно изображали подлый мой род и низкое состояние и телесное безобразие. Стыдно мне вспомнить, сколько затревожилось сердце мое, а больше, что сего от них не чаял; в силу я по долгом размышлении возвратил мой покой, вспомнив, что они бабины сыны.

Афанасий. Что се значит?

Григорий. Баба покупала горшки, амуры молодых лет еще и тогда ей отрыгались. «А что за сей хорошенький?..» «За тот дай хоть три полушки»,— отвечал горшечник... «А за того гнусного (вот он), конечно, полушка?» «За тот ниже двух копеек не возьму». «Что за чудо?» «У нас, бабка, — сказал мастер, — не глазами выбирают, мы испытываем, чисто ли звенит». Баба хотя была не подлого вкуса, однак не могла отвечать, а только сказала, что она и сама давно сие знала, да вздумать не могла [16].

Афанасий. Сии люди, имея с собою одинаковый вкус, совершенно доказывают, что они плод райской сей яблони.

Яков. Законное житие, твердый разум, великодушное и милосердное сердце есть то чистый звон почтенной персоны.

Григорий. Видите, друзья мои, сколько мы отродились от предков своих? Самое подлое бабское мненьице может поколотить сердце наше.

Ермолай. Не погневайся — и сам Петр испугался бабы: «Беседа выдает тебя, что ты галилеянин».

Лонгин. Но такое ли сердце было у древних предков? Кто может без ужаса вспомнить Иова? Однако со всем тем пишется: «И не дал Иов безумия богу...» Вни-

май, что пишет Лука о первых христианах: «Была в них одна душа и одно сердце...» А что ж то? Какое у них было сердце? Кроме согласной их любви, вот какое: «Они же радовались, потому что за имя господа Иисуса сподобились принять бесчестие...» Но вот еще геройское сердце: «Хулимые утешаемся...»«Радуюся в страданиях моих...» Кто может без удивления прочесть ту часть его письма, которое читается в день торжества его? Она есть зрелище прекраснейших чудес, пленяющих сердечное око. Великое чудо! Что других приводит в горчайшее смущение, то Павла веселит, дышащего душою, здоровому желудку подобною, который самую грубейшую и твердейшую пищу в пользу варит. Не се ли иметь сердце алмазное? Тягчайший удар все прочее сокрушает, а его утверждает. О мир! Ты божий, а бог твой! Сие-то значит истинное счастие — получить сердце, адамантовыми стенами огражденное, и сказать: «Сила божия с нами: мир имеем к богу...»

Ермолай. Ах, высокий сей мир, трудно до него добраться. Сколь чудное было сердце сие, что за все богу благодарило.

Лонгин. Невозможно, трудно, но достоин он и большего труда. Трудно, но без него тысяча раз труднее. Трудно, но сей труд освобождает нас от тягчайших бесчисленных трудов сих: «Как бремя тяжкое, отяготело на мне. Нет мира в костях моих...» Не стыдно ли сказать, что тяжко нести сие иго, когда, нося его, находим такое сокровище — мир сердечный?.. «Возьмите иго мое на себя и обретете покой душам вашим». Сколько мы теряем трудов для маленькой пользы, а часто и для безделиц, нередко и для вреда? Трудно одеть и питать тело, да надобно, и нельзя без сего. В сем состоит жизнь телесная, и никто о сем труде каяться не должен, а без сего попадет в тягчайшую горесть, в холод, голод, жажду и болезни.

Но не легче ли тебе питаться одним зельем суровым и притом иметь мир и утешение в сердце, нежели над изобильным столом сидеть гробом повапленным, исполненным червей неусыпных, душу день и ночь без покоя угрызающих? Не лучше ли покрыть телишко самою нищею одеждою и притом иметь сердце, в ризу спасения и одеждою веселья одетое, нежели носить златотканое платье и между тем таскать геенный огонь в душевном

недре, печалями бесовскнх манеров сердце опаляющий? Что пользы сидеть при всяком довольстве внутри красных углов телом твоим, если сердце ввержено в самую крайнейшую тьму неудовольствия из украшенного чертога, о котором пишется: «Птица обрела себе храмину...: основана бо была на камне... камень же был Христос... который есть мир наш... душа наша, как птица, избавилася, и сеть сокрушилася... кто даст мне крылья..?»

Что же ты мне представляешь трудность? Если кто попал в ров или бездну водяную, не должен думать о трудности, но об избавлении. Если строишь дом, строй для обеих существа твоего частей — души и тела. Если украшаешь и одеваешь тело, не забывай и сердца. Два хлеба, два дома и две одежды, два рода всего есть, всего есть по двое, затем что есть два человека в человеке одном и два отца — небесный и земной, и два мира — первородный и временный, и две натуры — божественная и телесная, во всем-на-всем... Если ж оба сии естества смешать в одно и признавать одну только видимую натуру, тогда-то бывает родное идолопоклонение; и сему-то единственно препятствует священная Библия, находясь дугою, всю тлень ограничивающею, и воротами, вводящими сердца наши в веру богознания, в надежду господственной натуры, в царство мира и любви, в мир первородный.

И сие-то есть и твердый мир — верить и признавать господственное естество и на оное, как на необоримый город, положиться и думать:«Жив господь бог мой...» Тогда-то скажешь: «И жива душа моя...» А без сего как тебе положиться на тленную натуру? Как не вострепетать, видя, что вся тлень всеминутно родится и исчезает? Кто не обеспокоится, смотря на погибающую существа истину? Таковые пускай не ожидают мира и слушают Исаии: «Возволнуются и почить не могут. Не радоваться нечестивым,— говорит господь бог...» Вот, смотри, кто восходит на гору мира? «Господь — сила моя и учинит ноги мои на совершение, на высокое возводит меня, чтобы победить мне в песне его». Признает господа и пред невидящими его поет, а господь ведет его на гору мира. Непризнание господа есть мучительнейшее волнование и смерть сердечная, как Аввакум же поет: «Вложил ты в главы беззаконных смерть». Сию главу Давид называет сердцем, и оно-то есть главизна наша, глава окружения их. Что за

глава? Труд уст их. Что за уста? Доколе положу советы в душе моей, болезни в сердце моем... Труд уст есть то болезнь сердца, а болезнь сердца есть то смерть, вложенная в главы беззаконных, а родная смерть сия, душу убивающая жалом, есть смешение в одно тленной и божественной натур; а смешанное сие слияние есть устранение от божественного естества в страну праха и пепла, как писано: «И укажет тебе перст».

А устранение есть то грехопадение, как написано: «Грехопадение кто разумеет?» О грехе вот что Сирах: «Зубы его — зубы льва, убивающие душу...» Вот тьма! Вот заблуждение! Вот несчастие!

Видишь, куда нас завела телесная натура, чего наделало слияние естеств? Оно есть родное, идолобешенство и устранение от блаженной натуры и неведение о боге. Такового нашего сердца известная есть печаль то, что о ничем, кроме телесного, не стараемся, точно язычники, «и всех бо сих язычников ищут», а если хоть мало поднять к блаженной натуре очи, тотчас кричи: трудно, трудно! Сие-то есть называть сладкое горьким, но праведник от веры жив есть. А что ж есть вера, если не обличение или изъяснение сердцем понимаемой невидимой натуры? И не сие ли есть быть родным Израилем, все на двое разделяющим и от всего видимого невидимую половину господу своему посвящающим? О сем-то Павел счастливец вопиет: «Которые правилам сим жительствуют, мир на них и милость. Скажи, пожалуйста, чем взволнуется тот, кто совершенно знает, что ничего погибнуть не может, но все в начале своем вечно и невредимо пребывает?»

Ермолай. Для меня сие темновато.

Лонгин. Как не темновато лежащему в грязи неверпя! Продирай, пожалуй, око и прочищай взор; царствие блаженной натуры, хотя утаенное, однако внешними знаками не несвидетельствованным себя делает, печатай следы свои по пустому веществу, будто справедливейший рисунок по живописным краскам. Все вещество есть красная грязь и грязная краска и живописный порох, а блаженная натура есть сама начало, то есть безначальная инвенция, или изобретение, и премудрейшая делинеация, всю видимую фарбу [17] носящая, которая нетленной своей силе и существу так сообразна, будто одежда телу. Называет видимость одеждою сам Давид: «Все, как риза,

обветшает...» А рисунок то пядью, то цепью землемерною, то десницею, то истиною: «Красота в деснице твоей...», «Пядью измерил ты...», «Десница твоя воспримет меня», «Истина господня пребывает вовеки». Таковым взором взирал я и на тело свое: «Руки твои сотворили меня...» Минует непостоянную тленности своей воду. «Душа наша перейдет воду непостоянную»; проницает мыслью в саму силу и царство таящейся в прахе его десницы вышнего и кричит: «Господь защититель жизни моей, от кого устрашуся? Блаженны, которых избрал и принял ты, господи...» Счастливый, перелетевший в царство блаженной натуры! О сем-то Павел: «По земле ходящие обращение имели на небесах». Сей же мир и Соломон пишет: «Праведных души в руке божией, и не прикоснется к ним му́ка...»

Сие же тайно образует церемония обрезания и крещения. Умереть с Христом есть то оставить стихийную немощную натуру, а перейти в невидимое и горнее мудрствовать. Тот уже перешел, кто влюбился в сии сладчайшие слова: «Плоть ничто же...» Все то плоть, что тленное. Сюда принадлежит пасха, воскресение и исход в землю обетованную. Сюда взошли колена Израилевы пред господа. Тут все пророки и апостолы во граде бога нашего, в горе святой его, мир на Израиля.

Е р м о л а й. Темно говоришь.

А ф а н а с и й. Ты столь загустил речь твою библейным лоскутьем, что нельзя разуметь.

Л о н г и н. Простите, друзья мои, чрезмерной моей склонности к сей книге. Признаю мою горячую страсть. Правда, что из самых младенческих лет тайная сила и мание влечет меня к правоучительным книгам, и я их паче всех люблю. Они врачуют и веселят мое сердце, а Библию начал читать около тридцати лет рождения моего. Но сия прекраснейшая для меня книга над всеми моими полюбовницами верх одержала, утолив мою долговременную алчбу и жажду хлебом и водою, сладчайшей меда и сота божией правды и истины, и чувствую особливую мою к ней природу. Избегал, избегаю и избежал за предводительством господа моего всех житейских препятствий и плотских любовниц, дабы мог спокойно наслаждаться в пречистых объятиях краснейшей, паче всех дочерей человеческих сей божией дочери. Она мне из непорочного лона своего родила того чудного Адама, кото-

рый, как учит Павел, «созданный по богу, в правде и преподобии и истине» и о котором Исаия: «Род же его кто исповедает».

Никогда не могу довольно надивиться пророчей премудрости. Самые праздные в ней тонкости для меня кажутся очень важными: так всегда думает влюбившийся. Премногие никакого вкуса не находят в сих словах: «Вениамин — волк, хищник, рано ест, еще и на вечер дает пищу». «Очи твои на исполнениях вод...» А мне они несказанную в сердце вливают сладость и веселье, чем чаще их, отрыгая жвание, жую. Чем было глубже и безлюднее уединение мое, тем счастливее сожительство с сею возлюбленною в женах. Сим господним жребием я доволен. Родился мне мужеский пол, совершенный и истинный человек; умираю не бездетным. И в сем человеке похвалюся, дерзая с Павлом: «Не напрасно тек». Се-то тот господен человек, о котором писано: «Не отемнели очи его».

Григорий. Если вам не нравятся библейные крошки, то поведем наш разговор другим образом. Целое воскресное утро мы провели о том беседою, о чем всегда мыслить долженствуем. Завтрашний день есть работный. Однак, когда к вечеру соберетесь, то внятнее побеседуем о душевном мире [18]. Он всегда достоин нашего внимания, находясь всего жития нашего намеренным концом и пристанищем.

КОЛЬЦО

Милостивый государь! [1]

Идут к вам два разговора, жаждущие вашего лицезрения. Удостойте их своего приятия. Они уже прежде рождения своего определены доброму вашему духу. Почтение мое к человеколюбному и кротчайшему батюшке Вашему, усердие мое к Вам и доброжелательство к целой фамилии Вашей приносит оные. Душа есть mobile perpetuum — *движимость непрерывная.* Крылья ее есть мысли, мнения, советы; она или желает чего, или убегает от чего; желая, любит, убегая, боится. Если не знает чего желать, а от чего убегать, тогда недоумевает, сомневается, мучится, сюда и туда наш шарик качается, мечется и вертится, как магнитная стрела, доколь не устремит взор свой в дражайшую точку холодного севера.

Так и душа, наконец, когда нашла того, кого нигде нет и везде есть, счастлива. Сей один довлеет ее насытить, а без сего глотает воздух с поедающим все дни жизни своей землю змием.

Мнения подобны воздуху, он между стихиями не виден, но тверже земли, а сильнее воды; ломает деревья, низвергает строения, гонит волны и корабли, ест железо и камень, тушит и разъяряет пламень.

Так и мысли сердечные — они не видны, как будто их нет, но от сей искры весь пожар, мятеж и сокрушение, от сего зерна зависит целое жизни нашей дерево; если зерно доброе — добрыми (в старости наипаче) наслаждаемся плодами; как сеешь, так и жнешь.

Весьма я рад буду, если сия книжечка в прогнании только нескольких дней скуки послужит, но как я доволен, если она хоть в капле внутреннего мира поспособствует. Вседражайший сердечный мир подобен самым дра-

роценным камушкам: одна крошечка цену свою имеет, если станем его одну каплю щадить, только можем со временем иметь целую чашу спасения.

Разлив мысли наши по одним наружным попечениям, и не помышляем о душе, не рассуждая, что от нее всякое дело и слово проистекает, а если семя злое, нельзя не последовать худым плодам, все нас сирых оставит, кроме сего неотъемлемого сокровища.

Представьте себе смесь людей во всю жизнь, а паче в кончину лет своих, тоскою, малодушием, отверженнем утех, задумчивою грустью, печалью, страхом, среди изобилия отчаянием без ослабления мучащихся, и вспомните, что все сие зло и родное несчастие родилось от преслушания сих Христовых слов: «Ищите прежде царствия божия...» «Возвратись в дом твой...» «Царствие божие внутри вас есть...» «Омой прежде внутренность стакана...»

Но благодарение всевышнему за то, что никогда не бывает поздний труд в том, что для человека есть самонужнейшее.

Царствие божие вдруг, как молния, озаряет душу, и для приобретения веры надобен один только пункт времени.

Дай, боже, вам читать слово божие со вкусом и примечанием, дабы исполнилось на вас: «Блаженны слышащие слово божие и хранящие». Другой разговор скоро последует.

А я пребуду,

милостивый государь,
Вашего благородия покорнейший слуга,
любитель священной Библии,
Григорий Сковорода.

Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире

Лица: Афанасий, Иаков, Лонгин, Ермолай, Григорий

Григорий. Перестаньте, пожалуйста, дорогие гости мои! Пожалуйста, перестаньте шуметь! Прошу покорно, что за шум и смятение? Один кричит: «Скажи мне силу слова сего: *знай себя*». Другой: «Скажи мне прежде,

в чем состоит и что значит премудрость?» Третий вопиет: «Вся премудрость — пустошь без мира». Но знает ли, что есть мир? Тут сумма счастия.

«Слыхали ль вы, братья,— четвертый, вмешавшись, возглашает, — слыхали ль вы, что значит египетское чудовище, именуемое сфинкс?» Что за срам, думаю, что такого вздору не было и в самом столпотворении. Сие значит не разговор вести, но, поделавшись ветрами, вздувать волны на Черном море. Если же рассуждать о мире, должно говорить осторожно и мирно. Я мальчиком слыхал от знакомого персианина следующую басенку.

Несколько чужестранцев путешествовали в Индии. Рано вставали, спрашивали хозяина о дороге. «Две дороги,— говорил им человеколюбивый старик,— вот вам две дороги, служащие вашему намерению: одна напрямик, а другая с обиняком. Советую держаться обиняка. Не спешите и далее пройдете, будьте осторожны, помните, что вы в Индии». «Батюшка, мы не трусы, — вскричал один остряк,— мы европейцы, мы ездим по всем морям, а земля нам не страшна, вооруженным». Идя несколько часов, нашли кожаный мех с хлебом и такое ж судно с вином, наелись и напились довольно. Отдыхая под камнем, сказал один: «Не даст ли нам бог другой находки? Кажется, нечтось вижу впереди по дороге, взгляните, по ту сторону бездны чернеет что-то...» Один говорит: «Кожаный мешище»; другой угадывал, что обгорелый пнище; иному казался камень, иному город, иному село. Последний угадал точно: они все там посели, нашедши на индийского дракона, все погибли. Спасся один, находясь глупее, но осторожнее. Сей по неким примечаниям и по внутреннему предвещающему ужасу притворился остаться за нуждою на сей стороне глубочайшей яруги и, услышав страшный умерщвляемых вой, поспешно воротился в сторону, одобрив старинных веков пословицу: «Боязливого сына матери плакать нечего».

Не спорю: будь сия басня недостаточною, но она есть чучело, весьма схожее на житие человеческое.

Земнородный ничем скорее не попадает в несчастие, как скоропостижною наглостью, и скажу с приточником, что бессоветием уловляются беззаконные, есть бо крепки мужу свои уста, и пленяются устами своих уст. Посмотрите на людскую толпу и смесь, увидите, что не только пожилые, но и самые с них молодчики льстят себе, что

они вооружены рогом единорога, спасающим их от несчастия, уповая, что как очам их очки, так свет и совет не нужен сердцу их.

Сия надежда сделала их оплошными, наглыми в путях своих и упрямыми.

А если мой молокососный мудрец сделается двух или трех языков попугаем, побывав в знатных компаниях и в славных городах, если вооружится арифметикою и геометрическими кубами, пролетев несколько десятков любовных историй и гражданских и проглянув некоторое число коперниканских пилюль [2]? Во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны [3] и вся древность суть одни только мотыльки, над поверхностью земли летающие, в сравнении нашего высокопарного орла, к неподвижным солнцам возлетающего и все на океане острова пересчитавшего. Тут-то выныряют хвалители, проповедующие и удивляющиеся новорожденной в его мозге премудрости, утаенной от всех древних и непросвещенных веков, без которой, однако, не худо жизнь проживалась. Тогда-то уже всех древних веков речения великий сей Дий [4] пересуживает и, будто ювелир камушки, по своему благоволению то одобряет, то обесценивает, сделавшись вселенским судьею. А что уже касается Мойсея и пророков — и говорить нечего; он и взгляда своего не удостаивает сих вздорных и скучных говорунов; сожалеет будто бы о ночных птичках и нетопырях, в несчастный мрак суеверия влюбившихся. Все то у него суеверие, что понять и принять горячка его не может. И подлинно: возможно ли, чтоб сии терновники могли нечто разуметь о премудрости, о счастии, о душевном мире, когда им и не снилось, что Земля есть планета, что около Сатурна есть Луна [5], а может быть, и не одна? Любезные други! Сии-то молодецкие умы, плененные своими мнениями, как бы лестною блудницею, и будто умной беснующиеся горячкою, лишенные оберегателей своих, беспутно и бессовестно стремятся в погибель. Портрет их живо описал Соломон в конце главы 7-й в «Притчах» от 20-го стиха. С таковыми мыслями продолжают путь к старости бесчисленное сердец множество, язвою своею заражая, нахальные нарушители печати кесаря Августа: «Спеши, да исподволь» [6]. Ругатели мудрых, противники бога и предкам своим поколь, вознесшись до небес, попадутся в зубы мучительнейшему безумию, у древних адом образованному,

без освобождения, чтоб исполнилось на них: «Видел сатану, как молнию...» Да и кто же не дерзает быть вождем к счастию? Поколь Александр Македонский вел в доме живописца разговор о сродном и знакомом ему деле, с удивлением все его слушали, потом стал судейски говорить о живописи, но как только живописец шепнул ему в ухо, что и самые краскотеры начали над ним смеяться, тотчас перестал. Почувствовал человек разумный, что царю не было времени в живописные тайны вникнуть, но прочим Александрового ума недостает. Если кто в какую-либо науку влюбился, успел и прославился, тогда мечтает, что всякое уже ведение отдано ему за невестою в приданое. Всякий художник о всех ремеслах судейскую произносит сентенцию, не рассуждая, что одной науке хорошо научиться едва достанет век человеческий.

Ни о какой же науке чаще и отважнее не судят, как о той, какая делает блаженным человека, потому, я думаю, что всякому сие нужно так, будто всякому и жить должно.

Правда, что говорить и испытывать похвально, но усыновлять себе ведение сие дурно и погибельно. Однако ж думают, что всякому легко сие знать можно.

Не диковина дорогу сыскать, но никто не хочет искать, всяк своим путем бредет и другого ведет, в сем-то и трудность. Проповедует о счастии историк, благовестит химик, возвещает путь счастия физик, логик, грамматик, землемер, воин, откупщик, часовщик, знатный и подлый, богат и убог, живой и мертвый...[7] Все на седалище учителей сели; каждый себе науку сию присвоил.

Но их ли дело учить, судить, знать о блаженстве? Сие слова есть апостолов, пророков, священников, богомудрых проповедников и просвещенных христианских учителей, которых никогда общество не лишается. Разве не довольно для них неба и земли со всем вмещающимся. Сия должность есть тех, кому сказано: «Мир мой оставляю вам». Один со всех тварей человек остался для духовных, да и в сем самом портной взял одежду, сапожник сапоги, врач тело; один только владетель тела остался для апостолов.

Он есть сердце человеческое.

Знаешь ли, сколько огнедышащих гор по всему шару земному? Сия правда пускай тебя обогатит, пускай поставит в список почетных людей, не спорю, но не ублажит

сердца твоего, сия правда не та, о которой Соломон: «Правда мужей, право избавит их...»

Твоя правда на шаре земном, но апостольская правда внутри нас, как написано: «Царствие божие внутри вас есть».

Иное дело — знать вершины реки Нила и план лабиринта, а другое — разуметь исту счастия. Не вдруг ты попал в царство мира, когда узнал, кто насадил город Афинейский? И не то сердце есть несмышленая и непросвещенная тварь, что не разумеет, где Великое и Средиземное море, но душа, не чувствующая господа своего, есть чучело, чувства лишенное.

Море от нас далече, а господь наш внутри нас есть, в сердце нашем. Если кто странствует по планетам, бродит век свой по историям, кто может знать, что делается в сердце? Иное то есть веселие, о котором написано: «Веселие сердца — жизнь человеку...» Пускай бы каждый художник свое дело знал. Больные не могут в пище чувствовать вкуса: сие дело есть здоровых; так о мире судить одним тем свойственно, чья душа миром ублаженна.

Счастие наше есть мир душевный, но сей мир ни к какому-либо веществу не причитается; он не золото, не серебро, не дерево, не огонь, не вода, не звезды, не планеты. Какая ж приличность учить о мире тем, кому вещественный сей мир — предметом? Иное сад разводить, иное плетень делать, иное краски тереть, иное разуметь рисунок, иное дело вылепить тело, иное дело вдохнуть в душу веселье сердца. Вот чье дело сие есть: «Сколь красны ноги благовествующих...» Сим-то обещано: «Сядете на престолах...» Всем блаженство, всем мир нужен, для того сказано: «Спдящим обоим на десяти коленам Израилевым». Вот кто на учительских стульях учит о мире! И сия-то есть католическая, то есть всеобщая, наука, чего ни о какой другой сказать нельзя.

Все прочие науки не всем, и не всегда, и не на все, и не везде нужны, и о всех их говорит Исаия: «Пути мирного не познали, и нет суда на путях их, ибо стези их развращены, по ним же ходят и не знают мира. Того ради отступит от них суд и не постигнет их правда. Ждущим света была им тьма, ждавшие зари во мраке ходили. Осягнут, как слепые, стену, и, как сущие без очей, осязать будут, и падут в полудне, как в полуночи, как уми-

рающие восстанут...» Правда, что сие несчастие владеет сердцами, населенными неведением о боге, но о сем же то и речь, что учить о мире и счастии есть дело одних богопроповедников; учить о боге есть то учить о мире, счастии и премудрости. Они, всю тлень оставив, искали и сыскали того, у кого все вещество есть краска, оплот и тень, закрывающая рай веселья и мира нашего. Но прежде усмотрели внутри себя. «Се все оставили...» Из сих числа Исаия говорит: «Слышал голос господа, говорящего: «Кого пошлю? И кто пойдет к людям сим?» И сказал: «Се я, пошли меня». И говорит: «Иди и скажи людям сим!..» И не дивно, что учил о мире, когда Христос, мир наш, был с ним. «Отрок (воинет, как веселящийся в жатву) родился нам, сын, и отдался нам. Имя его великого совета — ангел. Чуден советник. Бог крепкий, властелин, князь мира. Отец будущего века, приведу мир на князя, мир и здравие ему (у него)».

Видите, чье дело учить о мире? Да учат те, которые познали человека, у которого мир и здравие. Вот учит о счастии Варух: «Слышь, Израиль, заповеди жизни внуши разуметь. Смышление что есть, Израиль? Что, если ты на земле вражьей? Обветшал сей на земле чужой, осквернился ты с мертвыми; вменился ты с сущими в аде, оставил ты источник премудрости. Если бы путем божиим ходил ты, жил бы в мире во время вечное. Научись, где есть смышление, где есть крепость, где есть мудрость? Чтобы разуметь совокупно, где есть долгожитие и жизнь, где есть свет очей и мир?..» Видите, что в познании божием живет жизнь, и свет, и долгожитие, и мир, и крепость, и премудрость. Пускай же учат о счастии те, что говорят с Варухом: «Блаженны мы и Израиль, потому что угодное богу нам разумное». Не видеть господа есть лишиться жизни, света, мира и сидеть в аду. Внемлите словам Неременным: «Слышите, и внемлите, и возноситесь, как господь велел». Дадите господу богу вашему славу, прежде даже не смеркнется и прежде даже не преткнутся ноги ваши к горам темным; и пождете света, и там сень смертная, и положены будут во мрак, если же не послушаете, втайне восплачется душа ваша от лица гордыни, и плача восплачет, и изведут очи ваши слезы». Вот Мойсей учит о счастии: «Если не послушаете творить все слова закона сего, написанные в книге сей, и бояться имени честного и чудного сего,

господа бога твоего, и удивит господь язвы твои и язвы семени твоего, язвы великие и дивные и болезни злые и известные». Немного пониже: «И дает тебе господь там сердце печальное, и оскудевающие очи, и истаивающую душу, и будет живот твой висеть пред очами твоими, и убоишься во дни и в ночи, и не будешь верить житию своему...» Вот проповедует Соломон о блаженстве: «В страхе господнем упование крепости, детям же своим оставит утверждение мира». «Страх господен — источник жизни, творит же уклоняясь от сети смертной». «Благословение господне на главе праведного». Сие обогащает, и не должна приложиться к нему печаль, в сердце благословение, благополучие и благоразумие — все одно значит, если разжевать сии эллинские слова εὐλογεῖν εὐδαιμονεῖν. Вот благовестит Павел Христа божию силу и божию премудрость: «Оружие воинства нашего не плотское, но сильное богом, на разорение твердям, помышление низлагая и всякое возношение, взымающееся на разум божий и пленяющее всяк разум и послушание Христово». Павел мечом премудрости закалывает мысли, возрастающие в сердце против бога, чтоб покорить все наши помышления затверделые божиему веденню и разуму и сим нас просветить, и сие-то значит изгонить бесов. Бес — по-эллински δαιμόνιον, значит *ведение, знание, подлое помышление, стихийное разумение, долу ползущее, не прозирающее в божии стихии, исполняющее исполнение.* Сие есть родное идолочтение, не видеть в мире ничего, кроме стихий, сие есть начало всякого зла и вина и конец, как сказывает Соломон. Знать, то всемучительнейший страх тревожит сердце, в стихиях лежащее, видящее оные, всемгнутно переменяемые и разоряемые, взирающее вдруг и на состав своего пепельного телишка, тому ж падению подверженного, но никакой помощи сему злу не находящее. «Ничто же бо есть страх, — тот же сын Давидов говорит, — только лишение помощей, сущих от помышления, в таковом сердце тем менее пищи от сладкой и твердой надежды, чем большее неведение вины, муку наводящей». Совет истинный и правое помышление есть источник отрады. И напротив того, ничто несчастнее не язвит и не мучит сердечной нашей точки, как темные мнения, слепые знания и беснующиеся разумения. Теперь видно, что значит сие Соломоново: «В советах нечестивого истязание будет».

«Уста лжущие убивают душу». «Куда же обратится, нечестивый исчезает».

«Правда бессмертна есть, неправда же смерти снабжение; нечестивые же кричали и словами призывали ее». «Подругою вменили ее и истаяла» и «Завет положили с нею, ибо достойны суть оной частями быть...»

Разорить и умертвить сердце свое есть единственное и родное злополучие. Сие сокрушение и смерть сердечная зависит от беспутных мыслей, ничего, кроме стихий, не видящих; оно со входу прелестно: «Сладок есть человеку хлеб лжи». Но потом исполнятся уста его камней. Сии помышления называет сын Сираха языком злейшим: «Смерть лютая, смерть его, и паче его лучше есть; ад не обладает благоверными и в пламени его не сгорят. Оставляющие господа впадут в огонь, и в них возгорится и не угаснет. Послан будет на них, как лев, и как барс погубит их».

Они называются блудницею, мечом, ехидною, дикими зверьми, шершнями... Да и чем назовем невидимое зло и безыменное? О таковых сердцах сказано: «Люди, сидящие во тьме...» Сии советы мечом божиим вырезать, нечисто дышащие мысли и мучительные мнения трудится Павел, а на то место возвратит в сердца наши мир божий. Он называет их началами, властями, весь мир во тьме неведения божиего заключившими. Совет частью началом именуется, потому что, как плод без семян, так дела без советов не родятся. У Давида именуются мысли начинаниями: «Растлили и омерзились в начинаниях». Именуются и главою у Мойсея: «Сей сотрет твою главу». Не поганая сия глава: «Речет безумен в сердце своем...» У Мойсея ж они называются семенем змиинным: «Вражду положу...»

Теперь видно, что значат те змии, о которых пишется: «Послал господь на людей змиев, умерщвляющих и угрызающих людей; и умерли люди многие из сынов Израиля».

Сия казнь родилась из роптания на бога. А роптать не иное что, как не разуметь и не признавать господа, довольствуясь стихиями. Как (говорят ропотники), как быть может то, чего ощупать нельзя? Теперь видно, что значит тьма египетская, тьма осязающая: сия есть ночь страшнейшая, ужасов и привидений исполнена, неведение грубейшее и лютейшее. Взгляните на 17-ю главу

«Премудрого Соломона» о сих смертных мыслях и в «Книге Иова»: «Желчь аспидов в чреве его». «Ярость змиев да сеет». «Да убьет его язык змиин».

А что сие все к стихийным мыслям принадлежит, слушай Михея: «Полижут пепел, как змии, ползущие по земле, смятутся в лежбище своем о господе боге нашем, ужаснутся и убоятся тебя». Сих-то проклинает рай и блаженство наше господь: «И сотворил ты сие, проклят ты паче всех скотов и паче всех зверей земных». О сих змиях Давид: «Язык их перейдет по земле, изострили язык свой, как змиин». «Что хвалишься в злобе сильной...»

Сие несчастье смертельным жалом сердца человеческие дабы не умерщвляло, велит господь Моисею сделать медную змею, чтоб была она маяком, отводящим от злополучного пути безбожного и указывающим благополучный ход в познание божие, в рай сладости, в царство мира и любви.

Когда змий, ползущий по траве, выманивает сердца наши из блаженного сада, то пусть и возвратит змий, но уже вознесенный от земли.

Сей уже змий не так, как в Даниловой книге[8] идол Вилсей[9], напротив того, снаружи прах, но внутри твердая медь и сила живого бога, плотским приодетая прахом. Сей змий воплощенная есть премудрость божия, беседующая нашими словами, но ведущая от земли на небо, да избавит нас от ползущих змиев. К ней Михея говорит: «Восстань и изломай их, дочь Сиона, ибо рога твои положу железные, и ногти твои положу медные, и сотрешь людей многих». Сей змий есть Христос, слово божие, священная Библия. «Я (вопиет) свет миру...» «Я пастырь добрый... тот сотрет...»

Если имеешь уши, послушай, как чудно сей змий свистит: «Плоть ничто же...»

Что слаще сей благой вести сердцу христианскому? А сего-то змия благовестие приточник дает знать: «Страшное слово сердце мужа праведного смущает, весть же благая веселит его».

Сей есть столб облачный, изводящий Израиля из осязающей тьмы в нетленное вечного, сей лежит на падение и на восстание, сей змий с преподобным будет преподобный, говоря к ним: «Сын, если премудро будет сердце

твое, возвеселишь и мое сердце». Таков один вознесет змия, как написано: «Змия возьмут (вознесут)».

Презирать мудрых советы — значит самому себе зажигать факел. Для беспрепятственного путешествия нет важнее, то есть полезнее и величественнее, как узнать самого себя и сыскать в нашем пепле погребенную искру божества, отсюда рождается благословенное оное царство владеть собою, иметь мощь и на стремлениях душевных всех тигров лютейших, как на везущих колесницу львах, ехать.

Всех наук семена внутри человека скрываются, тут их источник утаен, а кто видит его? Сей есть один родник неисчерпаемый всему благу и блаженству нашему, он сам есть оное блаженство, беспричинное начало, безначальная причина, в которой и от которой все, а она сама от самой себя и всегда с собою есть и будет. Посему и вечна, всегда и по всему одна и одинаковая, разумевшаяся и содержащая. Сия высочайшая причина всеобщим именем именуется *бог,* свойственного имени ей нет.

Сие блаженство премудрые люди уже в древнейших веках нашли и наслаждались оным, а нам заветом своим неоцененное то сокровище оставили в наследие. Завет тот — суть книги их и ворота к счастию. «Премудрость и мысль блага во вратах премудрых». «У ворот сильных приедет, в воротах же города дерзая говорит...» «Мудрые жены создали дома». О сих-то книгах пишется: «Страшно место сие: не есть се дом божий и сии врата небесные».

«Ешь мед, сын, ибо благ есть, да насладится гортань твоя, и уразумеешь премудрость душою твоею». «Если бо обретешь оную, будет добра кончина твоя, и упование тебя не оставит». «Сия книга повелений божиих и закон сущий вовек». «Все держащиеся ее в жизнь войдут, оставившие же ее умрут». В сих премудростию созданных домах блаженный Лот пирует и упивается с дочерьми своими, в сих упился и Ной; там пирует и братия с Иосифом. «Пили же и упились с ним».

Не то они вино пили, что пьют у приточника беззаконники: «Тии питаются пищею нечестия, вином же законопреступным упиваются. Но вино, веселящее сердце». Видите, в каких книгах искать должно веселья, а чье дело учить о нем.

Сие вино пьет небесный учитель в царствии отца свое-

го с теми, о ком сказует: «Оглядев окрест себя, сидящие говорят: — Се мать моя и братья мои...»

Сие вино есть от стола высокого: «Упьются от тука дома твоего». От сего стола вкушает и Павел: «Имеем алтарь...» Познание сладчайшей истины божией подобной вину веселящему, с теми то же делается, что с неким древним мудрецом: сей любитель истины и ревностный мудрости искатель от молодых ногтей многие лета, между прочим, желал знать, какой разум и тайна закрывается в образе треугольника [10], который и ныне пишется в христианских храмах, а изнутри его или око смотрит или солнечные лучи льются. Наконец, сокровенная сила вдруг, как молния, озарила душу его; вскочил Пифагор, начал руками плескать и кричать: «Сыскал! Сыскал! Сыскал!» Скажите мне, кто б не почел пьяным, взирая на него? Скакал и Давид, играя на органы. Несут и ведут за ним кивот [11] с сокрушенным внутри заветом господа сил в замок его Сион, а Давид перед ним пляшет. «Конечно, он спился или от меланхолии с ума сошел», — говорит, смотря в окошко, Мелхола, дочь Саулова. А Давид, на ее ругание несмотря, что желал, совершил: поднес господу жертву всесожжения и жертву мира, праздник радости и веселья. Наконец, и последовавших ему израильтян сделал счастливыми, открыв им господа сил, а «у Мелхолы, дочери Саула, не будет детища до дня смерти ее» (2-ая Царств, гл.6).

Не очень сладкого рассуждения был бы Давид, и сам я чуть ли бы от смеха удержался, видя Давидово плясание о том, что втащил в крепость свою сундучище с каменными таблицами.

Сие многие и ныне делают, всякий день целуют Евангелие и почти спят на сем камне с Иаковом; но верую и разумею, что тайная воскресения сила, под каменными скрижалями сокровенная, как Моисеево из горящей купины, так и Давидово сердце озарила и напечатлелася внутри его.

Там и Авраам увидел день господен и возрадовался, сие сам Давид доказывает сими словами: «Отразился (запечатлелся) на нас свет лица твоего...» Иное дело — видеть камень с буквами и бумагу с чернилами внешним оком, а другое — взирать тем взором: «Возведите очи ваши», и слышать теми ушами: «Имеющий уши слышать, да

слышит», и могти сказать с Павлом: «Написано не чернилом, но духом бога живого на скрижалях сердца плотских».

Краски на картине всяк видит, но чтоб рисунок и живость усмотреть, требуется другое око, а неимеющий оное слеп в живописи. Скрип музыкального орудия каждое ухо слышит, но, чтоб чувствовать вкус утаенного в скрипении согласия, должно иметь тайное понятия ухо, а лишенный оного для того лишен движущей сердце радости, что нем в музыке. В самую пламенеющую усердием душу не скоро входит сияние славы божией: «Когда придет время, явишься». Блаженное сие время на многих местах назначено. У Исаии: «Тогда отворятся очи слепых и уши глухих услышат, тогда вскочит хромой, как олень, и ясен будет язык гнусливых».

«Собранные господом обратятся и придут в Сион с радостью, а радость вечная над головою их. Тогда волки и агнцы должны пастись вкупе. Светися, светися, Иерусалим!..»

Сей-то свет снисшедший сделал схожими на пьяных апостолов: «Иные же ругающиеся говорили, как вином исполнены суть».

Кричит Петр и защищает их; но можно ль уверить застарелое в душах поверье, а иногда и злобное? Пьяны от радости, что уразумели то, чего, все оставив, искали... Увидели с Давидом знаменья и образов событие, чудеса на небеси и на земли прозрели, стали собирать манну.

Манна — значит чудо, то есть что то такое? «И се на лице пустыни манна, как коруанс [12], бело, как лед, на земле узревшие то сыновья Израиля сказали друг другу: «Манна!»», сиречь что есть сие? «Не ведал бо, что было». Говорит Мойсей к ним: «Сей хлеб, его ж завещал господь». Несказанно радостны, что прозрели новое, начали прорицать новое новыми языками.

Сие-то есть быть пророком, или философом, прозреть сверх пустыни, сверх стихийной вражды нечто новое, нестареющееся, чудное и вечное, и сие возвещать.

«Всяк, кто призовет имя господне, спасется». Спасением душе есть основательная радость и твердая надежда. Дышат таковым же пьянством и сии Павловы слова: «Кто нас разлучит от любви божией?» Но во всех сих препобеждаем за возлюбшего нас. Видите, сколько сильно в сем муже укоренилась радость, что все горести его при-

услаждает, ничто ему не страшно, весел и в темнице. Сей есть истинный мир.

Как здравие селение свое имеет не вне, но внутри тела, так мир и счастие в самой среднейшей точке души нашей обитает и есть здравие ее, а наше блаженство.

Здравие тела не иное что есть, как мир телесный, а мир сердечный есть живность и здравие души, а как здоровье рождается после очищения из тела вредной и лишней мокроты, матери всех болезней, так и сердце, очищаемое от подлых мирских мнений, беспокоящих душу, начинает прозирать сокровенное внутри себя сокровище счастия своего, чувствуя, будто после болезни, желание пищи своей, подобное нашему ореху, зерно жизни своей в пустом молочке зачинающему. Сих-то начинающих себя познавать призывает премудрость божия в дом свой на угощение через служителей: «Придите, ешьте мой хлеб и пейте вино...»

В сию гостиницу и пациент Иерихонский привозится самарянином, зовет и всех сердце свое потерявших: «Приступите ко мне, погубившие сердца, сущие далече от правды»; «придите ко мне, все труждающиеся...» О сем враче внушает нам сын Спрахов: «Почитай врача.., ибо господь создал его». А кто ж есть тот врач, если не сей: «Исцеляя всяк недуг и всякую язву в людях». Но что исцелял? «Исцеляя сокрушенных сердцем...» Если кто сердцем болен, если мыслями недужен, тогда точно сам человек страдает. Не тело, но душа есть человек, не корка, но зерно есть орех. Если целое зерно, сохранится и корка в зерне. Кто прозрит сие и поверит? «Очисти прежде внутренность стакана и блюда, да будет и внешнее их чисто». Исцели прежде сердечное сокрушение, не бойся убивающих тело. Иное телесное здоровье — другое дело веселье и живость сердца.

Сад, оплота лишенный, есть несчастливая душа, счастие свое на песке стихийном основавшая и уверившая себя, что можно добро свое сыскать вне бога. Начало премудрости — страх божий, он первое усматривает счастие свое внутри себя. Сие блаженное утро внутри сердца светить начинает, ведущее за собою ведро пресветлого и вечного мира, и если бы оно было тлению подвержено, то могло ли родить вечный мир? Может ли душа незыблемое иметь упование на то, что третьего дня сокрушится? Не вся ли таковая песочная надежда есть мать

душевного сокрушения? И как может твердо устоять сердце, видя все стихийное, до последней крошки разоряемое, а прозреть за слепотою не может то, на чем благонадежно можно опереться? Сия благонадежная надежда зовется у Павла якорем, но сему видно, что все светское добро не есть добро; оно сокрушается даже до самого здравия телесного и успокоить сердца не может.

Доколе душа не почувствует вкуса нетления, дотоле не вкусит она твердого мира и есть мертва.

Сколь многое множество читает Библию! Но без пользы сей дом божий заперт и запечатан.

Дух страха божия и дух разума вход отворяет; без сего ключа всяк поропщет, взалчет и обойдет город сей.

Многие приходят к нему с любопытным духом, иные с половиною души, иные с Иудиным сердцем, но без пользы: «Окрест нечестивые ходят». Иные преклоняют ее к защищению своих плотоугодий и со строптивым [она] развращается во вред, выводят пророчества о временной пользе, о частных враках, о тленных предметах, но окрест нечестивые ходят. Сколь мало истинных рачителей, верных искателей и снарядных чтецов, жалуется о сем Иеремия: «Кому расскажу и кому засвидетельствую, и услышит?» «Се не образованные уши их, и слышать не смогут!» Се слова господние были у них в поношении и не воспримут! Библия есть совершеннейший и мудрейший орган. Как стрела магнитная в одну северную точку устремляет взор свой, так и сия к оному взпрает и ведет к тому: «Восток имя ему». Сия есть стрела спасения господнего, как говорит Елисей, пособляя собственными своими руками напрягти лук и выстрелить стрелу на неприятелей, наложив руки свои на руки царя Иоаса (4-ая Царств, гл.13).

Если язык разит, для чего не назвать его стрелою? Библия есть слово божие и язык огненный.

Исаия в лице ее говорит: «От чрева матери моей наречет имя мое и положит уста мои, как меч остр, и под кровом руки своей скроет меня; положит меня, как стрелу избранную, и в колчане своем скроет меня, и говорит мне: «Раб мой ты, Израиль, и в тебе прославлюсь»». Сия стрела от вышнего нам послана для врагов.

Слова богопроповедников суть стрелы, о которых Исаия: «Их же стрелы острые суть, и луки их напряжены; копыта коней их, как тверд камень, вменилися; коле-

са колесниц их, как буря; ярятся, как львы». Вот один из сих воинов! Оружие воинства нашего не плотское, но сильное богом...

Но как напрягать стрелу сию? Должно уметь и иметь в себе того: «Научащий руки мои на ополчение». Сию-то стрелу сыскали в колчане апостолы — язык огненный. «Языка — его же не зная — услышат».

А как стрела сия парящая взирает к одному только востоку, так и сей орган одному богу песнь воспевает. Очень вздорно и худо разногласит, и сам свое мешает слитное согласие, если стать на нем играть для плоти и крови. Играет и скачет Давид, но перед господом, то есть ради господа, так как и Мелхоле говорит: «Благословен господь, который избрал меня паче отца твоего...» Буду играть и плясать перед господом. Поощряет и других: «Воспойте к господу. Сей один только благой псалом есть».

Нет сладостнее и действительнее, как бренчать на нем богу, а не стихиям, а не миру; не тлени, но вечности, тогда-то действительно изгонятся бесы из саулов. Притом надобно уметь слитать голоса, вливающие в душевное ухо сладкую симфонию.

При свидетельстве двоих или троих голосов твердый псалом составляется, например: почитай врача, противу потреб чести его, ибо господь создал его. Вот кого ж не господь создал? Тотчас и вздор: для чего ж царь Иудин Аса осуждается ради лекарей? «И не в немощи своей взыскал господа, но врачей». Смотрите, как дурно сей орган разногласит по человеку! Не спорю, да и сам я рад почитать телесного врача. Притом говорю, что Библия весьма есть дурная и несложная дуда, если ее обращаем к нашим плотским делам, бодущий терновник, горькая и невкусная вода, дурачество, если с Павлом сказать, божие, или скажу сор, навоз, дрянь, грязь, гной человеческий, в котором велит бог Иезекиилю скрыть ячменный опреснок. «Так съедят сыновья Израиля хлеб свой нечистый у язычников, когда рассыплю их» (гл. 4).

У Исаии — стрела избрана, в колчане своем скрытая, а у Иезекиля — в соре навоза скотского скрывается опреснок.

Не сие ли есть таинство утверждающего сердца нам слова божиего, грязью земных дел наших обвитое? Те только одни от змииных угрызений исцелились, кто на

вознесенного змия в гору взирали, не те, что смотрели на ползущего по земляному праху.

Так и здесь питаются во время голода пшеницею Иосифовою приступившие к столу и наслаждающиеся высокими умами, а не те, которые жрут гнилую свою мертвечину около слова животного. «Окрест нечестивые...»

Там упоминается змий, ползущий и едящий грязь, а у Иезекииля на гноеядцев вот что бог вещает: «Да скудны будут хлебом и водою, и погибнет человек и брат его, и истают в неправдах своих».

Для чего мы находим там нашу грязь и гной и едим оный, когда все сие богу и божественному его слову единственно посвящено? Конечно, мы не узнали себя. Если же скажете, что оное жестоко и трудно читать и разуметь, если вам бог прощает, одно то непростительно, что мы похожи на умницу бабу: сия разумница изволила кушать горчайшую около ореха волошского [13] корку, наконец осердившись, начала ругать и смеяться; которые, лишившись доброго вкуса, похваляют иностранные плоды.

«Почитай врача... Ибо господь создал его». Но дабы тут не приснились нам наши телесные врачевания, для того там же сплошь говорится сие: «Не от древа ли осладились воды, да познана будет сила его?» Лекарствам плотским какое есть сходство с тем богопоказанным деревом, которым Мойсей воду горькую осладил? Если кто сие дерево знает, может вознести змия, отбить грязь от опресноков, осладить библейную воду. Вот лекарь кричит: «Послушайте премудрость в притчах! Господь создал меня, начало путей своих». Слушай лечение: «Сын, да не премнешь, соблюдай же мой совет и мысль, да жива будет душа твоя, и благодать будет на твоей шее! Будет же исцеление (приложение) плотям твоим и уврачевание костям твоим, да ходишь надеясь в мире во всех путях твоих...»

Видите, что лечит сей врач? Душу болезненную. «Мир мой даю вам. Вы друзья мои есть...»

Сего-то доброго друга столь высоко рекомендует сын Сираха: «Друг верен— покров крепок есть; обретший же его обретет сокровище. Другу верному нет измены, и нет мерила доброте его! Друг верен — врачевание житию, и боящиеся господа обретут его». Теперь же скажу: почитайте Библию, в рассуждении надобностей ее она есть аптека, божиею премудростью приобретенная, для увраче-

вания душевного мира, ни одним земным лекарством неисцеляемого.

В сей-то аптеке Павел роет, копает, силою дерева крестного вооружен, и, убивая всю мертвую гниль и гной, вынимает и сообщает нам само чистое, новое, благовонное, божие, нетленное, вечное, проповедуя Христа божию силу.

Церемонисты сердятся, а афинейцы смеются, нам же, званым, Христос есть божия сила и божия премудрость. Если же спросите, для чего сии книги одно пишут напицо, а другое тайное, а новое из них выходит? А кто ж сеет на ниве семя будущее? Да и может ли пахарь сеять зерно нынешнее? Оно, принятое в недро земное, разопреет и сотлеет; в тот день выходит из него плод новый с новым зерном. А к сему круг годового времени надобен.

Скажите, возможно ль на молодом сердце вырастить плод ведения божия и познания (сии обое с собою неразлучные) самого себя? К сему круг целого человеческого века потребен.

Библия есть человек домовит, уготовивший семена в закромах своих. О сем-то хозяине пишется: «Изойдет сеятель сеять». Она в молодые наши мысли насевает семя нынешнего плотского нашего века, дабы несмысленное наше сердце способно принять могло; сие семя не пустое, но утаивает в себе божию силу.

Оно как непотребное со временем портится в сердце и гибнет, а новое прозябает. Сеется гниющее, восстает благовонное; сеется жесткое, восстает нежное; сеется горькое, восстает сладкое; сеется стихийное, восстает божие; сеется несмысленное и глупое, воскреснет премудрое и прозорливое. Все, что только мы имеем, есть то ж и у бога. В сем только рознь, что наша гниль и тень, а его — нетление и истина.

Древний мудрец Эдип [14], умирая, оставляет малолетнему сыну в наследие историю именем «Сфинкс»: «Любезный сын, вот тебе самое лучшее по мне наследие! Прими малую сию книжку от десницы моей; люби ее, если хочешь любить твоего отца; меня почтешь, почитая оную. Носи ее с собой и имей в сердце своем, ложась и вставая. Она тебе плод принесет тот, что и мне, разумей — блаженный конец жизни твоей. Не будь нагл и бессовестен, ступай тихонько, жизнь есть путь опасный; приучай себя малым быть довольным, не подражай расточающим сердце

свое по наружностям. Учись собирать расточение мыслей твоих и обращать их внутрь тебя. Счастие твое внутри тебя, тут центр его зарыт: узнав себя, все познаешь, не узнав себя, во тьме ходить будешь и убоишься страха, где его не бывало. Узнать себя полно, познаться и задружить с собой сей есть неотъемлемый мир, истинное счастие и мудрость совершенная. Ах, если б мог я напечатлеть теперь на сердце твоем познание самого себя!.. Но сей свет озаряет в поздний век, если кто счастлив... Будь добр ко всем. Не обидишь и врага своего, если хоть мало узнать себя потщишься. Но презираю природу твою и радуюсь. Конечно, узнаешь себя, если любить будешь вникать крепко внутрь себя, крепко, крепко... Сим одним спасешься от челюстей лютого мучителя».

Он много говорил, но мальчик ничего не мог понять. Омоча отцовскую руку слезами и принимая книжку, прилагал ее, будто отца, к сердцу своему; а отец, радуясь как сыновнему усердию, так и разлучению своему от тела, уснул в вечности, оставив на смертном лице образ радости, живой след ублаженной миром души своей.

Добрый сын, малую сию книжечку часто читая, почти наизусть ее знал. В ней написано было, что лютейший и страшнейший урод, именем Сфинкс, во время жизни отца его всех встречающихся ему, кто бы он ни был, мучил и умерщвлял людей. Лицо его было девичье, а прочее все льву приличное. Вся причина убийства состояла в том, что не могли решить предлагаемой сим чудовищем задачи, или загадки, закрывающей понятие о человеке. Кто бы ни попался, вдруг задача сия: поутру четвероногий, в полдень двуногий, а ввечеру треногий, скажи мне, какой зверь? Наконец, написано, что Эдип загадку решил, урод исчез, а восприяла в дни его радость и мир. Всю сию опись держал он в сердце своем.

Пришел мудрецов сын в возраст, усилились страсти, а светское дружество помогло ему развратиться. «Сфинкс — какое дурачество,— говорили ему,— пустая небыль! Суеверие!..» Да и сам он уже имел недетский разум; он понимал, что сих зверей ни в Америке, ни в самой Африке, ни в островах японских натура не рождает, а в Европе их не бывало. Ни одна натуральная история о них не упоминает, все уже изрядно понимал, чтоб быть прозорливым нетопырем. Нетопырю острый взор в ночи, а бездельнику во зле. Беспутная жизнь сов-

сем лишила его сердечной веселости. Тогда первый засев юродивый об уроде истории в сердце его сгнил, так как гниет старое пшеничное зерно, на ниве погребенное.

В 30 лет начал входить в себя и узнавать. «Какое бедствие! — говорил он сам с собою.— Я совсем переменился. Где девалась радость моя? Я мальчиком был весел, все у меня есть с излишком, одного недостает — веселия. Есть и веселие, и таковым меня почитают, но внешнее, а внутри сам чувствую развалины основания его, боюсь и сомневаюсь. Одно то твердо знаю, что я беден. Что ж мне пользы в добром о мне людском мнении? Вот точный плод презренного мною завета и совета отеческого! Прибыль моя двоит во мне жажду, а мои услаждения сторичным кончаются огорчением. Сфинкс! Чудное дело... Конечно, тут тайна какая-то... Мой отец был мудр и человеколюбив, не лгал и в шутку и не был к сему сроден; нельзя, чтоб он меня хотел обмануть. Конечно, все то правда. А чуть ли я уже не попался зверю тому; меня мучит что-то, но не понимаю, а пособить нельзя. Одно только чудо, что мучусь тем, чего не вижу, и от того, кого не знаю... Несчастное заблуждение! Мучительная тьма! Ты-то поражаешь в самую точку меня, в самую душу мою, опрокинув, как вихрь, хижину, как буря, кедр. Безрассудный мир, прельщающий и прельщаемый! Яд советов твоих есть то семя смерти сердечной, а твоя сласть-то лютейший зверь; она неразумных встречает лицом девичьим, но когти ее — когти львовы, убивающие душу, и убийства ее каждый век и каждая страна исполнена. Продолжать не хочу». Начал прозябать из ложной истории новый и всеполезный дух. Добрый сын при восходящей внутри себя предводительствующей заре, малупомалу узнав себя, со временем сделался наследником высокого отеческого мира, возгнездившись на храме нетленной истины как почитатель родителей. Змеиненавистный бусел [15], исполнив как отцовское, так и пророчество, сокрываемое тайно образным голубем, средь морских волн на камне стоящем с сею подписью: «На твердости почиваю». Что нужнее, как мир душевный? Библия нам от предков наших заветом оставлена, да и сама она есть завет, запечатлевшая внутри себя мир божий, как огражденный рай увеселение, как заключенный кивот сокровище, как жемчуга мать, драгоценнейший жемчуг внутри соблюдающая. Не несмышленая наглость наша, по углам

дом сей оценяющая, презирает и знать не хщет. Очень нам смешным кажется сотворение мира, отдых после трудов божий, раскаяние и ярость его, вылепление из глины Адама, вдуновение жизненного духа, изгнание из рая, пьянство Лотово, родящая Сарра, всемирный потоп, столпотворение, пешествие через море, чин жертвоприношения, лабиринт гражданских законов, шествие в какую-то новую землю, странные войны и победы, чудное межевание и проч., и проч.

Возможно ль, чтоб Енох с Илиею [16] залетели будто в небо? Сносно ли натуре, чтоб остановил Навин солнце? Чтоб возвратился Иордан, чтоб плавало железо? Чтоб дева по рождестве осталась? Чтоб человек воскрес? Какой судья на радуге? Какая огненная река? Какая челюсть адская? Верь сему, грубая древность, наш век просвещенный.

Нимало сему не удивляюсь. Они приступают к наследию сему без вкуса и без зубов, жуют одну немудреную и горькую корку. Если бы к сему источнику принесли с собою соль и посолили его с Елисеем [17], вдруг бы сей напиток преобразился в вино, веселящее сердце. Сии воды до дня сего суть те же елисейские, как только Елисей посвятил их господним словом. Божии слова тотчас перестали быть смертоносными и вредными, стали сладкими и целительными душам.

Если кто узнал себя и задружил, если может сказать: «Было слово господне ко мне», «Знаю человека», может и теперь посещать сии же воды. Сии-то источники оставляются в наследие от отца Исааку: «Паки ископал Исаак колодцы водные, которые ископали рабы Авраама, отца его» (гл. 26). Возле сего источника раб Авраамов находит для Исаака супругу Ревекку.

Толкует обручение сие Осия: «Обручу тебя себе вовек, и обручу тебя себе в правде, и в суде, и в милости, и в щедротах, и обручу тебя себе в вере, и узнаешь господа».

Послушайте, вот раб сына Авраамового: «Обручил вас оному мужу, деву чистую представить Христу».

Испытайте писания: разумей, очищайте, ройте, копайте: смотри, как роет Исаак: «Отнюдь же оттуда ископал колодец другой, а не спорил о том, и прозвал имя ему пространство, говоря, что ныне распространил господь наш». Разве не слышим призывающего нас живого источника? «Вжаждай, да грядет ко мне...» Вот наследие, по-

кой сердца, пространство духа, утоление душевной жажды! Не дай бог нам так пить из сего источника, как сии потоки. «Юдоль же сладкая имела колодцы смачные, и побежали царь содомский и царь гоморрский и пали там, оставшиеся же бежали в горы» [18]. Один и тот же источник есть падение и восстание презрателей богу посвящаемых сих вод и ругателей Елисеевых, уже не сфинкс, но медведицы терзают: «И оглянулся вслед им, и видел я, и проклят я именем господним...» (4-я Царств, гл. 2). Мы не дети умом; медведица душу не тронет; я тебе скажу, какие то звери, от бога насылаемые. «Зубы зверей пошлю в них...» (Второзаконие, гл. 32, ст. 24). Приметь слово сие «в них», разумей: «внутри их»; зверя впустить во внутренность как можно? Посылает на них и шершня! Нельзя, чтоб наказывал по телу тот, который говорит: «Не убойтеся убивающих тело...»

Какие ж суть сии звери и шершни? Слушай Моисея: «И будет, если не послушаешь голоса господа бога твоего.., проклят ты, когда входить тебе, и проклят ты, когда исходить тебе. Да пошлет тебе господь скудость и голод, а истребление на всех...» Слушай далее: «Да поразит тебя господь истлением, и огневицею, и стужею, и жжением, и убийством, и ветром тлетворным, и бедностью, и пожнут тебя, пока погубят». Слушай далее: «Поразит тебя господь неистовством и слепотою, и исступлением ума». Станем тут: довольно сего. Только не забудьте Сираховых слов о языке: «Послан будет на них, как лев, и, как барс, погубит их».

О сих грызениях и душегубных жалах говорит и Павел: «Жало же смерти грех...» Что есть грех, если не заблуждение? Грешить в греческом языке ἁμαρτάνειν — значит быть беспутным, что ж бедственнее, как шествовать без дороги, жить без пути, ходить без совета? Сие поразит сердце больнее медведицы, жалчее шершней. Нет слаще и увеселительнее истины, путеведущей душу, и нет горестнее, как тьма неведения. «Будешь (там же у Моисея говорится) осязать в полудни, как осязает слепой во тьме, и не исправит (господь) путей твоих».

Еще проще говорится у Иеремии: «Накажет тебя отступление твое, и злоба твоя обличит тебя, и узнай, и гляди, как зло и горько тебе есть, и не исправит (господь) путей твоих». Не верующий и не знающий господа уже осужден есть. Нет горестнее и мучительнее сего, и не

будет никогда. Грех есть порча самого существа и разорение самой душевной исты; грех — значит заблудить от господа своего, а сие есть потерять живот и мир сердечный. Грех — сам себе яд и казнь, а мучит паче тысячи адов. Видите, чье дело учить о мире и счастии. Библия — сему источник и основание. Правда, что многие ангелы сокровищу нашему, в вертепе родившемуся, не очень искусно и не по Давиду на библейном инструменте поют песнь: «Слава в вышних богу». Но глупость целой тысячи несмышленых живописцев не сильна у нас живописную хитрость привести в презрение, а научат нас, что сия наука есть многотрудная и из стольких своих любителей стала немногими постигаема.

Старинный друг мой Алексей Соха [19] в собрании дружеском по течении речи стал хвалиться, что общий наш приятель Севастиан, сын Пакпифов, лекарь, возвратил ему очи, в опаснейшем состоянии находящиеся. В сем месте нашего разговора один из собрания начал горько плакать: все мы задивились, что причина? «Мне тот же лекарь,— сказал с плачем слепец,— сам собою обещался было исцелить очи». Мы знали, что добродушный Севастиян не принимался за невозможное, для того спросили: «Для чего ж ты не отдался?» «Вот для чего,— отвечал безокий,— обманутый многими врачами, думалось мне, что все суть те же; а теперь я навеки слеп...» Достойно и праведно! Монета воровская не может уничтожить цену и честь монеты царской. Теперь скажу вам то же, что вначале: осторожно говорите о мире. Высокая речь есть мир. Не будьте наглы, испытывайте все опасное. Не полагайтесь на ваших мыслей паутину, помните слово сие: «Не будь мудр о себе; не мудрися излишне, да некогда изумишься. Не оправдывай себя перед богом. Почитай врача. Не высокомудрствуй, но бойся».

Презпрать Библию — значит мудриться излишне, будто мы что лучшее выдумали. Оправдать себя перед богом — значит то же, будто мы упредили его новоизобретенным прямиком к счастию. Высокомудрствовать — значит, будто в наш век родилась истинная премудрость, неизвестная древним векам и нашим предкам.

Сие есть высокостепенное сумасбродство, если думать, что в наши времена взошло солнце, отворился ключ здоровых вод, изобретена соль... Самонужность есть повсеместная и вечная. Бог и премудрость безначальны. А то

самая дрянь, что вчера с грибами родилось. Изберите день и соберитесь. Я за предводительством божиим и его Библии мог вам, если меня не обманет самолюбие, показать алфавит мира или букварь его. А теперь поручаю вас богу. Сумма всей нашей речи будет сия: чем кто согласнее с богом, тем мирнее и счастливее. Стыжуся сам своего слова. Лучше было сказать: соберемся и участно все побеседуем [20]. Авось что-либо откроет тот, который близок всем, призывающим его к истине.

А ф а н а с и й. А мы пойдем в сад, а из сада домой... Скажите мне, как вам показалась речь его?

Е р м о л а й. Мне она показалась делом. Нет вреднее, как наглость.

Я к о в. И мне его речь кажется небезосновательною. Может статься, что мы рассуждаем о мире так, как древние рассуждали о пифагоровских бобах [21]. Между многими его гадательными реченнями есть и сие: «Не ешь бобов». Многие сему смеялися, а иные высосали из сих слов подлые соки, всяк по своему сновидению. Один думал, что в бобах вредный сок, рождающий бессонницу. Другой мечтал, что срамной дух имеют и фигуру. Третьему приснилось, будто бы обращаются в кровь, если скрыть в медном сосуде, и прочий вздор. О сем написали и книги. Возможно ли, чтоб мудрый муж столь подлые мысли закрыл в своем символе? Мне кажется, те угадали, которые высосали оттуда сие Спраховское слово: «Премудрость книжника во благовременни празднества, и умаляющийся в деяниях своих премудрится». За неимением камушков употребляли древние для кандидатов белые и черные бобы. Пифагор любителей премудрости отвлекал сим словом от честолюбия, чтоб иметь вольное сердце к исследованию истины. Толкует один его символ Цицерон в книге своей «О старости», но весьма нехудо: древние мудрецы имели свой язык особливый, они изображали мысли свои образами, будто словами. Образы те были фигуры небесных и земных тварей, например: солнце значило истину, кольцо или змий, в кольцо свитый — вечность, якорь — утверждение или совет, голубь — стыдливость, птица бусел — богочтение, зерно и семя — помышление и мнение. Были и вымышленные образы, например: сфинкс, сирена, феникс, семиглавый змий и прочее. Печать кесаря Августа имела с кольцом якорь, обвитый стремительнейшим морским зверем дельфином с сею

подписью: Festina lente, то есть спеши (всегда) исподволь. Образ, заключающий в себе тайну, именовался по-эллински ἐμβλῆμα, emblema, то есть *вкидка, вправка* будто в перстень алмаза, например изображенный гриф с сею подписью: «Наглорожденное скоро исчезает»; или сноп травы с сею надписью: «Всяка плоть — трава». А если таких фигур сложить вместе две или три, как в помянутой печати, тогда называлося σύμβολον, conjectura по-римски; по-нашему бы сказать: *скидка, сметка.* Августова печать была головою всех его советов в царствовании. Он почитал за одно скорость и исправность. Наконец, так счастливо царствовал, что народная речь спя почти обратилась в пословицу. Августу или не должно было начинать, или переставать царствовать. Но мне кажется, что Августова печать значит и то, дабы бешенство душевных стремлений удерживать советом, зависящим от вечности. В сию мысль приводит фигура змия, в кольцо свитого, с сею надписью: «От тебя, боже, начало, в тебе же да кончится». Вечного вечность так же образовалась тремя перстнями или кольцами, меж собою сцепленными, с надписью: «Сии три выше всех стихий». Сердце, устремившееся к вечному, означалося образом стрелы, вверх стремящейся к звезде, с такой подписью: «Довлеет мне один он». Сердце, вечностию просвещенное, образовалось кустарником или насаждением, плодоприносящем зерно, падающее сверху поверхности земной, с подписью: «Чаю будущей жизни». Изображалося и орлом, взирающим и возлетающим к солнцу, с подписью: «Горю к бессмертию». Также змием, совлекшим свою ветошь весною и обновившим юность. Я недавно написал таинственный образ. Он представляет море с берегом, с которого летит на другую сторону моря ласточка с надписью: «Зимою нет здесь для меня покоя». Таковые тайно образующие вечность фигуры бывали у древних вырезываемы на печатях, на перстнях, на сосудах, на таблицах, на стенах храмов, по сей причине названы (иероглифика) hieroglyphica, то есть священная скульптура или резьба, а толкователи названы hierophantes — *священноявители* или mystagogi — *тайноведатели*[22]. Конечно, никто бы не мог разуметь и, видя, не видел бы, например, шар земной, изображенный с царскою короною и скипетром, но опровержен, если бы не было подписано следующее: «Дурак уповает на него». Отсюда, вид-

но, родилася пословица сия: «Не фигура», то есть не трудно.

Л о н г и н. Мне кажется, что и самая Библия есть богом создана из священно-таинственных образов: небо, луна, солнце, звезды, вечер, утро, облако, дуга, рай, птицы, звери, человек и проч. Все сие суть образы высоты небесной премудрости, показанной Мойсею на горе; все сие и вся тварь есть стень, образующая вечность. Кто бы мог догадаться, что Ноева дуга образ есть священной Библии, если бы не сын Сираха, похваляя божественную премудрость, сказал: «Слава высоты, твердь чистоты... Солнце в явлении сжигающее горы... Луна всем... месяц по имени своему есть... Доброта небес, слава звезд... Гляди на дугу и благослови сотворившего ее, очень прекрасна сиянием своим» (гл. 43). Всю сию неба и земли тварь сотворил вышний в том, да прообразует она горнее начало власти божией, силу слова его и славу присносущного духа его.

«Вначале сотворил бог небо и землю». Когда вся тварей смесь проистекает из божиего источника, тогда да возвращается к тому же, кто есть начало и конец, и нас за собою ведет от смерти к жизни и от земли к небесам. Сие великое светило (Библия), сотворенное на тверди крепости вечного на то, да освящает земляные умы наши, да разлучает нам между днем воскресения и между ночью тления, которое одно нам, как видимое, так и знаемое, да ведет своими знамениями во времена вечности, во дни спасения, в лето господне благоприятное. Оно, утвержденное в роды родов, да по крайнейшей мере некоторая частичка людей божиих в сем ковчеге спасется от змия, изблевающего потоп, наводняющий землю безбожием. В сем ковчеге почивает наш Ной, то есть мир, всяк ум превосходящий, и кто воздвигнет его? Тут гнездится и голубица его (пона — по-еврейски), изнутри испускаемая, возводящая высокий взор свой, усматривающая превосходящего тления воду, верх гор вечных, гор правды божией, место злачное, землю износящую, былие травное и дерево плодовитое, день третий воскресения, и приносящая в устах своих нам милость мира и твердое надежды утверждение, говоря: «Радуйтесь! Не бойтесь! Что смущены вы? Мир вам! Идите, возвестите братии моей».

Если бы кто вошел в покой чистой сей голубицы, и, отдохнув посреди пределов ее с Исааковым сыном, тогда

бы узнал, что вся слава ее внутри находится, и признался бы, что подлинно крылья ее посребрены, что шум их чудный, а междурамье ее сияет самым чистейшим и никому не слыханным золотом: «Золото ж земли сей доброе, и там есть анфракс (Бытие, гл. 2) и камень зеленый». Но так все закрыто фигурами и образами, так запечатлено, что весьма трудно, да и невозможно пролезть сквозь ограждающую рай сей стену: если с нашим соглядателем Халевом не будет в товарищах сей: «Я дверь...» Глубина сия божией премудрости, сенью образов снаружи покрытая, никоего вида, ни стройности, ни вкуса не имеет: «Земля же была невидима и неустроена, и тьма...» Такова она бывает дотоль, поколь найдет на нее дух от вышнего, как говорит Исаия (гл. 32): «И будет: пустыня в Хермель претворится в гору Кармиль, в плодоносии или в пище изобилие». «И дух божий носился вверху воды».

Сей один всесильный, сходящий от вышнего дух, как сотворил всю сию небесных, и земных, и преисподних, и морских (светила, звери, золото, жемчуг), образовав тьму, так и вывести может из мертвого живое, из пустыни изобилие, из обуялого вкус, из тьмы просвещение: «И сказал бог: — Да будет свет! — И был свет». Все в ней кажется просто и одинаково сказано, однако двое сие слышали. Давид говорит: «И дух двойное свое слово надвое разумеет: на образующее и на тайнообразуемое». «И разлучил бог между светом и между...»

Да не помыслим, что слово божие в самом деле есть двойное, двойное по естествам своим, двойное по тлению и нетлению, по плоти и духу, по божеству и человечеству, по лицу же, или ипостаси, одно и то же. «И был вечер и было утро день один...»

В сей-то силе сквозь бурю и облака спрашивает Иова бог: «Где был ты, когда основал землю? Возвести меня, если знаешь разум? Кто положил меры ее, если знаешь?.. В какой же земле вселяется свет? Тьме же какое есть место? (гл. 38, ст. 4). Вся тьма земных образов в ту цель, меру и намерение положена, да течет к своему началу... В начале было слово: «Все тем было...»

Самые сии два образа — вечер и утро, если бы не истинны были и не возводили куда-то, никогда бы не сказал Давид: «Конец утра и вечера украсишь», но богодухновенное сердце и в сих костях находит землю вселяющегося света и место тьмы: «И свет во тьме светится».

Таковые образы emblemata всегда заключают внутри себя нечто золотое и драгоценное, разумей: божие. «И видит бог, как добро».

Возьмите, например, сии два образа из Исаии: «Прах от колес» — и вспомните данный Иову запрос: «В какой земле вселяется свет?..»

Кто не скажет, что прах или грязь от колеса значит тленную природу? Сие есть место тьме. Кто же опять не видит, что колесо приосеняет вечного вечность? Сия есть земля, включающая в себя свет вечности. Знаменуемая колесом, будто колесо в колесе заключилось, в земном небесное, в тленном нетленное, как говорит Иезекииль, видевший колеса: «И дело их было, как если бы было коло в колесе» (гл. 1).

Но сии колеса не простые были: «И видение колес и сотворение их, как видение фарсиса» (род драгоценного камня). Говорит и Давид: «Голос грома твоего в колесе...» Видите, куда сии колеса докатились?

Теперь, кажется, видно, что колесо есть образ, закрывающий внутри себя бесконечное колесо божией вечности, и есть будто пыль, прильнувшая к ней: «Дух жизни был в колесах». Дух жизни и вечность — одно и то же.

Мне кажется, что и сам Иезекииль то же признает, что в тварях скрывается приосеняемая божия истина, когда говорит сие: «Посреди животных видение свеч...» Сии слова его по всему одни суть и те же со словами сими: «Золото же оной земли доброе, и там есть анфракс...»

Анфракс драгоценный есть камень, подобен блистанием огневому углю, по-гречески *анфракс*, то есть раскаленный уголь. Сей уголь очистил Исаии уста; то уже и видно, что уголь есть фигура; и не уголь очистил сердце сыну Амосову, но тайно образуемая углем горящим слава божия: «Не был тот свет, но да свидетельствует о свете». Самые его четыре животных, что таскают за собою виденные ему колеса, кажется, то же начерчивают образ какой-либо твари, включающий в себя блистательный вид вечности: есть будто бы везущий сокровище божие возок, по-европейски чуть ли не херувим. Имеем же сокровище сие в глиняных сосудах.

Может статься, что сие ж значит и то, что пророк своим животным, так как и колесам, вокруг насажал и будто алмазы вставил множество очей. Колеса пророк,

умом проницая, услышит тайный вопль сей: «О колеса!» Но и здесь приличествует тот же вопль: «О очи!» И чуть ли сии очи не те, о которых Иеремия: «Господи, очи наши зрят на веру» (гл. 5). Сии очи и в Иове есть: «Очи твои на мне» (гл. 7). Сверх пророчих и Пововых очей есть еще господни: «И положил (Елисей) уста свои на уста его, и очи свои на очи его... и согрелася плоть отрочища» (4-ая Царств, гл. 4). А без сих очей очи пророчи болезненны, как у Лии, и слепы, и не вкусны. Затем сидящего на херувиме: «Отвори, господи (просит Езекия), очи твои и глядн...» Не всякому сии очи отворяются, но содержатся внутри тени животных: «Отвращу очи мои от вас» (Исаия). Ионе и Клеопе они отворились, но прежде и сим держатся, да его не познают. Скрыли было взор блаженных сих очей скоты полевые, и звери дубравные, поколь воссияло солнце и собрались... Вот один щенок льва, львенок Иуда... но имеет ли очи лицо сие львово? Имеет, но для верных, вот они: «Радостотворные очи его паче вина...» (Бытие, гл. 49). А неверным, не раскусив на лице образующем, увязают. Очи господни на праведных, лицо же господне на творящих злое, видящих доброе и лукавое. Они видят доброе, но лукаво: в доброте лукавство, в истине сень, в жизни смерть, а сим самым делают доброе злым. Творящие злое. И не дивно: очи сии очень глубоки. Одна только вера на них взирает, а они взаимно на веру. «Очи твои, как озеро в Ессевоне граде» («Песнь песней»), и очень высоко поднимаются над преддверие врат дома господнего. Они не дремлют и никогда не уснут, храня дом свой израильский, храм Библии. «Да будут очи твои открыты на храм сей день и ночь» (3, Царств). Сии очи увидели Закхея: «Воззрев Иисус...» и Вениамина: «Воззрев очами своими Иосиф». Вот же вам и телячее лицо! Мойсей, благословляя Иосифа, называет его быком: «Первородный юнец доброта его...» (Второзаконие, гл. 33). Юнец есть ничто, но первородный лица сего есть красота. Первородный и начало — все одно, «на его месте узрели начало единое, идя вслед его...» (Иезекииль, гл. 10). Много я о очах наболтал, не можно ль несколько удостоверить, что видение внешнее сих многих очей есть фигура одного недремлющего, вседержительного ока божия; и когда колеса образуют голос грома его, тогда очи приосеняют присносущное сияние славы

его. «Слово плотью было... и видел я славу его...» Не хочу больше говорить, кроме с пророком сие же: «Иди же, если было облако, там был и дух». Облако и образ кажется одно. Но он и сам говорит: сие видение (есть) подобие славы господней. Будто ж не одно то: подобие и образ, а между колесом и оком немного разности, кольцо и то и другое. Вся Библия есть прах и земля, но усыпившая многоокое колесо вечности божией. Из сей безобразной грязи исходит свет ведения славы господней блистательной, как молния, сияющей, как золото, прозрачной, как имитрос (янтарь), огнезрачной, как анфракс, добровидной, как фарсис. Сей свет избавляет ее от уничижения и оплевания людского. «Смиренная и колеблемая не имела ты утешения, се я уготовляю тебе анфракс, камень твой, и на основание твое сапфир» (Исаия, гл. 54). В то время веселится сия невеста. Взгляните, например, на облако, объемлющее прекрасное кольцо сияющей дуги, не живой ли сей образ Библии, фигурами осеняющий сияние славы божией, на горе преобразуемой? «Дугу мою полагаю в облаке...» Взгляните на пустое поле, износящее траву и благовонные цветы. Сей есть символ ее, рождающей из пустыни изобилие, из гнили — нетление. «Я есть цвет полевой и крын удольный».

Сие-то поле видел Иезекииль, полное костей человеческих, но те были слова господа бога Израилевого, виденные ему на сем поле и теперь, есть и видится, если кто может проекти на кости сии. Из сего поля земли взял создатель, подмешав своей слюны, помазал очи слепому. Земля ничто, но подмешанный вкус божественной слюны освобождает от слепоты, открывая очи боговедения. Вкус без слюны в пище не бывает. «Приложил ты премудрость и благое к сим паче всякого слуха...» (3-ья Царств, гл. 10).

Взгляните опять на вознесенного змия Мойсеевого... Если он висит, в кольцо свитый,— есть фигура вечности, если же просто — есть образ божией премудрости. Сей змий всех ползущих змиев пожирает. Сей пожер египетских мудрецов жезлы, вся мудрость их поглощена... Сей змий возносится на кресте Христа — божия сила и премудрость. «Погублю премудрость премудрых...»

Взгляните на самого Адама; припомните, что значит сей из глины вылепленный человек? Бог на глину смотреть не терпит: «Не соберу соборов их от кровей...» Итак,

сия обветшалая фигура, конечно, образует того человека, и «что есть человек, как помнишь его... Сей болван ведет за собою того мужа, который его создал, да образует тенью своею величие его. Се сей стоит за стеною нашею...» «Сей был, его же назвал, который по мне придет, предо мною был, как прежде меня был». Сего-то видел за глинкою Даниил (гл. 10): «Воздвиг очи мои и видел, и се муж один... Чресла его перепоясаны золотом светлым, тело же его, как фарсис». До сего-то мужа мальчиков, долу ползущих, приподнимает Павел. «Вышних ищите, где же есть Христос... О горнем мудрствуйте». Что больше говорить? По образу божию сотворите его. Хоть по образу, хоть вначале, да образует сень того единого мужа, какой есть начало и конец.

Теперь наш Адам вкуснее сделался: был он глиняный только, а теперь и дух жизни внутри его есть; был один земной, а ныне в одно лицо соединился и небесный: «Сойдет, как дождь, на руно». Затаскал было и задавил земной.

Все роды от Адама до Христа образы и тени суть великие божие, посему род божий называется. Каждое сего рода лицо, будто ложесна раскрывает, когда исходит из него первородное оное единоначало. «Бог, велевший из тьмы свету воссиять...»

Иаков есть ничто, но бог Иаковлев, стоящий за стеною его,— семя и зерно божие, распространяющееся на четыре части мира. Сие одно великое, сие одно прозябшее из Иакового праха великим делает Иакова: твой есть день и твоя есть ночь. «И был вечер, и было утро...» И в сию-то силу пишется: «Велик был Моисей — вышел к братьям своим». «Встав Иаков на ноги, идет в землю восточную». О сем на многих местах Исаия: «Не бойся, Иаков, малый Израиль, я помог тебе... се сотворил тебя, как колеса колесничные новые, стирающие как пила...» (гл. 41 и гл. 14 и 17, ст. 4).

Если орел, находясь божественною фигурою, высоко возносится в силе своей, как видно из божиего к Иову вопроса: «Твоим ли повелением возносится орел?» Много паче сей род возвышается, о котором господь: «Поднял вас, как на крыльях орлих, и привел вас к себе» (гл. 19 Исхода).

Все сии суть селение славы его и птенцы орлиные отца сего, «как орел покрыл гнездо свое и на птенцов своих возлег...» (гл. 32 Второзакония). Имя Давид зна-

чит возлюбленный и есть тень того: «Бог любви есть...» Фарес [23] гласит разделение и есть образ того: «Разлучил бог между светом...» Даниил есть сень того: «Гортань его — сладость, и весь — желание». Енох тень того: «Возьмется от земли жизнь его». Иосиф (приложение) есть печать того: «Бог мира будет с вами».

Все сии суть чистые скоты вышнего Авраама, везущие сокровище божие, о которых Исаия: «Терпящие господа изменят крепость, окрылатеют, как орлы, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут» (гл. 40). Вот один рыкает: «Терпя, потерпел господа». Сии суть овцы божии, пасомые господом, а без него мертвы. Вот одна овца блеет: «Пасущий Израиля, внимай... Господь пасет меня». Сии овцы — все близнецов родящие, а бездетных нет среди них («Песнь песней», гл. 6). Неотмеченное рождают для Лавана, а отмеченное, то есть образуемое,— для благословенного Иакова [24]. Сколько ж сих овец наш Иов, не на гноище уже вне града божия лежащий, господь восставит его, но воздвигнутый от болезненного праха, имеет? Овец 14 тысяч, верблюдов 6 тысяч... Сии суть домочадцы великого Авраама, присутствовавшие сильному мужу Гедеону против Мадиама [25]. Они — и люди, и скоты, и звери, и птицы, которым нацеплял Иезекииль множество крыльев, очей и колес. И не он нацеплял, но прозрел под шестокрыльною их тенью вечно блистающую истину божию и единоначало, четыре части мира исполняющее. Для того и не говорит, что животное, но говорит, как подобие четырех животных. Они только похожи на то. Давид о себе и о прочих говорит: «Дни мои как сень...» И правда, что князья все они и сыны человеческие, в них же нет спасения. Но сия сень везет за собою вечного: «Ты же, господи, вовек пребыв...»,— просит: «Изведи из темницы душу мою». Да уразумеют, что я не пустая сень, но тебя славящая, тайнообразуемого. И не дивно, что сень Петрова исцеляла. Она содержит имя господне. «Возьму его и прославлю его...» «Как время ущедрить». Сие время провидев, Исаия говорит, что, конечно, по времени упасет господь сих вместе своих ягнят, волков и львов. «Вениамин — волк, хищник...», и чуть ли не сие значит конец израильский, когда имена сих людей выходят в горнюю силу начала своего: «Исперва имя твое на нас есть» (Исаия, гл. 63). Тогда-то, кажется, исполняется на них слово Малахиино: «А изыдите и взыграете, как тельцы,

от уз разрешенные» (гл. 4). Не знаю, сие ж ли значит и переход через море? Из прежде бывшей воды открытие сухой земли явилося, а из моря Чермного путь не возбранен, и поле злачное от волнения зельного; им же весь язык пройдет, твоею рукою покрыты, видящие дивные чудеса: «Как кони, насытились и, как ягнята, взыграли». (Премудрости Соломона, гл. 19). Но и сам Давид говорит: «Прошел сквозь... И извел ты нас в покой. От земли взошли мы к тебе, господи». «Было в мире место его...» Может быть, и апокалипсические сего отмщения просят старцы; и сюда хочет укрыться тамошняя жена с чадом от змииного потопа. «Скрываешь их в тайне лица твоего...»

Жена рождает чадо, восхищаемое к богу и престолу его, который должен уберечь все языки; Исаия говорит то ж о себе: «Господа во чреве принял и поболел, и родил дух спасения...» «Жене даются два крыла орла великого». «Как орел покрыл гнездо свое...» И Давид крыльев желает: «Кто даст мне крылья, как голубиные?» Сие все доказывает, что они суть образы присносущие божии. А что сей многочисленный род часто в Библии известным числом ограничивается, например, Авраам счел своих домочадцев 300 и 18. Гедеон взял с собою 330 мужей и проч. Все сие сюда же служит и делается или потому, что они все суть, как одна жена, рождающая одно твердое и известное начало, когда бесчисленного праха перечесть нельзя, или потому, что сия безобразная грязь, возвращаясь к своему началу, приемлет от него печатлеемое на себе благообразие вида и меры, а мера и число в себе заключает, или потому, что велит бог Моисею поставить в счет своих мужей. А о прочих говорит: «Не помяну имен их устами моими». А самое время когда ограничивается, тогда разумеется божие и вечное. Например: «Было в тридесятое лето, в четвертый месяц, в пятый день месяца» (Иезекииль, гл. 1). «И было утро, и был вечер день третий». Тогда значится лето господне приятное, день радости и спасения. «И тысяча лет, как день один, как день вчерашний...» «Плоть ничто же...» Но когда сия невидимая и неустроенная плоть из ничтожности своей выходит в точное свое начало, тогда созидается из ничтожности в нечто и перестает быть ничто, то есть плотью и тьмою, в то время когда бог, исчисляющий множество звезд и нарицая несущее, как сущее, говорит: «Да будет свет».

Се вы есть, как днесь звезды небесные, множество. Правда, что бог так же по имени называет Каина, Исава, Саула и прочих таких, но они хотя не чистые, однако божии же скоты. «Я устроивший свет, и сотворивший тьму, творящий мир, и зиждущий злое...» (Исаия, гл. 45). Они суть место и образ тьмы, удаляющей око наше от боговидения, сие значит убийство Каина, Исава и Саула гонение. Все по плоти разумеющие Библию суть племя их едомское [26], сей гром божий слышащие. «Если право принес ты, право же не разделил ты, не согрешил ли ты? Умолкни» (Бытие, гл. 4). «Разлучил бог между светом...» Хотел Валаам, положившись на свое скотское разумение, проклянуть Израиля, то есть дабы они не исходили в землю божию, а значили бы тлень, плоть, клятву: «Исходы мои — исходы жизни». Наконец, не терпя противоречия образов, утеснен в непроходимых закоулках и приник в сокровенное меча острие, слово божие с поклонением вскричал: «Что прокляну, его же не клянет господь». Нет ворожбы в Иакове, ни же волхования в Израиле... «Сколь добры дома твои, Иаков, и кущи твои, Израиль...» «Бог выведет его из Египта...» «Возлег, почил...» «Благословящие тебя благословенны, и проклинающие тебя прокляты» (Числа, гл. 23 и 24). Но можно ли исчислить все тьмы образов?

Одно то известно, что весь сей сеновный мир до последней своей черты, от виноградной лозы до самой крапивы, от нитки до ремня, бытие свое получает от вышнего: «Отвращу тебе лицо, возмятутся...» Всякая видимость есть образ, а каждый образ есть плоть, сень, идол и ничто. «Пошлешь дух твой, и созиждутся...» Вгляните на непроходимую чащу левитских обрядов, коликий вздор, однако, вся сия земленность, со всем хворостьем сгорев, в начало течет: «Сколь чудно имя твое по всей земле».

Сие все делает нашедший дух от вышнего, зная, что всякое дыхание и тварь ему служит: «Учинением твоим пребывает день, как всяческая работа тебе».

Один всесильный дух улавливает великого кита сего, и он-то вопрошает Иова: «Извлечешь ли змия удкою?..» Или: «Вденешь кольцо в ноздри его? Шилом же повертишь ли уста его? Возложишь ли на него руку, господи?»

Он один сим змием, как дитя воробьем, играет: «Или свяжешь его, как воробья детищу?» Одну свою руку он один налагает на него, «в разуме руку своею наставил я»;

«дух твой благий наставит меня...». «Дух все испытывает, и глубины божии».

Сие-то покрывало и мрак стены отводит читателей от Библии, лишая нас вкуса, да не слышим говорящего к нам сквозь бурю и облако бога и не можем сказать: «Пройду в место селения дивного даже до дому божиего... войду к жертвеннику божию...» Кроме прочих, один Соломон для созидания стены сей сколько натаскал материалов: сия была вещь корысти, которую принял царь Соломон на созидание храма господнего, и дому царевому, и стене иерусалимской, и все внутри Давира покрыл златом (3-я Царств, гл. 6).

Но кто силен, да восприяет красота дому сему божию, отделить корысти, будто завесу храма отдернуть, войти внутрь Давира (давир — значит «слово») и ввести в самые междорамья? Дух-утешитель управляет силу Библии, вдевает кольцо в ноздри ее, находясь и сам вечным, и дает слово благовествующим: «Царь сил возлюбленного ради красоты дому разделит корысти...» А без него все темное, невидимое и неустроенное, пока найдет дух... Тогда все возвращается к безначальному концу, как к кольцу, и к безначальному началу: «Вначале сотворил бог небо и землю...» «Вначале было слово...» Сей многоразличный плетень образов и фигуральные узлы именуются в Библии *знамения* и *чудеса:* «Послал Моисея и раба своего...» «Помяните чудеса его...» «Просите — и дастся вам».

«Сей род знамения ищет...» «Знаменился на нас свет...» Разуметь таящуюся в знамениях и чудесах силу слова божия есть дело пророков, то есть видящих, глазастых, прозорливцев. «Знамений наших не видел, нет к тому пророка...» Пророки то прорицают, что прозирают... Провидят в тени сущего. Все то не будущее, чего не будет; все то не будет, что тень; все то тень, что гибнет. То одно есть будущее, что всегда пребудет: «Воззрев очами своими, видят человека, стоящего перед ним» (Иисус Навин, гл. 5), то есть вечно пребывающего и пребудущего. Вот как они пророчат будущее. Послушаем Давида: «Помянул лета вечные и поучился».

Конечно, творениями помышляемая присносущая сила его и божество уразумевается. Рассуждал, без сомнения, он чудеса, образы и фигуры божии, как сам там же сплошь говорит: «Ночью сердцем моим размышлял и испытывал дух мой» (Псалтырь, 16).

Мне кажется, Давид между прочими знамениями размышлял и о фигуре колес, о которых там же поминает: «Глас грома твоего в колесе». Кроме того, лето и год — то же; год и круг — то же; круг и кольцо — то же. Проще ж теперь позвольте мне пересказать его слова хоть так: «Помыслил...» Вспомнил я колеса бесконечные и доразумелся, что сия фигура напоминает о безлетном вечного присносущии. Круг лета по-римски — annus, а кольцо — annulus. «Взыщите господа и утвердитесь, помяните чудеса его...» Помянуть чудеса божии — значит то же, что римское слово сие comminiscor, commentor — *вздумать, надумать*, commentarius по-гречески — ἑρμενεύω — *толкую, толмачу*. И не дивно, что в Павла сие слово (*пророчествовать*) — значит *толочь* и *раскушивать Священное писание*. «Дружитеся любви, ревнуйте же духовным паче же да пророчествуете... Пророчествующий человекам говорит созидание и утешение, и утверждение» (К коринфянам, гл. 14).

Взгляните на гл. 11 «Чисел». С каким прилежанием сыновья Израиля манну собирают и толкут! «Исходили люди, и собирали, и мололи в жерновах, и толкли в ступах, и варили в горшках!» Вспомните и то: «Да не заградишь уста вола молотящего». Имеет обычай и Италия молотить волами. Вспомните же и Луку, образуемого волом. Сии суть сыновья Израилевы, очищающие от шелухи слово божие: «Находящие в грязи золотое кольцо, да сотворишь на словах два кольца злот...» (Исход, гл. 28), как же, если бы было кольцо в колесе.

Обретающие в испорченном вкусное, в мертвенном живое, в бесчестном бесценное, как евангельская жена монету в горничном соре, радуйтеся со мною... как радостотворный господа перстень и гривну у блудницы Фамари и жезл свой, отцом его Иаковом для овец остроганный, как Иезекииль сокрытые в соре опресноки, говоря с Мойсеем: «Сей есть господь, его же завещал...» «Сей хлеб... вкусите и видите...» «Обрел Мессию...» «Если изведешь честное от недостойного, как уста мои будешь» (Иеремия, гл. 15).

И чуть ли не сие тайной вечери зерно кушал с товарищами своими Даниил и сделался добрее лицом и крепче телом, паче служителей, едящих от стола двора Вавилонского. А Иаков через сие же достал от Исава первенство. Поощряет к сему и пророк Михей: «Сии же не

разумели помышления господнего...» Что ж делать? Так «восстань,— говорит,— и изломай их, дочь Сиона.., и возложа господу множество их...» (гл. 4). И толочь знамение и манну, то есть чудо, — значит разжевать, раскусить. Исаия кричит: «Воздвигните знамение на язычников». Воздвигнуть знамение — значит возвысить оное в гору и поднять к разумению самого его начала. Взойти в божественное понятие, чтобы не пахло больше землею. И сие то значит: «исходили люди...» и то: «возложили господу...», то есть положить на горнем месте, выше всех стихий. И не сюда ли приглашает сие: «Если я вознесен буду от земли, тогда все привлеку к себе» (Евангелие от Иоанна).

Если из тленных стало выникать нетленное понятие, тогда-то можно сказать: «Зима прошла, дождь отошел, отошел себе. Цветы явилися на земле, время обрезания (виноградных гроздей) приспело» (Песнь песней, гл. 2). «Собралася вода, которая под небесами, в собрания свои, и явилася суша».

В то время точно дается знамение в понятие человеку, когда оно из плоти преобразуется в божество. «Сотвори со мною знамение во благо». Будто бы сказал: сотвори вначале, сделай твоим, приведи к концу. Ты начало и всякой кончины конец бесконечный. И не сие ль значит манна, падающая сверх поверхности земной? И се ли на лицо пустыни мелкое, как корбандр (чуть ли не червец), белое, как лед на земле.

Сии ж знамении называются терминами, по-славянски пределами, силу божию внутри себя заключающими. «Если поспите посреди пределов». Тот отдохнет, кто вникнет, войдет, раскусит и пажить обретет.

«...Если войдут в покой мой...»

Называются и дверью: «Сии врата небесные...»

« и стеною: «Осягнут слепые стену...»

« и печатью: «Книга запечатленная...»

« и следом: «Изойдет вслед ее...» (Сирах)

« и путем: «На путях ее (премудрости) присядь...»

« и оконцем: «Проницающий сквозь оконца ее...»

« и тенью: «Люди, сидящие во тьме...»

Сии суть сидящие с Валаамом на подлости тленных образов, падая долу, и не восстанут в совет праведных,

доколе от тени не подымутся и не пролезут стен дома сего, разве о боге. «Те сняты были и пали».

Вспомните читанное из Иоиля в день пятидесятницы: «Дети Сиона, радуйтесь, ибо дал вам пищу в правде...» «Изолью от духа моего на всяку плоть (образов) и пророкут сыновья ваши, и дочери ваши, и старцы ваши, сны узрят...»

«Дам чудеса на небесах вверху. И знамение на земле внизу...» (Деяния апостолов, гл. 2). Вспомните не во тьме, но в горнице сидящих апостолов: «И начали говорить, ибо дух дал им...» Кроме того...

А ф а н а с и й. О брат Лонгин! Долго везешь твою околесную, с твоими херувимами, верблюдами и ослами. У кольца нет конца, по пословице, и у твоей речи.

Е р м о л а й. Не мешай ему, Афанасий! Мне много хорошего привела на память речь его. Вспомнил я Дамаскинову оду[27], которую поют в пресветлейшее воскресения утро: «Богоотец посему Давид...» Образы, или символы, дали вспомнить сень Авраамову, приемлющую в себя трисолнечное единство божие, и кто мне воспретит мыслить, что Авраам сению своею служит вышнему? Авраам образует вечного тень, свидетельствует об истине 70 старцев, Мойсеем избранных служить скинии откровения. Скиния — значит *куща, сень, шатер.* В сию сень исходит и почивает дух божий. «Припочил дух на них и пророчествовал» (Числа, гл. 11).

Иезекиилевские твои, друг мой Лонгин, колеса привели на ум венец Павла, воздаваемый ему не в наш день, но в день оный. Вспомнил и перстень, обручающий в жизнь вечную: «Обручу тебя себе вовек... Обручу тебя себе в вере, и узнаешь господа »(Осия, гл. 2).

Вспомнил и монисто возлюбленной невесты. «Сердце наше привлекла ты единым от очей твоих, единым ожерельем шеи твоей. Ожерелье на шее есть то же кольцо, состоящее из шариков. Вспомнил и яблоко огороженного сада.

А что есть яблоко, если не шар? Что ж есть шар, если не фигура, состоящая из многих колес? «Положите меня в яблоки, ибо уязвлена я любовью». Если бы оно было не тем, никогда бы ни сказал Соломон: «Как яблоко золотое в серьге сардийского камня, еще скажи слово приличное ему» (Притчи, гл. 25).

Дражайший твой анфракс и фарсис привели сие: «Утверждение премудрости избраннее золота; вселения же разума дражайше серебра (Притчи, гл. 16).

Сияние премудрости божией, из тленных образов блистающей, подобны есть драгоценному сокровищу, в недрах сокровенному. Но очи... очи, зарею божества блистающие, очи спасительные.., очи, тобою упомянутые, представили мне жалости достойного без очей Самсона. Очи сильнейшему сему мужу и судье израпльскому выкололи те, кто Исааку грязью затаскали источники. «Очи твои, как озера в Есевоне». Плачет Иеремия о сих очах: «Как омрачил в гневе своем господь дочь Сиона, сверг с небес на землю славу Израплеву!.. Погрузил господь и не пощадил. Все красное Иакова разорил. Твердыни дочери Иудиной изверг... Око мое погрязнет... Око мое закрывается... Оскудели очи наши... Померкли очи наши... Рассыпалась радость сердец наших. Упал венец с главы нашей...»

Но никогда они пуще затасканы не были, как в наше время, да не видим то: «Блаженны очи видящие, которых видите». Тут о сем же Иов: «Кто меня устроит по месяцам прежних дней?.. Око было слепым, нога же хромой... Ныне же поругавшиеся малейшие... ни лица моего не пощадили от оплевания». «Обратилися в плач гусли. Песнь же моя в рыдание мне: знаю, что смерть меня сотрет».

В сих господних очах высокое знание утаивается. «Очи господни соблюдают чувство» (Притчи, гл. 21).

Сие чувство есть источник мира и веселья. «Видящее око доброе веселит сердце» (Притчи, гл. 15).

Сие божественное око одно только светится. Один бог, одна вера, одно око и в Библии и везде. «Сердце наше привлекла ты одним от очей твоих...»

О, преблаженное и вечно сияющее око! Привлеки нас, яви нам вид твой и услышан сотвори нам голос твой, ибо голос твой сладок и образ твой красен. «Голос грома твоего в колесе».

Наконец, вздумалось мне Навиново солнце [28]. Но кто нам удержит оное солнце: «Солнце, пожигающее горы?» Кто поставит в чинном стоянии намеренные точки его?

«Пока дышит день и движутся сени, да увидим не лицо господне на творящих злое, но последующее за лицом, образующим сияние божественного вида его, по примеру Моисея: «Лицо же мое не явится тебе». «Господь

же благословил последнее Иова...» Но теперь только лишь пришла мне на ум Илпина колесница огненная...[29]

Афанасий. Куда вам, братцы, понравилась околесная! Один устал, другой начал.

Яков. Подлинно жалки израильскому сердцу иноплеменничею рукою выколотые очи Самсона. Самсон — значит *солнце,* но господь, слепцов умудряющий, может ему по времени опять возвратить очи его и сделать из яда съедобную пищу, а из мертвой ослиной челюсти извести сладчайшее питье нетленного источника, как обещался: «Если и что смертное изопьют, не вредит им».

Ермолай. Ах, не один Самсон слеп. Иов, Давид, Соломон, Товит и прочие суть слепцы, при пути сидящие и вопиющие: «Взгляни на меня и помилуй меня...» «Очи наши к господу богу нашему...»

Один господь, мимоходя, сокровенные их очи открывает.

«Просветишь тьму мою...» «Наведу слепых на путь, которого не видели; и по путям, которых не знали, ходить научу их; превращу для них тьму в свет и трудное в легкое» (Исаия, гл. 42).

Тогда сии нищие богатеют, недужные исцеляются, мертвые встают. «Тогда вскочит хромой, как олень...» Идет и мимо Моисея господь: «Покрою рукою моею над тобою, пока мимо иду».

Ожидает и Исаия гадания Израилевого и говорит, что не минует меня господь мой. Просит Иеремия: «Исцели меня, господи, и исцелею... Ибо хвала моя ты» (гл. 17) Жаждет сего же и Аввакум: «Не ты ли искони, господи боже, святой мой — и не умрем. Знаю, что присносущен есть, который должен искупить меня и на земле воскресить» (Иов, гл. 19).

Словом сказать, всех их взор и вход к Ною: «Не старались воочию безумных умереть... они же суть в мире...» А исход из ковчега на сушу. «На месте злачном, там посели меня...»

Что деревьям плод и цвет, что ночи дневной свет, что солнцу лучи, что вечерней зари темно блистающие волосы, то и израильскому роду намеренная точка их, помазанный господь их. Его лучи суть свет очей их, сердца радость, волос и венец главы.

Мы думали (плачет Иеремия), находясь сенью божиею между незнающими бога, надоумить их о веденни

божием, и сие будет нам защитой, но не так последовало. Они начали щипать тление наше, а растленными мыслями намеренную точку нашу совсем задавили.

Дух лица нашего, помазанный господь, яд был в растлениях их, о нем же я сказал: «В сени его поживем в язычниках» (гл. 4). Скорейшие были гонящие нас паче орлов небесных... «Положили трупы рабов твоих, муку́ птицам...» Однако же волос головы их на время может, а вовек погибнуть не может. Конечно, по времени над трупами рабов божиих соберутся небесные орлы, силою того: «Призывающий из востока птицу...» (Исаия, 46). «Птицы да умножатся на земле» (Бытие, гл. 1). «Око, ругающее отца... да исторгнут его вороны из дебрия и да съедят его птицы орлы» (Притчи, гл. 30).

А ф а н а с и й. Чудно, что старику Товиту очи заслепила падшая сверху грязь воробьиная.

Е р м о л а й. А разве не грязь затаскала источники Иеремиины, осыпала колесо Исаиво? Что есть грязь теплая, если не стихийная душа с телом? Представь грязное гнездо с воробьем глазастым, а над трупом — быстрозорного орла; тогда вспомнишь сие: «В которой земле вселяется свет, тьме же какое есть место?», «Птицы да умножатся на земле...» «Есть тело душевное, и есть тело духовное».

Я к о в. А мне всплыл на сердце сей Соломонов узелок: «Ничто не ново под солнцем».

А ф а н а с и й. А тебе в солнце вместо колеса приснился узелок, какой ты тут узелок нашел? Его тут никогда не бывало. Мне кажется, Соломон просто говорит, что в свете все старое: что сегодня есть, то ж и прежде всегда было.

Я к о в. Высморкай же нос, тогда почувствуешь, что в сыновних и отцовских сих словах тот же дух. «Все, как риза, обветшает. Ты же тот же есть». Разве ты позабыл: «В какой земле вселяется свет...» Подними ухо и услышь, что все ветошь есть под солнцем, но не то, что сверх солнца. И самое солнце есть ветошь, тьма и буря, кроме одного того: «В солнце положил селение свое...» Божие слово и духом божиим должно дышать. Закройся ж в уголок и кушай свою ветошь: силы в тлении нашли неувядающую пищу того: «Я цвет полевой и крын удольный». «Съедите ветхое и ветхое ветхих и ветхое от лица новых вынесете...» «Похожу в вас...»

Ах! Когда бы ты раскусил хоть сии его слова: «Нет блага человеку, кроме того, что ест и пьет».

Слушай же далее: и сие видел я, что от руки божией есть, потом сказывает о мудрости, разуме и веселии. Если есть мудрость, тогда есть насыщение и веселье; но когда мудрость в боге, для того выше сказал: «Мудрого очи его во главе его, а безумный во тьме ходит». А когда говорит: «Суета суетствий... нет изобилия под солнцем», не то же ли есть: «Вкусите и видите... Плоть ничто, дух животворит...»

Ермолай. Теперь солнцу течение свое далее простирать некуда. Пришло к главной своей точке и стало в твердом стоянии. А остановил оное: «Говорит солнцу, и не восходит...» (Иов, гл. 9). «Повелел буре и стала тишина». «Да станет солнце... и стало солнце...» (Навин, гл. 10).

Тут решение всем звездочетским фигурам и знакам небесным, как дышит божий вопрос к Иову: «Разумел ли ты союз Плиад и ограждение Орионово [30] открыл ли ты?» Или: «Откроешь знамения небесные во время свое и вечернюю звезду за волосы ее привлечешь ли?» (гл. 38). «Истают все силы небесные, и совлечется небо, как свиток, и все звезды падут, как листья с лозы» (Исаия, гл. 34). Тут собираются все божественные звездочеты. «И пав, поклонилися ему...» «Твой день и твоя ночь...» «Тебе приносит хвалу вся тварь...»

Тут предел луне и звездам. Пока пришел, стал вверху, где был отрок.

Яков. Взбрел же мне на ум предревний Зороастр [31] с песнею: Κύοθι μάκαρ; πανδερκὴς ἔχων αἰώνιον ὄμμα, то есть «Услышь блаженный, всевидящее имеющий вечное око».

Афанасий. Многие говорят, будто он сие пел солнцу.

Яков. Но может ли солнце одним взором сие видеть, хоть на одной поверхности земли? Взор его не присносущный. Так думали в Персии те тяжкосердые, которые, не взойдя к образуемому, погрязли в образующей стихии. Пускай же и так, а мы с Израилем воспоем сию песнь тому: «Восприят вам, боящимся имени моего, солнце правды... престол его, как дни неба».

А видали ль вы когда символ, представляющий дождевое облако с радугою? А возле него сияющее солнце

с подписью: «Ни дождя, ни дуги без солнца». Так Библия: «Пока найдет дух от вышнего». Вспомните Михаила, поднявшего шар и вопиющего: «Кто, как бог?» Вспомните старинных любомудрцев речение сие: «Центр божий везде, окружности нигде». Вспомните ж и жерновный уломок, сокрушивший темя Авимелеху. Разве жерновный камень не то же есть колесо? Кажется, что...

Афанасий. Вот и третий принялся гнуть те же дуги с лукошками и обручьями. Сколько видеть можно, вы скоро накладете в счет ваших колес решета, блюда, хлебы, опресноки, блины с тарелками, с яйцами, с ложками и орехами и прочую рухлядь. Я помню, что в Иаковлевском лесу, называемом уламлуг (?), находится множество орехов. Придайте горох с бобами и с дождевыми каплями, в Библии, думаю, все сие есть. Не забудьте плодов из Соломоновых садов с Иониною тыквою и арбузами. Наконец, и Захарин семисвечник с кружечками и с горящим в ореховидных чашках елеем; а чашка есть большая часть шара, нежели тарелка, а тарелка — нежели ваш обод. Итак, будет у вас полный пир голодный.

Яков. Что же ты думаешь?

Афанасий. Думаю, что не преминете сие сделать, а я вас запру в пустую горницу.

Яков. Не устыдился всеблагий бог, одевающийся светом солнечным, и в тленных пеленах скрыться так, как плод в ничтожном зерне; и сокровище, утаенное в рубище, тем приятнее, когда найдется. И как Иона с головою своею есть ничто и один из числа слепых и недужных, лежащих при божием пути, так и тленная тыква, начало, и рождающаяся, и погибающая, может быть, тень вечного, прохлаждающая Иону. «Осенил ты над головою моею...» Иона — значит *голубь*. Око его смотрит в вечность, тенью тыквы образуемую. Если б Захарьин свечник не был символ, а масличное дерево — эмблема [32] никогда бы он не сказал: «Видел...» Видеть светильник и маслину — значит чувствовать разум, соблюдаемый в сих фигурах, которые давно уже изображены в мойсеевских книгах; и не иное значит, что пророчит Иоиль по излиянии духа: «Сны узрят и видения увидят». То ли тебе дивно, что мы в сей божией земле толчем, роем и находим вечность его? Не слыхал ли ты, что говорит приточник о Библии? «Все сделал господь себя ради».

И не догадается, что проклят похищающий что-либо от тления иерихонского с собою? Не можем ли чувствовать, что Библия тем есть книга богословская, что ведет нас единственно к ведению божию, скинув все тленное? Все тут земное разоряется да созиждется скиния нерукотворенная вышнему. Конечно, забыл ты зарывшего в землю талант[33]. Вспомни блудницу Фамарь; сия женщина тем одним оправдалась, что нашлось у нее кольцо, и гривна, и посох господние. Вспомни, что земля, рождающая соль, ни к чему уже другому не способна. Куда годится руно сие подлое, если не оросится каплями превыспренной росы, если разумом собственных своих рук не прикроет вышний? «Сотвори мне величие, сильный...» Весь сеннописанный мрак разоряет, всю тления воду бурею своею возмущает, все неопалимо палит во всесожжение — до единого его дым духа, со всего града сего, вверх столпом возьмется и дышит по Вселенной... «Не дам славы моей иному» (Исаия). «Смирна, и стакта, и касия от риз твоих...»

Афанасий. А я не думаю, чтоб Каин с Ламехом или Саул с Исавом внушали нам своею фигурою присносущие божие. Как же: «Все сделал господь себя ради?» Сие же можно сказать о филистимах, а может быть, и о крылатых ваших быках с летучими львами и прочих сплетнях.

Яков. Если бы вы изволили рассудить потоньше, никогда бы сего не сказали; для того-то нам внушается тьма, дабы открылся свет. Кто научил, что такое есть кривое, тот давно показал прямое. Чувствуют, что один взор, познав черное, познает вдруг и белое. Не забывай вопроса: «Тьме же какое есть место?» Саул с Давидом представляют тебе два естества, с собою борющиеся: одно селением света, другое — жилищем тьмы. Когда Ламех убил мужа, Саул изгнал Давида, а Иона в ките страдает[34], тогда Библия прекрасных вечности очей, землею засыпанных, открыть не может. Тогда в земле израильской царствует голод, а жажда при источнике (воды) Иакова.

Когда же пожерто будет мертвенное жизнью, когда явится суша, на которую пожерший изблевает кит Иону, тогда стены града сего созиждутся, тогда горы возрадуются и взыграют каплющие сладость, восскачут вверх тельцы и встанет на ноги свои весь сонм людей, как писано:

«Касающийся вас касается зеницы ока моего». «Ты, воскресши, ущедришь Сиона...» «Умертвил Самсон при смерти своей многих...»

А что называем крылатых волов сплетнями, и приточник тем же их именует. «Не без причины пернатым сети простираются». Но когда сия сеть влачит за собою причину, то уже она и не пустая сплетня.

Афанасий. Бросим сети со сплетнями. Скажи мне, для чего бог изображается колесом?

Яков. Сей твой вопрос воняет афинейскими плетениями [35]. Он начинает все — не начинается, тем есть начало; не может быть началом ничто, если прежде того было что-либо. То одно есть истинное начало, что все предваряет и само ничем не предваряемо. Один только бог есть родное начало, что все предваряет. Он все предваряет и после всего остается, чего ни о чем другом уже сказать не можно.

«Остатки младенцам». «Покроет тебя божие начало» (Второзаконие). Вот кольцо и венец вечного, венчающего тебя милостию! Сие истинное начало образуется и всем тем, что походило на начало, например, главою: «Мудрого очи его во главе его».

То ж источником: «Источник запечатлен...»

Коренем: «Корень премудрости кому открылся?» Зерном: «Семя есть слово божие». Востоком: «Восток имя ему». Сердцем: «Вода глубока — совет в сердце мужа». «Я сплю, а сердце мое бдит» (Песнь песней). Деревом плодовитым: «Древо жизни посреди рая». Устами: «Не отемнели очи его, не истлели уста его».

Сюда принадлежат облако, искра, отец, мать и проч.

Афанасий. Для чего же сие начало образуется змием?

Яков. Для того, что змий в кольцо свивается, притом и острый взор имеет, как свидетельствует имя его *дракон*, то есть прозорливый. δέρκων — значит *видящий*, а δράκον — *будущий видеть*. Око есть правитель делу. Оно в животном есть то, что солнце (есть) в мире, что драгоценные камни в земле. Притом змий свивает такой свиток, что, не узнав ока, не узнаем намерения. Библия есть точный змий; из множества таковых образов сплетается история, будто корзинка или коробочка, вмещающая снисхождение невместимого, похожа на перлову мать [36], показывающую извне ничтожную жидкость, но

внутри как зеницу ока соблюдающую дражайше сияние жемчужного шарика: «Мать его соблюдает все слова сии в сердце своем».

Ковчег завета окован всюду золотом. По наружности кажется что-то человеческое, но внутри жилище духа святого. «Преславное говорилось в тебе, град божий». «Есть тело душевное, и есть тело духовное». «Золото же земли оной доброе...»

Мне кажется, Библия похожа на дом премилосердного и пребогатого господина, стоящий в пустынях на пути под видом гостиницы, даровой для путников. Сие он вздумал, дабы приблизить честь свою к подлости для некоторого с нею обращения. Господин из тайных своих горниц видел вольные поступки, слышал разговоры всех без разбору угощаемых, избирал себе в дружбу из прохожих, кто бы он ни был, если понравился. А после обыкновенной щедроты делал особливой милости своей вечными участниками. На лице гостиницы написано было: «Все войдут, но не все будут», «Все насытятся, не все насладятся». Сия надпись иным чудна, множайшим казалась смешна. Если таков был Авраам, то и не дивно, что сделал историческим плетением воплощаемые божии премудрости. Прилично богу образоваться дорогими камнями, но не меньше сего достойная благодарность Иова, целомудрие Иосифово, ревность Илии, чистота Сусанны, кротость Давида, правда и вера Авраама. А как в розах, лилиях, нарциссах благовонность по доброте одна, разная по вкусу, так сия разновидная сила божия, таящаяся в избранных его наподобие золота и дорогих камней, довольно заслужила, дабы имена любезнейших человеков и дела их, будто корзинками и кошельками были вседражайшего существа вечного, царствовавшего в одушевленной их плоти. И подлинно сила терпения похожа на адамант, целомудренная чистота — на прозрачную зелень смарагда, вера и любовь божия — на огненный анфракс. И не напрасно Иезекииль говорит, что руки их исполнены очей. Самые мелочные их действия, будто отломки зеркала, целое лицо божие изображают, например: «Гнали даже до пределов», «Варак гонящий вслед колесниц его...», «Постигните остаток их...», «Взойдет наипаче над градом, как столб дыма...», «Взойдет скончание града до небес...», «Взял (Авраам телку) и разделил...», «Ударила Юдифь

в шею его дважды...», «Простер Иисус руку свою с копьем на град...»

Самая их легонькая сень, будто маленькое крылышко, кроет под собой вечного; и точную правду сказал Иезекииль, что сии животные не имеют хребта. Хребет есть божий. Одно только лицо их есть собственное, а за лицом следует станок и засада божия в целом сем божием граде: «Иисус же и весь Израиль увидели, как взяли засады град и как восходит дым града до небес...» (Навин, гл. 8).

А ф а н а с и й. Почему ж они шестикрылые?

Я к о в. Думаю потому, что в шестодневстве бытейском заключалася вся вещественного мира сего тленная природа, и когда суббота есть селение мира и света, тогда рабочие дни суть место мятежа и тьмы. «Шестижды от бед избавит тебя (Иову говорится), в седьмом же не коснется тебя зло» (гл. 5).

И как трудные дни завесою суть, завесою сладчайшего упокоения преблагословенной субботы, так шестикрылая сих животных сень, тленным лицом закрыв, ведет за собою вечного. «Положил тьму на тайну свою...», «Се сей стоит за стеною нашей...», «Благословил бог день седьмой...», «Господь же благословил последнее Иова...», «Ниже хребтов их и была высота их...» (Иезекииль, гл. 1). «По высоте твоей умножил ты сынов человеческих...»

Размерь ковчег, разбери скинию и увидишь, что и там, и везде высота и широта нечеловеческая. «Да возможете разуметь то, что широта и долгота, и глубина, и высота...» (К эфесианам, гл. 3). «Ниже хребтов их была высота их».

А ф а н а с и й. Мне кажется, нельзя быть приличнее богообразной тени, как око. Зеница в оке есть центр кольца и будто кольцо в кольце. Она есть источник света, а без нее везде все тьма.

Сия дражайшая речь достойна быть образом вышнего. Тут мне вспомнилось, что наш Ермолай часто сам себе поет оду: «Свет блистания твоего во свете языков изойдет и возгласит бездна с весельем...» Без сомнения, тьма образов есть бездна.

Я к о в. Конечно, циркуль есть начальная фигура, отец квадратов, треугольников и других бесчисленных. Но однако ж и самая окружность зависит от своего центра, предваряемая оным. И примечания достойное, что циркульный пункт самая крошечная фигурка, умаленнее макового зерна и песчинки,— родитель есть плотных

и дебелых фигур с их машинами огромными. И когда от столь маленькой, вида не имущей и почти ничтожной точки породился корабли с городскими степами, хоромами, мостами, башнями, пирамидами, колоссами, лабиринтами.., то для чего не могло из тайной бездны вечных недр своих породить все бесчисленное мирских машин число? Оное всякий пункт предваряющее безначальное невидимое начало центр свой везде окружности нигде не имущее, и здесь непрерывным тварей рождением свидетельствующее о безлетном своем пребывании.

«Премудрого очи его во главе его» (Соломон). «Очи же безумных — на концах земли» (Притчи).

Око есть природный циркуль, центр — его зеница. Она просвещает око — владыку всех дел. Что коло в колесе, что зеница в оке и что луч в солнце, то есть бог, в небесных и земных тьмах знамений, как только из тьмы их блеснули его лучи — божества. Вдруг невидимая и неустроенная библейная земля, приняв на себя новый вид, просвещается; когда Библия маленький мир, тогда бог есть солнце ее. Когда есть планета Земля, тогда бог центр ее. Когда же она человек, послан от него, бог есть ей дух, сердце, глава, око, зеница. Язычники сверх стихий ничего не прозирали. Посему образы иногда называются языками.

«Свет блистания твоего во свете языков изойдет...», «Процвела пустыня языческая, как крин (лилия)».

А ф а н а с и й. Чудным словом и дивным словом сотворена Библия.

Я к о в. Один святой; для единого один сей стиль.

А ф а н а с и й. А на что похож слог библейный? Скажи мне, не гневайся, что она мне показывается басней, к тому ж и нехитрою.

Я к о в. Я уже тебе сказал, что она похожа на великолепный господский дом, под видом гостиного дома утаенный.

А ф а н а с и й. А кроме сего на что похожа?

Я к о в. Похожа на нехитрый домик, оставленный богатым отцом, один только в наследие сыну; но сын со временем догадался, что сей домик есть громада бесценного сокровища. Стены его, неискусно обмазанные, состояли из неочищенных рудокопных, золотых и серебряных кип; над входом из неограненных алмазов варварская

мозаическая надпись была спя: «Сколь красны дома твои, Иаков...», «Их водрузил господь, а не человек...»

А ф а н а с и й. Скажи, еще на что схожа?

Я к о в. Схожа на грубую, суеверную и древнюю варварскую статую, представляющую умершего за истину друга, но внутри преисполненную высокого рода маргаритом. Подпись такая: «Сила в немощи, цена в нищете, в буйстве премудрость».

А ф а н а с и й. Для меня такая древность приятна. А еще на что схожа?

Я к о в. На рыбацкую сеть, множеством бесчисленных шариков из дражайших камней осажденную, цену свою утаивающих. Они по виду есть пустой водный сосуд, но по силе своей — цепь красот и сокровищ. Похожа на золотородной горы каменную (пещеру), ужасом дышащую пещеру, пресветлые горницы внутри себя скрывающую с надписями: «Гроб жизни», «Источник света», «Гора вышнего».

Похожа на алтарь, посвященный сущему, окруженный вокруг плетнем, который сплетают непроходимые чащи густо насажденных древес, сладчайшие плоды во время свое приносящих. Над заключенными дверями написано: «Не есть сие, но дом божий».

А ф а н а с и й. Рыбацкая сеть, божественная фигура, богословская сплетня, я думаю, одно и то же. Так ли?

Я к о в. Не знаю, знаю только, что богословская сень не пустая есть, если несет за собою шарик, величиною хоть как зерно горчичное.

А ф а н а с и й. Что ж, разве оное великое?

Я к о в. Оно собою ничто, но внутри великое утаивается. Присмотрися на смоквенное зернышко, есть ли крошечнее его? Подними ж очи и взгляни на силу его умным оком, и увидишь и уверишься, что в нем целое дерево с плодами и листом закрылося, но и бесчисленные миллионы смоковных садов тут же утаилися. Для того хорошенько разжуй, если где в Библии начитаешь: зерно, семена, колос, хлеба, яблоки, смоквы, виноград, плоды, чернуха, тмин, просо и прочее. И не напрасно уподоблено: *семя* есть слово божие.

А ф а н а с и й. Скажи мне, можно ли библейным стилем писать прочие книги? Мне кажется, можно фигурами небесных кругов и земных шаров изобразить, например,

астрономию, дабы она на сих знаменитых знаках изволила ездить, будто на колеснице.

Яков. Для чего ж нельзя? Будто не одевают в высокородное платье обезьян? И будто не восседают рабы в господских каретах? Что до моего мнения надлежит, можно сесть сатане на престол вышнего.

Афанасий. Ты шутишь, разве астрономия не вечна?

Яков. Если астрономия вечна, тогда где будет сапожное ремесло? Вечным быть — значит все места занять. Разве думаешь, что и в сапожном деле астрономия место имеет? Полно врать, пора кушать, по пословице.

Афанасий. Ведь астрономия есть дух.

Яков. И обоняние есть дух, если понюхать навозную кучу.

Афанасий. Она не около куч упражняется.

Яков. Планета и куча одно и то ж; а твой нос видно, что не чувствует духа сих слов: «В тот день оскудеют девы добрые» (Амос, гл. 8).

Афанасий. Я сих твоих дев не знаю.

Яков. Они не нюхают грязные кучи, но очищенным обонянием чувствуют пречистый дух, плененные им одним. «В благовонне мира твоего течем...» (Песнь песней).

Афанасий. А разве Исаак сына своего не обоняет? «Се благовоние сына моего, как благовония нивы исполненны». Человек не много разнится от грязной кучи.

Яков. Куда ты очень памятлив и проворен в том, что одобряют враки твои! А в том, что может тебе очки (по пословице) вставить, ты туп. Для чего ты в сих словах: «Благовония нивы исполненны» — уронил остаток: «которые благословил господь»? Веришь ли, какой дух обоняет Исаак из священной нивы? «Послал бог дух сына своего в сердца ваши, в тление — нетление, во плоти дух божий чувствует».

«Голос также — голос Иакова, руки же — руки Исава».

Сей-то дух божий есть благовонный мир, текущий вслед его девам. А сие значит родное идолопочтение, если отнять от целомудренных жен и дочерей израильских золотые серьги и кольца, а переделать оные на тельца литого. Всякая стихия со всем своих мыслей потрохом есть

раб, скот и кумир. «И сказали сие боги твои Израиль» (Исход, гл. 32).

Доброзрачные жены сии и чистые дочери суть: мать Исаакова Ревекка, Рахиль, Асхань, дочь Халева, дочь Иеффая Галаадского, не познавшая мужа, вознесенная во всесожжение господу; жена, сокрушившая жерновным уломком из израильской башни темя Авимелеху, врагу сынов Гедеоновых; благословенная в женах Иаиль — супруга Ховерова, разбившая колом голову Сисаре и пронзившая живот его. Анна, мать Самуилова, внешним движением уст своих на пьяную похожая, но изливающая перед господом душу свою. Авигея, супруга невкусного и гордого Навала, почтившая Давида хлебом, вином, овощами, чистою мукóю, корзиною гроздей и двумястами смоковных связок. Руфь, Эсфирь, Сусанна, Иудифь — все сии жены и девы с матерью царевою, минув подлые стихийные кучи, идут в горнее со тщанием. «Благословенна ты в женах...»

Сих-то назпаменует божий вопрос к Иову: «Уразумел ли ты время рождения коз, живущих на горах каменных?»

Сии суть юницы, голубицы, горлицы, вселюбезнейшие господу, рождением своим умилостивляющие его, о которых сам Авраам говорит: «Владыко господи, почему уразумею?..» Говорит же к нему: «Возьми юницу трехлетнюю и козу трехлетнюю, и барана трехлетнего, и горлицу, и голубя». И чуть ли не из сего числа воскресил одну Петр: «Она же отворила очи свои...» «Очи твои голубиные...» *Тавифа* — значит *серна*. Все сии суть не своей, но божьей славы преукрашенные служительницы: «Се раба господня...»

Как же дерзаешь сих прекрасных невест божиих лишить украшений своих? Как смеешь отдать оные блудницам, угодницам идолов?

«И совлекла ризы вдовства своего... и облеклася в ризы веселия своего... и обложила ожерелье, и цепи, и серьги — и все украшение свое... и было изменено лицо ее... и удивились красоте ее премного очень» (Иудифь, гл. 9).

«Вся слава дочери царевой внутри». Израиль, похитив хорошее у язычников, посвящает господу. А ты хочешь делать наоборот, например: Гедеон из золотых серег и ожерелий и из золотых цепей, украшающих шеи верб-

людов, и из других красот, из плена побежденных врагов добытых, сделал одежду первосвященнику: «Да даст мне всяк муж серьгу из плена своего. И простер руку и вверг ту...» (Судей, гл. 8).

Так Иосиф завладел всею землею египетскою. Ее мудрецы наипаче писали фигурами, что все Израиль под именем Иосифа посвятил живому богу. А все то Иосиф, то есть приложение, что прилагается сверх тленных образов, которые в виде египтян просят Иосифа: «Дай семя, да посеем, и живы будем, и не умрем, и земля не опустеет. Дает им хлебы за скотов их, плоть ничто же...»

Мне кажется, что и самая славная египетская фигура сфинкс перенесена Израилем в посвящение богу. Она мучила не могущих решить полезнейшего гадания. И князь израильский Иеффай с воинством своим переколол всех мужей Ефремовых, не могущих решить фигуры сей — колос. «Говорите «колос». И не сумели говорить так, и взяли их, и закололи» (Судей, гл. 12) [37].

А ф а н а с и й. А что значит слово сие — *колос?*

Я к о в. Думаю, то же, что пшеничный колос.

А ф а н а с и й. Я слышу: колос, но не слышу силы его.

Я к о в. Думаю, он из числа тех, которые рвали и молотили и ели апостолы в субботу.

А ф а н а с и й. Тех-то я и не разумею. Апостолам чужое рвать не пристало: своего не имели жать и молотить некогда, а исторгать, будто пеньку, дурно; да и кушать зерно сырое скотам прилично. Конечно, сей колос есть фигура.

Я к о в. Без сомнения, он из числа семи ко́лосов, явившихся во сне фараону: «И семь колосов исходили из стебля единого, избранные и добрые».

А ф а н а с и й. А я сих фараоновых пуще не понимаю; если что смыслишь — скажи, не мучь.

Я к о в. Бытейская седьмица [38]. Скажите мне, что она есть, если не из всемирных тварей громада грубых и невкусных болванов? Но когда присмотреться и вникнуть внутрь, тогда можно увидеть, что в сей жесткой и отощалой седьмице скрывается седьмица инородная, гораздо слаще, сытнее и питательнее наружной; а составляют обе одну седьмицу.

«И был вечер, и было утро, день один». Будто наличная седьмица колос, а тайная — зерно; или один пустой, а другой внутри полный — 7 дней и 7 колосов.

«Повторил же сон фараону дважды. Однако ж сон фараонов один есть». «И был вечер, и было утро, день один». Слово божие является одинакое, но слышится двойное. «Что бог творит, показал фараону».

«Лицо одно, но две породы: пустая и божия, явная и тайная, образующая и образуемая». «И пожрали семь колосов тонких и истонченных ветром семь колосов избранных и полных».

Так, как Кит Иону. Однако же и тьма его обнимет.

А ф а н а с и й. Куда ты нелепую дичину наврал?

Я к о в. Ночь не светла не будет тебе; раскуси только хорошенько. Разве то для тебя трудным и жестоким кажется, что в седьмице свет, а в колосьях хлеб? Но сердце тогда насыщается, когда просвещается. Взгляни на Давидову речь: «Отразился на нас...» Увидим там же вместе свет и пшеницу. «И жизнь была светом человеку» (Евангелие от Иоанна, гл. 1).

Рассуждай и сие: «Взалчут на вечер...» Когда вечер с ночью голодный, тогда утро со светом сытное. «Исполнюсь завтра... Насыщуся, когда... Разумею-де сон сей, да ночью же и видел». «И се свечник золотой весь...» Но что значит? Внутренний ему ангел толкует: «Сие слово господне...» «Светильник ногам моим закон твой...» О сем светильнике наведайся в книге (Исход, гл. 25).

Сколь же велико сходство, равнословие и пропорция — 7 вечерей с утрами, 7 колосов с колосами, 7 свечничих ветвей со светильцами.

В вечерах утро, день, око, шар, солнце. В пустых колосах колосы полные с зерном. В светильника ветвях, от одного стебля происшедших, кружочки с чашечками, полушариками, наполненными елеем и просвещающим, и насыщающим. Теперь о сем свечнике скажу с Захарьиным ангелом: «Семь сих очи господни суть, призирающие на всю землю. Так семь же и светов, просвещающих Вселенную, и семь хлебов, насыщающих 5 тысяч». Сие слово господне...

А ф а н а с и й. Так разве же у бога только 7 очей?

Я к о в. Врешь! Не 7, но одна вечность. 7 дней заключили в себе всю тварь. А сверх всей седьмицы блистает слава вечного — как одно лицо в семи зеркалах, и одно

солнце в семи днях, и один огонь в семи свечах, и одно зерно в семи добрых колосах, и одна печать в семи сургучах. «Призирающие на всю землю», то есть открывающиеся сверх всей тленн... «И свет во тьме светится...»

Если ты уже приметил, что ветви светильника и добрые колосы происходят от одного стебля, чего в простых колосах никогда не бывает, не забудь же, что и блеск светлой седьмицы молниевидно исходит от одной пустой плоти. «Всяка плоть — трава...» — вот тебе стеблие.

Сие означает Захария тенью двух маслин, правой и левой, приносеняющих свечник. «Не в силе вещей, не в крепости, но в духе моем говорит господь-вседержитель» (гл. 4).

«Съест от левых людей и не насытится» (Исаия).

«Пошлю голод на землю» — то же, что «взалчут на вечер...»

«Повторился же сон фараону дважды, как истина будет: слово, которое от бога» (Бытие, гл. 41).

Разжуй: от бога, а прочее сон, тень. Если ж тебе все сие нелепостью кажется, так послушай самого Иосифа: «Семь колосов добрых семь лет есть».

Афанасий. Так на что же лгать? 7 лет, а не 7 дней.

Яков. А! А! Тут-то твой видно закоулок? Не скроешься! У бога день как 1000 лет.

Итак, мне кажется: «Говорите «колос» — значит раскуспте слово божие да не умрете». «Я есть хлеб животный...» «Жестоко есть слово сие...» «Имеющий уши слышать...» «Если же не послушасте, втайне восплачется душа ваша».

Разве думаешь не одно то: неведение, ночь, сон, голод, меч, мучение, смерть, ад?.. «Кто нас разлучит от любви божией».

Тут-то заключается бедность, тление, расточение, утеснение... Пожалуйста, взгляни на начало (гл. 15 Иеремии).

«Ты оставил меня,— говорит господь,— и прострю руку мою на тебя, и убью тебя...» «И взял их и заколол...» (Судей, гл. 12). «Се сей лежит на падение...»

Теперь, обратив речи к намеренной точке, сказываю вам, что не только землю с ее плодами и рождениями, но все небесные и земные фигуры, домашние древним, наипаче в Египте любомудрцам, отняв от означения

таинств их, перенес Израиль в посвящение господу, и ты ли похитить поучаешься опять?

«И снял фараон перстень с руки своей, возложил его на руку Иосифову, и облек его в ризу червленну, и возложил гривну золотую на шею его, и посадил его на колесницу свою вторую».

«Взошел ты на высоту... принял ты даяния... И отворив сокровища свои, принесли ему дары: золото, и ливан, и смирну». «Цари аравстии и Сава[39] дары приведут».

Афанасий. Не похищаю, а спрашиваю, можно ль, например, арифметику, геометрию или...

Яков. Потеряли цену свою пророки языческие тогда, когда пророченное о всеобщем, о безвременном, о безместном, обратив к частному, местному и временному, перенесли оное на князей, на сынов человеческих. Сей есть всеобщий источник идолослужения. Тлен повсюду влез на колесницу божию. Сами свой прах вознесли на высоту господню. «Сии на колесницах и сии на конях...»

Посади, если хочешь, служанку стихии, твою астрономию. Вознеси на колесницу вечного. «Колесница божия тьмой тьмы...»

Афанасий. Что есть вечность?

Яков. То, что истина.

Афанасий. Что есть истина?

Яков. То, что пречистое, нетленное и единое.

Афанасий. Не можно ль несколько рассказать яснее?

Яков. То, что везде, всегда, все во всем есть.

Афанасий. Отрежь как можно проще.

Яков. То, что везде и нигде.

Афанасий. Фу! Ты сам толком пуще мне очи помрачил.

Яков. Иначе от тебя не отделаться.

Афанасий. Ну, для чего бог изображается образами?

Яков. А ты для чего твои мысли изображаешь фигурами букв или ударением воздуха?

Афанасий. Для того, что мысли мои не видны.

Яков. А бог во сто тысяч раз сокровеннее твоих мыслей, нежели твоя воздушная мысль в наружном твоем болване.

Афанасий. Хорошо. Скажи же мне, кто сии божественные узы сплетает?

Яков. Те, что разрешают.

Афанасий. А разрешает кто?

Яков. Те, что связуют.

Афанасий. А я ни сих, ни тех не знаю.

Яков. Разве ты никогда не слыхал о Веселеиле[40] и его товарищах, украсивших разными художествами храм господен? Пробеги «Исход», гл. 31 или 37. Сей первый художник скинии посеребрил и позолотил столпы: вылил золотые кольца, золотые петли, золотые крючки, пуговицы, колокольчики на священничьей одежде, серебряные куполки скинии, медные у дверей головки и проч. и проч.

Афанасий. Видно, что Веселеил был крючкотворец.

Яков. А Гедеоном составленную ризу уже ты позабыл? Она, конечно, то же, что Веселеилов логион, то есть *слово божие*. Вспомни, какое число всех приношений господу от сынов Израилевых, и воскликни с Варухом: «О Израиль, сколь велик дом божий и пространно место селения его: велико и не имеет конца, высоко и безмерно» (гл. 3).

Все сии приносы суть узлы, славу божию внутри утаивающие: «Да возьмешь от начатка плодов земли твоей, которую господь бог дает тебе в жребий, и вложишь в кошницу и пойдешь на место, которое изберет господь бог твой, призывать имя его там. И ныне се принес начатки от плодов земли, которую дал мне ты» (Второзаконие, гл. 26).

«Взяла мать его ковчежец ситовый, и помазала и клеем, и смолою, и вложила отрока в него, и положила его в лучице при реке» (Исход).

Но Исаак связанный, Иосиф в узах, Мойсей в коробочке, Самсон в веревках, Даниил во рву, Иеремия в колодце, Петр в темнице, Павел в кошнице[41] — верю, что они не для всех кажутся узлами. «Развяжите его, оставьте идти» (Евангелие от Иоанна, гл. 11). «Изведи из темницы душу мою». «От бездн земли возвел меня ты».

О всех сих несмышленых детях еврейских, держащих в руках своих ветви того финика: «Как финик, возвысился на берегах». Да тут же и о самом себе Павел: «Мы буйные Христа ради...» Сии узлы, будто змии, вьются и переплетаются между собою, нечаянно там являя голову,

где был недавно хвост, и напротив. И как две природы: главная и низшая, вечная и тленная — все составляют, так и два образа, составляющие символ, по всему священному полю являются, часто переменяя место своей тьмы на землю вселяющегося света, и напротив, например: «Золото оной земли доброе...» Золото обозначает вечную, земля — тленную природу.

Вспомним третий день бытейный и увидим, что сей хвост недавно был головою. Там море есть место тлени, а суша — земля, плодоприносящая божие обетование. «На месте злачном, там вселил меня...» «Погрязли, как олово, в воде обильной» (Исход).

Кит в сравнении моря фигура есть божией премудрости, плавающей сверх стихийной гнили. «И дух божий носился сверх воды». «И всплыло железо» (4-ая Царств., гл. 6, ст. 6).

«Господь бог твой ведет тебя в землю благую... В землю пшеницы... в землю, в ней же камни, железо, и от гор се ископаешь медь» (Второзаконие, гл. 8).

Но вода, Мойсеем изведенная от камня и Самсоном из челюсти ослиной [42], знаменует вечность. Камень же и челюсть есть прах гнили. Взгляни же на нерукосечный Даниилов камень [43] с горою и увидишь, что камень есть чертог света слова божия, а гора — плоти и крови ложе. Но сей змий вдруг завернул голову к хвосту, если поднять очи к рождающемуся и к вертепному камню, к воскресшему и ко гробу. Иногда голова его и хвост в одном месте, будто хвост в устах держа, делается кольцом. Взгляни на второй бытейный день. «Посреди воды и воды... вода и вода...»

Сей воды и Давид жаждет, пренебрег одну. «Кто напоит меня водою из рва, который в Вифлееме» (2-ая Царств, гл. 23).

Иногда змия сего свитки очень между собою схожи, например: Мойсей влагает в воду дерево, Елисей — соль, корабельщики — Иону, предтеча — Христа.

«Сходящие в море... творящие делания в водах многих...» И Даниил ввергает меч дракону или великому змию в уста. Оный шар был смешан из смолы, жира и волны.

Сии три печати от духа премудрости божией. Манна, падающая сверх поверхности земной, похожа на снежную крупу, а снег — на руно. «Дающего снег свой, как во-

лну...» «Полагающий пределы твои мир, и тука пшеницы насыти...»

Оно печатлеется в паче из благовонных деревьев смолою: «Как смирна избрана, издает благоухание» (Сирах). Куда страшна и опасна Библия, пока семиглавому сему змию вбросить в изблевающие горних вод челюсти свою пилюлю не удостоит тот. «Посылающий слово свое земле...» «Одежда его бела, как снег, и волосы головы его, как волна, чистые...» (Даниил). Тогда сего аспида отрок малый поведет. «Зрите чтилища ваши» (Даниил).

Смотри, как вьется змий сей и играет! Море и кит, кит и Иона, Иона и тыква. Море в рассуждении кита есть ничто; а кит в рассуждении Ионы — пустошь. Иона взглядом тыквы голову его прохлаждающей, а тыква взором славы вечного ничто же есть.

«Поиграешь ли с ним?.. Извлечешь ли змия удочкой? Или вденешь кольцо в ноздри его...» (Иов, гл. 40). Сей змий весь Иордан вмещает в уста свои. А на одно око божие, будто на удочку, возьмется. Все плаватели хвоста и все корабли рыбацкие не поднимут головы его: «Сотворен поруганным быть...» (Иов, гл. 40). «Змий сей, его же создал ты...»

«Поругаются ему, и укорят его, и оплюют его...» (Лука).

То же рассуждается о рыбе Товииной с печенью ее и сердцем; о рыбе, удочкою Петровою извлеченной, с монетою внутри ее; о рыбах, Христом благословенных. «Иду рыбу ловить...»

Таковые ж свертки сгибает змий сей и здесь: вода и ковчег, ковчег и Ной, Ной и голубица, голубица и око, око и верхи гор, верх и вечность. «Взошедши на гору стремнинную...» (Иов, гл. 4). «Ложе его острее острия...» (Иов, гл. 41).

То же и здесь: Содом и огонь, огонь и дым, дым и дух, дух и благовоние; а Лот — значит *благоухание*. «Взойдет дым гневом его...» «Потрудившись, запалим город огнем...» «Увидели дым, восходящий от града до небес» (Навин, гл. 8). «Дух, и вода, и кровь, и трое воедино» (Иоанна послание).

Те же винты, или извития змиины, и здесь: Израиль и язычники. Израиль и скиния, скиния и мера ее, чудно составляющие во всех частях сумму десятичную. Наконец, вся скиния ничто есть.

Взглядом внутренностей ее сие есть: манны, светильника, хлебов и проч. А сие опять ничто же есть. Взглядом славы божией, во мраке сем блистающей: «Небо небес не довлеет тебе...»

Афанасий. Ты мне своими винтами змиными совсем ум помрачаешь; скажи только мне, которую ты насчитал сумму десятичную в частях скинии и в мере, и в числе ее?

Яков. Скиния из десяти опон — вот тебе десяток в частях! Долгота каждой опоны 28 локтей — вот десяток: 2 и 8. Во всех опонах локтей 280. Вот в числе локтей так, как в долготе, десяток: 2 и 8! Широта каждой опоны 4 локтя, а во всех 40, скинь на счеты 1, 2, 3, 4, и выйдет 10, а 4... 40... и 400 в той же пропорции суть.

Афанасий. Вот еще какие крючки! Они несколько подходят к нашим гражданским.

Яков. Мера и число всегда есть божие. «Ниже хребтов их и была высота их...» (Иезекииль).

«Скажи мне, господи, кончину мою и число дней моих».

«Сочти своих домочадцев». «Возвел очи мои и вижу: и се муж, и в руке его веревка землемерная...» (Захария, гл. 2).

Вся Библия есть узел и узлов цепь. Вся в одном узле и в тьмах тьмы узлов, там же весь сей рай насадил господь бог во Эдеме на востоке [44].

«Большая будет слава храма сего, последняя больше первой»,— говорит господь (Аггей, гл. 2).

Эдем — значит *рай сладости, увеселительный сад*. Что же за вздор рай в Эдеме? Сад в саду?..

Весь сей хворост есть чаша колких шиповников. Продерись, развяжи и вкусишь от древа жизни. «Древо жизни посреди рая...» «Восток имя ему...» «Гортань его сладость...» «И пошли по пустыне и пришли до Хеврона» (Числа, гл. 13).

Хеврон есть град горний, значит *дружество*. По чащам сих узлов ходит неисследимая божия премудрость. Сюда-то приточник: «Не знаю следа орла, парящего по воздуху, и пути змия, ползущего по камням...» (гл. 30). «Услышали голос господа бога ходящие в раю...»

Самый последний голосок или словцо дышит символом или зависит от него. Например: «Там его узрите...», то есть на горе, сверх горы, выше стихий. «Горнее мудрст-

вуйте, а не земное...» «Там взойдут колена, колена господние...» «Там взращу рог Давиду...» Каждая пара образов есть двое, двое. «Все сугубо, одно против одного» (Сирах, гл. 42). «Единого господа бог, двое сии...» «Вошли к Ною в ковчег два, два...»

А если рассудить, тогда каждый образ есть трое, то есть простой, образующий и образуемый, например: хлеб простой, хлеб образующий и хлеб ангельский. «Не о хлебе едином жив будет человек...»

Гроздь простая, образующая и веселящая. «Вино веселит сердце человека...» «Кровь гроздей пил — вино...»

Небо простое, образующее и небо небес. Так как круг в колесе — солнце в солнце. «Небо небес с господу». И думаю: в сию-то силу сказывает приточник: «К словам мудрых прилагай твое ухо... да разумеешь, как добры. Ты же напиши их себе трижды... (на сердце твоем), если-де хочешь совета смысла и разума» (гл. 22).

При всем сем вспомни межеванье между городом и городом, Мойсеем узаконенное [45]. Два образа суть, как два населенные города. Более же не забудь сего: «В какой земле вселяется свет? Тьме же какое есть место? Если введешь меня в пределы (terminus) их». «Если же и знаешь пути их?» «Где был ты, когда основал землю?» «Кто положил меры ее? Знаешь ли?» «Возвести мне, если знаешь разум (земли)...» (Иов, гл. 38).

А ф а н а с и й. Я устал, слушая твоих узлов собрание.

Я к о в. Вспомни кущи Израилевы, сады Соломоновы. «Встань, север, и гряди, юг...» «Дух все испытывает и глубины божии...» Из таковой кущи колом Иоиль пробила голову Сисаре (Судей, гл. 14, ст. 21).

Таков был сын Иакова Иуда. «Привязывающий к лозе жеребца своего»... Разве к подлому привязывает?.. «Я лоза...»

Взгляни, пожалуй, на Иисуса Навина с Халевом. Разве не видишь, какое сокровище несут сии мужи? На дрюке привязана из земли божией пребогатая гроздь, кроме шипков (полевых роз) и смокв. Сколько виноградных ягод, столько шариков, сколько шариков, столько узлов, заключающих в себе сладчайший божества сок, веселящий сердце, при котором пирует небесный учитель с учениками своими. «Сия есть кровь моя...» «Пили же и упились с ним» (Бытие, гл. 43).

Что же касается решителей сих божественных гаданий, вспомни Даниила с Иосифом, разрешающих сны. «Не бог ли изъявления их есть» (Бытие, гл. 40). «Сказывающий сны, и возвещающий сокровенное, и разрешающий союзы» (Даниил, гл. 5).

Вспомни Маринна обручника, слышащего во сне голос ангела божия, вспомни Мойсея, узревшего во мраке бога.

Вспомни Авраама, разделяющего пополам скотов перед господом (Бытие, гл. 15). «Когда заходит солнце, ужас нападает на Авраама».

Разделить и разрешить значит то же.

Таков был Авель, принесший первородное и от тука овец господу, и не упадет лицо его, но, подняв очи, видит день господен.

Таков был тот: «Зубы его белее молока...» Таковы были те: «Кровь гроздей пил — вино с туком ягненка...»

Вспомни, какой пророк скушал горький свиток? Но куда сладок был, когда дожевался до остатка. «Остаток есть бог». «Открыл ты младенцам...» «Остатки младенцам...»

Но и все пророки вопиют: «Видел, видел...» Вспомни Самсона, веревки и льва растерзающего, находящего в ядовитом съедобное, а в жестком сладкое. «Насыщуся, когда явишься мне в славе твоей».

Вспомни Давида, исторгающего из уст львиных и медвежьих овцу. Сей из Голиафовых, а Юдифь из Олоферновых ножен[46] мечи извлекает. «Живо бо слово божие, острей паче всякого меча...»

Еанея, сын Иодаев, убил льва, вырвал копье из рук египтянина: «И убил его копьем его» (2-ая Царств, гл. 23) «Как искры по стеблию потекут...»

Кто разорил города Иерихон и Гаи?

Кто расторгнул ополчение иноплеменничее и достал воду Давиду из рва вифлеемского? «Облекися в славу твою, Иерусалим, град святой... Совлеки узы шеи твоей, плененная дочь Сиона» (Исаия, гл. 52).

Подумай, где тот, кто на гумне молотит? А к нему на воловом возу прикатывается кивот господен: «Светися, светися, Иерусалим...» «Благословенны житницы твои...» (Второзаконие, гл. 28). «Благослови, господь, дом Авездаров...» (2-ая Царств, 6).

Посмотри, что делает муж Руфин Вооз? Служанки его жнут и вяжут снопы, а он вымолачивает из стеблей зер-

но. «Се тот веет на гумне ячмень сей ночи» (Руфь, гл. 3). «И преломив, дает им. Им же отворились очи».

Афанасий. Я о всех сих читал, но не даются читать. Трудно.

Яков. Так послушай же о новейших скинотворцах и плетущих сети рыбаках, вот они: «Если свяжете на земле — будут связаны на небесах...» Никогда они не вяжут узлов, чтоб не скрывалась внутри цельная простота голубиного ока, и никогда не разрешают гаданий, чтоб не вынуть оттуда перстня сладчайшего меда и сота вечности.

«От едящего съедобное и от крепкого изойдет сладкое. И съедите ветхое и ветхое ветхих. Вениамин — волк, хищник, рано ест, еще и на вечер даст пищу» (Бытие, гл. 49). «Верил Авраам богу, и вменилось ему в правду (все писаное)».

Знамения же веровавшим сие... языки возгласят новые... змия возьмут.

И сие сказав, дунул и говорит им: «Примите дух святой! Кому отпустите грехи, отпустятся им, и кому же держите, держатся».

Афанасий. Пускай же сему разговору будет имя:

Кольцо.

РАЗГОВОР, НАЗЫВАЕМЫЙ АЛФАВИТ, ИЛИ БУКВАРЬ МИРА[1]

Песня[2]

сложена 1761-го года о том, что концом жизни нашей есть мир, а вождь к нему бог, и о людских разнопутиях

О жизнь беспечна! О драгий покой!
Ты дражайший мне всяких вещей.
На тебя смотрит везде компас мой.
Ты край и гавань жизни моей.
Мне одна в свете тишина нравна:
И безмятежный, неславный путь.
Се моя мера в житии главна.
Весь да кончится мой циркуль тут!

Ты, святый боже и веков творец,
Утверди сие, что сам создал.
При тебе может все в благой конец
Так попасть, как к магниту сталь.
Если ж не право зрит мое око,
Ты меня, отче, настави здесь.
Ты людских видишь, сидя высоко,
Разных столь мнений бессчетну смесь.

Один в восточной, те в вечерний край
Плывут по счастье со всех ветрил.
Иной в полночной стране видит рай,
Иной на полдень путь свой открыл.
Один говорит: «Вот кто-то косит!»
А другой спорит: «Се ктось стрижет!»
Иной: «У воза пять кол» — голосит.
Скажи, кой бес нам столь мысль сечет?

Inveni portum Jesum. Caro, munde, valete! Sat me jactastis. Nunc mihi certa quies[3].

Прощай, стихийный потоп! —
Вещала Ноева голубица. —
Я почию на холмах вечности,
Обретши ветку блаженства.

Милостивому государю Владимиру Степановичу, его благородию Тевяшову

Милостивый государь!

Один «Разговор» уже к вам пришел[4]. Вот же нашел вас и брат первого. Когда меня жалуете, примите милостиво и сего и положите братнюю сию двоицу перед лицом дражайшего вашего родителя, как образ и память усердного моего почитания. В обоих написано то, что говорено в беседах со здешними приятелями. Они ж и беседующими лицами поставлены в обоих. Первый испытывает с Давидом небесные круги, поведающие славу вечного: «Лета вечные помянул...» — и назван «Кольцом», а второй, узнав безначальное начало из нетрудных начатков, будто из алфавита, богу последовать побуждает и назван «Букварем». Предревнейшее слово есть сие: Γνῶθι σεαυτόν, nosce te ipsum — «Узнай себя самого»[5]. И теперь оно всем в устах, но не многим во вкусе[a]. Думаю, что начальник слова сего был древнейший мудрец Фалес. Верю. Кто что нашел и любит, то своим ему быть может, а истина безначальна. Пишет Плутарх[6], что на Аполлоновом Дельфийском храме было написано: «Узнай себя». Древние египтяне слово сие высоко почитали. Что значит *сфинкс*, изъяснено в первом «Разговоре»[7]. Имя его значит *связь* или *узел*. Гадание сего урода утаивало ту ж силу: «Узнай себя». Не развязать сего узла была смерть мучительная, убийство душе, лишение мира. Для сего египтяне оного урода статуи поставляли по улицам, дабы, как многочисленные зеркала, везде в очи попадая, сей самонужнейшее знание утаивающий узел на память приводили.

Потомки их были не таковы. Отнялась от них глава мудрости; долой пала чистая часть богочтения; остались

---

[a] Самая сладостная ягода или зерно, хотя в устах не дает вкуса, пока не разжевать. Крошечное, как зерно, слово сие высокий вкус утаило. Думаю и проч.

одни художества с физическими волшебствами и суеверием. Монумент, напоенный всеполезнейшим для каждого советом, обратился в кумир, уста имущий и не говорящий, а только улицы украшающий, и будто источник в лужу отродился.

Так и все богословские тайны превращаются в смешные вздоры и суеверные сказки. Во времена авраамские делали сие филистины, а ныне делают не знающие себя и бога. В божественном мраке мойсейских книг почти 20 раз находится сие: «Внимай себе», «Внемли себе» — и вместо ключа ко всему предвручается то же, что «узнай себя».

И не диво, что древние египтяне, евреи и эллины высоко почитали слово сие. Знать-то от познания себя самого входит в душу свет ведения божия, а с ним путь счастия мирный. Что компас в корабле, то бог в человеке. Компасная в сердце корабельном стрела есть тайный язык, закон, глава, око и царство корабельное.

Библия тоже именуется стрелою, как начертанная тень вечного закона и тьма божия. Не тот мне знаток в корабле, кто перечел и перемерил каюты и веревки, но кто познал силу и природу корабля; тот разумеет путь его и все околичности.

А что ж есть бог, если не вечная глава и тайный закон в тварях? Истину сказывает Павел: «Закон духовный есть».

Закон же сей что есть, если не владеющая тленнем господственная *природа*, названная у древних отцов: Τριγήλιος μονὰς καὶ φύσις — «трисолнечное единство и естество». Сия *единица* всему глава, а сама безначальная, ни временем, ни местом, ни полом не ограниченная, ни именем.

Сия-то *мать* и *отец* отвечает Мойсею, что ей имени нет. Кто-де ищет моего имени, тот не видит естества моего. Имя мое и естество есть то же: «Я сущий». Я тот, кто везде, всегда, во всем, и не видно меня, а прочее все видно, и нет того ничего. «Плоть ничто же...» Я — древо жизни, а другое все — тень моя. И не напрасно эллины к обоему полу прилагали слово сие — θεός. И не без толку у некоторых христиан дают имя мужчине с мужеским и женское, например: Юзеф-Мария. Сюда-то смотрит острое павловское слово: «Ни мужеский пол, ни жен-

ский...» Итак, не прекрасный Нарцисс, не хиромантик и не анатомик, но увидевший внутри себя главный машины пункт — царствие божие, — сей узнал себя, нашедши в мертвом живое, во тьме свет, как алмаз в грязи и как евангельская жена империал в горничном соре. «Радуйтесь со мною...» Сей точно узнал *человека* и может похвалиться: *«Знаю человека».*

Вот вам несколько знатоков:

Авраам: «Видел и возрадовался».
Навин: «Видел человека стоящего».
Иов: «Ныне же око мое видело тебя».
Давид: «Возвел очи мои в гору».
Исаия: «Видел славу его».
Даниил: «Видел и се муж один».
Захария: «Воздвиг очи мои и видел, и се муж, и в руке его...»

Вот еще дюжина. Взгляните на гору Галилею!

11 апостолов: «Видевшие его поклонилися...»
И Стефан: «Се вижу небеса открыты...»
А как «мудрого очи его во главе его», так «очи безумных на концах земли».

С лица человека приметить можно, но не с подошвы. «Те пяту мою соблюдят».

Сколь о многих можно сказать: «Вы кланяетесь, его же не знаете». О всех сих, подло ползущих, написано: «Блюсти будешь его пяту». Вся Библия дышит сим вкусом: «Узнай себя».

Разве ж бог в человеке только? Никак! Но кто слеп дома, тот и в гостях, и, не имея сам в себе, не найдет и в пище вкуса. А тогда можно смело отважиться и на глубину библейную с тем, кого слушает ветер и море.

Узнать его есть чувство премудрости. Любить и слушать есть дух веры и благочестия.

Руководство блаженной *натуры* всей своей мудрости виною ставит Катон Цицеронов. Но ключ к сему чертогу сей есть: «Внимай себе». Чем более кто себя узнает, тем выше восходит на Сион мира.

Нет легче последовать богу, как в пище, в дружбе, в звании. Тут приобучившийся может подняться и на крутые места, поколь сбудется: «Положу трудное их в гладкое». А я желаю вам идти от силы в силу! Половину сделал, кто хорошо начал.

Окончу речь любезного моего Фалеса словом: Ἀρχὴν ἁπάντων καὶ τέλος ποίει θεόν — «началом и концом во всем тебе будь бог».

И пребуду, милостивый государь,

Вашего благородия нижайший слуга,
любитель священной Библии,
Григорий Сковорода.

1775 года, января 1 дня, в Липцах.

ОСНОВАНИЕ

«Я *альфа* и *омега*» (Апокалипсис).

«Слышь, Израиль, внимай себе, внемли себе» (Моисей).

«Себя знающие премудры» (Притчи).

«Если не узнаешь саму себя... изойди» (Песнь песней).

«Узнай себя самого...» (Фалес).

Дружеский разговор о душевном мире

Лица: Афанасий, Яков, Лонгин, Ермолай, Григорий

Григорий. Слава богу, собралась наша беседа! Что слышно? Нет ли вестей?

Яков. Вчера сделался пожар. Довелось быть в гостях и напасть на шайку ученых.

Лонгин. Был ли пожар?

Яков. При бутылках и стаканах ужасный загорелся диспут. Иной величал механику; иной превозносил химию; иной ублажал геометрию; иной пришивал человеческое счастие врачебной науке; иной похвальными песнями венчал историю; иной возвышал грамматику с языками; иной — политику с обращением. Потом был спор, какая пища здоровее, какое вино полезнее. Наконец, самый пламень загудел о причине, погубившей республику Афинскую, плодородную мать ученых людей. Много врали и о богине Минерве, которой посвящен был город Афинский[8]. Однак я не мог ничего понять и не знаю, почему никакого вкуса не чувствовал. А в любезной моей книжечке, которую всегда с собой ношу, недавно начитал,

что счастие ни от наук, ни от чинов, ни от богатства, но единственно зависит оттуда, чтоб охотно отдаться на волю божию. Сие одно может успокоить душу.

Григорий. Как называются те ученые?

Яков. Первый Навал, второй Сомнас, третий Пификов[9], люди славно ученые, а прочих не знаю.

Григорий. Как же ты не мог ничего понять?

Яков. Сему я и сам дивлюсь. Одно только то знаю, что слушать их вовсе меня не позывало.

Григорий. Разве они о Минерве говорили без Минервы? Так побеседуем же сами о драгоценнейшем нашем мире бесспорно и дружелюбно. Раскусим несколько слово сие: «Отдаться в волю божию». А премилосердная мать наша блаженная натура нас, любителей своих, не оставит, руководствуя нашу всю беседу. Вспомните сказанное мною слово сие: «Чем кто согласнее с богом, тем мирнее и счастливее». Сие-то значит: *«жить по натуре»*. Кто же не говорит сего: *жить по натуре?* Но сия ошибка путь есть всей пагубы, если кто, смешав рабскую и господственную натуру в одно тождество, вместо прозорливой или божественной избирает себе путеводительницею скотскую и слепую натуру. Сие есть родное нечестие, неведение о боге, непознание пути мирного, шествие путем несчастия, ведущим в царство тьмы, в жилище духов беспокойных.

Само сие слово — *несчастие* — оттуда родилось, что прельщенный человек, пошедший за руководством слепой натуры, ухватился за хвост, минув голову или ту высочайшую часть: «Часть моя ты, господи». Сколько ж мы должны матери нашей Библии? Она непрестанно кладет нам в уши пное высочайшее некое естество, называя оное началом, оком, отцом, сильным, господом, царем, ангелом совета, духом владычным, страхом путеведущим, вторым человеком, светом, радостию, веселием, миром и прочее. На скольких местах вопиет нам: *«Внемли себе». «Внимай* себе крепче...» «Войдите в храмину вашу...» «Возвратись в дом твой». «Дух божий живет в вас». «Второй человек господь с небес...» И сие-то есть благовестить мир, возвещать счастия путь, отворять ворота к благоденствию, открывать предводительствующее во всем и недремлющее *око*, дабы всеусерднейше всяк, тайному мановению блаженного внутри себя духа повинуясь, мог получать наставление, просвещение, кураж и совершение в каждом

своем деле, а без его дозволения самого мелочного не начинать действия и самого маленького шага не ступать. Счастлив живущий по воле благого духа! «Господь будет на всех путях твоих». Бедная душа, своими похотями водимая! «Путь нечестивых погиб». Самое переднее крыльцо и преддверие, вводящее в пагубу, и самая начальная замашка, будто букварь, обучающий нас быть супостатами богу, есть сия:

А. Входить в несродную стать.
Б. Нести должность, природе противную.
В. Обучаться, к чему не рожден.
Г. Дружить с теми, к кому не рожден.

Сии дорожки есть родной несчастия путь.

Афанасий. А если кто к воровству рожден?

Григорий. Убирайся прочь! Моя речь единственно только касается человеколюбных душ, честных званий и благословенных промысла родов, которых божий и человеческий закон вон из сожительства не изгонит, а составляют они плодоносный церкви, яснее сказать, общества сад, так, как часовую машину свои части. Она в то время порядочное продолжает течение, когда каждый член не только добр, но и сродную себе разлившейся по всему составу должности часть отправляет. И сие-то есть быть счастливым, познать себя, или свою природу, взяться за свою долю и пребывать с частию, себе сродною, от всеобщей должности. Сии должности участия есть благодеяние и услуга. И не дивно, что у древних римлян как должность, так и благодеяние обозначалось сим словом — officium. Самая добрая душа тем беспокойнее и несчастливее живет, чем важнейшую должность несет, если к ней не рождена. Да и как ей не быть несчастною, если потеряла сокровище сие, всего мира дражайшее: «Веселие сердца — жизнь человеку, и радование мужа (есть то) долгоденствие»? (Сирах). Как же не потерять, если вместо услуг обижает друзей и родственников, ближних и дальних, однородных и чужестранных? Как не обижать, если вред приносит обществу? Как не повредить, если худо нести должность? Как не худо, если нет упорной старательности и неутомимого труда? Откуда же уродится труд, если нет охоты и усердия? Где ж возьмешь охоту без природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты.

Охота есть разожжение, склонность и движение. Охота сильнее неволи, по пословице. Она стремится к труду и радуется им, как сыном своим. Труд есть живой и неусыпный всей машины ход потоль, поколь породит совершенное дело, сплетающее творцу своему венец радости. Кратко сказать, *природа* запаляет к делу и укрепляет в труде, делая труд сладким.

А что ж есть сия *природа*, если не тот блаженный в человеке дух, о котором бог к Мойсею: «Се я посылаю ангела моего перед лицом твоим... Внимай себе и послушай его. Не усомнится, ибо имя мое на нем есть». Великое есть сие дело: «Имя мое на нем есть». Божие имя и естество его есть то же. Того ради велит вникнуть внутрь себя и внимать сему наставнику, ясно все нужное показывающему. Сколько можно догадываться, сей есть тот, кто говорит: «Без меня не можете творить ничего». И сие-то есть с богом счастливо вступить в звание, когда человек не по своим прихотям и не по чужим советам, но, вникнув в самого себя и вняв живущему внутри и зовущему его святому духу, последуя тайному его мановению, принимается и придержится той должности, для которой он в мире родился, самым вышним к тому предопределен.

Не везде ли присносущного божиего естества исполнение? Есть он во всяком человеке. Есть и в тебе, и с тобою. Что ж он делает? Послушай Соломона: «Нетленный дух твой во всех есть. Тем же заблуждающих обличаешь и в них же согрешили, вспоминая, учишь, да переменившись от злобы, веруют в тебя, господи». Видишь, что живущее в тебе блаженное естество управляет, будто скотом, твоею природою. Сия слепая натура есть ты ж сам, с прихотями своими. И сие-то значит: «Царствие божие внутри вас есть». Оно не ошибается и лучшим путем поведет тебя, разумей, к тому, к чему ты рожден, да будешь для себя и для братии твоей полезным, нежели чужие советы и собственные твои стремления, о которых написано: «Враги человеку домашние его». А теперь осмотрись, зачем торопишься? Куда забежит твоя необузданность? Зачем хватаешься за должность, не ведая, будешь ли в ней счастливым? Как можно тебе отправить [ее] удачно, не к ней рожденному? Кто может подписаться, что хорошая сия пища будет в пользу твоего желудка? Не лучше ль сам о сем можешь осведомиться? Справься ж сам с собою.

Узнай себя. Внемли себе и послушай господа своего. Есть в тебе царь твой, отец и наставник. Внимай себе, сыщи его и послушай его. Он один знает, что тебе сродное, то есть полезное. Сам он и поведет к сему, зажжет охоту, закуражит к труду, увенчает концом и благословением главу твою. Пожалуйста, друг мой, не начинай ничего без сего царя в жизни твоей! Чудо, что доселе не могут тебя тронуть сии слова: «Ищите прежде царствия божиего». Ищи и день, и ночь, вопи: «Да придет царствие твое». А без сего наплюй на все дела твои, сколько ни хороши они и славны. Все то для тебя худая пища, что не сродная, хотя бы она и царская. Ах! Где ты мне сыщешь человека, чтоб, избирая стать, сказал: «Да будет воля твоя!» Сей-то небесный отец, приводя нас по святой своей воле к тому, к чему нас родил, сам и советами утверждает сердце наше, ежедневно оные, как пищу, в душу нашу посылая. И тогда-то дело нашей должности имеет свое существо и силу. Если ж постигло уже тебя царствие божие, взгляни на оное и ужасись. Проси о оставлении долгов твоих за то, что, похитив высочайшую власть, доселе правил житием твоим по советам слепой твоей натуры, не по руководству царственного естества. Сие есть родное искушение, разумей, мучение твое, рождаемое от лукавого духа, в скотской твоей натуре царствующего.

Не думай никто, будто от нашей воли зависит избрать стать или должность. Владеет вышний царством человеческим, и блажен сему истинному царю последующий. Сие-то есть быть в царствии божием и в счастливой стране твердого мира.

Теперь пришли мне на ум тоскою, скукою, горестью среди изобилия мучащиеся. Сии просят у бога богатства, а не удовольствия, великолепного стола, но не вкуса, мягкой постели, да не просят сладкого сна, нежной одежды, не сердечного куража, чина, а не сладчайшей оной кесаря Тита забавы [10]: «О друзья мои! Потерял я день...» Ах, друг мой! Не проси дождя, по пословице, проси урожаю: бывает, что и дождь вредит плодоносию.

Ермолай. А я вспомнил тех совопросников века сего: «Богословская наука, к чему она? Я-де не священник и не монах...» Будто не всем нужное душевное спасение и будто спасение и спокойствие сердечное не то же есть.

Яков. А я не могу довольно наудивляться ужасному множеству грешащих противу сего тайнописаного божественного закона.

Не сыщешь столь подлой души нигде, которая не рада бы хоть сегодня взойти и на самое высокое звание, нимало не рассуждая о сродности своей. Сие царствия божиего невежество все сердца помрачило. Без сомнения они уверены, будто счастие наше к оному какому-то званию или стати привязано, хотя сто раз слышали о царствии божием, которое, если кто сыскал и повиновался, принявшись за природное звание, тому легко все прочее нужное присовокупляется. А без сего и звание есть не звание. И как быть может званием, если я к оному не зван вышним царством? Как же зван, если не к тому рожден? Божие царство везде присутствует, и счастие во всякой стати живет, если входишь в оное за руководством твоего создателя, на то самое тебя в мир сей произведшего, и во сто раз блаженнее пастух, овец или свиней с природою пасущий, нежели священник, брань противу бога имеющий [11].

Почему нам столь подлым кажется хлебопашество, что все оного избегаем? Счастлив, кто родился к медицине, к пиктуре [12], к архитектуре, к книгам... Я их благословенную, как природную, школу (разумей: праздность, упражнение) благословляю и поздравляю. Радуюсь, если и сам в одной из сих наук, только бы сие было с богом, упражняюсь.

Но чем несчастнее земледел, если с природою землю пашет? Признаюсь, друзья мои, перед богом и перед вами, что в самую сию минуту, в которую с вами беседую, брошу нынешнюю мою стать, хотя в ней состарился, и стану последнейшим горшечником, как только почувствую, что доселе находился в ней без природы, имея сродность к гончарному делу. Поверьте, что с богом будет мне во сто раз и веселее, и удачнее лепить одни глиняные сковороды, нежели писать без натуры. Но доселе чувствую, что удерживает меня в сем состоянии нетленная рука вечного. Лобызаю оную и ей последую. Презираю всех посторонних советников бессоветие. И если бы я их слушал, давно бы сделался врагом господу моему. А ныне раб его есмь.

Лонгин. Я, напротив того, с удовольствием удивляюсь, сколь сладок труждающемуся труд, если он при-

родный. С каким весельем гонит зайца борзая собака! Какой восторг, как только дан сигнал к ловле! Сколько услаждается трудом пчела в собирании меда! За мед ее умерщвляют, но она трудиться не перестанет, пока жива. Сладок ей, как мед, и слаще сотов труд. К нему она родилась. О боже мой! Сколь сладкий самый горький труд с тобою.

Григорий. Некоторый молодчик был моим учеником. Детина подлинно рожден к человеколюбию и дружбе, рожден все честное слышать и делать. Но не рожден быть студентом. С удивлением сожалел я о его остолбенелости. Но как только он отрешился к механике, так вдруг всех удивил своим понятием без всякого руководителя.

Мертвая совсем душа человеческая, не отрешенная к природному своему делу, подобна мутной и смердящей воде, в тесноте заключенной. Внушал я сие непрестанно молодцам, дабы испытывали свою природу. Жалко, что заблаговременнее отцы не печатлеют сего в сердце сыновьям своим. Отсюда-то бывает, что воинскую роту ведет тот, кто должен был сидеть в оркестре.

Афанасий. Как же не наживать можно шляхетство и соблюсти грунт?

Григорий. Хватаешься за хвост, не за голову. Сказываю, если хочешь, чтоб сын твой куражно и удачно отправлял должность, ты долженствуешь ему способствовать в выборе сродного качествам его звания. Сто сродностей, сто званий, а все почтенные, как законные.

Разве не знаешь, что грунт от честно носимой должности — не она от грунта зависит? И не видишь, что низкое звание часто приобретает грунт, а высшее теряет?

Не смотри, что выше и ниже, что виднее и не знатнее, богаче и беднее, но смотри то, что тебе сродное. Раз уже сказано, что без сродности все ничто...

Если кто владеющий грунтом живет счастливо — не потому счастлив, что владеет им: счастие к грунту не привязано.

Но что владеет по сродности, то разуметь должно о всех внешностей родах. Все ж то внешность, что находится вне человека: грунт, семья, чин и прочее. Чего хочешь, ищи, но не потеряй мира. Шляхетный синсок вне тебя находится, а ты вне его быть можешь счастливым.

Он без мира ничто, а мир без него нечтось, без чего нельзя быть счастливым и в самом эдемском рае. Разве чаешь сыскать рай вне бога, а бога вне души твоей? Счастие твое, и мир твой, и рай твой, и бог твой внутри тебя есть. Он о тебе, в тебе же находясь, помышляет, наставляя к тому, что прежде всех для самого тебя есть полезное, разумей: честное и благоприличное. А ты смотри, чтоб бог твой был всегда с тобою. Будет же с тобою, если ты с ним будешь. А конечно, будешь с ним, если, примирившись, задружишь с пресладким сим и блаженным духом. Дружба и отдаленного сопрягает. Вражда и близко сущего удаляет. С природою жить и с богом быть есть то же; жизнь и дело есть то же.

Слыхал я мальчиком, что на европейские берега выбросила буря дикого человека, оленьею кожею обшитого, с такою же лодочкою. Окружил сие чудо народ. Удивляется, соболезнует, приятствует. Предлагает немому гостю разные роды изрядной пищи, но он ничего не касается, сидит, будто мертв. А наконец, как только усмотрел предложенные плоды, тотчас задрожал к ним и воскрес. Сей есть родной образ верной господу своему души в выборе звания.

Л о н г и н. Живо мне представляются два человека, одно и то же дело делающие. Но от сей души родится приятное, а от той неприятное дело. Сей самою ничтожною услугою веселит, а тот дорогим подарком огорчает. От сей персоны досада, насмешка и самое пуганье некоторую в себе утаивает приятность, а от другой — самая ласковость тайною дышит противностью. Сего хула вкуснее того хвалы...

Чудо! Шило, как притчу говорят, бреет, а бритва не берет. Что за чудо? Сие чудо есть божие. Он один тайная пружина всему сему. Все действительным, все приятным, все благоприличным делает одно только повиновение сокровенной его в человеке силе. А противление святому сему все действующему духу все уничтожает. По сей-то причине искусный врач неудачно лечит. Знающий учитель без успеха учит. Ученый проповедник без вкуса говорит. С приписью подьячий без правды правду пишет. Перевравший Библию студент без соли вкушает. Истощивший в пиктуре век без натуры подражает натуре. Во всех сих всегда недостает нечтось. Но сие нечтось есть всему глава и конечная красота десницы божией, всякое

дело совершающей. Кратко притчею сказать: «Совсем телега, кроме колес». И не без толку сделали лаконцы [13]. Они полезнейший для общества вымысел, из уст плутовских происшедший, отбросили, а приняли из уст добросердного гражданина, который, по прошению сейма, то же самое своим языком высказал.

Самое изрядное дело, без сродности деемое, теряет свою честь и цену так, как хорошая пища делается гадкою, приемлемая из урынала. Сие внушает предревняя старинных веков пословица оная: «От врагов и дары — не дары». И слаще меда сия русская притча: «Где был? — У друга.— Что пил? — Воду, слаще неприятельского меду». И подлинно, самая мелкая услуга есть милая и чувствительная, от природы, как от неисчерпаемого родника сердечного, исходящая. Вспомните поселянина, поднесшего пригорстью из источника воду проезжающему персидскому монарху! Вспомните, чему мы недавно смеялись, — мужичка Конона репе, принесенной в дар Людовику XII, королю французскому! [14]. Сколько сии монархи веселились грубою сею, но усердною простотою! Зачем же окаеваешь себя, о маловерная душа, когда твой отец небесный родил тебя или земледелом, или горшечником, или бандуристом? Зачем не последуешь званию его, уклоняясь в высшее, но не тебе сродное? Конечно, не разумеешь, что для тебя в тысячу раз счастливее в сей незнатной низкости жить с богом твоим, нежели без него находиться в числе военачальников или первосвященников? Неужель ты доселе не приметил, счастие твое где живет? Нет его нигде, но везде оно есть. Пожалуйста, чувствуй, что разумным и добрым сердцам гораздо милее и почтеннее природный и честный сапожник, нежели бесприроднный статский советник. Какая польза, если имя твое в тленном списке напечатано, а дух истины, сидящий и судящий во внутренностях твоих, не одобряет и не зрит на лицо, но на твое сердце?

Останься ж в природном твоем звании, сколько оно ни подлое. Лучше тебе попрощаться с огромными хоромами, с пространными грунтами, с великолепными названиями, нежели расстаться с душевным миром, сделав через сопротивление твое внутренним себе неприятелем так чудного, сильного и непобедимого духа, самые ливанские кедры стирающего.

Яков. Позволите ли нечто предложить на стол из языческих закромов?

Григорий. Представь, только бы не было идоложертвенное.

Лонгин. Смотри, чтоб не смердело духом, Христовому благовонию противным. Сие-то значит у Павла бесовская трапеза.

Афанасий. Возможно ли, чтоб пища не была скверная, если она от языческого стола?

Ермолай. А я верую, что она перестанет быть скверною, если господь освятить оную соблаговолит. Все то святое, что доброе. Все то доброе, что господу приносится. Все то господне, духу страха божиего и царствию его не противостоящее. Если ж сам господь освятил, то кто дерзнет осквернить? Давай сюда! Я прежде всех начну кушать с господом и перед господом, нимало не боясь Мойсеевой угрозы. «Истина есть господня, не бесовская».

Яков. Предлагаемое мною не только не восстает против господа, но сверх того стоит за ним.

Лонгин. Разве ж ты позабыл, что всяк, кто не против нас, по нас есть? — сказывает *истина*. И кто дает быть пророками?.. «Разве иудеев только бог?» «Ей, и язычников». Дышит везде живущий во всех дух господен, и блажен послушающий его. Сие-то значит похищенное у язычников золото посвящать в храм господу. И не меньше богу любезный римский капитан Корнилий [15], как самый иудей, втайне обрезан по сердцу, омыт по смыслу.

Яков. Мне кажется, что сия божественная в человеке сила, побуждающая его к сродности, называлась у древних египтян Испс [16], Isis, у эллинов — Ἀθηνᾶ, Athena, у римлян — Minerva, сиречь natura. Природа называлася γένιος, genius — *ангел природы*, назывался тож θεός — *бог*.

Афанасий. А почему называлась Минервою?

Яков. Не знаю, а только думаю потому, что Минерва был человек (мужчина или женщина) к тому рожден, чтоб мог для себя и для своей братии хорошо научиться знать, где обитает счастие. Сему научившийся назывался у эллинов εὐδαίμων, eudemon, то есть *хорошо*

знающий, а благополучие — εὐδαιμονία. Противное ж сему — какодемон, какодемония, у римлян сей хорошо знающий, кажется, назывался divini juris peritus, то есть *хорошо знающий божие право.* Что же присносущное величество божие его именем означалось, сие, думаю, сделано для любви к нему и почтения, дабы через любезного человека имя означить вселюбезнейшего, приводящего к счастию и таящегося в каждом человеке божиего духа, который собственного имени для себя не имеет и с которым неразрывная была дружба Минервы. Сего духа, если кто, не слушая, принимался за дело, о сем у язычников была пословица: Invita Minerva [17] — «без благоволения Минервы», а у нас говорят: «Без бога». И первее так говорено о науках, потом о всем, даже о самом мелочном деле. Если кто без природы сунулся во врачебную науку или в музыку, говорили: Invito Apollone; iratis Musis — «без благоволения Аполлонова», «без милости Муз».

Если кто обращался в купечестве — «без дозволения Меркуриевого» [18].

Если обитал в прекрасных рощах, на полях, на холмах и горах, при чистых реках и прозрачных источниках, уединяясь в лесах, и в шумящих птичьим пением садах, избегая человеческого сожительства и брачного союза, но без бога, говорили: «Без благословения Дианы» [19].

Сколько должностей, столько сродностей. Сии разные к различным должностям божественные побуждения означались у них разными разных людей именами, своими сродностями прославившихся. Однак все сии дарования столь различные один и тот же дух святой действует. Так, как, например, в музыкальном органе один воздух разные через различные трубки голоса производит или как в человеческом теле один ум, однак разно по рассуждению разных частей действует.

Афанасий. По моему мнению, не очень плохо из языческого навоза собираешь золото. Часто загребается в горничном соре монета царская, а родник здоровейшей воды грязью затаскивается.

Яков. Ведь басня о исполинах, воздвигших брань против бога, всем знакома [20]. Но она не перстом ли показывает на тех смельчаков, которые дерзновеннее и упрямее духу божественному сопротивляются, устремляясь с отчаянным упорством к великому, но совсем природе их не благоприличному званию?

Сие сколь смердит богомерзостью и нечестием, столь, напротив того, благословенное господом дело, будто полная роза и благовонный ландыш, сокровенною дышит красотою.

Сия красота называлась у древних препон — decorum, то есть *благолепие, благоприличность*, всю тварь и всякое дело осуществляющая, но никоим человеческим правилам не подлежащая, а единственно от царствия божиего зависящая. И кто может человека наставить к тому, к чему сам бог преградил ему путь?

Отсюда, думаю, родился у них чудный сей философский догмат: Ὅτι μόνον ἀγαθόν τὸ καλόν, то есть «Доброта живет в одной красоте». Отсюда у них же следующая пословица: Ὅμοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει θεός — «подобного к подобному ведет бог». Она учит, что не только звания, но и высокостепенной дружбы избрание не от нас, а зависит от вышнего определения. Наше только дело узнать себя и справиться, в какую должность и с кем обращение иметь мы родились. И как сродность к званию, так и склонность к дружбе ни куплею, ни просьбою, ни насилием не достается, но сей есть дар духа святого, все по своему благоволению разделяющего; и последующий благому сему духу человек каждое звание хвалит, но принимается за сродное; всякому доброжелательствует, но дружит с теми, к кому особое святого духа чувствует привлекание. Сему верному наставнику столь усердно последовал Сократ, что и в самых мелочах его советов придерживался [21]. Я вам недавно рассказывал, каким образом сей муж, выйдя из гостей, вернулся из переулка и пошел домой другою улицею, по одному только внутреннему мановению, ничего не предвидя.

А ф а н а с и й. А если бы не воротился, тогда что такое?..

Я к о в. То же, что другим, не последовавшим. Нечаянно навстречу гонимое стадо свиное всех их перемарало, как видно из книги Плутарховой об ангеле-хранителе Сократовом. И нельзя поверить, чтоб сей муж, находясь в беседах, не по большей части беседовал о сем премудром наставнике и главе счастия. Оттуда носится и у нас премудрая сия пословица: «Без бога ни до порога, а с богом хоть за море». А когда таких беседников не стало в Афинах, тогда источник, наповающий сад общества, и родник мудрости совсем стал затаскан и забит стадами

свиными. Стада сии были сборища обезьян философских, которые, кроме казистой маски (разумей: философскую епанчу и бороду), ничего существенного от истинной мудрости не имели. Сии растлением испортили самое основание афинского юношества [22]. Оно и вздумать не могло, дабы заглянуть внутрь себя к божественному своему предводителю. Беспутно стремились вслед бешеных своих замыслов, будто олень, которого крыльями бьет по очам сидящий на рогах его орел, дабы как можно пробраться к знатнейшим званиям, нимало не рассуждая, сродны ли им те звания и будут ли обществу, а во-первых, сами для себя полезными. Только бы достать блистательное, хоть пустое оно, имя или обогатиться.

Судите, какое множество там было пожаловано ослов мулами, а мулов лошаками. Тогда-то богочтение превратилося в яд, раздоры — в суеверие и лицемерие, правление — в мучительство, судейство — в хищение, воинство — в грабление, а науки — в орудие злобы. Сим образом, воинствуя против Минервы, сделали себе защитницу свою враждебною, а республику погибельною.

Афанасий. Или я ошибся, или ты твою языческую деву Минерву не беззаконно обрезал, но так, как велит обряд обрезания, дабы непорочно посвятить ее господу богу нашему. Она перестает быть идолослужительною, не означая впредь тленную плоть и кровь, но служит являющемуся под именем, будто под одеянием ее, тому, о ком написано: «Вы есть храм бога живого, и дух божий живет в вас». Кратко скажу: ныне египетская Исис и именем, и естеством есть то же, что павловский Иисус. «Знаю человека...» Но скажи мне, каковы были афиняне в то время, когда Павел к ним пришел, мудрые ли?

Яков. Если бы ты перезнал все твои телесные члены, минув голову, и от самого рождества твоего, не веруя о пребывании ее, можно ли почесть тебя за знатока или за изрядного анатомика?

Афанасий. Фу!.. В то время был бы я самое изрядненькое чучело.

Яков. Тогда бы ты был родной Павловых времен афинянин. Скажи мне, какая мудрость быть может в непознавших естества божиего? Одно тленное естество в сердцах их царствовало. Зевали они не мирскую машину, но одну только глинку на ней видели: глинку мерили, глинку считали, глинку существом называли, так как неис-

кусный зритель взирает на картину, погрузив свой телесный взор в одну красочную грязь, но не свой ум в невещественный образ носящего краски рисунка или как неграмотный, вперивший тленное око в бумагу и в чернила букв, но не разум в разумение сокровенной под буквами силы. А им и на ум не всходило сие нетленного нашего человека чудное слово: «Плоть — ничто, дух животворит». У них то только одно было истиною, что ощупать можно. Глиняные душки́ — те их защитники. Каждое мненьице — то их божок, а каждый божок — то их утешеньице. Собачьей охотою чествовали Диану, математикою — Юпитера [23], или Дия, мореплаванием — Нептуна [24]. Иного бога чтили оружейным бряцанием, иных великолепными пирами и уборами и прочее.

Одно только осязаемое было у них натурою или физикою, физика — философиею, а все неосязаемое — пустою фантазиею, безместными враками, чепухою, вздором, суеверием и ничтожностью. Кратко сказать, все имели и все разумели.., кроме что, не узнав нефизического, нетленного бога, с ним потеряли *нечто,* разумей: «мир душевный».

А хотя чувствовали, что как-то, что-то, чем-то тайным ее каким-то ядом жжет и мятежит сердце их, но оно как неосязаемое, так и презираемое было дотоль, доколь сия искра выросла в пожар неугасаемый. Бывает же сие в каждом, что хотя весь мир приобрести удастся, однак невысказанными вздыханиями сердце внутри вопиет о том, что еще чего-то недостает нечтось и будто странная и ненатуральная у больного жажда не утоляется.

Так же то сделалось и с афинянами: они чувствовали, что вся Вселенная мудрость их прославляет, которою будто богатыми товарами род человеческий снабжали. Но при всем том принуждены внимать тайному сердечному воплю. Начали догадываться, что доселе не все-на́-все перезнали и что, конечно, нужны еще какие-то колеса для коляски.

Сей недостаток своего хвального и прехвального одной только Иезекиилевских колес вечности непонимающего разума [25] поставленным монументом признали перед целым светом. Кроме любезнейших своих богов, которые всю их мудрость, будто ложные камни столп, по частям составляли, построили храм тому богу, которого сияния, как очи, кровью играющие, солнечного света понять

и снести не могли. Храм тот был с сею надписью: *«Неведомому богу»* [26].

Павел наш, между множеством кумирниц сей храм приметив, ухватился за желанный повод к благовестию. Начал предисловие, что афинского шляхетства мудрость по всему видна, но что еще нечтось к совершенной их мудрости недостает, однак.., как сами в сем благородною оною надписью признаются. Сего ж то вам благовествую. Стал странник сей разгребать физический пепел, находит в нем божественную искру и то господственное естество, которое им, кроме пепельной натуры, понятно не было; показывать, что пепельное или глиняное естество, в котором сердце их обитало, есть идол, разумей: видимость и одно ничто, тьма и тень, свидетельствующая о живой *натуре,* нетленным *словом* своим века сотворившей, и что сие *слово* есть второй человек в земном теле нашем, жизнь и спасение наше... И сие-то есть благовестить нетление воскресения. Но можно ль излечить больного, почитающего себя в здоровых? Нет труднее, как вперить истину в глупое, но гордое сердце. Проповедь воскресения сделала Павла нашего буйством у афинян и игрушкой у их мудрецов. Отсюда-то породились его речи: «Мнящие мудрыми быть, обезумели». «Где премудрый? Где книжник?..» Вот сколь мудрые были афиняне во время Павла!

Григорий. Видно, что они любомудрствовали так, как медведь пляшет, научен в рожке.

Афанасий. Конечно, пляшет по науке своей; и есть пословица: «Медведя да учат».

Григорий. Учат, но вовеки ему не уметь.

Афанасий. Почему?

Григорий. Потому, что сие дело человеческое, не медвежье.

Афанасий. Однако же он пляшет.

Григорий. И волк в баснях играет на флейте козленку.

Афанасий. А для чего не играть, если научился?

Григорий. Какой сей капельмейстер, такой твой танцмейстер.

Афанасий. Иное дело басня, а медведь пляшет действительно.

Григорий. Если ты так действительно куша-

ешь, как он пляшет, чуть ли и сам заохотишься танцевать.

А ф а н а с и й. Как же недействительное то, что дело?

Г р и г о р и й. Без вкуса пища, без очей взор, без кормила корабль, без толку речь, без природы дело, без бога жизнь есть то же, что без размера строить, без закроя шить, без рисунка писать, а без такта плясать... Спроси ж теперь, как недействительное то, что дело?

А ф а н а с и й. Для чего ж забавно, когда он танцует?

Г р и г о р и й. Для того, что смешно, а смешно затем, что не сродно и неприлично. Итак, нет бестолковее и вреднее, как медвежья твоя пословица. Будь волк поваром, медведь мясником, а жеребчик под седоком. Сие дело честное. Если ж волк играет на свирелке, медведь пляшет, а жеребчик носит поноску, нельзя не смеяться. Всякая безвредная неприличность смешит. А когда уже стал волк пастухом, медведь монахом, а жеребчик советником, сие не шутка, но беда. О, когда б мы проникли, сколь сие обществу вредно! Но кто может пектись о других пользе, презрев собственную? И если для себя зол, кому добр будет? Самим себе суть убийцы, борющиеся с природою. Какое мучение трудиться в несродном деле? Само пиршество без охоты тяжелое. Напротив того, в природном не только труд сладок, но и сама смерть приятна.

И сия-то есть вина тому, что во всяком звании находятся счастливые и несчастливые, спокойные и беспокойные, куражные и унылые. Запри несродного в уединение, оно ему смерть, а с природою — рай. «Уединение для меня — рай,— вопиет блаженный Иероним,— а город — темница». «О уединение! — кричит другой, ему подобен, — умерщвление порокам, оживление добродетелям!..» Для таковых сердец самая внутренняя пустыня тем многолюднее, чем уединеннее, а дельнее тем, чем празднее; будто виноградная ягода тем в сладкой своей силе богатеет, чем варит и сокращает ее солнце в полудни.

А ф а н а с и й. Зачем же люди сунутся в звания без природы?

Г р и г о р и й. Самих их спроси.

А ф а н а с и й. Конечно, охота влечет их.

Г р и г о р и й. Конечно, те не виноваты, коих принуждают к сему.

А ф а н а с и й. А если охота, откуда ж им мучиться? С охотою все приятно. А где охота, там и природа. Охота

по твоей же сказке есть родная дочь природы. Как же?..

Григорий. О крючкотворная тварь! Как прехитрый змий, вьешься, развиваешься в разные сверткп.

Афанасий. Пожалуйста, не сердись! «Как льстецы и истпнны».

Григорий. Хорошо: выслушай же прежде басенку.

Басня о котах [27]

Кот из пчельника по давнему знакомству пришел в деревню к своему товарищу и принят великолепно. Удивлялся во время ужина изобилию.

— Бог мне дал должность,— сказал хозяин,— она приносит на дом мой в сутки по двадцать туш самых добрых мышей. Смею сказать, что я в деревне великим Катоном.

— Для того-то я пришел повидаться с вами,— говорил гость,— и осведомиться о счастии вашем, притом и ловлею позабавиться. Слышно, что у вас хорошие появились крысы.

После ужина легли спать. Хозяин во сне стал кричать и разбудил гостя.

— Конечно, вам страшное нечто во сне явилось?

— Ох, братец! Казалось, будто я утоп в самой бездне.

— А я ловлею веселился. Казалось, будто поймал самую чистую сибирскую крысу.

Гость опять уснул, выспался и проснулся. Услышал вздыхающего хозяина.

— Господин Катон! Ужель вы выспались?

— Нет! Я после сонного страшилища не спал.

— Ба! А для чего?

— Такая моя натура, что, раз проснувшись, уснуть больше не могу.

— Что за причина?

— Тут есть тайна... Ах, друг мой! Не знаешь, что я обязался быть рыболовом для всех котов в сем селении. Ужасно меня беспокоит, когда вспомню лодку, сеть, воду...

— Зачем же ты взялся за рыболовство?

— Как же, братец? Без пропитания в свете не проживешь. Сверх того и сам я к рыбе большой охотник.

Гость, пошатав головою, сказал:

— О государь! Не знаю, в каком смысле понимаешь имя сие *бог*. Но если бы ты придержался твоей природы, которую безвинно обвиняешь, был бы гораздо одною в сутки тушею довольнее. Прощай с твоим счастием! Моя нищета лучше.

И возвратился в свой лесок.

Отсюда родилась притча сия: Catus amat pisces, simul odit flumen aquarum — «кот охотник к рыбе, да воды боится». Сие несчастие постигает всех охотников не к званию, но к доходам. Не несчастное ли рассуждение — любить от хозяина платеж, а виноград копать не быть охотником? Конечно, тот не охотник, кто не природный. Природному охотнику больше веселия приносит сама ловля и труд, нежели поставленный на стол жареный заяц. На искусной живописи картину смотреть всякому мило, но в пиктуре один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли свои в мысли ее, примечая пропорцию, рисуя и подражая натуре.

Никто не пожнет твердой славы от какого-либо художества, если около оного трудиться не почтет за сладчайшее, саму славу превосходящее увеселение. А тот уже самый верный друг званию своему, если и сама доходов убыль, нищета, хула, гонение любви его угасить не могут. Но без природы труд сладок быть никак не может.

Многие, презрев природу, избирают для себя ремесло самое модное и прибыльное, но вовсе обманываются. Прибыль не есть увеселение, но исполнение нужности телесной, а если увеселение, то не внутреннее; родное же увеселение сердечное обитает в делании сродном. Тем оно слаще, чем сроднее. Если бы блаженство в изобилии жило, то мало ли изобильных? Но равнодушных и куражных скудно.

Изобилием снабжается одно только тело, а душу веселит сродное делание. Сия-то есть зала сладчайшего ее пиршества. Тут-то она, будто хитрая машина, на полном своем ходу обращаясь, радуется и, находясь при одном ржаном хлебе и воде, царским чертогам не завидует.

Картина изображенного беса, называемого *грусть, тоска, скука*

Если же отнять от нее сродное действие, тогда-то ей смертная мука. Грустит и мечется, будто пчела, закрытая в горшке, а солнечный светлейший луч, окошко пронзаю-

щий, зовет ее на цветоносные луга. Сия мука лишает душу здравия, разумей, мира, отнимает кураж и приводит в расслабление. Тогда она ничем не довольна, мерзит и состоянием, и селением, где находится. Гнусны кажутся соседи, невкусны забавы, постылы разговоры, неприятны горничные стены, немилы все домашние; ночь скучна, а день досадный; летом зиму, а зимою хвалит лето; нравятся прошедшие авраамские века, или сатурновы [28]; хотелось бы возвратиться из старости в молодость, из молодости в отрочество, из отрочества в мужество; хулит народ свой и своей страны обычаи, порочит натуру, ропщет на бога и сама на себя гневается. То одно сладкое, что невозможное; вожделенное — что минувшее; завидное — что отдаленное. Там только хорошо, где ее нет, и тогда, когда ее нет. Больному всякая пища горькая, услуга противна, а постель жестка. Жить не может и умереть не хочет.

Млость у врачей есть предводительница всех телесных болезней и возмущений. А душевное неудовольствие дверь есть всем сердечным страстям и внутренним обуреваниям.

Не виден воздух, пенящий море, не видна и скука, волнующая душу; не видна — и мучит; мучит — и не видна.

Она есть дух мучительный, мысль нечистая, буря лютая.

Ломает все и возмущает, летает и садится на золоченых крышах, проницает сквозь светлые чертоги, сидит у престолов сильных, нападает на воинские станы, достает в кораблях, находит на Канарских островах, внедряется в глубокую пустыню, гнездится в душевной тоске...

Ведь тоска везде летает,
На земле и на воде;
Сей дух молний всех быстрее
Может нас сыскать везде.

Один вышний отец бурю сию в тишину обратить, управить к гавани, а душу сродным деланием, будто бразды и уздою буйную скотину, удержать может.

Афанасий. О брат! Странное влагаешь в уши мои... А народ скуку ни во что ставит и к прогнанию сего неприятеля за чересчур достаточное оружие почитает деньги, вино, сады, музыку, шутки, карты, поездки...

Григорий. О друг мой! Не ничто есть то, что возрастает в великое. Не почитай малым то, что ведет за собою немелкое. Малая в корабле скважина впускает внутрь страшную течь. Не думай, что невидное и бессильное есть то же. А народ, одно то за существо почитая, что в кулак схватить может, там боится, где нет страха, и напротив того.

Вексель не бумагою и чернилами страшен, но утаенным там обязательством. Бомба не чугуном опасна, но порохом или утаенным в порохе огнем.

Все невидное сильнее есть своего видного и от невидного зависит видное.

Скука у древних христианских писателей названа бесом уныния. Чего сия ожившая искра не делает? Все в треск и мятеж обращает, вводит в душу все нечистых духов ехидниное порождение. Грызущая мысль не червь ли неусыпающий и не ехидна ли есть? Палящая печаль или зависть не лютый ли дух есть и не лютая ли мысль? А мысль злая не тайный ли и лютый есть язык, о котором сын Сирахов: «Зубы его — зубы льва, убивающие душу».

Сие столь тяжело, что лучше душа изволит несродное и вредное бредить, нежели быть от природного дела упраздненною.

Отсюда всех безобразных дел страшилища и саморучные себя убийства.

А когда апостол Яков сказывает, что маленькая частица — язык, но будто кормило кораблем, целым владеет телом — так не мысль ли движет и правит телом? Мелкая языка частица есть одна видная тень и будто шумящий воздухом часобойный колокольчик, а сама пружина и существо есть мысль. Мысль есть невидная глава языка, семя делу, корень телу. Мысль есть язык неумолчный, неослабная пружина, движимость непрерывная, движущая и носящая на себе, будто обветшающую ризу, тленную телесную грязь, прильнувшую к своей мысли и исчезающую, как тень при яблоне.

Видишь ли, друг мой Афанасий, что невидное сильнее есть своего видного и от невидного зависит видное.

К сему хору прищелкивается Иеремия, называя человеком не телесный вид, но сердце, как неисчерпаемое сокровище мысленных тайн. «Глубоко сердце человека... и человек есть...» (глава 17).

Если сердечное око — семя злое, тогда все тело злое и всякое дело приносит плоды горести. Горестному источнику грустные поточки.

Афанасий. Ты заврался, дружище... Я слыхал и уверен, что Иеремиино слово касается Библии. В ней тлен образов подобен телу, а сокровенное в образах божие ведение подобное утаенным в теле сердечным мыслям. Яснее пересказать слово его так. Библия есть будто один человек или Адам. Глину и тело его всяк видит, а сердце закрыто, и дух жизни в нем не виден. Сие то же есть, что у Павла: «Кто разумеет ум господен?»

Григорий. Узнай же прежде самого себя, тогда познаешь и Адама с Евою. Разве нельзя мне библейного слова речь приточить к человеку, когда вся Библия уподобляется человеку? Для того-то сиречь сделал пророк человека образом двоестественной Библии, что одно в нем есть видное, второе невидное, так как сердце морское или тончайшая вода в облаке, из моря исходящем.

Афанасий. По крайней мере ты, братец, не туда заехал. «Ехал в Казань, да заехал на Рязань». Теченне нашей речи было о природных упражнениях, о веселии и мире, а теперь дело дошло до сокровищ мысленных, потом докатится до сокровищ снежных, что в Иове...

Григорий. Пожалуйста, не печалься! Не очень в сторону заехали. Веселие и радость недалеко от сердца, а сердце всегда при своих мыслях, как источник при своем течении.

Афанасий. Ну, добро, быть так. Скажи же мне: для чего иной сроднее к низшей должности и к подлейшему ремеслу?

Григорий. А ты мне скажи: для чего иному пища простая здоровее?

Афанасий. Конечно, для того, что сроднее.

Григорий. Так и сроднее иной к подлейшему ремеслу для того, что для него оно полезнее.

Афанасий. Для чего же, скажи мне, и почему полезнее?

Григорий. Потому, что куражнее, забавнее и веселее.

Афанасий. Так ты только мне скажи, почему веселее?

Григорий. Потому, что с богом. Без бога ничто не веселит. О чудной ты вопросник!.. Ведь когда сродно,

тогда и с богом. Чего ж тебя далее спрашивать? Довольно только спросить: сродно ли, спречь хочет ли бог? Воля божия есть то верх и закон законов; не ходи далее. А ты спрашиваешь, почему сродно? Спречь почему так бог хочет? А если должен он тебе дать отчет в делах своих, спроси его и требуй в ответ: почему он землю и воду сделал преклонными долу, а воздух и огонь стремительными вверх? Для чего огонь все съедает, кроме виссона, или каменного льва обратить в пепел не родился? Почему малая рыба, названная у римлян remora[29], имеет сродность удержать стремление корабля, прильнувши к его брюху? Почему природа дельфинов любит горячо человека, но змиина ненавидит, а львиная трепещет из-за поющего петуха?.. Природа и сродность значит врожденное божие благоволение и тайный его закон, всю тварь управляющий; знать то, что есть подобие в душе и в том деле, к которому она стремится, как равенство между другом и другом, а сходство между пищею и желудком. «Подобное течет к подобному». Царствие божие и правда его внутри тварей есть. Никого он не обижает, вливая закон сродностей. Один к одному, другой к другому, сотый к сотому, хотя к подлому званию или ремеслу, но не к бесчестному, а для него забавному и полезному, если устремляется с богом, счастлив.

Что тогда было бы, когда бы бог блаженство наше заключил в одном каком-либо звании? Тогда бы счастие ограничено было теснотою одной стороны и одного только времени. Тогда мог ли бы бог в одной стороне и в одном времени поместить весь род человеческий, когда каждому счастие нужно? Возможно ль, чтоб в одном роде пищи или в двоих заключилось здравие? Всемирная божия экономия бесчисленную тварь и дыхание троих только жребиев пищею пропитать может ли?

Все то одно: не можно и бесполезно. Если бы было полезно, было бы и можно. А не мочь бесполезного сделать — сие есть неизреченная сила его и власть.

Сколь же теперь премудро делается, что одной твари бывает ядом и смертью, то ж для другой едой и здравием. Сколько родов твари, столько родов пищи, и всякое дыхание имеет внутренний позыв к сродной себе. Когда ж отец наш небесный столько заботится о теле, тогда о душе много больше.

Приметы некоторых сродностей

Афанасий. Трудно узнать свою природу, а чужую познать и того труднее. Узнаешь, да поздно. Черепаха ошибку почувствовала, как начала лететь [30].

Григорий. Не упоминай мне трудности в нужном деле. Нельзя никак, чтоб натура нужное сделала трудным. Не нужно, сиречь не полезно, а тем-то и трудно лететь черепахе, но не соколу. Трудно-де узнать... Да где ж тот, кто охотник узнать? Сложившему крылья трудно лететь и самому орлу. Знаешь ли, что землемеры узнают высоту превысокого Фарийского терема [31] из одной его тени?

Всякая тайна имеет свою обличительную тень. Трудно распознать между дружеским и ласкательским сердцем, но наружная тень, будто изъяснительное стекло, и самые сердечные закоулки ставит на виду острым блюстителям.

Смотри, когда мальчик, сделав для игрушки воловье ярмо, налагает его щенкам или котикам,— не сия ли есть тень хлебопашеской в нем души? И не позыв ли к земледеланию?.. Если припоясывает саблю, — не аппетит ли к воинствованию?..

Когда трехлетний отрок самовольною наслышкою перенимает божественные песни, любит заглядывать в священные книги, перекидывать листы, смотреть то на таинственных образов картинки, то на буквы,— не сие ли обличает тайную искру природы, родившей и зовущей его в упражнение богословское? Невидимая его сила в нас и божество, беспритворными сими творениями разумеемая, ясно изображается.

Зачем же блаженство ограничивать в одном жития роде или в двоих?

Бог везде есть, и счастие во всяком состоянии, если с богом в оное входим. Нужно только узнать себя, куда кто рожден. Лучше быть натуральным котом, нежели с ослиною природою львом.

Гоняться в звании за доходами есть неложный знак несродности. Не лишишься доходов, если будет в тебе царствие божие в силе своей.

Не чудо ли, что один в изобилии скуден, а другой в скудости доволен? Видно, что природа больше прилагает хитрости, вылепливая фигуру мурашкину, нежели слона, и дивнейший царствия божия смысл можно видеть в пчелиных роях, нежели в овечьих и воловых стадах.

Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вместимости. Над фонтаном надпись сия: «Неравное всем равенство».

Льются из разных трубок разные струи в разные сосуды, вкруг фонтана стоящие. Меньший сосуд менее имеет, но в том равен есть большему, что равно есть полный. И что глупее, как равное равенство, которое глупцы в мир ввести зря покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной натуре?.. Боимся голода, не помня, что гораздо множайшие умирают от пресыщения. Глупая грусть сама не знает, чего желает. Само пресыщение не от скуки ли? Лучше умереть, нежели всю жизнь тосковать в несродностях. Несродность всякой праздности есть тяжелее. И легче не ползать, нежели летать для черепахи. Не ползая, лишается только сродной забавы, а летая стонет сверх того под несродным бременем.

Яков. Слушай, Афанасий! Слыхал ли ты басню о дворовом псе и осле, что...[32]

Афанасий. Да, довольно мы третьего дня смеялись, как он, завидуя собачьим ласкам, спятился копытами на брюхо хозяину. Как черепахе не бывать орлом, так ослу придворным человеком.

Ермолай. А скажи, которую награду получил осел, встретивший хозяина придворною ласкою?

Афанасий. Ту, что служитель, снявший с королевского платья в присутствии блоху.

Лонгин. Таких всех точный есть герб — обезьяна. Дивно, что они ее не вырежут на своих печатях. На печати Августа кесаря была сила: Festina lente — «поспешай с советом». А на их печать пристало слово: «Дерзай, хоть не кстати». Общий наш друг — вы знаете, кто мне в уме, — написал басню о козленке и играющем на свирели волке, приточив к ней следующее наставление: Tu nihil invita dices faciesve Minerva, сиречь «Не говори и не делай ничего без благоволения Минервы». Довелось у него спросить, что значит древняя пословица: «Без благоволения Минервы»? Ответил: «Не пялься к тому, что не дано от природы». «Без бога, знаешь, нельзя и до порога». «Если не рожден, не суйся в книгочество». Ах, многие через то в вечную пали муку, не многих мать родила к школе.

Хочешь ли блаженным быть? Будь доволен долею твоей природы.

Самая его аффабулация, вот она: Tu nihil invita dices faciesve Minerva. Quae natura negat, scilicet illa fuge. Si non est natus Musis, fuge discere Musas. Heu! Multos perdit fistula docta viros. Paucos justa parens Musis Natura creavit. Esse ne vis felix? Sorte quiesce tua [33].

Изрядно великая Россия говорит: «За богом пойдешь, добрый путь найдешь». Видно, что усердно последовать богу есть сладчайший источник мира, счастия и мудрости. Да знает же всяк свою природу и да искушает, «что есть благоугодно богу». Общество есть то же, что машина. В ней замешательство бывает тогда, когда ее части отступают от того, к чему оные своим хитрецом сделаны.

Сродность к хлебопашеству

Слушай, Афанасий! Скажи ж теперь, какой ты зверек, что за птичка и чем рожден?.. Мне кажется, ты рожден к земледельству.

А ф а н а с и й. Правда, что я сады, поля, леса люблю по природе, но отец мой есть точный земледел.

Л о н г и н. Слава богу! Ты к сему родился затем, что иные к иному; а они рождены к другому потому, что ты к сему. Божие сие царство есть: не спорь же. Прибирайся пахать землю, заготовлять пищу для людей и скотов, водить стада или пчел или что твой в тебе господь повелит. Не бойся: самый в делании твоем труд будет для тебя сладчайший, нежели благовонный воздух, чистые вод потоки, птиц пение, нежели и самые трудов твоих плоды. Сего ожидает от тебя отечество твое.

Если же не повинуешься господу, знай, что грусть загрызет душу твою среди золоченых палат и заплачешь, вспомнив поля зеленые. Рано скажешь: «Когда тот день пройдет?..» А вечером скажешь: «Когда тот рассвет будет?»

Или скажу тебе мойсеевскими словами: «Будет жизнь твоя висеть пред очами твоими, и убоишься днем и ночью и не будешь верить жизни твоей. Утром скажешь: «Когда будет вечер?..» И вечером скажешь: «Когда будет утро?..» От страха сердца твоего им же убоишься, и от видений очей твоих ими же узришь».

Сие-то есть жить в телесном изобилии, а лишиться душевного утешения, иметь господа своего, висящего над очами твоими и не покрывающего, будто гнездо и птенцов

своих, но бьющего по сердечным зеницам, как орел оленя, сидящий на рогах его.

А ф а н а с и й. Уже вы другой раз вспоминаете орла с вашим оленем.

Л о н г и н. Довелось читать, что, орел оленя на пищу убить намереваясь, прежде катается по песку, чтобы засорить крылья, потом взлетает на оленя и, сидя на рогах, бьет крыльями по очам, пока то ударами, то песком ослепит. А слепой олень быстрее стрелы по холмам устремляется и, взбежав на стремнины, падает в бездну и разбивается. «Блаженны слышащие слово божие и хранящие его». Друг мой, Афанасий!..

Сродность к воинству

...Может быть, ты воином родился?

А ф а н а с и й. Не хочу... Я не воин. Я законник. Гражданские законы знать —то мое дело.

Я к о в. Дай бог вам знать законы да и вкус чувствовать. Тать крадет, однако знает закон: «Не укради».

Е р м о л а й. Что до меня надлежит, куда мне мил всяк человек в сродности своей! Не могу довольно насладиться зрелищем, когда он действует, и его действие, как смирна, издает благовоние. И воином кто рожден, дерзай, вооружайся!.. С природою скоро научишься! Защищай земледельство и купечество от внутренних грабителей и внешних неприятелей. Тут твое счастие и увеселение. Береги звание, как око. Что слаще природному воину, как воинское дело? Закалывать обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, заступать общества основание — *правду* — сей есть его пресладкий завтрак, обед и ужин. Не бойся: с богом легко тебе будет нести голод, жажду, холод, жар, бессонницу, кровокаплющие раны и самый страх смертный и гораздо легче, нежели без него, противное сему, да уразумеешь, сколь сильная природа. Сие воинское горе с богом тебе будет во сто раз приятнее рангов и доходов твоих. Ранг носить может всяк, но дело действительное делает один тот, кто природный. Дело и без ранга дело, но ранг без дела ничто, а дело без бога.

Если ж, звание божие презрев, пойдешь вслед своих прихотей и посторонних советников, не забудь проститься навек со всем утешением, хотя бы ты схоронился в роге

изобилия, и, боясь умереть телом, станешь всеминутно терпеть душевную смерть.

Отнять от души сродное деланье — значит ее лишить живности своей. Сия смерть лютая. Знаю, что щадишь тело, но убиваешь душу. Сия замена есть худа.

Не понимаю, к чему иметь меч, если не то сечь, на что он выкован. И не разумею, к чему носить тело, если щадить, на то терять, к чему кто им одет. Поверь, что самая Мафусала жизнь вся пропала и самый есть ад, если не истощена на то, к чему тебе господь твой дал оную. Сколь сладкая здравия и лет трата в главноприродном деле! Тогда-то жизнь наша бывает жертвою благоухания господу. Опера, книга, песня и жизнь не от долготы, но от благолепия и доброты цену свою получают. Цена всему и благолепие — бог. «Красота в деснице твоей...» С богом краткая жизнь исполняет долгие лета, а дело с ним есть само себе верховная награда.

Афанасий. Но что значит то, что говорят студенты: Ars perficit naturam [34].

Григорий. Правда, что наука приводит в совершенство сродность. Но если не дана сродность, тогда наука что может совершить? Наука есть практика и привычка и есть дочь натуры. Птица может научиться летать — не черепаха.

Куда мы хитры находить вылазку, где не надобно! Удивительно, что всякая тварь последует создателя предводительству. Один через непослушание человек глупомудрою делается мартышкою, засмотревшись на слепую моду, не на мановение прозорливой природы. Кто зовет в леса и сады род соловьев и дроздов, на поля жаворонков, а жаб в воды и болота? Кто ведет речные потоки к морю? Кто влечет к магниту сталь? Кто устремляет дрожащий пламень вверх? Сей есть бог наш, всеми царствующий и всем все домостроящий.

Все то сродное, что природное, и симпатия (συμπάθεια) значит природную сродность, касающуюся к дружбе, к пище, а паче всего к избранию звания.

Если кто счастливо живет в изобилии, не потому счастлив, что в изобилии, но что в изобилии с богом. А без сего гораздо его счастливее природный нищий. Не все рождены к изобилию.

Если математик, медик или архитектор счастлив, конечно, счастие то зависит от природы, родившей его к то-

му. А без нее он бедная и смешная тварь. С богом святым низкое возводится, а без него низводится и высокое. Счастие наше внутри нас... пускай никто не ожидает счастия ни от высоких наук, ни от почтенных должностей, ни от изобилия... Нет его нигде. Оно зависит от сердца, сердце от мира, мир от звания, звание от бога. Тут конец, не ходи дальше. Сей есть источник всякой утехи, и царствию его не будет конца.

Сродность к богословию

Да умножит же господь царствия своего благовестников! Да возобновит время, написанное у Исаии: «Они же до конца не премолкнут поминать господа». Да вострубят и возопиют те, о которых сам милостиво изволит спрашивать: «Какие суть, которые как облака летят и как голуби с птенцами, ко мне?» Да восприяет всевожделеннейший день оный! «Светися, светися, Иерусалим!.. Се тьма покроет землю и мрак на язычников. На тебя же явится господь».

Сии проповедники, как из червячков пчелы, рождаются из студентов. Студент ли ты рожден? Смотри ж, так ли оно? Ты, может статься, червячок, но подложный: из сих рождаются трутни. Они вначале с великим шумом ведут свой хор, но, наконец, бывают постыдны и изгнаны из дома божиего.

Несколько ты, может быть, к сему родился, но главное твое рожденне для иного дела. И как быть можешь проповедником, находясь сам царствию божию противником? Внемли ж себе, испытай опасно. Осмотрись исправно.., а если оно точно так и не тщеславие, не прибыль, но сам господь тебя зовет врожденною к самому делу любовью, ступай вслед его и прибирайся к званию. Оставь все дела. Для того ты к сему рожден, что другие к другому.

Избегай молвы, объемли уединение, люби нищету, целуй целомудрие, дружи с терпением, учись священным языкам, научись хоть одному твердо и будь в числе наученных для царствия божия книжников, о коих Христос: «Всяк книжник, научившийся царствию божию...» Вот для чего сии книжники учатся языкам. Не бойся! Голод, холод, ненависть, гонение, клевета, ругань и всякий труд не только сносен, но и сладостен, если ты к сему рожден. Господь твой — сила твоя. Сие все сделает тебя острее

и крылатее. Устремление природы, будто ключевой поток или пламень, быстрее рвется через препятствия. Раскланяйся с древними языческими философами. Побеседуй с отцами вселенскими. Наконец, пойдешь в землю израильскую в самый Вифлеем, в дом хлеба и вина, в священнейший храм Библии, напевая с Давидом: «Возвеселился о сказавших мне...» Сколь опасно входить в сей чертог! Возьми одеяние. Омой руки и ноги. Потом садись за бессмертный стол сей. Но берегись! Не суйся в солонку с господином. Помни, что не твоя плотская, но господняя есть трапеза. Сохрани тебя бог! Умрешь, если будешь есть кровь. Ешь кровь и плоть господню, а не твою. «Да благо тебе будет и угодно будет пред господом богом твоим». Принимай, но от господа; кушай, но для господа; насыщайся, но перед господом.

Сколь многие жрут, но перед собою, не перед господом. Не дай тебе бог вкусить от древа смертн! «Разумей, что говорю...» Премудрость божия, бесспорно, что на наших улицах и среди наших путей, будто лестница утвержденна на земле стоит, но на высоких краях и на острейших остриях и на горних горах почивает. «Исходы ее, исходы суть жизни и кто взойдет? Один господь готовит хотение».

Сколь о многих причастниках можно сказать с Иеремиею: «Близко ты, господи, уст их, далече же от сердец их».

Старайся прежде всего уразуметь, что значит вера. Нет нужнее ее. Но знай, что нигде ее не найдешь, если не выроешь искры ее прежде внутри себя. Узрев ее, знай, что начал ты соединяться с тем: «Господи, очи твои глядят на веру». И если не больше оной в тебе будет, как зерно горчичное, тогда счастливо войдешь в семистолпный дом премудрости божией и насладишься на горнем месте высоким умом божественного слова, плотью твоею облегченного, от него ж самого научаясь.

В тридцать лет утро истины светать начинает. В сих летах крещение Христово отворение небес, снисхождение святого духа. «И тот был как лет тридцать». В сем возрасте у иудеев ставили в священники. Если ж уже ты призапасался хлебом Христовым, и сбылось на тебе: «Износит от сокровища своего новое и ветхое». В то время можешь уделять друзьям, благодетелям, ближним и дальним.

Долго сам учись, если хочешь учить других. Во всех науках и художествах плодом есть правильная практика. А ты, проповедуя слово истины божией, утверждай оное непорочного жития чудесами.

Нельзя построить словом, если то же самое разорять делом. Сие значит давать правила для корабельного строения, а делать телегу. Без святости жития корабельным мастером, может быть, можно сделаться, но проповедником никак нельзя, разве мартышкою его. Начало и конец званию сему, природная сила его и печать есть страх божий, всю нечистоту изгоняющий. Сей есть дар божий и ключ, данный от господа. Он один открывает вход в дом Давидов и в те библейные внутренности: «В сокровищах спасение наше. И откроет — и не будет затворяющего, и затворит — и не будет открывающего».

Всегда бывает скудное число охотников к божией истине. Сие да приводит тебя не в негодование, но в сожаление.

Берегись сребролюбия. Помни, что зря принял ты. Весь твой труд ничто есть в сравнении дара сего. Какой ты мне богослов, если сребролюбец... Не думай, что иных касается слово сие, кроме тебя: «Взгляните на птиц...» Пускай другие собирают, а твоя часть будь господь. Имея пищу и одеяние, тут все твое довольство телесное. Богатей и собирай день от дня богатство славы божией. «Всех отрекся — говори с Павлом — да Христа приобрету».

Авось-либо достигнешь в силу совершенного воскресения мертвых в землю обетованную, в лето господне приятное и в 50 лет жития твоего получишь всеобщее от всех твоих души и тела твоего долгов разрешение и полное просвещение тебе и ближнему твоему.

Афанасий. Приказное дело — подлинно трудное. А и сие не без того...

Яков. А я верю, что самый тесный, жесткий и крутой путь бывает легким, если сам бог указывает дорогу к намерению и, конечно, указывает тому, кого родил к сему.

Хор природных благовестников

Афанасий. Да где ж он таков? Покажи хоть одного.

Яков. На, вот тебе один: «В труде и подвиге, во бдениях многих, в голоде и жажде, в постах многих,

в холоде и наготе...» Пробеги 11-ю главу второго письма его к коринфянам и удивишься природе его, все горести услаждающей.

Чего не терпит воин или купец? Не сыщешь дня без тьмы и света, а года без зимы и теплоты. Не найдешь и состояния, чтоб оное из горести и сладости не было смешанное. Так весь мир стоит. Противное противному способствует. Сладость есть наградою горести, но горесть — мать сладости. Кто хочет пожинать сладость, да любит прежде горесть: и уродится сладость, а любит природный.

Афанасий. Сказывают, в Норвегии день без тьмы и света бывает.

Лонгин. Кто ж был природнее, как сей: «Я на сие родился, да свидетельствую истину»? Утружденный от пути сидит при источнике и голоден, и жажден. 12 часов у них в день считалось. Уже велось около полудня. «Был, как час шестой». Не было с кем завести беседу о царствии божием. Пришла жена за водою. Вот и случай! Просит пить не для утоления жажды, но для заведения беседы. Вода стихийная подала повод говорить с несмысленною женою о воде живой, о воде божией, утоляющей жажду несчастных несытостей, день и ночь душу нашу беспокоящих, о которой Исаия: «Умойтесь, и чисты будете». Не устыдился, не поопасался муж божий со слабым полом богословствовать: авось-либо приведет ее в истинное из суеверия богочтение, ни к полу, ни к статям, ни к сторонам, ни к местам, ни к временам, ни к обрядам, кроме одного сердца, не привязанное, и откроет очи ее к уразумению естества божиего, утаенного в стихиях, наподобие ключевой воды, в земном сердце скрываемой, которой жаждет Давид: «Кто меня напоит водою?» Возвратились друзья с пищею и, зная, что он ничего еще не ел, просят, чтоб покушал: «Равви, ешь».

«Моя пища,— сказал учитель,— есть, да сотворю волю пославшего меня».

И голоден, и жажден, и не весел, если не делать и не говорить о том, к чему отец небесный его родил и послал. Тут его и пища, и питье, и веселие. Учит в сонмищах, учит в домах, учит на улицах, учит в корабле, учит на траве зеленой, на горах, садах и на месте равном, стоя, и сидя, и идя, ночью и днем, в городах и селах, в разных пределах, каждого и народ очень многий.

В несродное себе дело не вмешивается. «Учитель (просил его некто), поговори брату моему, чтоб дал и мне часть наследия, пускай меня не обижает. Он тебя послушает...» «Человек! Кто меня поставил судьей или делителем? Мое дело учить о царствии божием». Каково ж учил? Был ли бог с ним? Я закричу, возвысив голос, с женою, слышавшею его. «Блаженно чрево, носившее тебя...» Удивлялись народы, ибо никогда не был так в Израиле и никогда так не говорил человек: столь великая от уст его исходила приятность.

Яков. Вот вам еще один природный! Говорит бог Мойсею: «Я сущий...» И посылает его в посольство, а он отрекается. «Молюся тебе, господи, не доброречивый я». Диво, сколь неторопясь принимается за должность. Знал он свои дарования, видел в купине сияющую истину, однак сам себе не верит, дабы паче чаяния, принявшись за несродное, не завел в беспутное народ, а себя в погибель. Да и как не опасно подрядиться показать утаеннейшую естества божиего истину, ввести в землю таковой же природы, развязать запутанный в людях путь к точному благополучия центру? Сие значит испытывать себя.

Может статься, что рожден кто быть воином, но пешим, не конным, быть хозяином, но не пахать и не скот водить, быть купцом, но не золотыми торговать товарами, быть ученым, но не Евангелия проповедником, пускай же и сим, но писателем, не оратором. И конечно бы, не отважился без сего голоса: «Ныне же иди и сойди, и возведи людей». И так, чувствуя руку божию, пошел за приветствием Иофора[35], тестя своего: «Иди здоров». Здравие и мир душе нашей есть последовать господу. Каков же был проповедник? Слушай самого бога. «Почему не боялись говорить на раба моего Мойсея? Не восстал к тому пророк в Израиле, как Мойсей. Не отемнели очи его, ни истлели уста его».

Ермолай. Кто дерзнет из числа проповедников исключить светильника слова, через всю жизнь гласившего сие: «Покайтесь...» Не был он свет, но имел и любил в себе свет, свидетельствовал и ходил в свете, окончив в нем и за него теченне жизни своей. Свидетельствовать о свете — значит благовестить истину, правду и царствие божие внутри нас. Проповедует в пустыне,

благовестит, кому может и в селениях, сей до конца целомудрие возлюбивший пустынножитель.

«Был человек послан от бога». Вот свидетельство о сродности его, но он и сам о себе признает: «Да явится (Христос) Израилю, сего ради пришел...»

Каков же проповедник? Сам господь одобряет: «Не встал в рожденных женами болящий. Многие о рождестве его возрадуются».

Я к о в. До сего рода надлежат все пророки. Иной из них вопиет: «Было слово господне ко мне». Иной: «Была на мне рука господня». Иной: «Господь послал меня пророчить». Иной: «Слышал голос слов его». Иной: «Слух слышал от господа». Иной: «Говорит ко мне ангел, говорящий во мне: «Встань и иди, и проповедуй»». «Говори, сын человеческий». Все сии святые божии не были из числа тех: «Не посылал пророков, а они потекли». «Не говорил к ним, и те пророчествовали». «Не слушайте слов пророков». «От сердца своего говорят, а не от уст господних».

Г р и г о р и й. Вот вам еще дюжина рожденных к проповеди! «Призвал, кого хотел сам, и пришли к нему, и сотворил двенадцать, да будут с ним и да посылает их проповедовать и иметь власть целить недуги и изгонять бесов. И назвал Симону имя». Искариотский тут же. Да познаем, что невозможно, дабы между сродными не нашелся несродный, и, напротив того, и да устрашит несчастная сего ученика дерзость всех, по сребролюбию и тщеславию устремляющихся к делу апостольскому. И сие-то значит: «Призвал, их же хотел сам». Видно, что не от смертных сие зависит. Сам призывает, сам посылает и имена дает. «Их же и апостолами назвал». Даются Симону и Савлу новые имена. У смертных часто именем величаются неимущие сущности его. У бога не так. У него имя и сущность есть тождество; как только назвал, так вдруг и естество дал. Как только сказал: «Да назовется свет!», разумей: «Да будет свет!» Когда слышишь: «Апостолов назвал», разумей: «Вы есть свет миру». Быть и называться разделяет наша ложь, а не божия нераздельная истина. Если дана свыше твердость алмазу, прозрачна зелень смарагду, если сапфир родился с голубым, анфракс с блистательным, как огонь, сиянием, назови, как хочешь, но естества его не тронешь. Что ж сильнее — бог ли, или ты, называя сущее несущим и противясь богу,

«животворящему мертвых и нарицающему несущее у тебя, как сущее у себя»? Бог, рождая, вливает существо, силу и естество, а сим самим нарицает.

Пустое имя без сущности подобно виноградному гроздью, на стене живописью хитро изображенному. Он, накрашен, видом сущей грозди обманывает, обещая сокровенный внутри себя зрелый вкус сладкого муста, а безрассудные птички, прилетая, бьются в немую стену.

Если чем-то хочешь славиться, будь по естеству тем. Бытие и слава имени, как доброе зерно с ветвями, как источник с потоками, как солнце с лучами, есть нераздельное, а тщеславие, как трава на кровлях растущая, прежде исторжения сохнущая.

Но от тебя ли зависит взять бытие? Можешь ли быть служителем при боку его? Не можешь ни через себя, ни через другого. Вот кто силен! «И сотворил двенадцать, да будут с ним». Сотворить, призвать, назвать, послать, дать власть зависит от рождения, а сие от царствия божиего. Теперь отгадай, что значит: «Павел зван апостолом»? Да кем? Не из людей, не человеком. Но Иисусом Христом и богом отцом. Нельзя было не позвать на то рожденного: «Бог, избравший меня от чрева матери моей...» Как можешь целить недуги, не имея власти? Откуда ж власть, когда ты не послан от бога? Как послан, если не назван? Как назван, если не зван? Как же зван, если не на то рожден? Успокойся, не твое дело. Чуть ли ты не брат нахалу тому: «Учитель, иду по тебе».

Скажи мне, откуда такой безбожий потоп? Откуда суеверия, лицемерия и ереси? Откуда у христиан ругательство священной Библии? Где раденье сладчайшей дружбы? Где согласие дражайшего мира? Где живость сердечного веселия? Кто безобразит и растлевает всякую должность? Несродность. Кто умерщвляет науки и художества? Несродность. Кто обесчестил чин священничий и монашеский? Несродность. Она каждому званию внутреннейший яд и убийца. «Учитель, иду по тебе». Иди лучше паши землю или носи оружие, отправляй купеческое дело или художество твое. Делай то, к чему рожден, будь справедливый и миролюбивый гражданин — и довлеет. «Учитель, иду по тебе».

Не ходи... Сего не довольно, что ты остр и учен. Должно быть другом званию, не любителем прибыли от него. Сему одному не будет должность орудием лакомства.

Разве не учен Симон — волхв?[36] Волхв — значит мудрец. Разве не был остр? Вся Самария проповедовала: «Сей есть сила божия великая!» Схватила мудреца лихорадка иметь духа святого и подавать людям по-апостольски. Что ж сему востряку отвечает Пётр? «Нет тебе части... Сердце твое не право...» Дать и взять для серебра должность — равная беда. С таковым сердцем, хотя врачуешь страсти и изгонишь бесов, не радуйся. Хотя ангельскими языками проповедуешь, не годишься. Пускай многие народы на золоте напишут: «Сей есть сила божия великая — пустая пустошь».

Если, по пословице, на должность мостишься, как коза на кровлю, для того, чтоб через нее вскочить на кучу изобильного тщеславия, видно, как в зеркале, что ты не к должности усерден, а посему и не рожден, следственно, и не записан на небесах, разве у людей.

Не слыть у людей, но быть благовестником с богом и у бога — сие есть дельно, как написано: «Был бог с ним». «Радуйтесь, ибо имена ваши...» «Учитель, иду по тебе». Вижу в тебе корень желчи и горести. Вижу в сердце твоем семя сребролюбия. Не обновляться духом святым, но чтоб торговать сим сокровищем и повести себя великолепно, сего ради бешено желаешь божественным знанием прославиться. «Покайся о злобе твоей».

Куда нелепый вздор! Лестницу, возводящую от земных подлостей, обращать на снисхождение в бездну. Не сие ли значит данным жизни хлебом удавиться? «Идя удавился». Если любишь прибыль, ищи ее приличным путем. 1000 на то перед тобою благословенных ремесел. «Учитель, иду по тебе». Иди... и будешь естества лишенное чучело, облако бездождное, прелестная денница, сатана, с небесной должности к подлым похотям падший. «Им мрак темный вовеки блюдется».

Л о н г и н. А иной рад бы убежать с Ионою, но влечет бог: «Восстань и иди в Ниневию и проповедуй». К иному сам говорит господь: «Ходи вослед мне». По крайней мере дай погребти отца... «Оставил...»

Не пускает и проститься с домашними. И подлинно. Управляешь ли ралом? Не оглядывайся назад. Родился ли в проповедь? Брось все житейское. А иначе и природный не годишься. Пускай всяк дело свое знает. Ты же возвещай царствие и старайся быть в числе сих: «Блаженны очи видящие, которых видите». А дабы получить

награду сию, нужно прежде поработать в божием винограде. К природным говорится: «Идите в виноград мой».

Сколь скудное число сродных делателей! Отводит их лукавый мир, пленив плотскими науками и книгами, славу и прибыль обещающими, отвлекая от безневестной невесты оной. «Вся слава дочери царевой внутри». Если кто почувствовал обман, да не стоит на пути чужом, да спешит в виноград и да слышит: «Что стоите праздны?»

Виноград господа Саваофа есть Библия. Ум остр во многих, но не обучились рассуждать. Иные имеют обучены чувства долгим учением, но не имеют неутомимой охоты. Сыщешь и охотников, но связаны житейскими печалями. Найдешь и вольное сердце, но без страха божия. Все сии средства без природы мертвы, но и природа без них безоружна. Видите, сколь трудно поднять змия, как обещал господь: «Змия возьмут». Из помянутых четырех средств нужнее страх божий. «Блажен муж, который в премудрости умрет». Но там же сын Сираха говорит: «Боящийся господа сотворит сие и держащийся закона, постигнет его». Однак нужно иметь и вольное сердце, по его ж славу: «Умаляющийся деянием своим упремудрится». Сие он твердит и в другом месте. «Дела правды его кто возвестит?»«Умаляющийся сердцем размышляет сие». Умаляющийся сердцем и деянием значит то же.

А ф а н а с и й. Разве ж сердце и деяние значит то же?

Л о н г и н. А ты доселе не знаешь, что сердце есть мыслей бездна? А мысли — семена и источник действиям? Умаляющееся сердце значит не заросшее тернием житейских печалей и дел, а готовое к списканию правды божией. «Упразднитеся и разумейте».

Посему-то вседушный искатель бывает нищ, воздержан и пустыннолюбный. Для сего добрый книгочий книгочтению учится, а добрый схоластик в делах упражняется. Скажем с сыном Сираховым: «Чем умудрится держащий орало?» Мысли его и разговоры о быках, о нивах, о скотском корме. То же рассуждать о прочих. Правда, что общество без них не населится, но быть они не могут в совете, все в порядке содержащем. «Только отдающий душу свою и размышляющий в законе вышнего премудрости всех древних взыщет и в пророчествиях поучаться будет, повести мужей именитых, соблюдет и в извитие притчей снизойдет, сокровенное притчей изыщет и в гадании притчей пожывет, посреди вельмож послужит...»

Для сего не велит господь Аарону иметь грунт. «Я часть твоя и наследие твое». Да блюдут скинию, да роют священные книги.

А ф а н а с и й. Итак, бедные твои проповедники остаются нищими?

Л о н г и н. Совсем нищими, чтоб были готовы. Но сии нищие благовествуют. Сам господь учит их. «Приступили к нему ученики его и открыли уста свои, уча их». О сих-то умаляющихся сердцем и деянием говорит: «Блаженные нищие духом...» Они-то плачут, алчут и жаждут царствия божиего и правды его, кротки, лишенны, гонимы, поносимы, но имеют же мзду свою с Петром: «Серебра и золота не имею...» — и со Иисусом Сираховым: «Дал господь язык мне мзду мою и тем восхвалю его». Послушай, вот нищий хвалится мздою! «Уготовился мне венец...» Куда охотник к премудрости был сын Сирах! «Еще юн будучи, прежде чем странствовать мне, искал премудрости явь в молитве моей». А сии слова не чудною ли дышат горячностью? «Боролась душа моя за нее». «Возвеселилось сердце мое о ней». «До последних взыщу ее...» «Преуспевание было мне в ней...»

Но живее всего изображает сродность его сие: «Дал господь язык мне, мзду мою, и тем восхвалю его». Видно, что не для кошелька учился, не было ему любезнее, как достать сие с Исаиею: «Господь даст мне язык научения...» И с той: «Мед и молоко под языком твоим». «И начали говорить иными языками...» Сию премудрость, познающую и любящую господа своего, называет Соломон долготою житня, древом жизни, верою, правдою, миром, молитвою, богатством и славою, красотою молодцам, а старикам сединою. «Красота юным — премудрость, слава же старым — седины».

Несколько символов, притч гадательных или таинственных образов, из языческого богословия

Не хочется мне с вами расстаться. Забавно для меня сказал тот, кто дружескую в путешествии беседу назвал возком. Жизнь наша есть путешествие.

Г р и г о р и й. Прошу из сада в мою горницу... Правда, что дружеская беседа есть возок, путника облегчающий. А тем он лучше, когда катится на колесах проро-

ческих. О колеса! О сладчайшая вечность! Счастлив, кто взор свой приучил к светозарному твоему блистанию. Сей почаще взглядывает и вкушает от тебя. Вот точная манна! А зерно ее мелкое, как кореандр, разными любителям своим приятностями вкус услаждает, как дражайший алмаз, мечет в очи молнию разного цвета. Кто хочет облегчить несытость свою без нее, тот хочет горстью песка забросать бездну океана, а каплею прохладить огненное царство, обещая душе своей пространную роскошь, заключив ее, как орла, в тесну пещеру и не разумея, что

Бездна дух есть в человеке,
Вод всех шире и небес.
Не насытишь тем вовеки,
Чем пленяет мир сей весь.

Но чувствуя жало ее, наставляющее нас в выборе пищи, дружбы и звания, помаленьку узнавать ее, будто из букваря, обучаемся.

А ф а н а с и й. Ба! Откуда у тебя столько новых картин?[37] Смотри: вся горница ими одета.

Я к о в. Не удивляйся: разумным людям мудрая картина есть план, представляющий обширность целой книги. Картина есть книга немая, но, как вижу, здесь они не немы, все говорящие.

А ф а н а с и й. Фи! Они все, как вижу, языческая грязь...

Г р и г о р и й. Пересмотрите, для сего я вас позвал. Но не ругайте. Они мне все любезны.

Е р м о л а й. Если бы в твою горницу пришел младоумный христианин, почел бы тебя идолочтецом.

Г р и г о р и й. Чистое небо не боится молнии и грома.

А ф а н а с и й. Что за вздор! Вокруг звери, птицы, леса, горы, скоты, воды, рыбы, гады и проч. и проч., будто рай языческий.

Г р и г о р и й. Я с Петром святым все сие режу и в сладость с богом кушаю; с ним ничто не есть скверно.

А ф а н а с и й. Пожалуйста, не все глотай. Пожалей хоть гор с деревьями. Посмотри на первую, что над дверью. Что за птички сидят на цветущих ветвях?

Г р и г о р и й. Соловей со своими детьми, учит их петь.

Я к о в. А прочитайте, что говорит картинка?

Григорий. «Родители суть наши лучшие учителя». Судите, не прекрасна ли песнь? И не должно ли почитать предков наших законы? Известно, чего учит нас мать наша Библия.

Ермолай. Взгляните сюда. О бедненький олень! [38] С вонзенною в тело стрелою страдает возле холма, полстрелы в язве, пропал он. Кто пособит?

Яков. Не бойся! Разве не видишь, что траву кушает? Она ему выгонит вон стрелу. Сия трава у древних эллинов звалась δίκταμνος [39].

Ермолай. И так стрелец ничего над ним не успел? Хотел бы я знать, кто его учит цельбы сей?

Яков. Разве не видишь, что сей тебе говорит олень? Природа превосходит науку. Вот кто его учит! Самый лучший учитель.

Афанасий. А протолкуйте мне, что се за пирог, что ли?

Лонгин. Где тебе пирог? Конечно, сегодня мало ты ел. Се раковина, или черепашка, или устрица. Откушай ее, она говорит самое премудрейшее: «Ищи себя внутри себя». Все ее добро внутри черепа сохраняется.

Афанасий. О, право, вкусная черепашка... Ба! Да ты, брат, и слона кушаешь?.. Хлеб да соль.

Григорий. Нет его вкуснее и здоровее. И вас милости просим. Он меня укрепляет искать счастия в боге. А дабы я бога искал внутри себя самого, к сему отправляет меня устрица моя.

Афанасий. На что ж он в гору поднимает хобот?

Лонгин. Ожидает поздравить восходящее солнце. Вон, смотри! Лучи из-за гор выникают. Описатели зверей пишут, что слоны каждый день громадою собираются перед восходом солнца и смотрят на восток. Не живой ли сей образ человека благочестивого? А для чего не уподобить его слону, если пророк Малахия уподобляет быку «Восияет вам, боящимся имени моего, солнце правды и исцеление в крыльях его. И взойдет, и взыграете, как тельцы от уз разрешенные».

Григорий. Прочитайте ж слоново поздравление солнцу.

Лонгин. «Утром предстану тебе, и узришь меня». «Не пребудут беззаконные пред глазами твоими».

Афанасий. Я люблю горы, дубравы, источники, сады.

Ермолай. Кто се таков? Какой-то молодчик. Конечно, пить хочет. Наклонился в источник...

Яков. Вот несчастный Нарцисс! О, бедненький! Конечно, он не раскусил сей притчи: «Не красна хата углами, а живопись красками». В чистом источнике засмотрелся на благообразную свою кожу, а не вникает внутрь, в самое сердце свое и в тайное руководство блаженной натуры, могущей его наставить на путь мира; тем губит себя, что любит себя.

Лонгин. Нарцисс, изрядная статуя и живая фигура чтущих Библию, но одну в ней тлень свою видящих, а не проницающих в сокровенное под тленью, не слышащих Мойсея: «Слышь Израиль!» «Внимай себе, внемли себе...» «Господь бог твой посреди тебя».

Григорий. Не узнав себя, как узнаешь Библию? Кто дома слеп, тот и в гостях. О Нарцисс! Премудрая твоя песенка, но не разумеешь ее; я ж твою песню воспою тебе же. «Узнай себя. Загляни внутрь».

Афанасий. Воля ваша, не могу узнать сего хвоста того зверя: бежит и оглядывается, схож на волка.

Яков. Бобер, отгрыз сам себе ядра, бросив, убегает. Вон, смотри! Охотники гонят его.

Афанасий. На что ж он, дурак, портит сам себя?

Яков. Охотникам нужны одни его ядра для аптекарей. Ничего не щадит, только бы успокоить себя. Вот песня его: «Только бы не потерять сердца».

Афанасий. Не очень глупа замена. Весь мир не заплатит спокойствия сердечного. «Веселие сердца — жизнь человеку».

Ермолай. Взгляните на горящую свечу. Что она значит?

Лонгин. А вот видишь: летает около свечи ночная бабочка.

Ермолай. Разве она любит свечу?

Лонгин. Возможно ль, чтоб ночной твари нравился свет?

Ермолай. Какой же бес несет его к несродному? Разве надеется от товарищей награждения, если угасит свет, очи их ослепляющий?

Лонгин. Может быть, и то, но прежде сама обожжется. Вот прочти внизу ей награждение: «Охота моя губит меня».

Афанасий. Смотри! Собаки на горе рвут оленя...[40] Но сей олень в человеческом одеянии, что за вздор?

Яков. Бедный Актеон превращается в оленя. Вот при источнике моется со служанками Диана. Она его переделала в зверя, чтоб охотника свои ж собаки загрызли. Зачем ему идти из селения? Не кстати ему видеть чистую деву. Дал бы бог, чтоб сию басню раскусили монахи! Не всяк рожден к уединению и умозрению. Праздность, грусть, тоска, ах, многих погубила! Олень есть та ж скотина, только что в лесу живет. Библия есть то же, что сфинкс. Она портит и мучит не познавшего самого себя и слепца в собственном доме своем.

Древний дурак Иксион[41] ухватился за пустое облако, осеняющее сестру Диеву, вместо ее. А на Актеона вместо сладчайшей Дианиной любви попала месть и клятва потопного языка. Вот что делают: «Враги человеку домашние его».

Лонгин. Здесь тщеславный Фаетон[42] с шумом и с колесницею с небес низвергается. Достойн! Достойн... Сел не на своем месте, презрев совет отеческий. «Высокомерие мужа смиряет» (Притчи). Высокомерие — значит противиться отцу. Сей подобен Иаковому сыну Симеону, отцовское ложе осквернившему и от отца проклятому. Да внимает сие нахально заседающее в звании; пускай разжуют и те, кто тащится с своею грязью на колесницу божию, рожденную возить одну только вечность кнута господнего.

Ермолай. О, прекрасный холм приосененный. Что за птички сидят на сухих ветвях?

Лонгин. Песня сей птицы дает знать, что пустынолюбная горлица со своими детьми вздыхает о своем супруге. Песнь ее из Исаии: «Воспою возлюбленному песнь». Вот под деревом лежит ее любезный мертв! А от него богатый ключ качает струи вод под гору на луга... Сей есть портрет Библии. Сия колесница одного носит, а сия вдова одного только любит и вздыхает: «Бог любви есть».

Григорий. Скажи мне, Афанасий, чего ты все смеешься? Я давно приметил. Что тебе смешно?

Афанасий. Смеюсь над твоими купидонами[43] Ты их множество собрал, помешав дело с бездельем, а христианство с язычеством.

Григорий. Не опасайся, друг мой. Все чистое чистым. Баснословные древних мудрецов книги есть то

самое предревнее богословие. Они также невещественное естество божие изображали тленными фигурами, дабы невидимое было видимым, представляемое фигурами тварей. Скажи, каким образом изобразишь мне нетленного духа существо, если не младенцем крылатым? Крылья его значат непрерывное, всю Вселенную движущее движение, а младенчество намечает в нем то: «Ты же тот же». Может быть, отсюда родилось и имя сие «бог», что движения Вселенную движущего так, как реки текущей, есть бег непрерывный.

Если сие изображение хулишь, скажи мне, много ли ты разумеешь Лотово с дочерьми пьянство? Иероним называет сие баснею. И конечно, она тайнообразная, если богословская. Всей Библии предметом сам только один бог. Тут ей конец до последней черты. Без него она и лжива, и дурна, и вредна, а с ним вкуснее и прекраснее всех невест. Он свет ее грязи, как честь алмазу блеск. Ты ж слыхал, что и Малахия поминает какие-то божественные крылья. «Исцеление в крылъях его». «Как орел, покрыл гнездо свое». И невеста о братней любви говорит: «Крылья ее — крылья огня». Купидон — значит «желание», по-эллински — ἔρως. Мудрецы их означали сим-то, что самое любезнейшее в мире и благородное. Не знаю, друг мой, что такое разумеешь под сим словом, а мне дай волю разуметь с невестою того: «Гортань его — сладость и весь — желание». «Бог любви есть».

Были и тогда, и ныне, и всегда мудрствующие низко. Если называешь Купидона бесом, не спорю... Дай же мне в сем рыкающем льве сыскать сладость сота, а в исполине корысти. Разве ты никогда не слыхал, что такое к просвещающемуся Иерусалиму вопиет Исаия: «Иссосав молоко язычников». «И поймут их язычники и введут на место их, и наследят, и умножат на земле божией».

Видишь, что Израиля и язычники ведут на место его. Если ж сего не знаешь, то, конечно, слыхал то: «Если и что смертное выпьют, не вредит им». Всякая ж фигура есть смерть и яд языческий, если не исходит из нее дух того: «В благовоние мира твоего течем». «Гортань его — сладость...» Просвещенное духом господним сердце взором маленькой травки и крошечного червячка возводится к чувству вечного, будто уксусное гнездо, все влитое к себе в уксус превращая,— не только языческими баснями, которые тебе читать и не советую. Я не виноват, что

ты беззубый: и за сие тебя не укоряю. Много жрать, а мало жевать — дурно. Но: «Не едящий едящего да не осуждает».

Ермолай. Взгляните, пожалуйста, на великолепную гавань, издали видную. А за нею на высокой горе богатый город, смотрящий на широту морскую. Без сомнения, к той-то гавани плывут три корабля сии с поднятыми флагами, управляемые купидонами.

Лонгин. Смотри же, сколь приличное сия картина говорит: «Господь правые сотворит течения твои» (Притчи).

Ермолай. Вот два прекрасных мальчика! Конечно, они купидоны. Один другого на плечах несет. Должен носимый носящего благодарить.

Лонгин. Но еще больше одолжен носящий носимому другу.

Ермолай. Для чего?

Лонгин. Для того, что носящий слеп, а носимый видящий. Один человек из двоих составлен. Подпись из Павла: «Прилепляющийся к господу единый дух есть с господом».

Ермолай. Помогите сему трудолюбцу: упадет под бременем. Купидон целую на плечах таскает систему мира.

Лонгин. Не бойся.

Яков. Не опасайся! Он в одной руке и все Коперниковы миры в забаву носит лучше Атласа [44]. А кто он? Се тот, что спрашивает Иова: «Где был ты, когда основал землю?» Но кто скажет, что значит круг мира, со всех сторон пронзен стрелами?

Григорий. Что есть стрела, если не стремление? Что ж есть стремление, если не божие побуждение, всю тварь к своему месту и своим путем движущее? Сие-то значит составлять мир и сей машине движение давать. Древнейшее любомудрцов изречение: «Любовь составляет мир». Поминает о сем и Цицерон в книжечке о дружбе [45]. Тот же вкус и в тех речах: «Omnia vincit amor...» — «все побеждает любовь». О сей-то преблаженной и всем владеющей любви и симпатии невеста в «Песне песней»: «Крепка, как смерть, любовь, жестока, как ад, ревность; крылья ее — крылья огня; угли огненные — пламя ее».

Теперь наперсника слово само изъяснилось: «Бог любви есть». Я так же рассуждал об ангелах природы, назы-

ваемых у древних *гениос*, которым они приносили приношения, дабы сии ангелы были вождями в делах жития их.

Ермолай. Сей мальчик без крыльев, увенчан цветовым венцом, держащий рог изобилия,— чуть ли не ангел природы.

Григорий. Так. Но не бешенством ли пахнет приносить хранителю своему ладан, вино, цветы, а не последовать ему туда, куда ведет божий сей наставник? Самая их Минерва, когда то же есть, что натура, тогда видно, для чего поставили ее начальницею всех наук и художеств? Знать то, что все науки и все книги родились от тех, которые за то принимались, самою начальницею руководствуемые. Между тем, разбирая древних любомудрцов, тайно образующие божию премудрость картины, не видите на главнейшем месте, будто всеми ими владеющий образ Христов [46].

Вверху написано: «Образ ипостаси его».

Внизу: «Иисус Христос вчера и днесь...»

В кругу, окружающем главу его, сие:

«Ὁ Ὢ ν», то есть сущий.

На взаимном месте — образ пречистой матери его, венец ее из звезд; под ногами — луна, система мира и змий, держащий в устах яблоко; но в руках ее — цветок лилии, а в сердце — сияние святого духа, задумчив и целомудренный взор.

Вверху надписано: «Сотвори мне величие, сильный». Внизу: «Радуйся, честного таинства дверь! Радуйся, премудрых превосходящая разум! Радуйся, верных озаряющая смысл!»

Fabula de haedo et lupo tibicine

Reformata 1760-mo anno in ludo poëtico Zacharpoli. Occasionem fabulae dederunt quidam discipuli prorsus invita, ut aiunt, Minerva discentes

A grege parvulus Haedus erat cum sorte relictus
Exilit ex sylvis ecce repente Lupus!
Tentavit primo fugam. Mox versus ad hostem
Tergori inhaesurum. Talia fat ei:
«Haud ignoro quidem, tibi jam me in ventre futurum.
Atque necesse mori, sed miserere tamen
Attamen hoc unum moribundo cede roganti;
Nonnihil ut tibilis mi modulere prius.

Dulciter ut vitam concludam. Namque beari
Scis, cum ipse es sapiens, omnia fine bono».
Tum Lupus haec secum: «Nae stultus ego! Hactenus
haud scivi.
Esse mihi dotem hanc». Incipit ergo statim.
Ast Haedus modulante Lupo curvare choreas
Artificem mulcens laude subinde novum.
Turbine cum citior circumstat utrumque molossum
Turba. Lupo calamos excutit atque Lupum
Cincedo omisso, simul stimulare choraulem
Incipiunt. Tandem saltat et ipse Lupus,
prima Melanchates in tergo vulnera ferit
Asbolus et Leucon arripuere simul
Collo. At Theridamas et Poemenis haesit in armo.
Latratu resonat aura serena nimis.
Cetera turba coit confertque in corpore dentes
Vulneribus desunt jam loca. At ille gemit
Ipsum se obiurgans: «Cur, pessime, Cantor haberi
Cum cocus es natus, tam bonus ambieras?
Nonne erat hoc satius condire haedos et oves quam
Tractare illota musica sacra manu?
Dignus es hac mercede». Canes in corpore rostris
Mersi dilacerant. Ecce corona Lupo.

Affabulatio

Tu nihil invita dices facies ve Minerva
Quae natura negat, scilicet illa fuge.
Si non es natus musis, fuge discere musas.
Heu! multos perdit fistula docta viros
paucos justa parens musis natura creavit
Esse — ne vis felix? Sorte quiesce tua.

Басня Эзопова [47]

Преображена на новый вид малороссийскими фарбами для учеников поэтики 1760-го года в Харькове. Причина сей басни та, что многие из учеников, нимало к сему не рождены, обучались

Козля от стада осталось до беса.
Се ж и товарищ бежит — Волк из леса,
Кинулось было с начала в утеки.
Потом став, так сказало Драпеке [48]:

«Я знаю, что мне нельзя минуть смерти
От твоих зубов. Но будь милосердый!
Сделай, молю тебя, ту милость едину:
На флейтузе мне заграй на кончину,
Чтоб моя мне жизнь увенчалась мила,
Сам, мудрый, знаешь, что в конце вся сила...»
«Не знал я сего во мне квалитета» [49], —
Волк себе мыслит... Потом минавета [50]
Начал надувать, а плясать Козлятко,
Волка хвалами подмазывая гладко.
Вдруг юрта [51] собак, как вихрь, вкруг их стала.
Музыканта из рук и флейта упала.
Просто до Волка — сей, тот щипнет, укусит.
И сам капельмейстер плясать уже мусит [52].
Вдруг Черногривка хвать за поясницу,
А Жук с Белком за горлову цевницу,
Кудлай да Гривко упялися в бедра.
Вопль раздается в долинах от ведра.
Еще ж наспел Хвост, сюда ж рыло пхает, —
Не дотолпятся. А он вздыхает:
«На что (сам себе) стал ты капельмейстром,
Проклятый, с роду родившись кохмейстром?
Не лучше ль козы справлять до россолу,
Неж заводить музыкантскую школу?
А!а! достойно!..» А собаки, рыла
Потопивши, рвут... И так смерть постигла.

Присказка

Не ревнуй в том, что не дано от бога.
Без бога (знаешь) ни же до порога.
Если не рожден — не суйся в науку.
Ах! Премного сих вечно пали в муку,
Не многих мать породила к школе.
Хочь ли быть счастлив? — будь сыт в своей доле.

Конец.

Спя о музыканте Волке сказка успела до того, что пастырь добрый Иоасаф Миткевич больше 40 отроков и юношей освободил от училищного ига в путь природы их, ревнуя человеколюбию — не тщеславию. Сему и я ревнуя, написал книжицу «Алфавит Мира».

Г. С.

ПРИМЕЧАНИЯ
УКАЗАТЕЛИ

ПРИМЕЧАНИЯ

Произведения Г. С. Сковороды не издавались при жизни философа и распространялись в рукописных копиях. Впервые, спустя четыре года после смерти Сковороды, был издан его трактат «Наркисс» без указания имени автора. Эту публикацию осуществил М. Антоновский. Отдельные произведения были опубликованы в 30-х годах XIX в. Московским попечительным комитетом «Человеколюбивого общества». Только в 1861 г. в Петербурге И. Лысенков издал избранные сочинения Сковороды (стихи и прозу).

Первое критическое издание произведений к столетию со дня смерти Сковороды осуществил в Харькове профессор Д. И. Багалей[1]. В это издание вошли ряд философских трактатов и диалогов, письма, стихотворения и басни Сковороды. Книга сопровождалась критико-библиографической статьей Д. И. Багалея, а также биографическим очерком Сковороды, принадлежащим М. Ковалинскому. Однако и после выхода в свет этого издания ряд произведений Сковороды оставался недоступным для широкого круга читателей. В частности, не был опубликован диалог «Потоп Змиин», подытоживающий основные философские идеи Сковороды.

Очередное издание в 1912 г. осуществил В. Д. Бонч-Бруевич, отчасти восполнив недостатки прежних публикаций[2]. Однако задуманное как двухтомник издание прекратилось на первом томе.

Прошло около 50 лет, прежде чем в 1961 г. Институтом философии АН УССР под руководством редколлегии в составе академика А. И. Белецкого, члена-корреспондента АН УССР Д. Ф. Остряница (ответственный редактор) и члена-корреспондента АН УССР П. М. Попова было подготовлено Собрание сочинений Г. С. Сковороды в двух томах. Составителем первого тома был И. А. Табачников, собравший по поручению Института философии АН УССР фотокопии автографов и списков произведений Г. С. Сковороды. Составителями второго тома были И. А. Табачников и И. Б. Иваньо. Нынешнее издание произведений Г. С. Сковороды,

[1] Сочинения Григория Саввича Сковороды, собранные и редактированные проф. Д. И. Багалеем. Юбилейное издание (1794—1894). — 7-й том Сборника Харьковского историко-филологического общества. Харьков, 1894.

[2] Собрание сочинений Г. С. Сковороды. Том I. С биографией Г. С. Сковороды М. И. Ковалинского, с заметками и примечаниями В. Бонч-Бруевича. СПб., 1912.

рассчитанное на русского читателя, осуществлено на основе текстов издания 1961 г. В последнее вошли все известные в то время сочинения, как философские, так и литературные, включая и его переводы с Плутарха и Цицерона. Для настоящего издания все тексты заново сверены с автографами Сковороды; изучены многочисленные списки произведений, автографы которых не сохранились; для сверки отобраны те из них, которые наиболее полны и сохраняют черты, свойственные автографам. При этом учтены все разночтения автографов, списков и ошибки предшествующих изданий сочинений Сковороды.

С точки зрения полноты публикации оригинальных философских произведений данное издание является более полным. Уже после издания 1961 г. были обнаружены и опубликованы в журнале «Філософська думка» (1971, № 5, 6) И. А. Табачниковым тексты двух, ранее известных только по названиям, диалогов: «Беседа 1-я, нареченная Observatorium (Сион)» и «Беседа 2-я, нареченная Observatorium specula, по-еврейски Сион». Эти произведения также включены в наше издание. В целом же издание включает в себя все оригинальные философские сочинения Сковороды — трактаты, диалоги, притчи. Однако наряду с этим в него вошли и произведения нефилософских жанров, содержащие определенные философские идеи. Имеются в виду песни цикла «Сад божественных песен», «Басни Харьковские», а также философски содержательные письма Сковороды к разным лицам. Поскольку единственным в своем роде источником сведений о жизни философа и своеобразным памятником философской мысли XVIII в. является биография Г. С. Сковороды, составленная М. И. Ковалинским, она включена в Собрание сочинений в качестве дополнения.

Язык Сковороды представляет собой сложное явление. В нем отразилось взаимовлияние русского, украинского и старославянского языков — отсюда и неустойчивость языковых норм в произведениях Сковороды.

В настоящем издании максимально сохранены особенности языка Сковороды, характеризующие его произведения как памятники письменности XVIII столетия. Однако, чтобы произведения философа были доступны современному русскому читателю, тексты были соответствующим образом подготовлены. В основном украинские слова и выражения переведены на русский язык. Устранено *ять*, неупорядоченное написание *е, и, ы* в начале и середине слов, непоследовательное употребление *ь* в конце слов и после согласных в середине слов и др. В соответствии с современным правописанием снят *ъ* в конце слов, греческие, латинские и церковнославянские буквы (фита, ижица и др.) заменены соответствующими буквами русского алфавита. В соответствии с нормами современной орфографии унифицировано написание слов вместе, раздельно и через дефис.

Составители стремились, делая произведения Сковороды доступными современному читателю, вместе с тем сохранить общий строй речи его произведений. Этим обусловливается наличие некоторых хотя и устаревших, но понятных слов и выражений, характеризующих своеобразие его философского мышления.

Для понимания некоторых старославянских слов, оставленных в текстах, в конце второго тома дается небольшой словарь устаревших слов.

Около восьмидесяти писем Сковороды к М. Ковалинскому и отдельные письма к другим лицам написаны латинским языком с древнегреческими вкраплениями. Эти письма даются в переводе на русский язык. Перевод выполнен М. В. Кашубой.

Следует заметить, что Сковорода весьма свободно пользуется различными высказываниями из Библии. Сверка приводимых им цитат с печатными текстами Библии на русском языке показывает, что первые порой весьма далеки от источника. Это, по-видимому, объясняется отчасти тем, что Сковорода пользовался менее упорядоченными изданиями Библии, но главным образом тем, что он свободно истолковывал Библию. Поэтому многие выражения и цитаты, естественно, не будут вполне соответствовать нынешним текстам Библии. Ссылки на Библию, заключенные в круглые скобки, принадлежат Сковороде.

Тексты своих произведений Сковорода часто сопровождал примечаниями. Значительная часть этих примечаний имеет характер дополнительных языковых, этимологических и прочих комментариев. Эти примечания и даются под текстом. Некоторые же примечания имеют редакторско-текстологический смысл, и эти примечания-поправки внесены в текст и заключены в угловые скобки.

Примечания составлены И. В. Иваньо.

ПЕСНИ. СТИХОТВОРЕНИЯ. БАСНИ

«Сад божественных песен»

Сборник «Сад божественных песен» включает тридцать песен и составлен Сковородой в 70—80-х годах XVIII столетия на основе песен, написанных им по различным поводам, преимущественно в связи с педагогической практикой в 50—60-е годы. Самая ранняя песня относится к 1753 г., а поздняя — к 1785 г. При этом, включая стихи в общий сборник, Сковорода соответственно оформил их при помощи эпиграфов из Священного писания, а также примечаний, объясняющих смысл тех или иных образов.

Автографа сборника не сохранилось. Тексты воспроизводятся по наиболее полному списку отдела рукописей Института литературы имени Т. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 7), который использовался и при издании Сочинений в двух томах (Киев, 1961).

Здесь публикуется одиннадцать песен, представляющих наибольший интерес со стороны отражения в них философских идей Сковороды.

[1] Эта песня представляет собой одно из наиболее популярных произведений Сковороды. Как свидетельствует сохранившийся ее ранний автограф с эпиграфом из Горация, она вовсе не навеяна Священным писанием. В песне отразились характерные черты жизни различных слоев общества, хотя раскрываются они слишком обобщенно. Песня еще при жизни автора вошла в репертуар кобзарей, лирников и массовых песенников конца XVIII — начала XIX в. Имеются многочисленные ее обработки, записанные в XIX—XX вв. — *57*.

[2] Своим лейтмотивом песня связана с библейским образом, содержащимся в Псалтыре Давида (пс. 41, ст. 8), полный текст

которого звучит так: «Бездна бездну призывает голосом водопадов твоих; все воды твои и волны твои прошли надо мною».

Сковорода, истолковывая образ бездны аллегорически, как неисчерпаемую бесконечность человеческих стремлений, ставит в связи с ним вопрос о свободе воли и стремлений человека в пределах, определенных невидимой природой. — *58.*

[3] В пещере. — *58.*

[4] В песне отразились весьма характерные для мироощущения Сковороды антипурбанистические мотивы. — *58.*

[5] *Пхнут* — толкают. — *58.*

[6] Песня, как показали исследователи, написана по мотивам фольклора. Ее образы перекликаются с народно-песенными, и это обстоятельство обеспечило ей популярность у лирников и бандуристов, о чем свидетельствуют записи фольклористов. Ранний автограф ее сохранился с эпиграфом из Вергилия: «О, как счастливы земледельцы, если б они только знали о своих благах» («Георгики», кн. 2, ст. 458). — *59.*

[7] Эту песню Сковорода называет «старинной малорусской», что, по-видимому, означает, что она является изложением какой-то книжной песни XVIII в. — *60.*

[8] *Мозок* — мозг (укр.). — *61.*

[9] Т. е. возносится. — *61.*

[10] Тема счастья — одна из основных тем художественного творчества и философского учения Сковороды. Показательно, что уже в этой песне поэт-философ четко осознает, какие стороны жизни препятствуют достижению счастья. Счастье связывается им с чистой совестью и высокими порывами к истине и правде. — *61.*

[11] *Мы же все не вемы* — мы же все не знаем. — *61.*

[12] *Инде искать требе* — в другом месте искать нужно. — *61.*

[13] *Обрящу* — найду; *срящу* — встречу, найду. — *61.*

[14] *Прескор* — прескорый, очень быстрый. — *61.*

[15] *Крын* — лилия (цветок). — *61.*

[16] *Харрань.* — город в Месопотамии, один из центров вавилонской культуры, прославился богатством и благополучием. — *62.*

[17] *Гергесинские поля* (земля) — так в Евангелии от Матфея (гл. 8, ст. 28) названа область Палестины, где Иисус якобы совершил одно из своих чудес: он изгнал бесов из двух больных и вселил их в стадо свиней, которое бросилось с крутизны в море. Поэтому образы «гергесинская земля», «гергесинские вепри» выступают у Сковороды как символы низменных, плотских, необузданных стремлений. — *62.*

[18] Призывая читателя постигать предел желаний и размышлять над тем, к чему ведут поступки, Сковорода напоминает о необходимости строить свое счастье не на стремлении к славе, а на побуждениях доброй воли. — *62.*

[19] *Сион* — так в Библии именуется крепость вблизи Иерусалима, которую взял царь Давид со своим войском (Вторая книга Царств, гл. 5). С образом Сиона Сковорода связывает представление о нравственно возвышенном образе жизни истинного человека. — *63.*

[20] *Иерихон* — один из городов Палестины, подвергшийся нападению израильтян на их пути в обетованную землю. Его неприступные стены, по преданию, пали от звуков священных труб, и город был разрушен. Согласно Библии, бог повелел не брать ничего из иерихонского добра, но один из израильтян нарушил этот запрет, за что бог и наказал израильтян (Ветхий завет. Книга Иисуса Навина, гл. 6—7). В произведениях Сковороды образ Иерихона символизирует низменные, плотские стремления человека. — *63.*

[21] «Некий философ, которого спросили, что он считает самым ценным, ответил: время» (лат.). — *64.*

[22] Показательным для понимания Сковороды здесь является то, что стихотворение «римского пророка Горация» включается в контекст «священных эпиграфов» других песен Сковороды. Уподобление поэта библейским пророкам, как и языческой мифологии христианским легендам, представляет собой характерную особенность воззрений Сковороды. — *64.*

[23] «Покоя просит у богов в открытом... [море]» (лат.). — *64.*

[24] «Нет ничего счастливого во всех отношениях» (лат.). — *65.*

[25] Как и в других местах, здесь Сковорода призывает видеть во внешней стройности строения солнечной системы мудрость природы. Об этом свидетельствует и следующая строфа. — *65.*

[26] *Эдем* — место, где, согласно Библии, находился рай, где бог поселил первого человека — Адама. Здесь речь идет о Версальском дворце, сооружение которого началось при Людовике XIV. — *65.*

[27] *Августин Аврелий (Блаженный)* (354—430 гг.) — крупнейший представитель патристики. — *66.*

[28] Так Сковорода интерпретирует одно из близких ему положений этики Эпикура: «Все естественное легко добывается, а пустое [излишнее] трудно добывается» («Материалисты Древней Греции». М., 1955, стр. 211). Это положение Эпикура Сковорода творчески развил, связав его с идеей «сродного труда», в котором он видит главный источник человеческого наслаждения и счастья. — *66.*

[29] Эпиграфом к этой песне поставлены слова древнегреческой эпиграммы, которую поэт, как сам он писал об этом М. Ковалинскому, прочитал во время пребывания в Троице-Сергиевой лавре. — *67.*

[30] Параллель *Эпикур — Христос* находится в общем русле стремлений Сковороды к синтезу античных и христианских представлений в едином морально-этическом учении, противостоявшем официальной религиозной идеологии. Не удивительно, что духовная цензура заставила издателей изменить это место в издании 1861 г. таким образом:

Так живал Афинейский,
Проводил день-деньской
В садах Эпикур

(«Сочинения в стихах и прозе Г. С. Сковороды». СПб., 1861, стр. 46). — *68.*

[31] *Харьковское наместничество* было образовано 29 сентября 1780 г. — *68.*

Стихотворения

Начиная с середины 50-х до середины 60-х годов, Сковорода создал ряд стихотворений (эпиграмм, сюжетных фабул, од), сохранившихся либо в автографах, либо в списках-копиях, сделанных В. Томарой и М. Ковалинским. Они были собраны и переплетены М. Ковалинским в отдельную тетрадь, которая хранится в отделе рукописей Института литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР.

[1] О свободе (лат.). Это стихотворение написано в конце 50-х годов. Оно свидетельствует о том, что представление о вольности Сковорода связывал с освободительной борьбой во главе с Богданом Хмельницким — отцом вольности. Кроме того, в нем звучат личные мотивы и переживания Г. Сковороды, связанные с опасениями оказаться в крепостной зависимости от помещика С. Томары, так как, согласно Третьему литовскому уставу (1588 г.), еще сохранявшему тогда силу на Украине, свободный человек, прожив-ший в течение нескольких лет в помещичьем имении, мог попасть в крепостную зависимость от помещика. — *69.*

[2] *Блато* — болото. — *69.*

[3] Т. е. не прослыть дураком. — *69.*

[4] Это стихотворение представляет собой басню на эзоповский сюжет о мудреце астрономе, который связывали с именем Фалеса Милетского. До Сковороды прозаическая обработка сюжета встречается у А. Радивиловского («Байки в українській літературі XVII—XVIII ст.». К., 1963, стр. 126). — *69.*

[5] Миф о Тантале (лат.). Поэтическая обработка мифа о Тантале была весьма популярной в древнеримской литературе. Сковорода, по-видимому, был знаком с обработкой этой темы в «Метаморфозах» Овидия Назона. Тантал — любимец богов — удостоился великой чести для смертного быть приглашенным на пиры богов на Олимпе, но возгордился и оскорбил богов, за это он был сброшен в Ад (подземное царство). Сковорода по-своему объясняет и преступление и наказание Тантала. Он показывает Тантала участником олимпийского пира. Однако как наказание за желание обладать тем, что ему не положено, над головой его висит огромный камень, готовый каждое мгновение обрушиться на него. — *70.*

[6] *Иовиш* (от лат. Jovis) — Юпитер, главное древнеримское божество; у греков — Зевс. — *70.*

[7] *Стравы* — кушанья, блюда. — *70.*

[8] *Нектар* и *амброзия* — пища олимпийских богов, приносившая им бессмертие и вечную молодость. — *70.*

[9] *Ганимед прекрасный* — юноша, любимец Зевса; согласно мифу, бог похитил его и сделал своим слугой. Ганимед преподносил Зевсу на пирах вино и яства. — *70.*

[10] *Бахусов пестун* — очевидно, демон Силен — один из воспитателей Бахуса (Диониса, Вакха), бога — покровителя виноградарства и виноделия. — *70.*

[11] *Доменико Даль Ольйо* — итальянец, музыкант и композитор придворного театра императрицы Елизаветы. Сковорода познакомился с ним во время пребывания в придворной капелле; Даль Ольйо написал музыку к прологу оперы И. А. Гассе «Милосердие Титово», поставленной в придворном театре Елизаветы. По утверждению Л. Е. Махновца, Сковорода как хорист принимал участие в ее представлениях (см. *Л. Махновець.* Григорій Сковорода. К., 1972, стр. 82—89). — *70.*

[12] *Аполло* — Аполлон, одно из главных олимпийских божеств, бог солнца, покровитель муз и искусств. — *70.*

[13] Эта фабула, или сюжетное стихотворение, очевидно, связана с педагогической практикой Сковороды как преподавателя поэтики. — *71.*

[14] *Уликс,* или Улисс, — латинская транскрипция имени Одиссея — героя Троянской войны, одного из персонажей гомеровского эпоса. — *72.*

[15] Т. е. скрутила. — *72.*

[16] Это перевод стихотворения из второй книги «Фасты» Овидия. Латинское слово fasti означает календарь. Фасты Овидия — это элегии, описывающие римские праздники, обычаи, представления. «Похвала астрономии» отличается глубиной философских представлений. — *72.*

[17] «Что такое добродетель?» (лат.). — *73.*

[18] Здесь Сковорода олицетворяет мудрость в имени Софии, между тем как богиней мудрости считалась Афина, которую римляне отождествляли с Минервой. Отождествление же мудрости с Христом находится в русле уже отмеченного выше стремления Сковороды к синтезу языческих и христианских представлений. — *73.*

[19] *В Хинских сторонах* — т. е. в Китае. Появление такой темы в творчестве Сковороды, по мнению Л. Е. Махновца, связано с тем, что в период написания этого стихотворения Сковорода общался с новым переяславским епископом Гервасием Линцевским, который до этого в течение 11 лет возглавлял русскую духовную миссию в Китае (см. *Л. Махновець.* Григорій Сковорода, стр. 150—152). — *73.*

[20] Сохранилась рукопись стихотворения, написанная рукой В. Томары, в Институте литературы АН УССР имени Т. Г. Шевченко (ф. 86, № 24, л. 115—117). Стихотворение представляет собой попытку изложения концепции двух натур — видимой и невидимой. По-видимому, поэт столкнулся здесь со значительными

терминологическими трудностями, ибо он не сделал попытки изложить его на родном языке. Стихотворение написано латынью. — *74.*

[21] Сохранилась рукопись стихотворения, сделанная рукой В. Томары, хранится в отделе рукописей Института литературы АН УССР имени Т. Г. Шевченко (ф. 86, № 24, л. 118). Стихотворение написано латынью. — *76.*

Басни Харьковские

Сборник состоит из 30 басен, написанных Сковородой в два приема. Первые 15 басен написаны во второй половине 60-х годов, а остальные 15 — весной 1774 г. Автограф басен не сохранился. Известны три списка XVIII в., хранящиеся в Центральной научной библиотеке АН УССР в Киеве (шифр 326 Л/Муз. 605/2), Институте литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 86, № 23) и в Архиве АН СССР в Ленинграде (ф. 216, оп. 3, № 1063). «Басни Харьковские» впервые опубликованы в 1837 г. в Москве попечительным комитетом «Человеколюбивого общества».

«Басни Харьковские» явились одним из первых на Украине оригинальных сборников басенного творчества. Они представляют собой важный шаг на пути развития украинской художественной литературы, а вместе с тем и важный этап в философском развитии Сковороды. Он заключается в том, что в период между написанием первой и второй половины басен Сковорода переходит от художественного к философскому творчеству. Последствия этого перехода сказались на характере второй половины басен, в которых отражена философская ориентация автора. Это видно и на способах построения фабул, и на приемах высказывания морали, не говоря уже о самом содержании моральных выводов. Здесь обсуждаются вопросы о сродном труде, о науке и привычке, о символическом и аллегорическом значении Библии, критикуются люди, стремящиеся к славе и богатству, и т. п. Мораль многих басен, в особенности второй половины цикла, напоминает небольшие философские эссе с примерами, доказательствами и философскими выводами.

[1] Письмо адресовано А. Ф. Панкову — коллежскому регистратору г. Острогожска Воронежского наместничества, который был в дружеских отношениях со Сковородой. Имя и фамилию адресата подтверждает сам Сковорода в диалоге «Пря беса со Варсавою» (см. т. 2 наст. изд., стр. 93); личность Панкова установила А. М. Ниженец (см. *А. М. Ніженець.* На зламі двох світів. Харків, 1970). — *78.*

[2] В селе Бабаях прожпвал Я. Правицкий, с которым Сковороду связывали узы взаимной дружбы. — *78.*

[3] В данном случае баснописец использует мотивы народной сказки, известной в русском и украинском вариантах под названием «Кобылья голова», причем сказочный сюжет у него редуцируется в пословицу. — *78.*

[4] Речь идет о так называемых силенах — полых скульптурных фигурах, обычно безобразных, внутри которых древние греки хранили драгоценные изваяния. — *78.*

[5] Новый завет. Первое послание к Тимофею св. ап. Павла. — *79.*

[6] Новый завет. Послание к Титу св. ап. Павла, гл. 1, ст. 14. — *79.*

[7] Сковорода проявляет большой интерес к таинственным образам и знакам — иероглифам, эмблемам, символам, таинствам, видя в них один из путей проникновения в невидимую сущность явлений. — *79.*

[8] В диалоге Платона «Федон» содержится место, где миф противопоставляется логическому познанию. Платон утверждает, что Сократ ради занятия поэзией пересказывал басни Эзопа (см. *А. Лосев.* История античной эстетики. М., 1969, т. 2, стр. 563). Очевидно, эти сведения имеет в виду и Сковорода. — *79.*

[9] Сюжет этой басни, по-видимому, принадлежит самому Сковороде. — *80.*

[10] *Сила* — мораль. — *80.*

[11] Возносишься. — *80.*

[12] Имеется в виду сюжет Эзопа «Черепаха и Орел» (см. «Басни Эзопа». М., 1968, стр. 129); басня Сковороды представляет собой своеобразный к ней комментарий. — *81.*

[13] Сюжет этой басни восходит к популярному в средние века сборнику «Римские деяния», где она приписана Менению Агриппе, который с ее помощью убеждал римлян в необходимости подчиняться власти. — *83.*

[14] Эта басня весьма характерна для выяснения того, как Сковорода понимает предмет истинной философии. Исходя из идеалистической позиции, он осуждает философов-физиков, опирающихся на изучение одной материальной стороны явлений. — *85.*

[15] *Оселка* — оселок. — *86.*

[16] Сюжет этой басни представляет собой своеобразный комментарий к одноименной басне Эзопа. При ее помощи баснописец обосновывает мысль о необходимости избирать должность, соответствующую природным наклонностям. — *86.*

[17] Сова у древних греков считалась птицей богини мудрости Афины, и поэтому к ней относились с почтением. — *87.*

[18] Мораль этой басни со временем Сковорода признал ошибочной. В диалоге «Пря беса со Варсавою» он признает свою ошибку, касающуюся одного из важнейших положений его этического учения. — *87.*

[19] «Искусство усовершенствует природу» (лат.). — *90.*

[20] Сюжет данной басни основывается на фантастических сведениях о том, будто бы олени питаются змеями, почерпнутых из средневековых сборников о животных, например таких, как «Бестиарий», «Физиолог» и др. Оттуда же взято и представление о том, что верблюд, перед тем как напиться, мутит воду, чтобы не видеть в ней своего уродства. — *91.*

[21] Мораль данной басни, как и других, например «Навоз и алмаз», имеет параболический характер. Параболой в древней

письменности считали такой способ истолкования повествовательного сюжета, при котором сближались и уподоблялись чрезвычайно отдаленные, не сходные между собой явления. Именно этим руководствуется Сковорода. — *92.*

[22] Ветхий завет. Книга притчей Соломоновых, гл. 18, ст. 4. Указание Сковороды и его цитата не точны. В Библии эти слова звучат так: «Слова уст человеческих — глубокие воды; источник мудрости — струящийся поток». — *92.*

[23] Эта басня по существу является типическим риторическим примером в трактате на тему слов Сократа: «Иные на то живут, чтоб есть и пить, а я пью и ем, чтоб жить». Опираясь на это положение, Сковорода подвергал критике стремление господствующих классов к обогащению, наживе. — *93.*

[24] Сюжет этой басни строится на комментировании одноименной басни Эзопа с точки зрения целей, которые ставит перед собой Сковорода, стремящийся при ее помощи обосновать аллегорическое содержание Библии. — *93.*

[25] «Год производит, не поле» (лат.). — *94.*

[26] «В ритме мы наслаждаемся ясностью и порядком» (греч.). См. об этом: *Аристотель.* Политика, кн. V, гл. 5. — *94.*

[27] Сюжет этой басни определенным образом связан с «Буколиками» Вергилия. *Титир* — имя одного из пастухов в первой эклоге. Оттуда же взяты имена собак. — *95.*

[28] «Подобное к подобному ведет господь» (лат.). — *95.*

[29] Новый завет. Деяния святых апостолов. — *95.*

[30] Новый завет. Послание к галатам. — *95.*

[31] Представления о Линксе (Линкее) — фантастическом животном, обладающем острым зрением, проникающем сквозь землю, по-видимому, идет из греческой мифологии. В мифах об аргонавтах рассказывается о Линкее — обладателе острого зрения. В средние века этот миф трансформировался и был перетолкован аллегорически. Сковорода при помощи этого сюжета развивает телеологическую идею о всеобщей разумной целесообразности явлений в природе и обществе. — *96.*

[32] *Василий Великий* (329—379 гг.) — византийский писатель, один из отцов христианской церкви, автор многочисленных книг по богословию и философии. — *98.*

[33] Басня, по-видимому, представляет собой развертывание известной украинской поговорки «Плыла щука с Кременчука» в сюжетный образный пример, мораль которого в том, чтобы доказать, что счастье зависит не от места и времени, а от духовного спокойствия и сродного труда. — *98.*

[34] Эта и другие ссылки на Сираха относятся к неканонической части Библии «Книге Иисуса, сына Сирахова». Ссылки на высказывания Сираха весьма часты у Сковороды. — *100.*

[35] *Катон Старший* (234—149 гг. до н. э.) — древнеримский государственный деятель. Цицерон (106—43 гг. до н. э., оратор, писа-

тель, политический деятель Древнего Рима) описал его последние годы жизни в своем произведении *«О старости»*, которое Сковорода перевел на украинский литературный язык XVIII в. (см. *Григорій Сковорода.* Твори в двох томах, т. 2. К., 1961, стор. 159—189). — *100.*

[36] Приведенные здесь слова Эпикура взяты из известного послания его Менекею, где они находятся в контексте, посвященном вопросу об удовольствии и умеренности. См. прим. 28 к «Саду божественных песен». — *100.*

[37] Т. е. в Карпатских горах. — *101.*

[38] Имеется в виду басня Эзопа «Галка и Птицы» («Басни Эзопа». М., 1968, стр. 93). — *101.*

[39] Имеется в виду приписываемые апостолу Павлу части Нового завета Библии — «Второе послание к Тимофею» и «Послание к римлянам». — *102.*

[40] По-видимому, Сковорода говорит о популярной в его время эмблематической картине, репродуцированной на основе сборника «Emblemata et symbola» (Эмблемы и символы), изданного в Амстердаме в 1705 г. по указанию Петра I. Сборник пользовался большой популярностью и переиздавался несколько раз в России при жизни Сковороды. — *103.*

[41] Эта басня, замыкающая сборник «Басен Харьковских», свидетельствует о возросших противоречиях между формой басни, как таковой, и стремлением к содержанию, требующему опоры в рационально-логическом рефлектировании. Сюжет басни здесь истолковывается параболически, т. е. выполняет функцию повода к разговору на темы, непосредственно из него не вытекающие. — *103.*

[42] Слова взяты из диалога Цицерона «О старости» (см. *Григорій Сковорода.* Твори в двох томах, т. 2, стр. 189). — *105.*

[43] *Траян Марк Ульпий* (53—117 гг.) — римский император. Вел захватнические войны, расширившие границы Римской империи. При нем характерно усиление централизованной власти. — *105.*

[44] *Тит Флавий Веспасиан* (41—81 гг.) — римский император. Славился своей щедростью и добротой. А когда однажды за обедом он вспомнил, что за целый день никому не сделал хорошего, то произнес свои знаменитые слова, памятные и достохвальные: «Друзья мои, я потерял день!» (*Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1966, стр. 207). — *105.*

[45] Новый завет. Первое послание Иоанна. Приведенные слова взяты не из седьмого, а из шестого стиха. — *105.*

[46] Новый завет. Евангелие от Марка, гл. 3. Сковорода весьма приблизительно передает слова из Евангелия. — *106.*

[47] Новый завет. Евангелие от Иоанна, гл. 17, ст. 17, 18. — *106.*

[48] Ветхий завет. Песнь песней Соломона, гл. 8, ст. 6. — *107.*

[49] Ветхий завет. Книга притчей Соломона. Здесь и далее Сковорода цитирует библейские тексты весьма свободно, в соответствии с собственным учением. — *107.*

ТРАКТАТЫ. ДИАЛОГИ

Начальная дверь к христианскому добронравию

Произведение представляет собой конспективное изложение лекций, подготовленных Сковородой для Дополнительных классов при Харьковском коллегиуме. Сам Сковорода позднее датировал трактат 1766 г., хотя на должность преподавателя «добронравия» был зачислен только 8 июля 1768 г. По-видимому, к этому произведению Сковорода возвращался позднее, когда была дописана вступительная часть «Преддверие», целью которого было согласовать между собой разногласия во взглядах 60-х и 80-х годов. К сожалению, автографа произведения не сохранилось, и это мешает уточнению даты написания основного текста и предисловия. Из семи известных на сегодня списков отобран для публикации наиболее полный, который хранится в отделе рукописей Института литературы АН УССР (ф. 86, № 7). Впервые произведение было опубликовано в журнале «Санктпетербургский вестник» (1806, ч. III, август, стр. 156—179).

[1] Приглашенный прочитать курс лекций по этике, Сковорода по-своему подошел к задаче. Он ставит вопрос о «христианском добронравии» и пытается раскрыть, в чем оно состоит. Сковорода критикует церемонии. Он дает отличное от ортодоксального толкование десяти заповедей в соответствии с собственными морально-этическими и педагогическими принципами. По существу Сковорода излагает здесь свои собственные идеи. Лекции Сковороды были признаны не отвечающими ортодоксальной идеологии и запрещены, а их автор отстранен от дальнейшего преподавания. — *111.*

[2] Взгляды, отраженные в этом перефразированном из Эпикура высказывании, Сковорода в 60-е годы еще не разделял. «Преддверие» же написано в 80-х годах. — *111.*

[3] Учение о боге как о невидимой натуре, т. е. сущности, отождествляемой с истиной, противоречило ортодоксальному представлению о боге как сверхъестественной личности, создавшей мир и располагающей абсолютной свободой действия. — *113.*

[4] На основании звучания венгерского слова isten (иштен) Сковорода отождествляет бога с истиной; между тем истина по-венгерски звучит иначе. — *113.*

[5] Это высказывание свидетельствует о признании Сковородой в 60-е годы трудностей познания и достижения истины, с отрицания которых начинается «Преддверие». — *115.*

[6] Имеются в виду библейские сказания о борьбе носителей двух противоположных морально-этических идеалов. В Ветхом завете рассказывается о сыновьях Исаака — Исаве и Иакове (Бытие, гл. 27) и о Сауле и Давиде (Первая книга Царств, гл. 18—28). — *116.*

[7] Одной из существенных идей Сковороды является идея познания человеком своей истинной сущности. Осуществление этого

самопознания трактуется философом как «второе рождение» или «воскресение». В связи со всем этим его и волновала тайна «богочеловека» Иисуса Христа. Говоря о Христе как олицетворении премудрости, здесь Сковорода, как и в стихотворном «Разговоре о премудрости», связывает представление о нем с рядом понятий, определяющих счастливую судьбу и справедливость. — *117.*

[8] Аллегорическое изображение надежды в образе женщины, держащей якорь спасения, пользовалось большой популярностью в средние века и в эпоху Ренессанса и много раз воспроизводилось в различных изданиях эмблем и символов. — *120.*

[9] Сковорода считает главным любовь к истине. Он признает правомерность обрядов (церемоний) только при наличии внутренней добродетели, справедливости, между тем как современное ему духовенство выше всего ставило именно церемониально-обрядовую сторону. Этим и вызвано его отрицательное отношение к лицемерию и обману церковников. — *120.*

Нарцисс

Этот диалог представляет собой одно из первых крупных философских произведений Сковороды. В нем обосновывается идея самопознания человеком своей духовной сущности как необходимого условия достижения внутреннего мира.

Установить точную дату написания произведения трудно. Сковорода называет диалог своим «первородным сыном», сообщая при этом, что он написан «в седьмом десятке века сего». Однако мы можем только сказать, что произведение написано в конце 60-х годов, когда Сковорода мучительно искал способ применения своих сил для пользы общества. Сохранился этот ранний автограф с многочисленными исправлениями, преимущественно языкового характера. В последние годы жизни Сковорода еще раз обратился к этому произведению, отредактировал и переписал его заново, а впоследствии снабдил его «Прологом», в котором и появляется образ Нарцисса. Эта вторая редакция осуществлена, как это установлено на основе изучения особенностей правописания, в середине 80-х годов. «Пролог» же написан, очевидно, в начале 90-х годов.

Сохранилось шесть списков произведения, относящихся к XVIII столетию. Этот диалог был первым из опубликованных произведений Сковороды. Он был издан в 1798 г. в Петербурге М. Антоновским брошюрой под названием «Библиотека духовная, содержащая в себе дружеские беседы о познании самого себя» без указания имени автора.

[1] Миф о Нарциссе (Нарциссе) заимствован из античной мифологии. Сын речного бога и нимфы влюбился в собственное изображение, увиденное в водах ручья, и умер от тоски по самому себе. Его именем и назван цветок, выросший на могиле. У Сковороды этот образ символизирует идею самопознания. В соответствии с признанием первичности невидимой натуры философ осуждает влюбленность во внешнюю плоть и призывает к познанию истинной сущности человека. — *122.*

[2] Сковорода, восхищаясь мудростью египетской мифологии, не раз отмечает, что египетские мифы легли в основу иудейской мифологии, на почве которой возникла Библия. — *122.*

[3] Т. е. дочь мудрости. — *122.*

[4] *Исав* — сын Исаака. В Библии (Ветхий завет. Бытие, гл. 25) рассказывается, что он был искусным в звероловстве, человеком полей. Однажды придя с поля усталым и голодным и увидя, что брат его Иаков сварил кушанье, Исав продал ему за чечевичное кушанье свое первородство. — *122.*

[5] *Дочь Саулова Мелхола* (библ.) — первая жена царя Давида. Осудила его за то, что он плясал перед ковчегом божьим, т. е. поклонялся единому богу (Ветхий завет. Вторая книга Царств, гл. 6). — *122.*

[6] Сковорода связывает с Фивами расцвет мудрости древних египтян. Фивы были в XIII столетии до н. э. столицей Египта. — *123.*

[7] *Идол поля Деирского* — золотой истукан, которого поставил на поле Деире, близ Вавилона, Навуходоносор, заставив всех поклоняться ему (Ветхий завет. Книга пророка Даниила, гл. 3). — *124.*

[8] Согласно библейской легенде (Четвертая книга Царств, гл. 6), по молитве пророка Елисея топор, оброненный в воду лесорубом, всплыл на поверхность воды. Сковорода не раз издевается над теми, кто готов принять этот рассказ за достоверность, однако признает, что его аллегорическое истолкование имеет поучительное значение. — *125.*

[9] Уподобление библейского Давида мифическому Нарциссу находится в русле общего стремления Сковороды к сближению мифологической мудрости с христианской. — *125.*

[10] *Навал* и *Сомнас* — образы псевдоученых, не способных понять сущность вещей. *Навал* — имя одного из библейских персонажей (Ветхий завет. Первая книга Царств, гл. 25). — *126.*

[11] Ветхий завет. Книга пророка Иеремии. В современном тексте Библии указанный стих звучит иначе: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено; кто узнает его?» — *129.*

[12] О карающем *мече Иеремии* говорится в Библии (Ветхий завет. Книга пророка Иеремии) как о наказании за поклонение другим богам. — *130.*

[13] *Вапно* — известь, растворенная с водой и песком. — *133.*

[14] Одна из главных идей Сковороды заключается в том, что человек может познать и измерить окружающий мир, только измерив самого себя собственной внутренней природной мерой. — *135.*

[15] Ветхий завет. Книга пророка Осии, гл. 7, ст. 11. — *137.*

[16] Призыв Аввакума, которому приписывают одну из книг Библии, стать на стражу свою Сковорода истолковывает как призыв к самопознанию и самосовершенствованию. — *140.*

[17] См. прим. 12 к «Наркиссу». — *146.*

[18] Согласно Библии, из 600 тысяч, направившихся в обетованную землю, ее достигли только Иисус Навин и Халев с дочерью (Ветхий завет. Числа, гл. 14). — *147.*

[19] Речь идет об эпизодах из жизни библейского апостола Павла (Новый завет. Деяния святых апостолов, гл. 9). — *157.*

[20] Т. е. утешения духа утешителя (от греч. слова παρακλητος). — *160.*

[21] В письме Сковороды М. И. Ковалинскому, в авторском списке произведений эта симфония фигурирует как самостоятельное произведение. Однако в обоих известных автографах «Наркисса» она дается как заключительная часть. — *163.*

Симфония, нареченная книга Асхань, о познании самого себя

В этом диалоге Сковорода разрабатывает проблему самопознания человеком своей духовной сущности, основываясь главным образом на материале аллегорического истолкования библейских легенд. Автор датирует этот диалог 1767 г. Однако эта дата проставлена им спустя много лет после написания и не согласовывается с фактами биографии Сковороды, в частности с его собственным утверждением, что «Наркисс» является его первым произведением. По-видимому, «Асхань» создана в 1769—1771 гг. Автографа произведения не сохранилось, ибо автор, по его признанию в письме М. Ковалинскому, «ожелчившись, сжег в Острогожске». Сохранился вычитанный и исправленный автором список Я. Правицкого, дополненный сопроводительным дарственным письмом М. Ковалинскому, написанным, очевидно, в 1790 г. По всей вероятности, тогда же автор датировал произведение, дав ему название «Асхань». Помимо этого сохранилось несколько списков диалога, относящихся к XVIII в.

[1] *Асхань* (Асха) — имя дочери Халева, который достиг обетованной земли (Книга Иисуса Навина, гл. 14—15). — *172.*

[2] Моисея обычно изображали рогатым и с ореолом вокруг чела. — *172.*

[3] *Царь Содомский* — Лот, после всемирного потопа, согласно Библии, стал царем в городах Содом и Гоморра, которые затем были уничтожены богом. — *173.*

[4] Здесь и далее собеседники, очевидно, комментируют аллегорические картины на темы Библии. — *174.*

[5] Ветхий завет. Третья книга Царств, гл. 10. — *175.*

[6] *Фавор* — священная гора, о которой рассказывает Библия (Ветхий завет. Книга Судей, гл. 4 и др.). — *176.*

[7] Четвертая из пяти книг Моисея, часть Ветхого завета. — *177.*

[8] *Земля Гесемская* — часть Египта, в которой Иосиф поселил своего отца Иакова и братьев. Отсюда израильтяне и начали свой путь в обетованную землю (Ветхий завет. Бытие, гл. 45—47).

Очевидно, что для Сковороды земля Гесемская — это образ, олицетворяющий состояние незнания, начало большого пути познания. Устами одного из собеседников Сковорода говорит: «...исходить из Египта — значит выходить от смерти в жизнь, от познания в познание...» (стр. 224 наст. изд.). — *180.*

[9] Приведенные слова и последующие ссылки на Михея взяты из Книги пророка Михея — части Ветхого завета (гл. 3, ст. 8—10). — *180.*

[10] Данная и последующие ссылки на Иоиля взяты из Книги пророка Иоиля — части Ветхого завета. — *181.*

[11] *Валак* — моавитский царь, согласно Библии, велел проклясть израильтян, пришедших на его землю. Волшебник Валаам вопреки его воле по велению духа благословил их. В обиход вошло выражение «Валаамова ослица», в основе которого лежит легенда, рассказывающая об ослице Валаама: она якобы трижды спасла своего хозяина, несмотря на побои, которым он подвергал ее (Ветхий завет. Числа, гл. 22, ст. 22—41). — *181.*

[12] Здесь и далее ссылки на Захарию относятся к «Книге пророка Захарии» — части Ветхого завета Библии. — *181.*

[13] Имеется в виду библейская легенда о так называемой неопалимой купине, т. е. о кусте, который горит, не сгорая. В этом образе якобы бог являлся Моисею. — *182.*

[14] Здесь и далее ссылки на Осию относятся к «Книге пророка Осии» — части Ветхого завета Библии. — *182.*

[15] Наука, умение (лат. scientia). — *182.*

[16] Здесь и далее ссылки на Иезекииля относятся к «Книге пророка Иезекииля» — части Ветхого завета Библии. — *182.*

[17] Адонай — одно из имен иудейского бога, употребляемое при чтении Библии вслух. — *183.*

[18] Здесь и далее ссылки на Авдия относятся к «Книге пророка Авдия» — части Ветхого завета Библии. — *185.*

[19] Здесь и далее ссылки на Книгу пророка Амоса — часть Ветхого завета. — *185.*

[20] Пятая книга Моисея — «Второзаконие». — *186.*

[21] Левитами называли низших служителей религиозного культа у древних евреев. — *187.*

[21а] *Асмодей* — злой дух, который умертвлял женихов Сарры прежде, чем они становились ее мужьями (Ветхий завет. Книга Товита, гл. 3). — *189.*

[22] Приточником называют Соломона, который является автором «Книги притчей», входящей в состав Ветхого завета. — *189.*

[23] Имеется в виду одна из книг Нового завета — «Послание к ефесянам», приписываемое апостолу Павлу. — *190.*

[24] Имеется в виду одна из книг Нового завета — «Послание к колосянам», приписываемое тому же апостолу Павлу. — *190.*

[25] *Гадаринская земля* (Евангелие от Луки) — то же, что и гергесинская земля (Евангелие от Матфея). См. прим. 17 к «Саду божественных песен». Речь идет о чуде, которое якобы совершил Иисус в гадаринской земле. — *191.*

[26] *Хам* — один из сыновей Ноя — насмехался над своим отцом, который опьянел от молодого вина. Имя его стало символом грубости и наглости. — *191.*

[27] Здесь и далее ссылки на Малахию относятся к «Книге пророка Малахии» — части Ветхого завета Библии. — *196.*

[28] Превращение жены Лота в соляной столб за нарушение запрета оглядываться назад при бегстве из Содома Сковорода истолковывает аллегорически как привязанность ко всему плотскому. — *197.*

[29] Речь идет о местонахождении шатра Авраама у дубравы Мамре, где якобы ему явился бог в образе трех мужей (Ветхий завет. Бытие, гл. 18). — *198.*

[30] *Чермное море* — Красное море. — *203.*

[31] Павел. — *207.*

[32] Имеется в виду книга Нового завета «Деяния св. апостолов». — *210.*

[33] Пророк Даниил был брошен в яму, где находились львы, но не был ими растерзан (Ветхий завет. Книга пророка Даниила, гл. 6). — *215.*

[34] Здесь и далее Сковорода ссылается на «Книгу пророка Софонии» — часть Ветхого завета. — *215.*

[35] Здесь и далее ссылки на «Книгу пророка Наума» — часть Ветхого завета. — *225.*

[36] «Книга Левит» — вторая часть пятикнижия Моисея. — *228.*

Беседа, нареченная двое, о том, что блаженным быть легко

Этот диалог занимает особое место в цикле бесед, посвященных вопросу о двух началах. По составу собеседников он отличается от остальных диалогов. В авторском списке произведений он объединен с двумя последующими диалогами общей нумерацией — там данный диалог назван третьим. Когда он написан, точно сказать трудно, до сих пор диалог датировали 1772 г. Исходя из анализа бумаги и водяных знаков автографа, Л. Махновец отнес произведение к началу 80-х годов (см. *Махновець*. Григорій Сковорода). Поскольку этот вывод еще требует доказательства и уточнения, то здесь диалог помещается в данном томе, а не во втором, где собраны произведения 80-х годов. Автограф диалога сохранился в архиве М. Ковалинского. Известен также ряд рукописных копий произведения.

Впервые опубликован в 1837 г. Московским попечительным комитетом «Человеколюбивого общества».

[1] Имеется в виду древнегреческий миф о Сиренах. По Гомеру, эти полуптицы-полуженщины увлекали мореходов в море — там они становились добычей хищных Сирен. Одиссей залепил уши своим спутникам воском, а себя велел привязать к мачте. Он услышал пение Сирен и остался жив. Сирены же в отчаянии бросились в море и превратились в скалы.

Образ Сирен особенно часто встречается не только в стихах, но и в философских произведениях Сковороды. Сирены, своим волшебным пением привлекающие мореплавателей, заставляющие забыть ради них и долг, и отечество, символизируют призрачные блага, которые уводят людей от их призвания в море суеты и гибели. — *244.*

[2] *Древний Улисс* (римск.) — Одиссей (греч.). — *244.*

[3] Это четверостишие из «Сада божественных песен» Сковорода часто цитирует в своих произведениях. — *246.*

[4] См. прим. 8 к «Наркиссу». — *247.*

[5] *Исаины сирены* (сирины) — речь идет о пророчествах Исаии (Ветхий завет. Книга пророка Исаии, гл. 13). — *247.*

[6] Согласно Библии, Елисавета, жена священника Захарии, будучи уже в преклонном возрасте, родила сына Иоанна (пророка Иоанна Крестителя) (Новый завет. Евангелие от Луки, гл. 1). — *249.*

[7] *Орфеева псалтырь* — для Сковороды характерно такое слияние мифологии и Библии. Орфей — мифический певец Древней Греции, музыка его заставляла склоняться деревья, камни — сдвигаться, укрощала диких зверей. — *250.*

[8] «Нашел гавань — Иисуса. Плоть, мир, прощайте! Достаточно вы меня беспокоили. Теперь у меня надежный покой» (лат.). — *251.*

[9] *Маргарит* — жемчуг. *Маргаритами* назывались также книги избранных слов отцов церкви, например Иоанна Златоуста. — *252.*

[10] *Драхма* — серебряная монета, основная денежная единица Древней Греции. — *252.*

[11] Речь идет об описанном в гомеровской «Илиаде» деревянном коне, преподнесенном греками в качестве дара троянцам во время Троянской войны. Спрятавшиеся внутри коня воины ночью вышли, уничтожили стражу и открыли городские ворота. Так была побеждена Троя. — *252.*

[12] *Империал* — денежная единица стоимостью 10 рублей, чеканилась до 1755 г. — *252.*

[13] Здесь Сковорода имеет в виду библейскую легенду о том, как Иосиф приказал своим слугам положить в мешок своего младшего брата Вениамина золотую чашу, из которой тот пил во время обеда, чтобы таким образом иметь возможность вернуть его обратно (Ветхий завет, Бытие, гл. 44). — *255.*

[14] *Юбилейный год* (лат.) — идея юбилейного благоприятного года, в который не надо ни сеять, ни жать — все само родится,

варьируется в различных книгах Ветхого завета (Левит, гл. 25, Книга пророка Исаии, гл. 61 и др.). — *255.*

[15] См. прим. 13. — *256.*

[16] *Адамант* (бриллиант), *сапфир, анфракс* (рубин) — драгоценные камни. — *256.*

[17] *Огонь Парклитов* — огонь духа утешителя (от греч. παρακλητος). — *257.*

[18] *Силоам* — пруд возле Иерусалима, окруженный с юга царскими садами, видимо, его водой орошались сады Соломона. Воду из пруда брали для возлияния на жертвенник. *София* — мудрость, см. прим. 18 к Стихотворениям. — *257.*

[19] *Славолюбный Зара* — библейский персонаж, сын Иуды и Фамари; по имени Зары назывался целый род в Иудином колене. От него происходил Ахан, утаивший одежду, золото и серебро, захваченные у израильтян. См. прим. 20 к «Саду божественных песен». — *258.*

[20] *Павел Фивейский* (ум. в 341 г.) считается одним из первых христианских монахов. Прожил 21 год в Фиваиде возле ручья под пальмой. *Антоний Египетский* — пустынник, живший в Египте (род. ок. 251 г. — ум. в 356 г.). Жития описывают его фантастические видения и дьявольские искушения. Считается отцом монашества. *Савва Освященный* — один из христианских святых (ум. в 532 г.), живший в пустыне вблизи Иордана, основатель монастыря, автор строгого богослужебного устава. *Пахомий* — христианский святой (ум. в 348 г.), основавший в Тавенне монастырь, отличавшийся суровым аскетическим уставом. — *260.*

[21] *Габит* —(от лат. hăbitus) — монашеское одеяние. — *261.*

[22] Сковорода имеет в виду библейскую легенду о пророках Илии и Елисее, согласно которой бог на огненной колеснице вознес Илию на небеса. Перед тем как это случилось, Илия спросил у Елисея, чего он хочет, и тот просил у него могущества его как пророка. Когда же возносился Илия, упала с него накидка, которую и подобрал Елисей, обретя вместе с ней покровительство бога. — *261.*

[23] См. прим. 22. По Библии, ударив по воде накидкой, Илия заставил воду реки Иордан расступиться, и они с Елисеем перешли на другую сторону. — *261.*

[24] См. прим. 22, 23. Возвращаясь, Елисей, по преданию, ударил накидкой Илии по воде, и воды реки расступились. — *261.*

[25] Здесь Сковорода аллегорически истолковывает библейский рассказ пророка Аввакума, который, стоя на страже на башне, имел видение (Ветхий завет, Книга пророка Аввакума, гл. 2). К этому рассказу Сковорода возвращался много раз. *Сион* — священная гора, на которой, согласно Библии, был построен храм Давида. *Observatorium* — обсерватория, пункт наблюдения за небесными светилами. С образом вознесенных высоко над землей башен Сковорода связывает представление о бдительности духа, о стремлении к самопознанию и самоусовершенствованию. В круг этих

образов им включались Александрийский маяк на о. Фарос и высокая башня, где на страже стоит библейский пророк Аввакум. — *261.*

[26] Это четверостишие принадлежит Георгию Конисскому. Оно позаимствовано из его курса поэтики (см. *И. И. Петров.* О словесных науках в Киевской духовной академии. Пиитика Георгия Конисского. — «Труды Киевской духовной академии», 1867, т. I, стр. 98). — *262.*

[27] *Пределы гергесинские,* гергесинская земля — земля, на которой Иисус совершил одно из своих чудес (Евангелие от Матфея, гл. 8). См. прим. 25 к «Асхани». — *262.*

[28] *Афедрон* — зад, уборная (греч.). — *262.*

[29] В Венгрии Сковорода находился около пяти лет — с 1745 по 1750 г. К сожалению, в его произведениях почти не отразились эпизоды, связанные с пребыванием в Венгрии. — *263.*

[30] По-видимому, речь идет о распутстве женщин, по поводу которого сетует Иеремия (Ветхий завет. Книга пророка Иеремии, гл. 3; Послание Иеремии). — *264.*

[31] Сковорода приписывает это двустишие Лесажу. До него оно встречалось в «Поэтике» Митрофана Довгалевского, читавшейся в Киево-Могилянской академии в 1736/37 г. — *264.*

[32] *Американский Колумб* (лат.) — первооткрыватель Америки. Исходя из фонетической связи имени Колумба со словом «голубь», Сковорода проводит аналогию между этим открытием и открытием суши после всемирного потопа; по библейскому преданию, голубь, выпущенный из ковчега, возвратился с масличной ветвью в клюве. — *265.*

[33] *Гергесеи* — жители земли гергесинской. См. прим. 27. — *265.*

[34] *Гроздий* — виноград. — *265.*

Беседа 1-я, нареченная Observatorium (Спон)

До недавнего времени это произведение, существование которого Сковорода засвидетельствовал в авторском списке произведений в 1790 г., считалось потерянным, так как ни автографа, ни списков не удавалось обнаружить. Недавно в Государственной публичной библиотеке имени В. И. Ленина в неописанных фондах масонских рукописей собрания Арсеньева (ф. 14, оп. 1365) И. А. Табачниковым был обнаружен автограф произведения. Ни даты, ни дарственного письма при произведении нет. На первой странице надпись сообщает о подарке автографа А. И. Ковалевскому.

По философской проблематике, способу ее решения, характеру образной символики произведение органически связано с диалогами начала 70-х годов. Это дает основание считать, что диалог был написан приблизительно в 1771—1772 гг. Диалог впервые опубликован в журнале «Філософська думка» (1971, № 5, стр. 96—107). За основу настоящей публикации взят автограф.

[1] В этом произведении Сковорода продолжает тему, начатую диалогом «Беседа, нареченная двое...», т. е. учение о двух натурах,

двух сторонах всего сущего. Он призывает не останавливаться на внешней зримой стороне вещей, а проникать в сущность предметов и явлений. Познать истину человек может, только познавая себя, свой собственный путь, а не окружающие его «окрестности». Сравнительно много места здесь отводится обоснованию аллегорического способа поучения истине. — *266.*

[2] Первому и необычайнейшему другу моему Андрею Ивановичу Ковалевскому, вице-губернатору, творение собственной души посвящаю и дарю. Старец Григорий Сковорода, сын Саввы (лат.). — *266.*

[3] Имеются в виду последователи философского учения скептика Пиррона с Элиды (прибл. 365—275 гг. до н. э.), учившего, что вещи непознаваемы, отрицавшего знание, призывавшего к спокойствию и равнодушию. Идеи Пиррона нашли многих последователей, в частности Энесидема (автора трудов «Пирроновские речи» и «Пирроновские очерки») и Секста Эмпирика (автора «Пирроновых основоположений»). — *267.*

[4] Это замечание одного из собеседников является поводом к обоснованию манеры развития философских идей при помощи образных аналогий и сравнений. — *267.*

[5] *Моисейская купина.* См. прим. 13 к «Симфонии, нареченной книга Асхань...». — *268.*

[6] Т. е. речь приточника. См. прим. 23 к «Симфонии, нареченной книга Асхань...». — *268.*

[7] Имеется в виду эпизод об исцелении апостолом Петром жителя Лидды Энея, который восемь лет лежал недвижим (Новый завет. Деяния св. апостолов, гл. 9). — *269.*

[8] Сфинкс. — *270.*

[9] *Иерусалимская красавица Мариам* — первая жена царя Ирода Великого. Ирод безумно любил свою красавицу жену, но последняя не могла забыть, что Ирод был убийцей всех ее родных. Дважды клеветнически обвинялась она в измене мужу. В первый раз любовь Ирода к Мариам оказалась сильнее ревности. Но во второй — клевета и хитросплетения придворных и матери Мариам заставили Ирода отправить Мариам на эшафот. Ирод воздвиг в Иерусалиме башню в ее честь. — *270.*

[10] *Иеффай Галаадский* — библейский полководец, один из судей израильских. Победил аммонитян на подступах к земле Ханаанской. Перед битвой он дал обет: по возвращении принести в жертву богу то, что выйдет первым из ворот дома навстречу ему. Победив аммонитян, возвратился Иеффай домой — навстречу ему вышла его единственная дочь.

Библейская легенда рассказывает о том, как ефремляне, жившие по другую сторону Иордана, перешли реку и пошли войной на Иеффая за то, что один он победил аммонитян. Иеффай разбил их и захватил переправу через Иордан, и, если кто из уцелевших ефремлян просил пропустить его через переправу, воины Иеффая спрашивали, не ефремлянин ли он. Тот отвечал: «Нет». Они говорили ему: «Скажи шибболет (колос)», а он говорил: «Сибболет».

Тогда они закалывали его. Отсюда выражение у Сковороды: «неффаевые пики». — *270.*

[11] Сковорода говорит о сюжете, использованном им в басне «Нетопырь и два Птенца». *Нетопырь* — летучая мышь. — *270.*

[12] Этот повествовательный пример о приключениях путешественников в Индии, почерпнутый в сказаниях об Индийском царстве, использован Сковородой как повод для философско-моралистического поучения еще раз в диалоге «Кольцо». — *271.*

[13] *Ревекка* — жена Исаака. По библейской легенде, раб, который был послан своим господином, чтобы привезти для Исаака невесту из дома родственников Авраамовых, обратился к Ревекке с просьбой напоить его водой. Ревекка тотчас спустила кувшин с плеча, напоила его и верблюдов. Сын Исаака Иаков отправился к брату матери своей, Лавану, чтобы жениться на его дочери. Там он встретил *Рахиль* — младшую дочь Лавана, красивую девушку, и, полюбив ее, отработал за нее семь лет у Лавана. Но тот обманул Иакова, введя к нему старшую дочь *Лию,* которая была некрасива и слаба глазами. Иаков еще семь лет отработал у Лавана за Рахиль. И в дальнейшем Иаков предпочитал Рахиль Лии и поколение Рахили поколению Лии. — *272.*

[14] Ссылка на Аввакума, считающегося автором одной из книг «Ветхого завета», связана с основной идеей данного диалога, лейтмотивом которого является призыв к бдительности и самопознанию. Книга Аввакума начинается словами, столь часто повторяемыми Сковородой: «На страже моей стану...» — *272.*

[15] *Рибенсдорф* — немецкая колония вблизи города Острогожска. — *273.*

[16] *Сикера* — название хмельного напитка в Библии. См. прим. Сковороды на стр. 143 наст. изд., т. 2. — *273.*

[17] Речь идет о пророчестве Даниила о так называемых седьминах седьмин (49) лет, после которых должен появиться спаситель (Ветхий завет, Книга пророка Даниила, гл. 9). — *273.*

[18] Строки взяты из песни начала XVIII в., воспевающей тревоги морского плавания во время шторма и катастрофу в море, запись которой сохранилась в одном из рукописных сборников, описанных А. Позднеевым (Хрестоматия русской литературы XVIII в. М., 1952, стр. 38—39). Очевидно, песня названа гамалеевской потому, что в ее основе лежат предания о морских походах полковника Гамалеи, использованные позднее в поэме Т. Шевченко «Гамалея». — *274.*

[19] Сковорода вновь намекает на басенный сюжет о петухе, нашедшем в навозе драгоценный камень, оригинальной обработкой которого является одна из его «Басен Харьковских». — *275.*

[20] *Амбра* — благовонное вещество, которое добывают из пищеварительного тракта кашалотов, переносно — аромат. *Умбра* (от лат. слова umbra) — тень. У Сковороды это не просто игра слов, а символы противоположных — высоких и низменных — явлений. — *275.*

[21] Имеется в виду Александрийский маяк на о. Фарос в дельте Нила. См. также прим. 25 к «Беседе, нареченной двое...». — *276.*

[22] *Лабиринт* был построен легендарным мастером Дедалом для критского царя Миноса. Символизирует сложное, запутанное положение, из которого трудно найти выход. — *276.*

[23] Имеется в виду басенный сюжет о собаке и куске мяса. Аллегорически истолковывая его, Сковорода осуждает людей, недовольных своим положением и гоняющихся за тенью того, чем сполна владеют. — *277.*

[24] Об этом эпизоде из жизни кинника Диогена (из Синопа) (прибл. 404—323 гг. до н. э.) рассказывает Диоген Лаэрций, автор историко-философского произведения о жизни знаменитых философов. — *277.*

[25] *Льво-Дева* — сфинкс. — *278.*

[26] Эдип был единственным из людей, разгадавшим загадку Сфинкса, после чего Эдип стал фиванским царем, а Сфинкс бросился со скалы в море. — *278.*

[27] «Из мухи делать слона», «Из клоаки делать жертвенник» (лат.). — *278.*

[28] «Пользуйся тропами толпы, но не ее мыслями» (лат.). — *279.*

[29] *Ругами* называли землю, отведенную на содержание духовенства. — *281.*

[30] Без раскрытия содержания символики Сковороды нельзя понять смысл его учения. Мир символов, по его мнению, должен помочь человеку познать себя и найти истинное счастье. — *281.*

[31] В автографе дальше имеется не связанная с текстом диалога греческая запись: ὕλη πρὸς τὸν διάλογον τὸν περὶ τῆς εὐδαι — Μονάς — «Материал для диалога о счастье». — *282.*

Беседа 2-я, нареченная Observatorium specula, по-еврейски Сион

Этот диалог освещает ту же проблематику, что и предыдущий. Путем самопознания человек может прийти к счастью: для этого он должен осознать двойственность собственной природы. Два начала определяют возможность двух противоположных путей для нее, один из которых ведет к несчастью, а другой — к счастью. Два начала характеризуют и Библию, которая способна быть для одних источником истины, для других — заблуждений и суеверий. Аллегорически истолковывая Библию и своеобразно переосмысливая идеи Пифагора и Платона, Сковорода обосновывает идею вечности материи. Познавая в себе вечные законы, человек побеждает в себе злую волю и поднимается над тленностью, достигая истины, любви и душевного спокойствия.

Как и предыдущий диалог, это произведение раньше было известно только по названию. И вместе с предыдущим в той же тетради найден И. А. Табачниковым его автограф, относящийся к 1771—1772 гг.

Диалог опубликован в журнале «Філософська думка» (1971, № 6). За основу настоящего издания взят автограф.

[1] *Observatorium specula* — дозорная башня, городская стена, место созерцания мира. — *283.*

[2] Счастье, довольство (греч.). Одно из основных понятий эвдемонизма — направления в античной этике, представители которого считали источником морали стремление человека к счастью. Философско-этическое учение Сковороды является творческим развитием идей эвдемонизма применительно к условиям исторической жизни Украины XVIII в. — *283.*

[3] Дух, который тайно руководит поступками человека. Это представление древних греков о существовании посредника между человеком и невидимой природой отчасти разделяет и Сковорода. — *283.*

[4] *Министр Лже-Христа* — т. е. защитник дьявола. — *284.*

[5] Симметрию, гармонию, соразмеренность как свойства материальных вещей и явлений Сковорода считает одним из свидетельств присутствия в природе постоянного, закономерного начала, которое исключает проявление чьего бы то ни было произвола. — *285.*

[6] *Лабет* — недобор взяток в карточной игре и штраф за недобор. — *286.*

[7] Так древние греки называли счастливое предсказание, которое, по их представлениям, приходит справа. — *287.*

[8] *Шуйский* — левый. Производные от него слова символизируют нечто недостойное. Шуя — шваль. — *287.*

[9] См. прим. 13 к «Беседе 1-й...». — *291.*

[10] Теория числа Пифагора и числовая символика греческого философа долго приковывали внимание Сковороды. Идеи Пифагора своеобразно переплетались у него с представлением о триединстве невидимой натуры. — *292.*

[11] Дух Платона Сковорода считает не противоречащим истине. Как и идеи Пифагора, мысли Платона он интерпретирует в соответствии с собственным пониманием истины. — *292.*

[12] «Трисолнечное единство и естество» (греч.). — *292.*

[13] *Вдовин пенязь* — вдовьина лепта. В Евангелии от Марка (гл. 12) рассказывается, как однажды Иисус, сидя против сокровищницы, смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Одна бедная вдова положила две лепты (полушки). Иисус сказал своим ученикам: женщина эта положила больше всех, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела. — *293.*

Диалог, или Разглагол о древнем мире

Диалог датирован автором 1772 г. В 1788 г. диалог был преподнесен М. Ковалинскому. Автограф показывает, что автор пользуется правописанием, которое характерно для рукописей начиная

с середины 80-х годов. Это означает, что автограф, дошедший до нас, является обновленной редакцией. Сохранился также ряд рукописных копий произведения, относящихся к XVIII столетию.

Диалог впервые опубликован Д. И. Багалеем в собрании произведений Сковороды в 1894 г.

[1] В этом диалоге Сковорода рассматривает вопрос о вечной невидимой сущности вещей, выражающейся в постоянстве законов бытия. Познание этих законов является условием моральной и счастливой жизни людей. Сковорода считает, что истина об окружающем мире такая же древняя, как и сам мир. Древним миром, согласно философу, является «мир первородный», вечный макрокосм, в котором рождаются и исчезают малые миры. Ставя вопрос о всеобщем счастье людей, Сковорода подчеркивает, что оно отличается от эгоистического счастья тем, что требует как можно более широкого круга людей, желающих достичь его. — *295.*

[2] *Корифа* — голова, вершина (греч.). — *295.*

[3] *Мафусалов* (мафусаилов) *век* — символ долголетия. Согласно Библии, патриарх Мафусал прожил 969 лет. — *295.*

[4] *Диатриба и типик* — забава и устав. — *295.*

[5] *Даниил Мейнгард* — псевдоним Сковороды, которым он пользовался в письмах М. Ковалинскому. Последний в биографии Сковороды сообщает, что во время своего пребывания в Швейцарии он в Лозанне встретил человека, который образом жизни и учением сильно напоминал Сковороду. Узнав об этом человеке, как сообщает Ковалинский, Сковорода взял его имя в качестве собственного псевдонима. Впоследствии, в 20-х годах нашего столетия, харьковский историк А. Ковалевский попытался проверить сведения М. Ковалинского и выяснил, что это был пастор Даниил Мейнгард, умерший в 1786 г. Он был основателем литературного общества, автором нескольких работ по философии, морали, религии (см. *А. П. Ковалевський.* Нові дані про двійника Г. Сковороди в Лозанні Даніїла Майнгарда та його сім'ю. — «Україна», 1929, кн. 36, вересень, стр. 38—39). — *296.*

[6] «Одна истина сладка, жива и очень древня, все иное — сень» (лат.). — *296.*

[7] *Ефимка* — старинная русская монета. — *297.*

[8] *Фарсис* — драгоценный камень. — *302.*

[9] Дальше рассказывается эпизод из «Деяний св. апостолов» (гл. 8, стр. 26—39) о евнухе и Филиппе, к которому Сковорода обращался неоднократно. — *303.*

[10] «Послание к галатам св. апостола Павла» — часть Нового завета. — *305.*

[11] *Стефан* — библейский персонаж; по показаниям лжесвидетелей был предан судилищу и затем умер, побитый камнями. — *310.*

[12] *Симон* — второе имя библейского апостола Петра, которому якобы явился Иисус после распятия на кресте (Новый завет. Евангелие от Луки, гл. 24). — *310.*

Разговор пяти путников о истинном счастии в жизни (Разговор дружеский о душевном мире)

Этот диалог, как говорит уже само его название, посвящен вопросу о том, в чем состоит счастье человека. Сковорода опровергает заблуждения людей в понимании природы и путей достижения счастья. Одним из препятствий к достижению счастья, как считает Сковорода, является неудовлетворенность людей тем, чем они владеют, ненасытность желаний и неутомимая жажда обладания окружающим миром. Счастье может быть достигнуто только тогда, когда мудрость укажет человеку, в чем оно состоит, а добродетель поможет достичь его. Возможность достижения счастья на земле, согласно Сковороде, обосновывается тем положением, что счастье вследствие изначальной мудрости природы, как наиболее необходимое благо, является и наиболее доступным. В этом пункте Сковорода творчески развивает одно из положений этического учения Эпикура. Счастье связано поэтому не с обладанием временными благами, а с постоянными, незыблемыми. В связи с этим философ ставит вопрос о влиянии науки, знания о мире на достижение счастья. Он акцентирует внимание на том, что верховнейшей наукой должна стать наука о счастье, которая призвана помочь делу самопознания и достижения истинного мира и спокойствия, ибо какая польза от приобретения окружающего мира, если при этом человек теряет самого себя.

Этот диалог менее других перегружен ссылками на Священное писание и связан с рассмотрением определенных жизненных ситуаций и развитием науки и культуры XVIII в.

Диалог был долгое время известен под названием «Разговор дружеский о душевном мире». Иногда исследователи считали его одной из редакций последующего диалога «Кольцо». Причина всех этих неясностей — отсутствие автографа произведения. Списки диалога, хотя и относятся большей частью к прижизненным, отличаются заметным произволом переписчиков. В письмах автора 1785—1787 гг. диалог именуется «Марко Препростой» или «Неграмотный Марко», как это установил П. М. Пелех (см. *П. М. Пелех.* Про діалог Сковороди «Неграмотный Марко». К., 1928). Ни в одном из списков диалог не датирован. Письма 80-х годов свидетельствуют о том, что диалог был создан ранее. И поскольку своей проблематикой и способом ее освещения диалог связан с остальными диалогами на тему счастья и душевного мира, то это дает основание относить его к первой половине 70-х годов.

Произведение впервые опубликовано в 1837 г. под названием «Дружеский разговор о душевном мире» Московским попечительным комитетом «Человеколюбивого общества» по одному из ранних списков. В. Д. Бонч-Бруевич использовал другой список, в котором оказалось много пропусков и ошибок. В 1961 г. в основу публикации был положен список, носящий название «Разговор пяти путников о истинном счастии в жизни» (хранится в Центральной научной библиотеке АН УССР, шифр I, 377). Этот список наиболее полный, хотя и содержит ряд ошибок. За основу настоящего издания взята публикация 1961 г. Явные ошибки исправлены на основании других списков.

[1] *Венера* — в древнеримской мифологии богиня любви и плодородия. — *314.*

[2] Эта притча привлекала внимание Сковороды неоднократно, подвергаясь им аллегорическому переосмыслению в духе собственного учения о счастье. Своими корнями притча уходит в античность. В частности, И. Франко нашел ее и перевел на украинский язык как стихотворение Леонида Форентийца, поэта третьего столетия до н. э. В Киевской Руси этот сюжет встречается у Кирилла Туровского. Притча пользовалась большой популярностью до конца XVIII в., подвергаясь фольклорным и лубочным обработкам. Многократно воспроизводилась в сборниках эмблем и символов. — *315.*

[3] *Лазарь* — беспомощный больной бедняк, по евангельской притче, лежавший у ворот бессердечного *богача* (Евангелие от Луки, гл. XVI, ст. 19—31). — *316.*

[4] *Уранний* — небесный (греч.). Этот образ связан у Сковороды с мифологическими представлениями древних греков об Уране — верховном божестве неба. — *316.*

[5] Хлеб (греч., лат.). — *320* .

[6] Интересная обработка фольклорного сюжета польского происхождения (см. Bajki, fraśki, padanie, przyslovia i piesni na Rusi. Тернополь, 1866, стр. 151). Украинская запись сохранилась у Б. Гринченко («Веселий оповідач». К., 1910, № 209). — *323.*

[7] Странствующий фольклорный сюжет, происходящий из средневековой поучительной литературы. Сковорода приспособляет рассказ к собственным философским проблемам. Н. Сумцов считал этот сюжет анекдотическим, замечая, что он встречается как эпизод в сказках и преданиях о глупцах (см. *Н. Сумцов.* Разыскания в области анекдотической литературы. Харьков, 1898, стр. 33). Пересказ Сковороды ближе всего к варианту, записанному О. Марковичем в Нерехтском уезде, который носит ярко выраженный апокрифический характер (см. *Ф. Буслаев.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1801, стр. 438).

[8] *Мут* и *Ишь* — персонажи повествовательного примера, восходящего к фольклорным источникам. — *325.*

[9] Григорий Назианзин (прибл. 329—389 гг.) — один из отцов церкви, с произведениями которого Сковорода был хорошо знаком. — *331.*

[10] Очевидно, речь идет о каком-то короле, отвергшем учение Коперника. — *334.*

[11] Имеются в виду уже упоминавшиеся слова Эпикура из послания Менекею. См. прим. 28 к «Саду божественных песен». — *355.*

[12] *Архиатор* — верховный врач (греч.). — *337.*

[13] Правила (лат., польск.). — *338.*

[14] Этот повествовательный пример, по-видимому, является вымыслом самого Сковороды, хотя в некотором смысле и связан с апокрифическим сюжетом о человеке перед вратами рая. Название этой притчи и служило одним из доказательств того, что

упоминающийся в письмах диалог «Неграмотный Марко» является данным произведением. — *339.*

[15] У Сковороды своеобразно переплетаются представления о змие, почерпнутые из «Книги пророка Даниила» и из «Откровения Иоанна Богослова» («Апокалипсиса»). — *342.*

[16] Сковорода излагает сюжет собственной басни «Старуха и Горшечник», входящей в сборник «Басни Харьковские». См. стр. 102 наст. изд. — *344.*

[17] *Инвенция* — изобретение (от лат. inventio); *делинеация* — чертеж (от лат. delineatia). — *347.*

[18] Обещание побеседовать «о душевном мире» Сковорода исполнил в диалогах «Кольцо» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира», которые имеют общий подзаголовок: «Разговор дружеский о душевном мире». — *349.*

Кольцо

Диалог «Кольцо» — один из наиболее крупных диалогов Сковороды. Он сильно перегружен ссылками на тексты Библии. Это истолкования многочисленных библейских «фигур» и выражений, которые Сковорода связывает с представлением о вечности. В диалоге философ развивает и конкретизирует свое учение о наличии двух натур, обосновывает идею о том, что через познание невидимой натуры вещей проходит путь к самопознанию и достижению счастья и спокойствия духа. Заметное место в диалоге занимают, наряду с библейскими повествовательными примерами, мифологические и фольклорные сюжеты, которые выступают как важнейшее средство развития философских идей.

Как уже отмечалось, своей проблематикой диалог связан с другими произведениями первой половины 70-х годов. Как явствует из дарственного письма от 1 января 1775 г., во второй половине 1774 г. был написан «Алфавит...», а перед ним, в 1773—1774 гг., было создано «Кольцо». Это произведение менее других пользовалось популярностью, поэтому сохранилась всего копия его, относящаяся к XIX в. Автограф утерян. Диалог впервые опубликован В. Д. Бонч-Бруевичем в 1912 г.

[1] Письмо адресовано В. С. Тевяшову, сыну воронежского полковника Слободского полка, с семьей которого Сковорода поддерживал связи. — *350.*

[2] Т. е. некоторое представление о строении Вселенной. Сковорода полагает, что знание о мире должно помогать человеку познавать свою собственную духовную сущность. — *353.*

[3] *Платон* (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист, идеи которого для Сковороды имели важное значение. *Солон* (ок. 638 — ок. 559 гг. до н. э.) — политический деятель древних Афин, провел важнейшие реформы, запрещавшие долговое рабство. Законы Солона наносили удар родовой аристократии, создавая предпосылки для развития рабовладельческого общества. Солон был одним из первых аттических поэтов. Ему приписывают афоризм, написанный на храме Аполлона в Дельфах: «Ничего сверх

меры». Идея, лежащая в основе этого афоризма, является одной из предпосылок этического учения Сковороды. *Сократ* (ок. 469—399 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-идеалист. Проповедовал на улицах и площадях, ставя своей целью борьбу с софистами и воспитание молодежи. Многие мысли Сократа, несомненно, близки Сковороде, что давало исследователям повод называть его «украинским Сократом». Объединяет обоих мыслителей обоснование необходимости постоянного самопознания и самоусовершенствования. Об интересе Сковороды к учению Пифагора см. прим. 11 к «Беседе 2-й...». *Цицерон Марк Тулий* (106—43 гг. до н. э.) — выдающийся оратор, писатель и политический деятель Древнего Рима. — *353.*

[4] *Дий* — Зевс. — *353.*

[5] Имеются в виду спутники и кольца, вращающиеся вокруг Сатурна. — *353.*

[6] На печатке римского императора Августа, по сообщению историка Светония, подтверждаемому и другими источниками, была надпись «Festina lente», т. е. «Спеши исподволь». Сковорода считает выполнение этого призыва одним из условий достижения душевного спокойствия и равновесия. — *353.*

[7] Этим замечанием Сковорода хочет сказать, что историку важно не только знать внешние факты, но понимать смысл событий и моральное значение истории для человека. — *354.*

[8] Ветхий завет. Книга пророка Даниила. — *359.*

[9] *Идол Вилсей* — идол Деирский. См. прим. 7 к «Наркиссу». — *359.*

[10] Имеется в виду уже упоминавшаяся идея триединства природы. — *361.*

[11] *Кивот* (киот) — собственно деревянный ящик; кивот завета — киот, в котором хранились заповеди бога. — *361.*

[12] *Коруанс* — очевидно, ныне. — *362.*

[13] *Орех волошский* — грецкий орех. — *366.*

[14] Приведенный здесь повествовательный пример содержит своеобразную параболическую интерпретацию темы «Эдип и Сфинкс», свидетельствует о публицистических способностях и о мастерстве психологического анализа у Сковороды. — *367.*

[15] *Бусел* — аист (укр.). — *369.*

[16] Сковорода имеет в виду библейские сказания о том, будто бы Енох и Илия (см. прим. 22 к «Беседе, нареченной двое...») вознеслись на небо. Он сомневается в жизненной правде подобных историй, однако полагает, что их можно истолковывать аллегорически. — *370.*

[17] Сковорода здесь имеет в виду библейскую легенду об одном из чудес пророка Елисея (Ветхий завет. Четвертая книга царств, гл. 2). — *370.*

[18] Речь идет об уничтожении городов Содом и Гоморра и о бегстве оттуда Лота (Ветхий завет. Бытие, гл. 19). — *371.*

[19] Сковорода говорит об Алексее Сохе (Коноровском), с которым он дружил и переписывался. — *372.*

[20] Речь идет о намерении, осуществленном со временем в диалоге «Алфавит, или Букварь мира». — *373.*

[21] Пифагор был вегетарианцем, но советовал не есть бобов, разделяя древние представления, будто в них переселяются души умерших. — *373.*

[22] *Пероглифика* — священные письмена, в которых понятия и предметы изображались в виде таинственных знаков и фигур; *иерофантами* назывались верховные жрецы в Древней Греции; *мистагоги* — служители культа у древних греков, которые посвящали в священные тайны. — *374.*

[23] *Фарес* — библейский персонаж, сын Иуды и Фамари (Ветхий завет. Бытие, гл. 38). — *381.*

[24] Сковорода имеет в виду описанный в Ветхом завете эпизод деления скота между Иаковом и его тестем и дядей Лаваном: согласно договору, животные с отметиной достались Иакову, а неотмеченные остались Лавану (Ветхий завет. Бытие, гл. 30). — *381.*

[25] Речь идет об одном из эпизодов борьбы израильтян во главе с Гедеоном против мадианитян (Ветхий завет. Книга судей, гл. 6, 7, 8). — *381.*

[26] *Племя едомское* — язычники. — *383.*

[27] Имеется в виду произведение Иоанна Дамаскина (673—676 — ок. 754 гг.) — византийского богослова и философа, пользовавшегося большой популярностью еще в Киевской Руси. По свидетельству биографа М. Ковалинского, произведения Дамаскина очень нравились Сковороде. — *387.*

[28] Библейская легенда рассказывает о том, как Иисус Навин остановил солнце, приказав ему стоять, пока не закончится битва у Гаваона (Книга Иисуса Навина, гл. 10). — *388.*

[29] См. прим. 22 к «Беседе, нареченной двое...». — *389.*

[30] Имеется в виду созвездие *Ориона* и *Плеяд*. Эти названия в Библии соответствуют созвездиям Кесиль и Хима. — *391.*

[31] *Зороастр* (Заратустра) (VII в. до н. э.) — мифический пророк, которому приписывают авторство «Авесты», священной книги древних персов. Считается основателем религии зороастризма. Учение Заратустры о двух началах, которые борются между собой, представляло определенный интерес для Сковороды, проповедовавшего учение о двух натурах. — *391.*

[32] Здесь Сковорода прямо говорит о том, что он воспринимает Библию аллегорически, как собрание символов и эмблем, имеющих значение для познания. — *392.*

[33] *Талант* (греч.) — высшая денежная единица в Древней Греции. *Талант* отливался из золота и серебра. Золотой *талант* был равен десяти серебряным. Ветхозаветный талант — серебряная монета. Евангельская притча рассказывает о богаче, который, отправляясь в чужую страну, призвал рабов своих и поручил им имение

свое. Одному он дал пять талантов, другому — два, третьему — один. Получивший пять талантов употребил их в дело и приобрел еще пять талантов; получивший два таланта употребил их в дело и приобрел еще два; третий же закопал талант в землю. Хозяин отдал его талант тому, кто получил десять, а его самого приказал выгнать (Евангелие от Матфея, гл. 25). — *393.*

[34] Ветхозаветная притча рассказывает об Ионе, который был проглочен китом и находился внутри кита три дня и три ночи, затем был извергнут на сушу (Книга пророка Ионы, гл. 2). — *393.*

[35] Очевидно, имеется в виду учение Платона. — *394.*

[36] Перламутр. — *394.*

[37] О *Сфинксе* см. стр. 367—368 наст. изд. О *князе израильском Иеффае* см. прим. 10 к «Беседе 1-й...». Такое переосмысление, очень характерное для Сковороды, в едином плане мифических и библейских образов еще раз подтверждает аллегоричность истолкования Сковородой Библии. — *401.*

[38] Семь дней, в которые будто бы был сотворен богом мир. Сковорода отрицает сотворение мира богом, считая, что мир вечен во времени и безграничен в пространстве. — *401.*

[39] Т. е. цари арабские и царица Савская. *Царица Савская* — неизвестная по имени царица богатого южноарабского народа савеев: библейский рассказ повествует о том, как, услышав о славе Соломона, царица Савская с большой свитой и подарками отправилась в Иерусалим. Целью ее было проверить слух о мудрости Соломона, «испытать его загадками». Соломон разрешил все ее вопросы. Тогда царица убедилась в необыкновенной мудрости Соломона. Она была поражена и восхищена богатством Соломона, преподнесла ему дорогие подарки. — *404.*

[40] *Веселеил* — библейский мастер, который построил храм богу, сделал утварь для богослужения и жертвоприношений, богато изукрасив их. — *405.*

[41] *Исаак связанный* — имеется в виду библейский рассказ о том, как бог потребовал от Авраама принесения в жертву единственного сына Исаака. Авраам проявил готовность принести жертву и, связав Исаака, положил его на жертвенник (Ветхий завет, Бытие, гл. 22).

Иосиф в узах — речь идет о том, что Иосиф был продан своими братьями в рабство. *Моисей в коробочке* — по библейскому сказанию, Моисей родился в Египте. Египетский фараон приказал умерщвлять еврейских младенцев мужского пола. Мать Моисея положила его в коробку и пустила по течению реки. Дочь фараона увидела младенца, а он был очень красив, и взяла его к себе. *Самсон в веревках* — библейская легенда рассказывает о том, как возлюбленная Самсона Далида (Далила), чтобы узнать источник силы Самсона, несколько раз связывала его спящего веревками, но он разрывал их. В конце концов Самсон открыл возлюбленной свою тайну, и она предала его в руки врагов. *Даниил во рву* — см. прим. 33 к «Симфонии, нареченной книга Асхань». *Иеремия в колодце* — вероятно, имеется в виду, что Иеремию часто бросали в темницу.

Петр в темнице — Петр был заключен в темницу царем Иродом. *Павел в кошнице* — очевидно, речь идет о спасении апостола Павла от опасности в Дамаске в корзине. — *405.*

[42] Согласно Библии, Самсон, вооруженный одной ослиной челюстью, уничтожил тысячу филистимлян (Ветхий завет. Книга судей, гл. 15). — *406.*

[43] Речь идет о камне, который уничтожил истукана (Ветхий завет. Книга пророка Даниила, гл. 2). — *406.*

[44] По Библии, рай, место пребывания первых людей Адама и Евы, находился на Востоке. — *408.*

[45] Очевидно, речь идет о различных законах, согласно Библии, установленных Моисеем (Ветхий завет. Бытие, Левит). — *409.*

[46] Имеется в виду библейская легенда об убийстве мечом ассирийского полководца Олоферна Юдифью (Ветхий завет. Книга Юдифи, гл. 13). — *410.*

Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира

Это произведение завершает цикл диалогов, посвященных вопросу об условиях достижения счастья. По содержательности и значимости идей — это, несомненно, одно из наиболее удачных произведений Сковороды. В нем глубоко и всесторонне рассматривается вопрос о значении сродного труда для достижения счастья. С позиций признания сродного труда как главного условия земного счастья Сковорода подвергает острой критике жажду обогащения и власти, злоупотребления во имя прибылей и славы. Несродность, по его мнению, является причиной несправедливости, преступлений, зла. Философ призывает людей познавать свои природные склонности и жить в согласии с натурой, что является условием появления охоты к труду и наслаждения от самого процесса сродного труда, а не от его результатов. Развивая эти идеи, автор опирается на примеры Библии, мифологии, фольклора, литературного творчества. Диалог написан во второй половине 1774 г., ибо 1 января 1775 г. он был отослан с дарственным письмом В. С. Тевяшову.

Автограф диалога сохранился и хранится в Государственном историческом музее в Москве (фонд Щукина 91/193). В нем содержится 16 рисунков эмблематико-символического содержания, выполненных автором. Помимо самого диалога в той же тетради находятся автографы стихотворения, которое предшествует ему, и заключительной басни о Козленке и Волке, написанной параллельно латинским и старым книжным языком XVIII столетия. Песня датируется 1761-м, а басня — 1760 г., при этом басня, по всей вероятности, была вновь отредактирована и присоединена в качестве концовки диалога в конце 80-х годов XVIII в.

Помимо автографа диалог известен в нескольких списках, однако без указанной басни о Козленке и Волке. Диалог по списку со значительными ошибками впервые опубликован был в 1894 г. Д. И. Багалеем. В данном издании в соответствии с автографом вступительное стихотворение и заключительная басня возвращены на свои места.

[1] Название этого произведения связано с традициями древней письменности. В частности, до Сковороды на Украине встречались прозаические и стихотворные произведения с подобными названиями, например «Алфавит духовный инокам и мирским» Исайи Копинского (переиздававшийся много раз в Киеве и Чернигове), «Алфавит, рифмами сложенный» И. Максимовича (1705 г.). В более философском плане это название связано с весьма характерным для средневекового и ренессансного мировосприятия уподоблением мира книге. — *412.*

[2] Песня эта представляет собой вариант той, которая вошла в «Сад божественных песен». По сравнению с последней эта песня характеризует состояние душевного мира и покоя как уже достигнутого автором. Последние латинские строки переведены Сковородой свободно. — *412.*

[3] «Я нашел гавань — Иисуса. Плоть и мир, прощайте. Достаточно вы меня беспокоили. Теперь у меня надежный покой» (лат.). — *412.*

[4] Имеется в виду диалог «Кольцо», который был отослан В. С. Тевяшову ранее. — *413.*

[5] Авторство этого афоризма приписывают многим мыслителям античности, в том числе и Фалесу из Милета, который считается одним из семи древнегреческих мудрецов. Сковорода посвящает вопросу о самопознании свои главные произведения. — *413.*

[6] *Плутарх* (46—120 гг. н. э.) — греческий историк и философ, автор широко известных биографий знаменитых людей древности. Из его философских трактатов два посвящены Дельфийскому храму. — *413.*

[7] Т. е. в диалоге «Кольцо». — *413.*

[8] Сковорода несколько неточно выражается. Градозаступницей Афин считалась богиня Афина, в честь которой там был сооружен храм. Минерва — римская богиня, соответствовавшая греческой Афине. — *416.*

[9] Образы лжеученых, слепых подражателей, неспособных постичь сущность вещей. Имена эти со значением: Навал — плавающий, Сомнас — сонный. Пификов — обезьяна, подражатель (от греч. Πίθηκος. — *417.*

[10] Очевидно, имеются в виду торжества, устраивающиеся в честь побед Титом Флавием Веспасианом. — *420.*

[11] Намек на сюжет басни о Козленке и Волке, находящейся в конце диалога. — *421.*

[12] Pictura (лат.) — живопись, картина. — *421.*

[13] *Лаконцы* — жители Лаконии, местности на ю.-в. Пелопонеса. — *424.*

[14] Очевидно, одна из лубочных картин, популярных в XVIII в. — *424.*

[15] Это имя упоминается в Библии, в «Деяниях св. апостолов». — *425.*

[16] Греческая транскрипция имени Изиды, древней египетской богини мудрости. Сковорода устанавливает связь египетской, греческой и римской мифологии. — *425.*

[17] *Без благоволения Минервы,* т. е. без природной склонности. — *426.*

[18] *Меркурий* — в римской мифологии считался богом торговли и покровителем купечества. — *426.*

[19] *Диана* — в римской мифологии считалась богиней брака, животных и охоты. Очевидно, Сковорода намекает на собственный образ жизни. — *426.*

[20] Речь идет о мифе, рассказывающем о титанах, восставших против Зевса и сброшенных последним в Аид. — *426.*

[21] Сведение о том, что Сократ в своих поступках руководствовался указаниями внутреннего гения, имеется в Плутарховой биографии ученика Сократа — полководца Алкивиада. Вообще же о «гении» Сократа, который якобы предостерегал его от дурных поступков, в древности писалось много. — *427.*

[22] По-видимому, речь идет об увлечении софистикой. — *428.*

[23] *Юпитер* — в римской мифологии главное божество (бог неба и дождя), отождествлялся с греческим Зевсом (Дием). Кроме того, он в одном из мифов предстает как покровитель математики. — *429.*

[24] *Нептун* — в древнеримской мифологии бог морей и покровитель мореплавания. — *429.*

[25] Имеется в виду рассказ Иезекииля о видении им колес и животных (Ветхий завет. Книга Иезекииля, гл. 1). — *429.*

[26] Эпизод, о котором идет речь, описан в «Деяниях св. апостолов», где рассказывается о впечатлении, произведенном на апостола Павла надписью на храме: «Неизвестному богу». Павел воспользовался этой надписью в качестве повода для проповеди идеи христианского бога. Однако известно, что он вырвал эти слова из контекста надписи, звучавшей иначе: «Богам Азии, Европы и Африки, богам неведомым и известным» (см. *Эразм Роттердамский.* Похвала глупости. М., 1960, стр. 99). — *430.*

[26] Очевидно, Сковорода имеет в виду Иеронима Блаженного, о котором пишет Сидроний де Гошпй в «Оде об уединении»; перевод этой оды с латыни был сделан Сковородой (стр. 366—369 наст. изд.). — *430.*

[27] Эта басня, по-видимому, сочинена Сковородой на собственный сюжет. — *432.*

[28] Древнейшие времена, представления о которых в Библии связываются с эпохой Авраама, а в мифологии — с эпохой Сатурна. Сатурн — древнейшее римское божество земледелия и времени. С эпохой Сатурна связываются представления о «золотом веке» человечества. — *434.*

[29] В античных представлениях — морское животное, которое, якобы присасываясь к днищу кораблей, могло задерживать их движение. — *437.*

[30] Намек на сюжет басни об Орле и Черепахе, известной у Эзопа. — *438.*

[31] Александрийский маяк на о. Фарос. См. прим. 25 к «Беседе, нареченной двое...». — *438.*

[32] Намек на сюжет басни о Собаке и Осле. — *439.*

[33] «Не говори и не делай ничего вопреки Минерве. В чем природа отказала тебе, того избегай. Если ты не рожден для муз, избегай служить музам. Ей-ей! Многих мужей губит ученая свирель. Не многих справедливая природа-мать создала для муз. Желаешь быть счастливым? Будь доволен своей судьбой» (лат.). — *440.*

[34] «Искусство усовершенствует природу» (лат.). — *442.*

[35] *Приветствие Иофора* — речь идет о тесте Моисея, который встретил его в пустыне (Ветхий завет. Исход, гл. 18). — *447.*

[36] *Симон* (волхв) — легендарный пророк и маг, противник апостолов, признаваемых христианской церковью. В «Деяниях св. апостолов» (гл. 8) о нем говорится как о лжепророке, которого побеждает в споре апостол Петр. Симон-волхв считается отцом всех ересей. Образ его попал в эллинистическую ареталогию, в частности в повесть «Деяния Павла и Феклы». — *450.*

[37] Речь идет об эмблематических и символических рисунках, почерпнутых и воспроизведенных из книги «Эмблемы и символы», вышедшей первым изданием в 1705 г. в Амстердаме, а затем несколько раз переиздававшейся. — *453.*

[38] Картинка из книги «Эмблемы и символы», изображающая оленя, который сам излечивается при помощи травы. — *454.*

[39] Ясенец (греч.) — трава, считавшаяся в древности целебной. — *454.*

[40] Как рассказывается в мифе, охотник Актеон дерзнул увидеть обнаженной богиню Артемиду во время купания в реке. Разгневанная богиня превратила его в оленя, и его разорвали собственные собаки. Сковорода связывает этот миф с римской богиней Дианой. — *456.*

[41] Согласно мифам, вероломный *Иксион*, убивший своего тестя, был прощен Зевсом и приглашен им на пир олимпийских богов. Но там *Иксион* стал добиваться любви Геры (сестры Дия). Однако был обманут Зевсом, создавшим призрак Геры. За свои преступления Иксион был наказан: в подземном царстве он был прикован к вечно вращающемуся огненному колесу. — *456.*

[42] Миф о *Фаетоне* гласит, что сын бога солнца Гелиоса — Фаетон, севший в отцовскую колесницу, не сумел совладать с конями и выронил вожжи. Колесница сбилась с пути и помчалась близко к земле. От страшного жара стали пересыхать реки и гореть леса. Чтобы спасти землю, Зевс поразил Фаетона молнией. — *456.*

[43] *Купидон* — в римской мифологии бог любви, соответствует греческому Эроту. Сковорода истолковывает мифические представ-

ления в соответствии с собственным пониманием любви как духовного стимула человеческих отношений. — *456.*

[44] Греческие мифы сообщают, что титан Атлас по приказу Зевса держал на своих плечах небосвод. — *458.*

[45] Имеется в виду трактат Цицерона «Лелий, или О дружбе». — *458.*

[46] На эту тему Сковорода написал эпиграмму «Carmen», вошедшую в состав сборника «Сад божественных песен». — *459.*

[47] Данная басня представляет собой самостоятельную оригинальную обработку сюжета одноименной басни Эзопа (см. Басни Эзопа, стр. 92). — *460.*

[48] *Драпека* — разбойник, злодей. — *460.*

[49] Способностей. — *460.*

[50] Менуэт. — *460.*

[51] Свора. — *461.*

[52] Вынужден. — *461.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан) 353, 373, 374, 439
Августин 66, 67
Александр Македонский 354
Алексей Соха (Коноровский) 372
Антоний Египетский 260

Аристотель 94

Василий Великий 98

Гораций 64, 279

Даль Ольо, Доменико 70
Дамаскин, Иоанн 387
Диоген 277

Катон Старший 100, 105, 415
Ковалевский А. П. 266
Ковалинский М. П. 295
Колумб, Христофор 265

Людовик XII 424

Миткевич, Иоасаф 461

Павел Фивейский 260
Пахомий 260
Пифагор 292, 353, 361, 373
Платон 88, 292, 353
Плутарх 413, 427

Савва Освященный 260
Сократ 79, 353, 427
Солон 353

Тевяшов В. С. 413
Тит, Флавий Веспасиан 105
Траян, Марк Ульпий 105

Фалес 69, 413, 416

Хмельницкий, Богдан 69

Цицерон, Марк Туллий 100, 128, 353, 373, 415, 458

Эзоп 81
Эпикур (Епикур) 68, 100

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Астрономия 399, 404

Благо (благополучие) 231, 235, 239, 315, 360, 391, 444
Блаженство 115, 120, 164, 172, 177, 187, 192, 202, 267, 283, 285, 287, 354, 357, 360, 363, 413, 433, 437, 438
Богатство 417, 420, 445, 452
Бытие 75, 101, 114, 134, 144—146, 148, 149, 236, 383, 449

Вера 91, 113, 116, 117, 119, 129—131, 136, 149, 150, 152, 155, 171, 185, 190, 195, 212, 251, 264, 265, 285, 286, 289—293, 305, 319, 346, 347, 351, 370, 378, 387, 388, 395, 415, 444, 452
Вечность 74, 83, 91, 149, 150, 154, 159, 164, 173, 237, 240, 244, 261, 262, 282, 283, 292, 341, 365, 368, 373—375, 377, 379, 392, 393, 402, 404, 406, 407, 411, 429, 453, 456.
Вещество 113, 143, 150, 340, 342, 347, 355, 356
Вещь 74—76, 384
Видимость 118, 130—132, 137, 139—141, 146—148, 192, 199, 201, 280, 347, 430

Власть 180, 200, 250, 334, 358, 420, 437, 448, 449
Воля 58, 59, 66, 67, 75, 114, 116, 120, 177, 191, 200, 294, 334, 335, 417, 420, 437, 446
Время 58, 63, 64, 76, 143, 146, 147, 150, 152, 154, 181, 197, 201, 203, 206, 208, 217, 231, 253—255, 266, 285, 293, 296, 297, 306, 307, 309, 312, 319, 324, 325, 329, 332, 334, 351, 353, 354, 356, 362, 367, 369, 372, 375, 381, 382, 389—391, 400, 414, 418, 437, 443, 444
Вселенная 66, 132, 135, 161, 250, 259, 270, 283, 295, 303, 334, 337, 341, 393, 402, 429, 457

Дело (деланне) 115, 116, 118, 119, 123, 151, 189, 199, 201—203, 230, 245, 248, 258, 267, 283, 287, 299, 300, 315, 317, 322, 327, 330, 343, 360, 363, 377, 397, 417, 419, 420, 422—424, 426, 427, 430, 435—438, 440, 443, 445, 447—452, 459
— сродное 100, 354, 433, 434, 442
— несродное 431, 433, 447
Добро 71, 87, 98, 148, 166, 189, 209, 231, 299, 313, 363, 364, 377

Добродетель 77. 78, 101, 120, 149, 315. 333, 343
— и порок 431
— и труд 107
Дружба 80. 95, 103—106. 134. 172. 245. 310, 334, 395, 415, 423. 427, 449, 458

Единство 95, 292. 300. 320. 387, 414
Естество 100. 117. 161. 162. 222, 254, 262. 266. 276. 283, 288, 299, 312, 317, 319, 342. 346, 347, 376. 393, 414, 417, 419, 420, 428, 430, 446, 450, 457

Живопись 132. 268, 319, 323, 354, 362, 433, 449, 454
Жизнь (живот, житие) 58. 59, 63—67, 71, 76. 79. 91, 93. 96. 97. 101. 106. 117. 121, 138, 139, 141, 142, 147, 149, 152, 154, 158. 159, 162, 163. 164, 176. 177, 179, 180, 208. 216. 219, 224, 229, 232, 235, 246, 248. 250. 255, 256, 266, 269, 272, 276. 284. 287. 290, 295. 296. 303. 304. 311. 313. 314. 318, 328. 330, 332—335, 339, 341, 343—345. 348—353. 355—357, 360. 366—368. 372, 374, 375, 377, 378, 380. 381, 383. 393, 394. 402, 408. 412, 418, 420, 423, 430, 431, 436, 439. 440, 442. 444. 445. 447, 450, 452, 455, 459, 461

Закон 88. 89. 101, 105. 111. 114, 159, 160. 161, 166, 182, 191, 196, 200. 209. 216. 249, 284. 285, 336, 338. 356, 360, 402, 437, 441. 451. 453
— духовный 98, 120, 121, 152, 164. 194, 205, 206, 223, 230, 319, 320, 414, 418, 421
Зло 85, 90, 166, 180, 189, 230, 231, 235, 240, 260, 337, 351, 357, 368, 396
Знание 85, 90, 184, 277, 343, 388, 413

Идолопоклонник 130, 193, 199, 318, 453
Искусство 118, 163
Истина 79. 80, 91, 106, 112, 117, 120, 123, 129, 130, 131, 134. 140. 144, 145, 154, 155, 168, 169, 173, 179, 182, 191, 200—202. 205, 209—213, 216, 217, 228, 231, 234, 236, 238, 263, 285. 288, 300, 301, 304—306, 317, 322, 323, 329, 330, 339, 340, 346, 348, 349, 361. 369, 371, 373, 377, 378, 381, 387, 398, 403, 404, 413, 414, 424, 425, 429, 430, 444, 448
— и ложь 78, 256. 284

Красота (краса) 122, 131, 139, 141. 157, 158, 172. 189. 231, 348. 373, 384, 398, 400, 401, 427. 442. 452
Кураж 121, 417, 420, 434

Ложь 79, 106, 130. 144, 171, 180, 182. 185, 211. 249, 256—258. 267, 278, 279, 281, 300, 332, 358. 448
Любовь 57, 83, 95, 105, 107, 111. 119—123, 139, 144, 145, 148, 150, 154, 155, 163, 176, 190, 193, 228, 230, 242. 263, 265, 286, 289. 304. 317, 320, 336, 345, 346. 359, 362, 380, 385, 387, 395, 403, 426, 433, 443, 456, 458

Материя
— определение 113 (см. также вещество, тварь, тень)
Мера 94, 135, 202, 307, 376, 382, 407, 408, 409, 412
Мир (покой) 58, 59, 64, 68, 76, 195, 199, 203, 209, 217, 223, 231, 232, 239, 244, 248, 251, 284, 302, 307, 309, 311, 313, 326, 330—359, 361, 363, 367—369, 372, 375, 383, 388, 412, 413, 415—417, 420, 422—424, 429, 434, 436, 440, 443, 447, 449, 452, 455
Мир 65, 71, 73, 74, 91, 96, 105, 106, 114, 123, 125, 147, 149, 156, 161, 183, 190—192, 195, 238, 256, 264, 286, 287, 295, 298—300, 305, 310, 312, 319, 323, 326, 328, 330, 332, 337, 338, 345, 357, 364—366, 369, 370, 373, 380—383, 394, 397, 418, 419, 421, 429, 446, 451, 453, 455, 457—459
— микрокосм 143
— символический 311
— первородный 306, 307, 309, 336, 346
— временный 346
Множество 326, 327, 383
Мудрость 69, 71, 73, 74, 122, 155, 156, 202, 356, 361, 368, 379, 391, 413, 415, 427—430, 440
Мысль 129, 131, 133, 135—137, 139, 142—144, 151, 154, 161, 169, 170, 172, 195, 198, 199, 201, 203, 214, 215, 220, 221, 266, 268, 284, 285, 313, 315—317, 327, 330, 331, 333, 335, 341, 348, 351, 357—360, 366, 367, 373, 374, 390, 399, 404, 433—436, 451
Надежда 146, 152, 217, 247, 256, 261, 263, 265, 353, 357, 362—364
Народ 83, 89, 96, 113, 114, 186, 191, 260, 284, 302—304, 327, 423, 434, 446, 447, 450
Натура 132, 304, 318—321, 334, 335, 342, 368, 370, 419—421, 423, 429, 430, 432—434, 438, 442, 459
— блаженная 66, 95, 100, 300, 348, 439, 455
— вечная (божественная) 346, 347, 415, 417
— видимая 113, 149, 346
— невидимая 113, 149, 347
— тленная (телесная) 346, 348
Наука 85, 88—90, 95, 105, 111, 194, 323, 324, 327—329, 331, 354, 355, 360, 372, 417, 429, 421, 426, 430, 442, 443, 445, 449, 451, 454, 459, 461
Начало 90, 105, 117, 127, 133, 134, 138, 143, 157, 165, 177, 178, 183—185, 203, 208, 213, 241, 280, 283—285, 291, 299, 309, 319, 332, 333, 339, 341, 342, 347, 357, 358, 360, 363, 374—376, 378, 380—384, 386, 392, 394, 397, 403, 413, 416, 417, 445
Невежество 421
Неверие 99, 130, 347
Невидимость 118, 130—133, 138, 141, 146, 147, 348, 382
Незнание (неведение) 155, 417
Несродность 90, 104, 438, 439, 449
Несчастье 99, 215, 245, 317, 320, 322, 347, 351—353, 356, 417, 418, 433

Нечто (нечтось) 93, 178, 353, 382, 423, 425, 429, 430, 432
Ничто 76, 78, 83, 124, 127, 129, 131, 139, 143, 147, 149, 178, 180, 184, 220, 221, 229, 236, 251, 259, 275, 283, 311, 322, 347, 348, 357, 379, 380, 382, 383, 392, 394, 398, 407, 408, 414, 417, 419, 420, 422, 423, 430, 435, 436, 441, 445, 446, 453

Образ 79, 97, 98, 106, 117, 120, 125, 131, 174, 175, 176, 178, 179, 243, 247, 253, 268—270, 302, 362, 368, 373—388, 394, 396, 401, 404, 406, 409, 423, 429, 436, 438, 452, 454, 459
Обряд 116, 120
Общество 105, 116, 119, 418, 424, 428, 431, 440, 441, 451
Откровение 170, 229, 309

Познание 133, 136, 158, 203, 204, 208, 216, 224, 256, 359, 368, 414
Правда 107, 120, 130, 141, 143, 144, 150, 153, 156, 159, 160, 166, 168, 173, 179, 189, 194, 197, 203, 208, 211, 213, 218, 219, 224, 228, 231, 235, 236, 238, 248, 251, 260, 274, 283, 298, 304, 306, 316, 329, 333, 341, 348, 349, 354, 355, 358, 363, 369, 370, 375, 387, 391, 395, 396, 411, 423, 437, 441, 447, 451, 452, 454
Практика 85, 442, 445
Предание 120, 121
Природа 59, 86, 89, 90, 103, 106, 142—145, 300, 312, 315, 319, 338, 342, 348, 368, 377, 396, 406, 414, 418, 419, 421—426, 431—433, 437—447, 451, 454, 458, 459, 461
Причина 117, 143, 196, 209, 216, 219, 251, 275, 297, 315, 324, 329, 360, 368, 372, 394, 416, 418, 423, 432
Пропорция 114, 132, 133, 408, 433
Пространство 342, 370, 371

Равенство 437, 439
Радость 66, 178, 183, 199, 207, 223, 230, 251, 271, 287, 310, 313, 316, 320, 332—335, 344, 361, 362, 368, 369, 382, 389, 417, 419 (см. также кураж)
Разум 57, 64, 71, 74, 85, 107, 115, 117, 153, 190, 203, 220, 242, 252, 272, 293, 295, 297, 334, 339, 344, 357, 361, 364, 383, 391, 392, 409, 429, 436, 459
Речь 84, 116, 117, 134, 141, 153, 163, 166—168, 172, 216, 218, 250, 251, 258, 269, 273, 277, 278, 284, 288, 301, 303, 311, 322, 348, 356, 372—374, 387, 396, 402, 418, 436, 458
Роскошь 453 (см. также богатство)

Символ 250, 251, 281, 373, 374, 379, 387, 391, 392, 406, 452
Симметрия 114, 133, 135, 285, 286
Смерть 57, 76, 99, 100, 138, 145, 147, 148, 154, 159, 164, 185, 189, 193, 210, 224, 228, 295, 238, 246, 250, 266, 286, 289, 293, 299, 304, 308, 333, 338, 343, 346, 347, 358, 369, 375,

378, 388, 394, 403, 431, 437, 441, 444, 457, 461
Совесть 58
Состояние (стать) 85, 86, 96, 105, 106, 159, 324—326, 418, 420, 421, 446
Сродность 85, 90, 100, 258, 421, 422, 425—427, 437, 438, 440—443, 448, 452 (см. также труд)
Стихия 254, 256, 304, 305, 307—312, 342, 350, 357, 358, 365, 374, 397, 399, 404, 408, 446
Страсть 97, 121, 137, 154, 210, 270, 368, 434, 450
Страх 97, 98, 105, 107, 115, 117, 150, 155, 183, 186, 199, 227, 228, 336, 340, 357, 363, 364, 368, 417, 440, 441, 445, 451
Существо 85, 118, 131, 147, 215, 262, 346, 372, 420, 449, 456
— как сущность 74, 75, 141, 142, 159, 197, 324, 428, 448, 449
Счастье 61, 62, 107, 112, 117, 118, 147, 157, 195, 245, 247, 257, 307, 313—318, 320—325, 327—329, 333, 335, 345, 352, 354—356, 360, 363, 368, 372, 412, 414, 416, 417, 421—427, 432, 433, 437, 438, 440—443, 454

Таинство 365, 404
Тварь 64, 96, 100, 112, 114, 118, 123, 133, 135, 144, 147, 155, 218, 245, 301, 311, 319, 354, 355, 373, 375, 377, 383, 391, 397, 401, 427, 432, 437, 442, 443, 458
Тело 105, 113, 114, 125—128, 133—138, 145, 172, 222, 256, 299, 302, 307, 313, 317, 323, 330, 336, 342, 343, 346, 348, 363, 368, 371, 380, 385, 395, 426, 435, 436, 442, 445
— духовное 145, 197, 211, 290
— тленное (болван) 145, 148, 161, 173, 194, 252, 259, 282
Тень 79, 120, 147, 161, 175, 183, 202, 209, 228, 251, 256, 259, 260, 262, 275, 277, 278, 280, 281, 298, 299, 301, 305—307, 310, 327, 356, 367, 378, 380, 381, 384, 386, 387, 392, 403, 414, 430, 435, 437
Тление 91, 122, 148, 149, 180, 217, 283, 376, 393, 399, 403, 414
Точность 134 (см. также истина)
Труд 77, 93, 99, 112, 140, 159, 240, 259, 281, 312, 316, 340, 345, 347, 351, 418—422, 431, 433, 440, 443, 445
— сродный 100 (см. также сродность)
— несродный 90

Удовольствие 98, 107, 121, 145, 165, 192, 313, 327, 420, 421

Фигура 64, 72, 101, 106, 114, 132, 133, 146, 247, 249, 268, 270, 274, 280, 373—380, 384, 385, 387, 391—393, 396—398, 401, 403, 404, 406, 438, 455—457
Философия 190, 305, 429

Христианин 318, 326, 345, 414, 449, 453

Церемония 202, 208, 209, 211, 273, 306, 348
Церковь 133, 135, 193, 206, 261

Человек 61, 64, 67, 73, 74, 77, 80, 89, 98, 105, 111, 114, 115, 119, 120, 123, 124, 126—133, 136, 139, 141, 142, 145, 147, 151—154, 159—163, 166—168, 177, 179—182, 186, 188—190, 197, 198, 200, 201, 205, 206, 208, 209, 216, 219, 221—224, 226, 229—232, 236, 237, 241, 249, 251, 254, 256, 258, 268, 269, 272—280, 283, 289, 291, 298—307, 310, 311, 314, 317, 321—326, 330, 332, 334, 341, 343, 346, 349, 351, 354, 358, 360, 365, 368, 370, 375, 379, 380, 384, 391, 395, 397, 398, 402, 409, 414, 415, 419, 420, 423, 425—430, 435—437, 439, 441, 442, 447—449, 455
Честность 82, 89, 95

Язычник 178, 181, 185, 186, 188, 189, 193, 234, 244, 293, 318, 347, 365, 390, 397, 400, 407, 425, 443, 457
Язычество 456

СОДЕРЖАНИЕ

И. В. Иваньо, В. П. Шинкарук. Философское наследие Григория Сковороды 5

ПЕСНИ. СТИХИ. БАСНИ

САД БОЖЕСТВЕННЫХ ПЕСЕН 57
Песнь 10-я . . . . . —
Песнь 11-я 58
Песнь 12-я . . . . . —
Песнь 13-я 59
Песнь 18-я 60
Песнь 21-я 61
Песнь 22-я 62
Песнь 23-я 63
Песнь 24-я 64
Песнь 28-я 65
Песнь 30-я 67

СТИХОТВОРЕНИЯ 69
De libertate . . . . . —
Fabula . . . . . —
Fabula de Tantalo 70
Фабула 71
Похвала астрономии 72
Quid est virtus? 73
Разговор о премудрости . . . . . —
О святой вечери, или о вечности 74
О призрачном удовольствии 76

БАСНИ ХАРЬКОВСКИЕ 78
Басня 1. Собаки 80
Басня 2. Ворона и Чиж . . . . . —
Басня 3. Жаворонки 81

Басня 4. Голова и Туловище . . . . . —
Басня 5. Чиж и Щегол 82
Басня 6. Колеса часов . . . . . —
Басня 7. Орел и Сорока 83
Басня 8. Голова и Туловище . . . . . —
Басня 9. Муравей и Свинья . . . . . —
Басня 10. Две курицы 84
Басня 11. Ветер и Философ 85
Басня 12. Оселка и Нож 86
Басня 13. Орел и Черепаха 86
Басня 14. Сова и Дрозд 87
Басня 15. Змея и Буфон . . . . . —
Басня 16. Жабы 88
Басня 17. Два ценных камушка: Алмаз и Смарагд . . . —
Басня 18. Собака и Кобыла 89
Басня 19. Нетопырь и два птенца: Горлицын и Голубицын 90
Басня 20. Верблюд и Олень 91
Басня 21. Кукушка и Коспк 92
Басня 22. Навоз и Алмаз 93
Басня 23. Собака и Волк 95
Басня 24. Крот и Линкс 96
Басня 25. Лев и Обезьяны 97
Басня 26. Щука и Рак 98
Басня 27. Пчела и Шершень 99
Басня 28. Оленица и Кабан 101
Басня 29. Старуха и Горшечник 102
Басня 30. Соловей, Жаворонок и Дрозд 103

ТРАКТАТЫ. ДИАЛОГИ

НАЧАЛЬНАЯ ДВЕРЬ К ХРИСТИАНСКОМУ ДОБРОНРАВИЮ 111

Преддверие . . . . . —
О боге 113
О вере вселенской . . . . . —
О промысле общем 114
О промысле особенном для человека . . . . . —
О десятословии 117
Об истинной вере 119
Благочестие и церемония — разнь 120
Закон божий и предание — разнь . . . . . —
О страстях, или грехах 121
О любви, или чистосердечии . . . . . —

НАРКИСС 122
Разглагол о том: Узнай себя . . . . . —
Пролог . . . . . —
Чудо, явленное в водах Наркиссу 125
Разговор о том: Знай себя 126
Разговор 2-й о том же: Знай себя 131
Разговор 3-й о том же: Знай себя 134
Разговор 4-й о том же: Знай себя 140
Разговор 5-й о том же: Знай себя 146
Разговор 6-й о том же: Знай себя 149
Разговор 7-й. Об истинном человеке или о воскресении . . 153
Симфония, сиречь согласие священных слов со следующим стихом: *«Сказал: сохраню пути мои, чтобы не согрешать языком моим...»* 163

СИМФОНИЯ, НАРЕЧЕННАЯ КНИГА АСХАНЬ. О ПОЗНАНИИ САМОГО СЕБЯ 172
Главизна книги сей 173
Симфония . . . . . —

БЕСЕДА, НАРЕЧЕННАЯ ДВОЕ, О ТОМ, ЧТО БЛАЖЕННЫМ БЫТЬ ЛЕГКО 244

БЕСЕДА 1-я 266
Нареченная Observatorium (Сион) . . . . . —

БЕСЕДА 2-я 283
Нареченная Observatorium specula, по-еврейски — Сион . . —

ДИАЛОГ, ИЛИ РАЗГЛАГОЛ О ДРЕВНЕМ МИРЕ 295
Основание диалога 296
Разглагол о древнем мире . . . . . —

РАЗГОВОР ПЯТИ ПУТНИКОВ ОБ ИСТИННОМ СЧАСТИИ В ЖИЗНИ (Разговор дружеский о душевном мире) . . 313

КОЛЬЦО 350
Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире 351

РАЗГОВОР, НАЗЫВАЕМЫЙ АЛФАВИТ, ИЛИ БУКВАРЬ МИРА 412
Песня . . . . . —
Дружеский разговор о душевном мире 416
Несколько окрухов и крупиц из языческого богословия . . 425
Басня о котах 432

Картина изображенного беса, называемого *грусть, тоска, скука* 433
Приметы некоторых сродностей 438
Сродность к хлебопашеству 440
Сродность к воинству 441
Сродность к богословию 443
Ход природных благовестников 445
Несколько символов, сиречь гадательных или таинственных образов, из языческого богословия 452
Fabula de Haedo et lupo tibicine 459
Басня Эзопова 460

ПРИМЕЧАНИЯ. УКАЗАТЕЛИ

Примечания 465
Указатель имен 501
Предметный указатель 502

Сковорода Г.

С44 Сочинения в двух томах. Т. 1. М., «Мысль», 1973.

511 с., 1 л. портр. (АН СССР. Ин-т философии. Филос. наследие).

Первый том включает произведения Г. Сковороды, написанные в 1750—1775 гг. Порядок размещения произведений позволяет проследить эволюцию философских взглядов Г. С. Сковороды. Том открывается сборником стихов «Сад божественных песен». Из «Сада» выбраны песни, представляющие ценность в философском отношении. «Басни Харьковские» и последующие произведения, среди которых и два недавно найденных — «Беседа 1-я» и «Беседа 2-я», характеризуют мыслителя как философа, поставившего в центре своей системы этико-гуманистическую концепцию. Том завершает «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира».

С $\frac{0151\text{-}073}{004(01)\text{-}73}$ П. И. 1Ф

ГРИГОРИЙ СКОВОРОДА

СОЧИНЕНИЯ

в двух томах

Том 1

Редактор *Л. В. Литвинова*

Младший редактор *И. Танана*

Оформление художника *В. В. Максина*

Художественный редактор *С. М. Полесицкая*

Технический редактор *М. Н. Мартынова*

Корректор *Т. С. Пастухова*

Сдано в набор 4 августа 1972 г. Подписано в печать 12 апреля 1973 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂, № 1. Усл. печатных листов 26,985 (с вкл.). Учетно-издательских листов 27,79 (с вкл.). Тираж 45 000 экз. Заказ № 404. Цена 1 р. 99 к.

Издательство «Мысль».
117 071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

интернет-магазин
OZON.ru
29343636